

ГЕОРГИЙ ЭФРОН

ДНЕВНИКИ

Том 1

Федеральное архивное агентство

Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)

Редакционный совет РГАЛИ:

Т.М. Горяева (*председатель*),

И.И. Аброскина, Л.Н. Бодрова, Е.В. Бронникова,

Н.Б. Волкова, С.Д. Воронин, Г.Ю. Дрезгунова,

А.Л. Евстигнеева, Е.Б. Коркина, Т.Л. Латыпова,

М.А. Рашковская, И.П. Сиротинская,

Е.Ю. Филькина, С.В. Шумихин

ГЕОРГИЙ ЭФРОН ДНЕВНИКИ

В двух томах

Том 1

1940–1941 годы

Издание подготовили
Е.Б.Коркина и В.К.Лосская

ВАГРИУС
Москва

УДК 882-94
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Э 94

Художник А.Рыбаков

Эфрон Г.С.

Э 94 Дневники: в 2 т. / Георгий Эфрон; подгот. текста, предисл.,
примеч. Е.Коркиной, В.Лосской. — М.: Вагриус, 2007.
Т. 1: 1940—1941 годы. — 560 с.

ISBN 978-5-9697-0474-9

«Есть у меня важный свидетель — сын», «умный и суровый Мур», — отмечала в письмах Марина Цветаева. Настоящие дневники, публикуемые впервые, — лучшее тому подтверждение. Записи юного Георгия Эфрона, охватывающие период 1940—1941 годов, являются уникальным документом последнего периода ее жизни.

Много рассказывает молодой человек и о себе: об учебе в школе, занятиях рисованием, встречах с девушками, бесконечном чтении русской и зарубежной классики... Большое внимание уделяет он политическим и военным событиям в СССР и за границей, и подчас его правильные прогнозы вызывают изумление.

Г.Эфрон оставил нам достоверное и глубокое повествование о своем времени и малоизвестных фактах жизни своей семьи.

УДК 882-94
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-9697-0474-9

© Е.Коркина, подготовка текста, предисловие, примечания, 2004

© В.Лосская, подготовка текста, предисловие, примечания,
перевод с французского, 2004

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2004

© Оформление. ЗАО «Вагриус», 2007

Предисловие

Начнем с конца. В начале 1944 года, в зимней Москве, первокурсник Литературного института Георгий Эфрон в учебных записях по истории ВКП(б) на отдельном листке набрасывает — в позапрошлом веке сказали бы «стихотворение в прозе», в прошлом, вероятно, просто «текст» — мы же склонны видеть в этом наброске последний автопортрет героя этой книги. Вот этот листок:

Я вышел из дому и пошел по широкой белой дороге.
Я шел с котомкой на плечах и с палкой в руке.
Светило солнце, пели птицы на деревьях.
Небо было синее, солнце желтое, трава зеленая, дорога белая.
Дорога белая. Путь далекий, дорога белая, куда ведешь ты меня?
Я достигну забытого замка, где лежит спящая красавица,
я достигну всего, я ничего не достигну.
Солнце закрыто тучами, дорога серая, трава поникшая.
Замолкли птицы, и деревья бессильно склонились к земле.
Дорога серая, путь далекий... Я иду обратно.
Я иду обратно и все более и более углубляюсь
в область неизведанного, непознанного,
в область неожиданного и непонятного.
В этой области ни солнца, ни света, ни неба, ни птиц.
Я все глубже проваливаюсь в пустоты мрака,
я брожу по темным скалам, я плаваю в подземном море,
я задыхаюсь. И я говорю себе:
— Иди. Путь далек до тихой гавани,
ибо силы нужны, и бодрость и мужество,
чтобы понять и принять¹ самого себя².

¹ В рукописи зачеркнут вариант: вынести и простить.

² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед.хр. 285. Л. 12.

Для того чтобы «понять и принять» (вынести и простить) самого себя, у автора оставалось несколько месяцев. 7 июля 1944 г. он погиб в своем первом бою вместе с сотнями рядовых солдат, обеспечивавших наступление Красной армии на 1-м Белорусском фронте. Так что слова о провале в пустоты мрака оказались не метафорой, потому что даже плита с его именем установлена на могиле неизвестного солдата в деревне Друйка. Он погиб так, как его безымянный ровесник из стихотворения А.Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

...Я не помню разрыва,
Я не видел той вспышки.
Словно в пропасть с обрыва,
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире
До скончания дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Но Георгий Эфрон готовился быть писателем, поэтому в предисловии и послесловии к «Дневникам» мы приводим некоторые из сохранившихся набросков его литературных опытов — эти петлички и лычки погибшего рядовым солдатом неосуществившегося писателя.

Сын Марины Цветаевой, Георгий Сергеевич Эфрон (1925–1944), начал вести дневник сразу после приезда с матерью в СССР в июне 1939 г., 14-летним мальчиком. Его большевский «Дневник № 1» (заголовок Г.Эфрона) утрачен вместе с бумагами сестры, Ариадны Сергеевны, при ее аресте 27 августа 1939 г. «Дневник № 2» начинается 4 марта 1940 г. в подмосковном Голицыне, последний из сохранившихся дневников — № 17 — кончается записью от 25 августа 1943 г., за месяц до отъезда автора из ташкентской эвакуации в Москву.

Очевидно, что не все дневники Г.Эфрона сохранились. Нет сведений о дневниках № 11 и № 12, а их отсутствие образует в общей хронологии записей лауну длиною во весь 1942 год. Нет записей последнего месяца его ташкентской жизни. Нет также никаких следов дневника с осени 1943 г., когда Г.Эфрон вернулся из Ташкента в Москву. Если он и вел его в отпущенные ему месяцы московской жизни до мобилизации в марте

1944 г., то, вероятно, он взял тетрадь с собой в армию, и этот последний дневник погиб вместе с ним. Но и с этими утратами свод сохранившихся текстов насчитывает около 800 страниц рукописей.

В авторской нумерации дневников есть некоторые особенности, о которых мы хотим сразу же предупредить читателей. Так, например, оконченный «Дневник № 5» хронологически продолжается несколькими страницами записей, озаглавленных «Отрывки к дневнику», а следующий за этими отдельными листами «Дневник № 6» состоит из пространной записи только одного дня; «Дневник № 9» начинается вслед за последней записью «Дневника № 8» в той же тетради с перерывом в три дня, и если здесь возможно объяснение, что новый дневник начинается хотя и в прежней тетради, но пишется на новом месте (в упомянутые три дня состоялся переезд в комнату на Покровском бульваре), то логики в нумерации ташкентских дневников мы не увидели. Дневники № 13–17 помещены под одной обложкой и, за исключением двух школьных тетрадей, большинство записей сделано на отдельных листах разного формата; ни физические, ни хронологические границы этих дневников, очевидные автору, посторонний взгляд не усматривает.

Все дневниковые записи отличаются аккуратностью письма, пометки в них почти отсутствуют, поскольку ошибочно написанное слово автор не зачеркивает, а заключает в скобки, даты всегда подчеркнуты или выделены красным карандашом, конец записи отмечен тем или иным графическим знаком. Поскольку в датах Г.Эфрон, как правило, очень пунктуален, обращают на себя внимание случаи их повторения: так, в «Дневнике № 7» две записи датированы 27 июня 1940 г., и две — 6 июля 1940 г.; в «Дневнике № 14» целых три записи датированы одним числом — 19 марта 1943 г.

Еще одной особенностью дневников Г.Эфрона является их двуязычность. Автор то страницами пишет на одном языке (русском или французском) с минимальными вкраплениями второго, то три-четыре раза в одной записи переходит с языка на язык. Для удобства чтения русские переводы пространных французских записей даются не в постраничных сносках, а сразу же за окончанием переводимого фрагмента.

И, наконец, отметим без комментария и такую, прежде не встречавшуюся нам особенность, когда новый дневник начина-

ется не только с продолжения последней записи предыдущего дневника, но с продолжения неоконченной в нем фразы (граница «Дневника № 9» и «Дневника № 10») или даже слова (переход «Дневника № 2» в «Дневник № 3»).

Дневники Георгия Эфрона в первую очередь привлекут к себе внимание потому, что он был сыном Марины Цветаевой и в последние два года ее жизни единственным и самым близким свидетелем и участником ее повседневного существования. Его записи постепенно разворачивают всю историю трагического противостояния Цветаевой ударам судьбы, обрушившимся на нее и на ее близких, иссякновения ее сил в этой борьбе и рокового исхода. Все эти месяцы, с первой страницы дошедших до нас дневников и до самого своего конца, мать была с ним неотступно; единственное исключение — ее поездка в Чистополь и последний день, когда его при ней не оказалось. Поэтому все то, о чем он рассказывает, передается на фоне ее постоянного присутствия. Цветаева брала сына с собой в гости ко всем своим знакомым, обсуждала с ним мытарства с поисками жилья, не скрывала от него своих волнений о судьбе арестованных близких. Таким образом, интерес дневников именно в том, что последние годы жизни Марины Цветаевой в СССР прослеживаются день за днем. Вплоть до каждой мелочи мы узнаем и проверяем все, о чем было уже известно или о чем можно было только догадываться.

Кроме того, дневники Г.Эфрона, бесспорно, ценнейший материал для профессиональных историков и читателей, небезразличных к прошлому. Политическая зрелость молодого автора позволяет тем, кому интересна история Второй мировой войны, понять, какую информацию можно было получать в Москве и как ее можно было толковать — вне всякой политической цензуры. Впервые в этих дневниках дается взгляд на советскую действительность — изнутри, конечно, но глазами человека, воспитанного на Западе, не во лжи и страхе, а в условиях свободы мысли. Такого документа, насколько нам известно, в России еще не было. Дневников почти не писали, а если что и писали, то все заучивали наизусть, как это делали Ахматова, Н.Я.Мандельштам и Солженицын, боясь обысков, арестов, конфискации, кражи. Это случилось и с дневниками Г.Эфрона — и в Болшеве, и в Ташкенте, но все же осталось немало интересных страниц. Более того, известно, что ничто не

исчезает так быстро и так бесследно, как материальная культура ушедшей эпохи. Она исчезает из памяти даже ее ежедневных свидетелей. Цены, маршруты трамваев, названия улиц, программы концертов, принятые нормы общежития, формы праздников и развлечений, регламент работы учреждений и тому подобные сведения восстанавливаются путем кропотливых архивных и библиотечных раскопок, и далеко не в полном объеме. Вероятно, нигде, кроме дневниковых записей частных людей, не сохранились, скажем, подробности жизни эвакуированных в столицу Средней Азии Ташкент — вся сложная система магазинов и распределителей, столовых и учреждений, от которых зависела жизнь каждого дня. Сколько хлеба выдавали на карточку иждивенца, чем кормили в столовой прикрепленного к ней гражданина, каков был ассортимент ташкентских базаров, как работали школы, больницы, железные дороги военного времени, — все это позволяет увидеть прошлое живым и с благоговением ощутить, что еще одна частичка общечеловеческого бытия не поглотилась пучиной забвения, а приобщена к истории.

И наконец дневники Г.Эфрона — психологический документ. Лейтмотив его короткой жизни — одиночество, которое определили причины прежде всего биографические. Его родная семья фактически распалась с отъездом в СССР в 1937 г. сначала сестры Ариадны, затем отца, Сергея Яковлевича Эфрона. Георгию было тогда 12 лет. Около двух лет он прожил в Париже с матерью, причем они оказались почти в полной изоляции из-за репутации С.Эфрона как разоблаченного агента НКВД. Приезд в Москву в июне 1939 г. и воссоединение семьи на большевской даче завершились новыми испытаниями. На глазах Георгия в августе была арестована его сестра, а в октябре отец. Так, в 14 лет, он навсегда лишился семьи. Снова жизнь вдвоем с матерью, и снова они в вынужденной изоляции, как приехавшие из-за границы, как родственники подследственных. Через два года, в августе 1941 г., Георгий потерял и мать. Ему было 16 лет. И оставшиеся три года своего короткого пути он прожил в круглом одиночестве и так же одиноко и безвестно окончил свою жизнь. Ему было 19 лет.

После последней записи ташкентского дневника (№ 17, 25 августа 1943 г.) мы только пунктирно можем восстановить жизнь Георгия Эфрона последнего (неполного) оставшегося ему года.

Елена Коркина, Вероника Лосская

Судя по телеграмме тетке — Е.Я.Эфрон, он выехал из Ташкента 27 сентября 1943 г.¹ и в начале октября приехал в Москву. 11 октября Краснопресненский райвоенкомат выдает ему отсрочку от призыва до 15 октября, «для устройства дел», оставив у себя его паспорт и военный билет. Вероятно, ему помогает А.Н.Толстой, возможно, Н.С.Тихонов и А.С.Межиров — их адреса и телефоны сохранились в бумагах Г.Эфрона, — и он получает более длительную отсрочку. Устроившись на работу комендантом общежития метизного (принятое тогда сокращение, обозначающее различные металлические изделия) завода «Пролетарский труд», он пытается поступить в Институт иностранных языков, но в конце ноября 1943 г. с рекомендацией А.Н.Толстого Г.Эфрона зачисляются на первый курс Литературного института. Проучился он там чуть более трех месяцев². Но брони Литературный институт не давал, и 1 марта 1944 г. Георгий Эфрон был мобилизован. После обучения в запасном полку в подмосковном Алабине он в конце мая 1944 г. в составе маршевой роты отбыл на Западный фронт.

«Мальчиков нужно баловать, — им может быть на войну придется»³, — записала Цветаева в черновой тетради, когда ее сыну не исполнилось и двух месяцев, а Европа только начинала оправляться от последствий Первой мировой войны. Но у матери сердце — вещун.

*Елена Коркина,
Вероника Лосская*

¹ РГАЛИ. Ф. 2962. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 12.

² Об этом времени его жизни см.: *Мошковский А.* Георгий, сын Цветаевой // Октябрь, 1999, № 3.

³ *Цветаева М.* Неизданное: Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. С. 353.

Дневники

Том 1

4 марта 1940 — 30 августа 1941

ДНЕВНИК № 2

Дневник № 1 взят вместе с письмами, книгами Али, моей сестры, и обрывается на 27^м августе 39го года. Этот начинается 4 марта 40го года.

4/III-40

Сегодня седьмой день как я лежу. Грипп оказался воспалением легкого, и теперь, наверное, придется лежать долго. Пока что нет никаких перспектив, кроме одной, всё той же: освобождения папы и Али. Очень хотелось бы летом поехать на море, в Коктебель. Доктор сказал, что общее мое состояние ослаблено. Я думаю, что на море бы я возродился, стал бы сильнее... Но все это пока мечты, самые глупые и зачаточные. Вообще, конечно, все это какая-то каша. Приехал в Союз, поступил в школу с месяцем опоздания из-за провала на экзаменах художественной школы, проучился месяц и две шестидневки. За это время арестовали всю семью Львовых, папу и Алю. Я и мама съехали с опустевшей дачи и, прежде чем переехать в Голицыно, сюда, прохлопотали два с половиной месяца. Правда, здесь я сначала учился с учителем математики, а потом уж и поступил в школу. Здесь я проучился месяц и одну шестидневку и, как говорю выше, лежу семь дней. Наверное, завтра приедет Муля — я этому очень рад, потому что его посещение внесет изменение в скучной монотонности моего существования. Я все время лежу в кровати, читаю, рисую, ем и сплю. Врач запретил учение, ина-

че я бы учился: как выдержу весенние испытания? Меня, по всей вероятности, ожидает приятная перспектива: второгодничать следующий учебный год в седьмом классе. Я большого роста, и так сейчас больше всего класса, а что будет следующий год? Я стараюсь об этом не думать. А чорт со всем! Я в школе хорошо учился, а все остальное — не моя вина, хотя это и слабое утешение. Конечно, главное, самое наиглавнейшее — это дело папы и Али, над которым я ломаю себе голову. Уже есть один факт: сын Львовых, Алеша, выслан на 8 лет в Княжий Погост, около Архангельска. Наверное, все это дело решено будет уже к лету, во всяком случае, я думаю, что к лету, скоро, мы будем знать дальнейшую судьбу папы и Али. Мать говорит, что на лето мы ничего не будем решать, так как наша судьба зависит от судьбы папы и Али. Действительно: или дело не кончится, и мы будем прикованы к Москве, так как нужно узнавать о них и вносить передачу; или они будут оправданы, и тогда я ставлю большой вопросительный знак во всех отношениях; или они будут высланы, и тогда мать не будет в состоянии ехать куда бы то ни было. Вот и все три предположения. Так значит, в связи с неуверенностью моего близкого будущего у меня не может быть никаких перспектив, которые бы украшали мое теперешнее состояние и всю теперешнюю скуку. Т.е., конечно, я мог бы мечтать о веселом лете в Коктебеле, знакомствах с какими-нибудь девушками, купании и все т.п., но к чему? если все это может полететь к чортовой матери? Так вот и приходится жить довольно-таки пустой жизнью и принимать банки. У меня очень много поводов для возмущения и недовольства своей жизнью, но что? Все равно охи и ахи не помогут ничему и никому. Нужно ждать. Ждать окончания болезни, окончания дела отца и сестры, и не нужно терять терпения. В этом и есть главное.

6/III-40

Сегодня был Муля. В общем ничего нового, и всё на позициях. Он упорно надеется достать нам с матерью комнату в Москве. Возможно (50%), что достанет. Это будет здорово — близость со всеми, возможность развлечений, театров, лекций, кино, возможность видеться (для меня) с будущими и настоящими «друзьями» и возможность для матери быстро

решать свои дела. И я себя в большом городе всегда чувствую, как рыба в воде. Впрочем, зажигаться не нужно — очень возможно (50%), что все эти проекты полетят к черту. Мне почему-то кажется, что с Коктебелем не выйдет в это лето. Впрочем, все возможно. И может быть, если я поднажму на учебу, то смогу пройти испытания. Это очень важно. «Дома» — все то же: лежу, читаю (прочел Обломова), рисую (пачку новоиспеченных рисунков отправил с Мулей на просмотр художнику Мифасову), ем, пью, и довольно мало думаю, читаю газеты, слушаю «отчеты» матери о разговорах в доме отдыха, куда она ходит есть. Живу действительно каждодневно, каждочасно и каждоминутно. Сейчас придет бабка ставить банки. Конечно, все дело в том, как кончится дело папы и Али и дело Львовых (мужа и жены, так как Алеша выслан). Все дело в этом, и пока оно не кончится, все будет идти как-то криво. Я полагаю, что Львовых осудят, а отца и сестру выпустят (отец и сестра — честные люди, а те двое, да и Алеша, отъявленные лгуны). Впрочем, все может быть; и я надеюсь, что этот кошмар скоро рассеется. Не будут тянуть же вплоть до лета, до осени! Остается одно — ждать. Лежать сейчас, «работать» (учиться), когда выздоровлю, и надеяться всегда.

8/III-40

Сегодня — новость. Найдена Мулей в Москве комната. 11 метров. В Сокольниках. Впрочем, это, кажется, не Москва, но туда доходит метро. Не знаю, сколько это — 11 метров, но мне кажется, что это должна быть очень маленькая комната. Впрочем, наплевать, и то хорошо, что нашли. Комната на два года. Теперь, конечно, вопрос: останемся ли мы здесь до окончания школьных занятий (испытания кончатся 15го июня) или нет? Будет ли мать писать прошение о продлении путевки, и если будет, то удовлетворят ли это прошение? Это отчасти зависит от доктора, который скоро, кажется, должен приехать меня осмотреть и который скажет, можно ли мне будет учиться после болезни и когда я смогу встать. К тому же если мы порешим остаться здесь до конца учебного года, то нам придется переезжать в другую комнату, так как хозяйка сдает только до мая. Потом, если мы переедем в Москву, нужно будет нанять домработницу,

которая бы стояла в очередях, покупала бы и готовила. Во всяком случае — факт есть. Комната найдена. Конечно, будет противно, очень противно, если она окажется очень маленькой, но что же делать, если лучше нельзя найти. К тому же очень приятно иметь постоянное пристанище — «центр», и еще быть в центре по метро в четверть часа! И, кроме того, Москва — это большие преимущества во всех отношениях! Мать сможет решать все свои дела в два счета, раз есть метро и трамваи, я смогу делать визиты знакомым, ходить на лекции, в кино и театр. Не то что здесь: едешь час, в вонючем поезде, ни к кому в Москве не успеешь зайти, потому что торопишься не опоздать на обратный поезд в Голицыно, чтобы не пропустить обеда в доме отдыха. И там, в Москве, все мои знакомства, мне кажется, будут «расцветать», так как они сейчас «чахнут» из-за отдаления и расстояния с Москвой. Конечно, может быть, мы будем жить далеко от метро, но как бы там ни было, все же это в сто раз лучше, чем часовой вонючий здешний поезд. Десятого мать поедет в Москву по издательствам решать свои переводные дела и увидит, кстати, Мулю, от которого она узнает все подробности об этой комнате в Сокольниках. Я бы хотел, чтобы дальнейшее так развернулось: как только я выздоровлю по-настоящему, то поеду в город и вылечу зубы (2–3) у зубврача Литфонда. Потом, если мать подаст прошение и если продлят путевку (пока что она кончается 1го апреля), то буду здорово учиться и выдержу испытания (или нет), а там и переедем в Москву. К этому времени решится судьба отца и сестры, а там видно будет. Увидим дальше, удастся ли мой план или какая-нибудь неожиданность все перевернет.

9/III-40

Сегодня я остановился на вопросе: какие у меня есть друзья? Роль «старшего друга», советчика исполняет Муля (Самуил Гуревич). Этот человек, друг интимный Али, моей сестры, исключительный человек. Он нам с матерью очень много помогает, и без него я не знаю, что бы мы делали в наши сумрачные моменты. Муля работает с утра... до утра, страшно мало спит, бегаёт по издательствам и редакциям, всех знает, о всем имеет определенное мнение; он исключительно

активный человек — «советский делец». Он трезв, имеет много здравого смысла, солидно умен и очень честен; знает английский язык, был в Америке, служил в Военно-морском флоте. Муля исключительно работоспособен; нрав у него веселый, но, когда речь идет о деле, он становится серьезным и сосредоточенным. Он очень ловок и производит впечатление человека абсолютно всезнающего и почти всемогущего. Он очень любит мою сестру, и его любовь перенеслась на оставшихся членов нашей семьи. Я не считаю его непосредственно моим другом, но он мне нравится как человек симпатичный, который может дать кучу полезных советов, у которого есть юмор и который, несмотря на явную тенденцию к оптимистике, смотрит на все сугубо трезво и совершенно ясно. Во многих вопросах я бываю с ним абсолютно не согласен, но тем не менее я его очень высоко ставлю и глубоко ценю. Сколько он нам помогал! Он массу для нас сделал и замечательно помогал, когда было время. Он журналист, ему 35 лет, он смугл и имеет добрые, очень честные черные глаза. В общем он, как говорится, «вне конкурса» и является как бы нашим с матерью «попечителем». Кого я еще близко знаю? — Я всегда люблю поспорить с Котом (Константином Эфроном), моим двоюродным братом. Он глупее меня, смахивает на простецкие манеры, ненавидит «жирных» писателей, очень откровенен (даже груб), учится на Биофаке, ему 18 лет, одет он бедно, любит «жизнь на воле», весьма строгого мнения о людях, говорит басом, имеет довольно зверскую наружность (нависшие брови, глаза добрые, нос короткий и толстоватый, лоб низкий, голова бритая, начинает отрастать светло-шатенной щетиной). Он ненавидит халтурщиков и любит свои биологические экспедиции, любит ходить на лыжах. Я люблю его видеть, потому что всегда с ним спорю и это доставляет мне удовольствие. У него есть чувство юмора, тем не менее он не обладает моей легко-саркастической манерой спорить, и доводы его имеют сильнейший привкус простецкости. Он эгоист, и мать моя его за это не любит (да еще и за, как она говорит, «скотскость»). Он, впрочем, малый симпатичный, с ним можно поговорить и посмеяться, тем не менее его мировоззрение, идеология чужды мне. Он мне не настоящий друг, по многим причинам: потому что я не разделяю его взглядов, потому что у него не «тот» взгляд на жизнь, потому что, в сущно-

сти, мне на его Биофак наплевать, но он мне хороший товарищ (только в смысле собеседника, а не в смысле препровождения времени). Мои дальнейшие знакомства — все девушки: первое мое знакомство в Союзе было в Доме отдыха, здесь, где я познакомился с Иетой Квитко. Иета дочь еврейского писателя. Она просмотрела мои рисунки, оценила их; потом я зашел к ней в Москве (она художница), и она мне дала бумаги и показала, как нужно обращаться с масляными красками, дала красок и сказала, какие краски нужно купить. Она первая мне активно помогла по художественной части. Она не исключительно красива, но она приятная, довольно умная, была за границей, но я с ней как-то не сошелся (впрочем, сам не знаю почему, во всяком случае не из-за того, что ей 20 лет, а мне «только» 15 — мы с ней как ровня, а просто как-то, не знаю). Вторая моя знакомая — это Мирэль Шагинян, дочь писательницы Мар. Шагинян. Она симпатичная, не сложная девушка, взбалмошная, веселая, чуткая. У нее армянское лицо: смуглая кожа, нос длинноват, но в меру, глаза черные, стан гибкий, волосы черные. Она довольно резвая, довольно умна и, бесспорно, добра. Впрочем, все мои знакомые девушки добры. Она имеет какую-то восточную широту, веселость. Она, конечно, глупее меня, она не вдумчивая, но, в общем очень симпатичная. Конечно, она может нести чепуху, у нее не хватает логики и стройного взгляда на жизнь, но она коренно «хорошая» (хотя немножко избалована). Ее подруга неразлучная, Майя Гальперина (дочь писателя), тоже «хорошая» — она рассудительнее Мирэль, но более скучная, чем та. Она, пожалуй, и умнее Мирэль, но та «увлекательнее» и как-то имеет резче выраженный характер. С ними я познакомился в Доме отдыха, и они мне обещали (т.е. Мирэль) дать бумаги для рисования. Третья моя знакомая — это Майя Левидова (дочь журналиста-писателя Левидова, местного Свифта, очень едкого и остроумного человека с обезьяньим лицом). Майя обладает маленьким ростом и изящным телом. Она, бесспорно, красивее моих остальных знакомых. Она любит одеваться и всегда хорошо одета и элегантна. Она, так же как вышеописанные девушки, художница. У нее бойкий, легко воспринимающий ум, она имеет характер откровенный и порой — ненадолго — вспыльчивый. Я с ней не схожусь абсолютно по взглядам на искусство, и это служит причиной нескончаемых и всегда

исчерпывающих споров. Я с ней был в Музее нового западного искусства, ну и поспорили же мы там! Она ненавидит т.н. формализм в искусстве — я же его обожаю. И так далее. Майя наиболее привлекательна из моих знакомых девушек, и я люблю бывать у нее в доме, где она часто сцепляется с отцом и матерью. Мне нравится в Майе ее «нетронутость», хороший, хотя и вспыльчивый характер. И отец у нее очень умный человек — это сразу видно. Ну вот и все мои знакомые, а среди них нет настоящего, закадычного, «коренного» друга. Впрочем, это неудивительно. У меня нет «общего круга», нет среды, нет постоянного общения с людьми. Может быть, я не располагаю иметь друзей, потому что я ненавижу шаблон, банальность и не похож на других. В общем — наплевать — я никогда не нуждался в друзьях, меня просто всегда удивляло, что я не имел настоящего, постоянного друга (очень возможно, что такая дружба очень редка). Но я рад, что имею знакомых, в частности Мирэль и Майю Левидову. Они «развлекательны», и приятно с ними проводить время. Бесспорно существующие невидимые преграды между ними и мной не мешают сравнительной гармонии наших отношений. Если бы я поехал летом в Коктебель, там всегда летом живет Мирэль, и тогда бы там была бы, может быть, мне веселая компания, да к тому же Мирэль (студентка Изюинститута) могла бы мне помочь писать маслом (приятное с полезным). Очень возможно, что доктор запретит после воспаления легкого жару и купание, и тогда я уж летом не поеду в Коктебель. Впрочем, все может быть. На страницах этого дневника я буду писать точный отчет дальнейшего развертывания столь волнующих меня событий.

11/III-40

Узнал от матери кое-что о комнате. Мать там была и говорит: «Комната очень маленькая, 2^й этаж, центр. отопление, без ванны, до метро 3 трамвайных остановки — до центра 25 минут. Очень непривлекательные дома — впечатление унылое». Так. Но Муля эту комнату берет. Мать не знает, как мы сможем устроить все наши вещи в такой маленькой комнате. Но мне все равно. Раз Муля говорит, что и *это* почти невозможно достать и что *это* дешево и т.п., то что ж — остается только мириться с судьбой (в форме очень малень-

кой комнаты). Даже если будет там плохо — наплевать. Что меня очень беспокоит — это как будет себя там чувствовать мать (на кухне, соседи и т.п.), потому что мне всюду хорошо (или средне). Но в общем — рано беспокоиться — переедем мы в Сокольники в июне (когда окончу испытания, если доктор позволит учиться), а до тех пор, по всей вероятности, будем жить здесь, в Голицыне. Я совершенно уверен, что в Коктебель мы не поедем, но, впрочем, чорт его знает, как все это закристаллизуется. Мать говорит, что совсем около Сокольников (т.е. около того места, где мы будем жить) есть лес и парк и что «летом мы будем туда ходить гулять»... Нда... конечно. Потом меня интересует вопрос, в какую школу я пойду — в Сокольническую или в какую-нибудь московскую. Впрочем, увидим. Сейчас не нужно обо всем этом беспокоиться. Конечно, все это чрезвычайно несладко, но что же делать? Мы сейчас на самом низу волны — может быть, что окажемся скоро на верху этой волны. Такое систематическое чередование бед и неприятностей не может долго еще продолжаться. Я верю, что будут для нас и хорошие времена. Я верю, абсолютно уверен в том, что отец и сестра будут оправданы и освобождены. И это будет началом, как мне думается, нового течения нашей и моей жизни вверх, к чему-нибудь хоть немного похожему на счастье. Конечно, даже если это (оправдание и освобождение отца и сестры) и не будет сигналом для лучшей нашей жизни, что вполне возможно, то сам этот факт будет столь радостным, столь окрыляющим, что он затмит все остальное. Если отец и сестра будут освобождены, то это даст столько надежд на лучшее будущее, что эти надежды, даже и неоправданные, сделают на какой-то срок жизнь мою полноценнее, что по сравнению с моей теперешней жизнью означает очень много. Я знаю и убежден в том, что отец и сестра будут оправданы и освобождены. Конечно, этот вопрос для меня самый наиглавнейший, и он перекрывает все остальные вопросы, даже самые для меня насущные. Когда я начинаю сравнивать вопросы об испытаниях, возможной поездке в Коктебель с вопросом об освобождении отца и сестры, то эти вопросы, только что сильно меня волновавшие, делаются вдруг абсолютно микроскопические.

12/III-40

Сегодня – выходной день. Я почему-то хорошо себя чувствую (морально, потому что физически я все время хорошо себя чувствую). Не знаю – как-то хорошо, выходной день... Впрочем, по-настоящему этот день ничем для меня (в данном моем положении) не отличается от остальных дней, но мне приятно (может быть, отблески «старины»). Смутная надежда, что в выходной день что-нибудь будет интересное. Может, навестит Мирэль. Впрочем – все это пустяки пустяшные. За тонкой перегородкой глупые дочери глупой хозяйки ноют глупые романсы (боже, какая пошлятина!) и рассказывают сплетни, громко чавкая кофею. Чорт возьми! Есть дураки же на свете! Наши хозяйка (хозяйка и ее две дочери) – настоящие мещане. Странно – люди живут в Советском Союзе – а советского в них ни йоты. Поют пошлятину. О марксизме не имеют ни малейшего представления. Да чорт с ними! Наплевать. Все-таки странно. Попытался с ними говорить о международном положении – *ни черта* не знают! Абсолютно ничего не знают. А дочери хозяйки газеты читают, в пионеротряде состоят. Младшая дочь учится на «плохо» по всем предметам. Здорово! Не понимает, такая тварь, что по-настоящему – это вредительство! А еще поет оборонные песни. Эх, да что! Попытался ей объяснить – в ответ – ха! ха! ха! и – это не твоё дело. Не переносу мещан – это самые вредоносные, тупые и консервативного духа люди. А они (дочери) все поют свои романсы. Как не могут понять, что это за *колоссальная* пошлятина! Пищат, да и только. Наверное, в той комнате, в Сокольниках, будет страшный беспорядок из-за узкости и малости объема. Я ненавижу беспорядок; если бы я сам наводил порядок, то было бы всегда все на месте, но мать не имеет этого таланта, хотя очень и старается. Что ж! нечего делать, будет беспорядок. Мне-то что? Надоело все это. Впрочем, будем ждать: ждать доктора, ждать выздоровления, ждать освобождения папы и Али, ждать, ждать, ждать... Вся моя жизнь заключается в ожидании. Впрочем, может, все это как-то уравнивается, если буду ходить в школу снова, что возможно. Ждать, ждать, ждать. Ничего, нужно вооружиться большим терпением... и ждать.

14/III-40

Вчера был доктор. Позволил заниматься дома в течение двух-трех дней и, если не повысится температура — выходить на волю в течение получаса (3 дня), а потом, если температура не будет повышаться, и ходить в школу будет можно. Он сказал — никакого спорта, только прогулки и физкультура. И он не советует ехать летом на жару. Теперь есть два факта: никакого для меня спорта (из-за сердца — недоразвитое) и мы не поедем в Коктебель. И буду ходить скоро в школу. Тэк-с. Ну что ж — кроме Коктебеля, все это прекрасно. Доктор сказал, что мне нужно пойти просвечиваться в Москву. Кстати, я вылечу и зубы. Теперь я уверен, что если продлят наш срок пребывания в Голицыне, то я выдержу июньские испытания. После того как вылечу зубы и просвечусь, моя главная задача будет, слежа за здоровьем, поднапереть на учебу и выдержать испытания. Если все будет идти ровно, то этот мой план осуществится. Не знаю — мне кажется, что вышеупомянутая волна начинает вновь выносить мой и мамин корабль на самую верхушку. Увидим, что будет дальше. Вчера, 13го марта 40го года, заключен мир с Финляндией. Мне кажется, что это должно быть большим ударом для Англии и Франции. Будем ждать, что будет дальше в сложной международной политике. Мне все больше кажется, что наши дела (мои, мамыны, отца и сестры) шагают по хорошей дороге. Увидим.

17/III-40

Теперь я хожу завтракать в Дом отдыха — температура почти нормальная. Я решил пойти лечить зубы здесь, чем таскаться в Москву. Наверное, после того как вылечу зубы — пойду в школу. Я здорово отстал по химии. Ну, ничего — скажу преподавательнице, что ничего не понимаю, и пойду на консультацию. Самая скука, что хозяйка комнаты, где мы сейчас живем, сдает только до мая, так что, если удовлетворят прошение, придется переезжать в другую комнату, а в июне переезжать в Москву, в Сокольническую комнату. К тому же у матери очень мало денег. Как все это чертовски надоело! Два переезда за два месяца! ничего себе! Как все это скучно... Ну что — будем говорить даже по-оптимистски: выдержу здесь испытания, переедем в крохотную Со-

кольниковскую комнатку, где, наверное, будет замечательный беспорядок. Летом – пропала к черту поездка в Коктебель вследствие моего пошатнувшегося здоровья... а мать все говорит, что буду с ней гулять в лесу. Представляю себе: жара, кишачий народом лес, и я иду с мамой... Ха! смешно... Впрочем, надеюсь на то, что у мамы будут в это время переводы (нужно же деньги зарабатывать) и у меня будет сравнительная свобода (но как ее употребить? Впрочем, там видно будет...). Постараюсь записаться в иностранную библиотеку, буду ходить в читальный зал (может, несовершеннолетним нельзя, черт его знает... увидим, что-нибудь и придумаю). В общем, опять я возвращаюсь к поневоле «излюбленной» моей теме – к ожиданию. Да – действительно нужно ждать. А может быть, всегда нужно ждать в жизни. Конечно, моя теперешняя жизнь скучная, потому что неполноценная. А впрочем, может быть в 15 лет она и не может быть особенно интересной? Конечно, будет хорошо, когда я пойду вновь в школу. Хотя там у меня и нет друзей, но там весело и уроки занимают время. *A défaut d'autre chose – c'est ce qu'il y a – il n'y a rien à faire*¹. Все дело в конечном исходе дела отца и сестры – это самое главное, но нужно же жить каждый день! Главное – это не поддаваться пессимистическому настроению и хапать от жизни все то хорошее, что она может дать, как то: вкусная еда в Доме отдыха, тамошние разговоры, газеты, книги, школу, рисование. Приходится жить как-то плоско. Может, в Сокольниках будет просто интереснее из-за близости с Москвой. Поживем – увидим. А пока продолжаем: хапать и учиться.

18/III-40

Пишу после обеда, в 8 часов 5 мин. Я в хорошем настроении – пришел из Дома отдыха – там интересная компания: писатели – развлекательный народ. Вообще я вечером почти всегда в хорошем настроении, а утром и днем – в неважном. Сейчас в Доме отдыха сидел я против очень красивой женщины, болгарки, дочери писателя Стоянова и вышедшей замуж за испанца. Чорт возьми! Страшно подбадривает, как-то выносит к оптимизму вид красивой женщины. А она дей-

¹ За неимением другого – есть хоть это – ничего не поделаешь.

ствительно красива. У нее черные волосы, большие черные глаза, замечательный чувственный алый рот, главное губы — чорт возьми! Я очень давно не видел таких красивых и желанных. Говорит она по-русски плохо, но с таким, эх, акцентом! Муж у нее высокий, с черными усами, бровями, глазами, волосами. В общем, хорошая пара. Действительно, меня эта женщина, со своим чувственным обликом, здорово накачала энергией и надеждой на какое-то время, где я буду полноправным в своем счастье, буду, ха! ухаживать за красивыми женщинами, время моего блеска (конечно, в моей жизни будет такой период, это безусловно). А как она полузакрывает глаза. Здорово! И я тоже буду иметь и владеть сердцами! Может быть, это все и иллюзии, но я уверен, что по части женщин у меня в будущем здорово пойдет. Не знаю, меня как-то раскачал из скуки неприятных мыслей этот чувственный и соблазнительный облик. Если такой тип, как этот испанец, (впрочем, он симпатичный, я хочу только сказать, что в смысле целостности человека я его обгоню), если такой, говорю, тип, как этот испанец, мог выудить себе такую жену, то я и распроподавно! Нет! я еще твердо верю, что когда-нибудь будут, будут для меня хорошие денечки, незабвенные моменты, дружба, любовь, много ценного и незабываемого! Да! Будем стойко ждать и ковать свое далекое счастье, которое, конечно, когда-нибудь и придет. Завтра возвращаюсь в школу, после четырехшестидневочного отсутствия. Я этому рад. Приятно опять окунуться в глупую и веселую школьную жизнь, и я люблю пикантность того, что после школы я попадаю в Дом отдыха (завтрак) в совершенно противоположную духу нашего класса обстановку и атмосферу, и разговоры, и люди другие. Это действительно очень пикантное положение. Я люблю атмосферу Дома отдыха. Там сейчас живут: критик Перцов, очень симпатичный, но характер которого я пока не определил, критик Ермилов и критик Серебрянский. Эти 3 критика весельчаки и вместе с тем толково и интересно разговаривают о литературе и литературном мире. Остальные обитатели Дома люди симпатичные, но, исключая В.Финка, менее, на мой взгляд, интересные. (Молчаливый Гроссман — медведь, глухая М.Шагинян, авторитетный В.Финк, скучная старуха Ариан.) Приходят иногда эти «испанцы», и тогда я не могу наглядеться на эту болгарочку. Вообще, литературная среда

меня гораздо больше пленит, чем среда художников. Не знаю, что из меня выйдет. Я имею определенное, всепризнанное (как бы заштемпелеванное) художественное графическое дарование, но среды художественной не люблю (как-то уж слишком все там «творческое», с надсадом). Я имею большую тягу к литературе, критике, философии, но не знаю, имею ли в этом смысле какие-нибудь способности, так что будущее мое как-то неопределенно. В общем, поживем — увидим, я думаю, эти вопросы разрешатся как-то сами собой. Значит, завтра — школа. Нужно определенно учиться — это ближайшая цель (т.е. выдержать испытания). 21го, в 4 часа, пойду лечить зубы к голицынской врачихе. Ну вот, иду пить чай.

20/III-40

В школе — все хорошо. Ничего нового тоже нет. Стал вновь заниматься с завучем по алгебре и геометрии. Теперь я абсолютно уверен, что выдержу все испытания. Завтра, 21го, иду лечить зубы. В школе до того, как я пришел, привили нашим ученикам (7го класса) прививку от брюшного тифа — (брюшняк, sic¹). Скоро, наверное, и мне привьют. Нужно узнать от врача, который меня лечил, не может ли эта прививка подействовать на мое состояние (на сердце и т.п.). В общем — увидим. Эта прививка — новый ров на моем пути (в смысле скуки, волынки, температуры и того, что нужно дозваниваться до лечившего меня доктора и, если нельзя прививаться, добывать справку об этом), но мне — наплевать. Все как-нибудь да и устроится. В Дом отдыха приехал некий Пяст — странный субъект болезненно-эпилептического вида с собачьими глазами и страдающий определенной одышкой и грузно-неповоротливым телом, равно как и узкой головой с высоко-желтовато-морщинистым лбом. Видно, что этот Пяст чем-то опасно болен, но жалость, которую к нему по этому поводу испытываешь, оттеняется некоторым омерзением. Сегодня, говорят критики, приедет их собрат Корнелий Зелинский. Посмотрим, что это за индивидуум. В Доме — те же разговоры о людях литературного мира, те же бурно выраженные возму-

¹ так! таким образом (*лат.*). — Здесь и далее — указание на важность данного места в тексте или выражение иронического отношения автора дневника; встречается также с приставкой *ге* (и даже двойной *ге-ге*), выражающей повторность восклицания, а также подчеркивание иронии.

щения и радости Мариэтты Шагинян и те же сухари к вечернему чаю. Вполне возможно, что потом, *plus tard*¹, когда я отсюда уеду, мне будет скучно без писательского щебета и без той все-таки интересной и любопытной атмосферы, которая царит в Доме отдыха. С возобновлением моих школьных занятий я меньше думаю о моем будущем, и это, безусловно, хорошо, так как прикрывает мозг от бурь и надежд (в сущности, одинаково... глупых вещей). Тем не менее есть вещь, в которой я определенно уверен: это что наступит для меня когда-нибудь хорошие денечки и что у меня будут женщины... больше, чем у других. Это — здорово, и я в этом абсолютно убежден.

21/III-40

Сегодня вылечил один зуб — как говорится, «*et d'un*»². Хорошо. Получил отлично по географии — тоже хорошо. Вообще пока все идет сравнительно превосходно. Сегодня опять видел эту болгарку, и опять каким-то образом, когда я встретил ее жаркие черные глаза и замечательные губы, я накачался оптимизмом и абсолютной уверенностью в моей силе и в том, что я достигну всего того, чего захочу. Замечательное явление: коньяк или вино имеют аналогическое действие. Странно все-таки, что так на меня действует вид красивой женщины. Нет, действительно эта болгарка чудодейственна. Конечно, с такой приятно было бы поспать, но у меня в будущем будут такие же, по крайней мере, женщины. Приехал Зелинский — симпатичный и осторожный. Между прочим, я заметил, что мне вообще нравятся болгары. В Париже я был очень дружен с одной болгаркой, студенткой юридического факультета, и вообще мне болгары нравятся. В болгарских женщинах есть, бесспорно, какая-то чувственность во всем их образе, меня очень привлекающая. 24го я опять пойду лечиться, в час дня. Здорово. Когда я вылечу зубы, я буду себя чувствовать абсолютно всемогущим. У меня еще в Париже было абсолютное сознание огромной моральной силы. Это очень хорошо — обладать таким ощущением: оно помогает в трудностях жизни. С каждым днем

¹ позже.

² «номер один».

я все больше убеждаюсь в том, что для меня настанут хорошие дни, дни веселья и чувства силы, дни любви и обладания женщинами, дни радости удавшемся. Да! Будут эти дни, я в этом уверен. А если не будут, то что ж? – наплевать, значит, не суждено. Но эти дни, конечно, будут. Здорово все-таки действует на меня эта болгарка; чорт возьми – красивая! Действительно – что-то вроде безвредного опиума.

23/III-40

Сегодня не пошел в школу – не стоило, последний учебный день до каникул – к чему учиться? Завтра, в час, пойду лечить очередной зуб к врачихе. Теперь у меня шесть свободных дней, не считая этого, от 24го до 1го. Муля написал, что приедет 25го и привезет мне учебник французского языка 7го класса, перья Рондо и бумагу (все то, что я у него просил). Сегодня утром долго гулял – было очень приятно: ветер, хрустящий, блестящий от солнца снег, ели и пахнувшая бензином трасса Москва – Минск. Я люблю гулять только один, тогда можно по-настоящему думать и хапать приятные ощущения от природы, а со спутником всегда, рано или поздно, начинаешь нести белиберду. Эта утренняя прогулка накачала меня оптимизмом; завтра опять пойду так же гулять. Из Дома отдыха сегодня уезжает Мариэтта Шагинян – она читала свои переводы Низами – все говорят, что замечательно, а по-моему – скучно – слишком много глубокомысленных изречений и рассуждений. Я сейчас прочел «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлигу» Алексея Толстого – замечательно. Это – полет фантазии – вот это мне нравится, и не скучно читать, а очень интересно. Вот сейчас, например, – я. Жизнь моя, объективно говоря, не может быть названной плохой (был за границей, ест в Доме отдыха, видит культурных людей, ходит в школу), но и не может быть названной хорошей (отец и сестра арестованы, будущее – самое неопределенное, развлечений нет, товарищей и друзей тоже нет). Из всех совокупностей, составляющих жизненную обстановку и самое жизнь, я должен стараться выбрать самые ценные, иными словами, я считаю, что нужно наслаждаться. Наслаждаться прежде всего тем фактом, что я живу на земле и знаю значительнейшую часть того, что на этой земле делается. Наслаждаться тем фактом, что

я живу на свободе, не в тюрьме, что мне не угрожает на завтрашнее утро смертная казнь. Наслаждаться тем фактом, что я ничего не совершил такого, за что меня мог бы кто-либо преследовать. Наслаждаться тем фактом, что сегодня, завтра и так в течение некоторого времени я буду есть, пить и не подыхать с голоду. Наслаждаться тем фактом, что я имею дело с культурными и хорошо ко мне настроенными людьми, а не с дураками лупоглазыми, которые ничего не способны понять. Наслаждаться тем фактом, что мне в познании жизни еще пока закрыта одна лишь дверь, которая ведет к обладанию и наслаждению путем женщины, и что, бесспорно, мне еще предстоит открыть эту дверь и познать небезынтересные минуты и часы. Это важный фактор в укреплении необходимого оптимистического настроения. Наслаждаться уверенностью в том, что для меня еще настанут денечки, когда я перестану быть пятнадцатилетним «взрослым» и смогу говорить наравне со всеми. Очень возможно, что впоследствии, как это нередко бывает, я буду жалеть, и может быть горько жалеть, эти безвозвратные пятнадцать лет, но пока жизнь моя находится в стадии стремления вперед. Я должен наслаждаться каждой минутой моей жизни, чтобы иметь потом, в случае ухудшения жизни моей, о чем вспомнить, а в случае улучшения этой жизни, о чем подумать «свысока». Меня интересует, в каком возрасте я буду обладать моей первой женщиной? Один французский товарищ сказал мне в Париже, что он перестал быть девственником в пятнадцать с половиной лет; мне все-таки не думается, чтобы я смог достичь этого рекорда. Другой мой товарищ, уже в Союзе, потерял «флер д'оранжэ»¹ в 17 с половиной лет; интересно — побью ли я этот рекорд или нет? Поживем — увидим. Конечно, мне еще предстоят незабвенные часы. Этот факт меня здорово накачивает оптимизмом. Конечно — дело в том, буду ли я иметь у женщин <успех> или нет. Тот факт, что в СССР я сблизился, абсолютно не по моей воле, только с девушками, хорошо предзнаменует мою деятельность в этом смысле. Интересно, где лучше женщины умеют любить: здесь или в Париже. Конечно, смотря какая

¹ От фр. fleur d'oranger — цветы апельсинового дерева, которыми украшают фату невесты; fleur — цветок, в разговорной речи также означает невинность.

женщина — есть с темпераментом, а есть тряпки в этом смысле. У меня — огромная тяга к красивым женщинам и хороший неиспользованный запас чувственности. Критицизм, конечно, возопят о «разврате», «морали» и т.п., а дело только в простом человеческом чувстве. Да! Будут еще денечки, черт возьми!

25/III-40

Вчера, 24го пролечил и вылечил еще два зуба — здорово, я рад. Завтра — последний зуб пойду лечить. Сегодня был у учителя, я с ним занимаюсь алгеброй и геометрией три раза в шестидневку. Соседи ссорятся за перегородкой — вот дураки! Ничего нового нет. Я у всех выклянчиваю привезти мне из Москвы какие-нибудь номера «Интернациональной литературы». Чтение этого замечательного журнала доставляет мне истинное наслаждение. В Доме отдыха ничего не меняется да и не может измениться. Иногда споры; критики Ермилов, Зелинский, Перцов и Серебрянский — все веселые, культурные и симпатичные люди. Скоро — 28го, писатели нашего Дома отдыха проведут вечер с ребятами 8^х, 9^х, 10^х классов нашей (Голицынской) школы. Сегодня весь Дом отдыха, включая и директоршу, говорил о «больном месте» — т.е. о школе. В сущности — все это пустые разговоры. Не между собой надо говорить, а с преподавателями и учениками. По-моему, истинно талантливый преподаватель отлично совладевает с любым классом — в этом и все дело, чтобы были хорошие преподаватели. По-моему, нужно было бы устроить в нашей школе курсы «истории ВКП(б)» для всех желающих — это была бы замечательная штука. Болгарки я с последнего раза не видел и больше не гулял, так <как> простудился. Сейчас читаю книгу Мариэтты Шагинян «Мэсс-Мэнд»; эти два тома любезно подарила мне сама Мариэтта. От Мирэль, ее дочери, я получил желанную бумагу — теперь снова смогу малевать маслом свои безобразия. Муля сегодня не приехал — весьма очевидно, что был занят. Может быть, приедет завтра, а может, не приедет совсем — он страшно занят. Осталось пять дней до начала четвертой четверти и конца каникул. Я бы страстно хотел изучать английский язык, я его очень люблю, хотя Британию с Чемберленами, Хорами и Черчиллями не переносу. Хотелось бы изу-

чать марксизм, ходить в Новозападный музей, учить английский язык, но все это теперь невозможно. Ничего. Когда-нибудь все это и осуществится.

27/III-40

Я простудился — кашляю, чихаю, насморк и лежу (слег сегодня) с повышенной температурой — 37,5. Кажется, прививку делать можно. До начала школы осталось четыре дня — авось вылечусь за этот срок. А потом сделают прививку от тифа — дня три, может быть, пролежу, самое большое. Мать уехала в Москву — авось Муля догадается захватить с собой книжки, бумагу и перья и передать все это маме. Я думаю, что у меня грипп. Несолидный же я человек, что-то слишком много болею. Мать поехала на передачу. Сколько длится вся эта катавасия? Аля была арестована 27го августа и сидит в НКВД семь месяцев. Отец был взят 10го октября и сидит (после короткого пребывания в НКВД) в Бутырках 5 месяцев (и три шестидневки). Львовы были арестованы 7го ноября и сидят 4 месяца (и 20 дней), причем за эти четыре месяца и двадцать дней Алеша Львов «выбыл из строя арестованных», т.е. приговорен к 8 годам ссылки в Архангельскую область; Алеша сказал на свидании своей жене, что «я видел Алю, и это мне доставило большие неприятности». Вот и все. Муля смотрит на всю эту историю очень оптимистично — он говорит, что наши, конечно, будут освобождены, и говорит и думает это вполне искренно. Что ж, поживем — увидим.

28/III-40

Сегодня утром температура снизилась — 36,9. Вчера навестил меня критик Зелинский — он умный человек, с хитрецей. Он был когда-то во Франции — служил в посольстве — и знает Париж. Он меня ободрил своим оптимистическим взглядом на будущее — что ж, может, он и прав, что через 10–15 лет мы перегоним капиталистов. Конечно, не нужно унывать от трудных бытовых условий, не нужно смотреть обывательски — это он прав. Сегодня он едет в Москву и привезет мне книжек советских авторов и, главное, несколько номеров «Интернациональной литературы». И Серебрян-

ский обещал принести номер с половиной романа Стейнбека «Гроздь гнева». Я, конечно, к школе буду готов, а прививка может и не привиться (доктор Успенский, из Литфонда, говорит, что прививаются 4 из 500). Теперь я каждое утро занимаюсь русским языком, чтобы нагнать отставание (небольшое). Вчера мать привезла от Мули три учебника по французскому языку (6, 7, 8 класс), бумагу (теперь я на некоторое время обеспечен бумагой) и перьев Рондо (тоже обеспечен). Приятно читать опять по-французски – это замечательно красивый и элегантный язык. Сейчас напишу Мариэтте Шагинян (по настоянию матери) благодарность за ее книги (и с надписью – это ничего).

29/III-40

Сегодня, 29го марта 40го года, я и мать получили новый и громкий удар по кумполу. В чем этот удар заключается? Утром мать вышла на улицу и встретила Серафиму Ивановну (директоршу Дома отдыха), которая сообщила, что теперь мы должны платить в два раза больше, чем раньше. Конечно, мама этого платить никак не может. Тогда Серафима позвонила в Литфонд, и там сказали – пусть платит как раньше (т.е. – теперь за одного). Итак, теперь мы будем ходить в Дом отдыха и брать пищу на одного человека и делить между собою. Конечно теперь хождение в Дом отдыха! Будем, конечно, есть дома. Так, 29го, после 3^х месяцев и 16^{ти} дней общения с пребывающими в Доме отдыха прекратилось. Это – конечно, большой удар по кумполу, и мы опять внизу волны. Смешно! Брать пищу на одного человека и делить поровну! К тому же вчера мать, не зная нового решения, послала прошение о продлении пищевой путевки на старых условиях. Возможно, что продлят на новых условиях (плата за одного человека), а возможно, что не продлят совсем, а тогда школа полетит к чортовой матери. Вот скучища! Надоело. И все, мне смешно: пища на одного человека, брать, как воры, и не быть там за столом. Мне-то лично наплевать, но каково-то маме! И вдвое увеличили цену – это здорово! Во всяком случае, до 12го апреля есть еда (на одного, делимая на два), и мы остаемся пока здесь. Если продлят на тех же условиях, то мы останемся здесь до мая, а потом придется переез-

ДНЕВНИК № 3

-жать <переезжать> в другую комнату в Голицыне, чтобы я смог кончить здесь школу и выдержать испытания; потом переедем (после конца испытаний, в июне) в Москву, т.е. не в Москву, а в Сокольники, в крохотную комнатку. Нда! Перспективы, нечего сказать! И так несладко жить, и вот новый удар, который не только лишает нас много пищи, лишает собеседников, но и удар, который некрасивый и несправедливый. В сущности, наплевать. Посмотрим, что будет дальше.

30/III-40

Сегодня мать уехала в Москву. Теперь она каждый день ходит за едой в Дом отдыха. Унизительное положение! Что-то вроде нищенства, — нужно сказать спасибо Литфонду. Сейчас читаю — вернее, перечитываю замечательную книгу: Эрскин Колдуэлл, «Американские рассказы». Только что прочел книгу Паустовского «Колхида». Смех берет — если сравнить обе вещи. Сегодня утром написал картиночку маслом — ничего для начинающего. Послезавтра пойду в школу. Все.

1/IV-40

Вчера была жена Москвина — маме привезла папиросы, мне обещала привезти тетради (в которых я очень нуждаюсь, — в школе нет дневников). Вчера вечером был в Доме отдыха: сначала у Зелинского, потом у Гроссмана, куда пришли Зелинский и Любимова (она пишет детские пьесы). Потом я пил чай. Сегодня пошел в школу — там все то же самое. Зелинский привез «Интернациональную литературу», но этот номер я уже читал. Он поедет в столицу 4го и обещал еще кое-что привезти. Чему я научился во время моего пребывания в СССР? — Я научился жить каждым днем и не думать о будущем, раз это будущее все равно от меня абсолютно не зависит. Что хорошего в той комнате в Сокольниках? — То, что она близка (сравнительно) от центра, от Москвы и, следовательно, от развлечений. Единственное, что меня смущает, это — как будет мама с соседями, вернее, каковы будут взаимоотношения матери с соседями по кухне. Как бы не вышло скандалов, сплетен и т.п. Ну, ничего! Нужно жить каждым днем, я так и делаю и буду делать.

2/IV-40

Сегодня произошла прививка – так. В общем – здорово и не было больно прививать. Во всяком случае, эта штука ликвидирована. Пока температура не подымается. Укололи в живот – и он болит, но не очень, невелика беда. Сейчас читаю «Первые люди на луне», которые мне одолжил хрюкающий завуч. У этого завуча, у которого я беру уроки алгебры и геометрии, изрядная библиотека. Все продолжается по старому: я хожу в школу, мать ходит в Дом отдыха за пищей, происходит оттепель, немцы и англо-французы не двигаются, земля все кружится, как оголтелая. В общем, скучища – больше не получаю газет из Дома отдыха, ничего не знаю о происходящих событиях, но скучища спокойная – без перемен. Надеюсь, что узнаю до 12го, срок кончины нашей путевки, продлили ли эту путевку или нет. Я думаю, что продлят (подумаешь, одно питание на одного человека, и мы еще и платим). Мне вообще начхать, но пока живу и наслаждаюсь (конечно, относительно) жизнью.

5/IV-40

Сегодня ночью тошнило, и было расстройство желудка, а также здорово болел живот. Сегодня в школу не пошел, а валяюсь в кровати. Нарисовал две хорошие штуки, сделал русский письменный, решил две задачи по алгебре и теперь лежу просто так. Теперь почти каждый вечер я и мать ходим в Дом отдыха пить чай. Литфонд предоставил нам даровую путевку на 2 с половиной месяца (путевка для меня, чтобы мог окончить здесь учиться). Но у мамы нет денег, и она взяла, по советам Серафимы Ивановны, директорши Дома отдыха, эту путевку для нас двоих, и, таким образом, мы все же не будем ходить в Дом отдыха, но платить не будем ничего, кроме платы за комнату. Сегодня почему-то думал о Майе Левидовой – как-то не верится, что я у них бывал, и с ней говорил, и даже ходил в музей. Пока я езжу в Москву, но потом, когда переедем, остается вопрос – возобновить мне с ними отношения или нет? Хотя я и умнее Майи, гораздо умнее, но все же она как-то выше стоит, чем я: учится в художественном техникуме, сдает нормы на ПВХО, имеет товарищей, перед ней путь ясен, абсолютно – кон-

чит техникум, поступит в институт; она уже сейчас делает рисунки и картины маслом совсем «классически». Ее путь виден и ясен. Во всей совокупности этих фактов, в более широкой полноценности ее жизни, она, бесспорно, как-то выше меня, и это меня смущает. Я познакомился с семьей Левидовых посредством телефонного звонка Мули. Муля хотел меня познакомить с Майей для того, чтобы узнать кое-что о техникуме, где она учится, и куда я намеревался позже, в ту пору, поступить. После того как я узнал, что мне было нужно, я стал иногда к ним ходить. Они всегда были рады моим посещениям, но мне всегда чудится какая-то искусственность таких отношений. В сущности, я Майе ничего не приношу, и она мне ничего не приносит. Мы с ней ничем не связаны, кроме как абсолютно различными понятиями об искусстве и его целях. Я с ней был в Музее западных искусств, и мы неплохо провели время, но все-таки мы ничем не связаны. Последний раз я у них был 24го февраля: месяц и две шестидневки тому назад. Почему я к ним ходил? Потому что Левидовы люди культурные, особенно отец. Я всегда могу там поистине хорошо поесть. Майя, бесспорно, привлекательна, и, когда я от них ухожу, я как-то накачан оптимизмом и верой в хорошие для меня дни. А вместе с тем когда я смотрю на это со стороны, то мне кажется, что эти отношения ненормальные, не будучи, в сущности, ни на чем основаны, кроме того факта, что Левидов ценит и высоко ставит как поэта мою мать (хотя и не знает ее), и на телефонном звонке. Кроме того, тот интерес, неизбежный к человеку, недавно приехавшему из-за границы, постепенно и со временем утрачивается, что абсолютно понятно. Конечно, мне приятно глядеть на Майю и пить коньяк ее присутствия, но ей-то каково? Вот вопрос. Конечно, я всегда могу показать мои новые рисунки — это любит вся семья. Майя признает, что такого карикатуриста, как я, не найдется во всем их техникуме. Впрочем, я думаю, что этот вопрос об общении с Левидовыми (основанный, в сущности, на общении с Майей) как-нибудь разрешится, особенно когда я буду жить в Сокольниках, близко от Москвы. Интересно, как Майя выглядит в летнем платии? — Должно быть, здорово. Она и так хорошенькая в ее теперешней одежде, а в летней, наверное, совсем «зажигательна». Левидовы, конечно, куда-нибудь уедут на

лето, но, тем не менее, я надеюсь увидеть Майю еще до их отъезда.

Я стал гораздо меньше есть, и ничего, чуть ли не вегетарианские образы мыслей. Еда как-то мне опротивела; даже когда дают один обед на двоих, выходит слишком много на одного. Муля послал нам телеграмму, в которой говорит, что приедет 8го, т.е. через два дня. В этой же телеграмме говорится о том, что 12го приедет Гольцев, человек, который до сих пор «ведает» предоставлением маме работы по переводам. Мама поедет 10го в Москву. Все-таки жизнь, в конце концов, довольно интересная (с объективной точки зрения). Поживем — увидим, опять «старая русская поговорка».

9/IV-40

Вчера был Муля с Иришей — женой Алеши (сына Львовых). Ириша похудела, но все такая же веселая. Ссылка Алеши не очень ее угнетает; впрочем, она права. Я очень рад, потому что в Москве со вчерашнего дня идет новый американский фильм, который называется «Сто мужчин и одна женщина». В выходной день я на него пойду — Муля обещал достать билеты для меня, Ириши, мамы и себя самого. Ведь не шутка! Американский фильм в Москве! Я узнал от Мули, что Левиловы несколько раз спрашивали его, что со мной и почему я к ним не прихожу; неплохо. Написал записку Митьке (младшему сыну Львовых), с которым, несмотря на мое отрицательное отношение к остальным членам его семьи, я в хороших товарищеских отношениях. Попытаюсь ему позвонить, когда буду в Москве. Довольно скучно, что мама тоже хочет посмотреть этот фильм, иначе я бы мог или сговориться с Митькой, или пойти с Майей. Ну, ничего. Интересно, какой будет звук на этом фильме и как отнесутся к нему советские зрители. У нас в школе непрерывные скандалы, грязь, неорганизованность и полнейшая неразбериха. Хотя учусь я неплохо, даже хорошо, и относятся ко мне почти все замечательно, но школа мне порядком надоела. Хотели поехать в Москву к Лиле 11го, чтобы там переночевать, но оказалось, что у Лили (папиной сестры) свинка или ангина, так что придется поехать в выходной день и в выходной же вернуться. Думаю, что мне не удастся повидать Митьку. Митька болел туберкулезом, долго лежал в больнице и в санатории. Он

исключительно культурен и остроумен и мне с ним всегда интересно. Мать его всем сердцем не любит, да и Муля его недолюбливает, и это составляет препятствие тому, чтобы я смог с ним повидаться, но, тем не менее, я сделаю все возможное, чтобы хоть раз с ним встретиться, тем более что, по словам Ириши, он скоро должен уехать в подмосковную дачу, чтобы продолжать лечение. Я ему непременно позволю в Москве. Узнал от Мули, что большевская дача, где мы раньше, с приезда по аресты, жили, занята новыми жильцами. Интересно: как нам, отдадут или не отдадут этих вещей? Муля поедет «в разведку» в Болшево, чтобы разузнать, как обстоит дело насчет этих вещей. Получил очень интересный номер «Интернациональной литературы» от Зелинского, который содержит часть романа Стейнбека «Гроздь гнева» и ряд других рассказов, стихов и разных разностей со всех концов света. Познакомился в школе с симпатичными молодыми людьми и вчера гулял с ними по улице, до станции, здорово веселясь. Сейчас пойду пить чай в Дом отдыха.

10/IV-40

Вчера вечером узнал от Зелинского, что Германия заняла Данию и Норвегию. Здорово. Всегда замечательно, когда развиваются события. Интересно, что будет дальше и как будет развиваться германо-англо-французская война. На классном собрании сегодня руководитель нашего класса поручил мне и одной девочке приготовить доклад о Маяковском. Я уже написал свой доклад — вышло как-будто ничего. Потом меня выбрали в комиссию, которая пойдет в седьмой класс 2^й смены, чтобы там зачитать наше обязательство-соревнование с этим классом. Все это — скучища, но это хорошо, если повысит мой престиж. Самое противное, что опять куда-то придется переезжать, бросать школу (т.е. не вступать сюда же в 8^й класс). С другой стороны — чем ближе к городу, тем лучше. Вообще я люблю город — Париж я обожаю, а в Москве мне как-то легко на душе. В городе я себя чувствую абсолютно как рыба в воде. Все-таки здорово интересно, как мы устроимся в Сокольниках, будут там у меня товарищи, и вообще, как пойдет это дело. Меня очень интересует, когда у меня будет первая лежанка с женщиной. В Доме отдыха все

те же критики: Ермилов, Серебрянский, Зелинский, тот же тупоголовый Гроссман, плюс шекспиролог и довольно кислая личность Крыжановский, туркмен Султаниазов, молчаливый и улыбающийся, и грузинка-переводчица, фамилии которой не знаю, и тот же полусумасшедший, производящий тяжелое впечатление Пяст. Вот и все. Сейчас читаю «Гроздь гнева» Стейнбека — здоровая вещь. Уговорился с Зелинским, что когда я ему отдам «Интернациональную литературу», то он мне даст «Похищение луны» грузинского автора, фамилию которого я забыл. Мать сегодня уехала в Москву вносить деньги в НКВД Але; а я завтракал и обедал в Доме отдыха. Мама почему-то не приезжает. Чая пить не буду — буду ее ждать.

11/IV-40

Вчера узнал от матери, что отец переведен из Бутырской тюрьмы в Лефортовскую. Что это означает — не знаю. Помоему, просто места в той тюрьме больше, вот туда и перевели. С кино не вышло — завтра не поеду — Муля не достал билеты. Сегодня просидел в классе три урока — потом отпросился домой, потому что очень сильно болела голова и чувствовал себя отвратительно. Дома вытошнило — теперь чувствую себя почти хорошо. Непонятно — во Франции не болел никогда, а здесь совсем разваливаюсь.

13/IV-40

Вчера — 12го — все-таки настоял на своем — и поехал в Москву. Приехал — и сейчас же достал билет на американский фильм, несмотря на большую очередь и на «пророчества» мамы. Фильм неплохой, и Динна Дёрбин дивно поет (Травиата — это здорово). Из кино пошел к тетке и оттуда позвонил к Митьке, дозвонился и через полчаса шел уже с ним по улице Фрунзе. Митька очень вырос — он много выше меня (а меня считают гигантом). Как будто он смотрит на все семейные события иронически — во всяком случае, он иронизировал над тем, что его родители и мой отец и сестра сидят в тюрьме. Во всяком случае, в течение всей нашей встречи он был чрезвычайно весел и был очень рад, что со мной встретился, оттого что он сидел три месяца в санатории и

там, конечно, здорово скучал. К высылке своего брата Алеши он относится безразлично — говорит, что Алеше «это не повредит», — находился я с ним три с половиной часа. Были в Музее нового западного искусства, ели мороженое в кафе на улице Горького, ехали на трамвае и бродили по весенней грязи Гоголевского бульвара. Митька был очень весел и, по обыкновению, остроумен и блестящ. Рассказывал о какой-то цирковой наезднице, якобы встреченной им в санатории (?), и как он за ней стал ухаживать, и как старший врач сказал ему, что не надо возбуждаться, и как он послал старшего врача ко всем чертям, мол, могу со всеми «baiser»¹. — Конечно, врет, вообще, он нередко врет. Мы с ним глазели на московских женщин и оценивали их качества (чисто парижское занятие). Возможно, что он скоро поедет в Башкирию (там есть санатория для туберкулезных), а может быть — поедет в Ленинград, где как будто есть какой-то его дядюшка. В общем, мы с ним здорово провели день, вдоволь посмеялись над самими собой, и эта встреча нам обоим доставила много приятных минут. Условились, что, когда приеду опять в Москву, опять ему позвоню и мы увидимся. Узнал от него, что Николай Андреич и Нина Николаевна — в НКВД. Проболтался ему, что отец сидит в Лефортове — может, не стоило это ему говорить (хотя — почему?). Интересно, что скажет Муля, когда узнает об этой встрече с Митькой.

Сегодня должен тащиться в ½ 7го в школу — я член комиссии, которая должна заключить соцсоревнование с другим, 7^м Г, классом (2ая смена). Идти не хочется — скучища, но все-таки пойду. Может быть, завтра буду читать доклад о Маяковском, если будет классное собрание. Сегодня опять ругали наш класс за плохую дисциплину.

16/IV-40

Вчера, 15го, читал доклад о Маяковском — руководитель сказал, что в нем много ценного (sic). За эти два дня — ничего интересного не случилось. События в Норвегии почему-то меня чрезвычайно интересуют и волнуют. Вот там — дела! Повторяешь все то же самое — а как будет завтра, а как это все кончится? Самое замечательное — это что ничего нельзя

¹ «переспать» (арго).

предвидеть. Приехал участник финской войны (в Дом отдыха) и рассказывает интересные штуки. Да! Там тоже были дела, и великие дела. В 7^й Г я не пошел 13го, потому что завуч сказал, что не стоит. Отметки пока стоят хорошие. Семнадцатого пойду на вечер в школу – теперь у меня целая компания девятиклассников, с которыми довольно весело. Мать купила вчера мне новый портфель – неплохой. Она передала передачу для папы в Лефортовскую тюрьму. Я написал Муле записочку, в которой спрашивал его мнение насчет того, что я встретился 12го с Митькой. Мать говорит, что насчет этого письма он пошутил – из этого я заключаю, что, очевидно, он ничего не имеет против этой встречи. 18го думаю поехать за керосинкой к Вере – моей тетке – и надеюсь, что удастся увидеть Митьку. Митька, по словам Мули, ему позвонил и, как будто одержал крупную победу, сообщил, что видел меня. Митька (вспомнил) сказал 12го замечательную, по-моему, вещь: Франция, в сущности, кончилась с нашим отъездом отсюда. Действительно, вскоре после моего отъезда началась война, и все остроумие, весь блеск, все, что я так любил во Франции, абсолютно сошло на нет. И книг там больше не выходит (кроме военных), и не до концертов им теперь, и кафэ опустели, и искусство пошло к чорту, и в сущности Париж потерял свой привлекательный облик всемирного культурного центра. Прибавим к этому мерзостные преследования коммунистов и торжество ненавистной реакции, и мы будем иметь о Париже отвратительнейшее представление. Да, *тот* Париж кончился с моим отъездом – Митька сказал верно. О Париже я не тоскую – раз *тот* Париж, который я знал, безвозвратно исчез – так оно и должно быть.

20/IV-40

18го был с матерью в Москве. Был у тетки Лили и был у Вильмонтов (переводчики, мамины знакомые). Ходил, покуривая, по заполненному празднично одетыми людьми Тверскому бульвару. У Левидовых не был – не было времени. Я всегда люблю один ездить, так я все успеваю, а с мамой не выходит – она говорит: «Не нерви», – и все это тянется. Какой-то товарищ по школе сказал мне, что в Сокольниках много хулиганья. Это плохо. Ну, приедем туда, увидим,

как там все. Я бы, конечно, хотел бы ходить в школу в Москву, надоело мне общаться все с некультурными ребятами. Впрочем, опять-таки увидим дальше, когда туда приедем. Наступила настоящая весна — тепло, и я хожу в моей кожаной куртке. С весной стал больше думать о женщинах. Интересно, в каком все-таки возрасте у меня будет первая «liaison durable»¹? Конечно — у меня нет среды (потому что школьная как-то в счет не идет), где я бы мог общаться с девушками, но мне просто психологически интересно, когда же у меня будет «liaison durable»? С весной Москва похорошела. Женщины стали красивее, интереснее. С Митькой не повидался, потому что мать решительно против этого восстала, а Муля, с которым я говорил по телефону, тоже против моего общения с Митькой, ссылаясь на то, что он «гнилой» и похож на своих родителей. В сущности, черт с ним — я и без него могу обойтись. Интересно все-таки, когда я пойду к Левидовым. В Москву на этот выходной день мать меня не пустит, потому что 27го, 28го и 29го мы будем «гостить» у Лили. 24го апреля будет ровно два месяца, как я не был у Майи. Вежливо будет ли тащиться туда после столь длительного отсутствия? Мне у Левидовых хорошо, но существует «но». Мне не нравится, что Муля, мама и сами Левидовы так одобрительно смотрят на то, что я к ним хожу. И Муля: «Пойдешь к Левидовым...» «Повидаешься с Майей». Это имеет неприятный привкус какого-то «авторизованного» знакомства, всеми одобренного. Как-то неинтересно ходить в гости к девушке, если все это одобряют (потому что хожу-то я, конечно, к Майе). Опять-таки мне неприятно «всеобщее» одобрение моего хождения к Левидовым. Это как-то неприятно. И потом — ну я хожу туда, а чего я там добьюсь? Мне не кажется, что я смог бы добиться хотя бы целовать Майю. А дружба? Дружба раз в шестидневку — это не годится. И потом, после столь длительного отсутствия показаться им на глаза опять — это скучновато. Я как-то не вижу цели моего общения с Майей. Мы учимся в разных учебных заведениях, вкусы по искусству у нас расходятся, видимся раз в шестидневку (правда, когда я перееду в Сокольники, видаться можно будет чаще). Я хотел бы познакомиться на нейтральной почве с

¹ «продолжительная связь».

какой-нибудь девушкой – это другое дело – это интереснее, чем таскаться в семью. Я бы дорого дал, чтобы узнать, что там про меня говорят и, в частности, что говорит обо мне Майя. Если я продолжаю отношения с Левидовыми, то это потому, что все-таки приятно поглядеть на хорошо сложенную, хорошенькую девушку и немножко с ней поболтать о том, о сем. Но тот факт, что я таскаюсь в их семью, мне определенно не нравится – почему-то мне кажется, что это какое-то ложное положение. Нужно сказать, что, когда мы переедем в Сокольники, я буду более во всеоружии и смогу видаться с Майей чаще и на нейтральной почве. Все-таки как-то нужно определить, представляю ли я какой-нибудь интерес для Майи? И стоит ли продолжать эту волынку хождения туда? Не знаю – возможно, что у меня с ней что-нибудь и выйдет. Чорт его знает, я сам не знаю – может вполне быть, что я скучный и неинтересный и никакого интереса для молодой девушки не могу представлять? Жалко все-таки, что у меня нету настоящего закадычного друга, с которым можно было бы поделиться всем этим ворохом противоречивых идей и мыслей. Интересно, почему Муля так поддерживает мое знакомство с Майей? Но это смешно – как может быть у молодого человека «дружба» с молодой девушкой? – ведь в конце концов он всегда захочет большего. А Муля говорит: «Вот, пойдешь с Майей в кино...» и т.п. Что он думает? С девушкой *не может* быть такого же нормального общения, как с мальчиком, – это абсолютно невозможно. Если Муля думает, что в данном случае *можно*, то он глуп (т.е. может быть, отношения и будут «нормальными»), но тогда он не предусмотрел моего «нормального» влечения. Если он считает, что *невозможно*, то тогда я ставлю вопросительный знак. Короче говоря: если это знакомство с Майей мне ничего не сулит, то зачем его продолжать? Вот это-то самое противное, что нельзя узнать, сулит ли оно мне что-нибудь или нет. Вот это-то самое противное, что приходится играть впотьмах, не зная оценки тебя людьми. Все это очень сложно. Все же я твердо надеюсь, что в скором времени я буду гулять с какой-нибудь хорошенькой девушкой. Приходится возвратиться к «старой поговорке»: поживем – увидим. Иду к завучу заниматься.

21/IV-40

Вечер — 1/2 девятого. В школе — ничего нового. Все думаю, как будет летом. Здесь скучно — нет настоящих товарищей, и свободное время нечем заполнить. В Париже у меня вопрос о заполнении свободного времени не ставился: выйдешь на улицу, смотришь прохожих, витрины, кино и купаешься в городской атмосфере. А здесь уже приходится ставить вопрос об общении с людьми (раз нет спасительных улиц). У меня нет среды. Все думаю о Сокольниках, как там все будет. Вот это — дурацкая, идиотская слабость. Слаб! Действительно. Но мое настоящее слишком пустое, чтобы перекрыть все будущее. Ну с кем мне общаться? Мои классные товарищи малы, да и не умны, даже те, кто больше. Видался иногда с какими-то девятиклассниками; подозревал завуч и посоветовал с ними не общаться, потому что, мол, хулиганы, некультурны и «не соответствуют вам ни в какой мере» (дескать, не развратили бы (sic)). Ну вот, и эта группа фактически отпала (с ними, действительно, можно еще в историю или в драку влипнуть, но они веселые, оттого я с ними и водился). Уроков я не делаю — все слишком легко, я и так получаю хорошие отметки. Вот моя соседка, дочь хозяйки, все время ходит к знакомым, на свидания, чорт ее знает куда, а я никуда не хожу. Оттого-то я и думаю о будущем, сопоставляя мое теперешнее положение с воображаемым будущим. Там, в будущем, есть один крупный авантаж¹: совсем близко от Москвы, в два счета можно доехать по метро, а Москва — это желанные улицы и разглядывание прохожих, это кино и театры, это парки и атмосфера большого города, которую я так люблю и в которой я поистине чувствую себя как рыба в воде. События в Скандинавии здорово всех встрясли и, по видимому, втягивают в войну и Голландию. Да, сейчас идут великие дела и великие бои — будущее (опять оно!) покажет завершение всей этой каши.

23/IV-40

Возможно, что завтра поеду в Москву. В Голицыне ододела скука. Мама скулит о глупом переводе, который ей дали, я скулю о том, что у меня нет товарищей и что скушно, в

¹ от фр. *avantage* — преимущество.

школе — скука мертвяцкая. С мамой у меня сцены — она говорит, что теперь не до веселья (когда я заикнулся о том, что в Москву я езжу для развлечения), что у нас мало денег (почти совсем нет), и что завтра мы рано вернемся, и что больше она меня одного не пустит в Москву (раз не до веселья). Мне все ужасно надоело. И главное, нечего делать. Сегодня пойти одному на станцию не удалось — матери нужно было купить соли, вот и пошли вместе. К тому же, наверное, придется убивать нерв в одном зубе — он неожиданно-негаданно заболел, сейчас. Тоже — перспективка! Мечты о красивой девушке, с которой я ходил бы гулять, — настоящей, хорошенькой девушке — вот этого, чорт возьми, мне страшно не хватает. Самое неприятное — то, что я совсем не знаю — может быть (вполне возможно), что я ничего интересного (для девушек) не представляю, может быть, объективно говоря, я просто противен? Но этого мне никто не может, конечно, сказать. Ну, хоть девушку не иметь, а товарища, настоящего, «коренного» — закадычного... Куда там! — Я один. Хочу, страстно хочу я знать: будет ли 15 лет «холостым» возрастом? — А все-таки достать себе девушку необходимо. Как я буду горд, когда я с ней буду ходить! И, укрывшись от чужих взоров, мы будем целоваться! Эх! Конечно, вполне возможно, что все это придет позже, так лет этак в двадцать. А возможно, что это придет раньше, чем я думаю. У меня иллюзий нет — «чистого» продолжительного наслаждения не существует ни в какой земной области, но, бесспорно, существуют незабвенные и замечательные моменты, которых нужно ухватить гораздо больше и лучше. Интересно все-таки, в каком возрасте я себе достану девушку (хоть гулять с ней и общаться, и то хлеб, а дальше увидим), в 15, 16, 17 лет? Завтра поеду в Москву, потому что мне кажется, что нужно встретиться с Майей Левидовой — она хорошенькая и, даже если мне не суждено быть с ней в интимных отношениях, все же нужно ее повидать, она как-то меня наполняет свежим воздухом, чорт возьми. Не знаю почему, но чтобы позвонить Левидовым, мне приходится преодолеть большие преграды. Что-то во мне (косность, лень, страх, что примут холодно, скука?) противится возобновлению с ними отношений; а ведь прошло с моей последней с ними встречи 2 месяца. Чтобы им позвонить (конечно, не им, а Майечке), мне придется побороть сильное внутреннее сопротивление,

говорящее: «Брось! к чорту! все равно ты с ней не сойдешься, к чему тратить время!» Кто был прав из этих двух начал, будущее покажет. Все-таки я думаю, что завтра к ним зайду. 2 месяца! Все-таки — это много. Может, они обиделись, что я так долго не прихожу? Они знают, что я болел (через Мулю), но знают ли они, что я месяц и одна шестидневка как выздоровел и к ним все же не хожу? Вернее всего, что они вообще обо мне забыли, и оттого мне неловко будет к ним явиться, потому что я у них долго не был и они как-то отвыкли (мол, кто это?!) Вот это мне и неприятно. Но чорт с ними — пойду на возобновление отношений. Если не удастся — тем хуже, наплевать (я такой), а если мне с Майей будет приятно — тем лучше. Противно то, что нужно будет рано возвращаться из Москвы (так хочет мама), но ничего. Предложил маме поехать вечером сегодня и переночевать у Лили — не хочет. Вот противная. Приехали бы вечером, там бы переночевали, а 24го было бы на все гораздо больше времени, — но нет, не хочет. Ну и чорт с ней. — Я никогда не настаиваю. Все-таки ужасно, что нельзя встречаться с Митькой по воле Мули и мамы — он так был рад нашей встрече и так просил ему звонить! Это все-таки ужасно. Но ничего. Жизнь, ударами по кумполу, бьет по чувствам и притупляет их, вернее, заставляет проходить мимо этих чувств. Самое неприятное это что все так зыбко: судьба отца и сестры (главное), моя судьба, как я буду дальше жить в Сокольниках, новая школа, новые друзья, все это страшно зыбко и проблематично. В сущности, ни о чем из моей жизни я не могу уверенно сказать. Ну, довольно жаловаться. Пожаловался, и будет. Нужно жить каждым днем. А завтра к Майечке заглянем. У нее высокая грудь и тело совершенное — меня оно здорово зажигает.

25/IV-40

В Москве вчера видел Мулю и Кота. Майю не видел — ее не было дома. Муля был в Болшеве — там, сорвавши печати НКВД, поселились председатель поссовета, судья и начальник милиции. Сегодня мать поедет в Болшево, в сопровождении Ириши (жены Алеши) и Митьки. До этого они зайдут в НКВД поговорить насчет этого дела. Наши вещи Муля предлагает положить в кладовку (до того, как мы сможем их

забрать). Интересно будет узнать подробности этого «похода» в Болшево. Муля вчера говорил о какой-то комнате на Никитском бульваре, но я не верю, что мы сможем ее достать – слишком было бы хорошо: центр, 20 м комната и т.п. Но возможно, что он (Муля) сможет ее выторговать, хотя я все-таки не верю в это счастье. В школе – ничего нового (немножко протаскали меня за чертыхание). Сегодня завтракаю и обедаю в Доме отдыха.

26/IV-40

Мать была в НКВД, где видала Иришу и Митьку. Завтра мать едет в Москву вносить передачу Але и папе, а 28го, вместе с представителями НКВД, Иришей и Митькой поедет в Болшево, чтобы отделить наши вещи от вещей незаконно вселившихся (так же сделает и Ириша) и сложить их в кладовку. Очевидно, мать заберет часть книг и посуду. Говорят, в Болшеве был здоровый скандал между вселившимися, которые сорвали печати НКВД, и представителями этого учреждения. Так что неудивительно, что мать, Ириша и Митька поедут с НКВД, который их поддержит. Вчера гулял с Зелинским, Ермиловым и Наталией Чхеидзе. Все удивлялись и восторгались успехами в любви туркмена Султаниазова, который живет в Доме отдыха. Вчера я завтракал и обедал в Доме, а так же буду делать завтра и послезавтра (28го мать увидится с Пастернаком. 30го, 1го и 2го – выходные дни). Еще не знаю, что буду делать. Все-таки думаю поехать в Москву. Вполне согласен с Наталией Чхеидзе, что гулять в Москве в сто раз лучше, чем в Голицыне. Встретил «ту» болгарку – она как-то постарела.

29/IV-40

Вчера, 28го, мать была в Болшеве, с Митькой и двумя представителями НКВД. Очередная – очень приятная – новость (sic): повесился поселившийся на «нашу» дачу начальник милиции. И не повесился, а удавился. Привязал ремень к кровати, в петлю просунул голову и шею, уперся ногами в кровать – и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали,

потом поселились судья и начальник милиции, который скоро удавился. Мать привезла французские книги, сваленные судьей на террасе. Я рад, что она хоть это спасла. 3го мая мать опять поедет в Болшево, вместе с НКВД и Митькой. Завтра я поеду в Москву, где повидаюсь с Митькой, так как мать после того, как его видела, не очень этому противится. В Москве думаю пойти в парикмахерскую — я в этом нуждаюсь. Я не знаю, проведу ли я все дни (30 — 1 — 2) в Москве — это зависит от матери, как она со мной по этому поводу условится. Я думаю сходить в кино (в театре места на праздники найти трудно, а других развлечений, в сущности, нет). Я рад, что у меня три свободных дня: постараюсь их провести как можно лучше. Я думаю не звонить к Левидовым — чорт с ними. И я так долго не виделся с Майей, что вряд ли это мне что-либо принесет. И вообще, при таком редком общении вряд ли сможет выйти что-нибудь толковое (на мой взгляд). Я рад, что повидаю Митьку, — как бы он ни был «опасен» (в смысле общения с последним звеном семьи, которая, может быть, оклеветала отца и сестру) — мне с ним весело и интересно. Жалко только, что денег мало: у мамы сейчас туго в этом смысле — потому что с деньгами как-то приятнее ехать в Москву. Я хочу возможно лучше провести праздники и, хотя имею об этом «проведении» весьма туманное представление, надеюсь тем не менее, что мое желание осуществится. Я здорово рад, что мама спасла лучшие наши французские книжки — это значительная часть моего духовного богатства. Как буду проводить Первое мая, еще не знаю — буду ли в Москве на параде, и с кем и как, тоже не знаю. В общем, пока все в порядке. Мать уехала опять в Москву по делам; сегодня вечером или завтра утром я с ней сговорюсь насчет моего проведения праздников.

ДНЕВНИК № 4

2/V-40

Вчера и 30го был в Москве. Виделся с Митькой; мать и Муля об этом ничего не знают. Я долго с ним гулял (30го), и вместе мы зашли в Библиотеку иностранных языков —

читали там американские кинематографические журналы. Я туда непременно запишусь, когда переведут в 8^й класс. Митька 17го уезжает в Башкирию – в санаторию. Он тот же самый – такой же попрошайка, как и раньше. Но в общем он симпатичный. Вечером был у Левидовых – было хорошо, но мне там нечего делать и, главное, не о чем говорить с Майей. Почитал у них книжки, посидел, выпил чаю и ушел от них довольно поздно. Тетка хотела меня устроить на концерт, но не было билета, кому-то нужно было передать записку, и я не пошел. Стоял на Никитской площади и слушал музыку из громкоговорителей, потом прошелся по Тверскому бульвару до Пушкинской площади. Было очень много веселого народа, было такое впечатление, что все радовались. Потом пошел ночевать к Лиле. 1го Мая был на демонстрации с Мулей, видел танки и самолеты, слышал речь Ворошилова. Масса народу. Действительно, 1го Мая – это народный праздник. Дома были пусты, и все вывалили на улицы. Это был настоящий праздник. Меня поразило количество хорошо одетых людей. Видел много красивых женщин. Познакомился с братом Мули – Сашкой. Он симпатичный малый и очень похож на Мулю. Ездили на такси, шлялись по городу, потом пошли в Восточный ресторанчик на Тверском бульваре и здорово хорошо там поели. Потом пошли есть мороженое (на Тверском же бульваре), пошлялись немного, и я пошел к Лиле, забрал свой портфель с рисунками и бумагой, которую мне дал Муля, и пошел к Ирине за керосинкой (Муля дал керосинку одному другу Ириши, чтобы тот починил эту керосинку). Ириша поступает в Коктейль-холл (на улице Горького) официанткой, а потом поступит официанткой на Сельскохозяйственную выставку. Керосинку я заберу 6го, через три дня, когда поеду в Москву. Майя Левидова говорит, что я сделал большие технические успехи с того раза, когда я ей показывал свои рисунки. Что ж – тем лучше. Интересно – переедем ли мы в Голицыно в другую комнату. Пока это неизвестно – может, хозяйка наша не сдаст детскому саду, чорт ее знает. Мне наплевать, я здесь ничего не решаю. Теперь сажусь учить стихи Сулейм<ана> Стальского (урок), потому что еще не спрашивали по литературе.

За эти четыре дня произошло много важного. Мать с Митькой и представителем НКВД 3го была в Болшеве, забрала оттуда много книг. В общем, нас ограбили. Ничего, кроме книг, нет: ни кастрюль, ни посуды, ничего. Есть только лампа и электрическая печь. Муля думает, что много забрала из нашего имущества Валя, бывшая домработница Львовых; он поедет в Болшево, чтобы ее повидать по этому поводу. У Митьки сожгли много ценных французских книг: том Шекспира, том Расина, так что теперь у него библиотека разрознена. Идиоты какие! Говорят, что топили этими книгами. Возможно, что удастся перехватить кое-что из нашего имущества у Вали, но мне почему-то кажется, что она ничего не взяла. Люди, которые поселились на даче, говорят, что до них (после нас) кто-то жил и уносил наше добро прямо пригоршнями. Муля думает, что они врут, мама же верит. Мы, конечно, обворованы и ничего не можем сделать. Во всяком случае, есть факт: с этой гнилой дачей мы покончили навсегда. И это хорошо. Я бы, на месте матери, сумел бы как следует использовать тот факт, что мы обворованы и (так как дача теперь принадлежит не НКВД, а Экспортлесу, который выиграл суд насчет нее) что у нас фактически нет жилища. Но мать — ужасно непрактичный человек и говорит, что у нее нет времени ни на какие хлопоты в Союзе писателей (в котором, кстати, она не состоит), так как спешный перевод совершенно не оставляет ей времени. Конечно, практичный человек, мне кажется, смог бы на всем этом брик-а-браке¹ фактов достать себе приличную жилплощадь, но в том-то и дело, что мать исключительно непрактична. Вчера я узнал, что мы переедем из нашей комнаты (которую мы занимаем сейчас) в другую комнату (здесь же, в Голицыне) 10го мая. Там нам дан срок до 10го июня — ровно месяц. 10го я не пойду в школу, а буду переезжать с матерью и переносить вещи. Комната (или, вернее, дача) близко расположена, так что переправление не будет представлять особых трудностей. 5го июня я кончу испытания и узнаю, переведен ли я в 8^й класс, или же буду переэкзаменовываться осенью (уже в той школе, где мы тогда будем жить). Я думаю, что

¹ От фр. bric à brac — хлам, барахло.

меня переведут без особых трудностей, потому что я пользуюсь авторитетом среди учеников и уважением среди учителей. После окончания испытаний (не знаю точно, какого числа) я и мать переедем или в крохотную комнату в Сокольниках, или же в Москву (о чем я мечтаю, но что, увы, менее правдоподобно). Конечно, лучше жить в центре, чем на окраине, это ясно, но, к сожалению, еще ничего нельзя сказать. Мне теперь придется массу наверстать по литературе (к испытаниям) и, в частности, по зубрежке стихов Пушкина, Лермонтова, Толстого, и Некрасова, и Тютчева. Но я предполагаю, что с этим справлюсь. Я стал почему-то гораздо меньше учиться, но надеюсь, что это не очень повлияет на успешный исход весенних испытаний. Если меня переведут в 8^й класс, это будет означать, что я уже окончил неполную среднюю школу: как-никак, это уже какой-то багаж за спиной. Положение арестованных не изменилось: отец сидит в Лефортовской тюрьме, сестра в НКВД, Нина Николаевна и Николай Андреевич (Львовы) тоже в НКВД, а Алеша сослан в Коми АССР. Жена Алеши поступила официанткой в Коктейль-холл (на улице Горького). Наверное, мать еще раз поедет в Болшево, чтобы забрать лампу, радиатор и остаток книг. 11го я буду в Москве (после учения), а 12го увидаюсь с Митькой (17го он уезжает в Башкирию). События в Норвегии здорово развиваются — англичан бьют, и они эвакуируют свои войска. Так им и надо — затеяли войну и не способны ее вести, все из-за Чемберлена — этого старого дурака. Вот уже 8 месяцев со дня ареста Али и свыше полгода со дня ареста отца. Все же я твердо убежден в том, что против них прекратят дело.

10/V-40

Мать решила переезжать в другую комнату 14го, так как у нашей теперешней хозяйки умер муж и так как она и дочка поедут в Москву хоронить его, то дома некого оставить — вот мы и остались. Через 10 дней начнутся испытания — усиленно к ним подготавлиюсь. Завтра, после школы, еду в Москву, где 12го увижу Митьку. Читаю «Цветы Зла» Шарля Бодлера — замечательные стихи. Хожу в красных заграничных башмаках. Мало рисую. Только что узнал, что Германия перешла границу в Голландии и Бельгии и что началось за-

нятие этих стран. Англия и Франция выступили на защиту Бельгии и Голландии. Они, как всегда, опоздали. Интересно, подаст ли в отставку Чемберлен или будет продолжать нагромождение ошибок? Произошла первая бомбежка французских городов немецкими самолетами: бомбили Кольмар, Лилль, Лион, Нанси и Понтуаз. Немцы замечательно воюют — разбили англо-французов в Южной Норвегии, неожиданно-негаданно заняли Данию и Норвегию, теперь неожиданно начали оккупацию Голландии и Бельгии. Теперь война разгорелась по-настоящему — на 4 фронтах: Норвежском, Западном, Голландском и Бельгийском. Конечно, немцам придется преодолеть большие трудности — против них голландская, бельгийская и англо-французская армии, и с ними справиться будет нелегко. Но Германия победит — в этом я уверен. Возможно, что в какое-то время Америка войдет в войну на стороне Англии и Франции, и тогда положение немцев будет серьезным. Но пока что у Германии в военных операциях существенный перевес, который, мне кажется, все будет развиваться. Во всяком случае, новые операции в Бельгии и Голландии будут служить предметом жесточайших и интереснейших боев.

13/V-40

Последние новости: вновь позволяю себе болеть, на этот раз свинкой. Испытаний я не буду проходить — карантин после свинки три шестидневки, а они кончатся 5го июня. Мне все говорят, что раз у меня за учебный год нет ни одной плохой четвертной отметки, то меня, бесспорно, переведут в 8^й класс, тем более, что у меня справка от врача, что я действительно заболел свинкой и не могу ходить в школу. Я тоже думаю, что меня переведут. Мать сегодня или завтра пойдет к зав. учебной части и спросит его насчет моего перевода в 8^й класс без испытаний. Если меня не переведут в 8^й класс, то осенью придется держать переиспытания. Но я не беспокоюсь — дочка хозяйки, которая здесь долго живет, говорит, что нет сомнений, что меня переведут без испытаний. Теперь все расскажу по порядку: 11го, после уроков, я уехал в Москву. Приехавши, сговорился с Митькой по телефону о встрече с ним на следующий день. Вечером пошел с матерью (которая приехала в Москву раньше меня) на чтение

Пастернаком своего перевода «Гамлета» в Московском Госинституте. Там была вся интеллигенция Москвы, те, кто не могли прийти на первое чтение Пастернака. Перевод замечателен – и Пастернак читает его с большим жаром и, конечно, по-пастернаковски. Публика его, как видно, очень любит. Он, конечно, оригинальнейший человек (в плане оценки его публикой). После чтения перевода (какое чтение прошло с огромным успехом) мы (Пастернак, мама, я и его первая жена) <пошли> к этой первой жене, там поужинали, поболтали, потом Борис (Леонидович Пастернак) нас проводил до дома тетки (где мы ночуем). Мать говорит, что Пастернак – лучший наш поэт, а Пастернак говорит, что лучший наш поэт – это мать (Цветаева). На следующее утро я пошел в амбулаторию (так как опухоль – свинка – уже побаливала), и мне там назначили прийти к врачу в 7 час. 45 минут вечера. Потом я пошел на свиданье с Митькой и долго с ним гулял по городу. Были мы с ним в Библиотеке иностранных языков – там смотрели последние кинематографические американские журналы и старый юмористический французский журнал. Потом он зашел со мной к тетке; потом я его проводил до остановки троллейбуса, и он уехал. Из Башкирии он обещал мне написать, сообщая свой адрес. Если мать не слишком этому воспротивится, то я думаю, что мы с ним будем переписываться. После Башкирии (санатории для туберкулезных) он предполагает поехать на дачу, снятую его семьей (не то бабушкой, не то его дядей), в станцию Отдых (по Казанке). В общем, он говорит, что мне напишет письмо, где сообщит свой точный адрес (аппроксимативный¹ я знаю).

Потом я пошел в амбулаторию, где мне и сказали, что у меня свинка. В течение всего времени моего вчерашнего и позавчерашнего пребывания в Москве я (да и мать) так и не смог повидать Мулю (хотя он и сказал, что зайдет). Возможно, что он на нас дуется (из-за чего?). В общем, чорт его знает, но факт, что он обещал прийти, не пришел, а на все мои звонки на его квартиру говорили, что он ушел. Или он был очень занят, или его арестовали, или он из-за чего-то на нас дуется. Так мы и уехали, его не повидав. 15го мать поедет в Москву вносить передачу. Она тоже была у доктора – у нее

¹ От фр. *approximatif* – приблизительный.

грипп, а я и она боялись, что у нее туберкулез. Но оказалось, что у нее бронхит, грипп, все что хочешь, но туберкулеза нету. Она сейчас ушла в Дом отдыха принести еду; я надеюсь, что она достанет «Правду» — события за границей так интересны сейчас стали, что просто грех пропускать хоть один день в их просмотре. Все-таки интересно — продержатся немцы в Голландии и Бельгии или нет? Теперь у англичан новое, более решительное в военном отношении министерство (возглавленное Черчиллем). Это очень повлияет на ход военных действий в Голландии и Бельгии. Возможно, что в Норвегии англичане возьмут Нарвик, но остальная часть Норвегии крепко в руках немцев (так же, как и Дания). Война разгорелась, и идет очень решающий момент. Пока поражение за англичанами и инициатива операций у немцев. Посмотрим, что покажут военные действия в Голландии и Бельгии.

15/V-40

Вчера мы переехали в новую комнату в Голицыне. Переезд — как все неумело организованные и с большим количеством вещей переезды — был кошмарен. За вчерашний день и натаскался же я вещей, и вспотел, и покряхтел! Подготовка к переезду — ужасающая штука: вечные сцены из-за того, что «сидишь руки сложа, а я всю работу делаю» и т.п. Теперь зато в нашем распоряжении (примерно на 4 шестидневки, а потом опять кошмарный переезд — очевидно, в Сокольники, в крохотную комнатку) большая новая комната, одна маленькая (куда сложили мы наш багаж) и терраска — где готовим и едим. В общем — то, что нужно, а по сравнению с предыдущим — замечательно, потому что «много» места и «полнейшая» изоляция от соседей (никаких «тонких перегородок», а просто полдачи). Мне здорово смешно — мы уезжаем из Голицына меньше чем через месяц, как раз когда все говорят, что будет здесь очень хорошо (летом), а прожили 5 месяцев, когда все признавали, что здесь нестерпимо. И потом еще одно: другие летом едут из города на дачу, а мы из дачи в город. Все это довольно-таки парадоксально, но нужно мириться с условиями жизни. 13го мать была у завуча — тот сказал, что постарается перевести меня в 8^й кл., ответ окончательный даст после собрания педсовета

та, 17го числа. Осенью буду сдавать французский язык (так как немецкого не делал в этом году) в одной из московских школ, где изучают этот язык. Странно все-таки: через месяц — вопросительный знак! 1 — не знаем, где будем жить, 2 — не знаем, где будут отец и сестра... Унывать, конечно, не стоит — тем более, что здесь в течение четырех шестидневок будет спокойно. Это даже хорошо, что свинка избавила меня от испытаний — раз возможно, что я и так пройду. Буду эти четыре шестидневки читать, рисовать и хорошенько отдохну — в этом я здорово нуждаюсь. Буду переписываться с Митькой. А потом — кто его знает? — ничего нет известного. Самое противное, что в Сокольниках крохотная комнатка, но что об этом беспокоиться? Живем сегодняшним днем. Мать сегодня уехала вносить передачу отцу в Лефортово. Она (мать) все время боится, что он умрет или же что его вышлют, а я уверен, что его, так же как и сестру, освободят — слишком уж долго тянется следствие (для сестры — 8 месяцев с половиной), и Алешина высылка с его мотивировкой этой высылки Алиными высказываниями — факты благоприятные, и я продолжаю твердо надеяться на их освобождение.

16/V-40

Вчера мать привезла из Москвы известие о том, что возможность снятия нами комнаты в Москве окончательно провалилась и что единственная возможность заключается в крохотной комнате в Сокольниках. Как я и знал, в конце концов осталась (по нашей исключительной везучести) наилучшая возможность (а именно Сокольничья комната). Действительно, перспектива замечательная: въезжать в жару в крохотную комнатку на окраине города!.. Главное дело является тем, что мне лично абсолютно наплевать, где жить (раз это от меня и не зависит), а в том, что раз мать и в этой, сравнительно обширной квартире жалуется на то, что нужно устраиваться и прибывать полки и т.п., и что это у нее отнимает массу времени, то что она будет говорить в той, малюсенькой комнатке? Самое отвратительное — это то, что опять нужно будет складывать, укладывать, упаковывать вещи через три с половиной шестидневки, опять пойдут пререкания и сцены, а когда окажемся там, в Сокольни-

ках, охи да ахи на всякого рода трудности. Теперь здесь по-глупому мы (т.е., вернее, мать) разбирает все вещи, а через три шестидневки опять нужно будет, потея, их укладывать. Вообще, вся эта волянка с вещами надоела мне хуже горькой редьки, и, главное, ужасно то, что у матери хоть и есть масса доброй воли, а логики и простого «sens commun»¹ — очень мало. Потом дело в том, что она приходит в отчаяние от абсолютных мелочей, как то: «отчего нет посудного полотенца, пропала кастрюля с длинной ручкой» и т.п. Так хотелось бы спокойно пожить!.. Куда уж там... У матери курьезная склонность воспринимать все трагически, каждую мелочь т.е., и это ужасно мне мешает и досаждаёт. Очень трудно сохранять терпенье при таких обстоятельствах. Почему я стараюсь вынести все эти исключительно надоедливые и чрезвычайно тяжкие испытания с наибольшей хладнокровностью? (В эти испытания я включаю все невзгоды, моральные и физические, матери, наши отвратительные переезды, ненадежность и нерадостность нашего ближайшего будущего, каждодневные сцены из-за ненахождения вещей и т.п. и т.п.) Почему же все эти испытания я стараюсь перенести хладнокровно и беззлобно? Конечно, вопрос еще в том, что, возможно, каждая человеческая жизнь переживает тяжкий период, но у нас какая-то вереница плохих периодов, которая другого, может быть, и обескуражила. Переносу я все эти испытания хладнокровно (или стараюсь переносить), потому что мне кажется, что и в этих тяжких для меня временах есть своя цель: если они меня не сломили морально (хотя и отчасти сломили физически, см. мои болезни), то они (тяжкие времена) непременно выковывают из меня человека, мало чего боящегося и морально стального. Лучше пройти такие испытания в ранней молодости, познать их и быть хорошо подготовленным ко всему дальнейшему. Потом у меня все-таки (несмотря на большую продолжительность моей «плохой эры») есть надежда на какие-то для меня хорошие времена (хоть минуты, и то уже эти минуты дают запас оптимизма на шестидневку). Когда, как и где эти времена настанут, и настанут ли они скоро, и настанут ли для меня вообще, это я не могу никак сказать. Пока все идет в моей жизни криво и неважно: нет у меня ни одного друга — это

¹ «здравого смысла».

первое. Нельзя же считать другом настоящим приспособленческого Митьку, к тому же столь «упадочника» и, в сущности, порочного элемента, который ничем мне не может помочь, ничего разъяснить, в котором нет *ни капли* советского духа, с которым можно только вспоминать французские старые анекдоты, остроумничать, разглядывать прохожих и издеваться над самими собой? Нет, Митька не друг, а только пустоватый компаньон, который, к тому же, всегда рад из тебя вытянуть денежки. Мне бы хотелось друга культурного, просвещенного и в то же время вполне советского, который страстно интересуется как и СССР, так и мировой политикой, человека умного и веселого. Митька очень односторонен — политикой он интересуется только как предметом шуточек. У него «полторы ноги» осталось во Франции, а здесь только половина. Это — проблема друзей. Вторых — проблема того, что у меня нету круга людей. В-третьих — проблема неизвестности судьбы отца и сестры, в-четвертых — проблема дальнейшего развития моей «художественно-рисовальной» деятельности (сейчас я стою в этой области на мертвой точке), в-пятых — проблема здоровья и вытекающая из этой проблемы проблема общения с товарищами по школе (занятия спортом и т.п.). Проблема жилищная — наиболее важная в данное время и наиболее наблевшая, и которая разрешится для нас малюсенькой, жаркой комнатой на окраине Москвы.

Пока что ни одна из этих задач не решена — вот в чем кроется кривость и скука моей теперешней жизни (и тревога этой жизни). Опять-таки, невзирая ни на какие сцены, оставаясь по мере сил хладнокровным, щадя свои силы, накапливая впечатления, не преувеличивая значения скуки и тревоги своего быта, твердо и неуклонно надеясь на наступление лучших периодов жизни своей, сохраняя конечный оптимизм, не обижаясь на обиды и перенося с саркастической улыбкой дальнейшие тяжкие испытания, беря от жизни все, что в ней есть хорошего, плюя на жалобы и пререкания, продолжать твердо и неуклонно свой жизненный путь, не давая себя съесть пессимизмом и воспитывая себя в духе твердой воли и надежды на счастье. Все эти испытания могли меня сломить, но в конечном результате воспитают стального человека и разовьют ум и волю к счастью этого человека — меня.

17/V-40

Сегодня завуч сообщил маме, которая к нему пришла, что 19го окончательно выяснится перевод мой в 8^й класс без испытаний: он завтра поедет в Москву ходатайствовать об этом (от имени школы) в Центрсовет школ. Я вполне уверен в том, что меня переведут в 8^й класс без испытаний. Скучно то, что за газетами я не могу ходить (так как карантин) и достается «Правда» мне только к 7 часам вечера, когда мать просит ее в Доме отдыха. Это меня здорово удручает, так как сейчас происходят такие события, что просто грех запаздывать с чтением газет, — но что ж — ничего не поделаешь! Голландская армия сдалась — это очень хорошо. Немцы повсюду бьют англичан и французов и, уже на французской территории, взяли город Седан (знаменитый город). Немцы быстро и блестяще ведут военные операции, пока что они явно наносят поражение за поражением союзникам. Но еще все же рано предугадать конечный исход этой войны, потому что еще не все карты в игре: Америка, Италия, Япония, Балканы — все это важные карты, которые рано или поздно вступят в кровавую игру. На чьей стороне? — Для Америки и Италии это ясно: 1ая на стороне союзников, 2ая на стороне Германии. Япония и Балканы — это трудно сказать (хотя Япония может выступить против Англии и, главное, против Америки). Мне лично кажется, что немцы в этой войне искрошат союзников — время покажет, прав я был или нет. Прочел «Братья Карамазовы» Достоевского. Местами очень увлекательная и интересная книга. Все же общий тон — исступленный, и религиозная истерика это усугубляет. Есть отдельные персонажи абсолютно живые и правдивые (штабс-капитан «мочалка» и т.п.). Но в общем, книга туманная (из-за примеси религии). Прочел «О любви» Стендаля. Книга холодная, умная, но в какой-то мере уже документальная, утратившая (по крайней мере, в СССР) часть своей актуальности. Написана эта книга хотя и порой блестяще, но чересчур (по-моему) холодно. Когда пишешь о женщинах, нельзя так холодно писать (конечно, все это размышления 15-летнего человека, так что...). В этой книге отсутствует восхищение перед физическими качествами женщин, перед этими сокровищами — это также плохо. В этой книге есть много остроумных мыслей и встречаются порой верные

аксиомы, остальное — теоремы. Есть неплохие места по оригинальности (в Швейцарии — это симпатично). К любви книга относится слишком серьезно, «научно», сухо. Все-таки слишком мало иронии над самим собой (т.е. над влюбленным), мало передается желание близости с женщиной как источник незабываемых минут и, наконец, слишком много романтизма. СССР — страна без романтизма, оттого читать «О любви» — довольно парадоксально чувствуешь себя. Мне кажется, что сейчас любят гораздо проще, вот и все. Начал недавно писать стихи — хочу доказать Митьке, что не такая уж он перла, что «пишет, ах! стихи». Продолжаю думать о переезде в Сокольники — как там будем жить, в этой крохотной комнатухе?

18/V-40

Сегодня прочел в «Правде» сообщение о занятии Брюсселя немцами, прорыва бельгийской линии Дила, занятия Лувена и Малина немцами, прорыва французских укреплений на фронте в 100 км от Любежа до Кариньяна (на фронте реки Маас — бои около Седана). Пока что немцы быстро продвигаются вперед и вошли уже на французскую территорию. Их операции развиваются в сторону Реймса (взятие Седана). Америка, возможно, в скором времени представит займы союзникам — сейчас это дело обсуждает Конгресс, в Вашингтоне. Объявлено военное положение в парижском районе. Как и немцы, так и союзники говорят, что скоро предстоит небывалый бой за всю войну между германской армией и армией союзников (это решающее сражение предстоит, очевидно, на французской территории, так <как> Голландия и почти вся Бельгия заняты немцами). Еще невозможно сказать, как будут в дальнейшем развиваться действия обеих сторон. Пока есть факт, что немцы быстро продвигаются вперед в Бельгии, несмотря на сопротивление армии союзников и бельгийской армии (взятие Брюсселя, Малина, Лувена германскими войсками вчера, 17го). Во Франции бои имеют более серьезный характер (там расположены более крупные силы союзников), но все же немцы наносят французам и англичанам большие потери и продолжают продвигаться в направлении, по-видимому, Реймса. У Седана произошла контратака сил союзников, и в этом участке фронта немцы укрепились, отразив эти атаки союзников. Возмож-

но, что союзники захотят нанести удар немцам с юга, чтобы приостановить наступление в направлении Реймса, Мезьера, Кретеля. Во всяком случае, скоро произойдут большие сражения, в этом я уверен. Жить здесь нам осталось три шестидневки и три дня (если переедем 9го). Теперь я знаю, что переедем в Сокольники. Мать, которая здесь охает и ахает (правда, она болеет воспалением евстахиевой трубы, нарывом, гриппом и простудой), наверное, пуще будет нервничать в Сокольниках, где комнатка крохотная. Вообще, вследствие болезней у матери испортился характер — стала жаловаться на неудачу работы, на меня и на собственную жизнь, стала пессимисткой. Но я ничего — все надеюсь на будущее.

ДНЕВНИК № 5

20/V-40

Вчера мать (по просьбе завуча) написала заявление-прошение о моем переводе в 8^й кл. без испытаний. Завтра она получит ведомость о моем переводе, и вся эта волянка с 7^м кл. будет кончена — и я буду окончившим неполную среднюю школу. Дни протекают спокойно и скучновато: утром — бинтование моей свинки, пускание капель в глаза (в общем — лечение). Потом — завтрак, потом я рисую или читаю, потом завтрак, потом вытираю посуду, потом на часок иду с мамой гулять, потом пишу дневник и читаю, потом обед, перебинтование и — ложимся спать. Сегодня встретил Зелинского — он мне сообщил, что немцы взяли Лаон и идут на Реймс (во Франции). Что ж — так и надо, нечего было Франции лезть в войну «за Данциг», а потом отказываться от мирных немецких предложений — теперь вот их и громят. По моему, еще ничего нельзя сказать заранее об исходе этой войны, хотя я и склонен думать о победе немцев. Америка пока мямлит, у нее самое натянутое положение с японцами, так что возможно, что союзников быстро разгромят. Французское правительство уехало в Бордо, а немцы все продвигаются. Все же еще ничего нельзя сказать о будущем: слишком возможны всякие сюрпризы. Читаю «Histoires à dormir debout» Кюбника, «Adieu à l'innocence» Ирвина и Гоффа,

«Terre des Hommes» Сэнт Экзюпери, произведения Маяковского. Когда переедем в Сокольники, непременно запишусь в Библиотеку иностранных языков – если удастся и если пропустят (мне еще нет 16^{ти} лет, но я надеюсь, что мой большой рост сыграет здесь свою роль).

21/V-40

Сегодня мы нашу «кухню» (т.е. стол с примусом, ведро и т.п. утварь) перенесли в комнатку, которую хозяйка для этого оставила и переселилась в сарай. Она (хозяйка) не хочет, чтобы мы готовили на террасе, потому что, «видите ли, соседи жалуются» и т.п. Эти люди, которые сдают дачи, – частные собственники, яростно обрабатывающие свой клочок земли; в них нет абсолютно ничего советского. Это самые что ни на есть низкопробные мещане: сплетники, «клопы обывательюсы» – по Маяковскому. Мещан я ненавижу пуще всего, потому что это самые тупые и вредоносные люди, с их мелкой хитринкой, эгоисты и ярые собственники. Их много, но в конце концов жизнь их искоренит, и особенные надежды я возлагаю на молодежь, которой должны опротиветь эти клещи-родители. Мать возмущается нашим «переселением» и мещанством хозяйки и соседей, но это глупо. Нужно относиться к таким невзгодам свысока и не вступать в пререкания с тупицами-скрягами, как наша хозяйка. Я не обращаю особого внимания на наши теперешние и, быть может, будущие невзгоды, потому что себя «растрачивать» на мелкие стычки с неприятностями, которые я не могу исправить, я не намерен. Вот, например, в Сокольниках. Мать говорит, что комнатка будет малюсенькая, и заранее беспокоится о проблеме питания (как устроить с домработницей и т.п.), вообще тревожится и предрекает неприятности на этом фронте. Что сейчас об этом говорить? Кстати, мать говорит, что Муля последнее время совершенно перестал помогать, не слушает, когда с ним говорят, очень куда-то спешит и вообще «обсвинел». Я предполагаю, что это у него временное явление, зависящее от того, что он завален делами всякого рода. Возможно, что надежда скоро увидеть Алю вследствие долгосрочности ее заключения ослабла и что тем самым мы для него представляем объективно малый интерес, потому что главный его интерес – Аля, а мы ему ценны,

по-моему, только как люди, близкие к ней. Конечно, личное расположение играет свою роль, но в конце концов он не нанимался нам помогать; в то же время до последнего времени он нам помогал непрерывно; но эта помощь как-то незаметно ослабла. Он (Муля) как-то нас «приучил» к своей помощи, и бросать нас в моменты переездов, болезней и трудностей — неважно. Он был единственным человеком, который (кроме Пастернака) нам по-настоящему помогал, и без него мы бы испытали больше, гораздо больше трудностей. Опять-таки, все же я склонен думать, что эта «холодность» к нам вызвана чрезмерной нагрузкой и выкарабкиванием из ряда спешных дел. Возможно, что ему просто надоело с нами возиться, мол, повозился и будет, а теперь сами можете; впрочем, шут его знает! Подождем — увидим, опять придется повторить эту послужившую формулу. Я не боюсь маленькой комнатки в Сокольниках, я не боюсь, быть может, противных соседей, потому что все это я воспринимаю (для меня) как временно-длительные тяжелые бытовые условия, из которых мы когда-нибудь да и выкарабкаемся, уж, во всяком случае, я-то выкарабкаюсь. За себя я не беспокоюсь — предо мной много, очень много времени впереди, беспокоюсь я за мать, которая заслужила лучшие бытовые условия, перед которой гораздо меньше жизни, чем, например, предо мной, которая завтрашним днем жить не может и которой необходимы надлежащие жизненные условия для работы. Я твердо верю, что это образуется. Когда — сказать не могу. Но, опять-таки, думаю, что волна нас вынесет вновь наверх. Мы, когда переедем в Сокольники, приблизимся, и значительно, к Москве. Возможно, что это будет «первый шаг» к улучшению и урегулированию нашей жизни.

23/V-40

Мать все еще не достала ведомость о моем переходе в 8^й кл. без испытаний: то ли завуч был в Москве, то ли просто не было дома. Наверное, мать все же сегодня его застанет и он ей эту грамоту вручит. Когда шел за газетой, встретил Владика, племянника завуча, который подтвердил, что ЦК школ согласился с моим переводом без испытаний. Потом, на станции, встретил нашего классрука, который сказал, что он написал обо мне в ЦК школ самую лестную характеристику.

тику: очень культурный, много болел, отметки отличные и хорошие и т.п. Когда мать принесет ведомость, я скажу: уф! Я надеюсь с помощью этой ведомости записаться в читальный зал Библиотеки ин<остранных> языков (эта ведомость, кроме вписки в паспорте матери, будет *мой* единственный документ). Я очень надеюсь на эту библиотеку: если в Сокольниках будет плохо (да и даже если будет неплохо), я всегда смогу хорошо провести время за чтением французской книги, в спокойствии и тишине. Таким образом, я смогу в течение лета пополнить мое культурное образование наилучшим образом. Я хочу добиться от завуча справки о том, что мне осенью придется сдавать французский язык, и с этой справкой и с ведомостью пойти в библиотеку и там сказать, что мне необходимо читать по-французски для испытаний по этому языку – это мне послужит для облегчения моей записи туда (потому что мне нет еще 16 лет). Я сегодня завучу напишу записку об этой справке. Если бы можно было установить в Сокольничьей комнатке наш радиоаппарат (который был в Болшеве – мы его привезли из Франции – а теперь у Мули), да еще библиотека, то было бы уже значительно лучше. В общем, увидим. Самый ужас для меня заключается в том, что придется гулять с матерью: какая скука, и я так люблю гулять один! Думаю, что у меня с ней на этой почве будет немало сцен и неприятностей. Меня это очень озабочивает – но ничего, авось как-нибудь уладится. Нам осталось жить здесь две шестидневки и три дня (9го июня мы переезжаем). Мать говорит, что дом, в котором мы будем жить, очень грязный и мрачный, но если у меня будет библиотека и радио (или радио одно, или одна библиотека), то мне уже наполовину будет все равно. Немцы продолжают бить французов и англичан и выходят к Ламаншу, отрезав союзнические армии и выбрасывая их к проливу Ламанш. Так и надо империалистам. Вообще Англия и Франция были даже до войны в состоянии спуска к упадку: кризисы, вздорожание цен, внутренний раздор, падение рождаемости. Мне кажется, что их время прошло, – возможно также, что их поражения зависят от бездарности их руководителей (например, Рейно), но мне кажется, что этому причина их экономический и моральный упадок. Я Францию люблю как страну, Париж и народ, но я прекрасно вижу, что исторически она в данное время «кончена», так же как и Ан-

глия (которую, кстати, я терпеть не могу). Может быть, будущее опровергнет мои слова, но вполне возможно также, что оно их подтвердит.

25/V-40

Мать все еще не достала ведомости и справок, но это ничего — завуч сказал, что все это он сделает (и напишет справки в том числе). Когда я получу эти бумаги, вопрос будет окончательно ликвидирован. Главное сделано — я переведен в 8^й класс без испытаний на осень. Справки для библиотеки завуч напишет (он это сказал), а когда поедет в Москву, узнает в Наркомпросе, где, как и когда мне нужно будет держать осенью испытания по французскому языку (потому что школ, где учат французский язык, в Москве совсем мало, и нужно узнать их адрес). Иногда встречаю товарищей по классу: они явно завидуют, что я не держу испытаний и переведен в 8^й класс, потому что сами они сейчас потеют на испытаниях. Но мне наплевать — все равно следующий год я буду учиться не здесь, так что...

21го мать отправила Муле телеграмму насчет керосинки и сумки ее (просила доставить эти предметы Лиле и известить телеграфом). Сегодня уже 25ое, а ответа от Мули все нет. Еще довольно давно он обещал, что когда достанет охранную грамоту на комнату в Сокольниках, то известит телеграммой. Телеграммы этой не последовало, равно как и не последовал (пока) ответ на телеграмму 21го. Что это все означает? Чорт его знает... Возможно, что его арестовали (но я не думаю). Мать очень удивлена и обеспокоена неответом Мули — его молчанием. (Мы до сих пор не знаем, получил ли он охранную грамоту на комнату — задаток, во всяком случае, внесен.) Опять-таки я объясняю молчание Мули его чрезмерной занятостью, но это все-таки свинство. Кстати, мать не могла ехать в город и там все это выяснить (вопрос с Мулей), потому что на нее наехал велосипед и она должна была вылечивать ушиб ноги и все еще ходит с трудом. Все же она думает завтра или послезавтра поехать в город и выяснить, что с Мулей делается. Возможно, что он на нее зол, потому что она не пошла в прокуратуру узнавать о Але, — но у нее спешный перевод и, кроме того, она все время болела. Чорт его знает, что с ним! Во всяком случае, мать скоро поедет в

Москву и все это выяснится. Вполне возможно, что сегодня или завтра придет его телеграмма – ответ на телеграмму, посланную матерью 21го. Во всяком случае этот вопрос тем или иным путем выяснится в ближайшем будущем (как и вопрос с комнатой – хотя я думаю, что она уже за нами закреплена). Я живу теперь каждым днем и, главным образом, газетой и известиями о войне в Западной Европе и международным положением. Сегодня газеты не было (продавщица – выходная – sic), и это очень неприятно. Возможно, что немцы уже дошли до Ла-Манша и тем самым отрезали французские войска от англо-франко-бельгийских войск в Северной Бельгии. Союзники явно терпят поражения, но я думаю, что скоро война стабилизируется и сделается позиционной (если немцы ослабят свой натиск). Я все не знаю ничего о вопросе о моем дальнейшем художественном образовании – я знаю одно – что я на мертвой точке и что мне нужно учиться рисовать и писать, а что мои карикатуры – недостаточная штука и нужно учиться и учиться. Возможно, что когда переедем в Сокольники, то я буду с кем-нибудь заниматься искусством, но пока это стоит вилами на воде.

27/V-40

Пока мать была в городе я выяснил, что Муля сейчас же ответил на телеграмму от 21го, но что этот ответ идиоты из Дома отдыха в течение четырех дней не удосужились нам передать. Я им дал за это хорошую взбучку – нужно же быть идиотами, чтоб в течение четырех дней забыть передать телеграмму! Мать привезла из Москвы новые вести, а именно что Муля говорит о возможности для нас поселиться на 3 месяца в Мосинституте, в комнате какого-то уезжающего на лето профессора. Там (в квартире) есть ванная, и комната большая. Пока мы там жили бы, возможно, что Муля нам нашел бы что-нибудь получше, чем комната в Сокольниках; мать Мулю в Москве не видела, все это ей передала Лиля. Конечно, хорошо было бы – хоть три месяца – пожить в Москве, в самом центре, и в хорошей комнате, да еще с ванной! И была бы тогда возможность, раз мы сейчас бы не въехали в Сокольническую комнату, была бы возможность что-нибудь приискать в Москве (Муля это и ищет). Во всяком случае, это не нужно упустить. Завтра утром я пойду на по-

что и попытаюсь дозвониться до Мули (утром) и обо всем этом с ним переговорить (главное — переговорить о том, когда матери нужно ехать в Москву вносить, и условиться, сможет ли она с ним повидаться или позвонить ему, может быть, посмотреть эту комнату). Во всяком случае, завтра утром я потащусь на почту и буду звонить. Во всяком случае или 29го, или 30го мать поедет в Москву, чтобы вносить, и тогда она с Мулей должна встретиться (значит, возможно, что вопрос с этой комнатой выяснится скоро). Да, здорово было бы пожить хорошо хоть 3 месяца! Конечно, потом возможно, что нужно было бы переезжать в Сокольническую комнатушку — и эти контрасты были бы неприятны, но 3 месяца жизни в центре — это штука, которой пренебрегать не следует. Впрочем, не следует «продавать шкуру медведя до того, как его убили» — все это пока вилами на воде, но скоро это выяснится, во всяком случае, в ближайшие дни. Через две шестидневки переезжаем, а не знаем куда! Но в этой неопределенности есть свой шарм, особенно когда на горизонте появляются новые возможности, как 3 месяца жизни в центре. Но нужно держать наготове хладнокровие (как это трудно!) и не зажигаться, быть может, «миражными» перспективами. Кроме того, чем меньше ты на эти перспективы рассчитываешь, тем меньше разочарование, если они не осуществляются: это тоже нужно учитывать. С большой радостью получил вчера от матери том избранных произведений Расина, одного из моих любимейших поэтов. Миф о «предательстве» Мули, по-моему, рассеивается тем фактом, что он неустанно ищет нам комнаты лучше, чем та — Сокольничья. Конечно, рано делать выводы по этому поводу, но традиция его услуг и помощи будет подтверждена, если мы поселимся в этой комнате в Институте. Впрочем, даже если мы там не сможем поселиться (на 3 месяца), это только докажет, что усилия Мули были напрасные, но что эти усилия все же имели место, что докажет, что помощь нам Муля продолжал, как раньше. Мать со мной вполне согласна — то, что ей передавала Лиля о том, что Муля, сознавая «паршивость» Сокольнической комнаты (и все же ее не оставляя), ищет беспрестанно нам другой комнаты, наглядно показывает, что он старается для нашего обеспечения, и это — главное, потому что кроме искреннего, но беспомощного Пастернака друзей (настоящих) у нас нет.

Последние известия из газеты говорят о том, что немцы взяли Калэ (что и следовало ожидать). Возможно, что когда

операции между побережной бельгийской границей и устьем реки Соммы закончатся, то немцы атакуют Англию. Пока что крупного контрнаступления союзников не было, да и, очевидно, не будет. С нетерпением жду каждый день приезда на станцию газеты – такие здоровые события сейчас происходят, что пропускать их – просто глупо.

28/V-40

Сегодня утром удалось быстро дозвониться до Мули и, к счастью, он был дома. Он сказал, что или пошлет нам сегодня или завтра телеграмму, в которой будет сказано, чтобы мы приезжали 29го, или если этой телеграммы не будет (если он ее не пошлет), то пусть мы приезжаем 30го, тогда в тот же день мы посмотрим комнату, а 31го внесем папе передачу в Лефортове. Он говорил о той комнате в Институте – значит, это реальная штука, раз даже можно не смотреть. Я рад буду поехать в город – пойду в кино, в парикмахерскую, вдохну воздуха столицы (я в Москве не был почти что три шестидневки). Кроме того, я буду рад повидаться с Мулей и с ним поговорить – он замечательный малый. Хожу каждый день за газетами, познакомился с многими старшеклассниками – могу похвастаться, что я в отличных отношениях с большим количеством людей (из 9го и 10го класса) – своего рода «всезнайка». Митька все не пишет, я ему первый писать не буду – возможно, что в Башкирию он и не уехал, а если уехал и не пишет, то чорт с ним – он вообще говно порядочное: льстец, и смех у него какой-то подобострастный, когда он в обществе. Я решил больше к Левидовым не таскаться – мне все-таки абсолютно там нечего делать (а этот флирт с Майей – чорт с ним, все равно это скучно; и Майя все-таки еще девчонка). В Голицыне стоит хорошая погода, хотя есть ветры. Перечел замечательную книгу Кафки «Замок» (на французском языке) и остроумные «Caractères et anecdotes» Шамфора.

29/V-40

Завтра, в 10.20, еду (с матерью) в Москву. Рад освежиться. Повидаю Мулю, увижу предполагаемую комнату, постараюсь добыть билет в Театр Революции (трудно будет – выходной

день), схожу в парикмахерскую, порыскаю по универмагам, погуляю, в общем — развлекусь. Читаю довольно интересную книгу: «Радецкий марш» Иозефа Рота (о бывшей Австро-Венгрии). В Голицыне живу хорошо и спокойно, но, тем не менее, перемены жажду: как-никак — Москва, это не фунт изюма! Я рад, рад, что еду в Москву. Не глупо, не наивно рад, после первого же дня я говорил, что люблю Москву (главным образом центр: Охотный ряд, Арбат, ул. Горького, Кузнецкий мост, эти районы). Мое большое преимущество — то, что мне осталось много жить, что жизнь с ее неизведанными (для меня) тайнами впереди, что я успею нахвататься, изведать и насмотреться много интересного, что «запас» у меня большой. Это не «радость жизни», а констатирование факта — и это-то и есть мое большое преимущество, которое, конечно, с годами будет уменьшаться, но тогда последуют другие преимущества. С годами, мне кажется, что «цели» жизни, ее ощущение и психология меняются, так что (кроме марксистских) «формулы» философские не применимы (разные афоризмы о женщинах, о чести и храбрости и т.п.), и не применимы именно из-за их мнимой «всеприемлемости» (общечеловечности), а человек-то и меняется, и если эти формулы и хороши, то только в данном возрасте, где они и могут быть проверены и приемлемы. Так что нужно избегать обобщений (главным образом о женщинах) и «законов»-формул (вроде Шамфора), а делать как считаешь нужным, не пытаясь «обобщить».

1/VI-40

Главная новость вчерашнего дня: это то, что отца нету ни в Лефортовской тюрьме, ни в НКВД. Просидев после своего ареста некоторое время в НКВД, потом он перевелся в Бутырскую тюрьму, из которой его потом перевели в Лефортово, где 4 раза мать ему носила передачу. Когда она вчера пошла носить ему передачу, то там сказали, что его «здесь нет». Тогда мать пошла в НКВД — там его тоже не оказалось. Тогда она там подала заявление, спрашивающее, где он находится. 3го числа мы узнаем, очевидно, ответ на это заявление. Я пока ничего не предполагаю, потому что предположений слишком много. 3го, надеюсь, узнаем. 3го посмотрим комнату в Институте вместе с Мулей. Муля, как всегда со

времени арестов, сопровождает мать в тюрьмы и НКВД и З¹⁰ вместе с ней, очевидно, пойдет узнать ответ на ее заявление. Я предполагаю тоже пойти. Меня немного беспокоит, что я еще не получил моих школьных бумаг: ведомости и двух справок для библиотеки. Но я их, наверное, скоро получу. Мать уговорила с Финками (это писатель и его семья, которые въезжают на эту дачу, когда мы отсюда уедем), что грузовик, на котором они привезут сюда свои вещи, послужит нам для перевозки наших вещей в город. Таким образом, будут ненужными хлопоты в Литфонде о предоставлении нам грузовика для перевозки наших вещей. Вчера купил себе самопишущую ручку за 33 р. 70 коп. (эти отличные ручки опять появились в магазинах — я купил эту ручку на Кузнецком мосту). Купил также 10 листов нотной бумаги — для дневника (потому что тетрадей нельзя достать). Это отличная бумага, и она мне здорово послужит. Был в театре Сатиры на паршивенькой пьеске «Таланты» К.Финна. Муля сообщил, к моей великой радости, что, когда мы переедем в комнату в Институте, можно будет поставить наш радиоаппарат, который стал прекрасно работать (по его словам). Это будет очень хорошо, так что часть моей «программы» (радио и Библ. ин. языков) будет выполнена. Сейчас читаю полное собрание сочинений Козьмы Пруткова — есть неплохие вещи. Еще не знаю точно дату нашего переезда в Москву, но думаю, что скоро это узнаю. Сейчас пойду стоять за газетой. Авось есть что-нибудь интересное.

2/VI-40

Завтра утром я и мать едем в Москву. Завтра мы посмотрим комнату в Институте и, надеюсь, узнаем о судьбе отца хоть что-нибудь. Мать очень за него беспокоится: не умер ли он, не в госпитале ли. Я предполагаю, что его просто перевели из одной тюрьмы в другую. Возможно, что скоро будет суд, но эта версия гораздо менее правдоподобная, чем предыдущая. В общем, завтра узнаем. Читаю «Путешествия Сэмюэля Гулливера» Свифта — крайне занимательная книга. Рассчитываю скоро получить документы школьные: ведомость и две справки. Рисую мало (как-то иссяк в этом смысле). Интересно, что будут делать немцы, когда возьмут Дюнкерк: пойдут ли на Англию или на глубь Франции?

Пишу перечень событий, связанных с нашим пребыванием в Москве 3го и 4го числа.

1) Отец находится в настоящее время в НКВД, куда его вновь перевели из Лефортова. Причина того, что мать в прошлый раз в НКВД его не нашла, — это то, что его перевели в тот же день и не успели зарегистрировать. Во всяком случае, 3го мы внесли ему передачу в НКВД, где нам сообщили, что он находится там. Он здоров, и следствие ведется.

2) 3го числа (или 2го), в 1/2 2го арестовали Павла Балтера, знакомого — архитектора. Незадолго перед этим был арестован муж его сестры, но я предполагаю, что арест Балтера связан с нашим делом.

3) Мы посмотрели комнату — хорошая — и переезжаем туда 7го–8го. За эту комнату заплачено, и все урегулировано в этом отношении.

4) У матери на рынке своровали 200 рублей.

Теперь поговорим о главном: об аресте Павла Балтера. Балтер и его жена сбежали из Германии во Францию после прихода к власти Гитлера. Потом они работали на Выставке 1937го года в Париже, в советском павильоне. Поскольку я знаю, они многим обязаны отцу, который, кажется, достал им эту работу в сов. павильоне и до этого (если мне не изменяет память) работу Павлу в редакции органа возвращенцев «Наша Родина». Мне кажется, что Балтер «политическими делами» во Франции почти совсем не занимался (но об этом периоде жизни я мало чего знаю). Здесь, в СССР, Балтер работал архитектором (это его специальность). Конечно, по поводу его ареста могут быть две версии: 1ая что этот арест связан с арестом мужа его сестры и 2ая (и в сто раз больше правдоподобная), что этот арест связан с делом отца, сестры и др. Перевод отца из Лефортовской тюрьмы в НКВД и арест Балтера, бесспорно, означают «оживление» дела. Возможно, что отца перевели в НКВД с целью сделать очную ставку между ним и Балтером. Было бы чрезвычайно интересно знать, арестованы ли Marcel (замешанный — по-моему — в деле Рейса), Васенька (сравнительно недавно приехавший из Франции, куда попал по окончании войны в Испании, и здесь общавшийся очень тесно с Львовыми, человек хитрый и осторожный; он все время что-то писал вместе с Н.Н.), наконец

Твиритинов (позже всех сюда приехавший, во Франции был секретарем Союза Возвращения). Но ничего не известно о них. Арестован ли Ларин, который уехал из Франции с отцом на одном пароходе. Теперь я дам характеристики всех этих людей (исключая отца, сестру, Е.Литауэр, Львовых): Васенька поехал в Испанию, очевидно, по «вербовке» отца, который занимался этим делом тогда (но я в этом абсолютно не уверен). Он типа тихони-втируши, похож на гиену. Общался тесно и неоднократно с Львовыми, приезжал часто к ним в Болшево и что-то строчил на машинке с Н.Н. Впечатление от него – неважное. 2) Marcel (фамилии не знаю). Видел его только во Франции, иногда заходил к отцу. Веселый и симпатичный (по моему впечатлению). Был (насколько помню) на Корсике. После дела Рейса попал в полицию. Его, кажется, избивали там. Здесь я его не видел, но отец говорил, что он здесь (в СССР). Так как я давно его не видел, то ничего не могу сказать о нем. Впечатление – положительное (опять-таки по моим французским воспоминаниям). 3) Ларин. Он был до отъезда в СССР секретарем (или председателем, не помню) Союза Возвращения. После дела Рейса (в которое отец не был замешан) он с ним уехал в СССР на «Андрее Жданове». Человек солидный, серьезный, культурный. Впечатление – положительное. 4) Твиритинов после отъезда Ларина – секретарь Союза Возвращения. Так же, как и Ларин, в отличных отношениях с отцом. Честный человек (наверняка) и твердый. Ума не исключительного. Приехал в СССР позже всех. Видел его здесь, вместе с отцом. Хотел поселить его у нас в Болшеве, но это как-то отошло, и, насколько я помню, он <жил> у своих сестер (где – не знаю). В Испании не был (насколько знаю). Впечатление – положительное. Вот оттого-то и интересно знать, арестованы ли эти четыре человека. Двое из них – честные и хорошие люди (Ларин и Твиритинов). Marcel – очевидно, тоже. Васенька – нет (потому что связался с Львовыми, а они – дрянь). Но никто не может нам сказать, арестованы ли эти четыре человека (или хоть один или два из них), потому что никто из нашего окружения с ними не общался. Во всяком случае, арест Балтера, по моему, бесспорно, означает, что следствие все время куда-то продвигается (и это впечатление сильно усугубляется тем, что отец переведен в НКВД – ясно, для новых допросов,

или для очной ставки с Балтером, или для суда). Все это вместе взятое ясно показывает, что дело оживляется. Мне кажется, что скоро дело должно пойти к развязке. Во всяком случае, я поручусь жизнью за честность и преданность СССР двух людей: отца и сестры. Каков бы ни был исход этого дела, я знаю, что отец безгранично любит СССР и проделал колоссальную работу во Франции. Будем ждать спокойно, как это дело кончится. Я продолжаю твердо надеяться (так же, как и Муля) на его благополучное окончание.

6/VI-40

Вчера был в школе, где попытался достать бумаги-документы (мне обещал их позавчера завуч), но встретил директоршу, которая сказала, что раньше 8го ничего нельзя будет достать, что нужны какие-то формальности и т.п. Подождем до 8го. Переезд назначен на 11^е утром. (Финки перевозят свои вещи сюда на грузовике, и на этом же грузовике мы отвозим свои вещи в Москву.) Приедет, очевидно, Муля, чтобы помогать, — мы ему дали телеграмму. 9го мы поедем в Москву, где будем слушать «50 лет в строю» Игнатьева, куда уже взяли билеты. Мне очень неприятна задержка с моими документами, но нечего делать. В комнате в Университете, куда мы переезжаем, мы не будем прописаны, так как там живут только профессора и в Университете не прописывают тех, которые там будут жить короткий срок и которые к Университету не будут иметь никакого отношения. Очевидно, мы будем прописаны в Сокольниках, но Муле все еще не удалось достать охранную грамоту на эту комнатку, так что пока в этом смысле неопределенное положение. Возможно, что мы устроим временную прописку у Лили — моей тетки. Во всяком случае, нужно будет где-нибудь прописаться — без этого нельзя. Немцы заняли все побережье Ла-Манша со всеми портами (Калэ, Булонь, Дюнкерк), всю Северную Францию от бельгийской границы на севере до рек Сомм и Эн на юге и линии Мажино (Лонгви) на востоке. Очень возможно, что теперь главный удар немцев после занятия Сев. Франции будет направлен к прорыву французской линии обороны Сомм-Эн и к окружению Парижа, если этот прорыв осуществится. Возможно также, что при наступлении немцев

на Сомме Италия вступит в войну с Францией с целью отвлечь французские силы от линии обороны Сомм–Эн к Альпам и тем самым помочь осуществлению прорыва этой линии обороны германскими войсками. В Италии в последнее время ведется резкая кампания за вступление в войну, демонстрации антианглийские и антифранцузские, и иностранные обозреватели считают вступление Италии в войну на стороне Германии неизбежным. Конечно, когда это произойдет, неизвестно. Италия хочет отнять у Франции Савойю, Корсику, Ниццу, Тунис, Бизерту и т.п., так что причины (грабежные) для вступления в войну у Италии есть. Франция слишком много взяла колоний, чтобы Италия смотрела на это безразлично.

8/VI-40

Завтра получу в школе справку об испытаниях по франц. языку и временную справку о том, что, кроме иностр. языка, я окончил неполную ср<еднюю> школу. Свидетельство же я получу тогда, когда выдержу испытания по франц<узскому> языку. Когда переедем в Москву, узнаю, можно ли сейчас держать испыт<ания> по франц<узскому> языку (чтобы поскорее получить свидетельство) или придется держать осенью. Завтра еду в Москву – пойду на доклад Игнатьева «50 лет в строю». Послезавтра – переезд. Переезд – хорошо то, что переезжаем (хоть на 3 месяца) в Центр, а плох он сам по себе (страшная волынка). Утром – грязь и дождь, а после завтрака солнце. Почти два часа стоял за газетой (не приходила).

ОТРЫВКИ К ДНЕВНИКУ

7/VI-40

Я уезжаю из Голицына через четыре дня. За последнее время я подружился с двумя молодыми людьми из 9го и 8го класса. Здесь я жил пять месяцев с лишним и только в последнее время – 2–3 шестидневки – нашел если не друзей, то, по крайней мере, хороших товарищей, с которыми можно и поговорить иногда, и посмеяться, и погулять. В Голицыне

мои одноклассники ко мне относились отлично, но, тем не менее, наши дружеские отношения не простирались за рамки класса: большинство из этих ребят живут в деревнях, да и, признаться, говорить с ними совершенно не о чем, кроме как о «классных» сюжетах. Смешно то, что как раз когда нужно мне уезжать отсюда, у меня завелись подлинно товарищеские отношения, которые, быть может, могли со временем переродиться в дружбу. Ученики всех классов нашей школы всегда поддерживали со мной наилучшие отношения, но естественно, что они жили интенсивно жизнью своего класса, и наши общения не могли иметь прочную товарищескую базу, да и интересы были у нас разные, не общие. Тем не менее, как я писал выше, я сблизился с некоторыми старшеклассниками, но как раз когда проблема общения разрешалась лучшим образом, то мне приходится уезжать отсюда через четыре дня. Это смешно (в смысле иронии судьбы). Конечно, не стоит преувеличивать: я предполагаю, что товарищи всюду найдутся, но это перебрасывание с места на место и разрыв устанавливающихся подлинно хороших отношений показательны для моей немного насмешливой судьбы. Конечно, если брать такой факт: 5 месяцев не было настоящих товарищей, вдруг они появляются — и нужно уезжать, то этот факт сам по себе покажется банальным, потому что он не исключителен, но если изложить все мои приключения здесь и прибавить этот факт, то картина получится, быть может, не совсем обычная и выходящая за пределы обыденного. Этот «товарищеский» вопрос, хотя он не имеет никакого серьезного значения, является как бы добавлением (выдержанным в том же духе) ко всему тому, что со мной до сих пор произошло.

8/VI-40

Послезавтра — переезд. Какая скука! Хотя переезд в Москву — вещь положительная, сам процесс этого переезда — вещь отрицательная. Это будет очень неприятно. Конечно, мать придет в паническое настроение, которое будет выражаться ношением по комнате, забыванием вещей, пререканиями и выкриками, систематическим терянием и торжественным нахождением вещей и т.п. Я не переношу сам процесс этих переездов. В комнате всегда при этом все стоит вверх дном, ничего нельзя найти, страшная спешка и колоссальная поте-

ря времени и сил. Переезд начинается обычно невинно и незаметно, но в короткий момент беспорядок разрастается до невиданных размеров, и метание по комнате своеобразно возрастает. Потом — уже на новом месте — происходит труднейший и ответственный процесс вбивания полок, раскладывания, привыкания, приноживания к соседям, шныряние по заброшенной вещами отнюдь не первой необходимости комнате и тому подобными гнусными развлечениями. Переебравшись в Москву, я смогу сказать: «Уф!» — так как раскладывать значительно легче, чем укладываться. В ближайшие дни, как только переедем, я непременно узнаю, есть ли какая-нибудь школа, где бы я мог сейчас же держать испытания по фр<анцузскому> языку (без этого испытания мне не дадут свидетельства об окончании неполной средней школы), или придется держать осенью и тем самым задержать выдачу мне моего свидетельства. Второй вопрос, который меня озабочивает, это где мы будем прописаны; так как я хочу записаться в Библиотеку ин<остранных> языков, то мне для этого нужна справка от домкома (там, где я прописан). Жить мы будем в Университете (2 с ½ месяца), а пропишемся или в Сокольниках (если Муля достанет «броню» на эту комнату), или устроим себе временную прописку у Лили (моей тетки). Этот вопрос выяснится скоро: или завтра (если удастся встретиться с Мулей), или послезавтра (когда Муля сюда приедет, чтобы помогать нам переезжать, — тогда мы с ним об этом поговорим). Третий вопрос заключается в том, чтобы Муля, как только мы переедем, передал нам наш радиоприемник, на который я очень рассчитываю, как источник спокойных и подлинных удовольствий; я всегда очень любил радио — это большой жизненный ресурс. Вот три важнейших вопроса: вопрос испытаний по французскому языку (и связанный с ним вопрос о выдаче свидетельства об окончании <неполной> средней школы, вопрос очень важный), вопрос прописки (и связанный с ним вопрос записи в Библиотеку ин. языков и, быть может, и вопрос школы, где я буду учиться следующий год) и вопрос радио (наиболее легко разрешимый из этих трех вопросов, но имеющий все же большую жизненную важность). Мне обещали завтра дать (в школе) справки (о том, что, чтобы окончить среднюю неполную школу, я должен буду держать испытания по фр<анцузскому> языку, и о том, что, кроме фр. языка — ин<остранного> языка, я окончил неп<олную>

ср<еднюю> школу); надеюсь, что действительно выдадут мне эти справки. В Голицыне (несмотря на товарищей) определенно сделалось скучно, и действительно пора переменить воздух. Просто нечего делать, и некуда пойти. В городе будет радио, Библиотека ин. языков и полный шкаф с книгами, которые оставляет хозяйка в нашей комнате и которыми позволила пользоваться (читать). Приятно, очень приятно будет прожить два с половиной месяца в городе, в самом центре; что будет дальше, где будем жить потом — неизвестно, но эти два с половиной месяца означают, бесспорно, передышку и отдых (по крайней мере, я так предполагаю). Мы будем жить в 5 мин. от Охотного ряда, Александровского сада, ул. Горького, Кремля и больших прод<овольственных> магазинов. Готовить будем на газовой плите — это тоже очень хорошо; и есть ванна: тоже очень хорошо. Бесспорно, эти два с половиной месяца в городе означают только передышку, потому что кто знает, куда судьба нас к тому времени забросит, и именно потому, что это только передышка, нужно ее ценить. Кроме того, эта переправа в город означает перемену воздуха и развлечений, и это отлично, потому что Голицыно все-таки изрядно надоело. Главным образом я буду рад городу и радио.

Мое отношение ко всему тому, что меня здесь постигло (аресты отца и сестры, вечные переезды и неуверенность, где в конечном счете будем жить и т.п. и т.п., болезни), очищается от излишних плаксивых замечаний, жалоб и пессимизма тем, что я смотрю на будущее и беру из настоящего все то, что от него можно взять; не оглядываюсь назад; не «смакую» бедствий и неустанно надеюсь, что для меня настанут хорошие, лучшие времена. Кроме того, глупо забывать, что, кроме того, что вообще жизнь не всегда сладкая штука, в ней бывают известные периоды, продолжающиеся более или менее долго, которые наполнены всевозможного рода неприятностями, бедами и т.п. приятными происшествиями. D'autre part¹, не нужно быть слишком односторонним: да, чрезвычайно неприятные беды и передряги (80%), но остальные 20% следует использовать до дна, даже когда

¹ С другой стороны.

они не имеют будущего (как мои злосчастные товарищи). Еще одно: это, конечно, бесспорно, что всякого рода неприятности и препятствия воспитывают и закаляют человеческий характер (я говорю о характере умного человека). Морально я воспитан и закален именно за последние два года, годы трудностей и испытаний. Нередко благополучие рождает полнейшую неподготовленность к настоящей жизни, и именно все эти тяжелые испытания, которые упали мне на голову, предохранили меня от этой неподготовленности и подготовили меня к новым трудностям жизни, которые могут возникнуть в жизни каждого человека и которые никогда не должны застигнуть его врасплох. Конечно, такой процесс предохранения и подготовки, закала и воспитания, процесс, результаты которого положительны и полезны (в данном случае), этот процесс форму имеет отрицательную, т.е. если его переживать, как я его переживал, то на первый взгляд пользы он не приносит никакой, а вреда много. Этот процесс различных отрицательных происшествий в каждодневной своей форме принимает резко выраженный отрицательный характер и в своих различных формах нередко неприятен, но косвенное его влияние на характер (мой, в данном случае) и формирование этого характера имеют, бесспорно, положительный характер (хотя в каждодневной, будничной своей форме нередко порождает ответное раздражение и неприятные моменты — прямое влияние, но потом это прямое влияние сходит, и осадок, остающийся от происшедшего, — полезен, и постепенно выполняет свою положительную, воспитательную и закаляющую функцию). Конечно, здесь не следует забывать то, что наряду с этим каждодневным (или почти каждодневным) процессом с отрицательной формой и содержанием, происходят различные (часто мелкие) события, имеющие положительный характер, и этот второй процесс смягчает первый и помогает этому первому процессу (отрицательному) переродиться в закал и воспитание характера. В самом деле, если бы не было, так сказать, положительного баланса (что невозможно), то я не знаю, перерождались бы так легко неприятности и испытания в «коэффициент полезного действия». Во всяком случае, это хорошая вещь — извлекать из неприятного полезное, и это искусство (впрочем, у меня проходящее вполне нормальным образом) еще, возможно, много мне в жизни послужит.

ДНЕВНИК № 6

15/VI-40

Пишу перечень событий за последние 6 дней. 9го поехал в Москву и слушал чрезвычайно интересный доклад Игнатьева «50 лет в строю». 10го происходила кошмарно-привычная подготовка к переезду, которая продолжалась и 11го, вплоть до приезда грузовика и Мули. Не буду распространяться об укладке и переезде: обычная суета из-за каждой мелочи (в общем, все прелести переезда). 11го мы въехали сюда (Моховая, 11 — или ул. Герцена, 6, МГУ, тел. К-0-40-13). Во второй половине дня 11го числа и весь 12^й (выходной) день продолжалось устройство в нашей новой комнате. Мать абсолютно не умеет организовывать подобные устройства и, хотя у нее много доброй воли, все делает — в этом смысле — шиворот-навыворот, каждоминутно что-нибудь теряет, и потом приходится «это» искать, выкладывает сначала мелочи, а потом уже большие вещи и т.п. При ее хозяйничанье у нас никогда не будет порядка, хотя она и работает очень много, чтобы все привести в порядок, но при ее отсутствии системы и лихорадочности, разбросанности выходит только беспорядок. Впрочем, я ее не виню, — она из тех людей, которые пытаются, при полном отсутствии данных, успешно что-нибудь осуществить, пытаются чистосердечно, но у них ничего не выходит и не может выйти. К счастью, вся эта суетня и скучища подготовки к переезду, переезд и устройство в новом жилище теперь позади, и вспоминать обо всем этом не стоит. 13го числа (после выходного) я пошел в Мос<ковский> отдел народного образования, чтобы предъявить мою школьную справку с просьбой направить меня в школу, где бы я мог держать испытания по фр<анцузскому> языку. Пришел я утром, но оказалось, что зав. шк<ольным> сектором принимает только с 4^х часов. Пришел в 4 часа — оказалось, что этот заведующий на совещании. Подождал его 45 мин., потом меня отправила его секретарша в комнату, где сидят школьные инспектора (мол, может, они знают, есть ли какие-нибудь школы, где еще держат испытания по фр<анцузскому> языку). С полчаса я там просидел, но никто ничего не знал. Тогда я опять пошел на прием к заведующему, куда мне наконец удалось попасть. Он тоже не знал, в каких шко-

лах фр<анцузский> язык, и посоветовал мне поехать в Советский и Ленинградский районы, где я узнаю, какие есть школы с фр<анцузским> языком. После полуторачасового пребывания в этом МОНО поехал я в районы, где, после долгих блужданий, добился наконец указания, что есть школа № 120, где преподается фр. язык, но, чтобы там держать испытания, нужно направление из МОНО. На следующий день я пошел туда. Заведующего не оказалось, но тем не менее перед моей настойчивостью инспектор Сов<етского> района (где находится шк. № 120) написала мне туда направление. Я поехал туда, где помещается Сов<етский> район, думая, что поблизости и находится Трехпрудный пер. (где шк. № 120). Но этот переулок оказался в совершенно противоположном конце города. После бесконечных блужданий (уже когда я попал в район переулка) я наконец нашел сам Трехпрудный пер. и школу, куда я и направился. Директор меня сейчас же принял и, прочитав направление из МОНО, сказал, что учитель фр. языка... уехал в отпуск и что я слишком поздно пришел. Тогда я его спросил, когда этот преподаватель вернется, и директор ответил, что 7го августа. Так что держать испытание по фр. языку я буду в августе и, следовательно, получу в августе свидетельство об окончании ср<едней> неп<олной> школы. Держать же испытания раньше мне не удалось, несмотря на все мною прилагаемые усилия. Действительно, пришел я слишком поздно. Но ничего — в августе выдержу и получу свидетельство, раньше, позже, в сущности, все равно результат будет достигнут (и это главное). Так что с этим вопросом дело пока покончено. Муля 13го принес нам наше радио, по которому иногда удается послушать неплохие концерты и даже иногда за границу. Вопрос прописки скоро разрешится благоприятно: домоуправление Университета нас пропишет здесь, где мы живем (и это очень хорошо). Как только нас пропишут, я пойду в Библиотеку ин<остранных> языков и попытаюсь туда записаться. Возможно, что Муля мне в этом деле поможет. Теперь, как мне кажется, наше дело близится к развязке (все арестованные — кроме высланного Алеши — сидят в НКВД: отец, сестра, Нина Николаевна Львова и ее муж Николай Андреевич, Павел Балтер и Евгения (т.е. Емилия) Литauer; может быть, есть в этом деле другие арестованные, но о них я не знаю). Муля вчера говорил матери о своей полной уверенности в том, что Львовы оклеветали отца и сестру и

что этот факт подтверждается тем, что Алеша Львов выслан. Я придерживаюсь того же мнения. Мы теперь довольно часто видим Мулю. Он по-прежнему все очень занят и все бегаёт по делам. Я к нему отношусь лучше, нежели он ко мне. Меня он считает (судя по его высказываниям) ленивым барчуком, человеком, который никогда не трудился по-настоящему и т.п. Он ко мне относится хорошо и сердечно, но все же никак не может меня понять и понять тех обстоятельств, которые меня сделали. Он человек умный, но несколько ограниченный. Он много видел, но все же он многого не понимает, например, не понимает меня и моего характера и криво толкует этот характер. Он, бесспорно, не способен учесть роль той атмосферы, где я рос, он не способен просто понять, в силу каких обстоятельств и происшествий я такой, как есть сейчас. Я его гораздо больше понимаю, т.е. гораздо лучше могу объективно оценить («взвесить»), чем он меня. Хотя я с ним состою в отличных отношениях, он всегда употребляет со мной наедине несколько наставительный тон. Делает он это, конечно, от чистого сердца, но это опять-таки доказывает его ограниченность, потому что он не понимает, что этот наставительный тон и советы никогда на меня не произведут желаемого впечатления. Он хочет, очевидно, как-то меня «оздоровить», «опростить», заставить увлекаться «мальчишескими интересами» и т.п. Вместе с тем Муля прекрасно сознает, что я перерос свой возраст и свободно владею мыслью и т.п. Он меня считает лентяем необоснованно: просто у меня было за последние два года слишком много неприятностей, и я теперь не хочу утруждать себя. Вот этого-то влияния моего жизненного процесса на формирование моего характера и моих желаний Муля никак не может учесть и потому приходит относительно меня к абсолютно ложным выводам. В общем, чорт с этим вопросом. Я с Мулей в отличных отношениях, и пока он мне активно не мешает, я с ним буду оставаться в этих отношениях. А помешать активно он мне не может. Мало ли что он думает по моему поводу: каждый волен думать о другом, что хочет. После покорения Северной Франции и портов Ла-Манша немцы пошли на Париж, и во второй раз войска союзников были разгромлены. Немцы заняли Реймс, Руан, Гавр и вчера вошли в Париж, сданный французами без боя. 10го Италия вступила в войну, и это очень усложняет поло-

жение союзников. Вчера, на заседании Совета министров во Франции, было решено продолжать войну. Преступное правительство Рейно, эта банда идиотов, решили продолжать войну. Чтобы спасти Францию от полного разорения и разгрома, нужно сейчас же было заключить мир с Германией, а эти сволочи Рейно и К° решили жертвовать французской армией... для чего? Все равно Франция проиграла войну. Конечно, к продолжению войны Францию подстрекает Англия. Вчера мне удалось словить по радио передачу на французском языке. Я был глубоко взволнован: это говорил «Фронт Мира» (le Front de la Paix), из тайной радиостанции во Франции. Спикер горячо призывал всех французов вести борьбу против этой абсолютно ненужной, идиотской и кровопролитной войны. Он говорил, что сдача Парижа немцам является первой победой «Фронта Мира», что под давлением французских масс военные власти были вынуждены объявить Париж открытым городом, чтобы избежать участи Дюнкерка, абсолютно разгромленного немцами во время бомбардировок. «Фронт Мира» призывает к немедленному заключению мира с Германией, чтобы спасти то, что остается от Франции. Довольно ненужного кровопролития! Долой войну. В голосе спикера я услышал весь французский народ, абсолютно осуждающий эту идиотскую, преступную войну, я услышал голос народных масс, враждебных правительству преступников Рейно и К°, враждебных английскому империализму, который вовлек Францию в эту войну. Я был страшно взволнован: да, борьба продолжалась, много людей во Франции есть, которые вместе с коммунистами борются за спасение Франции! Голос спикера был голос революционной, настоящей Франции, продолжающей свои боевые революционные традиции. Да, действительно, Франции нужно желать поскорее заключить мир с Германией, чтобы спасти от разрушения то, что еще можно спасти. Этот голос в радио был поистине чем-то родным и чрезвычайно близким: да, Франция живет и не умерла! А эти сволочи из правительства постановили продолжать войну! Это решение ведет к полному разгрому и разрушению Франции. Ответственность несут Рейно и К°. История их осудит и уже осудила. Теперь немцы начали новое наступление: против линии Мажино и против отступивших из Парижа войск, которые, конечно, будут разгромлены.

ДНЕВНИК № 7

16/VI-40

Льет дождь. 4 часа, но так темно, что пришлось зажечь электричество. Нас пока еще не прописали. Возможно, узнаем сегодня, пропишут нас здесь или нет. У нас совсем мало денег осталось: и это очень досадно, потому что я не могу никуда пойти: ни в кино, ни в театр, ни в Парк культуры и отдыха. Сейчас начался московский летний сезон... а для этого нужны деньги! Но в общем надеюсь, что деньги скоро будут — мать должна получить за перевод. Пока у нас две цели: прописаться и получить деньги. Без денег как-то гулять неинтересно — чувствуешь себя как-то не в порядке. Главное, есть много мест, куда бы я хотел пойти, а для этого нужны деньги. Авось они скоро придут. Все наши личные переживания и сражения, вся наша личная жизнь меркнут, теряют свое значение перед событиями, происходящими в области мировой политики и в области войны, на западе, за границей. 14 июня немцы вошли без боя в Париж, который по приказу военного командования оставили войска. Теперь немцы преследуют французские армии уже за Парижем. Одновременно началось наступление германских армий в Эльзас-Лотарингии, против линии Мажино. На всем фронте — теперь очень обширном — французы, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены отступать. Теперь вопрос: как скоро и заключит ли французское правительство мир с Германией? Вчера я и мать были у знакомых, к которым пришел человек (Б.Песис, работающий в «Интернациональной литературе»), сказавший, что он читал в «Комсомольской правде» от 14 июня статью комсомольца из Франции (не статью, а письмо), в которой этот студент заявлял, что эта война (в Зап. Европе) превратилась из войны империалистической в войну национально-освободительную. Кроме того, Песис заявил, что слышал от друзей о том, что Морис Торез (вождь французской компартии) произнес где-то речь (и они эту речь слышали по радио), где он говорил, что нужно сопротивляться агрессору (Германии). Если эти два сообщения верны, то это вносит большую путаницу в теперешнее политическое положение. Очевидно, что то, что я слушал вчера (позавчера) по радио, являлось немецкой пропа-

гандой на французском языке и не отражало мнение французских коммунистов. Нужно было бы прочесть «письмо французского комсомольца» в «Комсомольской правде». Конечно, возможно, что скоро пойдет поворот в нашей политике (хотя это может последовать и не скоро). Дело в том, что Торез, конечно, не мог произнести свою речь, не согласовав ее содержание с Коминтерном. Значит, Коминтерн подтвердил содержание этой речи. Если к этому прибавить «письмо», о котором я говорил, и сравнительную холодность к Германии наших газет, и констатирование в наших газетах «стойкости и упорства сопротивления французской армии», и перемещение английского и французского посла в СССР, и прием этих послов Молотовым, и беседа с ними, то получаются какие-то еще не очень определенные, но все же симптомы поворота в нашей внешней политике (а следовательно, и в позиции французских коммунистов). Все те новые факты, которые я привел выше, по-моему, не могут быть только случайностями или совпадением, — по крайней мере, мне это так кажется. Бесспорно, будущее скоро покажет, был ли я прав ожидать поворота в нашей внешней политике или нет. Конечно, СССР будет воевать — когда, не знаю. Победа Германии будет означать огромное усиление фашизма и может создать угрозу для нашей безопасности. Очень трудно теперь судить, будет ли победа Германии победой ее справедливых требований или победой германского империализма над франко-английским (германо-итальянского над франко-английским) и сменой господства англо-французского империализма в Европе господством германо-итальянским? В этом весь вопрос. Если победа германо-итальянцев будет носить империалистический характер, то тогда, конечно, Гитлер пойдет против нас. Но тогда почему этот договор о взаимопомощи (не о взаимопомощи, а о ненападении) и дружбе, заключенный между СССР и Германией? Я склонен думать, что это был только стратегический маневр — недолговечный. В общем, я толкую так будущее: если Германия победит, то она непременно пойдет против нас («Mein Kampf», А.Hitler). Опять-таки ничего нельзя предположить «холодно», потому что теперь мировая политика готовит неожиданные сюрпризы буквально на каждом шагу, и легко можно ошибиться. Возможно, что победа Германии создаст для СССР опасную угрозу. В Эстонии, Латвии

и Литве мы укрепляемся против кого? Строим военно-морские базы для чего? — Конечно, чтобы предотвратить возможное нападение немцев. Пока все идет по порядку: у нас с Германией договор о ненападении и о дружбе, и признаков конфликта с Германией нет. Очень возможно, что после победы над Францией и Англией Германия будет некоторое время вооружаться, укрепляться и сковывать свои силы для нападения на СССР — так что может пройти много времени, пока она на нас нападет. Сейчас исключительно трудно судить о будущем, так сейчас все карты хорошо спрятаны и так сложно идет искусная и опасная игра. Во всяком случае, будущее нам принесет много неожиданностей самого разного характера. СССР ведет свою игру мастерски, и в конце концов я не сомневаюсь, что он эту игру выиграет.

18/VI-40

Позавчера подало в отставку французское правительство Рейно, и новое правительство возглавил маршал Пэтен, который заявил о своем намерении вступить с Германией в переговоры о мирных условиях. Еще неизвестны германо-итальянские условия мира. Продвижение германских войск во Франции продолжается быстрыми темпами, и французские армии почти не оказывают сопротивления. Взят Орлеан на юге, Мец, Дижон и Бельфор на востоке, взята вся линия Мажино. Французская армия абсолютно потеряла боеспособность. Давно, очень давно Франция видела такое неслыханно быстрое свое поражение. Франция окончательно разбита. Думаю, что завтра будут известны германо-итальянские условия мира и ответ французского правительства на эти условия. Рейно просил немедленной помощи у Рузвельта (у Америки), но ответ Рузвельта «был неудовлетворителен». Французский мининдел Бодуэн (нового правительства) заявил в Бордо, что война была проиграна Францией вследствие плохой подготовки к современной войне. Еще он заявил, что Франция примет такие условия, которые обеспечат «почетный мир», а «позорных» условий не примет. Это, конечно, бравада: Франция примет любые германо-итальянские условия, иначе Франция будет окончательно разгромлена и разорена, и камня на камне там не останется. У нас — ничего нового. Советские войска вошли в Литву, Латвию и Эстонию,

чтобы обеспечить честное выполнение договора о взаимопомощи и дружбе с этими странами и чтобы там укрепиться. Все правительства этих стран подали в отставку, и сформированы новые, советофильские правительства. Президент Литвы Сметона бежал за границу. У Мули нет денег: плохо идут дела его (вследствие подтверждения исключения его из рядов членов ВКП(б)). Он думает, что на подтверждение исключения его из ВКП(б) повлиял арест Али (моей сестры), которая является его ближайшим другом и невестой и которую он буквально обожает. Здесь нас прописали на месяц: паспорт свой мать скоро получит, и тогда я смогу записаться в Библиотеку ин<остранных> языков. Пока неизвестно, в какую комнату мы наконец въедем, когда уедем отсюда. Нам друзья (Вильмонты) ищут комнату и надеются найти скоро. (Потому что нам совершенно не улыбается перспектива въезжать в Сокольническую комнатушку, которая, к тому же, еще не закреплена за нами, да Муля и не настаивает, сознавая всю паршивость этой комнатушки и не отпуская все же ее на случай, если мы на зиму ничего не найдем.) Был сегодня у одной старушки, приятельницы матери, которая мне одолжила почитать интересную и оригинальную книгу А.Грина «Дорога никуда». Читайте также: «Исповедь дитя века» Мюссэ и «Гроздь гнева» Стейнбека (в «Интернациональной литературе»). Утром хожу в очередь за газетой, потом слушаю последние новости по радио в 12 часов, потом ем, потом читаю, потом рисую или иду бродить по столице. В 6 часов опять слушаю пос. новости, читаю, ем, слушаю радио, потом часов в 10 с ½ ложусь спать, а на следующий день — та же программа. Жизнь идет спокойно и занимательно. Я хорошо отдыхаю, но хотелось бы больше разнообразия, но, пока денег нет у матери, я никуда не могу ходить и развлекаться. У меня 6 жалких рубликов: с этим не поразвлечешься.

19/VI-40

Гитлер и Муссолини, повидавшись в Мюнхене, установили совместные условия для мира с Францией. Тем временем германские войска продолжают свое продвижение в глубь Франции, к югу, а на востоке захватывают огромное количество пленных. Отдельные французские армии ожесточенно сопротивляются, но этот ненужный героизм ни к чему

не приведет. Маршал Пэтен заявил, что пока еще не начаты мирные переговоры и французская армия продолжает сражаться. Возможно, что после совещания Гитлера с Муссолини опубликуют германо-итальянские условия мира сегодня или завтра. Пока бои во Франции продолжаются. Советские войска оккупировали важнейшие города Литвы, Латвии и Эстонии. В Литве сформировано советофильское правительство, которое заявило, что нужно переменить социальный строй в стране и осуществить реформы, желанные народом. Выпустили из тюрем политзаключенных. Как видно, коммунизм за 39–40 гг. распространяется, после Зап. Украины и Зап. Белоруссии, некоторых частей Финляндии, на Литву, Латвию и Эстонию. Хотя там и еще нет официально советского строя, тем не менее я не сомневаюсь, что там он скоро будет. Литовское правительство распустило прежний сейм (парламент). Занятие Литвы, Латвии и Эстонии советскими войсками и образование советофильских, прокоммунистических правительств в этих странах, бесспорно, означает укрепление СССР и распространение коммунизма. Так и надо. Мать надеется скоро получить деньги. Она кончает свой перевод «Этери» Вазы Пшавелы (грузинское произведение). Я надеюсь получить мою (маленькую) долю с ее заработка и вдоволь находиться по кино и паркам культуры. На горизонте начинают выплывать какие-то возможности комнаты на зиму. Был вчера Вильям-Вильмонт, наш друг-переводчик, работающий главным образом в «Интернациональной литературе». Он сказал, что созревает возможность для нас комнаты в этом районе, за дешевую плату, на зиму, до весны. Он говорит, что это пока только перспектива, но что она вполне может быть осуществлена (т.е. ему она кажется правдоподобной). Конечно, замечательно было бы жить здесь, в этом районе, в центре, близко от знакомых и от лавок. Вот только что до весны, а потом опять переезжать, и мне, очевидно, придется менять школу. Но это все впереди. Во всяком случае, такая возможность (он говорит, что там 2 комнаты) меня гораздо более пленяет, чем крохотная комнатка в Сокольническом районе, на окраине города. Но это все впереди. Сегодня мать надеется получить свой паспорт из прописки. Если она его сегодня получит, то я попытаюсь пойти записаться в Библиотеку ин. языков, сначала в читальный зал, а потом, если удастся, и в библио-

теку, где можно брать книги на дом. Муля говорит, что на один паспорт можно записаться только одному человеку, но я попытаюсь (где берут книги на дом) сначала самому записаться, а потом, чтобы записалась мать. В общем, на этот счет увидим, когда получим паспорт (где я вписан). Во всяком случае, я думаю, что в одно из этих двух отделений библиотеки я смогу записаться. Погода сегодня стоит хорошая, светлая, с солнцем, и теплая.

20/VI-40

Наконец сегодня получили паспорт. Но тип, который сидит в домоуправлении, говорит, что я прописан в паспорте без печати, что нужно достать свидетельство о рождении и т.п. Раз нас прописали и дали паспорт, то я не думаю, что нужно опять заходить к этому типу и напоминать ему обо мне. Тем более что паспорт писали не мы, а НКВД, а этот тип просто хочет пофорсить. Нужно будет поговорить с Мулей, чтобы выяснить это дело. Тем более раньше мы жили в Болшеве и Голицыне, и никто не требовал от нас моего свидетельства о рождении, и никто не говорил о том, «что вы могли это сами написать, что нет печати» и т.п. Тем более у меня свидетельства о рождении нет. Если нужно справку в домкоме для записи в библиотеку, то, как только я пойду в домком, этот тип опять начнет бубнить о свидетельстве, что он мне не может выдать справки без свидетельства о рождении и т.п. Постараюсь — попытаюсь — записаться в библиотеку без справки из домкома: если выйдет, тем лучше, если не выйдет, ну что же, тем хуже. Конечно, до этого нужно поговорить с Мулей. Я думаю, что все это скоро уладится, но затруднения такого рода чрезвычайно скучны. Вчера был в кино, видел глупенькую авиакомедию «Небеса». Мать 23го получит деньги, и это хорошо. Я все более и более уверен в том, что на зиму нам найдут комнату в Москве. Теперь стоит хорошая погода. Я думаю, как сейчас хорошо в Сочи! Купание, пляж, солнце, симпатичные знакомства; пляжная суматоха и морское веселье, которые я так люблю! Красивые девушки, празднично-каникулярная легкость, песок и шум волн! Я обожаю атмосферу пляжа. В Сочи я никогда не был, но думаю, что там хорошо. Хорошо также в Крыму, в Феодосии и Коктебеле, но, увы, пока отец и сест-

ра в тюрьме и нужно носить им передачу, ни о каком море и думать не приходится. В Москве у меня совершенно нет друзей: Митька уехал в Башкирию, а оттуда поедет в подмосковную дачу; с Майей Левидовой мне скучно: что с ней делать, о чем говорить? Ведь у нас совершенно разные интересы, хотя и я и она занимаемся «искусством». У нее свой круг, своя жизнь (*sic*), а у меня свои интересы и стремления, так что нам нечего делать вместе. А флиртовать с ней не хочется: чтобы флиртовать с женщиной, нужно, чтобы она что-нибудь имела, из-за чего заваривать кашу, чтобы она была действительно «стоящая» этой волынки, чтобы она чем-нибудь выделялась. Кроме того, нужно иметь общие интересы, часто видеться и т.п. У Майи всего этого нет, вот и все. Мирэль Шагинян уехала в Коктебель; она говорила, что сможет меня там устроить, но мать не пустила: «одного, заболает» и т.п. и т.п. Так что я абсолютно один. Конечно, это одиночество доставляет какое-то «горькое удовольствие», дает большую пищу для размышлений, но все-таки это изрядно скучно. Что у меня нет друзей, это понятно: я все время переезжаю, меняю школы и т.п., так что не может создаться среды. Это положение, бесспорно, носит печать ненормальности и мешает мне хоть немного веселиться. Обстоятельствами я приговорен (на срок, который не знаю) к одиночеству. Для меня вопрос в том, как лучше всего заполнить это одиночество, как лучше поразвлечься. Конечно, с поступлением в школу это летнее одиночество кончится, и школа будет как-то «наполнять» меня, и это очень хорошо. Но все-таки противно жить без друзей. Хотя я и знаю, что в моем положении и в связи с определенными обстоятельствами не иметь друзей вполне нормально, тем не менее это очень противно и неприятно и, главное, ненормально (субъективно). Что ж, будем развлекаться — по мере сил — одни, хотя это и трудновато, потому что отпадает половина веселья — общение. Нужно уметь находить приятное и без друзей и товарищей, и в этом заключается моя теперешняя задача. Во Франции немцы продолжают продвигаться быстрыми темпами на юг и запад, преследуя упорно сопротивляющиеся отдельные части расчлененных и разгромленных французских армий. Немцы вошли в Бретань и взяли Шербург и Ренн. Французы назначили своих уполномоченных, которым немцы вручили через испанского посла германо-ита-

льянские условия мира. Как мне кажется, по этим условиям Франция должна отдать немцам Эльзас-Лотарингию, Италии Корсику, Ниццу, Савойю и Тунис, и если она согласится на эти условия, то тогда будет заключен мир. Мне кажется, что если будут такие условия, то французское правительство отклонит их, и тогда Францию окончательно разорят и разгромят. Впрочем, ничего пока не известно. Французы не скрывают своего поражения, а англичане лихорадочно приготавливаются на случай нападения на них Германии.

21/VI-40

Вчера мне удалось записаться и в читальный зал, и в саму библиотеку – Гос<ударственную> библи<отеку> иностр<анной> литературы. Это хороший успех. Записали меня в два счета. Таким образом, «программа-минимум» – радио и библиотека – выполнена. Вчера в «Интернациональной литературе» мать имела столкновение с некоей Стасовой (по поводу перевода стихов И.Бехера). Стасова относится крайне отрицательно к переводу матери, требует поправки, грозитя (если мать хочет забрать рукопись обратно, не желая делать поправок), что тогда другие сделают поправки и т.п. (и все в крайне дерзком тоне). Ну, мать с ней наскандалила и ушла. Вильям-Вильмонт тогда сказал Бехеру, что творится безобразие над переводом его стихов, что это замечательный перевод, потом жена Бехера сказала, что это замечательный перевод, и Стасова осталась с носом. Вообще у Стасовой репутация «властолюбивой» женщины и... стервы. Вильмонт сказал, что с переводом все улажено, что он надерзил Стасовой и что поднимет там «бучу» по поводу того, что Стасова говорила о внесении «поправок» самовольно в рукопись матери. Вильмонт говорит, что матери, если она будет делать переводы к «Интер<национальной> литерат<уре>», просто нужно избегать иметь дело со Стасовой, с которой всегда будет иметь столкновения. Стасова – сухая старуха и ничего не понимает в стихах. Матери предлагается исправить 4–5 слов, и тогда все в порядке. Вильмонт говорит, что это для формы и что это не имеет значения. Так или иначе, этот перевод напечатается. Мать расстроилась из-за Стасовой; это неправильно; мало ли злых дураков и дур

на свете, не расстраиваться же из-за каждого. У матери в «Интернациональной» литературе» есть друзья, которые ей помогли в деле перевода: Вильмонт, Песис, Бать. Жена Вильмонта пойдет завтра с матерью на таможенную «выручать» вещи. Почти наверно она устроила комнату нам на зиму. Вильмонт подготовил для матери переводы болгарских песен; он эти переводы редактирует, так что обеспечено полное одобрение этих переводов. Вильмонты — настоящие друзья, которые на деле помогают. Сегодня мы с матерью идем на Кузнецкий мост, 24, отнести передачу папе и Але. Говорят, что выйдет на наших экранах замечательный американский фильм «Штраусовский Вальс». О нем за границей замечательно говорили, и он имел громадный успех в Париже. Если это не утка, нужно непременно будет его посмотреть. Французские уполномоченные получили германо-итальянские условия мира. Правительство Франции и корреспонденты газет выехали в Бордо. Циркулируют слухи, что германо-итальянские условия неприемлемы для французского правительства и что оно переедет в Алжир (Африка). Но это только слухи (из американского источника). Из американского источника же исходят слухи о том, что военные действия прекратятся завтра-послезавтра. Пока ничего нельзя сказать, какой ответ даст французское правительство на германо-итальянские условия перемирия. Германское продвижение продолжается: взят город Лион на востоке. Немцы продвигаются к Бордо, не встречая серьезного сопротивления. Слышал какие-то слухи, что Литва, Латвия и Эстония объединились с Германией, оттого их теперь прихлопнули и у них новые правительства. Мать 23го получит деньги — это хорошо. Мне почему-то кажется, что наше дело близится к концу. 19го исполнился год нашего пребывания в СССР. Конечно, подобало бы сделать «итоги», но раз дело отца и сестры еще не окончено, а от его исхода зависит очень многое, то такие «итоги» делать рано. Можно считать, что я окончил семилетку и что у мамы всегда будет переводческая работа, и это уже очень хорошо. У нас есть радио, я записан в Библиотеку, есть перспектива двух комнат в центре на зиму — и это хорошо. Аресты же отца и сестры я воспринимаю как несчастные случаи, которые могут иметь три причины: или неосторожные (политически) высказывания Али (по глупости, или ее знакомство с

каким-нибудь человеком, которого арестовали), или перемена ориентации внешней политики (с Франции на Германию), или клевета Львовых. Первая «причина» — самая неправдоподобная. Остаются две последние, которые, возможно, связаны. Кроме этих трех (двух) причин, есть много X <икс> причин, о которых мы ничего не знаем. Во всяком случае, я надеюсь, что это дело скоро кончится. Мать написала наркому вн. дел Л.П.Берия прошение о свидании с отцом и сестрой. До этого она написала обширное письмо, где излагала, кто ее муж и вообще свои взгляды на все это дело. Я не сомневаюсь, что это дело — на исходной точке.

22/VI-40

Вчера французские уполномоченные встретились с Гитлером и всем германским высшим командованием. Встреча состоялась в Компьенском лесу, в том самом вагоне, в котором 26 лет тому назад маршал Фош продиктовал условия мира Германии. В этом салон-вагоне Гитлер и верховное командование германской армии вручили германские условия мира. Представитель командования германской армии там заявил, что Франция сражалась героически, но была разбита Германией вследствие неподготовленности к войне. Он клеймил Версальский мир, в котором Германии были продиктованы позорные условия мира. Условия, которые предлагает Германия Франции, очень далеки от унижительных условий Версальского договора. В общем, главное сделано: французская комиссия получила германские условия. Остается знать, какой ответ Франция даст этим условиям. Никто еще не знает, в чем эти условия заключаются. Как насчет итальянских условий, не знаю. Кажется, они были переданы Франции через посла Испании во Франции. Хоть бы скорее кончилась эта идиотская война! Впрочем, не идиотская; она имеет причиной соперничество двух главных систем капиталистической Европы: германо-итальянского фашизма и англо-французского империализма; эта война — эпизод борьбы, вызванной противоречиями капиталистической Европы. Англия продолжает войну против Германии; надеюсь, что ее разгромят — препротивная страна: история ее — сплошные предательства и подлоги, смешанные с лицемерием и пуританством. Сомневаюсь, чтобы Англии уда-

лось выпутаться и на этот раз. На Западном фронте (во Франции) продвижение немцев продолжается. Французские армии в районе линии Мажино изолированы и окружены и пытаются прорваться в Швейцарию. По всему фронту французские войска отступают. Если базироваться на том, что они очень близки от окончательного уничтожения (когда германская армия их настигнет), то нужно думать, что французское правительство примет германские условия. Все равно, если они эти условия отвергнут, то не избежать им тяжелых последствий этого отказа и не избежать им нового раздела Европы и Африки. Мать сегодня идет на таможенную с женой В. Вильмонта. Я пойду в читальный зал Библиотеки иностранной литературы. В отделении этой библиотеки, где берут книги, я уже прочел Бусснара «Les pirates de l'Or» и книги Th. Gautier «Poésies complètes» и Le Sage «Diable boiteux». В этом отделении сравнительно мало интересных книг, и на интересные книги очередь, и нужно «заказывать». Бесспорно, в читальном зале больше книг (французских) и больше выбора. Сегодня я туда пойду, посмотрю, как там. Вчера, возвращаясь из библиотеки, встретил пресимпатичную Иэту Квитко. Я ей сказал, что переселился — очевидно, окончательно — в Москву, что живописью мало занимаюсь, записался в библиотеку и т.п. Она пригласила меня к ней зайти; она уезжает 1го на каникулы. Да, нужно к ней зайти. Она первая мне дала бумаги и советы, как писать маслом, и хотя я и мало потом писал, тем не менее l'intention y était¹. Она наиболее умная из моих женских знакомых; да, нужно к ней зайти. Да, у меня много времени впереди, и жизнь богатая штука. Нужно иметь здоровое, чувственное отношение к жизни. Каплю иронии, каплю сарказма, океан ума и каплю сердца, вот что нужно иметь. Нужно ценить жизнь, особенно, когда молод. Упадок в литературе иногда хорошая вещь, но в жизни — позорное бегство перед действительностью. Нужно жить и чувствовать жизнь и людей всеми порами своей кожи — и это главное. Всякий уход из жизни куда-нибудь — преступление. В литературе уход из жизни в 99% равен преступлению против правды и жизни, равен обману и вреду. Пример — «Дорога никуда» Грина. «Высших сфер» не существует. Если говорить о высшем, то есть только выс-

¹ намерение было.

шее в полном понимании и принятии жизни такой, как она есть, во всех ее плохих и хороших проявлениях. Не нужно думать о смерти — это, прежде всего, глупо. И, кроме того, дума о смерти — преступление, так как означает трусливый уход из жизни в неведомое, которое еще никто не постиг, потому что никто оттуда не возвращался. Нужно в жизни находить чудесное и замечательное; если осязать жизнь глубоко, то сколько романтизма она может дать! Но это не должно переходить известные границы, потому что за этими границами — обман. Нужно в реальном находить и прелесть, и горечь, и удовольствие, и даже эстетическое удовлетворение. Я так и делаю, и оттого мне легко жить. Большую роль играет также смех — это великая штука, и если ко всем невзгодам относиться объективно — иронически, то этот прием очень сглаживает эти невзгоды сами по себе и превращает их в источники удовольствия (через смех). Нужно также уметь иронизировать и смеяться над собой самим; и это я тоже практикую, и все это вместе взятое создает мне прочную броню против неприятностей и невзгод жизни.

23/VI-40

Вчера, в 18 ч. 50 мин., в Компьенском лесу, французские уполномоченные подписали перемирие с Германией. Военные действия прекратятся <через> 6 час. после того, как Франция заключит перемирие с Италией. Итак, Франция приняла германские условия и, очевидно, примет итальянские. Пока германские условия перемирия еще не известны (очевидно: присоединение к Германии Эльзас-Лотарингии, полное разоружение Франции и использование ее территории до окончания войны с Англией). Итальянские условия (опять-таки, предположения): отход к Италии Корсики, Ниццы, Савойи и Туниса. Эти германские и итальянские условия будут, впрочем, скоро известны. Вчера был в читальном зале утром и прочел книгу Сименона «La mauvaise étoile» — про неудачников всякого рода, которых он видел на островах и владениях Тихого океана. Потом я оттуда ушел, и мать мне рассказала, что ей сказал начальник таможни, к которому она пошла с женой Вильмонта: вещи арестованы, и обратиться нужно «в соответствующие органы» (т.е. в НКВД). В письме в НКВД мать просила или позволить ей взять не-

сколько вещей, или наложить арест на вещи. НКВД арест и наложил. Если бы вещи не были арестованы, то <через> 2 месяца после нашего прибытия они были бы распроданы. Теперь жена Вильмонта обратится к юристу, который ей посоветует, какие шаги нужно дальше предпринимать для снятия ареста над вещами и их выручки. Был вчера Муля: он и мама занялись трияжем¹ квитанций из тюрем и привели эти квитанции в порядок (Али и папы). Муля говорит, что как будто Сокольническая комната отпадает, — появляется на горизонте комната на Сретенке. Что ж, если это так, то я рад: действительно, к чорту эту комнатку на окраине города! Потом я пошел опять в читальный зал и читал там последние номера «Mickey Mouse Weekly» и «Journal de Mickey». Подумать только, что до 20го мая во Франции выходили детские журналы! В английском «M.M. Weekly» видел замечательные иллюстрации (из «dessin animé»²) Пиноккио, Уолта Диснея. Вечером пошли к Вильмонтам. Был Песис и его жена (глуповатая и похожая на «Donald Duck»). Мама прочла несколько своих стихов; вся эта компания обожает ее стихи. Сегодня мать идет получать деньги в Гослитиздат. Я пойду в читальный зал, а потом, быть может, зайду в библиотеку и возьму какие-нибудь книжки. Сегодня хорошая погода. Интересно все-таки, где мы будем жить зимой? Во всяком случае — в Москве, и эта уверенность придает мне пригоршню оптимизма.

25/VI-40

Вчера стали известны германские условия мира, которые, в общем, заключаются в том, что на время войны Германия займет (оккупирует) северную и северо-западную прибрежную полосу Франции. Франция будет полностью разоружена. Сегодня достигнуто перемирие между Францией и Италией, и военные действия между этими странами прекращены. Военные действия между Германией и Францией прекращены согласно перемирию (6 час. после заключения перемирия с Италией) в 1 час 45 мин. Условия итальянского перемирия (принятые французским правительством) еще не известны.

¹ сортировкой — от *фр.* trier — сортировать, разбирать.

² «мультфильма».

Таким образом, война для Франции кончилась полным поражением, из-за которого она и была вынуждена сложить оружие. Французские колонии решили продолжать борьбу на стороне Англии. Английское правительство разорвало дипломатические отношения с Францией и заявило, что не признает французского правительства. В Лондоне образован «Временный французский национальный комитет» под руководством генерала де Голля. Этот генерал стоял за продолжение войны и недавно был разжалован маршалом Пэтенем. Маршал Пэтен ответил на заявление англичан, «что он изумлен речью Черчилля, что Франция сражалась, как могла, и что французский флаг не запятнан». Бесспорно, Пэтен прав. Это старый маршал, всеми уважаемый во Франции. То, что Англия бесится сейчас против французского правительства, только доказывает, как она хотела, чтобы другие страны за нее воевали, а теперь ей придется воевать одной. Так ей и надо! Бесспорно, что огромное большинство французского народа стояло против войны, и всякие лондонские попытки де Голля говорить о том, что якобы французы хотели продолжать войну, явно являются проанглийским блефом. Неудивительно, что французские колонии решили продолжать войну: они находятся под сильнейшим британским влиянием. Больше всего меня бесит глупое, мерзкое и в то же время традиционное лицемерие англичан, которые втянули Францию в войну, минимально ей помогли, покинули ее армии в Дюнкерке, а теперь, видите ли, разрывают с французским правительством отношения, потому что Франция не может продолжать войну, «низводит находящееся в Бордо французское правительство на положение полного подчинения врагу, в связи с чем...» и т.п. Правильно ответил Пэтен заявлению английского правительства: «Мы понимаем скорбь Черчилля. Черчилль беспокоится об интересах Англии. Он исходит из этих интересов, а не из интересов Франции, честь которой не поколеблена. Наш флаг не запятнан. Наша армия сражалась мужественно и лояльно. Недостаток оружия и численное превосходство противника заставили нас просить о прекращении войны. Ничто не может разделить нашу страну в момент ее страданий. Франция не щадила ни своих сил, ни своей крови». Совершенно верно. Хотя это и была преступная, идиотская война, все же Франция лояльно сражалась, вмес-

те с Англией, до того момента, когда обстоятельства вынудили ее просить о перемирии. Англия бы хотела, чтобы борьба во Франции продолжалась, чтобы оттянуть нападение немцев на Англию. Но Франция увидела, что больше не может серьезно сопротивляться, и оттого и заключила перемирие с Германией и Италией. Таким образом, английское правительство под предлогом «священных обязательств» Франции действует в грубо эгоистических целях, прекрасно зная, что даже если бы Франция продолжала сопротивляться, то она была бы окончательно разгромлена в три-четыре дня. Теперь Англии предстоит нападение Германии на ее острова, и хочется отбросить ответственность за это будущее нападение на Францию. Правительство Франции, бесспорно, сделало хорошее дело, что заключило соглашение с Германией и Италией. Теперь английская империя будет сражаться одна, и я надеюсь, что немцы ее раздолбают. Именно это гнусное предательство (морального порядка) и заявление о том, «что французский народ полон решимости продолжать войну», это непризнание правительства маршала Пэтена составляют отвратительную картину злодеяний Англии. Англия предала Испанию (комитет по невмешательству), Абиссинию, Албанию и Чехословакию (Мюнхенское соглашение). Франция предала эти страны вместе с Англией. Франция была лакеем, вассалом английского империализма. Она вступила вместе с Англией в войну. А теперь, после того как Франция, после героического сопротивления, была наконец вынуждена заключить перемирие с Германией и Италией, Англия просто-напросто, видя, что Франция ей больше не нужна, предает бывшую дружбу с ней и разрывает дипломатические отношения, клеветает на французский народ, заявляя, что он хочет продолжать войну, и из французских кретинов в Лондоне создает «марионеточный комитет» во главе с разжалованным дураком де Голлем и заявляет, что «признает этот временный французский национальный комитет и будет находиться с ним в контакте по всем вопросам относительно продолжения войны», организуя тем самым дурацкую бутафорию, которая все равно ни к чему не приведет. Англия поплатится, и скоро, за все свои предательства, в том числе своих же друзей. Франция права, что заключила мир (перемирие). По-другому она не могла сделать. Вчера, в читальном

зале, прочел декадентскую и идиотскую книгу Кокто «Les enfants terribles». Прочел также майские номера французских журналов «Mercure de France» и «N.R.F.». Мне совершенно теперь ясно, почему Франция проиграла эту войну: Франция съедена различными партиями, группами и теориями интеллигенции. У Франции — нет идеала. Она ни во что не верит. Это не здоровая страна, а больная — и больная разложением капиталистической упадочной интеллигенции. Я в этом убедился, читая французские недавние журналы. Какое дикое разложение! Конечно, играет роль и то, что французский народ не хотел войны. Но тот факт, что Франция, после победы над Германией, не сумела хорошо вооружиться, не сумела обуздать партии, которые подрывали моральный авторитет ее, доказывает, что она находится в глубоком упадке и что только единственно может спасти ее от полного морального и физического распада коммунизм. Это поражение действительно показательно для глубокого упадка Франции, из которого она может выйти только при помощи коммунизма.

27/VI-40

Сегодня позвонил одной знакомой Веры, которая мне дала адрес студии, куда я смогу обратиться для того, чтобы найти руководство для рисования, и где я узнаю, каким образом я смогу далее развивать мои «артистические способности». Начал покупать учебники 8го класса — уже есть 4 книжки. Утром написал письмо Коту. Прочел в газете обращение ВЦСПС ко всем рабочим, техникам, инженерам и служащим. О введении 8-и часового рабочего дня и семидневной рабочей недели. ВЦСПС мотивирует это обращение возрастанием военной опасности для СССР и нужности в увеличении производства. Очевидно, будет введена старая неделя (вместо шестидневки) со средой, пятницей и т.д. Это интересно. Война на западе окончена. Говорят, что скоро Германия и Италия нападут на Англию. Мне кажется, что когда война в Европе кончится, то под фашистским руководством Германии (и Италии) капитализм европейский затеет войну против нас. Победа Германии над Францией и покорение Голландии, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, бесспорно, означают усиление капитализма под фашистским

руководством. Рано или поздно объединенные силы капитализма двинутся на нас. Победа Германии в Европе, бесспорно, означает скрепление под одно сильное руководство крупных капиталистических стран. Это укрепление и усиление капитализма еще более усилится, когда Германия победит Англию. Американское правительство признало французское правительство Пэтена как единственное легальное, настоящее правительство Франции. Это удар по носу де Голля и его идиотского «Временного французского национального комитета». Условия перемирия Италии с Францией заключаются в демилитаризации зон, прилегающих к итальянским границам, и нескольких портов во Франции и Африке. Нужно отметить, что все это условия перемирия; что условия окончательного мира будут иными. Сегодня был в Парке культуры и отдыха. Парк сам по себе очень симпатичный и занимательный, но одним туда ходить скучно. Вообще с друзьями туго: у меня их просто нет. А одному таскаться в Парк очень скучно. Вообще, кроме библиотеки и читального зала, рисования, ходьбы за продуктами и писания дневника, мне совершенно нечего делать. Физически я совершенно не развит. Спортом не занимаюсь. Не то чтобы я был слаб, нет — я просто не развит в смысле мускулов и силы, и это меня угнетает. Противно быть плохо подготовленным к армии. А армия через 3–4 года. В Болшеве, в нашем участке, я занимался физкультурой под руководством отца, но с зимой и арестом его и сестры это кончилось. Там я уже начал подтягиваться, а сейчас вновь опустился в этом смысле. Постараюсь каждое утро заниматься физкультурой, как советует Муля. Как я не переносу советов! Но ничего не поделаешь. Вообще, нужно сказать, живется скучновато, и это из-за отсутствия друзей. Страшно хочется начать переписку с Митькой: он мой единственный друг. Но мать настаивает на ненужности этой переписки, чтобы не возобновлять отношения с Львовым, членом и звеном их семьи. Вообще она считает Митьку дрянью и не любит его. А вместе с тем, у меня нет друзей, и мне с Митькой приятно и интересно. Главное, что моя переписка с ним никому не может повредить. Все-таки хочу с ним переписываться и попытаюсь как-нибудь это устроить. Все-таки, несмотря на его недостатки, с ним легко, и он мне подходит как корреспондент и компаньон.

Последнее время у меня участились конфликты с моей матерью, которая не перестает меня упрекать, почему я не хочу ходить с ней гулять; что ни одного раза с тех пор, когда мы приехали сюда, я не пошел с ней гулять и т.п. Дело в том, что я люблю гулять или один, или с друзьями, а с ней мне просто-напросто скучно гулять, и она никак не может этого понять и оттого закатывает мне по этому поводу сцены. Такие инциденты скучны и неприятны. Хотя мое одиночество и дает богатую пищу для размышлений, тем не менее оно ужасно скучно. Не иметь не только близких друзей, «своих», но и даже товарищей – это просто ужасно! Всюду ходить всегда одному – отвратительно скучно. Например, в Парке Культуры и отдыха: одному там просто нечего делать, а уже вдвоем все аттракционы и театры покажутся в сто раз интереснее, потому что можно делиться впечатлениями и вместе «переживать». Конечно, когда я поступлю в школу, мое одиночество автоматически кончится, но жалко, очень жалко терять лето так, как я его теряю! Митька, очевидно, не вернется в Москву до зимы или до осени. Зато когда он вернется, я буду непременно с ним видаться. Читаю перевод на французский книги Диккенса «Martin Chuzzlewit».

27/VI-40

Вчера звонил бабушке Митьки, чтобы узнать у нее его точный адрес (чтобы написать ему письмо). Узнал адрес и узнал, что он остается в Башкирии до 2го июля, потом приезжает в Москву, прописывается и уезжает на дачу до сентября месяца. В сентябре он вернется в Москву. Писать я ему не буду, так как надеюсь с ним встретиться через 6–7 дней, когда он приедет в Москву. Бабушка была со мной мила – и это хорошо, потому что показывает, что она не имеет намерения препятствовать нашим встречам с Митькой. Позвонил Иэте Квитко и условился с ней, что зайду к ней 29го. Позвонил Мирэль Шагинян, но ее не было дома. Я ей еще позвоню (или думаю так сделать). Вчера, как я и ожидал, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о 8-и часовом рабочем дне и о превращении шестидневки в семидневную неделю (воскресенье – выходной день). Бесспорно, промышленность здорово увеличится в связи с этими меропри-

ятиями, и оборона страны тоже. Немцы раздолбают Англию, и будет создана сильная фашистская Европа, которая пойдет против нас. Мы эту Европу раздолбаем, и произойдет революция в Европе. Вот каким мне кажется будущее. Сейчас в Европе происходит борьба двух крупнейших империалистических систем: германо-итальянской системы и англо-французской. Франция разбита, и большая часть ее территории оккупирована; тем самым филиал Англии на континенте отпадает. Теперь Англия одна против Германии и Италии. Германо-итальянский империализм, бесспорно, выигрывает эту последнюю главу сражения против соперника. Кто бы ни выиграл, все равно капиталистическая Европа рано или поздно пойдет против нас. Слишком велика опасность коммунизма и Революции и слишком заманчивы Украина и Баку. В книге-программе Гитлера значится: 1942^й год — Украина. До сих пор Гитлер год за годом выполнял свою программу «Майн Кампф». Объединив под руководством Германии всю Западную Европу (и Италию), Гитлер ее двинет в поход против СССР. Это произойдет, в этом я не сомневаюсь. В Европе послевоенной будет больше, гораздо больше единства, чем в Европе довоенной, и это-то объединение капиталистических сил под руководством самого боевого выразителя этих сил — фашизма, это-то и составляет для нас большую опасность. Из-за этого-то мы и увеличиваем рабочий день и нормы выработки, и тем самым оборону страны и ее промышленность.

28/VI-40

Сегодня наши войска перешли границы Румынии и вступили в Бессарабию и Северную Буковину. Вчера мы предъявили ультиматум румынскому правительству по поводу передачи нам Бессарабии (которая до Революции была русской землей) и Северной Буковины. Румыны попытались потянуть это дело, но в конце концов предпочли мирное разрешение этого конфликта и приняли наши условия. Новая страница в коммунизации Европы: Западная Украина, Западная Белоруссия, часть Финляндии, полукоммунистические (во всяком случае, очень близкие от коммунизма) Латвия, Литва и Эстония и, наконец, Бессарабия и Северная Буковина. Здорово! Коммунизм распространяется — и это главное.

Конечно, мы хотим показать Германии, что и мы небездействительны, что мы не спим и принимаем нужные меры для обеспечения полной безопасности СССР. Здорово быстро идут события! Германия готовится к нападению на Англию, но пока военные действия еще не начались. Происходят интенсивные бомбардировки как Англии, так и Германии. Германские войска достигли франко-испанскую границу. Таким образом, все атлантическое побережье и La-Manche находятся в немецких руках. Оккупация предусмотренной по договору о перемирии территории продолжается планомерно. Из Франции никаких особых известий нет. Французское правительство все еще находится в Бордо. В Англии генерал де Голль все еще не сообщил о составе «Временного французского национального комитета». Эта штука задерживается, потому что Рейно все еще не прибыл в Англию. Я очень рад, что не очень-то легко создать эту буффорскую и предательскую штуку. Сегодня я был в студии (т.е. не в студии, а в МОССХе), которую мне указала приятельница моей тетки Веры. Там мне дали анкету, которую я заполню и принесу показать свои рисунки. Вчера были у старушки, которая мне одолжила Грина. У этой старушки была жена одного переводчика, которая сообщила маме, что один ее знакомый художник передал ей, что недавно умерший крупнейший график Кравченко, просмотрев мои карикатуры, сказал, что я «готовый мастер». Это мне было исключительно приятно услышать. Бесспорно, нужно что-нибудь сделать с проблемой моего артистического образования. Если (что вполне возможно) ничего со студией МОССХа не выйдет, придется действовать через знакомых, познакомиться с художником, о котором говорила жена переводчика, вообще нужно будет действовать по всем фронтам, потому что я отнюдь не намерен бросать рисование и потому буду наупорнейшим образом добиваться обучения и подготовки. Завтра пойду к Иэте. Я рад буду ее видеть — она симпатичная девушка. Я очень рад, что скоро приедет Митька — мне непременно нужно будет с ним повидаться — с ним весело будет поговорить и погулять. Вечер. ½ 10го. Страшно жарко в последние дни — пот льет градом (sic — quand on y pense¹).

¹ если только подумать.

30/VI-40

Позавчера я пошел в МОССХ (Союз советских художников). Там мне дали анкету самодеятельного сектора, которую я заполнил и принес вместе с моими рисунками. Там эти рисунки просмотрела зав. отделом самодеятельного сектора, много раскритиковала, сказала даже, что «извините за выражение»: некоторые вещи — кривляние. Эта женщина нельзя сказать, что культурная; что тупая в отношении искусства — это можно сказать. Какие она сделала мне конкретные предложения (в смысле того, как мне учиться рисунку и живописи, в смысле студии и т.п.). Посоветовала (вот умно) подготовиться на выставку «Наша Родина» (точно я об этом вообще говорил) и сказала, что мог бы приезжать на их базу (базу самодеятельного сектора), которая находится за городом (под Москвой). Так я и поеду на их базу! Добился я, что приду туда (в МОССХ) часам к 9–10 и покажу мои рисунки художникам, которые там будут находиться, — «может, они вам посоветуют». Эта дама с чрезвычайным изумлением узнала, что я «никогда не хотел изобразить Вашу сестру или мать», никогда не работал красками и не делал натюрмортов. Все разъяснилось, когда она с некоторым раздражением спросила: «Но неужели же у вас нет работ «молодого начинающего художника»?» — и это все сказало. Эта канцеляристка опешила, когда увидела что-то из ряда вон выходящее; ей просто хотелось увидеть что-то обычное, «нормальное» («молодой начинающий художник») — банальное, а мои необычные рисунки, моя последовательность и упорство в карикатуре, мое вполне объяснимое отсутствие реализма, все это ей как бы сказало, что что-то «не в порядке», и оттого она показывала какое-то беспокойство. Дело в том, что совершенно ясно, что эта женщина ничего не понимает в живописи и рисунке, что все оригинальное ее пугает. Но мне на это наплевать. Для чего я пришел в МОССХ? Просто для того, чтобы мне указали место, группу, студию, где я бы мог научиться самым основам живописи и рисунка, где я бы мог получить необходимую «базу» для моего «нормального» развития. Оказывается (по словам этой дамы), в студию меня с моими рисунками принять не смогут. Вечером, как было условлено, я пошел в МОССХ и показал мои рисунки некоторым присутствующим там художникам. Один

из них, чрезвычайно быстро просмотрев мои рисунки, начал бубнить о том, что я должен «упорно работать», «по крайней мере, 2 часа в день», и начал подсчитывать, что «если вы будете работать 2 часа в день весь год, то будет 750 час.» и т.д. Тут я ему начал объяснять, что я учусь, и не будет времени зимой и осенью на рисование и живопись из-за уроков. Тут этот дурак начал мне опять говорить, что «нужно уметь преодолевать все трудности», что он сам, когда учился в училище в Киеве, то... и т.п. галиматью. Конкретных предложений же нет. «Работайте сами, преодолевайте трудности (учитесь маслу), работайте упорно, если вы хотите быть художником не на жизнь, а на смерть», талант забудьте и т.п. Вот п.....! Точно я пришел за этой морализаторско-иронически-протекционной белибердой об упорстве и трудолюбии! По крайней мере – я туда ни ногой; мне такие советы не нужны. Ну что ж, я попробовал этот, официальный, путь – ничего из этого не вышло, кроме идиотской болтовни об упорстве, трудолюбии и «художнике не на жизнь, а на смерть». Но я совершенно не убежден, что все потеряно, и что действительно нельзя найти руководства, и что только «очень упорная работа, молодой человек» и т.д. может принести плоды, и что нет каких-нибудь кружков, где учат основам, которые мне так нужны и которые мне придется «открывать заново» и корпеть одному, если не найду руководства в виде кружка, студии и т.п. Потому что я совсем не намерен один, без руководства, по консультациям, работать «упорно» и каждый раз мучиться над вполне разрешимыми пустяками, испытывать идиотские «творческие муки», исходящие от незнания самых элементарных законов живописи и рисунка! Я попробовал идти официальным путем – у меня ничего не вышло (что я и предполагал). Теперь придется действовать через знакомых, и только через них, потому что они-то, возможно, что-нибудь для меня и найдут, – а я сам пытался «найти», но ничего не нашел. Эта проблема должна как-нибудь разрешиться. Если она не разрешится (в смысле кружка, студии, частного преподавателя и т.п.), то что ж – придется работать одному и разрешаться от бремени в тяжелых родах какой-нибудь пошлятинкой, которая мне будет стоить невероятных усилий. Если мне это не опротивеет, то что ж, может, я чего-нибудь и добьюсь, но это может меня отвернуть от художества. Чорт его знает, как это разрешится?!

Вчера был у Иэты — она очень милая. Она, мне кажется, умнее и Майи, и Мирэль. У нее красивые глаза — это факт. У нее тоже неприятности: она учится в студии, и ей придется ездить за город, где студия. Она хочет поступить в ИЗО-Институт, но я сомневаюсь, что ей это удастся, потому что директор этого института — Грабарь, а она о нем весьма нелестно отзывается; говорит, что это чрезвычайно неприятный, капризный старик, «тиран» и т.п. Да, Иэта, конечно, умнее и Майи, и Мирэль. Она просто умеет связно, логически рассуждать, сохраняя при этом свою женственность (логика и женственность редко идут вместе). Я у нее долго сидел, и мы много говорили. Она очень жалеет французов. Конечно, Иэта капельку наивна, но только капельку. Она уезжает на подмосковную дачу. Приглашала меня приехать. У нее неплохая библиотека. Что мне в ней нравится, это то, что она дельная, активная. Сегодня не слушал новостей по радио, так как лег к ½ 3го и проспал новости. Вчера до ½ 2го сидели с Вильмонтами (которые скоро уезжают на дачу) в кафе «Националь». Там симпатично и хорошие «Кафе Гласэ»¹ и морс. Кажется, с той комнатой, которую предполагали Вильмонты для нас, ничего не вышло. Опять встает призрак Сокольничьей комнатухи и окраины. Неужели выйдет так, что придется все-таки въехать туда? Я все-таки не хочу этому верить. Поживем — увидим. Мне осталось купить четыре учебника — и я буду рыскать по городу, чтобы их найти. Меня беспокоит проблема художника. Я — график, но мне придется пройти через масло, акварель и т.п. штуки, которые я не переношу. Я не переношу атмосферы художников, этой «творческой» атмосферы, где говорят о «воздухе», «объеме», «воздушности» и прочей мерзости и где говорят с благоговением о «великих художниках», что меня тоже бесит. Может, у графиков другая терминология, менее раздражительная для меня. Вообще я очень люблю графику (перо, карандаш, тушь, гравюру и т.п.) и не переношу живопись (масло, акварель), но если я буду учиться, то мне придется через это пройти. Мне главное, чтобы из меня вышел бы хороший график (иллюстратор, карикатурист). Я знаю, что я имею большие графические способности: так говорили Кравченко, Фальк, Кукрыниксы,

¹ От фр. Café Glacé — кофе с мороженым.

Радлов. Но меня тоже очень пленяет литературное призвание, Институт западной литературы. Вообще для меня настал период сомнений. Пока я немного знаю художественную среду и неплохо знаю писательскую. Писательская меня привлекает больше. Конечно, об этом рановато думать. Еще до института будет армия, до армии три года. Меня, по правде сказать, не очень пленяет «трудный путь художника», опять-таки, чорт его знает, как это все обернется? Стоит здоровая жара, даже противно. Пойду рыскать по городу за книгами (учебниками). Скоро, очевидно, приедет Митька. Нужно будет с ним встретиться. Пока «художественные» перспективы таковы — работать одному над натюрмортом! Какая мне предстоит скука! Но может быть, из этой скуки и выскочит какая-нибудь правда.

1/VII-40

Погода испортилась. Льет дождь, и в комнате очень темно. Мать не хочет зажигать света. Вчера был Муля. Он удивляется, почему я еще не пошел к Оболенской (знакомой отца — художнице). Он говорит, что я очень ленив — и оттого еще не пошел. Мне надоела эта волынка таскания по художникам и вообще вся эта моя «проблема». Хотелось бы жить нормально. У нашей квартиры — соседка (Габричевская), у которой муж — художник. Муля и мать советуют мне обратиться к этой Наталии Алексеевне — показать рисунки и попросить совета (раз у нее муж художник). Хотя из этого может что-нибудь выйти, потому что ее муж знает много художников и может помочь в деле моего художественного обучения (предположение), но мне противно заваривать эту кашу; идти к этой Наталии Алексеевне с просьбой (хотя она симпатичная женщина), как какой-то «молодой начинающий», опять слушать критику или ненужную хвалу; знакомиться с ее мужем и попадать в какой-то новый механизм событий, все это мне отнюдь не нравится. Главное то, что я совсем не знаю, выйдет ли из меня художник или нет, и что я имею исключительно глубокое отвращение к живописи и натюрморту. Я хочу быть графиком, но графиком нельзя быть, не постигнув живописи и не преодолев огромной работы. Вот эта работа-то мне и неприятна и отвратительна. Главное, я добиваюсь, добиваюсь, а когда добьюсь того, что меня бу-

дут учить чрезвычайно скучным (как они мне сейчас, по крайней мере, кажутся) вещам, то возможно, что сам буду себя проклинать за то, что так упорно добивался. Но это все пустяки. Во всяком случае, нужно «попробовать». Если мне слишком опротивеет вся эта «черная работа», то никогда не будет поздно ее бросить; если же я увлекусь живописью и рисунком, то это будет хорошо и мне на пользу, и тем лучше. Так что попробовать, во всяком случае, нужно. Но один (только один) работать над «черной работой» я отнюдь не намереваюсь. Я буду работать и один — это другое дело. К чорту советы из МОССХа — работать упорно одному и т.п. В общем, попытаться нужно чего-нибудь добиться — авось что-нибудь выйдет. Сам процесс этого «попытывания» (беганье по городу, по МОССХу, по художникам, собирание мудрых советов и пр.) мне лично противен. Но нечего делать. Права французская поговорка: *Celui qui ne risque rien n'a rien* (тот, кто ничем не рискует, ничего не имеет). Это верно — рисковать нужно; в сущности, я даже ничем и не рискую, кроме скуки. Но этот «художественный» вопрос скоро разрешится. Да, попытаться нужно. Даже если из меня и не выйдет художника (что возможно), то все-таки попытаться нужно (попробовать свои силы). Муля вчера говорил, что война империалистическая, предпринятая французским правительством против Германии, превратилась в борьбу национально-освободительную французского народа против завоевателей и что капитуляция Франции является венцом политики предательства французской буржуазии. Он тоже говорил, что он слышал, будто бы Париж был накануне коммунистического восстания, которое бы организовало сопротивление немцам (и мы бы тогда им помогли — коммунистам), и оттого французская буржуазия заключила мир с Германией, чтобы уберечься от коммунизма. Я в это не верю. Никакого восстания не должно было быть, и я очень сомневаюсь, чтобы французский народ хотел бы продолжать войну. И что это за история, что коммунисты смогли бы организовать сопротивление при нашей помощи! Впрочем, сейчас все возможно. Но все же в эту версию я не верю. А Муля на меня набросился, почему я придерживаюсь иного мнения, точно уже установлено, что его мнение единственно правильное! А я просто говорил, что французский народ теперь расплачивается за ошибки своих правителей

и что такая непопулярная война вряд ли могла превратиться в национально-освободительную. Вообще исключительно трудно разобраться в политической обстановке с точки зрения выгоды СССР и коммунизму. Муля говорит, что быстрая победа Германии над Англией обеспечит сильную фашистскую Европу и создаст прямую угрозу СССР. То же самое будет, если Англия заключит мир с Германией. Если же война затянется, если Германия и Италия будут иметь против себя англо-американский блок (под руководством США), то это будет нам выгодно, так как это ослабит капиталистические страны и сделает почву благоприятной для коммунистических революций. Значит, короче говоря: победа Германии нам невыгодна, а затяжная война нам выгодна. Муля говорит, что никакой «дружбы» с Германией у нас нет и не было; что договор о ненападении и дружбе был просто нужным в данный момент маневром, чтобы избежать войны между Германией и СССР, чтобы обмануть планы англо-французского империализма, который рассчитывал на эту войну. Планы англо-французского империализма были обмануты этим договором. Англо-французский империализм надеялся натравить Германию на СССР (или наоборот — СССР на Германию), а вследствие маневра нашего и Германии был вынужден драться сам. Но мы знаем, что победа (окончательная) Германии создаст сильную фашистскую Европу, чрезвычайно опасную для СССР и для коммунизма. Поэтому мы принимаем «контрмеры» — Западные Украина и Белоруссия, некоторые части Финляндии, «коммунизация» и «обезвреживание» Литвы, Латвии и Эстонии и, наконец, присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины. Это мы все делаем на случай, если под руководством Германии Европа двинется на нас. Потому, чтобы помешать необычайно опасному для нас усилению Германии, нам выгодна затяжная война. Если это знали коммунисты в Париже, то версия предполагаемого восстания делается правдоподобной. Если французские коммунисты поняли, что у нас нет «дружбы» с Германией, что это только маневр, необходимый для усиления коммунистической страны, если они поняли, что их сопротивление Германии может только послужить делу коммунизма (СССР), то мысль о восстании становится правдоподобной. Значит, французская буржуазия, возглавляемая Пэтенем, предала народ, который хотел со-

противляться? Но тогда позиция Торэза и коммунистов совпадает с позицией бывшего премьер-министра Рейно, генерала де Голля, и Черчилля, и Чемберлена. Возможно ли такое совпадение? Возможно, конечно. Во Франции префектом полиции назначен крайне правый Кианн, да и все правительство состоит из крайне правых. Значит, если крайне правые за мир, то крайне левые (коммунисты) — за продолжение войны? Но как объяснить, что и правый Рейно, и коммунист Торэз оказались в «одной тарелке»? Рейно, очевидно, патриот и стоит за сохранение целостности Франции в экономическом и территориальном отношении, за ее «буржуазную независимость», а Торэз — тоже стоит за независимость Франции и за коммунизм; он стоит за продолжение войны, потому что знает, что это нам (СССР) выгодно и, следовательно, выгодно коммунистам во Франции. Если прибавить к этому, что крайне правые элементы (которые сейчас у власти во Франции) всегда были прогерманскими, то все становится понятным... и я остаюсь с носом, из-за недостатка политической прозорливости и чутья. Это верно. Я ошибся, когда думал, что Пэтен выражал волю французского народа. Просто французская крайне правая буржуазия предпочла быть под германским контролем, чем быть истоптанной коммунистами. И перемирие с Германией заключает серию предательств французской буржуазии. Значит, теперь совпадают интересы Черчилля, де Голля и коммунистов. Черчилль — за английскую империю, де Голль — за французскую империю, а коммунисты — за коммунизм. Как я мог забыть, что всегда крайне правые элементы Франции были прогерманскими? Это и случилось, раз они и заключили перемирие. Значит, коммунисты переменили позицию. В начале войны они были против нее, потому что она была империалистической (процесс депутатов парламента — коммунистов). Потом, когда эта война не только превратилась в национально-освободительную (за Францию), но и начала служить коммунистическим интересам и СССР, когда стало (хотя и до сих пор не официально) ясно, что если Германия окончательно победит, то она двинется против СССР и коммунизма, то тогда французские коммунисты переменили свою позицию и стали за войну. Но мне кажется все же, что Германия наибо́льшим образом разобьет английскую империю, если не вмешается в это дело Америка (которой

выгодней, чтобы английские владения не переходили в руки немцев). Но Америка все же не вмешается, и Англия будет разбита. После этого Германия двинется на нас, имея огромные экономические ресурсы. Но мы ее разобьем, и тогда в мире вспыхнут революции и коммунистические восстания. Вот как мне кажется, как будут развиваться события.

2/VII-40

Из американского источника сообщалось вчера по радио о проекте создания во Франции правительства, составленного из лидеров объединенной новой партии, куда бы входили Ля-Рок, Дорио, Лаваль — т.е. самые правые люди Франции. Теперь все понятно. Всегда эти люди — Ля-Рок, Дорио и Лаваль — славились как люди прогерманские. А сейчас Лаваль — заместитель Пэтена! Это очень характерно. И даже если проект создания «единой партии» во Франции — американская утка, тем не менее характерно, что такие слухи возникают именно в такой момент. Ля-Рок, Дорио и Лаваль — это самые ярые враги СССР и коммунистов. И то, что Лаваль, как говорят, фактически сейчас заправляет внешней политикой Франции, это тоже характерно. Я не был бы удивлен, если бы во Франции создали бы прогерманскую партию и правительство. Это — очень правдоподобно. Совершенно ясно — если Ля-Рок и Дорио против войны и за прогерманское правительство, то Торэз — против мира, за войну и против Германии. А так как Торэз может выражать только точку зрения Коминтерна, то значит, в интересах СССР продолжать войну на Европе; в интересах СССР — затяжка этой войны. Это тоже в интересах французских коммунистов — и Торэз это прекрасно понимает. Но у нас в газетах, конечно, эту точку зрения не выражают, потому что, как-никак, у нас договор с Германией, и не от нас зависит быстрая победа Германии или затяжная война. Во Франции не выходят газеты. Вчера звонил Екатерине Алексеевне (бабушке Митьки). Она мне сообщила, что Митька приедет 4го. 4го вечером я туда позвоню и, если это будет возможно, уговорюсь с Митькой о встрече. Сегодня звонил Оболенской (бабушка дала мне ее телефон). Эта Оболенская — художница, знакомая отца. Говорят, что она талантлива. Я ей сегодня опять позвоню в 6 часов и если она сможет, то зайду к ней и пока-

жу ей мои рисунки. Авось она даст какие-нибудь конкретные советы (не в стиле МОССХа) и даже согласится со мной заниматься (но это менее правдоподобно). Во всяком случае, я надеюсь, что что-нибудь из моей встречи с ней да и выйдет. Если, по тем или иным причинам, ничего из этого не выйдет, то всегда можно будет сказать, что одну из возможностей я испытал — попытка не пытка. Сегодня иду с матерью смотреть американский фильм «Большой Вальс» (о Штраусе). Я этот фильм уже видел, но матери скучно идти одной, а я хочу, чтоб она этот отличный фильм увидела, так вот я и тащусь. Вчера были у старушки (Меркурьевой). Была там «интеллигентная девушка», у которой красивый голос, а остальное — нормальное (не очень-то красивое). Она мало говорила (почти совсем нет), а когда заговорила, то чтоб сказать о своем общежитии, что никого не интересует. Но, в сущности, она симпатичная, и я слишком требователен. И то хорошо, что она не «дылда», а все-таки культурная девушка. Но, например, Иэта — умнее ее. А вообще, хотя они и хорошие, чорт с ними всеми; как-никак, я люблю женщин хоть немного, но соблазнительных; а так... Впрочем, все это пустяки. Вообще редко встретить женщин чувственных и умных, красивых и умных — это редкость. Умные не чувственные, а если чувственные, то некрасивые, а если красивые, то «абстрактно» и не «зажигающе». Конечно, есть исключения, и это-то и хорошо.

3/VII-40

Вчера был у Оболенской. Elle m'a dit de faire une nature morte (ou plusieurs) au crayon et à l'huile. Elle est assez sympathique. Je lui apporterai mes travaux (pour le moment encore futurs) et elle les jugera (BRR!). En quelque sorte ces derniers temps m'ont «découronnés» de l'idée que je me faisais de mon talent de dessinateur. Après tout il s'est découvert qu'il n'y avait là rien de bien extraordinaire; il s'est découvert que j'étais un couillon de faire seulement des «caricatures abstraites» absolument idiotes et bonnes à rien. J'ai vu cela trop tard. Mais je ne regrette rien et n'ai jamais rien regretté, alors... Il est manifeste qu'il faut que mes caricatures aient un sens bien défini, qu'elles soient réalistes. Sans cela elles ne valent rien. Avant je me réfugiais dans l'abstrait, maintenant il faut prendre

un chemin plus difficile et plus «responsable». Demain – après-demain, je commencerai à peindre à l’huile des natures mortes et à les faire au crayon comme l’a dit Obolenskaïa. Il faut que je prenne un chemin tout différent de celui que j’ai pris jusqu’ici. Aujourd’hui – coup de téléphone de Moulia qui annonce que demain, tout sera réglé et qu’on aura pour trois ans ... la chambre des Sokolniki! Demain il viendra et on verra ce qu’il en est. Mais c’est terriblement emmerdant! Cet idiot de Moulia a si bien entretenu l’espérance qu’on avait de ne pas vivre dans la périphérie, il a tellement insufflé de son optimisme imbécile que maintenant c’est un château de cartes de plus qui s’écroule pour moi! L’imbécile! Il faisait entrevoir une possibilité de vivre à la Sretenka, au centre de Moscou. Et le pire, c’est que la chambrette où nous devons emménager n’a que 11 mètres. Et le pire, c’est que ça veut encore dire une école où je n’aurai pas de copains ni d’amis. Et le pire, c’est que ma mère va gémir et avoir des scènes avec moi! Enfin, on verra demain. En tous cas, c’est la quintessence de l’emmerdement. Demain arrivera Mitia et probablement après-demain je le verrai. C’est le soir et je n’ai rien à foutre. J’ai lu «Le Reflux» de Stevenson et j’ai commencé le «Tom Jones» de Fielding. Mais on ne peut pas lire toute la journée, nom de Zeus! Et je n’ai rien à faire. Tout de même, c’est anormal: un jeune homme qui n’a rien à faire le soir – on doit s’imaginer que c’est un couillon. Aujourd’hui je montrerai mes dessins au mari de Natacha, notre voisine. Peut-être en résultera-t-il quelque chose. Le mari de Natacha est peintre, alors... J’ai vu deux numéros de la N.Revue Française – rien de formidable, toujours les mêmes trop intellectuels couillons et assez attrayants. Ai entendu à la radio ce matin, de source allemande, que les Allemands ont occupé les îles anglaises Jersey et Guernesey. C’est peut-être un canard, après tout. Et toujours ab-so-lu-ment rien à foutre – rien! Ma mère est vautrée à lire le «Journal» de J. Renard. Elle se fout absolument que je m’emmerde atrocement. Tout de même c’est affreusement emmerdant. Sortir, – Et pour aller où? Et le soir est beau et frais; dans le square les arbres soupirent, la ville est là, à portée d’oreille... et voilà! J’ai rien à foutre! Pas de copains, d’amis, RIEN! Maman m’emmerde avec ses déclarations réitérées qu’elle a chaud. Si seulement Mitia restait à Moscou! Mais il part à la campagne et ne reviendra qu’en septembre. C’est à peine si je pourrai le voir à Moscou. Isolation absolue et

complète. Incompréhension de la part de ma mère. Je sais. C'est banal – mais c'est comme ça, et bien empoisonnant, ça, je peux l'assurer. RIEN! Ah! merde! Et le doux et frais soir de Moscou, là, quand la ville est là, tout près, et le ronronnement des autos, et la fraîcheur des soirs, de ce soir. Et rien! C'est idiot... Mais vraiment, il y a des moments, où j'en ai marre de la vie. Je ne pense pas au suicide. Mais parfois j'en ai marre. Qu'est-ce que je ferai à aller me promener? Tout seul? La vue des copains et copines qui se promènent suffit à m'empoisonner la promenade. Ce n'est pas que je ne peux pas rester seul, mais ce sentiment d'être isolé, ce complexe d'infériorité, en un mot. Car je suis isolé – et par là même, inférieur. Je connais beaucoup de gens cultivés, beaucoup d'intellectuels, des filles très bien. Tout cela, c'est bien, mais ce n'est pas suffisant. Ce n'est pas avec eux qu'on va se promener! Et cette sorte de satisfaction amère qu'on a d'être seul ne suffit pas! C'est de la blague! Seul! Je voudrais quelque chose d'intensif, une amitié ou un amour, mais RIEN! Rien ne vient. J'ai devant ma fenêtre un arbre vert, entre les feuilles duquel on voit des coins de ciel bleu – du soir. Et le vent pénètre par la fenêtre et, avec lui, le halètement et les soupirs de la ville. Et moi je suis seul. Décidément il faut s'arranger pour aller au théâtre un soir. Demain soir je téléphone à la grand-mère de Mitia, pour demander s'il est arrivé et, s'il est arrivé, je lui donnerai rendez-vous pour le 5 (s'il le peut). C'est le seul type avec lequel il fait plaisir à parler pour de vrai. Il a ses défauts mais aussi ses qualités, comme une très grande intelligence, un bel esprit. Il est très brillant, et je suis à l'aise avec lui. On parlera du soir de France, on se marrera, on rira et j'oublierai ma solitude jusqu'au moment où il partira et là, je la sentirai plus grande encore... Demain matin je commencerai ma nature morte à l'huile. Dieu de Zeus, quelle saleté ce sera probablement! J'ai grande envie d'être écrivain et de plaquer la peinture et la graphique. Mais on verra, on verra... J'ai l'avenir devant moi, et il apporte probablement avec lui, avec sa cargaison d'emmerdements, de la joie aussi et j'en aurai, j'en aurai! C'est aussi sûr que deux fois deux font quatre! Après tout, vive la vie! Je ne la connais pas toute, et elle me réserve encore des surprises dont quelques-unes seront agréables.¹

¹ Здесь и далее русский перевод к большим фрагментам французского текста следует сразу после данного текста.

Она мне посоветовала сделать натюрморт (или несколько) карандашом и маслом. Она довольно симпатичная. Я ей принесу свои работы (пока еще будущие), и она их оценит (брр!). В каком-то смысле за последнее время я оказался «развенчанным» в своих графических талантах. В конце концов выяснилось, что фактически не было ничего такого необыкновенного, выяснилось, что я был м...ком, что рисовал только «абстрактные карикатуры», совершенно идиотские и никчемные. Я это обнаружил слишком поздно. Но я ни о чем не жалею и никогда не жалел, вот так! Совершенно ясно, что мои карикатуры должны иметь определенный смысл и быть реалистичными. Без этого они ничего не стоят. Раньше я находил выход в абстрактности, теперь надо выбирать более трудный и «ответственный» путь. Завтра-послезавтра я начну писать маслом натюрморты и рисовать их карандашом, как сказала Оболенская. Мне нужно идти по совершенно иному пути, чем раньше. Сегодня – телефонный звонок от Мули, объявившего, что завтра все будет налажено и что мы получим на три года... комнату в Сокольниках. Завтра он придет, и посмотрим, как дело обстоит на самом деле. Но это уж совсем говенно! Этот идиот Муля внушал нам такую надежду, что нам не нужно будет жить на периферии, он вдохнул в нас столько своего дурацкого оптимизма, что теперь еще один карточный домик для меня рухнет! Дурак! Он позволял думать, что есть возможность жить на Сретенке, в центре Москвы. И самое ужасное то, что комнатуха, куда надо будет переехать, всего в одиннадцать метров. Хуже всего то, что это, значит, еще одна школа, где у меня не будет ни товарищей, ни друзей. И хуже всего еще то, что мать начнет канючить и устраивать мне скандалы! Ну ладно! Завтра посмотрим. Во всяком случае, это квинтэссенция хреновины. Завтра придет Митя, и послезавтра я его, вероятно, увижу. Сейчас вечер, и мне решительно не черта делать. Я прочитал «Отлив» Стивенсона и начал читать «Тома Джонса» Филдинга. Но нельзя же читать целый день, черт возьми! И мне нечего делать. Все-таки это ненормально: пятнадцатилетний юноша, которому вечером нечего делать, – можно подумать, что он м.... . Сегодня я покажу свои рисунки Наташиному мужу. Это наша соседка. Может быть, из этого что-нибудь и выйдет. Наташин муж – художник, поэтому... Я видел два номера «Нового французского журнала» – ничего такого уж особенного, все те же слишком интеллектуальные м...ки, и все же довольно привлекательные. Сегодня утром я слышал по радио, из немецкого источ-

ника, что немцы заняли английские острова Джерзе и Гернезе. Это, может быть, окажется уткой в конце концов. И все еще абсолютно нечего делать, черт! Мать валяется и читает «Дневник» Ж.Ренара. Ей абсолютно начхать, что я так хреново скучаю. Все же это совершенное г...! Пойти погулять? А куда идти? А вечер такой хороший и свежий. В сквере деревья вздыхают, город весь тут, со всеми своими звуками... и вот. Мне до черта скучно. Ни товарищей, ни друзей. НИ-ЧЕ-ГО! Мама пристает каждые пять минут со своими повторными жалобами, что ей жарко. Если бы Митя остался в Москве! Но он едет на дачу и вернется только в сентябре. И я даже почти не успею с ним повидаться в Москве. Полная и совершенная изоляция. Полное непонимание со стороны матери. Я знаю, это банально, но это так, и это очень занудно, ручаюсь. НИЧЕГО! Ах! Чорт! И ко всему — тихий и свежий воздух вечерней Москвы. Большой город совсем близко, машины тихо урчат, воздух свеж, сегодня особенно. И нечего делать! Это глупо... но действительно бывают моменты, когда мне вся жизнь так осточертела... Я не думаю о самоубийстве, нет. Но иногда я просто изнемогаю. Чего я пойду гулять, один? От одного только вида гуляющей молодежи вся прогулка испорчена. Не то что я не могу оставаться один, но это чувство изоляции, одним словом — комплекс неполноценности. Ибо я изолирован, следовательно, принижен. Я знаю много культурных людей, интеллигентов, порядочных девушек, все это очень хорошо, но этого мало. Не с ними же пойдешь гулять. И этого горького чувства удовлетворения, что ты один — недостаточно. Глупости! Один! Мне хочется чего-то интенсивного, дружбы, любви, но нет НИЧЕГО. Ничего не появляется. Перед моим окном стоит зеленое дерево, через его листья просвечивает кусок голубого неба — вечернего. И ветер входит в окно, и вместе с ним — городское дыхание и вздохи. А я один. Надо, в конце концов, устроиться как-нибудь, чтобы вечером пойти в театр. Завтра вечером я позвоню Митиной бабушке, чтобы спросить, приехал ли он, а если он приехал, я ему назначу встречу на 5⁰⁰, если он свободен. Это единственный тип, с которым приятно поговорить по-настоящему. У него свои недостатки, но есть и достоинства, как, например, настоящий ум, замечательные мысли, он очень блестящий, и мне с ним хорошо. Будем говорить о вечерней Франции, будем смеяться, дурака валять, и я забуду о своем одиночестве, пока он не уедет. А тогда я почувствую себя еще более одиноким... Завтра утром примусь за свой натюрморт маслом. Черт подери! Какая это будет видимо дрянь! Мне очень хочется быть писателем и бросить рисование и графику. Но...

посмотрим, увидим. У меня все будущее впереди, и оно должно принести с собой кучу неприятностей, но и радостей. И они у меня будут, обязательно будут. Это точно, как дважды два – четыре. В конце концов, да здравствует жизнь. Я ее знаю не всю, она мне готовит сюрпризы, из них некоторые будут приятными.

5/VII-40

Позавчера был у мужа Наталии Алексеевны. Он просмотрел мои рисунки, оценил их по заслугам. Мы с ним вполне сошлись во вкусах по оценке искусства. Он показывал мне и матери много отличных работ. Он меня научил новому (для меня) способу (технике) – технике сухой туши. Он сказал, что я могу когда угодно к нему зайти, и он мне всячески поможет. Так что у меня теперь два хороших консультанта – Оболенская и он. Я вчера сделал натюрморт в масле, а сегодня в карандаше. Конечно, это скучновато, но необходимо. По-моему, моя первая работа маслом вышла совсем неплохо – для начинающего. Вчера позвонил бабушке – Митька приехал, и мы с ним условились встретиться сегодня, в 2 часа дня, у троллейбусной остановки напротив гостиницы «Москва». Я очень рад, что мы с ним повидаемся: сколько рассказать друг другу есть чего! Сегодня придет Муля, но, очевидно, я его не увижу, так как он придет, когда я уйду к Митьке. Вчера Муля предполагал, что сегодня мать и он пойдут в нотариальную контору заключить контракт на комнатку в Сокольниках, на 3 года. Но хозяйка этой комнаты отложила на завтра. Я всячески агитирую мать не брать этой комнатки: окраина, 11 метров, нет телефона, нет ванны, грязно, и три остановки трамвая от метро. Мать внесла за эту комнату авансом 800 рублей, а теперь не знает, удастся ли ей выцарапать эти деньги, имеет ли она право сдавать эту комнату (все-таки 3 года там торчат, это немножко множко); 850 рублей – это плата за 8 месяцев проживания в этой комнатке; мать внесла эти деньги в марте; будет ли хозяйка считать, что мы живем с марта, или с того месяца, когда мы въедем? Все эти вопросы еще не разрешены. Мать тоже не хочет брать этой комнаты, но Муля все время твердит, что ничего другого нельзя достать (за эту цену). Все-таки я все время говорю матери окончательно отказаться от этой комнаты. С марта месяца эта хозяйка нам

морочит голову, говоря, что есть комната на Сретенке, потом говоря, что нельзя туда ехать, и водит Мулю за нос. Эта волынка, бесспорно, надоела. В общем, как будто сегодня мать и Муля будут иметь серьезный разговор по этому поводу. Есть еще некая Рябинина, из Гослитиздата, которая говорила, что возможно достать комнату в Москве за скромную плату. Опять-таки, быть может, это только слова? В ближайшее время мы это проверим. Вильмонты всячески советуют не брать этой комнатухи. Но теперь они уехали на дачу и ничего не могут нам искать. Если мать откажется от Сокольников, то мы обратимся к Рябининой — увидим, что стоили ее обещания. Я очень боюсь, что мать все-таки подпишет контракт на эту комнату, и тогда уж ничего не останется, как въехать. Этот вопрос — с отказом или принятием Сокольнической комнаты — выяснится в ближайшем будущем. Факт тот, что нам осталось жить здесь, на улице Герцена, два (почти два) месяца. После этого куда мы поедем — вопросительный знак. Факт тот, что пока конкретная возможность, хотя еще и не решенная, — комната в Сокольниках. Но я бы все-таки эту комнату не брал: слишком мала (просто смешно мала), нет телефона и ванны, и окраина, да еще вдобавок три остановки трамвая от метро. Я очень хочу не беспокоиться, но у меня ничего не выходит. Лучше об этом не думать. Главное, мама въедет туда, а потом будет жаловаться, что въехала, что Муля «завез», когда от нее и зависит, отказаться от этой комнаты или принять ее. Впрочем, скоро этот вопрос разрешится, так или иначе. Страшно хотелось бы купить новую самопишущую ручку за 45 рублей, но мать не даст денег на это, так как у меня уже есть несколько самопишущих ручек. Весть из НКВД: бабушку Митьки и Софы запросили о состоянии здоровья ее внуков, очевидно, по запросу Нины Николаевны. Бабушка тогда спросила, в каком состоянии дело, на что ей ответили, что дело подходит к концу. Это верно. По-моему тоже, дело подходит к концу. В сентябре (27го) будет год, как арестовали Алю и Милю (Эмилию Литauer). Все еще не купил два учебника — по литературе и упражнения по химии. Попрошу Мулю порыскать, чтобы мне это подыскать. Каждую ночь происходят интенсивные бомбардировки как английской, так и германской территории. Но это все только прелюдия; большая симфония еще не началась. Ясно, что немцы приготавливаются к вой-

не против Англии. Англии придется вести войну на двух фронтах: на своих островах против Германии и в своих колониях против Италии. Но еще настоящая война против Англии не началась ни на метрополии, ни в ее колониях. Правда, как я уже писал выше, происходят бомбардировки и Англии, и Германии, но Германия все же еще не напала на Англию. Германский флот приносит огромный ущерб британскому флоту, топя его торговые пароходы и иногда военные суда (как вчера авианосец). Всегда говорят о морской мощи Британской империи, а сейчас этой мощи что-то не очень видно! Конечно, нападение на Англию с воздуха и с моря и высадка там десантных частей – опасная операция, но я уверен, что Германия с этим справится. Пока же она подготавливается. Как скоро начнется «настоящая» война против Англии и ее колоний, неизвестно, и ничего нельзя сказать по этому поводу. Все зависит от скорости германской подготовки для нанесения решающего удара на Англию.

6/VII-40

Вчера был Муля. После того, как мы все «взвесили», то порешили окончательно отказаться от комнаты. Деньги, внесенные авансом, Муля возьмет обратно (у него есть расписка, что если хозяйка не закрепит эту комнату за нами до 20 мая, то он может взять деньги обратно). Я надеюсь, что Муля не выкинет какой-нибудь штуки, возьмет деньги обратно, и мы будем избавлены от призрака Сокольнической комнаты. Конечно, вполне возможно, что эта жулябия-хозяйка Сокольничей комнаты не захочет отдать деньги. Но у Мули есть эта бумажка – тогда будет предъявлен иск, придут описывать имущество, так что мы свои деньги получим – и это главное. На днях мать пойдет к Рябининой и узнает уже о предполагаемых комнатных возможностях. Вчера встретился с Митькой. Он, после двухмесячного лечения кумысом в Башкирии, поправился. Были с ним в «Мороженом»... и ели мороженое. Ходили по букинистам. Он (так как он ярый библиофил) накупил на 33 рубля книг. Он предполагает после окончания десятилетки поступить в Институт западной литературы. Пока он очень много читает и пополняет свою культуру. Я купил поэму Асеева «Маяковский начинается» и очень этому рад, потому что поэма отличная и книга хоро-

шо издана. Митька в следующем учебном году (в сентябре) поступит в 10^й класс 167^й школы (бывшей «образцовой» 25^й). Он меня вчера агитировал, чтобы я тоже туда поступил. (Это, кажется, наикультурнейшая из школ столицы). Конечно, перспектива учиться в более культурной школе, чем в тех, где я до сих пор был, меня очень пленяет. Но все зависит от того, в каком районе мы будем жить: будет ли этот район близок или отдален от того района, где находится школа. Дело тоже в том, смогу ли я поступить в эту школу, не будучи обитателем ее района, допустят ли меня туда и т.п. Лиля что-то говорила, что ее знакомая учительница смогла бы меня туда устроить. Потом наша знакомая писательница-«орденоносец» Шагинян могла бы замолвить словечко. Но пока об этом рановато говорить. Мы с Митькой много смеялись вчера и испытывали странное чувство: немцы на Елисейских Полях! Не знаю, как это воспринимать: в сущности, ничего особенно трагического в этом факте нет. Митька сегодня уезжает на дачу. Я дал ему мой телефон и адрес. Мы с ним пробыли 3 с ½ часа. Вчера вечером я пошел с Верой (моей теткой) к Григорьеву (художнику). Григорьев, просмотрев мои рисунки, вполне справедливо заявил, что мне нужно начинать с элементарнейших вещей, буквально с азав, потому что я ничего не знаю, не имею понятия о перспективе и т.п. Это верно. Григорьев сказал, что мне не нужно стараться держать экзамены в среднюю художественную школу, так как за год они очень много прошли, и если я не мог выдержать в 3^й класс, то в 4^й тоже не смогу, потому что очень строгие испытания. Он (Григорьев) сказал, что предполагается сделать курсы рисунка (с осени); туда очень трудно попасть, потому что они (как я понял) не «официальные». Григорьев дал мне письмо директору курсов (я не разобрал эту фамилию). Это письмо я должен вручить этому директору на выставке (Сретенка, 27/29), и он мне тогда все скажет об этих курсах. Возможно, что с этой комбинацией что-нибудь и удастся. Во всяком случае, нужно попытаться пойти и этой дорогой. Если из этого ничего не выйдет — пустяки. Дали мне также адрес одной студии, на ул. Горького. Туда тоже надо наведаться (существует ли эта студия, даже это неизвестно). Мне все эти ходы и выходы, переходы и хождения по художникам, вся эта катавасия беспрерывно надоела. Конечно, попытка не пытка. Может из всего

этого «художественного сумбура» что-нибудь и выйти. Если мне все это не понравится, никогда не будет поздно все это бросить, а попытаться не мешает: может, что-нибудь из меня в этом смысле и выйдет. Когда на вопрос, чем в дальнейшем я хочу заниматься, я ответил, что, в конечном счете, рассчитываю поступить в институт ИЗО (в Москве), то Григорьев покачал головой и сказал, что туда исключительно трудно поступить и что почти никто туда не поступает, так трудно там пролезть. Последняя выходка директора ИЗО-института И.Грабаря: он выгнал целую группу студентов-четверокурсников под предлогом бездарности! Вот сволочь! Все сведения, которые я слышал о Грабаре, отличаются ярко выраженным отрицательным характером. Грабарь всячески затрудняет попадание в институт: об этом говорили и Иэта Квитко, и Миля Шагинян, и ее подруга Гальперина. Но пока рано думать об институте. Авось к тому времени, когда я туда буду поступать, будет кто-нибудь другой, а не Грабарь. Вообще, пока мне на это наплевать; сейчас нужно выяснить, есть ли у меня подлинный талант или нет; и нужно учиться рисованию и живописи, хотя это и скучновато. Если мое отвращение к живописи будет продолжаться, если обнаружится, что я вообще не могу делать серьезных работ, если меня будет отвращать вся эта художественная кухня и больше будет привлекать литература, то никогда не поздно будет отвернуться от художников и повернуться к писателям. А пока нужно попробовать свои силы на художественном поприще. В общем, увидим. Вчера купил самопишущую ручку за 45 руб. Англичане забрали французские военные корабли, которые находились в английских портах, чтобы помешать им возвратиться во Францию под контроль немцев. Говорят, что произошли столкновения между английскими и французскими моряками. Говорят тоже, что фашистофильское правительство Франции порвало дипломатические отношения с Англией (очевидно, в связи с захватом последней военных французских кораблей). Да, теперь во Франции наступило время фашизации: немцы и Ла-Роки, Дорио, Бэльби и Лаваль. Немцы разрешили работать французским радиостанциям в неоккупированных зонах: и это показательно, потому что показывает, что немцы сильно рассчитывают на сотрудничество французских фашистов, и так на них рассчитывают,

что не боятся разрешить радиостанции. Сегодня думаю пойти на Сретенку и повидать там этого директора и передать ему письмо Григорьева.

6/VII-40

Вчера вечером были у Меркурьевой (старушки — переводчицы Шэлли). Там познакомились с Кочетковым (переводчиком). Я показал мои рисунки. Всем очень они понравились. Сказали, что непременно мне нужно показать эти рисунки графику Фаворскому и поговорить с ним. Он очень милый человек (говорили Кочетков и его жена), влиятельный; настоящий художник и который может мне помочь конкретными советами, куда обратиться мне и что дальше делать. Фаворский — знакомый Кочеткова, и Кочетков обещался устроить мне встречу с этим графиком. Все дивились, как это я не могу добиться как будто простой вещи: учиться рисовать! Кочетков и жена были очень милы; во всяком случае, если выйдет встреча с Фаворским, то будет очень хорошо, так как он действительно посоветует мне что-нибудь конкретное (как я предполагаю). Кочетков сказал, что если он узнает, где в данное время находится Фаворский, то он мне позвонит и устроит эту встречу. Я предполагаю до того, как не встречусь с Фаворским, не идти с письмом Григорьева к директору курсов. Нужно использовать все возможности, и Кочетковы сразу так и сказали, что мне непременно нужно показать мои рисунки Фаворскому и посоветоваться с ним. Так как у Кочетковых вид был абсолютно убежденный, что эта встреча мне принесет большую пользу, то эта возможность мне теперь предстает как чреватая, быть может, неплохими последствиями. Ничего не нужно заранее предполагать, но надеяться все же не запрещено, хотя преувеличивать надежду тоже не стоит. Продолжаются интенсивные бомбардировки английских и германских военных объектов, торгового флота и т.п. Каждый день новый налет германской авиации на английские портовые сооружения, потопление германскими подлодками торговых пароходов противника и бомбардировка английских промцентров. Каждый день английская бомбардировочная авиация совершает налеты на крупные германские промцентры: Кельн, Дортмунд, Ганновер и т.д. Французское правительство Пэ-

тсена находится в Виши. Сообщают из американского источника (по радио), что французский Совет министров поручил Лавалю представить на следующей неделе проект новой французской конституции (ограниченные права парламента, слияние постов президента Республики и премьер-министра в одного верховного руководителя, который будет сам назначать Совет министров, – в общем, диктатура). Я не думаю, чтобы эти сообщения были уткой – возможно, что они подтвердятся в ближайшем будущем. Упорно продолжают циркулировать слухи о предстоящем создании нового французского правительства, куда бы вошли Ля-Рок и Дорио. Я предполагаю, что эти слухи тоже не без основания. В общем, во Франции устанавливается профашистский строй, очевидно, будет резко германофильское правительство. Изменяется же конституция для облегчения «фашизации» страны. Все эти еще пока предположения, очевидно, скоро подтвердятся. Франция вчера разорвала дипломатические отношения с Англией (в связи с захватом французских военных судов англичанами). Этот разрыв еще более подчеркивает, что германофилы сейчас у власти во Франции.

8/VII-40

Сегодня утром взял билет на джаз Утесова – на сегодня вечером, в 9 часов. Пошел сегодня на Сретенку, 27/29 и передал директору «курсов по рисованию и живописи» письмо-записку Григорьева. Он (директор) сказал, чтобы я зашел в сентябре. Он не знает, будут ли курсы в этом году или нет; если будут, то тогда увидим. Посмотрел работы учащихся этих курсов – полезно, но чуть скучновато. Директор сказал, чтобы я принес рисунки. Но какие рисунки? – Не карикатуры же! Придется, по-видимому, сфабриковать хоть немного «классические» рисунки и преподнести их осенью. Эти курсы – курсы подготовки преподавателей. По афише – туда принимаются люди, окончившие десятилетку и имеющие 18 лет (от 18 лет). Меня это несколько смутило. Но Григорьев говорил, что это не имеет значения. Во всяком случае, осенью увидим. Пока, как это ни скучно, придется сфабриковать с десяток «благопристойных» рисунков и осенью (в сентябре) их показать этому директору. Значит, сегодня иду на Утесова. Это хорошо. Это меня здорово развлечет.

Продолжаю читать преинтересную книгу Филдинга «Том Джонс». Кочетковы мне сказали, что я смогу на их имя брать книги в библиотеке ССП (Союза советских писателей). Все-таки чорт его знает — буду ли я художником-графиком или пойду по литературной тропе? Еще ничего нельзя сказать по этому поводу. Поживем — увидим. Купил сегодня на два рубля нотной бумаги — для ведения этого дневника. Я рад, что купил ручку за 45 рублей. Сегодня обещал прийти Муля. Пришел Вильмонт (который приехал на 2 дня в Москву из Дома отдыха писателей в Малеевке). Мать сегодня сдает свои переводы болгарских поэтов. Вильмонту это очень понравится. Мать сегодня была у Рябининой (насчет комнаты). Рябина сказала, что за 250–300 руб. можно достать хорошую комнату в центре. Она теперь уезжает в отпуск на 2 недели. Как только она приедет, то займется этим делом (комнатой). Вообще была очень мила. За книгой стихов Ахматовой стояли в очереди с 4 час. утра. Кочетков говорил, что среди вузовцев многие ждут появления сборника стихов матери. («Раз Ахматова выпустила книгу, то почему и Цветаевой» и т.п.) Он говорит, что множество людей знает и любит стихи матери и что все ждут появления ее сборника. Дело в том, что все главные мамины стихотворные вещи стоят на таможне с нашими вещами, под арестом. Вещи были посланы на имя сестры моей Али; она написала доверенность на имя мамы. Потом ее арестовали и арестовали вещи. Мать двоекратно обращалась в НКВД, но это не дало результатов. Адвокат Барский говорит, что дело можно выиграть и он может взяться за это дело. Союз писателей ничего не сделает (боятся: как-никак, сестра матери, Ася, выслана в Хабаровский край; матери муж и дочь арестованы, и арестована вся семья, которая с нами жила; вот они и не смеют ничем помочь — боятся). Пока вещи спокойно лежат под арестом — их не продадут. Там много хорошего добра и рукописи, и книги, и носильные вещи, и костюмы. Сегодня проходил около Наркоминдела, около парикмахерской. Там, на этом самом месте, у этой самой перекладины, ждали мы с отцом в августе–сентябре 1939го года человека из НКВД. Человек приходил. Папа с ним начинал ходить вниз и вверх по Кузнецкому мосту, опираясь на маленькую палку, а я ждал у парикмахерской. Потом они расходились, и мы с папой уезжали обратно в Болшево. Когда я сегодня проходил око-

ло этого места, мне сделалось больно и горько. Все-таки я надеюсь от всего сердца на праведность НКВД; они не осудят такого человека, как отец! Я никак не могу думать, что отца куда-нибудь вышлют или что-нибудь в этом роде. Я уверен, что его оправдают, выпустят, прекратят дело, а Львовых осудят. И выпустят Алю. И Милю. Главное, у меня такое чувство, что дело приближается к концу. И бабушке это сказали, и отца перевели в НКВД из Лефортова, и Павел Балтер в НКВД, так что они все там собраны, и это дает предположение о скором исходе этого дела. Отец сидит уже 9 месяцев, Аля и Миля – 10 месяцев с лишним, Львовы 8 месяцев, а Павел всего лишь месяц с лишним. Но ясно, что Павла арестовали как свидетеля. Иначе и не может быть. Вспоминаю со сложным чувством кисло-сладкой трагичности дачу в Болшеве. Больной сердцем отец и тасканье мое с ним на почту в Болшево, где долго ждали телефона. Жара. Отец почти седой, с палкой, в сером пиджаке. Благородное, умное и кроткое лицо. Именно благородное. Нервный. Я его очень жалею и жалел. Неладно у него было с сердцем – нередко припадки, и приходила Нина Николаевна со шприцом. Поездки с отцом в город и встреча с человеком из НКВД. Приезды в Болшево Алеши (теперь высланного на 8 лет). Гулянье его и Митьки и езда на лодке. Устраивание колец и каждое утро занятия мои физкультурой под руководством отца. Но нет. Вспоминать об этом поистине трагическом времени в Болшеве не стоит. Жаль отца; жаль, что он угодил в тюрьму. Бедный отец! Но надеюсь, что его оправдают. Алю жалко, но отца больше жалко. Как он самоотверженно работал во Франции! Сколько он там замечательного дела сделал. И из-за этого-то я и не могу ни минуты подумать, что его осудят и вышлют. Нет, в это не верю. Его оправдают и освободят. Я в этом убежден. Слишком он много пользы сделал для СССР во Франции. Все должно хорошо кончиться, и все кончится хорошо. Так нужно. И я в этом убежден до мозга костей и шлю к чорту пессимистов каркающих.

10/VII-40

Вчера был на Утесове – неважнец; в Эрмитаже очень красиво, но скучно одному. Вчера позвонил Кочетков и сообщил, что Фаворский ждет меня 10го в 10 часов. Я пошел се-

годня к Фаворскому. Это бородатый субъект лет 60^и, на вид мямля. Он мне ничего путного не сказал. Опять сказал, что нет студий. Постарается что-нибудь найти для меня (в чем сильно сомневаюсь); сказал, что по рисункам ничего нельзя сказать; сказал, что нельзя быть только графиком и что «У нас графики занимаются живописью». Сказал, что если ничего со студией не получится, то придется мне самому заниматься (здрассте!). Я теперь твердо решил, что один заниматься не буду. Лучше поступлю в Институт западной литературы, чем корпеть, как дурак, над натюрмортами, да еще один! Нет, избавьте. Понесли сегодня передачу в НКВД. Але передачу приняли, а отцу нет. Мать спросила, не умер ли он. Ответили, что нет. Сказали, чтобы пришли 26го, — тогда передачу примут. Мать страшно взволнована. Она уверена, что отец или умер, или в больнице. Это странно, что передачи не принимают. Обычно передачу не принимают, когда человек в больнице. Можно предположить, что следствие закончилось и будет суд, но отчего же сказали: 26го приносите деньги? А мать все говорит, что отец или умер — и 26го дадут ей его бумаги, или в больнице — и скоро умрет. В том, что отец не умер, я абсолютно убежден. Мать дважды спрашивала, умер ли он, в больнице ли он, но отвечали, что он не умер и что 26го можно будет внести деньги. Может, по их подсчетам, у него достаточно денег, а 26го можно будет внести? Или суд скоро будет и кончилось следствие? Во всяком случае, мы завтра пойдем в «Вопросы и ответы» (справки о заключенных) и, наверно, что-нибудь об отце узнаем, во всяком случае, если не завтра, то послезавтра — во всяком случае, скорее, чем 26го. Действительно, нужно знать причину неприятия передачи. А причина, бесспорно, есть, только не могу сказать какая. Но мы скоро ее узнаем. Сегодня должен зайти Муля. Мать пойдет к Барскому (сегодня) добиваться насчет вещей, т.е. не добиваться, а поручить вручить ее иск судье. Все-таки почему не принимают передачи? И почему говорят, что «26го — примем»? Что это за штука? Может, отец в больнице? Но тогда — 26го? Во всяком случае, узнаем, в чем дело, до 26го. Скорее всего, что отец в больнице. А может, суд? Все может быть. А в его смерть я не верю и не поверю. Когда человек умирает, то отдают его бумаги. Мать думает, что 26го ей отдадут бумаги. Но это чушь. Читаю преинтересную и препоучительную книгу Олдингтона «Смерть героя».

Там исключительно здравые рассуждения о половых сношениях, о браке, которые я целиком поддерживаю. Эти рассуждения вполне совпадают с моими воззрениями: иметь наслаждения с женщиной, но не иметь детей. Есть, конечно, презерватив, но с презервативом вряд ли интересно «faire l'amour»¹. Говорят, что есть противозачаточные средства. Но гарантируют ли эти средства невозможность (при их употреблении) зачатия? Или допускается, что средства могут «подложить свинью»? Хотел бы я знать, по-настоящему ли эти средства эффективны или это все шутки? Судя по некоторым рассуждениям Олдингтона и его героя Джорджа, эти средства вполне обеспечивают наслаждение «спокойное» и без страшного риска обезображивающей беременности и т.п. Но можно ли верить Олдингтону? И есть ли у нас в Союзе вполне надежные средства? Вот хорошо, если бы были! Можно тогда дать эти средства своей любимой и предаться с ней всем утехам любви, свободно и полноценно; можно учиться любви в полной безопасности. Потому что действительно грустно видеть молодоженов, которые обожают друг друга, а потом появляются «детеныши» и мерзкая, в связи с этим, вольтка! Как в фильмах: видно, он и она любят друг друга, и кончается тем, что выходят замуж. А потом — конец. Ну и подразумевается, что у них будут «детки». Или они об этом не думают, а неосторожно предаются страсти, а потом ходи, как дурак, с женой с огромным животом! Нет, избавьте! Действительно, такая дилемма: не утоляй жажды женщины, или спи с проститутками, или — женись, познай любовь, а потом — живот, роды, пеленки, крики ребенка и оглушение матери и т.п.; такая дилемма неприемлема для современного человека. Если, как пишет Олдингтон, противозачаточные средства эффективны и на них можно положиться, то тогда это поистине замечательно.

11/VII-40

Сегодня мать была в «Вопросах и ответах». Об отце мы узнаем 15го. Во всяком случае, 15го — это раньше, чем 26го. Сегодня меня тошнило и была мигрень. Очень жарко, и это неважно действует на организм. Только что были Лиля и

¹ «заниматься любовью».

Муля. Муля даст публикацию в «Вечерке» о комнате. По крайней мере, я теперь уверен, что мы будем жить в Москве (если не случится, что папу вышлют куда-нибудь неподалеку от Москвы (100–200 км) и тогда мы, возможно, поедем туда жить — ну и перспектива!). Вообще, Муля со мной согласен, что дело скоро закончится. От конечного исхода этого дела зависит наше будущее. Муля говорит, что я веду противоестественный образ жизни: «одну половину дня проводишь в затхлой комнате, а вторую — в библиотеке». Муля, пожалуй, прав. Буду ходить в Зоопарк. Он говорит, что такая затворническая жизнь влияет на здоровье. Он согласился, когда я сказал, что очень скучно куда бы то ни было ходить одному. Он говорит, что такие уж обстоятельства — переезды и т.п. помешали иметь мне товарищей. Он говорит, что я совершенно не развит физически — нужно развить мускулы рук, плечи расширить и грудную клетку. По-видимому, куплю руководство по гимнастике и буду заниматься каждое утро — авось что-нибудь выйдет. Странна жизнь! И запутана. Муля говорит, что моя «художественная судьба» зависит от меня самого — нужно работать одному, если по-другому нельзя сделать, тем более что здесь же в квартире есть консультант — Барто. Не знаю. Работать одному мне определенно не хочется. Что это за «героизм»! Конечно, мои «мечты» о «нормальной жизни» — пустяки. Обстоятельства отнюдь не «нормальные», так что мечты эти — чушь. Нужно принимать жизнь такой, какая она есть. Что ж, буду ходить в Зоопарк или в Парк культуры, если действительно «такая жизнь» вредит здоровью. Вчера были у адвоката Барского (дяди жены Вильмонта). Он сказал, что начнет эту штуку с вещами. Что ж, возможно, что мы вещи в конце концов получим. Интересно все-таки, где мы будем жить зимой? Где, в какой школе я буду учиться?

12/VII-40

Не очень приятная перспектива: ходить с матерью в Зоопарк. Авось она опять будет что-нибудь переводить... Все-таки живу я скучно, очень скучно: «противоестественный образ жизни», как говорит Муля. И все из-за того, что у меня нет товарищей или друзей. Не хочется опять все повторять сначала. Но действительно нечего делать! В конце концов,

Муля мне предлагает просто шлянье – как способ вытянуть меня из «затхлой комнаты». Да, можно будет сказать, что эти каникулы отличались для меня изрядной скучищей. Но рецепта против скуки никто дать не может, а мать предлагает с ней ходить гулять! Нет, избавьте! «Скучно жить, мой друг Пеструха, в мире одному-у...», – как говорится в песне. Нужно будет «инициировать»¹ систему шляний. Это верно. Но шляний одному. С матерью схожу раз-два-три, а потом ей самой надоест (надеюсь!). Может, буду сидеть в каком-нибудь парке и читать там. Говорят мне, что хорошо бы зарисовывать зверей в Зоопарке. Но это – спасибо! Чтобы всякие «flâneurs'û»² глазели, как я криво-косо ковыряюсь с карандашом, нет, избавьте! Сегодня пойду в библиотеку обменять книги. Мать говорит, чтобы я «ни в коем случае не брал Пруста, постарше будешь...» и т.п. Значит, когда пойду в читальный зал, непременно возьму Пруста. Жизнь как моллюск какой-то: думаешь схватить, а она расплывается во все стороны. Думаешь что-нибудь определить, а тут вдруг видишь – да ты, брат, ни черта не знаешь! Не знаешь, где будешь жить через полтора месяца, не знаешь, в какой школе будешь учиться, не знаешь, что будет с отцом и сестрой твоими, не знаешь, получишь ли вещи... Так что приходится жить в вечно кристаллизируемой и вновь распадающейся жиже. Эта жижа началась с 37го года, года бегства отца из Франции, года обыска у нас и префектуры полиции, года неуверенности в будущем. 38^й и 39^й год – годы неизвестности. В 38^м и начале 39го – неизвестность, когда поедем в СССР. Когда приехали – неизвестность будущего, и папа его не знал. Действительно, все время все было «временное» и «не налаженное окончательно». Потом – аресты и обыски – и жижа продолжала жижиться, и неизвестность витать в тумане. В Болшеве мы не знали, как долго мы там будем жить, чем займется отец и как скоро; в Голицыне не знали, сколько мы там останемся и куда поедем после этого; теперь мы не знаем, где будем жить начиная с сентября, срок, когда мы отсюда выкатимся. Но даже если мы и переедем в Москву куда-нибудь – и все покажется немножко прочным, жижа сделает вид, что закристаллизуется, – то исход дела отца и

¹ От фр. inaugurer – положить начало.

² «фланёры» – гуляющие, прогуливающиеся.

сестры опять все может перевернуть вверх тормашками! Так что опять-таки мы ни в чем не уверены и не можем быть уверены. Ну, скажем, поселимся где-нибудь на Селезневке (есть такая возможность возможности), буду ходить в школу, начну свою рутинку, а тут — бух! Дело кончилось, и их или освобождают — и тогда мы с ними будем жить, или высылают куда-нибудь в 105 км от Москвы — и тогда дебат открыт, поедем ли мы к ним или нет. Вот скука, такая неуверенность! Сейчас жарко, и много мух в комнате. Придется пойти за клейкой бумагой. Я все-таки верю в лучшие дни. Я очень молод, и времени у меня предполагается много. Жижя может пройти — и пройдет, конечно, и в конце концов мы где-нибудь да и обоснуемся. Вчера слышал по радио, что палата — или Национальный конгресс Франции — предоставил всю полноту власти Пэтену для обнародования конституции (обновленной). Оппозиция (!) внесла в резолюцию поправку, в которой говорится, что будет опрошен французский народ (за Пэтена — или против) и организуется плебисцит. Это очень возможно. Говорят, что Эррио защищал Даладье. Какая путаница! Говорят (по радио, Цюрих — источник сведений), что Пэтен уйдет в отставку, а его преемником будет Фландэн (!!). Пришла эта скучнячка-пессимистка Вера. У нее шапка — как горшок (белый). От нее веет пессимизм и скука. У нее муж — выслан. Она кисляйка. Между прочим, Лиля и Вера (мои тетки) отличаются добротой и некоторой долей глупости. Еще Лиля симпатичнее (артистичнее) Веры — у нее характер интересней. Да вообще, чорт с ними! От Веры исходит благожелательность и кислотность. Что я буду сегодня делать? — Пойду в библиотеку, обменяю книги, буду слушать радио. Аминь! 15го узнаем, что с папой, и где он, и в чем дело вообще. Через три дня. Мой кузен Кот — студент Биофака — в экспедиции, в Майкопе. Ну и х.. с ним. Какая скука! Хочется женщин, чорт возьми. Женщины — хорошая штука. Но пока я никого не знаю. Рано? — Возможно. Во всяком случае — скука.

13/VII-40

Вчера позвонил Митька (приехавший в Москву для передачи Н.Н. и Н.А.), и мы с ним встретились. Пошли в «Националь». Было очень весело. Мы с ним много посмеялись. Ему тоже очень нравится книга Олдингтона («Смерть героя»).

Шатались с ним по букинистам. Он много читает (на даче нечего делать). В общем, прекрасно с ним провели время, много говорили, много смеялись («C'est Pétain qu'il nous faut!»¹). Я узнал адрес 167^й школы (Митька говорит, что это лучшая и культурнейшая из <всей> Москвы). Узнал, что Института зап<адной> литературы не существует – есть западное отделение ИФЛИ, но это то же самое. Митька не знает, поступит ли он после окончания 10-летки туда или будет работать. Мы с ним хорошо провели время, – когда он приедет вновь в Москву, он позвонит, и мы с ним вновь встретимся. Эта встреча в меня вдула какой-то хороший оптимизм – результат смеха и приятной компании и культурного человека. Сегодня Агентство Гавас сообщило по радио, что президент Французской республики Лебрэн подал в отставку. Главой французского государства (президент республики и премьер-министр) является Пэтен. Пэтен отменил два закона 1875го года, касающиеся выборов президента республики. Пэтен будет иметь всю полноту власти. Он будет подписывать договоры и т.п. Он – глава французского государства. Французское правительство подало в отставку. Сегодня вечером будет опубликован список членов нового правительства. Приказом Пэтена Палата депутатов и Сенат распущены до нового распоряжения. Теперь Пэтен – диктатор, раз он имеет право все делать (полнота власти). Его указы начинаются так: «Мы, глава французского государства, Филипп Пэтен, повелеваем» (Nous, chef de l'Etat français, Philippe Pétain, décrétons). Мне кажется, что Пэтен – просто марионетка крайне правых элементов Франции, которые и посадили этого маршала на столь высокое место, чтобы через него управлять страной. Очень любопытно узнать состав правительства (очевидно, узнаем его завтра). Этот состав, возможно, будет очень показателен для соратников Пэтена. Война – настоящая – против Англии еще не началась. Продолжаются бомбардировки и потопления английских кораблей. Переговоры между Англией и Южной Ирландией (Эйре) провалились. Эйре сохраняет нейтралитет. Каких-то «нефтяных» англичан выгоняют из Румынии. Командующий французскими войсками в Сирии Миттельгаузер смещен, и на его место назначен другой генерал. Фран-

¹ «Нам нужен Петен!»

цузское правительство все еще находится в Виши. Сегодня утром была гроза, но теперь опять жарища. Пойду в читальный зал, а потом пойду купить книгу Козина и две книжки стихов — три новинки советской литературы. Говорят, что скоро выйдет книга Зощенко — вот это нужно не проморгать. Прочел две скучные книги: Оскара Уайльда «Le crime de Lord Arthur Savile» и Морюа «Le cercle de famille». Мать переводит Бодлера. Интересно, буду ли я ходить в 167^{ую} школу? Где мы будем жить в конце концов? Но это все впереди, и все же меня беспокоит. Интересно, какая будет первая женщина, с которой я буду «крутить любовь»? И когда это будет? Пойду в читальный зал. Может, что-нибудь и прочту интересного.

14/VII-40

Вчера опубликовали список членов нового французского правительства. Заместитель Пэтена — Лаваль. Из известных — Ибарнегарэ и Лэмери (два крайне правых, так же как и Лаваль). В общем, это крайне правое правительство, и Пьер Лаваль играет в нем большую роль. Видел вчера Кочеткова. Он сказал, что Фаворского очень заинтересовали мои рисунки; что если удастся сколотить группу человек в 5 (талантливых) под его руководством, то я там непременно буду. Конечно, если удалось бы сколотить такую группку, то занятия там под руководством Фаворского принесли бы мне много пользы. И когда нужно было бы поступать в ИЗО-институт, то Фаворский дал бы свою рекомендацию. У него можно научиться всем приемам, техникам, «трюкам». Бесспорно, идея такой группы заманчива. Но осуществится ли она? Я лично никого не знаю, кто бы хотел заниматься этим делом. Студия (т.е. я хочу сказать, группа) была бы платная, и это бы гарантировало хорошее учение и преподавание. Да, эта идея, конечно, заманчивая. Учиться у мастера! Но пока это все предположения. Вообще очень трудно разобраться во всем этом. У меня под боком мастер — Барто. Он мне предлагает показывать ему мои рисунки, он посоветует и все такое. А мне ни х.. не хочется рисовать. Хотелось бы мне ничего не делать до осени. А осенью, если будут «курсы рисования и живописи», то нужно будет представить туда рисунки («так» ведь не возьмут). А мне совсем не хочется рисо-

вать. Да еще дело в том, куда я пойду: в ИФЛИ, на западное отделение, или в ИЗОИ. В общем – каша, жижица, путаница. Муля сегодня-завтра даст публикацию в «Вечерку» о комнате (ищем и т.п.). И нам будут звонить. Все-таки хотелось бы в центре. Поближе к 167^й школе. Сегодня пойду обменивать книги в Библиотеку иностранной литературы. Решительно не знаю, что брать. Вчера в читальном зале прочел хорошую книгу: «Sainte Colline» par G. Chevallier. Все-таки меня здорово интересует, в каком возрасте, с кем и при каких обстоятельствах «je perdrai mon pucelage»¹. Хотелось, чтобы это было поскорее, но нечего делать – видно, придется ждать «un bon bout de temps»². La France sera divisée en provinces, ayant chacune à sa tête un gouverneur. Les ministres porteront le nom de ministres secrétaires d'Etat³. Да, товарищи, путаница! Интересно, что я сегодня буду делать, – наверное, ничего хорошего. Сейчас придется тащиться за сметаной, потом буду слушать последние известия (в 12 часов). Потом завтрак, потом потащусь в библиотеку обменивать книги, потом вернусь домой и поеду на Смоленскую площадь покупать мясо (превкусное, кстати сказать). Между прочим, я обожаю ездить на метро: чисто, хорошо, быстро, и много видишь людей. Почему мне хочется пойти в 167^{ую} школу? Потому что она самая культурная из московских и потому что, быть может, там у меня найдутся друзья, или, во всяком случае, компаньоны-времяпрепроводители. Немцы продолжают топить английский торговый флот. Они топят массу пароходов и причиняют значительный ущерб англичанам. (Самолетами и подлодками.) Мне советуют идти в музей и рисовать статуи! Вот идиоты! Никуда я не пойду! Все еще не достал последнего недостающего учебника – упражнения по химии (фу! какая гадость – я ничего не понимаю в химии). Интересно знать, как я буду учиться этот год, – забыл ли я алгебру или нет? Светит солнце, у окна (почти) шумит дерево зеленое, изредка слышатся гудки автомобилей с улицы Герцена. Кричат дети-клопы. Скучно жить, мой друг Пеструха, в мире одному-у-у... (Вот чушь!) Но все-таки

¹ «потеряю девственность».

² «долгий отрезок времени».

³ Франция будет разделена на провинции, с губернатором во главе каждой. Министры получают звания государственных секретарей.

верно. И опять скажет Муля, что нужно купить руководство по гимнастике, и опять я отвечу, что забыл... Аминь! И опять Муля скажет, что нужно, чтобы я ходил в Зоопарк и что я «тухну» в комнате, и опять я скажу, что пойду... Что за белиберда! Буду жить, как мне нравится (в пределах возможного). Муля сам говорит, что у нас сейчас «расхлябанный период»... Завтра, 15го, узнаем, что с отцом (пойдем на «Вопросы и ответы»). Иду за сметаной или за сливками.

15/VII-40

10го июля сего года мать попросила принять передачу отцу (в НКВД). Человек, который принимает передачу, ответил ей, что передать нельзя и что он примет передачу 26го. На следующий день мать пошла в «Вопросы и ответы» запросить о причинах отказа принять передачу отцу. Ей ответили, что 15го она это узнает. Сегодня мы туда пошли и, простояв в очереди к «ответам» полтора часа, наконец были туда впущены. Матери сказали, что отец не был зачислен на передаче («не получил, значит не был зачислен на передаче»). «А теперь — вносите (внесите хоть сейчас)». Мать тогда пошла со мной к окошечку, где принимают передачу. Тот же человек, который 10го сказал, чтобы зайти 26го, сказал: «У него денег больше чем достаточно, зайдите, как я говорил, 26го». На что мать ответила, что денег у Эфрона-Андреева не может быть, так как последняя передача была 25го июня. На что человек ответил, что «Эфрон-Андреев получил перевод» (денежный). Мать сказала: «Но я же никакого перевода не посылала». — «Не вы, так кто-нибудь другой. Денег у него больше чем достаточно. Придите 26го, тогда я приму передачу. Поняли, гражданочка?» Мать «поняла», и мы ушли. Что это за история? Может быть две версии: 1ая, что отец действительно получил денежный перевод (откуда?), что денег у него достаточно и что оттого не принимают передачи. Но тогда почему же в «Вопросах и ответах» говорят, что отец не числился на передаче, а теперь «вносите хоть сейчас», а человек, принимающий передачу, говорит, что отец числится на передаче и говорит о переводе? Эти противоречия можно объяснить тем, что «Вопросы и ответы» плохо осведомлены, или административными неувязками. 2ая версия: история с «переводом» — способ не при-

пять передачи до 26го (в виде репрессии). Но почему до 26го? Почему именно до 26го? Конечно, вопрос, примут ли передачу 26го, но двоекратно «передатник» об этом заявлял. Правда ли история с переводом или способ лишить человека передачи? На это невозможно ответить. Человек, который говорил нам о переводе, говорил с симпатичным и добродушным видом. Правду ли он говорил? Или вообще «перевод» — трюк? Но если это правда, то абсолютно не видно, кто мог послать этот перевод. Кто? Разве что тетя Нютя из Ленинграда? Но это маловероятно. Интересно, что об этом случае подумают Муля и Лиля. Действительно, кто мог послать перевод? — Неизвестно. Но если это репрессия, то почему точно 26го она прекращается? 26го будет месяц со времени последней передачи. «Денег у него больше, чем нужно». Хотелось бы верить, но история с переводом очень темна. Кто в тюрьму отправит перевод? Может быть, Нютя? «Не вы, так кто-нибудь другой». Мучительная неуверенность! Может быть, какой-нибудь бывший папин «патрон»? — Но это столь неправдоподобно! Может быть, кто-нибудь из санатории НКВД, где папа был в 37^м году (или 38^м), — неизвестно. Очень все-таки любопытная штука. Во всяком случае, мы никогда не слышали, чтобы говорили о переводах. Странная штука. Это так же может быть правда, как и трюк. Надеюсь, сегодня или завтра зайдет Муля, мы ему расскажем. Пойду в читальный зал. Но кто мог послать отцу перевод?

16/VII-40

Вчера мы были у Барского. Барскому удалось всучить иск судье (о вещах). Суд насчет вещей назначен на 25ое. Повестки вручаются: НКВД (судья отправит), домоуправлению, где жила Аля (сестра) и московской таможне. Значит, суд 25го. Это интересно. Мать должна составить опись вещей и получить справку из Гослитиздата, что ей нужны рукописи и книги для литработы: эта справка поможет делу. Барский — наш адвокат. Очевидно, что вещи мы получим. Тем более что у нас есть ключи — это очень убедительно. Привлекается НКВД и мостаможня (как ответчики). Мать сейчас пошла на Мерзляковский вручать повестку домкому, которые дадут справку, что Аля у них жила. Был вчера Муля. Он абсолютно убежден: 1) что денежный перевод ни в коем случае не мог

прийти «снаружи»; 2) что этот перевод исходит от «начальства» отца и что это очень благоприятно. Это не может никак быть враньем. Муля очень обрадовался этой штуке. В сущности, человек, который сидел у передачи, не имеет права говорить о переводе, но очевидно, что это так необычно (перевод), что он не вытерпел и сказал. Барский высказался тоже в таком смысле, что перевод не вранье и что он может исходить только от учреждения, а не от частного лица. Совершенно ясно, по-моему, что этот перевод исходит от начальников отца, как, быть может, обнадеживание. С начала всего этого дела можно различить три очень нам благоприятные обстоятельства: передача Але денег, заработанных ею до своего ареста в «Ревю де Моску». Туда для этого специально явились из НКВД. 2ое — высылка Алеши на 8 лет и заявление его Ирине (жена его), что «Аля доставила ему неприятности». 3^е — перевод денег отцу (каковой перевод непременно прошел через наркома, который его утвердил). Ирина, жена Алеши, поехала туда в лагерь (привезти ему какие-то вещи). Бесспорно, что Алеша что-нибудь ей расскажет, и это-то и будет очень интересно, если удастся узнать. И Муля, и я воспринимаем эту историю с переводом как исключительно благоприятное обстоятельство, бесспорно, выходящее из пределов обыденного, раз даже человек из передачи об этом сказал (когда мог ничего не сказать). Возможно, что отец и сестра сидят теперь в качестве свидетелей, а обвиняемые — Львовы. Все возможно. Но эти три благоприятных обстоятельства, о которых я пишу выше, дают повод надеяться на наилучший исход всего этого дела. Действительно, где это слыхано, чтобы делали перевод человеку в тюрьме? Да, конечно, не частное лицо (это абсурд), а кто-нибудь из НКВД — кто, не знаю. Барский высказал предположение, что это может быть МОПР или Коминтерн, но было ясно, что он думал об начальниках отца. Опять оптимизм взошел в мое сердце. Опять я абсолютно уверен в благополучном исходе дела. Если нам удастся получить вещи, вот нос будет Митька, который недавно злорадничал, говоря о том, что «Ah! mon vieux, ce que je suis content, c'est qu'vous aurez pas vos bagages, ah ça! tu peux t'sécher»¹. Если мы их получим, ça va lui faire

¹ «Ах, старик, как я доволен, что вы своих вещей не получите! Тебе придется обойтись».

les pieds¹. Должен позвонить Муля. Эта жульничиха вновь заговорила о комнате на Сретенке и опять предложила даже ее посмотреть, но, может быть, это брехня. Муля сегодня пойдет с матерью всучить повестку о суде на таможду. Да, теперь горячие денечки! 25го суд, 26го несем передачу отцу. Прочел веселую и остроумную комедию «Страшный суд» Шкваркина. Верно то, что у меня еще много времени впереди и что будут времена, когда я, чорт возьми, буду обнимать и целовать (и т.п.) девушек; и не так долго придется ждать этих сладких времен, oui, monsieur². А немцы все еще не напали на Англию. Может, совсем не нападут? Бомбардировки и топление кораблей продолжаются, а кроме этого ничего. Да, горячие денечки.

17/VII-40

Вчера Муля вручил повестку на таможду и дал объявление в «Вечерке». Вечером нам позвонили – по этой штуке в газете – и мы пошли посмотреть комнату. Ну и повезло же нам в «первый раз»! Мы попали на сумасшедшую, которая, очевидно, помешалась на инженерстве и на вопрос матери, сколько она думает отвести метров на комнату, ответила, что «она видит, что мать разговаривает по-женски». Потом она сказала (когда мать опять спросила конкретные указания), что она инженер-строитель, что не любит бабьи разговоры и что, очевидно, с матерью не сговориться и лучше это дело бросить. Сама в какой-то хламиде голубой и с длинными косами Офелии. Вот тоже напасть с первого раза на сумасшедшую. Недаром никто с ней не говорит о комнате. Чорт с ней. Возможно, что сегодня еще будут звонить по поводу объявления. Вильмонты и Рябинина обещали нас устроить, но пока они на даче. Впрочем, к августу они вернуться, и я на них надеюсь, потому что они отлично относятся к матери. Кроме того, объявление может принести свои плоды. Пока единственный плод – сумасшедшая «инженер-строитель» (sic). Читал вчера два майских номера «Канар Эншэнэ». Все то же легкомыслие, те же шутки и тот же симпатичный оптимизм (иногда претендующий на «простую» философию).

¹ это будет в пику ему.

² да, сударь.

Лаваль объявил, что он запретит (правительство запретит) забастовки и локауты, сместит всех назначенных бывшим правительством Блюма, организует печать в «дружественном для правительства духе». В общем, диктатура. Конечно, французское правительство — сволочное правительство. Немцы и англичане продолжают говорить о «предстоящем нападении на Англию» и бомбардировать друг друга. Интересно знать, где же мы будем жить этой зимой? Неужели придется ехать в Голицыно... или в Сокольники (потому что Муля все еще не порвал с этой жульничихой). Но все-таки я думаю (судя по их заявлениям неоднократным), что друзья матери этого не допустят. Насчет справки о том, что матери нужны рукописи и книги для литературной работы, мать вчера пошла к Гольцеву (с которым она много раз имела дело по поводу переводов с грузинского). Гольцев обещал сегодня же поговорить с Павленко (Союз писателей) насчет этого дела. Возможно, что такую справку дадут, но возможно также, что и не дадут. Сегодня мать идет в 11.30 вручать повестку в домком Мерзляковского пер., где жила Аля. Значит, 25го — суд, а 26го — передача отцу. Здорово! Муля предполагает, что если нам присудят вещи (дело в том, что мы потеряли главную квитанцию), то мы сможем их поставить здесь, на ул. Герцена (хоть вверх). Да, будет волынка! Будут вскрывать вещи, просматривать, будет суд, потом нужно достать грузовик и привезти вещи сюда, потом, очевидно, мать будет много продавать... Будет суетня, крики, охи, ахи, пыль, много потерянного времени и много скуки. Но ничего. Нечего делать, авось Муля поможет. Сегодня утром (рано утром) был проливной дождь, а теперь серенькая и прохладненькая погодка. По радио — вступление к опере «Лоэнгрин» Вагнера. Мать шьет — зашивает какие-то мои штаны. Ждем звонка по объявлению (9-12 и 5-10). А я пишу дневник. Марш Мейербера. «Бодрящая музыка». У нас в комнате много клейкой бумаги — против мух. В окне, через листья какого-то дерева, видны лоскутки бледно-серого неба. Пищат птички, полаивают собаки, покрикивают дети. Теперь — увертюра к опере Бизе «Кармен». Вот — поистине гениальная музыка. Я обожаю эту вещь. Я также люблю 5^{ую} симфонию Чайковского и марш из «Аиды» Верди. Замечательная музыка — «Кармен»! Словами нельзя передать энтузиазм, излучаемый этой музыкой. Теперь — увертюра к опере «Рюи

Блаз» Мендельсона (Mendelssohn'a). Мрачная музыка, с большим музыкальным пафосом. Интересно, будут ли звонить по поводу объявления? Проглядывает глуповатое, но довольно милое солнце. Большие солнечные пятна на полу. Опять ушли пятна, и опять блестящее сероватенькое небо. Опять пятна. К чорту. Надоело быстро описывать время — слишком быстро меняется погода. Муля мне вчера предлагал съездить в Останкино — там какой-то музей древностей («очень интересный») и «красивый парк». Вот чудила! — Правда, это он советует от чистого сердца, но не может понять, что мне совершенно скучно ехать в Останкино одному! На сегодня никаких интересных перспектив нету. Объявление в «Вечерку» стоило 30 руб.

18/VII-40

Вчера был еще один звонок (после позавчерашней «сумасшедшей»). Пошли. У Дворца Советов, хороший квартал, около милиции, все лавки, симпатичная семья — но комната меблированная, так что мы ушли, «хвост поджамши». Вторая неудача. В тот же день был еще звонок: на 2^й Мещанской, 25 метров, весь комфорт, газ, ванна и т.п. Поехали, как условлено, сегодня посмотреть эту комнату. Оказалось, что мы были «игрушками мистификации», — номер дома, который нам дали, не существует. Отвратительный квартал, тоскливые и жуткие улицы, старые клопиные дома и злые взгляды. Точно это не Москва. Настоящая Москва — центр. Значит — третья неудача. Сегодня звонил Муля и сказал, что его «жюльничиха» звонила ему и говорила, что есть «большая комната» на Сретенке. Возможно, что это не брехня. Она ему должна звонить завтра. Неужели так до конца я не буду знать, где мы живем и где я буду учиться? В какой же школе? Я читал, что прием заявлений поступает в 110^{ую} школу напротив Лили до 5го августа. Как же я сделаю, если обнаружится, что я хочу (и могу по отдалению от нее) поступить в 167^{ую} или в еще какую-нибудь хорошую школу? Дело в том, что я не могу поступить, например, в 167^{ую} школу, не зная, где буду жить. Конечно, могут устроить, чтобы я туда поступил независимо от района (или я, *du moins*¹, на это надеюсь),

¹ по крайней мере.

ну а вдруг я буду жить слишком далеко и не смогу ездить из-за расстояния? Вот, черт возьми, какая путаница. Да еще к этому я не окончил 7-милетку — раз мне предстоит держать 8–10 августа испытания по французскому, чтобы получить свидетельство! Скоро, примерно 25го, должна приехать Рябина (мамина знакомая из Гослитиздата). Она обещала, как только приедет, начать искать нам комнату. Пока мы не будем знать, где будем жить начиная с сентября месяца, я не смогу заниматься выбором хорошей школы. Да, дорогие друзья, путаница превеликая. Вчера заходил пресимпатичный и преумнейший Борис Пастернак. Мать и он — настоящие друзья и исключительно высоко ставят друг друга во всех областях. Он — замечательный человек. Каждая встреча с ним дает массу его собеседнику. Сегодня встретил в читальном зале переводчика Кашкина — очень умный и тонкий человек. Отвратительная сегодняшняя «мистификационная поездка»! Какой мерзостный квартал! Центр и *это* — совершенно разные страны. Нет, жить нужно в центре или, во всяком случае, вблизи от него. Прочел в читальном зале «La Pucelle d'Orléans» Вольтера. Много симпатичных, grivois¹ и пикантных мест. Хорошая французская традиция. Мы живем в самом центре. Я уже привык к «хорошей жизни». Это — то, что нужно. Но скоро придется уезжать отсюда (1го сентября).

19/VII-40

Насчет комнаты — ничего нового. Никто не звонил (если не считать одной мещанки, которая ахнула, услышав, что мы хотим вбивать полки для книг в «ее стены»). Так что ничего нового нет. Вильмонты еще не вернулись, pas plus que Рябина². Мулина «жюльничиха» предлагает теперь купить комнату на Сретенке. 22го мы должны посмотреть эту комнату. Конечно, мы отнюдь не можем, не хотим и не собираемся покупать («навсегда») этой комнаты, и Муля постарается, чтобы ее сдали нам. Муля — против того, чтобы я поступал в ту же школу, что Митька. Он говорит, что «вы будете изолированы», что «Митька совершенно тебе не нужен», что он «нездоров» и «вреден» и т.п. Может быть, в том, что он го-

¹ игривых.

² Рябина тоже нет.

ворит, и есть доля правды, но факт тот, что с Митькой в школе было бы мне интереснее и веселее, но пока мы не будем знать, где будем жить, об этом говорить рано. Конечно, я попытаюсь поступить в 167^{ую} школу, если это будет возможно; и в одной смене с Митькой. Хоть бы он поскорее приехал, и поскорее бы мне с ним можно было бы повидаться! — На всякий случай он бы мне посоветовал, как и когда мне там записаться и в какой смене. С Митькой весело, и оттого (хотя мы и в разных классах) я хочу записаться в одну смену с ним. Мать тоже относится довольно враждебно к этому проекту 167^й школы. Но ее будет (как мне кажется) легко уломать. Но я чувствую, что все эти планы слишком зелены, что прежде, чем мы будем твердо знать, где мы будем жить, ничего нельзя будет предпринять. Сейчас пришла мать, и я ей рассказал, что якобы меня приняли в 167^{ую} школу во вторую смену. Она это очень хорошо приняла и совсем не ругалась. Я ей обнаружил, что я нарочно наврал. Она мне советует одному не пытаться туда записаться (потому что я не из этого района, и лучше, чтобы кто-нибудь дал мне туда рекомендацию). Не знаю. Увидим. Интересно знать, в какой же смене будет учиться Митька? Могут ли меня не принять?

21/VII-40

Вчера утром позвонил сотрудник НКВД, сообщив нам, что арест с наших вещей снят и чтобы через час мы были на таможне. Мы пришли на таможню и подписали все документы. Вопрос о выдаче нам вещей решен. Не дожидаясь суда, НКВД сняло арест. Зам. нач. таможни сказал нам, что за хранение мы должны будем платить 1100 руб. Но вещи-то были арестованы! Барский пойдет 22го на таможню с матерью попытаться не платить. Он адвокат и говорит, что раз вещи были арестованы, то нам не за что платить. 25го вещи пройдут таможню — их будут просматривать. Мне, конечно, придется тащиться туда, чтобы показать, что костюмы в багаже предназначались для меня (по росту). До этого мы сделаем место в «нашей» комнате для вещей — как-никак, их 13 штук! Мать думает многое продать и подарить. Я настроен менее великодушно; а продать, конечно, можно многое, и на хорошие деньги. Муля совсем почти не показывает носу. Поче-

му-то не поехал с нами на таможеню — как-то охладел. Вчера приехал Митька, и я с ним встретился. Были с ним в читальном зале ин. литературы, смотрели «Рик э Рак» и «Канар Эншэнэ». Ходили в военкомат — он там зарегистрировался (хотя он и не пойдет в армию из-за туберкулеза, все же нужно). Были с ним у него на квартире — там никого не было. Хорошая квартира в плохом доме. Провожал его на вокзал, где (откуда) он едет на дачу, где живет. Я узнал у него, действительно ли он поступит в 167^{ую} школу. Да, он действительно туда поступит. Вчера же был у Гольцева («грузина») и советовался с ним насчет того, как мне поступить в эту 167^{ую} школу. Он мне посоветовал сделать так: 22го (т.е. завтра) пойти туда и попытаться добиться, чтобы меня туда приняли. Если же по каким-либо причинам меня туда не захотят принять, спросить, решит ли мой прием письменное ходатайство Президиума Союза советских писателей. Если они ответят, что такого ходатайства будет достаточно для моего приема, то тогда я позвоню Гольцеву, и он постарается написать такую бумажку и дать ее на печать или Павленко, или Федину, кому-нибудь из Президиума, кому знакома мать, кто «понимает, в чем дело». Если же дирекция и тогда откажет в принятии, то тогда нечего будет делать, и нужно будет пойти в какую-нибудь другую хорошую школу, например, в 110^{ую}, напротив дома, где живет Лиля. В общем, где легче будет поступить, там я и поступлю. Митька говорит, что когда он пришел туда, то просто-напросто записался, без всякого ходатайства, ни рекомендации, просто говоря, что хочет поступить в хорошую и культурную школу; в общем, сказал, что «слышал, что 167ая — культурная и хорошая школа». Не знаю, может быть, Митька врет, и поступил-то он не так просто. Во всяком случае, надо попытаться «просто поступить». Митька говорит, что он приедет завтра, 22го. Я с ним условился — позвоню ему в 12 часов. Как раз в этот день я должен идти в школу (167^{ую}). Митька тоже хочет записаться. Но мы вместе туда не пойдём — так не делают. Во всяком случае, 22го, часам к 3–4^м, я пойду туда и все разузнаю. Мне на руку то, что там изучают французский язык, — я могу сказать, что «я слышал, что это культурная и хорошая школа, и к тому же я знаю французский язык, слышал, что его здесь изучают, и, так как не хотел бы забыть его...» и т.п. В общем, завтра увидим. Сегодня физкультурный парад. Пойду, постараюсь протиснуться.

22/VII-40

Вчера были у Барского. Он говорит, что все же придется платить эти 1150 руб. Теперь дело в том, чтобы эти деньги достать в два дня. У нас совершенно нет денег. А теперь нужно платить 1150 р. за хранение, оплачивать перевозку этих вещей к нам в комнату. А 26го — вносить передачу отцу. А к тому же нужны будут деньги, если найдут комнату. Так что теперь для матери первостепенная задача — найти побольше денег до 25го. Она хочет сегодня повидаться с Гольцевым — может, он ей устроит перевод или добудет под предполагаемый перевод аванс. Кроме того, она получит 400 р. 24го за перевод болгаров. Как-нибудь деньги достанем. А Муля хвастался, что может достать «2000 р.», а когда пришло время, то оказалось, что он ничего не может сделать. 25го нам предстоит внести эти 1100 р., пройти тщательную таможенную нашим вещам, достать грузовое такси и поехать с ним домой, разместить вещи по комнате... Брр! Прямо холод берет, какая отвратительная программа! Мать очень надеется на продажу некоторых вещей и книг. Но когда мы расставим вещи и сядем «усталые и счастливые» (sic), только тогда я скажу: «Уф!» — да и то... Итак, первостепенная задача матери — в кратчайший срок добыть максимум денег. А моя задача — добиться поступления в 167^{ую} школу. Сегодня — «большой день» (le grand jour¹). Я, часа в 3–4, туда пойду и увижу, как там ко мне отнесутся, и во всяком случае, постараюсь быть принятым без всякого «письменного ходатайства» — это гораздо более «почетно». Во всяком случае, сегодня попытаюсь и все разузнаю. Возможно, что, как утверждает Митька, «там сейчас никого нет». Но на всякий случай я попытаюсь — узнаю, какие бумаги должны быть представлены и т.п. Я намерен прямо пройти к директору (или директорше). А там видно будет — может, нужно будет написать заявление, может, нужно свидетельство от оспы, справку из домкома... Конечно, тащиться за всеми этими бумагами ужасно скучная штукенция, но если будет нужно, то ничего не поделаешь. В общем, я все сегодня разузнаю в общих чертах. Интересно, приедет ли Митька сегодня, как предполагал? Интересно, как я согласую мой «поход» в школу с встречей с ним? Я

¹ решающий день.

должен ему звонить в 12 ч. — $\frac{1}{4}$ 1^о. Если он не приедет, пожалуй, будет лучше, потому что тогда ничто не будет мешать моим школьным делам. А если приедет, тоже ничего — как-нибудь устроимся. В общем, интересно, что я буду завтра писать в моем дневнике по поводу сегодняшнего дня. Литва, Латвия и Эстония объявили себя советскими союзными республиками и присоединились к СССР. Вот это здорово! Наша страна, очевидно, колоссально усилится в связи с вступлением этих республик в СССР, коммунизм проникнет «быстро и верно» на Запад! Теперь Латвия, Литва и Эстония — советские, и там провозглашена сеймами и думой советская власть. Огромные демонстрации трудящихся подчеркивают, что массы целиком поддерживают и являются инициатором установления советской власти в этих странах и присоединения их к СССР. Да, коммунизм явно усиливает свои позиции! Совершенно (для меня) ясно, что эта штука с прибалтийскими странами делается в противовес недавним германским успехам в Зап. Европе. А немцы все не нападают по-настоящему на Англию. Бомбардируют, топят корабли, но все не нападают. И Италия тоже... того... мямлит... Циркулируют слухи, что Германия заключит мир с Англией, если там установится профашистский режим, как во Франции. Вчера из женевского источника сообщали, что маршал Пэтен имел беседу с Моррасом (*chef des royalistes français* «Action Française»¹). И продолжают циркулировать слухи о том, что Пэтен является как бы регентом монархистов. Чорт его знает! Во всяком случае, во Франции всякие астрологи и «devins»² предсказывали установление монархии во Франции. Я сам читал такие книжки, и говорят, что Нострадамус сам так писал. Интересно, в каком виде наши вещи? Лишь бы книги сохранились! Сегодня опять жара.

23/VII-40

Не буду рассказывать о вчерашнем дне — он не имеет особого значения. Буду говорить о главном. Дело в том, что Ирина, жена Алеши, приехала. Она видала мужа, и когда

¹ главой французских монархистов «Французской Акции».

² «вещуны».

приехала, то Муля к ней пошел и узнал, что Алеша ей говорил по поводу дела. Муля мне звонил и заявил мне, что я решительно должен прекратить мои встречи с Митей и что он мне говорит об этом в последний раз. Муля всегда был против моих встреч с Митькой, но такое определенное и «последнее» заявление, сделанное в достаточно резкой форме, бесспорно, вызвано тем, что он узнал у Ирины. Наверное, дело настолько серьезно, что я просто не могу продолжать видаться с Митькой. Муля сегодня придет и расскажет нам, что он узнал от Ирины по поводу разговоров Алеши относительно дела. Бесспорно, решение Мули ультимативно предъявить мне требование больше не встречаться с Митькой тесно связано с тем, что он узнал о сущности дела через Ирину. Интересно, что он сегодня расскажет. Итак, с Митькой кончено. Возможно, что с ним просто опасно мне встречаться (член «той семьи»). В этом деле, бесспорно, замешана какая-то клевета. Любопытно, что Ирина все рассказала Муле, зная, что он жених Али, и зная, что Алеша говорил, что его выслали из-за Али (или что «Аля ему причинила неприятности»). Итак, очевидно, Митька и 167ая школа проваливаются. Что ж, жалко с ним больше не видеться, конечно, но что ж? — Обстоятельства больно важные. Придется идти в 110^{ую} школу? — Чорт его знает. Интересно, что мы узнаем сегодня от Мули. Гитлер еще раз предлагает мир Англии. Честное слово, если Черчилль откажется, то он — п..... и преступник. Да, интересно. Мать сегодня получит в Гослитиздате 1100 рублей, ей это устроил Гольцев за ее переводы. И еще 400 за болгар, в «Интерн. литературе». Так что деньги обеспечены. Муля сегодня узнает насчет «комнаты на Сре-тенке». Очевидно, у него ничего не выйдет с этой жульничихой. Да, интересно, что расскажет Муля. Какая все-таки путаница! Оказывается, для приема в 110^{ую} школу нужна прививка оспы. Я был сегодня в двух амбулаториях, и не знают там, где эту оспу прививают. Может, Муля скажет. Господи, какая путаница! Я сегодня пойду, как думаю, в школу и узнаю там все насчет приема. В 110^{ую}. Узнаю, где могут привить оспу. А может, они не знают? Во всяком случае, сегодня пойду, посмотрю, что и как. А может, сегодня канцелярия закрыта? Какая скучища эта школьная вольнка! А мать бубнит: тебя устроят, тебя устроят. Во всяком случае, иду сегодня в 110^{ую}.

Вчера был Муля и рассказал, что ему передала Ирина. Алеша был выслан за «антисоветские разговоры». Так он сказал Ирине. Видел он Алю два раза. Первый раз, когда очная ставка не состоялась, он с ней поздоровался. Второй раз очная ставка состоялась, и Аля повторила то, что, очевидно, она говорила раньше: да, Львовы и Алеша вели антисоветские разговоры. Когда следователь отвернулся за чем-то, Алеша сказал Але: «Аля, Аля, что ты говоришь!» — она ничего не ответила. Значит, выслали его за антисоветские разговоры, и это же вменяется Львовым. Алеша говорит, что ему показалось, как в тюремном коридоре вели м.б. отца, но он не уверен. Муля говорит, что он абсолютно достоверно знает, что антисоветские разговоры в Болшеве велись, и что они доводили отца до сердцебиения, и что Аля и отец всегда спорили с Львовыми по этому поводу. Муля говорит, что все, что Ирина узнала от Алеши, приводит его, Мулю, в пессимистическое настроение. Дело в том, что Аля признала, что в ее присутствии и присутствии отца велись антисоветские разговоры. (Все это, говорит Муля, предположения.) Да, отец и Аля всегда спорили и горячились и все что хочешь с Львовыми, которые вели эти разговоры. Но спрашивается: почему отец, который, в сущности, сотрудник этого ведомства, и Аля, которая более или менее с этим ведомством связана, почему же они не донесли об этих разговорах кому следует? — А это очень плохо: люди связаны с НКВД и не доносят туда об антисоветских разговорах! Это — недоносительство. А от недоносительства до укрывательства — один шаг (даже если эти две семьи враждуют, что ясно). Значит: недоносительство, потом — приехали из Франции, а сейчас с Францией неважные отношения, потом отец отказывался от работы, которая ему неоднократно предлагалась, потому что был болен. А может, болезнь — симуляция? Потом — бывший белогвардеец. Это все вместе составляет очень неблагоприятные совокупности. Совершенно ясно, что дело произошло следующим образом: летом приехал сюда из Испании некий Васенька, который был в «Интернациональных бригадах». Он часто ходил к Львовым и все что-то строчил с Ниной Николаевной. Строчил он, бесспорно, о людях, которые были посланы из Франции в Испанию добровольцами. А «вербовкой» занимались отец и Аля. Он мог быть недо-

умлен Н.Н. скомбинировать так, что Аля и отец посылали в Испанию «плохих людей». Н.Н. — страшная врунья и интриганка. Они послали эти бумажки. В результате — арестовывают сначала Алю, а потом и отца. Аля и отец говорят об антисоветских разговорах Львовых. В результате — арест Львовых и Алешки Сеземана. Аля продолжает говорить об антисоветских разговорах Львовых. Также и отец. Также и Э.Литауер (арестованная вместе с Алей). Если принять во внимание, что Алешка — лгун, интриган, болтун и к тому же дурак; что он ничего не делал, вращался в сомнительной среде и болтал без удержу, да к этому — антисоветские разговоры, то показания Али действительны, и Алешку ликвидируют. Балтер арестован — в качестве свидетеля. Он может сказать об отце и Але (он их друг и хорошо знает — он с ними часто видался, вот его и арестовывают, чтобы он дал показания и об отце и Але, и об Львовых). Очевидно, Твиритинов тоже арестован (он хорошо знал и Львовых, и Алю, и отца, участвовал в «испанских делах» и был нач. «Союза Возвращения»). Почему это дело длится так долго? Проверяют и сверяют показания (да и то мы не знаем, кто еще арестован), делают очные ставки, допрашивают, собирают материал о человеке и т.п. Картина ясна: Львовы оклеветали отца и сестру. Сестру и отца арестовали. Аля и папа дали показания об антисоветских разговорах (о Миле я не говорю). Арестовали Львовых и Алешку. Алешку ликвидировали первого как ненужного вруна. Арест Мили (Литауэр), Балтера и, очевидно, многих других, связанных с Францией, с отцом и Львовыми, — это собирают показания об участниках этого дела. Львовым вменяют антисоветские разговоры и, возможно, клевету на Эфронов, а Эфронам могут вменить недоносительство по отношению к Львовым. Мне кажется, что все те, кого арестовали (кроме, может быть, Васеньки), отзываются абсолютно благоприятно об отце и Але. Муля настроен пессимистически, именно из-за того, что отец и сестра не донесли вовремя на Львовых. Но пока все на месте. Но что это за история с переводом тогда? Абсурд. Но во всяком случае, если осудят за это «недоносительство» отца и сестру, то осудят на гораздо меньше, чем Львовых, это ясно. Но я все продолжаю верить в конечное их оправдание и освобождение. А с Митькой видаться не надо, это верно. Завтра — кошмар — таможня и вещи. Но Муля едет с нами, и это очень хорошо. На плату за хранение и перевозку вещей у нас деньги есть; а вдруг будет пошли-

на? Наверное, с вещами будет связан такой тарарам, <что> дня два не буду писать дневник. В 110^й школе 8^й класс полон, и никто не принимается. Я написал Лиле по этому поводу письмо, потому что она обещала, что у нее какая-то знакомая учительница может устроить меня в эту школу.

27/VII-40

25го была таможня. После тщательного осмотра мы получили все наши вещи, кроме 4^х ящиков с книгами и двух сундуков с рукописями, которые проходят специальный осмотр. Получили 6 сундуков и 1 мешок, битком набитые всякими вещами. Там есть для меня костюм, кожаное пальто, готовальня, множество белья, хороший портфель... Конечно, эти вещи занимают много места. Но нечего делать. Мать беспокоится насчет своих рукописей и книг и насчет того, что продавать из вещей. Вчера, 26го, мы пошли вносить передачу, как сказал нам человек из окошка передачи. Сестре передачу приняли, а отцу — нет. Мать сказала о том, что ведь «передатчик» обещал принять от нее 26го передачу, на что он ответил, что у отца еще есть 300 рублей, «как говорит начальство». Что это за штука? Вчера встретился с Митькой, чтобы окончательно с ним порвать. Он мне рассказал о заявлениях Алеши Ирине, но в различии от Мули, который передавал, что Аля обвиняет Алешу и семью Львовых в «антисоветских разговорах», Митька мне рассказал, что Аля обвиняла Алешу в шпионаже, предательстве — критике конституции, а также и в антисоветских высказываниях. Якобы Алеша все эти обвинения сумел отбросить, и тогда (все по Митьке) ему предложили дать показания против родителей, но он отказался, и именно за этот отказ получил 8 лет. Митька или врет сам от себя, перевирая версию Ирины; или Ирина ему рассказывает такую версию, а Муле другую. Скорее всего, Митька сам навирает. Митька, развивая «искусные теории», говорил, что Алю арестовали нарочно, чтобы «потопить Львовых», но не мог объяснить почему, в таком случае, арестовали отца и Милю. Он здорово зол на Алю и говорит, что, так как он с ней был всегда в отличных отношениях, тем ему и тяжелее и т.п. Он, конечно, ненавидит Алю (теперь). Он сделал попытку оклеветать ее и уронить в моих глазах, дав понять, что из-за нее и арестовали отца. («Поче-

му отца арестовали после нее?») Я дал ему понять, что в этом деле виноваты только Львовы; что они оклеветали сестру, потом отца, и что когда те сами дали показания о них, то Львовых и арестовали. Все эти милые предположения мы преподносили в виде «теорий» о причинах дела, но было ясно, что каждый верит только в свои предположения. Не знаю, может быть, я сделал большую ошибку и оплошность, сообщив Митьке предположения о клевете его родителей (т.е. Н.Н., Ник.Андр. не его отец)? Не знаю. Во всяком случае, он тоже мне сообщил предположения о клевете Али на его семью, так что если он будет болтать, я тоже смогу кое-что сообщить. Алешу судили особым совещанием, и он получил 8 лет, т.е. максимум в ОСО (Семен Исакович говорит, что 8 лет – максимум в ОСО). А Митька хвастается, что Алеша получил «мало». Я не мог Митьке сказать, что я слышал, что Аля обвиняла Алешу и всю семью Львовых в антисоветских разговорах (я это узнал через Мулю, и Митька не должен этого знать). А Митька утверждает, что все обвинения Али были опровергнуты, потому что у нее не было доказательств, и что Алешу сослали на 8 лет только потому, что он отказался дать показания против Н.Н. и Н.А. Чья же версия правильная, Мулина или Митькина? Митька никак не мог понять, почему я решил больше с ним не встречаться. Он говорил, что я «боюсь» и т.п. Но мне наплевать. Действительно, он может угодить, как Алешка. Х.. с ним. Мы с ним расстались, когда начинал накрапывать дождь и над головами были мерзкие грозовые тучи. Митька все время ходил за какой-то «демимонденкой»¹, и мне это надоело. Он попробовал было, чтобы я ему отдал «en souvenir de notre amitié passée»² книжечку Блока «12», которую я только что купил, но я ему не дал. В общем, было довольно тяжело так расставаться. Но нечего делать, так нужно для спокойствия будущего. Конечно, изредка я с ним буду встречаться, но не так часто, как раньше. Кроме того, пролитие света на то, что Аля обвиняла Алешу и его родителей, нас в известной степени разъединяет с Митькой. Он дал мне для матери книжку «Rainer Maria Rilke: Briefe an einen jungen Dichter». Мне было неприятно брать у него эту книгу – раз я с ним разры-

¹ От фр. *demi-mondaine* – полупорядочная женщина.

² «в память нашей прошлой дружбы».

ваю... Да, это тяжело, но раз нужно... А история с папой меня очень интригует. Барский не думает, что нам морочат голову. Странная штука! Мы скоро пойдём в прокуратуру: это единственный способ избежать не заметить окончания следствия. Барский говорит, что раз следствие ведётся, то никакого адвоката брать сейчас нельзя. Лишь бы не упустить момента, когда следствие закончится и когда автоматически будет или суд (где можно брать адвоката) или ОСО (где адвоката брать нельзя). Я продолжаю упорно думать, что как отец, так и сестра будут в конечном исходе этого дела освобождены, а Львовы сосланы. Интересно, отберут ли у нас на таможне какие-нибудь книги и рукописи? Сегодня один мамин новый знакомый, который коллекционирует ее вещи, должен поговорить с Павленко (исполняющим обязанности председателя ССП) по поводу этих книг и рукописей. Муля говорит, что завтра или послезавтра он должен будет осмотреть эту мифическую комнату на Сретенке. Интересно, где мы будем жить. Сегодня должны продлить (или не продлить) нашу прописку здесь до сентября. Я сегодня должен добиться увидеть или узнать, где можно увидеть Верину знакомую учительницу, которая мне, может быть, поможет с этой 110^й школой. Потом я должен (когда, не знаю) достать справку из домоуправления, что я здесь живу, и привить себя от оспы (где, не знаю). Слушаю «Юдифь» Оннэггэра.

29/VII-40

Hier j'ai passé une bonne fin de soirée. On a été avec les nouvelles connaissances de maman, les Tarassenkoff, au Parc de culture et de repos. Ce Tarassenkoff collectionne les ouvrages de ma mère et est naturellement très content d'avoir fait sa connaissance. Il est cultivé, sympathique, assez intelligent (pas trop cependant). Il a une femme très bien tout à fait «select». J'ai pas mal bavardé avec elle. Elle est blonde, de grande taille et a une belle voix. Elle s'intéresse à l'art et a de l'esprit. C'est très bien qu'il y ait des femmes comme ça. Ils ont tous les deux à peu près trente ans. Voilà. Avant-hier nous avons téléphoné à la douane — les quatre caisses sont déjà vérifiées (осмотрены), et il reste les deux malles (soundouks) avec les papiers et écrits de ma mère. On doit téléphoner aujourd'hui là-bas, pour savoir

quand on pourra avoir les 4 malles et 2 soundouks. Aujourd'hui j'irai avec ma mère au domkom recevoir le passeport qui a été à la milice» (pour la propisca – enregistrement). Je demanderai à Pouchkine (sic) la «spravka» que je vis ici (pour l'école). Aujourd'hui nous verrons au café «Khoudojestvennyj teatr» la femme de Balter, Hedy. Hier je suis allé à Perlovka (chemin de fer de Jaroslavl), voir une femme qui peut m'arranger (du moins je le pense) à l'école 110e, avec une lettre de recommandation de son amie, à laquelle j'ai été moi-même recommandé par ma tante Véra (sic-sic). Je lui ai remis (à cette femme qui peut m'arranger) cette lettre, et elle a dit «qu'elle tâcherait». Je ne sais pas s'il en résultera quelque chose. En tous cas je dois voir cette dame demain, à 2h. de l'après-midi et elle me dira le pourquoi du comment et comment ça va dans cette direction. Le plus marrant dans cette histoire, c'est que d'une part, je ne sais pas du tout si cette 110e école est bonne (j'en ai simplement entendu parler en bien) d'autre part je ne sais absolument pas si je vais habiter à Moscou et où; il est assez possible que nous serons obligés (si nous ne trouvons pas de chambre convenable à Moscou) de retourner à Golitzino (bien que ce serait une vraie défaite dans le combat pour notre stabilisation et tranquillité). Au fond, je ne crois pas à la possibilité de retourner à Golitzino, et je crois fermement que nous trouverons quelque chose dans le centre de Moscou. En tout cas, j'irai demain chez cette femme et j'apprendrai ce que j'aurai à faire ensuite. Je crois que Moulia se fait moquer au cul par cette histoire de chambre à la Sretenka. Enfin, on verra. J'ai lu un ouvrage assez intéressant d'Aragon «Les Cloches de Bâle», ouvrage qui se termine en queue de poisson. Je lis maintenant un excellent livre de Mac Orlan «Sous la Lumière froide». Dans la salle de lecture je lirai du Giraudoux, du Faulkner, du Alain, du Valéry. Pas mal de choses intéressantes dans la N.R.F. de 1939, mais tout ça c'est rongé de diverses philosophies intellectuelles et vénéneuses. Ce qui m'inquiète beaucoup, c'est que j'ai fait peut-être une faute irréparable et funeste (sic) en disant à Mitia ma «théorie» de la calomnie de ses parents sur mon père et ma sœur. Il est vrai qu'il parlait, lui aussi, de la calomnie, mais de celle qu'aurait faite ma sœur sur les Lvoff. Bon! Au diable. Au cul. Décidément, j'y pense – elle était pas mal du tout la femme de Tarassenkoff. Ce doit pas être ennuyeux de coucher avec elle! De source américaine, par radio, circulent des bruits que les Allemands ne verraient pas d'un

mauvais œil une déclaration d'autonomie de la Bretagne française, ainsi que de la Provence... et Bourgogne (sic). Aujourd'hui il a plu. Nom d'une pipe, j'ai peu d'argent (2 roubles) et avec ça, je ne peux pas aller au théâtre. Les derniers temps on mange bien. Dans un mois il faut déménager peut-être! (Et peut-être même avant). Ce ne serait pas mal de coucher avec une belle fille (ou femme qu'importe!)

Вчера я приятно провел конец вечера. Мы были с мамиными новыми знакомыми, Тарасенковыми, в Парке культуры и отдыха. Этот Тарасенков собирает мамины произведения и, конечно, очень рад, что с ней познакомился. Он культурный, симпатичный, довольно умный (но не слишком). Его жена очень приличная, совсем «стильная». Я с ней хорошо поболтал. Она — блондинка, высокого роста, и у нее приятный голос. Она интересуется искусством и остроумная. Хорошо, что есть такие женщины. Им обоим, видимо, лет тридцать. Вот. Позавчера мы звонили в таможенную — четыре ящика уже осмотрены, и остается два сундука с материнскими бумагами и рукописями. Мы должны туда сегодня позвонить, чтобы узнать, когда мы сможем получить все четыре ящика и оба сундука. Сегодня я пойду с матерью в домком, получить паспорт, который был в милиции, для прописки. Я попрошу у Пушкина (sic!) справку о том, что здесь проживаю (для школы). Сегодня в кафе «Художественный театр» мы должны встретиться с женой Балтера Хеди. Вчера я ездил в Перловку, по Ярославской жел. дороге, повидать женщину, которая может мне помочь (во всяком случае, я так думаю) поступить в 110^ю школу, по рекомендации ее подруги, которой (подруге) меня рекомендовала тетя Вера (sic-sic). Я передал этой женщине (той, которая может мне помочь) рекомендацию, и она мне сказала, что «постарается». Я не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого. Во всяком случае, я должен встретиться с этой дамой завтра, в два часа дня. И она мне скажет, что и почему, и что к чему в этом направлении. Самое идиотское в этой истории то, что с одной стороны, я даже не знаю, хорошая ли эта 110ая школа (я только слышал о ней, что да), другое, я даже не знаю, буду ли я жить в Москве и где; возможно даже (если мы не найдем подходящей комнаты в Москве), что нам придется вернуться в Голицыно (хотя это было бы настоящим поражением в нашей битве за спокойствие и стабильность). На самом деле, я не думаю, что придется вернуться в Голицыно, я уверен, что мы что-нибудь най-

дем в центре Москвы. Во всяком случае, я завтра поеду к этой женщине и узнаю, что мне делать дальше. Я думаю, что Мулю объе... с этой комнатой на Сретенке. Ну, посмотрим. Я читал довольно интересную вещь Арагона «Базельские колокола», но вещь кончается ничем. Теперь я читаю великолепную книгу Мак Орлана «При холодном свете». В читальне я собираюсь прочесть Жироду, Фолкнера, Алена, Валери. Есть много интересного в Н.Р.Ф. за 1939 г., но все это изъедено разными интеллектуальными философскими и вредными мыслями. Что меня очень беспокоит, это то, что я, может быть, сделал непоправимую и убийственную (sic) ошибку, что высказал Мите свою «теорию» о клевете его родителей на отца и сестру. По правде говоря, он тоже говорил о клевете, но о якобы клевете моей сестры на Львовых. Да ну их к черту! В ж... . А я вот сейчас вспомнил, она была весьма хороша – жена Тарасенкова. Должно быть, здорово с ней переспать! Из американского источника, по радио, идут слухи, что немцы неплохо бы отнеслись к заявлению об автономии французской Бретани, а также Прованса... и Бургундии (sic). Сегодня был дождь. Ах, шут возьми, у меня мало денег (2 рубля), с этим я не могу пойти в театр. Последнее время мы хорошо едим. Через месяц надо переезжать (а может, и раньше). Неплохо было бы переспать с красивой девушкой (или женщиной, неважно!).

1/VIII-40

Все эти два дня: разборка вещей. Нужно записывать, какие вещи в каждом сундуке, вываливать их, отбирать вещи на продажу и отдачу, потом вновь укладывать... Эти часы вываливания и разборки – самые отвратительные и ужасные для меня часы. В комнате в эти часы царит хаос, и я страшно озлобляюсь, что мы столько навезли, и теперь все приходится разбирать, убирать и т.п. И эта разборка еще не кончена. Мать получила все вещи, кроме рукописей. Она в ближайшем времени справится о судьбе этих рукописей. Рукописи – самое ценное, что у нее есть. Но я думаю, что она их выручит и получит. Нас здесь прописали до 15го. После 15го или переедем (куда – неизвестно), или будем жить здесь до 1го сентября (а куда потом?). С комнатой ничего не намечается. Мать не говорит об этом с Рябининой и отговаривается тем, что «вещи не дают ей времени». Матери придется делать поправки к переводу «Этери» Пшавелы. Кроме того,

она должна закончить перевод стихов Бодлера. Но она сейчас ничего не делает и с утра до ночи возится с огромным количеством наших вещей. Да, интересно, как въедем мы в какую-нибудь комнату с таким количеством вещей! Мать еще ничего не продала — она совершенно непрактичный человек и не умеет продавать. 30го я был у этой Екатерины Петровны, и она мне дала записку для мамы, чтобы мы 31го пошли в школу, где она уже оставила письмо обо мне директору. Я-то просился в 110^{ую} школу, а эта старая идиотка написала письмо в 100^{ую} школу, на Столовом переулке, куда я совершенно не хотел идти. Конечно, я туда 31го не пошел, да и вообще не пойду. Чорт с ней, с этой 100^й школой. К тому же эта Е. Петровна говорит, что нужно все рассказать там — и что отец арестован. А я и мать считаем, что вообще об отце рассказывать не следует. Вот старая дура! Я в 110^{ую} просился, а с 100^й — чорт с ней. 31го я поехал в Переделкино, к Пастернаку. Я знал, что его сын от 1^й жены учится в 175^й школе, филиале 167^й (той). Пастернак посоветовал написать мне письмо его сыну, который бы мне сказал, хорошая ли это школа, и посоветовал, как туда поступить. Я вчера, в тот же день, был там, в 175^й, в канцелярии. Там эти кислые рожи сказали мне, что теперь в 8^й класс не принимают, и раз я живу не в их районе, то... и т.п. Х.. с ней, с 175^й! Никакого письма писать Жене я не буду. Коротко и ясно — принимают только по району. Интересно, удастся ли Митьке поступить в 167^{ую} школу? 15го приезжает директорша этой школы, и Митька надеется туда поступить. Если до 15го приедет Гольцев, то тогда я пойду, поговорю с директоршей (к тому времени пройдя испытания по французскому и прививку оспы, я буду иметь все нужные документы), и если окажется, что бумажка из Союза писателей поможет, то я попрошу Гольцева устроить это дело. Теперь ставится несколько вопросов: 1) согласится ли директорша принять меня в 167^{ую}, если я принесу это ходатайство, 2) сможет ли Гольцев это ходатайство раздобыть (сейчас, т.е. недавно, он мог, но потом он, возможно, не сможет) и, наконец, приедет ли Гольцев до 1го сентября. Потом еще то, что, возможно, в этой школе будет учиться Митька, а я с ним разорвал... Да, жижя продолжает литься. И даже не кристаллизируется. Отцу 26го передачу не приняли — сказали, что у него есть 300 р. Где будем жить через месяц — не знаем. Где буду учиться, не знаю; что будет

с отцом и сестрой, не знаем; как отделаться от вещей, не знаем, и т.п. Во всяком случае, я решил ни в какие школы больше не ходить и не хлопотать до того, как приедет директорша 167^й школы и Гольцев. Мои ближайшие задачи: привить оспу и, выдержав экзамен по французскому, получить свидетельство об окончании 7^м классов. Ох, эти вещи! Опять предстоит разборка, а в конце августа (или 15го) переезд с огромным количеством сундуков и т.п. в неизвестную комнату. Позавчера Бретань отделилась от Франции, объявив себя независимой. Этой штучке способствовали, конечно, немцы и бретонские автономисты. Немцы все еще «не трогают» Англию, довольствуясь бомбить пароходы, порты и военные объекты Англии. Говорят, скоро начнется во Франции суд над Даладье, Рейно, Блюмом и др., обвиняемых за объявление войны и ответственных за всю эту штуку. Теперь я уж совсем ничего не понимаю во внутриполитическом положении Франции. Прочел почти непонятную и дурацкую книгу Жироду «Сантиментальная Франция». Попытался прочесть роман Фолкнера «Sanctuaire», но ничего не вышло — ненужная книга и тяжелая.

2/VIII-40

Вчера было 1ое заседание Верховного Совета СССР (1го созыва). С докладом о внешней политике СССР выступил Молотов: сохранение дружбы с Германией на прочных основах, выжидательная позиция по отношению к Англии, ухудшение отношений с США, предупреждения Турции и Ирану (по поводу перелетов иностранными самолетами нашей южной границы), дружественные отношения с Китаем, нормальные отношения с Югославией и Болгарией, относительно Японии, то в последнее время отношения СССР с ней стали несколько нормализоваться, но создание «новой политической структуры» оставляет пока еще много неясного. На сегодняшнем заседании — образование Молдавской ССР и включение Северной Буковины в состав Украинской ССР. Завтра — рассмотрение заявлений сеймов Литвы и Латвии и Гос. думы Эстонии о включении их в состав СССР. С Бессарабией, Сев. Буковиной, Литвой, Латвией и Эстонией население СССР увеличится до 193 миллионов человек. Ясно, что все сейчас происходящее в огромной мере

усиливает силу и мощь как СССР, так и всемирного коммунизма. Это — *situation extérieurement*¹, a *situation personnelle*² следующая: сегодня я получил от Веры письмо какого-то профессора Чехова к директору 110^й школы Новикову. Это письмо говорит обо мне. Письмо немного нелепое, но написано с лучшими чувствами и, надеюсь, произведет свой эффект. Завтра я с этим письмом пойду в эту 110^{ую} школу. Может быть, оно подействует и меня примут; но возможно, что из-за того, что я живу не в том районе, мне сделают препятствия. В общем, завтра увидим, как это обернется. Сегодня я наконец добился через справочное бюро адрес амбулатории, пошел туда, и там мне благополучно привили оспу и выдали справку о прививке мне оспы, что и требовалось доказать. Очень хорошо, что все это удалось проделать сегодня. Завтра пойду в школу с лишней и нужной справкой — одной бумажкой больше и одним препятствием меньше для моего поступления в школу. Что может помешать моему вступлению в школу? — 1) То, что я живу не в том районе, где находится школа. 2) То, что у меня нет свидетельства об окончании 7 классов. Для того, чтобы иметь это свидетельство, мне придется держать испытание в августе. Эта штука с французским языком может мне навредить: могут сказать, что те, которые учатся в школе, обязательно изучают язык, который там преподается, или посоветовать идти в школу только с французским, что-нибудь в этом роде. 3) У меня нет свидетельства о рождении и метрики. Вот и все три основные препятствия. Самое смешное заключается в том, что меня тащут в 110^{ую} школу, а я сам не знаю, хорошая ли это школа или плохая, а рвусь в нее, как будто в рай земной! Это здорово смешно. В общем, завтра увидим. 15го, очевидно, мы отсюда выкатимся. Возьмем минимум вещей, остальные предполагаем расставить по знакомым. Наша соседка, Наталия Алексеевна Барто, говорит, что, быть может, что-нибудь наклюнется с комнатой где-то на Новинском бульваре. Муля перестал что-либо добиваться у этой сумасшедшей бабы, потому что у него заболела мать дизентерией. Вообще я на него в смысле нахождения нам комнаты мало надеюсь. Действительно, где мы будем жить через две недели? —

¹ ситуация внешняя.

² ситуация частная.

Mystère et boule de Gomme.¹ Вчера встретились с Кочетковым — пошли в «Националь». Кочетков усиленно нас приглашал туда, где его жена и эта старушенция (Меркурьева). Кажется, там действительно хорошо и «изумительная местность», но мы теперь так заедены вещами, переездами, разборкой, школой и т.п., что ни о каких поездках не приходится думать. Интересно, как выйдет у меня завтра со школой? Если примут, то все-таки будет уверенность какая-то. Читаю «Cousin Pons» Balzac'a. Неплохо, но немного скучновато. В библиотеке нельзя достать хороших книг — они все нарасхват, и нужно «заказывать» известных авторов. А в читальном зале гораздо больше книг, и все можно читать, и нет никаких «заказов». Сейчас 9 часов вечера. Мать заснула, читая «Cousin Pons»; кот спит, свернувшись калачиком. Из окна доносится отдаленный гул города. Вся комната полна сундуками и мешками. Приехали Вильмонты, но почему-то не звонят. Завтра мать и Тарасенков пойдут добирать последний чемодан с рукописями (для матери и ее знакомых — самое ценное и главное). Франция разорена — транспорт не восстановлен, склады пустуют, беженцы не могут возвратиться домой (нечем их перевозить). Продуктов ощущается острая нехватка. Газет выходит 3–4. Продолжают циркулировать слухи о том, что Пэтен намерен восстановить монархию во Франции. Уже прошел месяц со дня заключения перемирия между Францией и Германией, а Германия все еще не напала на Англию. Конечно, нападение на Англию, вследствие ее исключительного стратегического положения, очень трудно, и это требует тщательной подготовки. Ясно, что немцы пытаются ослабить английский торговый и военный флот, топя корабли и эсминцы, и пытаются бомбардировками дезорганизовать английские коммуникации, навеять в стране панику и приостановить работу военных предприятий Англии. Англия же, со своей стороны, стремится бомбардировками приостановить военную продукцию самолетов и танков, бомбардируя Эссен и заводы Круппа и нефтехранилища в Гамбурге. Интересно, привьется ли мне оспа или нет. Я бы хотел, чтобы не привилась, было бы спокойнее и лучше. А вечером делать действительно нечего. Рисовать я перестал почти совсем. Говорят, что в ИФЛИ (куда я

¹ Полная тайна и неизвестность.

предполагаю пойти по окончании 10-летки) подается 25 заявлений на одну вакансию. Трудно будет пробиться! Но об этом, бесспорно, рано думать. От Хэди мы узнали, что Балтер переведен в Лефортово. Очевидно, его спросили, что нужно, а теперь он не нужен и переведен. Но что это за история с переводом, с 300 рублями и т.п? Мать беспокоится и боится, что отец в больнице или умер. Но это чушь. А вечером действительно делать нечего. Наверное, скоро лягу спать.

4/VIII-40

Вчера звонил в 110^ю школу, чтобы узнать, когда бывает директор. Оказалось, что он уехал в отпуск и придет 11го–12го. Это хорошо, потому что к 11^{му}–12^{му} я получу мое свидетельство, сдав французский язык 7го–8го, так что препятствие предстоящих экзаменов и неимение свидетельства отпадет. Надеюсь, что преподаватель французского в 120^й школе, где я должен держать экзамен, не запоздает из отпуска и придет 7го–8го. Во всяком случае, мне там так сказали. Теперь у нас 16 республик: вновь образованная Молдавская ССР (состоит из бывшей Молдавской АССР и Бессарабии) и три прибалтийских вчера присоединенных республики: Литва, Латвия и Эстония. Вчера на таможене матери выдали все ее рукописи, чему она очень рада. Задержали только какую-то «неудачную» карикатуру из альбома карикатур Dubout'a. Теперь у нас все вещи. Муля окончательно обвинел. Вчера сказал нам по телефону, что эта женщина «со Сретенкой» обещала ему позвонить в этот же день, и обещал звонить нам. Весь день не звонил. Сегодня утром мы ему позвонили, и он сказал, что эта женщина обещала ему звонить завтра. Творится что-то неладное с ним. Что это за чушь? Как он мог узнать, что она ему будет звонить завтра, раз он сам говорит, что она ему не звонила? Этот п..... удивляется, что Вильмонты нам ничего не нашли, говорит, что «так и знал, что это брехня», а сам и пальцем, очевидно, не шевелит, чтобы найти нам комнату! Он никогда больше нам сам не звонит, и приходится ему звонить. Если бы мы ему не звонили, я уверен, что он бы сам нас не окликал. Он эту волюнку с комнатой очень долго тянет: как-никак, внесено 1000 р. за 8 месяцев вперед: комнаты в Сокольниках она не устроила и ясно,

что теперь этой женщине надо предъявлять такой ультиматум: или давай деньги обратно, или давай комнату на Сретенке. Тем более есть доверенность у Мули, что если она не устроит комнаты в Сокольниках до 27го июня, то он вправе требовать от нее обратно 1000 рублей. Теперь 4ое августа. Что же ждет этот идиот? Или он дурак, или он жулик. Может, он ей и вовсе не давал эти 1000 р. (он вел эти операции), а оттого сейчас не может с нее требовать ни денег, ни комнаты? Предпочитаю в эту версию не верить. Возможно, что он просто дурак, несмотря на свои «практические» замашки, и что эта женщина водит его за нос, обещая комнаты и суля звонки, очень довольная тем, что он не требует денег назад? А сколько раз он говорил, что предъявил ей «последний» ультиматум, что «завтра пойдет посмотреть комнаты» и т.п.! Да, творится что-то неладное. Мне уже то не понравилось, что он не был с нами на таможне. Может быть, у него действительно испортился телефон, как он это утверждает, а может, он просто не хотел показываться на таможне. Во всяком случае, когда я ему следующий раз позвонил и попросил прийти на таможню помочь матери с ящиками книг, он сказал, что «занят», что «не может» и что его «не предупредили». Вдобавок ко всему этому, он совершенно ясно стал пессимистически относиться к исходу дела. Возможно, что такое пессимистическое отношение к исходу дела и повлияло на его отношение с нами. Во всяком случае, установлены следующие факты: 1) то, что мы с ним давно не виделись и всегда сами ему звоним, а он нам почти никогда; 2) он не был на таможне. Или, как он говорит, у него испортился телефон, или он сам его выключил. Во всяком случае, он и во второй раз не пошел; 3) он ничего не устроил с комнатой. Мы не видим ни денег, которые мы внесли, ни комнаты. Мне кажется, что в отношении комнаты он ведет себя как дурак или запутался в каких-то делах, какие мы не знаем. Мне кажется, что он просто перестал верить (почему, не знаю) в благополучный исход дела и потому как-то охладел к нам. Начал он очень хорошо — помогал нам, то-се, другое, а потом все это пошло на убыль. Меня эта история с комнатой бесит. Сколько раз он говорил, что эта женщина ему будет звонить! Меня бесит также мямлинское отношение матери к этому делу. На словах она мечет громы и молнии по этому поводу, а в телефон кротким голоском

высказывает предположения о том, что «видите, Муля, нам нужно 15го уезжать, так что, понимаете, нам нужно куда-то уезжать» и т.п. А Муля ее обнадеживает обещаниями о том, что «завтра она позвонит». Эта история мне страшно надоела, и Муля в ней играет незавидную роль. Вчера были у Вильмонтов, которые приехали из Малеевки, где они были в Доме писателей. Они были, как всегда, очень милы. Кажется, опять что-то наклеывается у них с какой-то комнатой для нас, но, кажется, не на длительный срок. Кажется, эта комната имеет 14 метров. Кажется, она предполагается на 2 месяца. Наши громоздкие вещи мы можем оставить здесь до 1го сентября — ведь их не прописывают — лишь бы мы здесь не жили (т.е. не ночевали), а вещи пускай. С комнатой, которую предполагают для нас Вильмонты, пока ничего не выяснено, но скоро будет выяснено. Наталия Семеновна, жена Вильмонта, поможет нам распродать кое-что из вещей. Я уже заранее предвкушаю все тончайшие прелести красивейшего, сладчайшего и приятнейшего переезда. Да, все это тяжелые испытания, но мы их преодолеем, я в этом уверен. Сегодня мы приглашены к Тарасенковым. Я очень рад к ним пойти — особенно приятно мне будет увидеть его жену. Он тоже очень симпатичный и благожелательный человек. От них обоих исходит впечатление какой-то свежести чувств и восприятия — они могут с жаром говорить о книге, об авторе — это любопытно, такая свежесть. Во всяком случае, я рад к ним сегодня пойти. Тарасенков два раза был с матерью на таможне и сегодня придет, — она (мать) ему передаст часть своих рукописей, он, конечно, очень рад. Пойду купить что-нибудь к завтраку. Это хороший район — все лавки близки.

5/VIII-40

Сегодня звонил Муля. Ему звонила эта женщина с комнатой, и он с ней сговорился на послезавтра — пойдет осматривать эти две комнаты (11 и 12 м) на Сретенке. Он говорил, что предъявил ей ультиматум: или комнаты, или деньги (т.е. он подает в суд). Очевидно, это подействовало. Интересно, увидится ли она с ним 7го или это опять окажется брехней? На этот раз мне кажется, что это серьезно. Комната, предполагаемая Вильмонтами, провалилась, и остаются только эти две комнаты на Сретенке. Надеюсь, что они подойдут и все уст-

роится. Приехал Эренбург — из Парижа. Он видел вступление немцев в Париж; нужно было бы с ним повидаться — он, наверное, много интересного может рассказать. Вчера были у Тарасенковых. *Décidément*¹, его жена мне нравится. *Elle doit être très bien au lit.*² У нее отличное тело. Мне кажется, что в сексуальной жизни человек проявляет свой истинный темперамент, дает свой максимум. Самое смешное заключается в том, что люди, хотя и говорят о «любви», делают вид, что игнорируют сексуальную жизнь; они о ней не говорят, хотя очень много о ней думают. Половая жизнь составляет неотъемлемую часть нормальной жизни каждого человека; но о ней принято не говорить и как-то скрывать ее. Половая жизнь закрыта в рамках узко-брачной жизни; о поле нет дискуссий. Люди, когда женятся или берут любовницу, совершенно не знают техники любви, совершают много ошибок, не знают, как себя вести и т.п. Много верного написано по этому поводу в книге Олдингтона «Смерть героя». Вот, например, Тарасенковы. Они муж и жена. Совершенно ясно, что они живут половой жизнью. У нее красивое, здоровое тело, любить она должна хорошо. Но, например, человек, который бы не знал, что существует сексуальная жизнь, общаясь с Тарасенковыми, никогда бы не заподозрил, что такая жизнь существует. Смешно то, что, например, между мной и Тарасенковыми сложились определенные отношения. Мы разговариваем, читаем, пьем чай. Как будто все нормально. Но когда я уйду, то эти люди будут другими — они будут настоящими. Они скажут свое настоящее мнение обо мне; хотя казалось, что муж и жена связаны чисто «интеллектуальными» узами, они будут целоваться и любить друг друга самым пылким образом. Меня всегда чрезвычайно забавит такая вековая «двойственность». Возможно, что по-другому и не может быть. Но мне интересно, в силу каких обстоятельств сложилась такая почти общепринятая установка игнорировать половую жизнь и не говорить о ней? По-моему, это вредно. Вот, например, мать совершенно меня сексуально не воспитала. Нельзя же считать половым воспитанием то, что она мне сообщила сущность элементарного полового акта и сказала, что нужно опасаться «болезней»? — Что за чушь! Мне интересно, почему

¹ Определенно.

² Она должна быть хороша в постели.

мать не говорит мне о половой зрелости и о стремлениях, которые появляются в связи с появлением этой зрелости, хотя она знает, что я нахожусь как раз в периоде «терзаний» всех мальчиков (хотя я-то сам конкретно знаю, что мне нужно). Говорим прямо: мать должна знать, что в жизни каждого человека наступает период половой зрелости; она знает, что в этом периоде возможны всяческие вывихи и т.п. Неужели она может игнорировать, что, бесспорно, в каком-то возрасте появляется половое желание? — Я не могу признать, что она все эти факты может игнорировать. Но почему же тогда не дать никакого совета насчет поведения, которого следует придерживаться в этом периоде и дальше? Почему не дать каких-то конкретных (пусть даже для меня и ненужных) наставлений? Почему не говорить: то-то хорошо, а то-то плохо, то следует не делать, а то можно и т.д.? И мы опять возвращаемся к старой теме: к сознательному пренебрежению и игнорированию половой жизни. Неужели мать думает, что у меня нет нормального полового желания? — Это невозможно, потому что она знает, что я развит в половом отношении. Но, может, она не признает или не хочет признавать возможным появление половых желаний? — В таком случае это глупость. Неужели человек, проживший 47 лет, может еще сомневаться в бесспорности наличия появления в определенный возраст полового влечения? Но, может, она думает, что такое влечение можно превозмочь, что это «пустяки»? Но нужно же дать какие-то конкретные указания, ориентировать человека! Я такое сознательное умалчивание, игнорирование и пренебрежение вопросами половой жизни считаю просто-напросто лицемерием, привитым семьей и рекомендуящим избегать таких вопросов и называть их «сальностями» или что-то в этом роде (даже можно из старого чехла вынуть «уподобляется животному» и т.п.). Но мать человек, бесспорно, культурный, бывалый, много видевший. Такое замалчивание важнейших вопросов, связанных с физическим развитием своего сына (вопросов действительно важных) я объясняю пережитками этого из семьи в семью переданного буржуазного лицемерия. Конечно, главный вопрос в 15–16 лет — это половой вопрос. Конечно, это просто чудовищно не помочь человеку в этом возрасте, сознательно закрывать глаза, думая, что «подумаешь! Уладится как-нибудь» и т.п. Это все-таки чрезвычайно комич-

но, что моя мать — культурная женщина, поэт и т.п. — думает, что не стоит мальчику говорить о «таких вещах», и ведет себя в этом отношении как настоящая, рядовая мещанка, как любая безответственная домохозяйка, к которой бы мать никогда не согласилась бы быть приравненной ни в каком случае. Вот это-то и смешно, что культура у матери (да и у многих людей) совершенно не тронула и не размыла того участка мусора, который находится в таком же состоянии у других, несравненно менее культурных, образованных лиц. Меня это лицемерие бесит. И, главное, я уверен, что если бы я с матерью стал говорить о поле, о половых стремлениях, то она бы сделала лживое лицо и сказала бы, что «люди все-таки не животные», что это «низменно», что нужно «заниматься спортом», об этом «не думать» и — о смех! — что это «у тебя пройдет»! Вот это действительно смешно! Или, например, абсолютная неосведомленность о понятиях «дозволенного» и «недозволенного» в брачной жизни. Вполне возможно, что мать думает, что я сам научусь «делать, как надо». Да и вообще она и не думает о моем половом воспитании, и это-то очень показательно и очень плохо. Но в этом отношении есть какой-то элемент незаботливости о своем сыне, который меня крайне удивляет, *étant donné que*¹ мать всегда страшно заботится о том, как я ем, одет и т.п. Да, это странно и вместе с тем привычно. Неприятно то, что я совершенно лишен элементарных советов, исходящих от матери. Впрочем, черт с ней. Совершенно не знаю, что сегодня буду делать. Хотелось бы знать какой-нибудь список книг, трактующих половой вопрос, — там по-французски (в чит. зале) нет переводов ни Эллиса, ни Фрейда, ни Олдингтона. Олдингтона я прочел в русском переводе («Смерть героя»). Интересно знать, когда все-таки я перестану быть «*ricseau*»² (*sic*)? Действительно, мне хочется поваляться с женщиной — да не с кем, а проституткам к черту — это совершенно неинтересно. Неужели я потеряю мою «*virginité*»³ (*re-sic*) только с моей «*légitime*»⁴ (*re-re-sic*)? — Это, по-моему, было бы крайне плачевно. А впрочем, не знаю.

¹ учитывая то, что.

² «девственником».

³ «невинность».

⁴ «законной».

ДНЕВНИК № 8

8/VIII-40

Вчера был Муля. Он забрал несколько вещей на продажу. Сегодня он виделся с этой Фелицей и был в переулке, где находится дом с комнатой, которую хочет сдать ее сестра. Муля не смог сегодня осмотреть этой комнаты, так как сестра этой Фелицы уехала на дачу и ключи от комнаты у нее. Сначала предполагалось, что сдадут две комнаты (11 и 12 м). Теперь, оказывается, комната — 19 метров. 10го Фелица обещала достать ключи и броню на комнату — Муля ей твердит, что мы должны въехать 12го. Интересно, как мы там будем жить (если попадем)? Дело в том, что здесь мы жили в культурной обстановке (Габричевский — искусствовед и литературовед, Барто — художник, знают языки и т.п.). А каково нам будет в некультурной обстановке? Мне лично наплевать, но все дело в том, как себя будет чувствовать мать, которая никогда не жила в коммунальных квартирах. Дело в том, что мы из культурного дома окунемся, возможно, в диаметрально противоположную обстановку! Да, это будет любопытно. Лишь бы не были люди озлобленные и некультурные — это главное. Интересно, добьемся ли мы этой комнаты или нет? — Я думаю, что да. Муля прижал эту Фелицу к стенке, и она обязана предоставить эту комнату. Мать боится, что ее ограбят, видя, что у нас столько вещей, боится, что люди будут злые и т.п. Настроение у нее довольно подавленное. Да, нам здесь было хорошо жить — соседи хорошие, и самый центр, лавки под боком. Впрочем, возможно, что и там будет не так плохо. Как-нибудь обживемся. Последние дни мы разбирали ящики с книгами. Целый ящик отошел на продажу. Я продал книг на 70 рублей, но мать не хочет больше, чтобы я продавал, так как говорит, что мне деньги не нужны. Мать думает часть ящиков оставить здесь, а часть взять с собой. Я уже заранее представляю себе кошмар переезда. Как я ненавижу эти переезды! Но ничего. Может быть; мы там хорошо устроимся, в новой комнате. Вчера я звонил в 120^ю школу, чтобы узнать, приехала ли преподавательница фр. яз. (для моего испытания). Оказывается, что она все еще не приехала. Думаю пойти завтра в школу и вторично узнать. Я решил не пытаться записаться ни в какую школу, прежде

чем не выдержу испытания по фр. яз. И не получу моего свидетельства. Да, «заседание продолжается», как говорил Остап Бендер. Мне страшно осточертели все эти переезды и поиски комнаты. Сегодня зайдет Муля.

9/VIII-40

Сегодня был в 120^й школе, чтобы узнать, когда мне можно будет держать испытание по фр. языку. Ждал примерно полчаса директора. Он сказал мне, что 15го будет вывешен список испытаний (осенних), и когда они произойдут. А я-то думал, что до 15го мне удастся выдержать этот экзамен, и быть *panti*¹ всеми бумагами! Как видно, придется еще подождать. 12го я позвоню в школу (110^ю), чтобы узнать, приехал ли директор. Сегодня прочел в «Правде», что прокурор СССР Панкратьев освобожден от обязанностей прокурора и что на его место назначен Бочков. Интересно, повлияет ли этот уход и это новое назначение на «дело»? Во всяком случае, констатируем факт. Завтра Муля должен видеться с этой Фелицей. Она обещала дать ключи и броню. Может, окажется брехня, или что сестра ее не сдает, или что она постарается все это получить позже, или отложит, или что-нибудь еще в этом роде? — Но я надеюсь. Видел неплохой (и, во всяком случае, довольно полезный для нашей молодежи) фильм «Закон жизни» о морали и любви. Этот фильм увлекательный, и хотя немного простоват, его смотришь с интересом. Я продолжаю мысленно предвкушать предстоящий переезд. Для меня переезд — олицетворение самого наикошмарнейшего и наиотвратительнейшего, что только может со мной произойти. Меня раздрает внутренняя борьба: видеться с Митькой или нет? Когда я прохожу по улице Горького, то я всегда вспоминаю, как мы с ним здесь ходили и заходили к букинистам, как ходили есть мороженое, ходили по Кузнецкому, разговаривали, смеялись... Но нужно ли мне было с ним порывать, принесет ли это какую-нибудь пользу. Я не знаю. Факт тот, что встречи с ним составляли мою единственную радость и развлечение. Всегда, когда я должен был с ним встретиться, я воспринимал это, как праздник, и чистосердечно радовался. Может быть, впрочем, что действительно мне лучше с ним не видать

¹ снабженным.

ся? Возможно, что отец и Аля, если бы они знали, что я (подзревая Львовых в клевете на отца и сестру) продолжаю дружить и общаться с Митькой, начали бы меня укорять и упрекать в «беспринципности». Буду продолжать с ним не видаться, но мне это стоит больших трудностей — как-никак, он остроумен и культурен, и мы с ним всегда были в хороших отношениях. Но факт тот, что его брату дали 8 лет, и его вполне могут потом арестовать, тем более, что Муля утверждает, что он возвращается в «темной компании». Муля думает, что Митька может вполне угодить, куда угодил его брат. Не знаю. Трудно судить. Но трудно так резко порывать с человеком, тем более, что Митька никакого повода для этого не давал. Муля говорит в таком тоне, что Митька человек совсем не советский и кончит так, как его брат, что он неустойчивый и что нужно всегда иметь мне в виду, что мне здесь нужно жить. Это-то все, конечно, верно, но мне кажется, что Митька «не советский» человек только потому, что он по болезни не попал в школьную и студенческую колею. У него много, по-моему, хороших черт: он любит книги, он очень умен, культурен, и мне кажется, что из него прекрасно может выйти какой-нибудь советский литературовед или что-нибудь в этом роде. Муля преувеличивает плохие стороны Митьки, потому что он вообще ненавидит Львовых, из-за Али. Митька никогда (при мне) ничего не говорил антисоветского. Да, обо всем этом очень трудно судить. Он просто звено семьи клеветников, и потом, положение щекотливое — как-никак, моя сестра «упекла» его брата (грубо говоря), и было бы некрасиво поддерживать отношения. Потом факт тот, что он говорит, что его брат «чист, как ягненок», и т.п. Я, конечно, этому не верю, и вообще положение может стать натянутым — затронуты слишком большие интересы и ценности. Конечно, лучше с ним не видаться — но для меня это трудно. Но нечего делать — подождем, как кончится это дело, потом — увидим.

11/VIII-40

Вчера, как было уговорено, эта женщина позвонила Муле и сообщила ему, что позвонит завтра 12го, в 7 час., чтобы окончательно условиться, когда можно будет осмотреть комнату. Как видно, волынка продолжается. Мистифицирует ли

нас эта женщина, откладывая каждый раз осмотр комнаты? Мне все-таки кажется, что нет и что в конце концов мы туда въедем. Завтра она должна звонить Муле в 7 час. утра, чтобы условиться о времени осмотра комнаты. Она говорит, что ее сестра согласна сдать и т.п. Что ж, подождем завтрашнего дня – увидим. Я вчера был в этом Большом Сергиевском переулке (где, по словам Фелицы, находится дом с этой комнатой). Это третий переулок по левой стороне Сретенки, идя с Дзержинской улицы. Переулок, по-моему, хороший – тихий. От этого переулка до Петровки – $\frac{1}{4}$ часа, до ул. Горького – 20 мин. (пешком). До Кузнецкого моста – 10 мин. Сретенка – очень оживленная улица, там шныряет много народу. Если продолжать идти по Б.Сергиевскому пер., то попадаешь, через резкий спуск, в Малый Сергиевский, который выводит на Трубную площадь. От Трубной площади можно на трамвае поехать до пл. Пушкина, до Никитских ворот и Арбата. Если идти пешком, то проходишь через Петровский бульвар и через Страстной бульвар и в $\frac{1}{4}$ часа приходишь к площади Пушкина (или 20 минут). Я стараюсь не думать о переезде, о любопытных соседях и об упаковке вещей. Завтра, 12го, я позвоню в школу, чтобы узнать, приехал ли директор этой 110^й школы. Если приехал, то я пойду к нему с письмом этого профессора Чехова, меня рекомендующего. Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого – во всяком случае, попытаться нужно непременно. Что я делаю целый день: утром встаю часов в 8, моюсь, слушаю последние новости, пью и ем «petit déjeuner»¹, потом пишу дневник (впрочем, иногда пишу его вечером), слушаю радио, иду за продуктами, потом завтракаю, часов в 12–1 час, потом или иду в Библиотеку (чит. зал) ин. литературы, или еду на трамвае до Никитских ворот, где есть неплохой ларек с хорошими пирожными и газфруктводой. Потом захожу в разные магазины, часто хожу на Кузнецкий мост, чтобы посмотреть, нет ли какой интересной новинки в книжных магазинах, потом хожу по универсам, возвращаюсь домой, слушаю радио, обедаю, потом опять слушаю радио и ложусь спать часов в 10–11. Иногда dans le courant de la journée² рисую. В общем, жизнь была бы неплоха, если бы мы «окончательно» где-

¹ «утренний завтрак».

² в течение дня.

нибудь жили и если бы не висел на носу переезд со всеми его неприятностями. Главное — это где-нибудь устроиться на возможно дольше времени. Это первая и самая главная задача. От нее зависит очень многое в нашей жизни — она насущная. Нужно где-то жить, и жить в условиях, наиболее способствующих лит. работе матери. Это факт. Нужно как-то нормализовать свое существование, где-то живя и имея постоянное (хоть на год-два-три) пристанище. Это неоспоримо. Вторая задача — моя: поступить в хорошую школу. Эта задача второстепенна, но имеет для меня большое значение. Авось как-нибудь все уладится. Слишком много мы жили в неуверенности, где будем обитать в ближайшее время. Нужно этот вопрос как можно скорее урегулировать.

13/VIII-40

Вчера эта женщина позвонила Муле, как было условлено, в 7 часов, чтобы сказать ему... что позвонит в тот же день в ½ 12го. В 11.30 она позвонила ему и сказала, что позвонит сегодня в 8 часов, чтобы окончательно условиться насчет посещения комнаты. Сегодня она ему позвонила в 8 час. и сказала, что ее сестра (которая и сдает эту комнату) завтра пойдет куда-то доставать броню на эту комнату. Тут она прибавила, что ее сестра уезжает в командировку на Дальний Восток, отчего и сдает эту комнату. Спросила, нужно ли вынести вещи из этой комнаты и куда вынести рояль. Муля сказал, что рояль он может взять к себе, и обещал на нем играть! Эта женщина сказала, что играть он может. В общем, она сказала, что позвонит завтра к 10 часам. Несмотря на непонятные и непрерывные отсрочки, я продолжаю верить, что эта история с комнатой не является блефом и мистификацией. Все-таки эта женщина говорит о Дальнем Востоке, о броне, о переулке, где находится дом, о рояле. Я объясняю эти отсрочки природной безалаберностью этих двух женщин и не думаю, что нас мистифицируют. Я продолжаю надеяться. 11го мы были у Вильмонтов. Они говорят, что мы сглупили тем, что доверили несколько вещей Муле, чтобы он их продал. Дело в том, что мать им рассказала, как (еще до того, как пришли *le gros des*¹ вещи) она доверила вещей Муле стоимостью (продаж-

¹ основные.

ной) тысяч на 10. А от этих денег мы увидели «только 2 пары валенок и 200 рублей». Тут Вильмонты спросили, какому же знакомому мы доверили эти вещи и почему мать опять ему дала вещей на продажу? Тут мать сказала, что его зовут Гуревич. Оказывается, они его знают. Он работал в правлении Жургаза. «Занимал довольно крупное место». Потом его исключили из партии за троцкизм, и он «саморазоблачался». Но его не арестовали. Он бывший троцкист (как они говорят). С тех пор, как его исключили из партии, он абсолютно все сделал, чтобы его восстановили, но ему это не удалось. Вильмонты говорят, что это человек опустившийся, что он с утра до вечера бегает по каким-то поручениям, стараясь вновь войти в партию. Он живет на квартире своей жены. Они говорят, что у него нет денег, что он всячески извивается, чтобы жить, и, конечно, продал вещи, которые мы ему дали, а деньги взял себе, так как не «каждый день» и т.п. Это возможно. Муля говорит, что он сегодня зайдет и принесет деньги за какие-то вещи, которые он продал (или «постарается принести»). Как говорит критик Серебрянский, «жуть, бред». Вчера я узнал, что приехал директор 110^й школы (к которому у меня письмо). Я собирался туда пойти с этим письмом, но позвонил Пастернак, и я не пошел. Пастернак сказал, что он говорил с секретарем Союза писателей Павленко насчет комнаты для нас. Павленко сказал, что официальным путем комнаты достать нельзя, раз даже внучке Пушкина для предоставления комнаты понадобилось постановление Моссовета. Значит, комнату можно достать только через знакомых, а на Союз рассчитывать нечего. Павленко сказал, что со школой можно устроить, что Союз поможет, Литфонд и т.п. Я сказал Пастернаку (попросил), чтобы он мне помог устроиться в школу (167^ю, через Союз). Я ему дал адрес этой школы, имя директорши, класс, куда я хочу поступить. Я ему сказал, что хочу добиться письменного ходатайства Союза писателей, чтобы меня приняли в 167^ю школу. Дело в том, что Гольцев мне сейчас обещал это устроить, но он сейчас на даче и ничего поэтому не может сделать. Пастернак все записал и обещал сделать всё, что может, и позвонит мне 16го. Я совсем не уверен, что у него что-нибудь удастся, потому что он человек чрезвычайно непрактичный. Так как я в нем не уверен, то я попрошу Тарасенкова, к которому мы сегодня пойдем, хлопотать насчет этого ходатайства. С двух сторон лучше, чем с

одной, — авось добьюсь, чего хочу. Пока я в 110^ю не пойду. Если окончательно ничего не выйдет с ходатайством и с 167^й школой, то тогда я пойду в 110^ю с этим письмом. Но раз Павленко (и Гольцев) говорили, что Союз и Литфонд в этом деле помогут, то я все же надеюсь, что мне удастся попасть в эту школу. Я сегодня непременно буду говорить по этому поводу с Тарасенковым и попрошу его это дело устроить, дам ему все данные в руки. Надеюсь, что кто-нибудь из двух добьется, чего я хочу. Да, может, Тарасенков скоро это и делает. А если не выйдет со 167^й, то я всегда смогу пойти в 110^ю, с письмом профессора. Но я все же надеюсь, что выйдет. Там преподается франц. язык, и Митька утверждал, что это лучшая школа Москвы. Увидим. Мне плевать на то, что мы не знаем, где будем жить, — это не резон, чтобы мешкать со школой. Я потерял достаточно времени. В общем, сегодня поговорю с Тарасенковым. Я продолжаю надеяться, что и с комнатой на Б.Сергиевском пер., и со школой 167 все устроится. Прописка наша здесь кончается 15го. Наша соседка, Наталия Алексеевна Габричевская, говорит, что мы прекрасно можем оставаться здесь до 1го и что никто нас не будет беспокоить. Мать настроена (*selon son habitude*¹) более панически и поговаривает о том, чтобы ночевать у Лили (а днем здесь быть) и т.п. Читаю хорошую книгу Е.Дабита «Трэн де Ви». У нас в комнате царит полный хаос, всюду валяются какие-то тряпочки, бумажки и т.п. Навалены мешки и сундуки. Чрезвычайно любопытно, как мы будем отсюда переезжать. Да, очень любопытно. Противно то, что придется быть участником этого апокалипсического переезда. Хорошо было бы быть «безучастным зрителем»! — Да нет, не удастся, пожалуй. Ящики с книгами не забиты, мать разводит панику, Мули и денег не видно, женщина только и делает, что звонит, со школой не устроено, в комнате хаос, в общем, «жуть, бред». — Заседание продолжается. Мать в сундуке перебирает какие-то вещи, я жру пирожные в ларьках и езжу на трамваях. Вчера были ожесточенные бои у побережья Англии. Немецкие самолеты напали на Портленд, крупный порт Англии. Немцы говорят, что сбили 90 англ. самолётов и потеряли 21, англичане говорят, что сбили 60 нем. самолетов и потеряли 26. Это был очень ожесточенный и круп-

¹ по своей привычке.

ный воздушный бой. Немцы устанавливают мины у английского побережья. Итальянцы продолжают продвигаться в Британском Сомали. Они уже захватили какие-то порты. Очевидно, приближается час генерального нападения на английские острова. Но это нападение очень рискованно, и оттого немцы тщательно его готовят, а итальянцы атакуют английские позиции в Африке.

14/VIII-40

Сегодня в ½ 11го Муле звонила эта женщина, сказала ему, что «она и сестра очень расстроены», и сказала, что позвонит ему завтра в 8 часов. Тут Муля ей сказал, что если через час она не условится с ним для осмотра комнаты и если сегодня не будут решены все формальности, то он начнет против нее судебный иск за мошенничество и обман. Это уже длится 5 месяцев. Этот разговор он передал нам по телефону. С тех пор он нам не звонил. Я думаю, что дело с этой комнатой на Б.Сергиевском пер. лопнуло. Очевидно, это была мистификация. Да, нечего сказать, в хорошей мы улочке. Dans une impasse.¹ Завтра мы выпишемся отсюда (срок прописки истекает 15го). Наша соседка (очень симпатичная) Наталия Алексеевна Барто говорит, что мы прекрасно можем остаться здесь до 1го и что никто нас тревожить не будет. Но мать, по-моему, этому не верит и продолжает беспокоиться. А вдруг будут звонить из домоуправления, мы подойдем, и они спросят, кто это говорит (Нат. Алекс. и ее муж уезжают послезавтра в Коктебель)? — Да, наше положение отвратительное. Удастся ли нам найти что-нибудь до 1го сентября? И еще будем судиться с этой плутовкой! Отрицать нечего, наше положение хуже, чем когда-либо. А я думал, что все скоро пойдет вверх, — ошибся. Какой бред! Ведь эта возня с комнатами длится уже 5 месяцев! Теперь мне ясно, что это мистификация. Почему не звонит Муля? — Возможно, что он ищет эту женщину или ее сестру. Во всяком случае, я думаю, что он что-то в этом отношении предпринимает. Факт, что наше положение крайне критическое, — негде жить, и эти огромные сундуки, чемоданы, мешки, ящики! Опять проклятая неизвестность! Опять не кристаллизирую-

¹ В тупике.

ющаяся жижа, опять моллюск и холодный пудинг! — Отвратительное состояние! И никто ничего не может сделать! Да-с, нечего сказать. Вчера были у Тарасенковых. Он мне обещал ходатайство редакции «Знамя» в школу. Сегодня он мне позвонил, что уже смастерил такое прошение в 167^ю школу, с штампом и т.п. Я сегодня к нему зайду за ним в 8 часов. Кроме того, звонил Пастернак и сказал, что Павленко обещал написать ходатайство в эту 167^ю школу, и завтра мать будет звонить секретарше Павленко Скудиной, чтобы узнать, когда можно будет получить эту бумагу (в школу). Итак, у меня будет две бумаги, чтобы представить директорше, и я думаю, что меня примут при наличии этих ходатайств. Ходатайство от редакции журнала «Знамя» я получу сегодня, а бумагу из Союза писателей (от Павленко) получу, очевидно, завтра. Самое отвратительное (если меня туда примут), это будет, если мы будем жить так далеко от этой школы, что я не смогу туда ездить (где-нибудь за городом или в слишком отдаленном районе). Самое трагикомичное заключается в том, что в школу я поступаю, а где жить к началу учебного года буду, не знаю! «Бред», как говорит Серебрянский. Интересно, будет ли Митька учиться в этой же школе? Хотел бы я знать, где мы будем находиться к 1^у сентября. Еще предстоит переезд, брррр! Получил от Кота письмо. «Заседание продолжается». Или (чему я перестал абсолютно верить) выйдет с комнатой на Б.Сергиевском — или (что правдоподобнее) не выйдет ничего. Если ничего не выйдет, то, очевидно, мы дадим публикацию в «Вечерней Москве» (хотя первая публикация не принесла никаких результатов), или что-нибудь из этого выйдет, или не выйдет. А тогда? — Рассчитывать на знакомых! Бред.

16/VIII-40

Вчера Муле звонила эта женщина. Сегодня она ему позвонила и предложила посмотреть комнату... 19го. Муля отказался. Тогда она предложила посмотреть комнату сегодня... в 11 час. вечера. До этого она позвонит. Муля верит, что это не мистификация. А по-моему, это все чушь и бред. Во всяком случае, Муля дал публикацию в «Вечерке» на 20^е число о комнате. Может быть, из этого что-нибудь выйдет. Насчет прописки здесь мы решили так: не выписываться, а как только нам позвонят из

домкома, мы звоним Тарасенкову и «напускаем его» — пусть говорит, чтобы нас оставили до 1го (прописали) — он все-таки ответственный редактор и т.п. Может быть, ему удастся убедить прописать нас до 1го. По правде сказать, я в этом сомневаюсь. Но я думаю, что до того, как нас начнут выселять или что-нибудь в этом роде (если Тарасенкову не удастся убедить домком прописать нас до 1го), то нам удастся найти какую-нибудь комнату (или, если удастся, с этой Фелицей, или по публикации). И Муля, и Тарасенков, и Рябинина, и Нат. Алекс. говорят, что не нужно нам сейчас отсюда уезжать, что с домкомом все устроится и т.п. Что ж, увидим. Вчера звонил к Скудиной (секретарше Павленко) насчет этой бумаги для школы. Она мне сказала, чтобы я ей позвонил сегодня к 11 часам. Был в 120^й школе и узнал, что испытания по фр. языку будут 24го, для всех классов. Вчера видел Митьку. Я ему позвонил, но мне сказали, что «он приехал, но еще не зашел домой». Тогда я пошел в 120^ю школу, узнал, когда будут испытания по фр. языку, а потом подъехал на трамвае к дому, где живет Митька (Пятницкая, 12). Через несколько времени он появился, и мы, встретившись, пошли в «Националь». Он мне сказал, что не будет учиться в 167^й школе, как раньше предполагал, потому что «из хорошей школы труднее попасть в институт, потому что с ученика хорошей школы требуют больших знаний». Таким образом, мы будем учиться в разных школах. Я ему сказал, что говорил, что не хочу с ним видеться, «чтобы иметь время, думал, что он будет вместе со мной в 167^й школе» и т.п. Я его спросил, говорил ли он бабушке, что он больше со мной не будет видеться (по моей воле). Он божился, что нет, говоря, что волнения могут ее убить. Он говорил, что и своим дядьям тоже не говорил об этом. Интересно, рассказал ли он об этом Ирине? Не думаю. Он говорит, что Ирина работает теперь в Наркомвнешторге, как секретарша. (Из Коктейль-холла в Наркомвнешторг!) Вечером мы с Митькой (предварительно взяв билеты) пошли в Эрмитаж, на джаз Эдди Рознера (Белосток). Джаз неплохой (лучше, чем Утесов, конечно). Было очень весело — вообще, в Эрмитаже хорошо, когда вдвоем. В общем, мы отлично провели вечер. Митька вновь (совсем) приезжает в Москву 27го, с дачи. Я ему сказал, чтобы он мне не звонил, так как я переезжаю, и что я ему сам буду звонить. Мне совершенно ясно, что Муля ошибается насчет Митьки (говоря, что он не советский человек и т.п.). Во-первых, Муля — бывший троц-

кист, исключенный из партии, и все его попытки быть восстановленным потерпели поражение, так что *il n'a rien à dire*¹. Во-вторых, он ненавидит Митьку из-за того, что ненавидит Львовых (предполагая, что Алю арестовали из-за них). Так что он судить объективно не может. И мало ли что — если арестовали и выслали Алешу, то к этому были определенные причины, и это совсем не значит, что это случится с Митькой! Я буду с Митькой встречаться по выходным дням. Он мне сказал, что Н.А. и Н.Н. продолжают находиться в НКВД. Я думаю сказать Митьке, когда мы переедем, что у нас нет телефона (чтобы он не мог звонить и чтобы, таким образом, ни мать, ни Муля не узнали, что я с ним общаюсь). Единственное, что меня немножко щекочет, это то: рассказал ли он Ирине о том, что я не хочу его видеть, и о том, что я ему сказал мою «теорию» (насчет клеветы его родителей и т.п.). И не расскажет ли он ей, что я с ним вновь встречаюсь? Дело в том, что Муля иногда встречается с Ириной (как он говорит, что он ее «confident»²), и она могла бы ему все выболтать, что ей рассказал бы Митька, и это причинило бы мне страшный вред. Это меня немножко беспокоит. Но я все же надеюсь, что Митька ничего не рассказал Ирине. Значит, к 11 часам я буду звонить к этой Скудиной узнавать насчет бумаги от Пастернака и Павленко. Если мне удастся ее сегодня получить, то сегодня же я пойду к директорше 167^й школы.

11 час. 05 мин. Звонил Скудиной. Она говорит, что эта бумага числа 20го будет послана в школу. 20го утром я ей позволю, чтобы окончательно узнать. Думаю сегодня пойти (на всякий случай) в эту школу с бумагой Тарасенкова. Увидим, что выйдет.

19/VIII-40

Сегодня я, мама и Муля были на Б.Сергиевском пер. и виделись с этой Фелицей. Это взбалмошная женщина-еврейка, похожая на гадалку, с враньими глазами. Она божилась, что 22го все будет устроено. Она говорит, что ее сестра не знает, поедет ли она на Дальний Восток, и еще не «устроила с Дальстроем». Если с сестрой не выйдет, то она предлагает 2 ком-

¹ не ему бы говорить.

² «поверенный».

паты на Малой Бронной, «где один дефект — в квартире живет туберкулезный старик». 22го мы с ней встречаемся на том же месте. Если она не сможет прийти, то придет ее сестра. Она все время говорит, что без комнаты мы не останемся и т.п., дает честное слово, что 22го все устроится. Увидим 22го. 20го выходит в «Вечерке» публикация. Мне почему-то кажется, что все устроится. 17го числа я поехал к Лиле на дачу. У нее очень хорошо. Познакомился там с женой одного из сыновей хозяйки этой дачи. Она очень хорошенькая. Знает по-французски и по-английски. Раньше работала переводчицей в Интуристе, а теперь преподает английский язык в авиаучилище. У нее бабушка-француженка, и оттого у нее, наверное, такой звонкий, заражающий смех, полненькие губы и смеющиеся синие глаза. Она очень миленькая. Много рассказывала мне о своей работе в Интуристе. Наверное (судя по ее рассказам), за ней здорово ухаживали. Она говорит, что ей пишут в авиаучилище всякие любовные письма (по-английски), и она ставит «оч. плохо!» и показывает мужу, который злится. Она, конечно, обворожительна и, главное, как-то освежающе жизнерадостна, и смех у нее звонкий. Ее муж занимается экономией горючего на автотранспорте. В общем, я хорошо провел эти полтора дня, и особенно приятно мне было с этой Марикой — она и хорошенькая, и умная, и смеяться любит. Вообще, деревня действует как зарядка сил, если живешь там в хороших условиях. 16го был в этой 167^й школе. Но директорша была на горсовещании, и я ее не увидел. Завтра позвоню Скудиной, чтобы узнать, как насчет письма Пастернака в эту школу, и вообще, когда это все будет оформлено. Я не хочу приходить в школу до того, как там получают это письмо из Союза писателей. Лучше прийти в «совпадении» с получением этого письма и показать письмо из «Знамени». Значит, завтра позвоню Скудиной: авось там все устроилось и письмо послано. Меня беспокоит, нужен ли будет дневник 24го, когда я буду проходить испытания по фр. языку? Дело в том, что дневник остался в голицынской школе, и мне совсем не хочется ехать за ним. Не знаю, как быть. Авось пройду без дневника. Ожесточенные воздушные бои над Англией продолжаются. Немцы вчера сбили (или 16го) 92 вражеских самолета. Бомбардировке подверглись окраины Лондона, куда немецким бомбардировщикам и истребителям удалось прорваться. Ясно, что немцы господствуют в воздухе. Они про-

рываюТ воздушные заграждения и летают над Лондоном. Но бои ожесточенные. Потому что Англия посылает весь свой воздушный флот драться с немцами. 16го было 1000–2000 немецких самолетов над Англией. Но бомбардировка Лондона — крупное событие, свидетельствующее об успешном прорыве немецких самолетов и о том, что английский воздушный флот не сумел задержать натиска противника. В Британском Сомали, после кровавых боев, английские войска отступили. Итальянцы продвигаются. Они должны взять Берберу. Рузвельт (Америка) ведет переговоры по телефону с Черчиллем о поставке эсминцев в Англию. Англия предлагает сдать в аренду США острова, находящиеся у западного полушария и принадлежащие Англии. Америка всеми силами помогает Англии вести войну. Болгария требует у Румынии Добруджу, а Венгрия Трансильванию, и происходят болгаро-венгеро-румынские переговоры. Во Франции положение остается таким же тяжелым. Говорят, что Пэтен — Лаваль не способны обеспечить порядок и возродить страну. Сегодня Барто и его жена уезжают в Коктебель. Говорят, что там все собирают камушки. Они вчера познакомили нас с Нейгаузом (пианист). Я себя не представляю собирающего камушки и ползая за ними. Это какой-то бред, такое повальное увлечение камушками. Вчера мы устроили (и Барто) проводы их, и был салат и вино. Есть вкусно. Сегодня серенькая погодка.

21/VIII-40

Вчера был в 167^й школе и, узнав, что там франц. язык не преподается, ушел. Сегодня был в 110^й школе. Директор сказал, чтобы я зашел 26^ю, и вообще был скептически настроен не только насчет моего поступления в его школу, но и вообще в поступлении в какую бы то ни было школу (слишком поздно пришли). Тогда я позвонил Тарасенкову, мы с ним встретились в «Знамени», и он написал бумажку в 167^ю школу, на этот раз без настаивания на том, что я должен изучать фр. язык (как было в его предыдущей бумажке). С этим ходатайством я только что был в 167^й школе (вновь). Директорша была мила, но сказала, что тот факт, что, зная фр. язык, я не буду изучать немецкий или англ. (которые у них преподаются), создаст «разнобой» («что было бы, если бы все ученики так делали»). Тем не менее, она обещала сегодня

же узнать об этом в РОНО (можно ли принять ученика, который не изучает языков, преподающихся в школе). Сегодня я должен ей звонить в 4 часа, чтобы узнать, может ли она меня принять или нет. Хотя особенных иллюзий я не питаю, тем не менее, бесспорно, есть шансы на мое поступление туда. Все-таки есть прошение «Знамени» и, кроме того, директорша сказала, что такой случай уже был. Сегодня это выяснится. Во всяком случае, эта директорша симпатичнее директора 110^й школы. Итак, дело принимает неожиданный оборот: основное препятствие заключается не в районе (местожительстве), а в языке. Если у меня не выйдет с этой 167^й школой, то, очевидно, мне придется пойти в школу, где есть французский язык (в ту же 120^ю, где я буду держать испытания 24го). Если мы не найдем комнаты до 1го, то вещи мы поставим у знакомых, а ночевать и есть будем у Лили. Сегодня зайдет Тарасенков. Итак, буду звонить в 4 часа этой директорше.

4 ч. 20 мин. Звонил в школу. Сказали, что «можете придти завтра в школу, в 1/2 10го». Очевидно, дело сделано, и меня приняли.

22/VIII-40

Сегодня утром был в школе. Все устроено. Меня приняли. Можно купить тетради. 29го я приду, чтобы узнать, в каком номере класса буду учиться. Учиться буду во 2^й смене. Были вместе с Мулей на свидании с этой спекулянткой-сволочью. Она не пришла. Мы простояли 2 часа и ушли. Муля попытается устроить дело с Сокольничьей комнатой, куда она все время предлагала въезжать. Он говорит, что сделает все, что только в его силах. Если не выйдет, то он возьмет от нее деньги, вещи мы раздадим на хранение по знакомым, а сами на время будем жить у Лили, *en attendant mieux*¹. Перспективы отвратительны. Я и не думал, что кризис так заострится. Положение явно ненормальное. Мы сюда приехали — должны же мы где-нибудь жить! Конечно, дело еще в том, что мать страшно непрактична. Другая или другой, возможно, в конце концов добились бы жилплощади, извиваясь всеми путями. Но она ничего не может сделать, а друзья — недостаточно. Через 8 дней сюда въезжают хозяева — Северцевы. Оче-

¹ в ожидании лучшего.

видно, въедем в Сокольники. Я там сегодня был. Пешком от метро — 20 минут, а на трамвае — 10 минут. Район, конечно, отвратительный по сравнению с тем, где мы сейчас, но ничего не поделаешь. Да и то он не так уж плох — хоть оживленный очень. Я очень жалею мать — она поэт, ей нужно переводить, жить нормальной жизнью, а она портит себе кровь, беспокоится, изнуряет себя в бесплодных усилиях найти комнату, страшится недалекого будущего (переезда). Ведь это факт — мы действительно не знаем, где будем жить через 8 дней! Здесь было хорошо и просторно. Может, я буду жалеть об этом месте. То, что меня морально закаляет (в конечном счете, конечно), мать ранит — *blesse*. Да, никогда в жизни наше положение не было таким валким. 8 дней! Еще не знаю, въедем ли мы даже в Сокольники. Как хотелось бы для матери спокойной, налаженной жизни, чтобы она могла нормально жить! Главное, сижу я сейчас в хорошем кресле, и переезд мне кажется каким-то отдаленным, и мне хорошо, — а вместе с тем этот трижды проклятый переезд у нас под носом! Сейчас, в данную минуту, все спокойно, но какая кутерьма поднимется, ох! И через 8 дней — 1 день школы. Дело в том, что у Мули переменили телефон, и оттого отклики на объявление были ничтожны. Он даст еще объявление. Мать попробовала обратиться к А. Толстому, но его «вообще нету». Да, скрывать нечего, положение исключительно плохое. Мать говорит, что «только повеситься»... Выхода не видно. А Союз писателей говорит, что никак не может дать комнаты. Другие бы, возможно, обращались бы в Моссовет, в НКВД, к Молотову, а мать непрактична, да и что с нее требовать... Главное, я беспокоюсь и горюю за нее. Тарасенков, Муля и Вильмонт — бессильны: они ничего не могут сделать и так же соболезнуют и сочувствуют, как и я. Но из этого толку мало. А через 8 дней я пойду в школу. Я не верю в чуда, и оттого просто не смею говорить: «А вдруг что-нибудь свалится хорошее на голову — повезет, образуется...» А говорить такие вещи, не веря — это лицемерие. Вообще — заколдованный круг. Да, эта подлая спекулянтка здорово нас за нос водила. Я надеюсь, что Муля ее хоть здорово обругает, эту сволочь. Он хочет сегодня слать ей телеграмму и завтра с ней встретиться и иметь крупный разговор с ней. Вот сволочь! Заставила нас ждать полчаса! Вчера купил сборник рассказов Зощенко — хорошая книга, большая — 16 р. Там много очень

хороших рассказов. Сегодня продал своих книг на 65 рублей. Завтра продам, наверное, еще рублей на 70. Следующий раз, как увижу Митьку, непременно его угощу. Я люблю угощать, когда у меня есть деньги. Прошлый раз *c'est moi qui a payé le jazz à Mitia et le «National» aussi*¹. Мне приятно делать ему приятное, хотя я почти уверен, что он *ne me paiera jamais rien*². Послезавтра буду держать испытания по фр. языку. Да, я мать очень жалею. Себя тоже. Но в другом духе и гораздо меньше, чем ее. Вот сейчас я сижу в большой комнате Габричевского, в глубоком зеленом кресле. По стене – большая *bibliothèque vitrée, en face*³ – рояль. Возле рояля – диван. Высокий потолок с люстрой. Много книг и картин. Уютно. Радио. И всё как будто в порядке и хорошо. Но предстоит пытка переезда и пытка (продолжается) неопределенности. Нам было хорошо в этой свободной и большой квартире. Наверное, скоро нам будет плохо в малюсенькой сокольнической комнатухе. Да и то мы не уверены, удастся ли с ней. Представляю себе – вещи по знакомым знакомых. Приходится ходить и все ворошить, чтобы что-то доставать. Кошмар! Опять-таки, мне наплевать; я думаю о самочувствии матери. Как же она будет переводить в маленьком загончике у Лили и как я буду учиться? Бред.

24/VIII-40

Сегодня выдержал испытания по-французски на отлично. И получил об этом справку. Вчера был с Мулей на Колодезном пер., где живет эта тварь. Оказалось – она переехала. Поехали на такси на Щербаковскую, где она теперь. Там она нам рассказала, что 22го она не могла прийти по болезни, и показала бюллетень от доктора. Она сказала, что звонила Муле; но у него переменили телефон. В общем, она говорит, что договорилась с людьми с Малой Бронной (2 комнаты), чтобы те сдали эти комнаты нам, а сами переехали бы к ее сестре и купили бы эту комнату – с приплатой. На М.Бронной, она говорит, что есть центр. отопление, но нету ни газа, ни телефона, ни ванны. Муля теперь поехал на Щербаковскую с ней

¹ это я заплатил за Митю на джаз и в «Национале» тоже.

² он за меня никогда ничего не заплатит.

³ застекленная библиотека, напротив...

объясняться, потому что она должна была ему позвонить и не позвонила. Она говорит, что не знает адрес, где эти люди на Бронной, и пошла искать адрес. Я вообще об этом перестал думать. Эта Майзель божится, что она нас туда вселит, что уже она с этими людьми договорилась и т.п. До сих пор я не знаю, что думать. И не думаю. Через неделю — школа. Эта 167ая школа имеет культурный вид. У меня примерно 100 рублей. Сегодня от покушения (или вчера) избит Троцкий — умер. Так ему и надо. Канада заключила с США оборонительный союз, т.е. имеет единое оборонительное управление. Дело ясно: англичане, очевидно, уверены, что английские острова будут разбиты путем вторжения немцев. Тогда английское правительство, король и королева и министры переедут в Канаду и оттуда будут продолжать войну против Германии. А так как Канада имеет оборонительный союз с США, то если Германия пойдет против Канады, то она пойдет и против Америки, и это будет серьезное дело. Вот в чем дело. Я уже купил 21 тетрадь. Завтра или послезавтра еще куплю. После завтра поеду в Голицыно получать свидетельство об окончании неполной средней школы. Мне еще остается достать учебник — упражнения по химии. Сегодня мать купила торт и дыню — и было хорошо. Я вообще люблю хорошо поесть. Я считаю, что брюнетки труднее достаются, чем блондинки, и скорее вянут (это бесспорно). Но я считаю брюнеток привлекательнее. Впрочем, и блондинки тоже ничего бывают. Конечно, блондинки легко достаются, а *pour avoir une brune, ou une châtaine, c'est difficile et pour cela même plus intéressant*¹. Сегодня встретил жену Тарасенкова в трамвае. В сущности, она мещанка (так же, как и жена Вильмонта). Но она имеет красивое тело, и это хорошо. Интересно, как будет в школе? Интересно, выйдет ли что-нибудь у Мули с этой Майзель?

25/VIII-40

Вчера вечером позвонил Нейгауз и сказал, чтобы сегодня в 9 час. утра мы были бы у некоего Бендицкого, у которого предполагается комната. На Метростроевской. Мы утром там были. Бендицкий музыкант. Он живет в Свердловске. Это его комната (или комната брата, я не понял). Он будет наезжать

¹ заиметь брюнетку или шатенку труднее и именно поэтому интереснее.

раз 20 в году и ночевать в этой комнате. Платили бы мы сестре брата. Он очень симпатичный и культурный человек. Знает Пастернака, Нейгауза и стихи матери. Сегодня он пойдет в юридическую контору и узнает, имеет ли он право сдать эту комнату. Дело в том, что у него брат идет на военную службу, а он вчера у кого-то слышал, что если брат (или родственник) идет на военную службу, то он имеет право сдать комнату. В общем, сегодня он это узнает «официально» и сообщит нам по телефону. Я думаю, что это дело выйдет. Он хочет помочь этим жене его брата. Он говорит, что там можно устроить легко свой телефон. Об условиях он почему-то стеснялся говорить. Он говорит, что мы могли бы заключить договор (если это юридически возможно) года на два с женой его брата. А он бы наезжал раз 20 в году, чтобы его видели в доме, и он бы ночевал. Он на меня произвел впечатление не жулика. Комната хорошая. Он бы там оставил пустой шкаф (куда мы бы сложили много вещей) и хороший письменный стол, а все остальное выкинул к чертовой матери. Эта комната — в 5 минутах от метро «Дворец Советов». И там много трамваев во все стороны. Много лавок. Метростроевская — новая хорошая улица с большими домами. Этот человек произвел впечатление человека очень культурного, симпатичного и с юмором. Его брата и жену не видели. Он завтра же уезжает в Свердловск. Я уверен, что дело удастся. Район и сообщение очень хорошие. И было бы замечательно иметь свой телефон. Единственное, что этот Бендицкий сказал, это что квартирные хозяйки — мещанки и довольно противные. Но это не имеет значения. Комната хорошая, район хороший, сообщение отличное, вот и всё в порядке. Он сказал, что очень хорошо, что у матери московский паспорт, до 44го года. В общем, если в юрконторе выяснится, что сдать эту комнату можно, то тогда всё в порядке. О плате он не говорил, но она как будто не большая. «Лишь бы обеспечить жену брата». Вот. Так что опять «луч надежды» и тому подобное. В общем, увидим. Муля не звонил, и дома его нету. Я уверен, что дело на Метростроевке выйдет.

Тот же день – 2 ч. 30 м.

Оказывается, сегодня воскресенье, и, очевидно, конторы и юрид. консультации закрыты... твою мать! Опять и опять и до скончания веков будет тянуться комнатная волынка. Сегодня слышал ехидные замечания профессорши Матвеевой:

«А вещей-то, вещей, прямо ужас! Когда наши приедут, 28–29го, что они скажут!» Значит, сегодня уже мы ничего не узнаем, потому что выходной день и консультации закрыты. Ура! А дня через 3–4 приезжают Северцевы. Ни Тарасенков, ни Вильмонты ничего не нашли. Звонил Муле — его нет. Очевидно, поехал на дачу. Мама в 15.30 идет в планетарий. Я буду ждать телефонных звонков. Скорее, скорее бы куда-нибудь переехать, чтобы не было скандала, когда приедут Северцевы! А этот б..... Муля — нету дома. Тоже, п....., ничего не устроил и подкачал! Надоела мне ужасно горько вся эта чертовня с комнатой. Чорт и чорт и чорт! Ничего не устраивается. Интересно, если Муля поехал на дачу, а нам ничего не ищет. Эх, б.....! Надоело, надоело. А пока эта штука на Метростроевке устроится, много воды утечет под мостом. Хотелось бы жить нормально и т.п. Прочел хорошую книгу М.Шадурна «Васко». Сегодня упорно, всем на х.., буду ждать телефонных звонков. Наверное, этот тип с Метростроевки позвонит, чтобы сказать, дескать, выходной, и закрыто, и т.п., завтра. Да пока брат его позвонит, уберут вещи из комнаты, напишем договор с женой брата, тогда приедут п..... — Северцевы. Тяжелая погода. Душно. Я сегодня весь день всем на х.. буду ждать телефонных звонков. Интересно, отчего нету Мули. Мне в Планетарий идти неинтересно. Как нарочно, наш адвокат Барский уехал на дачу. Чорт, чорт и чорт! Нарочно никуда не буду выходить и ждать телефонных звонков. Планетарий не нужен. А сегодня утром все было облито этаким розоватым светом надежды, а теперь из-за этой консультации дело затянется, *ce qui n'est pas peu dire*¹. Целый день буду ждать телефонных звонков. Пока все это узнаем и сделаем, Северцевы въедут и будет этакий приятненький скандальчик в мещанском вкусе. Все замечательно. *Tout va très bien, madame la marquise*². А я сегодня к чорту буду ждать телефонных звонков.

27/VIII-40

Я говорю совершенную правду: последние дни были наихудшие в моей жизни. Это — факт. Возможности комнаты обламывались одна за другой, как гнилые ветки. Провалилась

¹ а это уже плохо.

² Все хорошо, госпожа маркиза.

комната на Метростроевке — по закону мы туда не можем въехать. Друзья (или так называемые) не могут ничего сделать. Мы завалены нашим багажом. Со дня на день могут приехать Северцевы. Мать живет в атмосфере самоубийства и все время говорит об этом самоубийстве. Все время плачет и говорит об унижениях, которые ей приходится испытывать, прося у знакомых места для вещей, ища комнаты. Она говорит: «Пусть все пропадает, и твои костюмы, и башмаки, и всё. Пусть все вещи выкидывают во двор». Я ненавижу драму всем сердцем, но приходится жить в этой драме. Я не вижу никакого исхода нашему положению. Эти дни — самые ужасные в моей жизни. И как я буду учиться в такой обстановке? Положение ужасное, и мать меня деморализует своим плачем и «*lâchez tout*»¹. Мать говорит, все пропадет, я повешусь и т.п. Сегодня — наихудший день моей жизни — и годовщина Алиного ареста. Я зол, как чорт. Мне это положение ужасно надоело. Я не вижу исхода. Комнаты нет; как вещи разместить — неизвестно. В доме атмосфера смерти и глупости — все выкинуть и продать. Мать, по-моему, сошла с ума. Я больше так не могу. Я живу действительно в атмосфере «все кончено». «Будем жить у Лили, не будет вещей». Я ненавижу наше положение и ругаюсь с матерью, которая только и знает, что ужасаться. Мать сошла с ума. И я тоже сойду. Слишком много вещей. *La voilà, la déchéance*.² Мне ужасно жалко, если наши вещи пропадут. Я ушел из комнаты и сижу в комнате Северцевых. Я больше не могу переносить истерики матери. Истерика, которая сводится к чему — к тому, что все пропадет и что я не буду учиться и т.п. Как мне надоела вся эта сволочня. Я решил теперь твердо встать на позиции эгоизма. 1го я пойду в школу и интересоваться буду только этим. Мне плевать. Мне надоело. Конечно, я совершенно не вижу, как я буду одеваться, если все вещи будут разрознены. А друзья соболезнают — мол, как ужасно — ничего, устройтесь. Мне хочется, мне нужна нормальная жизнь. Я больше так не могу. Это самые худшие дни моей жизни. Но как будет дальше? Я больше не могу. Мать совершенно ужасные вещи говорит. И я не могу. К чорту. Но что мы будем делать? Все соболезнают. В 10 часов придет Муля. Никакой комнаты не предвидится. Придет-

¹ «бросайте всё».

² Вот оно, падение.

ся шляться к знакомым знакомых, чтобы достать каждую вещь. Х.. со всем. Лишь бы сохранились дневники, тетради и учебники. Я буду ходить в школу через 5 дней. Х.. со всем. Нужно быть эгоистом. Довольно мифических комнат и переездов. Х.. со всем. А я пойду в школу. Мать плачет и говорит о самоубийстве. Факт, что положение ужасное. Плевать, плевать и плевать. 12.30 — в ½ 10го был Муля. Мы написали телеграмму в Кремль, Сталину: «Помогите мне, я в отчаянном положении. Писательница Марина Цветаева». Я отправил тотчас же по почте. Теперь нужно будет добиться Павленко — чтобы, когда вызовут Союз писателей, там сказали бы, что мы до 1го должны отсюда смываться. Все возможно. Может быть, нам предоставят комнату из-за этой телеграммы. Во всяком случае, мы сделали, что могли. Я уверен, что дело удастся. Муля узнал, что Майзель уже имела дело с уголовным розыском и что она аферистка. Он ей пригрозил обратиться в угрозыск и сказал, что все про нее знает. Она сказала, что завтра к нему придет с человеком, который сдает комнату. Если она завтра не придет, то Муля идет в угрозыск. Так что мы сегодня обратимся к Павленко (если он в городе), во-вторых, скоро должен приехать Толстой, и жена его по телефону обещала ему передать, что матери нужно его видеть. Мы все сделали, что могли. Я уверен, что дело с телеграммой удастся. Говорят, что Сталин уже предоставлял комнаты и помогал много раз людям, которые к нему обращались. Увидим. Я на него очень надеюсь. Увидим, придет ли завтра Майзель к Муле с этим человеком (Кисиным). Иначе — угрозыск во 2^й раз — и это высылка из Москвы. Во всяком случае, мы сделали, что могли. Сегодня должен звонить Тарасенков. Наверное, когда Сталин получит телеграмму, то он вызовет или Фадеева, или Павленко и расспросит их о матери. Увидим, что будет дальше. Я считаю, что мы правильно сделали, что написали эту телеграмму. Это последнее, что нам остается сделать. Сегодня пойду за тетрадями в школу. Увидим, что даст эта телеграмма. Писатели могут только предлагать Дом отдыха, а это нам не нужно. А вдруг выйдет, и телеграмма даст свой эффект? Вполне возможно. Сейчас мать будет звонить секретарше Павленко, Скудиной, чтобы знать, здесь ли Павленко и как его поймать. Во всяком случае, все усилия сделаны. Страшно хочу есть. Майзель известна <тем>, что берет авансы и не дает комнаты. У нее уже было дело с угрозыском

по этому поводу. У меня вновь вера в какое-нибудь «комнатное чудо». Надеюсь на телеграмму. Павленко будет 30го. Сейчас он на даче. Хочу есть. Вчера виделся с Митькой. Он мне позвонил, и мы с ним условились в 9 час. вечера. Были и в «Мороженом» на ул. Горького, были и в «Национале», и очень хорошо провели время. У меня деньги есть, и это хорошо – можно покушать. Сегодня куплю еще 10 тетрадей. Сегодня будет звонить Тарасенков. Мы с Митькой много болтали, смеялись, хорошо поели в «Национале». Да, деньги нужно иметь. Митьке скоро сошьют новый костюм. Мы с ним, очевидно, будем встречаться по выходным дням. И это очень хорошо. Я уломал-таки мать позволить мне с ним встречаться. Теперь она позволяет. Но Муле я ничего не говорю, и она тоже ничего не будет говорить. Хочу есть. Будут котлеты – вот это хорошо. Я рад, что скоро начнется школа. Это здорово – телеграмма Сталину! Увидим, что из этого выйдет. Сегодня мать напишет письмо Павленко и передаст его Пастернаку, который живет в двух шагах в Переделкино на даче от Павленко и ему передаст. Он сегодня уезжает обратно на дачу. Страшно хочу есть. Куплю тетради сегодня. Есть, есть, есть. Да здравствуют котлеты с маслом! Это факт, что это очень вкусно и питательно. Я предпочитаю, бесспорно, брюнеток – их труднее добиться. Но любят они горячее и лучше, чем блондинки. Митька хвастался, что он спал со своей преподавательницей немецкого («une brune, qui a du style, mon vieux je ne te dis qu'ça!»¹). Несмотря на то, что он принадлежит к такой плохой семье, я к нему отлично отношусь, и он мой единственный друг. Он мне нравится, и мы с ним отлично ладим. Сегодня завезу письмо Пастернаку.

30/VIII-40

Сегодня приезжают Северцевы. Мы решили поставить все ящики в большой комнате Габричевских – они предлагали жить здесь до их приезда. Значит, просто перетаскаем с помощью Мули вещи из комнаты в комнату. А ночевать и обедать будем в Лилиной комнате. Вчера мать говорила с Павленко, который ее вызвал в Союз. Он сказал, что говорил о ней в Литфонде, был очень мил и направил ее туда. Она по-

¹ «брюнетка, шикарная, старик, я тебя уверяю!»

шла, и в Литфонде обещали сделать все, что могут, чтобы найти комнату в наикратчайший срок. Телеграмма еще не имела действий. Может быть, Литфонд действительно что-нибудь и найдет. Я на это очень надеюсь. А пока будем у Лили. Завтра пойду в школу — узнаю, в каком классе буду учиться. А послезавтра пойду в 9 часов туда же — на демонстрацию Международного юношеского дня. Послезавтра будет первый мой контакт со школой и с будущими соучениками. Для меня это как холодный душ — или как в первый раз окунаешься в море — сначала зверски холодно, а потом можно плавать. Завтра будут вывешены списки, и я, таким образом, узнаю, в каком я классе. Спрошу, как мне узнать 1го мой класс, с которым я буду «дефилировать»¹. Да, это будет как холодный душ, но потом все пойдет хорошо. Значит, в течение недельки-двух я буду в школу ходить от Лили. Интересно, что нам найдет Литфонд. Может, гадость, а может, хорошую комнату. Сегодня, очевидно, перевезем к Лиле, что берем туда, и перетащим вещи в комнату Габричевских. Сегодня предстоит опять укладка, как вчера.

1/IX-40

Вчера мать вызвали в ЦК партии, и она там была. Мы с Вильмонтом ее ждали в саду-сквере «Плевна» под дождиком. В ЦК ей сказали, что ничего не могут сделать в смысле комнаты, и обратились к писателям по телефону, чтобы те помогли. Очевидно, письмо к Сталину попало в секретариат, до него не дошло, из секретариата было отправлено в культурно-просветительный отдел ЦК — и там они ничего другого не могли, конечно, сказать. Так что с телеграммой и помощью из ЦК дело провалилось. Хорошо уже то, что из ЦК рекомендовали Союзу писателей устроить мать. Приходится, в смысле комнаты, рассчитывать только на помощь Литфонда. Тэк-с. Если бы телеграмма дошла до Сталина, то, конечно бы, с комнатой было улажено. Мать в подавленном настроении: «она москвичка, ее отец воздвигнул Музей изящных искусств, она поэт и переводчица, ей 47 лет и т.п., и для нее нет места в Москве». Я ее отлично понимаю. Авось все устроится. Сегодня был на демонстрации МЮДа, вместе со школой. Контакт установлен, и все ко мне чудно относятся, так что с этой

¹ От фр. *défiler* — маршировать.

стороны «порядочек», как говорят. Школа довольно культурная — как надо. Очень общественная. Все в порядке — с этой стороны. Вчера были у Вильмонтов и обедали с ними, а потом все вместе пошли к Тарасенковым — и пили чай и кахетинское вино. Тарасенков и жена живут у родителей этой жены, так что атмосфера маленько мещанская. Когда я бы женился, я бы, конечно, не пошел бы жить у belle-mère¹, а нет! Все время быть на глазах — какая гадость! Митька завтра идет в 9 часов утра в школу (в 1^ю смену). Так что он сегодня непременно должен быть дома. Но я ему звонил, звонил, а там никто не отвечает. Непременно хочу с ним сегодня повидаться. Авось приедет сегодня (если он завтра собирается идти в школу, то он, конечно, должен скоро приехать). Я непременно с ним хочу сегодня встретиться. Завтра, в 2 часа, пойду в школу. Так начнется мой (да и не только мой) учебный год. Читаю неплохую книгу А. Толстого «Эмигранты». Сейчас — 4 часа.

4/IX-40

Уже 3 дня, как учусь в школе. Школа ничего. Учиться довольно трудно — значительно строже, чем раньше, предметы труднее и больше. Товарищи — довольно интеллигентные. Некоторые — в заграничных костюмах. Сегодня — неприятная весть — вместо 1 часа физкультуры будет 2–3 часа военного дела (строевая подготовка, штыковой бой, военноморское дело, топография). Весть неприятная, потому что я абсолютно ничего не понимаю ни в физкультуре, ни в строевой подготовке, очень неловок во всяких физ. упражнениях, где требуется смекалка и быстрота. В «частной» жизни, на людях и в обществе я ловок и элегантен (как надо), но всякие «справа-налево-о-о!» мне никогда не удавались. Класс разделят на отделения и взводы, и будут командиры взводов. Главное, я не умею и никогда не маршировал и не представляю себе, как все это мне удастся. Прочел книгу, которая мне очень понравилась; хорошая книга: «Эмигранты» А. Толстого. Очень хорошая, увлекательная книга. Сегодня зашла Нина Прокофьева. Она хотя некрасива, но симпатична (так, отрешенно, не в женском смысле). Митька мне звонил: он учится в вечерней школе для взрослых (от 5 до 10.30) 4 раза в

¹ тещи.

неделю (le veïnard!¹). Если он не поедет на дачу 8го, то тогда мы с ним встретимся. 2го мы испытали интересное приключение, о котором я напишу, когда будет время, потому что нужно ложиться спать. Я теперь рано встаю, чтобы хорошо готовить уроки. Напишу, когда смогу.

5/IX-40

О сумасшедших рассказывать не буду — в сущности, это не интересно. Сейчас — 11 ч. 45 м. Вся моя жизнь проходит в 3 периодах: период пессимизма (острого), период «нейтральный» и период чувственного оптимизма. Период пессимизма у меня бывает тогда, когда какие-нибудь надвигающиеся неприятные события разрастаются до кошмарных размеров, затмевая темными тучами все остальное. Очередная «туча»: послезавтра — физкультура, будет военное дело, нужно будет маршировать, и я это не умею и не люблю, и нужна «смекалка» (противное слово, иногда) и т.п. Это — очередная туча. Она темна и крайне противна. Возможно, что она лопнет, как лопнула *arréhesion*², когда я первый раз пошел в эту школу. Это — период пессимизма (острого). Период нейтральный — в школе, когда учусь, слушаю преподавателя, смотрю на товарищей и т.п. Этот период продолжается все школьное время. Период резкого, интенсивного и чувственного оптимизма — всегда, когда выхожу вечером из школы, вдыхаю в себя вечерний воздух и гул города, сажусь в трамвай, гляжу на освещенные тротуары и радуюсь жизни. Я вообще не люблю дня, а *par contre*³ обожаю ночь. Днем — я скорее пессимист, а вечером и ночью на улице, вне дома, в городе — всегда оптимист (и резкий). На улице я вообще себя хорошо чувствую, а ночью я интенсивно рад жизни. На моем горизонте, или, вернее, на моих весах два фактора, один — отрицательный, другой — положительный. Туча (отрицательный фактор) — это послезавтра физкультура, справа-налево-оо! и строевая подготовка и т.д. Край синевы, радости и оптимизма — это перспектива встречи с жизнерадостным Митькой (положительный фактор). В моей голове борются эти два борца за овла-

¹ счастливчик!

²здесь: робость.

³наоборот.

дене всем направлением (в данную неделю) моего мозга в пессимистическую или оптимистическую сторону. Кто осилит? Итак, в моей психике – два направления, два течения, возглавленных каждый своим фактором. Эти факторы (в данную неделю) могут лопнуть, как мыльные пузыри: физкультура, военное дело and C^o¹ могут оказаться не так страшны, все это может войти в обыденщину и потерять «страшный престиж» неизвестности. Эта штука может лопнуть, конечно, и все оказаться не таким уж страшным и непонятным. А с другой стороны, встреча с Митькой тоже может лопнуть (в эту неделю). Он сказал, что, возможно, не сможет со мной встретиться, так как в выходной день поедет, может быть, на дачу. Он мне позвонит утром выходного дня, к 11 часам. Так что оба фактора могут лопнуть. Туча может уйти, а синее небо может сделаться серым. И все начнется сначала. На меня очень действует погода. Серая погода плохо на меня действует. Я – реалист и материалист, но очень подвержен таким штукам. Литфонд (в лице Ротницкого) предполагал достать нам комнату на Пятницкой, но там лопнуло, т.к. съемщики, узнав, что мать будет готовить, отказали. Кого я страстно, всей душой и всем существом ненавижу, так это, как писал Маяковский, «совмещан». Что, в ресторане есть, что ли? Боятся, как бы не накоптили, не напортили... Эх, сволочи! Ать-два, лево-ой! – Все-таки неприятная перспектива. Обожаю некоторые вещи Чайковского. У него какая мелодия! Я всегда в поисках бесспорно абсолютного счастья – интенсивности. Музыка (хорошая) это вид абсолютной интенсивности, наивысшей из всех, кроме физической любви. Два вида наивысшего счастья-интенсивности: физическая любовь (удовлетворение желания при любви не только физической – обладание) и музыка (некоторые вещи Чайковского и современного американского джаза). Сейчас – 12.30. В 2 часа – иду в школу. Сейчас выглянуло солнце, но все-таки день я недолюбиваю. Англия дает в аренду США острова в Атлантическом океане, а США продает Англии эсминцы. Кроме этого – ничего существенного. Бомбардировки продолжаются, но немцы всё не нападают. Где-то в коммунальной квартире радио играет Дебюсси. Комнатное положение – плохое. Никто ничего не находит.

¹ и прочее (англ.).

Сегодня воскресенье — выходной день. Вчера выбрали нового классного организатора и ругали старого. Новый — Неймарк, старый — Пожарский. Нужно будет приготовить индивидуальные обязательства по предметам («обязуюсь иметь оценку не ниже...» и т.п.). Интересно, лучше ли будет вести себя класс после того, как выбрали нового классного организатора и после того, как заключили договор с другим классом? Теперь главным образом напирают на указы и постановление правительства о прогулах, о трудовой дисциплине, о хулиганстве и т.п. Пока что класс имел много скандалов и неприятностей, говорили, что этот класс хуже всех себя ведет и т.п. Увидим, изменится ли это положение. Меня пока ни по чему не спрашивали. Я не люблю ни алгебры, ни геометрии, ни физики, ни химии, ни экономической географии — а все остальное «принимаю». Думаю, что учиться буду неплохо. «Опасность» для меня представляют алгебра, геометрия, физика и surtout¹ химия, и отчасти черчение. Люблю английский и историю. Литература иногда интересна. 6го — позавчера — видел Митьку (от 11 до 12^а у входа в «Националь»). Он — в школе для взрослых (пока еще проходит испытания, но ему и так сказали, что его примут). От 5 до 10.30 вечера и 4 дня в неделю. Митька надеется окончить 10^й класс отличником и поступить в ВУЗ без экзаменов. Я не думаю, чтобы это ему удалось. В эту школу, по его рассказам, его приняли «по благу» — потому что хозяйка дачи, где он жил, знакома «avec tous les pions»² этой школы. Я думаю, что отчасти по благу и отчасти по болезни. Митька говорит, что у него будет замечательный костюм («costard»³). Материю прислал его отец из Латвии (или из другой прибалтийской республики), и костюм сейчас шьется. Но пока одет он хуже меня. Кажется, он сегодня должен ехать на дачу (там его препод. физики, с которой он готовится к испытаниям по физике), так что вряд ли сегодня мы сможем встретиться. Но он сказал, что, возможно, позвонит. Физкультуры на этой неделе не было. Я в одной школе с сыном Пастернака (от 1^й жены) Женей — очень симпатичным мальчиком. Я считаю, что это вполне правиль-

¹ главное.

² «со всеми пешками» (фр., аргю).

³ «костюмчик» (фр., аргю).

но, что насчет прогулов, хулиганства, трудовой дисциплины теперь так строго, как на предприятиях и в учреждениях, так и в школе. Конечно, учиться значительно стало труднее (требования больше), но это подтянет учащихся и, возможно, как-то окультурит их. Утром думаю делать уроки. Хотелось бы встретиться с Митькой, но если он уедет на дачу, то совершенно не знаю, чем заниматься, кроме уроков. Погода все время меняется – то серая, то пятна солнца. Да, что мне гораздо более трудно учиться, чем в прошлом году, и что напрягать усилия нужно больше, это факт. Но, в сущности, этих трудностей не нужно преувеличивать. Интересно, как я проведу сегодняшний день.

10/IX-40

Вчера виделся с Митькой (в выходной нам не удалось видеться). Были у букинистов, ели мороженое на ул. Горького. От 11 до 12.30 – чудно провели время. Торэз написал статью в «Ди Вельт», в которой говорит, что среди кучки предателей, которая проникла в ФКП, был и довольно известный писатель Низан – агент полицейской охранки, который сам себя описывает в одной из своих книг «La conspiration». Qui l'aurait cru?¹ В выходной вечером были у Вильмонтов – ничего особенного. В тот же день были с человеком из Литфонда – Ротницким – на Пятницкой улице и смотрели там комнатку в 10 м, довольно сырую, за которую, по-видимому, хотят 300 р. – да все это неопределенно – была только жена, которая говорила, что все знает муж и что она ничего точного не может сказать. Вообще, кроме этой комнатки, ничего не наклевывается, и положение в этом отношении критическое. Меня еще ни по чему не спрашивали. Физкультура будет послезавтра. Как раз тогда я буду дежурным по классу. Интересно, как пройдет этот урок. Сейчас 8.30 утра. Сегодня трудный день – 6 уроков. Сейчас за окном темновато; небо серое, льет дождь. Я в пижаме – еще не мылся. Интересно, какая будет моя первая отметка. Я, как дурак, взял обязательство не иметь в течение года ни одной посредственной отметки, и я отнюдь не уверен, что это обязательство выполню. Возможно, что-то выйдет с изданием книжки стихов или поэм матери в «Сов. писателе». Я люблю Стра-

¹ Кто бы поверил?

винского, Чайковского, некоторые вещи Прокофьева, Штрауса и некоторые вещи Верди и Листа. За окном — здоровый ливень. Вот свинство! Сегодня трудный день: география, алгебра и физика — 3 очень трудные предмета, по которым могут каждую минуту спросить. Да, мне утром придется здорово поработать. А я теряю время и пишу дневник, вместо того чтобы заниматься. Ну и плевать. 10го октября — через месяц — будет год с ареста отца. Интересно все-таки: оправдают их или вышлют? Митька уверен, что всех их вышлют. Митька рассказал мне, что ему сказала Ирина — у нее в Наркомвнешторге сослуживица, оказывается, живет на «нашей» даче в Болшеве и говорит, что там жили «вредители с детьми, и их расстреляли». Веселенькая штукенция! Мать сегодня вносит передачу отцу и Але. В Румынии король Кароль отрекся от престола в пользу сына Михаила. Теперь там диктаторствует генерал Антонеску. Нужно будет достать «Ди Вельт» и прочесть статью Торэза.

11/IX-40

1 ч. 25 м. Сегодня физкультура — 4^й урок. Принесу тапочки. Интересно, как этот урок пройдет. Вчера получил мою 1^{ую} отметку: посредственно (по истории). *Ce n'est pas brillant*¹, но этот историк сам говорил, что очень строго ставит отметки. Вчера отцу не приняли денег — говорили, что слишком много денег. У окна — другой человек. Вчера меня записали в противовоздушное звено отряда школы. Я не имею понятия об этих штукенциях — носить маску, костюм и т.п. В общем, увидим. Вчера были у Барского. Возможно, что с его стороны что-нибудь наклюнется с комнатой. У него симпатично. Он говорит, что поговорит с какой-то знакомой насчет сдачи нам комнаты. Это не особенно определено. Звонил Ротницкий. Сказал, что позвонит к Тарасенковым (мы туда сегодня идем), если перспектива двух комнат на ул. Горького будет принимать конкретные формы. В Литфонде Альтаузен сказал матери, что когда достроится дом Литфонда в Москве, то мать непременно там получит квартиру. По правде сказать, я в эти обещания не особенно верю... *mais attendons la fin*², как писал Лафонтен.

¹ Это не блестяще.

² но подождем конца.

Сегодня хорошая синяя погода — значит, «физкультурить» будем во дворе школы. У меня двойная жизнь, двойной облик: ученик 8¹⁰ «Б» Эфрон Георгий, получающий «пос» по истории, боящийся физкультуры (или что-то вроде этого), с портфелем и среди простых и веселых товарищей, единица среди единиц, часть массы, ничего не имеет общего с хорошо одетым и изящно обутым молодым человеком, сидящим с Митькой в «Национале» и говорящим по-французски о позиции компартии Франции, о предателе Низане, пускающим анекдоты и смотрящим на женщин, и с молодым «интеллигентным» человеком, с которым наравне говорят писатели, говорящим о вопросах мировой литературы... Да, у меня совершенно точно две совершенно разные жизни. Это очень любопытно. Возможно, что у Митьки то же самое. Сегодня, возможно, сбор противовоздушных звеньев отряда. И будет физкультура. Интересно, как я там буду. Иду в школу. (Genre «Alea jacta est»¹).

14/IX-40

A proprement parler², 11¹⁰ физкультуры не было — кто хотел, тот играл в мяч — а я спокойным образом бил баклуши. Позавчера видел Митьку. В НКВД Нины нету. В понедельник Митька узнает, куда ее перевели. Потом он говорит, что его дядюшка из Ленинграда написал письмо наркому, и через несколько времени его запросил по телефону начальник ленинградского НКВД, который попросил дать еще каких-то сведений о Нине (письмо было о Нине). Дядька дал, и ему было сказано, что скоро он получит ответ на свое письмо. Тэк-с. Завтра я встречусь с Митькой. Непременно ему до этого позвоню. Мы хотели пойти в Парк Культуры, но стоит дождливая и переменчивая погода, так что я ему завтра позвоню, чтобы договориться, куда мы пойдём и не опоздать взять билеты (завтра — воскресенье). Вчера мать смотрела какую-то комнатку на Солянке — но там только 10 м (!) и 300 р. (!!). Это, кроме Пятницкой, всё, что нашёл Литфонд, или вернее Ротницкий. Кроме этого — нуль. Комнатные дела неважные — все какие-то комнатки, и нет даже телефона! Возможно, что скоро приедет Габричевский — что-то он скажет, увидя наши вещи! Муля по-

¹ В стиле «Все это разговоры» (лат.).

² По правде говоря.

звонил о каких-то агентах по найму комнат, и мама сейчас позвонит об этом Альтаузену. Противно, что плохая погода — приятно было бы пойти в Парк Культуры. Думаю, мы с Митькой пойдём в Эрмитаж, а до этого пообедаем в «Национале». Платить буду я (у него нет денег) — у меня ещё остались деньги от книг. Возможно, что неплохо завтра проведем время. Было 2 контрольных работы — по алгебре и истории. Думаю, что по обеим получу посредственно. До этого был диктант, но ещё почему-то не выяснено, почему нет отметок. Из химического звена, куда меня «завербовали», я выбыл — по своему желанию, говоря (и думая), что лучше туда шли бы люди, которые этим делом интересуются, а мне нету интереса. В общем, я выбыл и свободен для какой-нибудь другой работы. Все-таки противно, что плохая погода, — завтра, наверное, будет тоже плохая. Тем не менее надеюсь, что мы с Митькой хорошо проведем время. Непременно должен ему завтра позвонить, чтобы условиться, если куда-нибудь пойдём (кроме «Националя»), взять билеты. Интересно, спросят ли меня сегодня по чему-нибудь? Могут спросить по географии. Последнюю неделю идет ожесточенная бомбардировка Лондона. Разрушено много заводов, домов и т.п. Возникают большие пожары. Некоторые кварталы разрушены. Да, немцы здорово воюют, и английские истребители и противовоздушная оборона не могут остановить натиска германской авиации. Лондону приходится плохо, и он неизмеримо больше пострадал и пострадает, чем Париж.

16/IX-40

10 ч. 30 вечера. Вчера был вместе с Митькой на матинэ¹ Большого театра — шел «Кавказский пленник». Балет — ничего. Музыка — тоже ничего. В общем, день провели неплохо. После театра ели мороженое (с вином, мммм!..). Потом я пошел к Тагерам — и туда пришла вскоре мать. Вечером был в библиотеке. Сегодня я получил отлично по английскому и два посредственно — по письменным работам по алгебре и английскому. Спросили по химии, но я сказал, что не думал, что нужно учить этот урок, и «на этот раз» меня не оставили заниматься на шестом уроке. Очевидно, спросят в следующий раз. Действительно, нужно будет к химии посерьезнее отно-

¹ От фр. *matinée* — утренник.

суться. Ко мне в классе отношение отличное. И это, как-никак, приятно. Прочел замечательную книгу «Суший рай» Олдингтона. Замечательный писатель и замечательная книга! Возможно, что завтра спросят по географии, так что постараюсь вызубрить. Систематические бомбардировки Лондона продолжаются (также и всей Англии). С Митькой провел вчера сравнительно мало времени. Сегодня, после школы, купил абонемент на 7 концертов Чайковского (в концертном зале им. Чайковского). Заплатил 63 рубля и квитанцию получил. Скоро получу абонемент. Да, «Суший рай» — во всех отношениях замечательная и подлинно историческая книга. А с Митькой надо было бы проводить время как-то попродуктивнее. Увидим, что сделаем в следующий выходной день. У меня осталось примерно 60 рублей. А на развлечения нужны деньги. Но пока я еще не истратил и эти 60 рублей.

17/IX-40

Сегодня роздали контрольные работы по алгебре. У меня — плохо. Нужно будет непременно эту отметку исправить. **Докончил** читать книгу Олдингтона «Суший рай». Эта книга, по моему, просто классика. Она так точно отображает состояние умов молодежи из интеллигентской среды капиталистических стран, она так жива и правдива, в ней столько чувства и столько правильных слов, что просто чудо. Замечательная книга. Сейчас — 8 ч. 45 мин. вечера. Насчет вещей временно устроено: вещи кладут в комнату Наташи Барто — она придет только в октябре. С комнатами — ничего нового — ничего путного не выходит. Я никогда не читал Пришвина. Да здравствует хорошая еда, *messieurs*¹! Ведь факт тот, что поесть хорошо — хорошо. И выпить — тоже. В школе — все то же самое. Гикания товарищей, зубоскаления, долбежка учителей, замечания, перемены в шуме и гаме, армянские анекдоты, трепет, что «вот сейчас тебя спросят», сдувания и т.п. **Всегда** то же самое. Конечно, в школе я выполняю какую-то функцию, но настоящая жизнь — вне школы, в мире восприятия всего, что есть на свете, в мире вдыхания ноздрями воздуха и духов. Факт тот, что без школы жизнь неполноценна. Нужно и то и это — это обогащает и восстанавливает путем

¹ господ.

противоположностей известную гармонию. Ça se complète l'un l'autre.¹ Это, конечно, противно, что плохая отметка. Непременно нужно будет исправить. Это — факт. Интересно, спросят ли меня завтра по химии? That is the question. Во всяком случае, постараюсь вызубрить. Буду читать после обеда «Замок Броуди» Кронины. Митька — в известной мере п..... . Он почему-то стал плохо одеваться и говорит, что ему «плевать, как все одеты», что «дело не в этом» и т.п. глупости.

18/IX-40

Сейчас была какая-то женщина из домоуправления. Матери не было. Я ей сказал, чтобы она зашла потом, когда мать будет дома. А мы не прописаны. Как бы не вышло крупных неприятностей. Паршивая история. Еще недостает нам таких неприятностей. Ничего не можем найти, единственное пристанище — здесь, и — вот те на. Как бы чего не вышло. Как раз вот таких штук нам недостает. Как раз то, что нужно. Чорт да чорт! Мы только этого и ждали. Поздравляю с успехом. Но мне плевать. Ведь факт тот, что мы родственники Лили, что ответственный по квартире нас сюда впустил и что все говорили, что это «пустяки», включая и саму Лилю. Увидим. Как бы чего не вышло. Сегодня отвратительнейший день: химия, алгебра, геометрия, география, физкультура. Как бы чего не вышло. Мать страшно увлечена переводом Бодлера. Она с большим успехом читала в редакции «Интерн. лит.» переводы немецких старинных песен и переводы Бодлера. С комнатами ничего нового — ничего нет.

21/IX-40

Вчера Литфонд дал объявление в «Вечерке». Сегодня — звонок нам: человек уезжает на два года и сдает комнату 14 м, все удобства (газ, ванна, телефон), но нужно платить за год вперед — 4000. Сейчас мать туда поехала с Ротницким. Это — на Покровском бульваре. Квартал как будто неплохой. Скоро выяснится, берем мы эту комнату или нет. Если берем, то придется матери взять ссуду у Литфонда. Дело в том, что этот тип (который уезжает) сдает 2 комнаты — но платить 7000 очень трудно — потом каждый месяц 600–700 р. выплачивать

¹ Одно другое дополняет.

Литфонду. Конечно, гораздо лучше было бы «иметь» 2 комнаты, но я чувствую, что не выйдет. В общем, увидим. Вчера получил хор. за контрольную по-английски. Хор. получили только 2 человека за весь класс — я и еще другой. Все остальные — пос. и плохо. Сегодня меня наверняка по чему-нибудь спросят, а я ничего не знаю — утром была волынка с бесконечными звонками по телефону, подбегиванием к аппарату и т.п. и времени, чтобы выучить, не вышло. Могут спросить по всем предметам, кроме английского (сегодня). По географии, геометрии, химии, литературе. Конечно, нужно получить хор. но я чую, что «поса» мне не миновать. Ну, увидим. Завтра — выходной. Условились с Митькой встретиться в 1 час дня, у дверей «Националя». Что будем делать — не знаем. Там увидим. Как бы мне сегодня не получить плохих отметок. Есть одна плохая — по контрольной алгебре — и неисправленная. Вчера мать была на квартире у Журавлева. Там были: Лиля, Зина, Вера, Кот — и Журавлев читал «Пиковую даму». Я не пошел — слишком устал от школы. Итальянцы взяли Соллум и Сиди-Баррани в Египте. А немцы продолжают бомбить Англию и Лондон. На Лондон — бомбы весом в 1800 кг и начиненные нефтью. На следующей неделе у нас начнется серьезная физкультура — брусья, турник и т.п. Хорошо же будет у меня вид там! Да, черт с ними, не нужно заранее предвкушать, а нужно жить спокойно.

22/IX-40

Сегодня был с Митькой на опере — смотрели «Риголетто» — ничего, неплохо. Потом были в «Москве» и пили пиво и ели бутерброды, потом пошли в кино и видели «Огни большого города» (Шарло). Вчера по объявлению Литфонда нам позвонил человек насчет комнаты. Мать и Ротницкий пошли посмотреть эту комнату. Комната — замечательная. Большой новый дом на Покр. бульв. Лифт — 6^й этаж. Газ, ванна, телефон. Холодильник. 14 м. В квартире — 3 человека, кроме нас. Платить — за год вперед — 4000 р. Мать заключила со сдающим (Шукстом) договор о комнате и внесла 500 р. авансом, обещая ко вторнику достать остальные 3500. Во вторник Шукст уезжает. Тогда мать пошла в Литфонд — попросить ссуды 4000 р. Там все согласились. Собрала подписи, и в тот самый момент, когда должны были подписать последнюю бумагу, пришли люди и ска-

зали, что Литфонд перестает существовать и переходит в ведение Комитета по делам искусств. Как раз, когда мать получила эти 4000, Литфонд перестал существовать, ссуды прекратились, и у матери под носом убежали эти 4000! Ну и везет же нам! Там ее все страшно жалели. В тот же вечер мы пошли к Нейгаузу (где я познакомился с Прокофьевым и Маршаком). Деньги нужно достать до вторника утром — но как? В этом-то и весь вопрос — 4000! И сегодня мать и Нейгауз утром поехали в Переделкино. Там Пастернак и очень богатый Погодин (40 000 в месяц), Тренев, Афиногенов. Нейгауз и Прокофьев почти абсолютно уверены, что матери эти 4000 удастся найти. Сейчас 8 часов. Мать до сих пор не возвратилась. Говорят, Погодину ничего не стоит дать 4000. А комната замечательная, на два года, хороший район, удобства — все, как говорится, *occasion unique*¹. Все-таки — два года жить спокойно в комнатном отношении, это *quelque chose*²! Интересно, кто одолжит денег в Переделкине. Конечно, Пастернак сделает все, чтобы собрать эти деньги. Интересно, одолжит ли кто-нибудь эти деньги, и если одолжит, то кто и сколько? Пришедши домой, старался сделать в туши чертеж, но ничего не вышло. Звонил сейчас Митьке — думал пойти с ним в Парк культуры, но ничего не вышло — он «не должен уставать», причем он пытался доказать, что это по каким-то другим причинам, но совершенно ясно, что его бабушка просто не пустила. Буду ждать возвращения матери.

26/IX-40

22го мать получила 1000 р. от Погодина, чек на 1000 р. от Павленко. 23го получила 1000 р. от Тренева, 500 от Прокофьева и 500 от Маршака. Собрала 4000 в два дня, подписала договор, отдала паспорт на прописку, и вчера, вместе с Мулей и двумя рабочими, перевезли вещи из комнаты Наташи на Покровский бульвар. Сегодня мы будем ночевать уже в новой комнате, и мать вместе с Мулей перевезет мелкие вещи. Завтра я буду заниматься здесь (потому что пока там все устроится, пройдет времячко). Я все еще в этой комнате не был. Мать говорит, что комната завалена вещами до отказа, но я думаю,

¹ уникальный случай.

² кое-что.

что все-таки устроимся. Я получил пос по алгебре и хор. по контрольной истории. Сейчас в комнате все шиворот-навыворот. Я совсем утром почти ничего не делал – при такой кагавасии нельзя работать. Лишь бы поскорей наладилась жизнь там, на Покровском бульваре! Завтра пойду сюда и сделаю черчение, а потом перевезу свои писчебумажные вещи. Это здорово – газ, газовая ванна, телефон, лифт! В договоре есть штука – если Шукст (тот, кто сдает) по каким-либо причинам вернется вояси раньше, чем через два года, то он должен известить мать, а та выкатывается сроком в один месяц. Эти Шуксты сдали нам и инженеру с женой главным образом потому, что хотели, чтобы их 18-летняя дочь (она – в 10^м кл.) была «в обществе культурных людей», чтобы ее никто не обидел и хорошо относился. Интересно, какая это дочь. Говорят, она учится французскому. На этой почве у нас могут быть неплохие отношения. Все дело в том, какая она. Возможно, что совсем неинтересная, тогда ну ее на фиг. В общем, увидим, как это все будет. Пока мамаша этой девушки остается там, а потом уедет к мужу. Мать говорит, что все это симпатичные люди. Увидим. Англичане напали на Дакар (франц. Зап. Африка). А итальянцы начали наступление на Египет. Исключительно скучная штука – переезд. Так это надоело! Сцены, истерика и т.п. Конечно, я довольно много раз это испытал, но каждый переезд вновь режет и кричит, и изрядно опротивляет и надоедает. Сегодня возьму абонемент – если он готов.

ДНЕВНИК № 9

29/IX-40

Nous avons déménagé. Nous vivons très bien (côté confort et voisins). Mais le ciel a ses nuages. Les nuages sont gris. Le ciel est incertain. Les toits brillent de pluie. Les cartes sont brouillées. Une odeur d'indécision flotte dans l'air. Dans quelques jours, j'étudierai dans l'école du quartier Le chef de classe de la 167e se plaint qu'un «élève comme moi» a deux mauvaises notes. Il dit qu'il faut que je sois dans une école de quartier. Encore 2–3 jours dans la 167e – et j'irai dans une école de rayon – tout près – la 367e, à deux minutes de marche. Il paraît qu'il y a le français. D'une part, c'est trop

loin d'aller à la 167e, d'autre part, ils sont trop exigeants et le «klassni roukovoditel» a eu un entretien par téléphone avec ma mère, où il donnait des conseils d'éducation etc., ma foi, c'est vrai. Il vaut mieux être dans une école de quartier — le temps que je passe à voyager à la 167e — sera libre et peut-être la 367e sera moins exigeante et il sera plus facile d'étudier. Oui, c'est un fait — nuages gris. Encore des changements! Marrant. En tout cas, la 367e — c'est plus près. Autre histoire — aujourd'hui se ramène Moulia. Il raconte qu'Irène lui a dit que Mitia lui disait que j'ai beaucoup d'argent. Bien sûr, c'est un couillon de raconter ça. D'où recrudescence d'inimitié contre Mitia de la part de ma mère et de Moulia. Ils disent qu'il envie mon père, etc. En tout cas je suis allé aujourd'hui avec lui voir «les Temps modernes» avec Charlot. Et ce soir je verrai avec lui l'opéra «Carmen». Demain j'aurai un entretien avec le chef de classe: cet imbécile a dit que j'avais deux mauvaises notes, quand je n'en avais qu'une. Je m'expliquerai demain avec lui. Par téléphone il a souverainement déplu à ma mère. Moi aussi, je ne l'aime pas du tout — il n'est pas sympa pour un sou. Et puis, au cul, la 167e. Plus que quelques jours là-bas et je passe à la 367e. Oui, nuages gris et cartes brouillées.

Мы переехали. Жить очень хорошо (с точки зрения комфорта и соседей). Но небо обложено тучами. Тучи серые. Небо неопределенного цвета. Крыши блестят от дождя. Карты все перемешаны. В воздухе носится запах нерешительности. Через несколько дней я буду учиться в школе нашего района. В 167ой классный руководитель жалуется, что «у такого ученика, как я,» две плохие отметки. Он говорит, что меня надо поместить в районную школу. Еще дня 2-3 в 167^й и я поступлю в районную школу — 367ая совсем близко, две минуты ходьбы. Говорят, там есть французский. С одной стороны, слишком далеко ходить в 167^ю — с другой, они слишком требовательны; классный руководитель говорил с матерью по-телефону: он ей давал разные советы по воспитанию и т.д. Действительно, правда! Лучше быть в школе своего района — освободится время, которое уходит на разезды до 167^й, и, может быть, в 367^й будут менее требовательны, будет легче учиться. Да, это так, серые тучи. Еще всякие перемены. Забавно! Во

в каком случае, 367^а ближе. Возникла другая история. Сегодня притащился Муля. Он говорит, что Ирина ему сказала, что Митя рассказывал, будто у меня много денег. Конечно, он м...., что говорит такое. Но отсюда возобновление неприязни к Мите со стороны матери и Мули. Они говорят, что он завидует моим башням и т.д. Во всяком случае, я сегодня с ним ходил смотреть «Новые времена» с Чарли. А вечером я иду с ним на оперу «Кармен». Завтра у меня встреча с руководителем моего класса: этот дурак говорит, что у меня было две плохие отметки, на самом деле только одна. Я с ним объяснюсь завтра. По телефону он в высшей степени не понравился матери. Мне тоже, я его совсем не люблю – он не симпатяга – ни на грош. Да ну ее в ж..., эту 167^ю. Еще несколько дней там, а потом я перехожу в 367^ю. Да, серые тучи и перемешанные карты.

30/IX-40

Сегодня я получил справку о том, что я здесь проживаю, – для представления в школу. Пошел я в 326^ю. Там сказали, что сейчас ни одна школа не принимает. Сказали, что нужно получить направление у РОНО. После долгих рысканий я нашел этот РОНО. Там мне сказали, что я должен поговорить с инспекторами. Эти инспектора будут с 5 до 8 час. В 2 часа я подъеду в 167^ю школу и скажу, что не могу идти сегодня в класс, так как должен идти в РОНО. Вообще поговорю с Касаткиным (если он будет в школе) и скажу, что я выбываю. Сегодня меня, очевидно, *sauf difficultés imprévues*¹, эти инспектора направят в какую-нибудь школу. Я хочу школу с французским языком – по крайней мере, почти ничего не буду делать по языкам (*c'est toujours ça*²). Конечно, положение немного запутанное: почему я хочу французский язык, если в 167^й я изучал английский? А может, вообще не говорить, что я был в 167^й? Но по тетрадям увидят, что я там учился. В общем, увидим. Сегодня инспектора должны меня куда-нибудь направить (или в 326^ю – на Покр. бульв., или в 24 – на Б.Вузовском). Да, сегодня денечек – идти разговаривать с Касаткиным, пытаться добиться того, чтобы все отметки были записаны в дневник (а то там только 2 пос и 1 плохо), потом тащить все в

¹ если только не возникнут неожиданные трудности.

² хоть один выигрыш.

РОНО... Брр...! Скучища страшная. Авось как-нибудь все это уладится. N'y pensons plus (facile a dire!).¹ Вчера с Митькой были на «Кармен». Ничего. (Музыка замечательная, но все остальное... того... неважнец — особенно, когда толстый Хозэ (sic) вытаскивает что-то вроде огромного перочинного ножа — притом сделанного из какого-то блестящего картона — и убивает Кармен...) Но в общем — неплохо. 12го и 13го октября — пойду на концерты Чайковского (по абонементу) — открытие сезона Концертного зала им. Чайковского. Да, сегодня денечек предстоит не очень... того. Но, по крайней мере, не делать уроков. Как бы не вышло скандала с Касаткиным. Но не думаю. Мать даже говорила, что он по телефону хвалил меня («когда такой ученик получает плохие отметки, то...» и т.п.). Он сам говорил, что меня нужно перевести, так что j'espère ne pas avoir de difficultés de ce côté-là. Nom d'une pipe, ce que j'ai envie de coucher avec une femme, de la caresser ... et la suite! C'est ignoble de refouler ses désirs — mais pas moyen de faire autrement. A quel âge, srogneu-gneu je coucherai avec une femme? C'est que j'ai diablement envie de tenir une femme saine et apte à l'amour dans mes bras! Ce n'est pas un désir. C'est un besoin. J'en ai fameusement marre d'attendre. Plus vite je coucherai avec une femme, mieux ça vaudra. Mais des clous pour une putain. Ce qu'il faut pour l'initiation, c'est une femme de 20 à 35 ans qui a déjà fait l'amour. Après c'est autre chose; mais pour l'initiation, foin des jeunes filles inexpérimentées. Des putains, je n'en veux pas — c'est dégoûtant. Il me faut une femme saine et voluptueuse. Ce n'est ni érotomanie, ni caprice, ni fantaisie. Je considère que c'est absolument normal et nécessaire.² Митька вчера рассказывал,

¹ Не будем больше об этом думать (легко сказать!).

² надеюсь, с этой стороны не возникнет трудностей. Черт подери, до чего же мне хочется переспать с женщиной, ее приласкать... и дальнейшее. Все же безобразие подавлять свои желания, но ничего другого не остается. В каком же возрасте, черт возьми, я пересплю с женщиной. Ведь мне дьявольски хочется держать в своих объятьях женщину, здоровую и способную любить. Это не желание. Это необходимость. Мне ужасно надоело ждать. Чем раньше я с женщиной пересплю, тем лучше. Но б.... к черту. Для посвящения мне нужна женщина от 20 до 35 лет, которая уже знает любовь. Дальше — другое дело, но для посвящения, плевать на неопытных девочек. Б.... я не хочу, это отвратительно. Мне нужна здоровая сладострастная женщина. Это не эротомания, не каприз и не фантазия. Я считаю, что это вполне нормально и нужно.

что получит рекомендательное письмо из Союза писателей (подписанное Кирсановым и Асеевым), с которым пойдет в «Интернац. литерат.» – может, ему дадут перевод (с русского на франц. или наоборот). Врет-он или нет, не знаю. Вообще, он сильно враный (от матери), и трудно различить, когда он говорит правду, а когда врет. Так, он вчера сказал мне, что видел, когда ходил давать передачу Н.А. в НКВД, в очереди за пропусками в НКВД бывшую домработницу Львовых Шуру Рыбину. И тут же сказал, что наверное, Шура донесла на всех. (Это, конечно, чушь абсолютная.) Интересно, врет ли он, когда говорит, что видел Шуру у окошечка бюро пропусков? Митька – болтун. Мне неприятно, что он рассказал Ирине, что у меня были деньги. Неприятно не потому, что он сказал, что у меня было много денег, а потому что это показывает, что он болтает с Ириной. Это мне совершенно не нравится, если он болтает с Ириной. Он мне сообщил, что Кирсанов ему сказал, что заместитель Фадеева Луппол (академик) и его жена арестованы. Тут же сообщил, что жена Луппола была женой Максима (сына Гурького). Чорт и чорт и чорт и чорт, *se que j'ai envie de bitter avec une femme!*¹ Интересно, действительно ли будет Митька что-нибудь переводить? Этот тип говорит, что у него совершенно нет денег. По-моему, он довольно скряжистый.

1/X-40

Вчера был опять в РОНО, где получил направление в 326^ю школу (около нас). Сегодня пошел туда с заявлением от матери, свидетельством об окончании 7 классов и справкой из домкома. Меня приняли в 8^й кл. «В» – во второй смене. Сегодня в 2 ч. 50 мин. я пойду туда с запиской к классной руководительнице моего класса. Сегодня был в 167^й, где подал заявление об уходе и получил сводку о моих отметках. Директорша сказала, что у нее есть знакомый, который когда-то знал мать и много ей рассказывал о ней – Хрустачев Н.И., и попросила дать ей мой телефон – Хрустачев, наверное, захочет повидать мать. Вчера в НКВД матери сообщили, что отец не числится на передаче. Мать пошла к

¹ как мне хочется е.... женщину!

«Вопросам и ответам» и подала анкету. Послезавтра она узнает, что с отцом. Думаю, что он, так же как и Нина Николаевна, переведен в Бутырки. (Сначала — для него — НКВД, потом Бутырки, потом Лефортово, потом опять НКВД, потом ...?) А Аля все время в НКВД, и ни одного раза никуда ее не переводили, так же как и Николая Андреевича. Все это непонятно. Алеша написал Ирине, что он назначен десятником. Германия, Япония и Италия заключили тройственный союз. Через 25 минут — пойду в школу. Интересно, как мне будет там? Хорошо то, что близко и что есть французский. А дальше — увидим. Прочел противную книгу Жида «Фальшивомонетки». Интересно — действительно ли Митька будет переводить? Я пока этому не очень верю. Он говорит, что письмо Кирсанова адресовано Стасовой. 'Тересно... А propos¹ — Ида не представляет никакого интереса — *c'est pas du tout ce qu'il me faut. C'est genre oie blanche.*² Так что даже и энергию тратить как будто не стоит — *le jeu ne vaut pas la chandelle*³. За открытым окном слышны трамваи. Сильно похолодело. Мать ужасно кашляет — боюсь, как бы у нее не было *tbc*⁴. Но она говорит, что времени на доктора у нее нету, и это меня бесит. Любопытно — будет ли эта школа такая же строгая, как 167ая, или меньше? *Enfin, on verra bien.*⁵ Увидим, какой будет мой 8^й «В» класс. Во всяком случае, по-французски я буду учиться хорошо. Как ко мне будут относиться? В 167^й по этому поводу все шло ровно и хорошо. Конечно, *au fond c'est assez mesquin de s'inquiéter d'une école (vu objectivement, sur le plan «inter-moscovite»)*. *Et l'on s'en fout, pourvu que l'on rigole, et on s'en fout pourvu qu'on boive un coup... Comme disait la chanson. A propos, il faudrait que je lise «Ubu-roi».* Теперь я хожу в кожаном пальто — *comme ça j'ai bel air.*⁶ Вчера был у Барского.

¹ Кстати.

² это совсем не то, что мне нужно. Это тип простушки.

³ игра не стоит свеч.

⁴ сокращение от *фр. tuberculose* — туберкулез.

⁵ Ну, посмотрим.

⁶ по существу, довольно мелко заботиться о школе (объективно, во «внутримосковском» плане). И наплевать, лишь бы было весело, и наплевать, лишь бы выпить... Как говорится в песне. Кстати, надо мне прочитать «Короля Юбю». Теперь я хожу в кожаном пальто — и выгляжу красиво.

2/X-40

Я уже совсем свыкся со школой и с учениками. Пока что не спрашивали, но преподаватели гораздо менее строги, чем в 167^а, ученики более просты, и вообще школа производит гораздо более приятное впечатление, чем 167^{аа}. Это странно — в 167^а дети интеллигентнее, чем в 326^д, и, казалось, должны были бы мне быть более по душе — но нет, я предпочитаю иметь дело с ребятами более простыми и более симпатичными. И оттого мне было превосходно в Болшеве и Голицыне, в этом смысле. Так-с. Сегодня пришел Вильмонт и сказал, что у него провалился весь отдел в «Инт. лит.» (лит. прошлое). Дело в том, что в следующем номере «Инт. лит.» в связи с годовщиной германо-советского пакта должны были печатать переводы немецкого фольклора. А теперь — приказ из Наркоминдела — в связи с охлаждением к Германии (результат подписания ею тройственного союза с Италией и Японией) не печатать эти переводы, которые означали бы дружелюбное отношение к Германии. Факт тот, что Германия заявила о своем сочувствии и поддержке «установлению нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве». Т.е. полностью поддерживает империалистическую экспансию Японии в Китае. А мы целиком стоим на стороне Китая. Значит, есть охлаждение — и притом явное — к Германии. Интересно, что будет дальше. Все-таки факт тот, что хотели печатать эти переводы, чтобы ознаменовать годовщину нашей дружбы с Германией, а теперь не печатают — значит, если нет дружбы, то есть недружелюбие. Очень трудно разбираться в сложных международных отношениях, и еще труднее — предвидеть что бы то ни было. Так что Вильмонту приходится теперь спешно заполнять свой отдел. Интересно, заплатят ли матери за ее переводы с немецкого? Мать их недавно сделала. Вильмонт утверждает, что гонорар заплатят бесспорно. Интересно, какая будет моя первая отметка в этой школе? В моем классе преобладают девочки, но представляют «qu'un intérêt relatif»¹. Впрочем, есть две-три довольно миленьких. Дочь хозяйки не представляет никакого интереса — это просто взрослая девчонка, думающая только о подружках и школе. Elle ne présente aucun intérêt ni du point de vue esthétique, ni du point de vue intelligence, ni du point de vue sensualité. A lire

¹ «интерес весьма относительный».

ces lignes on pourrait croire que j'ai un «циническое отношение к женщине». Mais c'est faux.¹ За что обыкновенно любят женщин? За красоту, или за ум, или за чувственность, или за несколько из этих качеств вместе. «Просто» не любят. Или просто хотят женщину, потому что она физически влечет к себе. Честное отношение к женщине? — Правильно. Но если юноша и девушка любят друг друга и вкушают друг от друга всякие удовольствия, tout en prenant les précautions nécessaires², разве это не честно? Ведь бывает так: люди друг друга не любят, но их влечет друг ко другу или ум, или желание. Если честно к этому отнестись, и, главным образом, отнестись ответственно, то все будет хорошо. Я совершенно согласен, что faire des enfants de gauche à droite et cracher sur les femmes que tu «aimais» hier, c'est un grand crime dans la société socialiste. Ça, c'est absolument juste. Mais ce que je voudrais savoir, c'est la chose suivante: est-ce que du point de vue de la morale communiste, on a le droit de prendre du plaisir avec les femmes «qui veulent aussi» (tout en prenant naturellement les précautions nécessaires pour qu'il n'y ait pas d'enfants). Est-ce que c'est légitime du point de vue de la morale communiste? — Parce qu'on ne sait vraiment pas à quoi s'en tenir sur cette question, logiquement, bien sûr, pourvu que la femme n'ait pas d'enfants, tu peux prendre du plaisir avec elle, si elle le veut aussi. Parce que la grande question — c'est si tu prends du plaisir avec elle, lui fais un gosse et la quitte — ça, ce n'est même pas la peine de discuter. Mais si le côté «enfants» est foutu à terre, est-ce que l'on peut dire que tu as «déhonoré» cette femme! Voilà à quoi il est difficile de répondre. Moi je considère qu'une femme peut aimer qui elle veut et combien de fois elle veut, à quelques conditions: que ça n'ait pas d'influence sur le travail; que ces liaisons n'aient pas de suites; qu'elles soient honnêtes; qu'elles soient sincères; qu'elles ne s'affichent point; qu'elles ne soient pas trop nombreuses bien sûr. Si ces conditions sont remplies, eh bien! je crois qu'il n'y a là rien de déshonorant. Mais il se peut fort bien que je me trompe, et que du point de vue

¹ Она не представляет никакого интереса, ни с точки зрения эстетической, ни с точки зрения ума, ни с точки зрения чувственности. Читая эти строчки, можно бы подумать, что у меня «циническое отношение к женщине». Но это неправильно.

² принимая все необходимые меры предосторожности.

communiste il en soit autrement. S'il en est autrement, je dirai honnêtement que je ne...¹

4/X-40

Вчера был опубликован приказ СНК СССР – о платности среднего обучения в старших классах и о платности высшего образования. В 8–9–10^х классах нужно будет платить за обучение 200 рублей в год, а в вузах – 400 р., причем стипендия будет впредь выдаваться только отлично успевающим. До 1го ноября нужно будет выплатить матери 100 р., а к 1го февраля – еще 100 р. Так что теперь школа – платная (в старших классах). Потом опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР – об образовании трудовых резервов СССР и о мобилизации городской и колхозной молодежи в возрасте от 14–15 лет в ремесленные, железнодорожные школы-училища. Я сначала испугался – как бы меня не забрали в эти училища! Но очевидно, что из 8^х классов брать не будут. Нужны квалифицированные рабочие – вот и делают эти училища. Надеюсь, что из 8^х классов брать не будут. Так что теперь придется платить и за учебу в 8–9–10^х классах и за высшую школу. Мне кажется, что все эти факты являются вестниками вой-

¹ делать детей направо и налево и плевать на женщин, которых ты вчера «любил», это настоящее преступление в социалистическом обществе. Вот это абсолютно правильно. Но мне бы хотелось знать следующее: с точки зрения коммунистической морали, имеем ли мы право вкушать свое удовольствие от женщин, «которые тоже этого хотят» (конечно, принимая все необходимые меры предосторожности, чтобы не было детей). Законно ли это с точки зрения коммунистической морали? – Потому что, на самом деле, не знаешь, что и думать по этому вопросу, логически, конечно, при условии, чтобы у женщины не было детей, ты можешь наслаждаться с ней, если она этого тоже хочет. Ибо, на самом деле, главный вопрос в том, что если ты испытываешь с ней удовольствие, делаешь ей ребенка, а потом бросаешь ее, то не стоит даже об этом говорить. Но если «вопрос детей» снят на х., можно ли сказать, что ты эту женщину «обесчестил»? Вот на этот вопрос ответить трудно. Я лично считаю, что женщина может любить кого хочет и столько раз, сколько ей хочется, но при некоторых условиях: надо, чтобы это не влияло на ее работу; чтобы эти связи не имели последствий; чтобы они были честными; чтобы они были искренними; чтобы они не афишировались; чтобы их было не слишком много, конечно. Если все эти условия соблюдены, ну что ж! я думаю, что тогда в этом нет ничего бесчестного. Но вполне возможно, что я ошибаюсь и что с коммунистической точки зрения, дело обстоит совсем иначе. Если совсем иначе, тогда я скажу честно, что я не...

ны. Боюсь, что непременно будет у нас война. Немцы продолжают бомбить Лондон и Англию, а англичане — Берлин и Германию. Нужно думать, что эта война здорово истощит и Англию, и Германию. *Que nous réserve demain?*¹ Прочел в «Труде» статью И.Эренбурга «Разгром Франции». Франция была побита из-за чудовищной легкомысленности, глупости и самонадеянности. И предательство тоже было — это факт. И Лаваль, и Пэтен, и вся эта шайка — грязные люди, преданные 5^й колонне. Сейчас 9 часов вечера. Мать ушла к Нине Прокофьевой — та ее пригласила. Я не пошел — я вообще теперь вечером не выхожу — после школы предпочитаю отдыхать дома. Сегодня писал контрольную работу по физике — бесспорно, получу плохо. В этом я не сомневаюсь. Но не только я получу плохо, а многие другие. Потом нужно будет это плохо исправить — и это-то и будет трудно. Я совершенно не умею решать задач по физике и из-за этого и получу плохо по контрольной работе. А потом надо будет исправлять. Пока мои отметки в этой школе — хорошо по алгебре и по литературе. По остальным предметам еще не спрашивали. Теперь, если ученик плохо учится, то вызывают родителей. Как бы мать не вызвали! Это мне было бы очень неприятно. (Не за себя, конечно, а из-за того, что матери очень неприятно идти разговаривать с неизвестными людьми, тем более, что она знает, что я буквально все время готовлю уроки и учусь.) Все утро я готовлю уроки. Потом завтракаю, иду в школу, возвращаюсь и обедаю, после чего ложусь спать. Какая сумма энергии затрачивается в школе! Боишься, что спросят, повторяешь, слушаешь, пишешь... Круговорот уроков, отметок, учителей, тетрадей... Все в конце дня смешивается в кашу. Приходишь домой — рад, что кончилось; и такая психология, что вообще свободен, и учиться больше не нужно. Конечно, самое приятное это когда день учебы окончен и вечером приходишь домой. О завтрашнем дне стараешься не думать — существует только сейчас и состояние покоя и уверенности. А завтра снова всё сначала — уроки и учителя. Конечно, школа — бредовая штука. Но у меня твердая цель — окончить ее. Все знакомые говорят, что у меня плохой вид. И немудрено — я почти совсем не выхожу — все время готовлю уроки, учу их, повторяю... и все равно учусь не очень хорошо. В 7^м классе все-таки

¹ Что-то завтра будет?

учиться было легче. Может быть, я преувеличиваю трудности, но факт тот, что свободного времени учение и готовка уроков совершенно не оставляет. А факт, что действительно очень приятно приходить домой «la journée finie»¹. Как ни банально и ни пошло это чувство, тем не менее, оно существует и бесспорно имеет sa raison d'être². А учусь я действительно очень много. И каждый день — все сначала. Я стараюсь не иметь плохих отметок — но rien à faire³, вот по физике получу. Вот я сейчас пишу это все, скоро лягу спать, а завтра опять браться за учебники! Rien à faire — учиться, конечно, надо; без этого никуда не попадешь. Но это скучно и утомительно — это тоже факт. Ложусь спать — слипаются глаза.

5/X-40

Завтра, возможно, встречу с Митькой. Возможно, что он поедет на дачу. Мать позавчера была в НКВД, где ей сказали, что отец сидит там же, но что передачи не принимают, потому что у него много денег. Я здорово устаю после школы. Вообще учусь масса. Из кухни воняет каким-то жареным луком — противный запах. Да здравствует салат с уксусом! — это здоровая штука. Завтра в 10 часов утра должен звонить Митька. Читаю «Ким»'а Киплинга. Ничего. Мои любимые книги: «Контрапункт» и «Заколдованный круг» Хаксли; «Суций рай» Олдингтона; «Остров пингвинов» Франса; новеллы Юфмана и Э.По; весь Чехов (особенно его маленькие рассказы). Мои любимые поэты: Бодлер, Пушкин, Верлэн, Лермонтов, Расин, Маяковский, Корней. Эта вонь из кухни препротивна. Сегодня был урок физкультуры — я ничего не сумел сделать на турнике. Плевать, впрочем. Произошел интересный казус. Как известно, Муля всячески мне рекомендует не видеться с Митькой и вообще ничего ему не говорить о наших делах. А сегодня я звонил Митьке, и первое, что он меня спросил, было: «А как твой отец?» Я спросил его, в чем дело. Тут Митька сказал, что знает, что отцу не принимают передачи и что мать подала анкету в НКВД. Совершенно ясно, что Митька знает эти сведения от Ирины, а Ирина

¹ «окончив день».

² свои основания.

³ ничего не поделаешь.

их берет от Мули, который с ней встречается. Выходит так, что Муля все выбалтывает Ирине! А сам еще говорит, чтобы я не виделся с Митькой, с ним не «откровенничал» и т.п.! Это мне нравится! Представляю себе, какой бы он поднял шабаш, если бы, скажем, Ирина его спросила, почему отцу не принимают денег! Муля бы сразу сообразил, что эти сведения идут Ирине от меня через Митьку, и в тот же день я бы имел удовольствие испытать на себе «праведное негодование» Мули насчет того, что я «все выбалтываю» Митьке, что он «вредный» и т.п. А выходит так, что Муля сам все выбалтывает Митьке посредством Ирины! Или Ирина и Митька — вредные люди, которые могут навредить и которым не нужно ничего рассказывать, или (как я думаю) то, что мы будем им говорить, не будет иметь никакого значения. Но для чего же тогда говорить, что «не нужно иметь никаких сношений с этой компанией», а в ближайшую встречу с Ириной все разбалтывать?!

6/X-40

Сегодня звонил Митьке — он уже уехал на дачу. Сейчас — 5 часов. Весь день занимался — делал историю. Конечно, в грусти и скуке и одиночестве есть некоторые прелести и удовольствия, *mais il ne faut pas forcer la dose*¹. Интересный выходной день! Я вынужден играть роль, сделанную не для меня и мне не подходящую, — роль прилежного ученика, «образцового мальчика». Роуах!² Проводить выходной день, учась — это, бесспорно, отвратительно и уродливо. Главное дело в том, что никто это не делает! Мать, по-видимому, думает, что, не выходя и не видясь ни с кем, я наживу себе туберкулез. Во всяком случае, я пью печеночную кровь (экстракт) против малокровия. Так-то так, товарищи. Скю-юка. Сейчас потащусь к Вильмонтам, куда пошла мать. Какая пошлятина — «*il va avec sa mère*»³! Милый, добрый, «хоросый» выходной день! Какая чушь и какая кислятина! Все-таки это довольно позорно, *ne pas savoir que faire le dimanche, pour un jeune homme de 15 ans!* «*Eh, mon vieux, c'tec — là est un type miteux l'a même pas*

¹ но в умеренной дозе.

² Фу-уй!

³ «он ходит с матерью».

de p'tite amie, tu parles!» Но rien à faire.¹ Заколдованный круг. Все время уходит на учение. Позорный, глупый, неиспользованный, кастрированный выходной день! Масса уроков. У нас в классе большинство почти ничего не делает, а я желаю учиться. Feuilles jaunies, bras en croix, larmes à l'oeil, jour discret, gentille pluie...² А ну вас к чорту! Хочется радости, веселья, умной и красивой молодежи – а подают неплохих, но скучноватых Вильмонтов и страшно глупую чету полуюных Тарасенковых! Как говорится, en fait de butin, c'est mince³. Ну ничего, зато у Тарасенковых возьму Олдингтона и Хаксли.

8/X-40

Сегодня к 12 час. встретился с Митькой. Он вынужден по выходным уезжать на дачу «pour respirer l'air pur»⁴. В субботу и воскресенье вечером я пойду на концерты Чайковского. Вчера получил пос по истории – с меня достаточно. Сегодня – физика. Наверняка узнаю, что по контрольной у меня – плохо. Возможно, что спросят по географии и анатомии. Лишь бы пос заработать – и то хлеб. Нужно непременно иметь как можно меньше плохих отметок, и по возможности вообще их не иметь. Физика и черчение – вот чего я боюсь. Вообще лишь бы нагрести пос'ы. Взял у Тарасенкова две книги: «Фантастические новеллы» А.Грина и «Закономерность» Ник. Вирта. Книги Вирта я еще не читал, а книга Грина – занимательна и хорошо написана, но ясно, что Грин хотел сказать что-то гораздо большее, чем ему это удалось в своих книгах. Тем не менее, его книги оригинальны и занимательны. Я хожу к Тарасенкову только за книгами, потому что он сам и его жена не представляют никакого интереса. Я много занимаюсь. Непременно нужно окончить 8^й класс. Сейчас мы бедствуем – в редакциях почему-то нет денег, так что мы совершенно «vides»⁵. У нас есть радио, но мы его еще не перевезли сюда,

¹ Для молодого человека 15 лет не знать, как провести воскресенье! «Эх, старина, этот парень совсем жалкий тип, у него даже нет девушки, представляешь!» Но ничего не поделаешь.

² Пожелтевшие листья, скрещенные руки, слезы на глазах, тихий день, приятный дождь...

³ в смысле добычи маловато.

⁴ «чтобы подышать свежим воздухом».

⁵ «пусты».

так как нету денег. Сам себе желаю не получить сегодня плохой отметки.

10/X-40

Вчера вечером был день рождения отца, и по сему случаю были Лиля, Зина и Журавлев. Принесли винограду и яблок. К 9 часам все ушли — Лиля и Зина восвояси, Журавлев — на концерт, а мама — к Нейгаузу (он сегодня уезжает на Кавказ). Потом пришел Кот и принес торт. Я его давно не видал. Он повзрослел, но я все-таки не очень хорошо понимаю непоследовательность его психологии. Он — студент. Почему-то ненавидит писателей за комфорт — по-моему, он просто завидует. Но он исключительно честен. Очевидно, он пробьет себе дорогу. Но он меня довольно мало интересует. Он любит говорить преувеличенные вещи. Он резок — и неправ. Вообще, он какой-то ограниченный. Митька гораздо умнее его. Вчера я был на экскурсии (школьной) в Историческом музее. И теперь — нате пожалуйста — нужно приходиться туда и составить альбом срисовок (всякую дребедень — древние ножи времен Киевской Руси, копья, скульптуры, камешки и т.п.). Все эти штуки нужно срисовывать. Я видел выставку работ учащихся по этой теме. Факт тот, что я всё это сделаю гораздо лучше их. Они за эти срисовки получали отличные отметки, — ну и я подавно получу. Нечего делать — *du moment que tu étudies, et que ça a de l'importance, il faut chercher à glaner de bonnes notes*¹. Пока у меня 5 хороших отметок (алгебра, география, литература, химия, анатомия), 1 посредственная (история), 1 отличная (французский) и, очевидно, одна плохая — по контрольной физике. Сегодня придет проф. Асмус (с этими Асмусами — друзьями Пастернаков — мать познакомилась вчера у Нейгаузов) и купит для жены янтарь, который продает мать. Если он действительно купит, то это действительно будет хорошо — у нас сейчас совершенно нету денег. Сегодня — паршивый день — физика и черчение. Боюсь, что по черчению получу плохо (я совершенно не умею и не люблю чертить). А по физике я знаю только текущие уроки — а старое не знаю. Так что сегодня — крайне опасный день в смысле плохих отметок. Факт тот, что маринованные грибы — здоровая штука.

¹ раз уж ты учишься, и это имеет значение, ты должен набирать хорошие отметки.

Говорят, что если до 15го числа (через 5 дней) ученик не исправит все свои плохие отметки, то вызывают родителей. А я совершенно не имею понятия, как я исправлю мою контрольную по физике, если я ничего не знаю? Да, трудные времена. Потом я очень боюсь геометрии — опять-таки задач абсолютно не умею решать и не знаю старого материала. Потом боюсь контрольных — как по геометрии, так и по алгебре. Примеры по алгебре я делаю правильно, но делаю их очень долго, буквально потея над ними. А в контрольной — время ограничено. Да что задумывать вперед! Я знаю, что стараюсь, и баста. Опять я отмечаю — как вас поднимает, бодрит и делает веселым взгляд на красивую женщину! Я вчера шел, думая о злополучной физике и тому подобных мало-развлекательных вещах, и увидел красивую женщину. Разом смело все мрачное настроение.

12/X-40

Вчера сцепился с преподавателем литературы. Он мне поставил пос за чтение отрывка по-славянски из «Слова о полку Игореве». Отрывок я знал наизусть — а он говорил, что я якобы читал «механически», как зубрежку. Ну, да чорт с ним. Торговался с ним насчет отметки, он говорил о том, что я не должен «пререкаться с начальством» и «не должен его перебивать». Я, бесспорно, не прав, что торговался и пытался из-за посредственной отметки — другие и этому были бы рады. Факт тот, что разговорчик и схватка у меня с ним были, но, по-видимому, я с ним помирился. Вообще я плевать хочу на эту историю — лишь бы в дальнейшем не было неприятностей (как выговор, вызов матери и т.п.). Нужно быть более хладнокровным и не так близко к сердцу принимать отметки. Важно, чтобы не было последствий. Сегодня и завтра вечером иду на концерты Чайковского. (Неделя открытия концертного зала.) Вообще меня в школе считают хорошим учеником. Интересно, не испортит ли мне эта история с «литератором» моей хорошей репутации (которой я почему-то дорожу). Сегодня — противный день, потому что надо заниматься физкультурой. Если будет 6 уроков, постараюсь на 6^м не оставаться — чтобы переодеться и поесть до концерта. Это немножко смешно — эти «чинные развлечения»! Но ничего не поделаешь — я Чайковского люблю, и

концерты будут, наверное, отменными. Сегодня звонил Митька, спрашивал, что будем делать. Я ему сказал, что должен тащиться в музей срисовывать всякую древнюю всячину. В общем, я ему завтра позвоню в одиннадцать. Хорошо, что завтра — выходной. Все-таки какое-то ощущение свободы — делай, что хочешь (хотя на деле это не так — нужно тащиться в музей и делать уроки). Вчера была Нина Прокофьева. Она симпатичная — ее любила Аля. Хорошо, что сегодня — концерт! Лишь бы не было 6 уроков — а то придется ехать стремглав туда «без еды и без ветрил». Возможно, что пойду завтра в музей вместе с Митькой. Во всяком случае, с ним встречусь. Ко мне все товарищи в школе хорошо относятся, но как выходят из школы, формируются группы, а я остаюсь в одиночке. Да это и понятно. В моем классе никто не интересуется тем, чем я интересуюсь, а я не интересуюсь тем, что интересуется товарищей. Это всё симпатичные честные парни, но до литературы и мировой политики им нет дела. И музыку они не понимают и не знают. Я о них ничего дурного не говорю, но то, что говорю, — факты. Как же мне, при наличии разности интересов и стремлений, вкусов и желаний, с ними сблизиться? Как же мне иметь внешкольных друзей и товарищей? Вот и поневоле выходит так, что единственный мой друг и знакомый — Митька. Я отнюдь не говорю, что в старших классах, особенно среди студентов, нету людей, с которыми мне было бы интересно и которым было бы интересно со мной. Такие люди есть; они живут и существуют. Но я их не знаю. А искусственные знакомства никогда не удаются. Надо иметь общие корни — школа, институт. У нас с Митькой общие корни — общность положения (отцов), знание иностранной литературы, прибытие из Франции и одинаковые интересы. Вообще без общих корней люди могут дружить только с женщинами. Вот и весь ответ на вопрос многих и многих маминых знакомых «почему у Мура нет друзей». *Rien à faire*¹ — так печально сложились обстоятельства, что я еще не вошел в соприкосновение с людьми, достаточно мне симпатичными, чтобы быть моими друзьями. Сейчас буду завтракать, а потом — в школу (*et allez donc!*²).

¹ Делать нечего.

² ну и пусть!

15/X-40

13го получил хор. по истории (как бы вроде компенсации за пос. по литературе). 14го утром пошел вместе с Митькой в музей и кое-что срисовал (по правде сказать, довольно маловато). Потом встретился с ним на Кузнецком в 1/2 3го. Побродили, потом пошли есть мороженое где-то на Петровке (*plaisirs gastronomiques*¹). Потом пошли в Библиотеку (чит. зал) ин. литературы. Там смотрели последние американские кинематографические журналы. *Rien de bien fameux*.² Утром того же дня, сговорившись с Митькой, я позвонил Журавлеву, попросив его оставить на его вечер пропуск на 2 места (конц. зал Б. театра). Итак мы с Митькой вечером пошли (*sans rien payer, ce dont il était ravi*³) слушать Журавлева. Он читал «Пиковую даму». Читал хорошо, *mais rien d'extraordinaire*⁴. У Митьки совершенно нету денег. Оттого мы не можем ходить в театры и концерты, потому что у меня сейчас тоже мало денег. *Sa grand-mère*⁵ ему ничего не дает — у нее самой очень мало денег. Митька говорит, что она «со слезами дала ему пятерку». Вообще, он с ней нередко поругивается, потому что она его держит в «уздечке» и «не дает шагу ступить». Все это пустяки. Но противно, что мы никуда не можем вместе ходить — у меня хватает денег *tout juste*⁶ на один билет куда-нибудь, а у него их совсем нет. Вчера купил билет на 20^е число — в Концертном зале им. Чайковского превосходный концерт: будут исполнены 5ая симфония Чайковского, «Поэма экстаза» Скрябина и концерт для фортепиано Прокофьева. Программа, конечно, отборная. Митька, возможно, обидится, что я ему не купил билета, но мне плевать — денег у меня нет, и баста. А из-за того, что у меня денег на него не хватает, *je ne vais pas me priver de musique, ah!, des clous!*⁷ 12го и 13го — я ошибся — концерты по абоне-ментам еще не начались. Они начнутся в ноябре. Я хорошо сделал, что взял билет на воскресенье — послушаю отличный концерт и увижу, что из себя представляет этот концер-

¹ гастрономические удовольствия.

² Ничего уж такого особенного.

³ бесплатно, чему он был очень рад.

⁴ но ничего выдающегося.

⁵ Его бабушка.

⁶ только-только.

⁷ я не стану лишать себя музыки, дудки!

тный зал (он вновь построен). Возможно, что сегодня спросят по физике. Читаю неплохую книгу — «Закономерность», Ник. Вирта. Сейчас пойду прочитать «Правду».

16/X-40

Вчера, как и ожидал, получил плохо по контрольной физике. Сегодня писали в течение 2 часов сочинение. Я писал образы Всеволода и князей, к которым обращается Святослав. Написал на хорошо или на посредственно. Спросили по геометрии — получил пос. Завтра, возможно, спросят по физике. Нужно каким-то образом исправить это плохо по физике. А, да, черт! Не стоит об этом думать. Мне кажется, что скоро будут какие-то ограничения разводу, потому что то и дело появляются в газетах статьи, неодобрительно отзывающиеся о существующем порядке разводов. Все-таки следствие длится очень долго: уже год! Очевидно, само дело не простое, и люди, в нем участвующие, не ординарны. Как это все кончится? That is the question.¹ А в Англии всё бомбежки и бомбежки (главным образом на Лондон). Волынка. Ничего нового — бомбежка и бомбежка. Интересно, как и это кончится. Прочел превосходную книгу: «Закономерность» Н.Вирта. Тарасенков — полезнейший человек: живая библиотека. Я питаюсь его книгами. Что я у него возьму почитать? Нужно было бы почаще с ним видеться (из чисто практических соображений, конечно). Н-да, товарищи, скучновато. Физкультурник понял, что я слаб руками, и оттого не ругается, если я не делаю какого-нибудь упражнения. Вообще это довольно смешно: роста я большого, плечи — в меру, ноги — сильны, а руки, как у девушки. Не сильны. Митька — огромного роста, белобрысый и голубоглазый. Вид у него насмешливый. Он очень часто смеется. Я произвожу какое угодно впечатление, только не слабого человека, и со мной в школе никто не затевает драки. Я был уже в четырех школах и ни в одной не дрался. Достиженьице! Меня в классе все уважают. Относятся отлично. Я имею в классе известный авторитет. Учеником я считаюсь хорошим. У преподавателей я на хорошем счету. Тэк-с, товарищи. Гоп со смыком, это буду я-я! Сейчас съел сытный обед (теоретически слова «сытный обед» — противны, а прак-

¹ Вот в чем вопрос (англ.).

тически — хороши). Теперь займусь «церемонией чаепития», как писал Олдингтон. Ленин совершенно верно писал насчет пресловутого «стакана воды». Факт тот, что разложенцы и недержанные в половом отношении люди мешают государству. Сейчас займусь чаепитием, и притом с ватрушкой. Возможно, что настоящих друзей я найду в армии или в институте. А все-таки с Митькой хорошо. С ним я здорово веселюсь и, главное, набираюсь сил на долгую учебную неделю. Воскресенье меня заряжает оптимизмом и верой в счастье. С каждым днем нарастает скука, а воскресенье — опять зарядка. Веселье дает жизненный ток. Факт тот, что встречи с Митькой действительно полезны — я морально выздоравливаю после них и верю в дружбу и солнце. Должен же я радоваться, *ne fut-ce qu'au*¹ выходной день! Я люблю интенсивные явления: смех, музыка и любовь. Да здравствует музыка! Вот сейчас вечер, всё в порядке, ничего не нужно делать — а завтра опять учиться. Через два года — призыв в армию. Свет божий, какие мещане наши соседи! Люди хорошие, не злые, но мещане. Нет размаха — вот в чем дело. Музыка не понимают, политикой не интересуются, литературы не знают, говорить не умеют (бормочут), смеются кисло и над глупостями, газет не читают. Интересуются семейными делами, сплетнями, пеленками. Родители обожают делать назидания детям, дети фыркают, каша варится. Узость, нет горизонта у этих людей. Я не знаю: по-моему, у истинно советских людей должен быть размах, увлечения, идеалы! Советские люди не варятся в собственном соку, они интересуются всем новым, они горячи... А эти... исключительно ограниченные люди и, главное, скучны до чорта. Постные. И какая отвратительная манера говорить! Конечно, это объясняется воспитанием, родителями, средой и т.п. — но от этого не легче. И, кроме того, эти соседи просто не культурные. А себя они считают культурными. Они не злые, но глупые. А ну их к чорту! Лишь бы не мешали, а там — как знают. Куда им интересоваться международным положением! Их партия — шкурлисты. Куксятся, варят кашу жиденькую, шушукуются и кривляются. Да, это не коммунисты. Как надоел ор этой девчонки! Возьмется неумело с детьми и воспитывать их не умеют. Возможно, что я слишком строг. Все возможно. А завтра — препротивная физика. Ско-

¹ хотя бы в...

рей бы выходной! Все это звучит банально, но — факт. Интересно, в какой институт пойдет Митька. Очевидно, в Ин-Яз. Интересно, какие у него там будут товарищи.

18/X-40

Сегодня поругался с Митькой. Я ему позвонил и встретился с ним в 11 ч. 30 мин. у почтамта ул. Горького. Как известно, я взял билет на Чайковского — на него у меня не хватило денег. Как он узнал, что я ему билета не купил, он стал говорить о том, что это «некрасиво», что нужно иметь «солидарность», что лучше было совсем не покупать, что «pour lui, c'est une déception»¹ и т.п. Так он бубнил (вернее повторял: «c'est une déception, c'est une déception»² и т.п.) всю дорогу, все время, пока мы гуляли. Наконец мы дошли до Библиотеки иностр. литературы. Он продолжал свои «je ne croyais pas», «déception»³ и т.п. Мне это надоело — я не переношу сцен, мелодрам и «домашних трагедий». Я ему сказал, что считаю сцену такого рода «hideuse»⁴, мещанской и буржуазной, что мне это надоело, что сам он совершенно так же поступил бы, как и я, и что я его хорошо знаю, и он никого не обманет своим видом «оскорбленной добродетели». Мы мялись на площади обелиска. Он продолжал плести свою чушь. Тут я послал его к чертям собачьим и ушел. Он меня дважды окликал, я оборачивался и видел, что этот идиот хочет продолжать в таком же духе. И я ушел, а он пошел в читальный зал. А ну его к чорту! Если он будет мне звонить — тем лучше. Я ему наверняка не позвоню. Я не переношу лицемерия. Возможно, что на этом наши взаимоотношения оборвутся. Скорее всего, он позвонит. Я же наверняка ему звонить первым вообще не буду. Возможно, что он то же самое скажет. Я не переношу сцен и мелодрам — это не в моем духе. Я и обойдусь без него, хотя это будет и неприятно, и трудно. Но пускай Митька не воображает, что меня можно водить за нос. Из-за этого сопляка я лишился бы концерта? — Он с ума сошел, бредит! Просто бэби не дали апельсина, и он плачет. Я с ним дол-

¹ «для него это разочарование».

² «это разочарование, да, разочарование».

³ «я не думал», «разочарование».

⁴ «безобразной».

то позитесь не стал и послал его к чорту — и хорошо сделал. Увидим, хватит ли у него выдержки не звонить мне. У меня — хватит. Возможно, что сегодня спросят по физике. Вообще сегодня день довольно паршивый (могут спросить). Завтра пойдём к Тарасенкову — это хорошо в смысле книг. Как неприятна эта история с Митькой! Теперь я, по-видимому, лишаюсь единственного товарища. Эта история мне глубоко противна и мерзка — она воняет мещанством и обыденщиной. Противная штука!

20/X-40

Сегодня утром позвонил Митя, и я с ним условился встретиться около Исторического музея. Мы с ним встретились так, как будто между нами ничего не было. Потом поехали в Конц. зал — и он преспокойно купил билет на сегодня, и мы с ним вместе пойдём. Совершенно очевидно, что он увидел, что со мной шутки плохи (когда я просто-напросто ушел), увидел, что мелодрамой и кривлянием меня не возьмешь — и преспокойно позвонил мне, и купил билет — без всякого намека на то, что он мне говорил позавчера. Он попробовал 18го мелодраматическую манеру, но у него ничего не вышло, и он понял, что просто-напросто потеряет товарища, если будет продолжать себя вести, как идиот. Я здорово рад, что он позвонил мне первый, а не я. Не выдержал-таки! Вчера вечером я и мать были у Звягинцевой — одной поэтессы-переводчицы. Скучновато было, так как говорили о прошлом — муж Звягинцевой, мамин друг, впервые встретился с нею за 18 лет. И муж, и Звягинцева, и знакомая их, которая пришла к ним, и еще одна знакомая, все они исключительно высоко ставят мать как поэта. Сегодня пойдём к Тарасенковым (в 4 часа). Я буду рад взять у него какие-нибудь книги. Хотя, конечно, было бы веселее куда-нибудь пойти с Митькой — но rien à faire — без этого визита к Тарасенковым я не смогу достать книг. А roros¹ — очень сильная книга «Tom Jones», но я не смог ее осилить. Митька рассказывает, что познакомился с какой-то девушкой, по имени Jeanne, которая тоже приехала из Парижа и знает все фильмы и песни. И он ей сегодня нес какой-то детективный роман — одолжить. Не знаю, прав ли он, знако-

¹ Кстати.

мясь с приезжими из-за границы. Она учится в Ин-Язе (Институт иностранных языков). Он думает пойти студентом в этот институт. Я тоже думаю потом туда пойти. Итак, мы сегодня вместе пойдем на концерт. В этом концерте такая программа: 5ая симфония Чайковского, 4ый концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева и «Поэма экстаза» Скрябина. Как видно, программочка — во (фу, какая гадость, это — во!). Сейчас 2 ч. 30 м. Сейчас я буду завтракать. Теперь я стал хорошо одеваться — и стал элегантным. Каких-нибудь год или два года назад я был очень неуклюж, толст и мешковат. Теперь же я вытянулся, похудел, построился, стал хорошо одеваться — и поумнел. Интересно, что я возьму почитать у Тарасенкова. Увидим. Надеюсь, что концерт сегодня будет хороший. Интересно, какой зал и какой оркестр.

22/X-40

Концертный зал — замечателен и изящен. Он мне очень понравился и доставил эстетическое удовольствие. 5ая симфония Чайковского — замечательное по силе и мелодичности произведение. Какая музыка! Следующие два концерта — 3ий концерт для ф-но с оркестром Прокофьева и «Поэма экстаза» Скрябина — абсолютно ничего не стоили. Чайковский здорово заткнул их за пояс! Отец переведен в Бутырки, и позавчера ему там приняли передачу. Несколько дней тому назад был опубликован указ о том, что инженеры, мастера, рабочие и пр. могут перемещаться — т.е. быть перемещаемы наркоматом — в любые концы страны и что договора отменяются. Эти идиоты-соседи (толстая наседка) развили панику. Дело в том, что Шукст ей не пишет. Она должна уехать до 1го ноября (1го кончается квитанция). А теперь, видите ли, так как ей муж ничего не пишет, а сын пишет, что есть там только треска и хлеб, и она не знает, как там будет, а здесь новые законы — она — толстая наседка — колеблется, не знает, что делать. Звонит знакомым и охает. Дело в том, что все это пахнет для нас опасным запахом. Соседи говорят, что все договора сейчас аннулированы и что если эта наседка останется здесь, то так как она и дети живут в одной комнате, она начнет хлопотать насчет нашего выселения. Это все очень неприятно. Нужно в кратчайший срок узнать у Барского совершенно точно, что может сделать эта наседка. Пока она с

нами не говорила ни о чем, но из ее разговоров по телефону с знакомыми ясно видно, что она что-то хочет предпринять в этом отношении. Дело в том, что она должна была ехать к мужу, но теперь положение неясное, и если она останется, то, возможно, захочет «распространиться». Но в договоре говорится — если Шукст преждевременно вернется из Заполярья, то за месяц и т.п. мать должна выкатываться. Именно — если он преждевременно вернется. Но говорят, что теперь брони на комнаты аннулированы — значит, договор ничего не стоит. Нужно будет непременно поговорить с Барским. Это очень неприятная штука. Интересно, почему эта толстая сволочь-наседка ничего нам не говорит о своих планах? Возможно, что она хочет нас «прихлопнуть» и сказать в один прекрасный день, чтобы мы выселялись. Но имеет ли она шансы на успех? — Вот в чем вопрос. Мать все время с этой наседкой миндальничала — а вот теперь эта сволочь финтит. И, видите ли, не хочет ехать «на неустроенное». Сволочь? Интересно, как развернутся дальше события. Неужели нас могут отсюда выселить? Неужели опять скитания, поиски комнаты, перемена школы? Мне очень не нравится, что эта мешанка что-то финтит, а нам ничего не говорит. Говорят, что зимой трудно выселяют. Соседи говорят, что не уедут. У-у сволочь, наседка, идиотка. Дурища! Видите ли, боится ехать, шлет телеграммы, охает, разводит руками. А девчонка орет, орет.. Но я не могу поверить, что нам придется отсюда выкатываться. Факт тот, что наседка нам еще ничего определенного не сказала. Митька общается с какими-то девицами из Ин-Яза. Вот *veinard*¹! Но ничего, я со временем заткну его за пояс. Получил хор. за физику. У меня 5 хороших отметок, одна отличная и две посредственных.

24/X-40

Вчера утром встретился с Митькой у площади Моссовета. Он, так же, как и я, поглощен уроками. Он снимается в фильме «Валерий Чкалов» — он будет в числе тех, кто подбегает к летчику в Америке и приветствует его на английском языке. Он говорит, что у него совершенно нет денег. Но ведь эта съемка должна принести ему денег? Неужели он такая сволочь, что хочет выжимать из меня деньги, когда у него само-

¹ везучий.

го есть деньги? Трудно поверить такой подлости. Не знаю. Он твердит, что у него нет денег, что он не знает, как проведем мы праздники и т.п. Нужно будет, чтобы я его спросил насчет того, как ему платят на съемках: я сейчас же определю, врет он или нет. Неужели он так скуп? Трудно угадать. Я постараюсь достать денег на кино в воскресенье. Или у него действительно нет денег, или он меня просто «тапирует»¹. Он думает окончить экстерном Ин-Яз в один год, а потом поступить в ИФЛИ. Интересно, как мы проведем ноябрьские праздники. Я твердо не хочу знакомиться с его знакомыми. Он знает каких-то девиц в Ин-Язе, но чорт с ними. Сегодня утром написал сочинение на тему о родстве и отличии «Слова о полку Игореве» и былин. Написал 8 страниц — это много. Надеюсь на отлично. Сейчас наспех позавтракаю (что не значит, что мало съем), а потом пойду в школу. Читаю хорошую книгу: «Американская трагедия» Драйзера. Недавно прочел довольно противную, но бесспорно талантливую книгу: «Табачная дорога» Колдуэлла. Колдуэлл — очень оригинальный и хороший писатель. Муля болен. Ирина сегодня уехала в Литовскую ССР с ребенком, которого она сдаст «на хранение» Митькиному отцу.

27/X-40

25го встретился с Митькой, и мы купили билеты в Концертный зал и в тот же вечер пошли. Были исполнены 6-ая симфония и «Франческа да Римини» Чайковского. 6-ая симфония — замечательное произведение. Пела з.а. РСФСР Кругликова. Концерт был отменный. Митька прекрасно достал на него деньги. 26го мы с ним опять встретились. Было холодно; мы жадно ели виноград, купленный в Гастрономе около площади Моссовета, и покатывались со смеху. В общем, здорово веселились. Думали, что можно купить билеты на сегодня на фильм «Музыкальная история», но оказалось, что нельзя. Сегодня встретились с ним у Музея им. А.С.Пушкина и пошли в «Востоккино» смотреть «Музыкальную историю». Фильм никуда не годится — мне не понравилось. Ничего, так. В 3 часа я опять встречусь с Митькой, и мы пойдем в музей — мне нужно опять делать эти чертовские зарисовки. Денег

¹ От фр. taper — стрелять деньги.

у нас нет, так что вряд ли что-нибудь изобретем. Значит, в 3 часа встречусь с Митькой у ворот Исторического музея. А скука, что нету денег! Я прекрасно знаю, что мать не может давать нам достаточно денег. Вчера был у Тагеров с матерью — познакомились с Кирсановым и его женой. Кирсанов здорово владеет рифмой — он ловкий поэт. Он очень любит стихи матери. Он и она вчера читали стихи. Митька тоже с ним знаком. Кирсанов — одессит, хорошо одевается, маленького роста. Его жена — миленькая девочка. Митька мне сегодня сообщил, что она болеет туберкулезом. Довольно странно — Кирсанов вчера читал «Твою Поэму» — поэму, посвященную смерти жены, — перед новой женой. Это довольно бестактно. У матери стихи берут в Гослитиздате (как ей сказал Щипачев). Щипачев также прибавил, что проект книги стихов матери и внесение ее в план 41го года «одобрен начальством». Уже хорошо, что она будет печататься в Гослите. Завтра-послезавтра она туда пойдет — принесет свои рукописи. Как-то трудно поверить, что книга ее стихов выйдет в Гослите. Меня выбрали в комиссию подготовки к Октябрю нашего класса — увидим, что нужно будет делать. Мать говорит, что если она получит деньги 29го, то она мне уделит мою part¹. А пока — зубы на полку. Я Митьке предлагал пойти в Третьяковскую галерею, но он всегда категорически отказывался, мотивируя свой отказ тем, что не переносит этой галереи и может ходить только в Музей нового западного искусства. Я получил отлично по анатомии вчера и отлично по истории — позавчера. Но зато мне нужно будет целиком переделать мой чертеж к 1^у — это плохо, потому что я совершенно не умею и не люблю чертить. Еще хорошо, что он не поставил мне плохо. Я попросил одного товарища сделать мне этот чертеж, взамен чего я ему напишу сочинение по литературе. Увидим, выйдет ли эта комбинация. Мне непременно нужно наскрести хоть пос по черчению в четверти. Интересно, какую отметку я получу по физкультуре. Н-да, прошло то время, когда я мог угощать Митьку в «Национале» и ходить в театры?! Тогда я продавал книги и имел деньги, а теперь rien à faire. Знакомый столяр Тагеров приготовил полки для книг — но за них нужно платить 200 р. Сейчас звонил Мить-

¹долю.

ка — он говорил, что не может прийти в музей, потому что «pour des raisons de famille»¹, а в 8 час. 40 мин. у него rendez-vous² с девушкой из Ин-Яза. Интересно, врет ли он или нет? Возможно, что просто его бабушка не пускает. Интересно: est-ce que c'est vrai qu'il a rendez-vous avec cette fille rousse³? Это меня интересует до крайности — врет он или действительно у него с ней rendez-vous. Итак, я должен тащиться в музей один. Вот скучища! А эта сволочь не хочет идти. Он говорит, что c'est emmerdant⁴ и т.п. Сейчас серая, холодная погода. Опять меня начинают грызть мечты — другие хорошо проводят выходной день, Митька встречается avec la jeune fille rousse⁵, есть какие-то товарищи, где-то веселье, смеются и т.п. ... А я — один. Скука, и не просто скука, а грустная скука. Нет ни одного товарища, кроме Митьки! Да и то, Митька me lache⁶, потому что ему, видите ли, скучно тащиться в музей. Итак, выходит — никого! Призрачное счастье, откромсанные кусочки его. Я думаю, что настоящие друзья будут только в институте, куда я поступлю. А мне еще два с половиной года учиться в средней школе, потом — 3 года (минимум) армии — и это выходит примерно 6 лет без товарищей. А все-таки — ненормальное положение! Я знаю, что где-то смеются и все такое, но я — один и должен тащиться один в музей срисовывать скучные штуки. Скука! А завтра — опять школа. И опять-таки я настаиваю на том, что эта скука не только скука, но и грустная скука. Наседка уезжает 1го числа.

28/X-40

Сегодня получил плохо по черчению. Нужно все перечертить к 1^{му} числу. Мне лишь бы наскрести посредственную отметку по черчению. Я просто не могу иметь плохой отметки по чему-либо в четверти. Чертеж «шрифт» мне сделал товарищ — и сделал, как мне кажется, на хорошо. Этот чертеж я сегодня сдал. А к следующему разу мне нужно приготовить

¹ «по семейным причинам».

² свидание.

³ правда ли, что у него свидание с этой рыжей девчонкой.

⁴ это нудно до черта.

⁵ с рыжей девчонкой.

⁶ меня бросает.

два чертежа — в том числе переделать тот, по которому получил плохо. Это — трудное дело, но — постараюсь. Лишь бы не иметь ни одной плохой отметки в четверти — это главное. Сегодня мать выпросила у Тагера учебник литературы XX^{го} века, только что вышедший, — для 10го класса (Тагер — один из авторов). Для меня очень нужна такая книга. Она — как бы путеводитель. Это — ценная штука. Если мать получит деньги до этого дня, то возможно, что пойду вместе с Митькой на балет Чайковского «Лебединое озеро». Но возможно, что матери не удастся получить деньги до этого числа. Империя Франции постепенно распадается — японцы контролируют какие-то области Индокитая, посылают туда войска, строят аэродромы и военные базы. И Тан (Сиам) тоже заявляет свои претензии на территории Индокитая. Помню Сорбонну, книжные магазины, кино, boulevard Montparnasse, Champs-Élysées, boulevard des Italiens и многое другое... Я считаю, что Францию от меня должно отрезать и оставить от нее только юмор, любовь к хорошему вкусу, чувство иронии, веселость... Митька от Франции никак не может отлипнуть — все вспоминает Париж. А я считаю, что просто как-то не современно так «прилипать» и питаться прошлым. Это действительно не современно и не целесообразно. Нужно прежде всего быть реалистом, держать глаза и уши широко раскрытыми; нужно воспринимать, чувствовать; нужно смотреть и слушать; нужно действительно жить действительностью. Я так и делаю. А Митька все еще питается воспоминаниями — и это убого. Человек прежде всего должен жить окружающим и настоящим, а не пробавляться сувенирами, какие бы они ни были. Я сумел целиком оторваться от Франции, serendant¹ ничего не позабыв и взяв от Парижа все наилучшее. Но я сумел оторваться и жить каждодневной советской действительностью. Я — реалист, и взгляд мой на жизнь учитывает все обстоятельства моей жизни. Нужно прежде всего жить. Митьку тоже втягивает действительность, но все же он еще не окончательно «отлип» от Франции, и это убого. Впрочем, я почти уверен, что в будущем, когда все то, что он знает о Франции, устареет и не будет иметь соблазнительной сочности и новизны, Митька вполне начнет жить нашей действительностью. А насчет черчения это действительно против-

¹однако.

но — плохо. Но я уверен, что исправлю и получу не ниже пос в четверти. Нам бы с Митькой 100 рублей — хорошо бы тогда отпраздновали мы праздники! Эх! гоп со смыком, это буду я-я! Соседка-наседка уезжает или 30го, или 31го. Это очень большое облегчение — потому что это страшно шумная семья, главным образом из-за детей, орущих и глупеньшей. Мать уехала встретиться с какой-то школьной подругой. По-моему, такие встречи всегда *répibles*¹ — хочется сказать, как изменились собеседники, но условности не позволяют этого делать. 5го кончается четверть. Кажется, три дня будут свободны. И то хлеб. Но если не будет денег, то будет скучно. А *propos*² — вышел очередной номер «Интернац. литературы» — нужно будет выпросить у Вильмонтов. Сейчас — 10 часов. Ложусь спать (*rien d'autre à faire*³).

29/X-40

Вчера началась война между Грецией и Италией. Италия предъявила Греции ультиматум. В этом ультиматуме говорится, что Греция неоднократно помогала Англии и что последние инциденты на греко-албанской границе вынуждают итальянское правительство занять на время войны некоторые части территории Греции. Греция отклонила ультиматум и сейчас же послала ноту английскому правительству с просьбой о помощи. Итальянские войска перешли границу и начали наступление. По американским сообщениям, англичане, после ожесточенного морского боя с итальянским флотом, заняли остров Крит и аэродром около Корфу. Уже начались первые воздушные бомбардировки греческой территории. Итак, началась новая фаза войны. Мне кажется, что итальянцы скоро займут Грецию. Интересно, что будут делать англичане. Неужели пролямзят, как пролямзили Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию. Они не сумели поддержать эти четыре страны против немцев. Может быть, в этот раз им удастся серьезно насолить итальянцам, увидим. Немцы продолжают бомбить Лондон и английские военные объекты с той же ожесточенностью. Но они не вторгаются в Англию. Англия все-таки сопротивляется и продолжает бомбардиров-

¹ тяжелы.

² Кстати.

³ другого делать нечего.

ки германских военных заводов. Кто кого возьмет? Очень трудно что-нибудь предположить. Во Франции Лаваль назначен министром иностранных дел. Рузвельт послал ноту Пэтену, в которой просит Францию не поддерживать Германию в ее войне против Англии и не вступать в эту войну. А американские газеты предлагают, в случае если Франция будет активно помогать Германии против Англии, занять французские владения в Карибском море. Посмотрим. По-моему, Америка сейчас усиливает свои стратегические позиции. 31го в Конц. зале Чайковского пойдет опера Рахманинова «Франческа да Римини». Не знаю, пойду ли я на «Лебединое озеро», или на эту оперу.

31/X-40

Позавчера был Муля. Его восстановили в партии. В течение 11 лет (29–40) он был из нее исключен, и два раза это исключение подтверждалось. А в третий раз (3^е заявление) он был восстановлен. Он показал нам свой партбилет. Я с ним решал задачи по физике – он совершенно не умеет их решать. Но это интересная штука, что он восстановлен в ВКП(б). Я этого никак не ожидал. Вчера был на «Лебедином озере» с Митькой. Королеву лебедей исполняла Семенова. Митька страшно ее любит и аплодировал до упаду. Я не люблю балета. Музыка Чайковского прекрасна. Переводы матери с болгарского вышли в «Интернац. литературе». Это первые вообще ее переводы, которые были бы напечатаны. Сейчас мать переводит какого-то чеха – тоже для «И.Л.». Возможно, что потом она будет переводить Мицкевича. Интересно: выйдет ли вообще, и если выйдет, то когда, книга стихов матери? Вчера получил четвертную отметку по физкультуре – хор. Я такой хорошей отметки и не ожидал. У меня – очередная неприятность, чреватая печальными последствиями: в субботу назначена контрольная работа по геометрии, а я в геометрии ни в зуб ногой. Пока по геометрии у меня стоит отметка пос. Если я получу, как и опасаясь, плохо по контрольной, то это мне грозит немедленным вызовом матери в школу и плохой отметкой по геометрии в четверти – все это очень серьезные неприятности. Мне непременно, абсолютно насущно нужно получить не ниже посредственно. Математик говорит, что нужно будет сделать задачи и доказать те-

оремы. Как я все это сделаю? Совершенно неизвестно. По черчению надеюсь получить пос. в четверти. Эта контрольная работа по геометрии в самом конце четверти здорово подкосила меня — я ее совершенно не ожидал и пренебрегал геометрией. Ну, ничего. Не стоит заранее себя хоронить. Послезавтра вечером надеюсь, что смогу написать, какую отметку я надеюсь выудить из геометрии. Я думаю, что в понедельник я узнаю отметку по геометрии. Лишь бы не плохо!

1/XI-40

Продолжаю беспокойно готовиться к контрольной по геометрии, которая будет завтра. Скучища! Сегодня — физика. Это противная штука. Возможно, что сегодня меня спросят по анатомии. Завтра должны спросить по литературе. Лишь бы не спрашивали по физике — ничего не знаю (ничего — преувеличено, но — мало знаю). В субботу познакомлюсь с какими-то двумя молодыми людьми, которые хотят со мной познакомиться. Один из них — сын бывшей маминой соученицы по гимназии, с которой она недавно встретила, другой — сын брата этой бывшей соученицы. Этим молодым людям просто интересно поговорить с юношей (sic), приехавшим недавно из-за границы. Они, кажется, не то студенты, не то в техвойсках. Во всяком случае, один из них скоро уезжает в Куйбышев. Увидим, представляют ли они какой-нибудь интерес. Бесспорно, что должны хоть какой-нибудь интерес представлять. Кажется, один из них в армии — это уже представляет бесспорный интерес — знать, как и что в армии. В общем, завтра с ними познакомлюсь. И завтра же контрольная. Vrr! ... Звонил Журавлеву. Он обещал оставить на послезавтра пропуск. Он будет читать «Кармен» в Конц. зале Б<ольшого> театра. Если он не забудет оставить этот пропуск, то мы с Митькой отправимся. Ида Шукст не представляет никакого интереса ни в каком отношении. Вчера наконец насадка и две крикливые девочки уехали в Умбу. Теперь в квартире тихо — это хорошо. Сегодня — черчение. Интересно, какую отметку получит мой шрифт (сделанный товарищем). Главная штука, что сейчас конец четверти и совершенно нет времени исправлять отметки. Интересно, выйдет ли книга стихов матери в Гослитиздате? Все маминны друзья и знакомые этого желают, но мне что-то не верит-

ся. Впрочем, включили же ее в план Гослита на 41^й год! Митька совершенно явно слишком привязан к Франции и Парижу. Я все время стараюсь ему вдолбить, что его слова «лучшие мои годы были в Париже» — чушь, что вся жизнь впереди, что нужно быть реалистом и понимать убожество той Франции, которую он любил. Та Франция доказала свою гнилость. Я, честное слово, не понимаю, как можно жалеть о мертвой Франции. Та Франция, которую обожает Митька, больше не вернется, пора бы ему понять это. И потом, это как-то убого: остановился человек на бывшем Париже, а дальше — ни с места. И не прогрессирует, и не набирает новых впечатлений, и не видит ничего дальше уже не существующего «веселого Парижа». Это — убого. Нужно понимать свое время, нужно постигать величие исторических переворотов, а не останавливаться, не начав своего пути. В конце концов, такое слепое обожание Парижа не что иное, как просто-напросто консерватизм. Я предполагаю, что только сильный творческий коллектив оторвал бы Митьку от его бесплодных воспоминаний. И вообще, просто смешно писать на эту тему: в СССР колоссальное количество явлений и событий, способных заинтересовать, привлечь и увлечь даже самых скептически настроенных людей?! Чрезмерный скептицизм (*genre blasé, j'ai tout vu*¹) — это просто глупость, особенно, когда человек ослеплен призраком города, как Митька. Нужно жить и иметь определенные цели. Митька эти цели себе примерно наметил, но это как бы побрякушки — он ими не интересуется, ими, главное, не живет, а живет опять-таки призраком Парижа. Я все-таки думаю, что что-нибудь вроде института заставило бы его интересоваться вещами, непосредственно связанными с его существованием, как стипендия, товарищи, профессора... Я, например, учусь в школе, и хотя культурный уровень товарищей гораздо ниже моего, все же я живо интересуюсь всеми явлениями, затрагивающими класс и школу, интересуюсь своими отметками и психологией товарищей — одним словом, живу. А Митька все приравнивает к Парижу, судит по-парижски и употребляет парижские манеры (как ходить по морозу без шапки — ведь глупо!). От Парижа я имею хороший вкус, иронию и любовь к городу — и больше ничего. Я Париж очень

¹ пресыщенность, мол, все это я видел.

люблю — но не боготворю все парижское, как Митька, и совершенно не смотрю на явления и события с парижской точки зрения, как это делает Митька. Я неустанно пропагандирую Митьку к живой жизни, прочь от воспоминаний. Сейчас буду завтракать.

2/XI-40

Вчера спросили четырех-пять человек — делать задачи — и никто не сумел. Этим пяти ученикам поставили плохо и оставили на 7^й урок учить уроки по физике. Самым последним был вызван я. Я тоже совершенно не умел решать эту задачу, но, к моему счастью, как только я что-то начал лепетать неопределенное, зазвучал спасительный звонок. 5го кончается четверть. Интересно, если меня спросят по физике 5го (как раз 5го и есть физика), будет ли отметка считаться за 1^{ую} четверть или за 2^{ую}? Надеюсь, что за 2^{ую} — потому что если я отвечу плохо, то всегда смогу исправить, а если за 1^{ую}, то уже не смогу (или вряд ли успею). Сегодня у меня решительная схватка с геометрией. Надеюсь, что все сойдет благополучно. У нас совершенно нет денег — Гослитиздат почему-то не платит — нету денег. Мы сейчас в бедственном положении. Мать массу переводит, а денег получить не может. Совершенно нету денег. Не знаю, как будет дальше. Сегодня мороз — и выпал первый снег. Все уже шныряют в шубах. Вчера познакомился с одним из молодых людей, о которых писал вчера. Это — сын маминой подруги, Сони Юркевич. Это — тяжелодум, очень добрый человек. Он — техник, ему 24 года. Он довольно образованный и скоро уезжает. Вчера мать его попросила притащить с ней полку для книг, которую подарил ей какой-то ее почитатель из Гослитиздата или что-то вроде этого. Полка — знатная. Этот молодой человек притащил ее сюда. Принес также штук 25 школьных тетрадей. Это — хорошо. Особого интереса этот молодой человек из себя не представляет. Он старообразен, говорит медленно. Он хороший человек, но не блестящ и умом (настоящим) не отличается. Сегодня я познакомлюсь с его двоюродным братом. Мне он кажется скучным. В Греции идут ожесточенные бои между итальянской наступательной армией и греческими войсками, которые защищают свою территорию упорно. Во Франции — мероприятия по распределению продовольствия и т.п. Вче-

ра в классе чертил и начертил на хорошо; но это не имеет значения, так как он, по-видимому, не поставит эту отметку в журнал. Думаю, что в первой четверти посик по черчению будет. Завтра с Митькой (позвонил) пойдём на Журавлева — *à défaut de mieux*¹. Хоть Журавлев — бесплатен — это уже очень хорошо. Увидим, как сегодня сделаю геометрию. Как говорят французские моряки, вступая в плавание: «*A Dieu Vat!*»²

4/XI-40

Вчера был с Митькой на Журавлеве: тот читал «Кармен». «Кармен» очень похожа на прозу Лермонтова. Вчера мать продала книг на 120 рублей. Познакомился позавчера с Асиком — двоюродным братом того, кто помогал нам с полками. В сущности, и Асик, и Андрюшок, хотя люди добрые, честные и услужливые, представляют интерес очень *relatif* (относительный). Они очень скучны, хотя и сердечны. Асик предложил мне звонить ему, если я не смогу решить каких-нибудь задач по физике — он их отборно решает. Будем иметь в виду. Мать выгрузила на полки два ящика книг. 4 полки заполнены ее книгами, 3 — моими. Таким образом, наша комната приняла культурный и симпатичный вид. Мы должны еще купить полку — ту, которую заказали у столяра Тагеров (200 р.). В эту полку мы выгрузим остальные два ящика, и комната наша будет тогда совсем обжитая и благообразная. Вчера, по случаю покупки (продажи т.е.) книг, я получил от матери 20 рублей, которые 15 истратил с Митькой на мороженое на ул. Горького и на буфет (яблоки) в Конц. зале Б<ольшого> театра. Вообще мы с Митькой любим больше антракты, чем спектакли. Страшно любим глазеть на проходящих и оценивать каждого по достоинствам. Вчера на Журавлеве была какая-то знакомая девица Митьки с каким-то молодым человеком. Митька, видно, *engageait*³. Я над ним издевался: «*Pauvre type, on t'a soufflé ta tête!*»⁴ Он сейчас же возненавидел своего «соперника» и нашел его «глупым». Какая это все чушь! Впрочем, я не скажу этого, когда увижу, что девушка, которая мне нравится, гуляет

¹ за неимением лучшего.

² *Здесь и далее*: «С Богом!», «На Божью волю!»

³ был в ярости.

⁴ «Бедняга, у тебя свистнули твою девку!»

с другим. Не знаю. Митька меня пригласил к себе 8го — в пятницу — на его именины. Мы с ним долго смеялись над тем, что «oui, ça sera dans un cercle d'intimes, souper fin au champagne, ensuite cabaret etc»¹ (sic). Он говорит, что будет его кузен. Возможно, что будет скука, увидим. Во всяком случае, нужно будет ему что-нибудь подарить. Очевидно, книгу. Он сам говорил: «Sans cadeau je ne te laisse pas entrer»². Думаю, что какую-нибудь книгу раздобуду. Вчера днем не мог с ним видетсья, потому что он целый день стоял за калошами, в которых вечером щеголял. Я над ним насмеялся, называя эти калоши «отступлением от парижских традиций». Я лично хожу без калош, в солидных парижских башмаках из моржовой кожи.

7/XI-40

Сегодня — XXIII^я годовщина Октября. Был на демонстрации. Масса народу, лозунги, знамена, музыка и солнце. Наконец-то окончился «геометрический психоз». Поставили пос. в четверти — то, чего я желал. «Геометрический психоз» длился все последние дни — боялся, что получу плохо. Сейчас — 4 ч. 15 мин. Через окно слышатся громкоговорители, передающие демонстрацию. Слышны крики «ура» толпы. Вечерняя розовая заря. Заметно темнеет. Слышатся марши и песни. Вчера Муля перевез сюда радиоприемник, который мы вчера же с матерью наладили. Вчера была привезена вторая полка (за 150 р.). Сегодня мать a déballé³ все книги и разместила их по полкам. Стоят пустые ящики. У нас завелись крысы. Мать говорит, что они грызут ее рукописи. Из нашего класса несколько человек напильсь («на праздник») и будут «пировать» сегодня и завтра. А приятно, что праздник! Праздники всегда дают хоть какое-то представление о счастье. Я обожаю écouter la musique des places⁴. Факт тот, что мне недостает une belle fille⁵. Но cela viendra⁶. Так что у нас теперь устроены книги и радио. Неужели нужно будет когда-нибудь

¹ «да, это будет в узком кругу, изысканный ужин с шампанским, потом кабаре и т.д.».

² «Без подарка я тебя не впущу».

³ достала из ящиков.

⁴ уличную музыку.

⁵ хорошенькой девочки.

⁶ это придет.

переезжать? Не стоит об этом думать. Я думаю, что подарю Митьке: Конституцию СССР – в изящном маленьком переплете, «Caprichos de Goya» (рисунки Гойи) и сборник анекдотов, mots и «pensees» de Voltaire¹. Сегодня после демонстрации виделся с Митькой. Заметно темнеет. Сегодня мать уйдет в 9 часов в гости к Журавлеву, и тогда я позвоню Митьке, чтобы он сюда пришел – поболтаем, покажу ему альбом карикатур Dubout. Демонстрация все продолжается. Nom d'une pipe, quand est-ce qu'enfin je ferai connaissance avec une fille bien? C'est ennuyeux d'attendre.² Митька говорит, что завтра будет пирог. И то хлеб. Кажется, демонстрация закончена? Думаю пойти сегодня к парикмахеру, если он открыт. Факт тот, что il me faudrait une femme saine pour connaître les joies de l'amour³. Но мне только 15 лет! – c'est peu, malheureusement⁴. Читаю неплохой роман: Кюррер Белль, «Джэн Айр». Зажег свет. Кроме Митьки, у меня нет друзей, и когда я смотрю на веселых юношей и девушек на площадях и улицах, мне делается горько, что я не могу веселиться. Ma foi⁵, получается что-то вроде complexe d'infériorité⁶. Но это все бред и пустяки. Я твердо верю, что в моей жизни настанет период счастья, полноценного и жаркого. Мне почему-то кажется, что если бы я поехал на какой-нибудь жаркий курорт, то там бы я нашел приятные минуты, и не только приятные минуты, но и такую совокупность событий и встреч, которая составляла бы счастье. У меня только неполноценные кусочки счастья. Я должен развернуться гораздо шире в моих знакомствах. У меня должна быть сеть отношений с людьми. А я – только школьник, ученик 8го «В» класса 335^й ср<едней> школы Красногвардейского района гор. Москвы Эфрон Георгий. Я, конечно, могу сказать, что я знаю писателей, критиков, общаюсь с очень культурными и образованными людьми. Я – культурный человек, долго жил за границей. Это все – отлично. Но подлинных человеческих отношений с молодежью у меня нет, и я чувствую себя неполноценным человеком. Я хочу сохранить только са-

¹ слова и «мысли» Вольтера.

² Черт побери, когда же я наконец познакомлюсь с подходящей девицей? Так скучно ждать.

³ мне была бы нужна здоровая женщина, чтобы узнать радости любви.

⁴ это немного, к сожалению.

⁵ Ей-богу.

⁶ комплекса неполноценности.

мое лучшее от Парижа — и отбросить тряпье назад. К чорту! У меня должны быть какие-то прочные отношения со сверстниками. Таких отношений я, наверное, не найду в школе. Как же тогда сделать? Действительно, это довольно ненормальное явление: 15-летний молодой человек Советской страны не имеет друзей! Это даже звучит как-то смешно (*vaguement ridicule: jeune homme cherche copains*¹) (sic). Это великая штука: видеть свои слабые стороны и уметь издеваться над самим собой. Есть же культурная и симпатичная молодежь, с которой я сошелся «тютелька в тютельку» бы! — Но я этой молодежи не знаю. Главное то, что я изолирован. Но, мой милый друг, не нужно *désespérer*², у вас жизнь впереди и т.п. Я это знаю — но трудно мне жить одному, без друзей и поддержки, кроме Митьки! Приходится рассчитывать только на себя. Передают неплохой концерт — Мендельсон, Бизе.

9/XI-40

Позавчера был Митька. Он сказал, что «*la chambre est confortable*»³, и жадно смотрел книги на полках (он страшный библиофил). 8го мы с ним пошли в оперный театр — посмотрели «Евгений Онегин» Чайковского. Мне не понравилось. Тем более, что Татьяну играла, как выразился Митька, «*une grosse dondon*»⁴ — что совершенно правильно охарактеризовало эту артистку. Вечером был у Митьки. К нему пришли два его троюродных (или двоюродных) брата, и мы забавлялись детскими играми (кто напишет на определенную букву большее количество имен знаменитых людей и т.п.). Был неплохой пирог. С бабушкой я не виделся — она больна. Была также Лидия Максимовна Бродская. Можно сказать, что мы могли провести вечер бы хуже. Недавно одолжил Митьке книгу Хаксли «*Le petit mexicain*». Он мне ее отдал и вчера одолжил «*Histoires de Brigands*» par Louis Guilloux. Я ему сегодня тоже что-нибудь одолжу. Будем одалживать друг другу книги. Я сегодня должен с ним встретиться к двум часам у станции метро «Дзержинская». У меня здорово болит один

¹ довольно смешно: молодой человек ищет товарищей.

² отчаиваться.

³ «комната удобная».

⁴ «толстая тетёха».

проклятый зуб. Сегодня вечером придется мне с матерью тащиться к ее подруге Соне — та хочет (и ее брат Петя Юркевич также) со мной познакомиться и т.п. Вот скучища-то! Авось будет что-нибудь вкусное к чаю — только в таком случае для меня этот визит себя оправдает. Прочел замечательную повесть Эрскина Колдуэлла «Случай в июле», напечатанную в последнем номере «Интернац. литературы». Митька говорит, что он любит только ту Францию, которой она была, когда он оттуда уезжал (на мое замечание о том, что теперешняя Франция — отнюдь не та, которая была, когда мы уезжали, и что любит он, в сущности, мертвеца). Я считаю, что нужно любить живых девушек, а не мертвых. Я не хочу вновь повторять одно и то же: что это недостойно современного культурного человека — остановиться, не идти дальше и вспоминать. Все, что я могу сделать, это убеждать Митьку в неправильности, нелепости, несовременности и консерватизме его суждений о Франции. Я считаю, что статья Пьера Николля, помещенная в последнем номере «Интернациональной литературы», вполне правильна, и я полностью с ней солидаризируюсь. Конечно, французская культура была гнила! Да, мы этой гнилью питались, да, Монпарнас на нас имел действие исключительно сильное, да, и мы вкусили разложенческой настойки. Но ведь пора бы увидеть и понять, что все это стоило, как было все это вредно?! Я это понял и навсегда порвал и расстался с парижской расхлябанностью и пошлятиной. Нужно понимать свои ошибки и исправлять их. Я и понял, и исправил. А Митька продолжает питаться Парижем 37го года! Парижем умершим, отжившим. И, главное, эта любовь и привязанность только к одному Парижу доказывает, что Митька любит Париж только счастливой эпохи, а Париж теперешний не хочет знать. Я больше люблю Париж, потому что я люблю его таким, какой он есть сейчас. А Митька любит только определенную эпоху Парижа. Он любит не подлинную культуру Франции, а ее внешний лоск — культуру кафе.

Тот же день

Слушаю джазовую музыку с какой-то заграничной радиостанции. О джаз, джаз! Как я тебя люблю! Это очень хорошо — иметь радиоприемник. Сегодня встретил Митьку на станции метро «Дзержинская». Он шел с Маросейки, где помещается

общезитие студентов Ин-Яза. Митька говорит, что в Ин-Язе много красивых девушек. Он хвастает тем, что знает некоторых из них. Он теперь говорит о том, что он, может быть, пойдет в ГИТИС (театральное училище — институт). Я думаю, что он это говорит просто так. А действительно интересно знать: что за публика в Ин-Язе? Митька говорит, что там преобладают девушки. Но он говорит, что сам там учиться не будет. Он говорит, что поступит в ИФЛИ в аспирантуру — и когда-нибудь будет профессором. Гм... скучища! Хотя, если это его интересует... Завтра — школа. Непременно нужно будет познакомиться с какой-нибудь девушкой. Не сейчас, так когда-нибудь. С Иэтой, Майей и Мирэль я больше не вижусь — я больше не занимаюсь живописью и рисованием и буду себя чувствовать *envers elles*¹ немного виноватым — в то время я так занимался «вопросами творчества», столько с ними обо всем этом говорил, советовался, что теперь как-то совестно. Да и отпадает *sujet de conversation*² — для меня живопись и рисунок перестали быть кумирами — я теперь этим не занимаюсь — хотя и интересуюсь *de loin*³. Зимбумбум, зимбумбум. А сегодня тащиться к этой Соне Юркевич. Скучища! А впрочем, может быть, будет не так уж плохо. Может быть, что-нибудь будет вкусное (*sic*). А завтра — начинается новая четверть. Я думаю, что отметки в ней будут не хуже отметок в этой четверти.

11/XI-40

У нас совершенно нету денег. В Гослитиздате почему-то задерживают платежи, и там трудно получать деньги; новых переводов у матери нету; лавка, где она продает свои книги, закрыта на учет; а про запас ничего нет. Звонила Тагерам — они говорят, что находятся в таком же положении. Сейчас мать поедет на квартиру к Барскому — он обещал оставить ей немного денег. Деньги вообще нужны, и в частности оттого, что и мать и я хотим приобрести фотокарточки нашего класса (и я там), снимавшегося недавно в физкультурном зале. Это просто интересно — у меня есть фотографии школьного клас-

¹ по отношению к ним.

² тема для разговоров.

³ издалека.

са во Франции, и будет в СССР. Это очень интересно сопоставить будет эти фотографии (как я изменился с тех пор). Вчера довольно противно началась четверть — хотя получил отлично по-французски и неплохо ответил по истории, я отвратительно ответил по геометрии — не сумел решить архи-идиотской задачи. Преподаватель тогда не поставил плохо в журнал, но возможно, что он это сделает. Он сказал: «Плохо решаете задачу» и т.п. Все, что я знаю, это что я старался, но у меня ничего не вышло. Неужели опять начнется «геометрический психоз»? Я думаю о том, сколько энергии уходит у меня на решение гнусных задач, на беспокойство об отметках, на «психозы» и т.п.! А факт тот, что этот колоссальный (я это подчеркиваю) расход энергии мог бы идти на гораздо более полезные для меня вещи (например, на литературу). Сейчас я нахожусь в преотвратительнейшем расположении духа. Сегодня — опять геометрия, и я не сумел решить заданные задачи — это одно. Второе это то, что этот гнусный зуб болит не на шутку, и я себя от этого плохо чувствую. Я решил этот зуб вылечить — я хочу сохранить хорошие зубы. Ничто так не портит внешнего облика человека, как желтые, гнилые зубы. Оттого я предпочитаю немного пострадать от иглы бормашины, чем потом жаловаться всю жизнь на самого себя. Наведу справки в школе насчет школьного врача и моей возможности лечить у него зубы. Да, я в мрачном настроении. Сейчас передают по радио 3^ю (Шотландскую) симфонию Мендельсона.

12/XI-40

Ô joie! J'écoute en ce moment un excellent, joyeux et entraînant jazz anglais (ou bien américain). Rien de tel que le jazz pour vous remettre d'aplomb. Tout à l'heure j'ai écouté en français une interview du prof. Piccard (à propos de sa sphère). Je ne sais si j'entendais une chanson française (émission) ou bien belge. En tous cas on parlait français. Maintenant on chante en pur anglais «a charming new song». C'est vraiment parfait d'avoir la radio. C'est vraiment «a charming little song», ce qu'ils chantent avec le jazz maintenant. Tout de même, c'est une aubaine d'entendre du jazz anglais! Hier j'ai eu très bien en chimie. Aujourd'hui, j'ai eu très bien en littérature (je parlais du classicisme français). Ah, mais il est vraiment parfait ce jazz! ma

mère est partie chez Barsky. Hier elle a reçu des traductions à faire (d'Ivan Franko). Ah! Voilà maintenant un jazz joyeux et burlesque. Demain j'irai écouter la 1e symphonie de Tchaïkovsky au kontzertny zal. Je téléphonerai à Mitka pour savoir s'il a du pèze pour acheter un billet pour demain. De jour en jour, l'algèbre et la géométrie deviennent plus difficiles. J'ai reçu mes quatre photos de notre classe. J'en ai donné deux à ma mère — et deux pour moi. Je suis très réussi sur cette photo. (Ma chère, l'air distingué, ma foi)¹

Зуб прошел (как говорится, тьфу-тьфу, не сглазить). Теперь они по радио острят. Довольно любопытно — у них война, а они все-таки острят. Что я люблю, так это «the swing music»². Прочел неплохой роман — Jane Eyre, by Currer Bell. И прочел отличный роман в «Интернациональной литературе» — «Автобиография прохвоста» by Mc Donnell. Это — замечательная социальная реинтура³. Наркоминдел В.Молотов поехал в Берлин. В Греции — ничего особенного, т.к. дожди затрудняют военные операции. Вообще не происходит ничего интересного (du moins visiblement⁴). Мать почему-то не хочет, чтобы я читал Пруста. О чудо чудес! Слышу хороший джаз по станции ВЦСПС. Décidément⁵, да здравствует джаз!

¹ Какая радость. Сейчас я слушаю прекрасный, веселый и увлекающий английский джаз (или американский). Нет ничего лучше, чем джаз, чтобы тебя поставить на ноги. Только что слушал по-французски интервью профессора Пикара (по его специальности). Не знаю, была ли это французская песня (передача) или бельгийская. Во всяком случае, говорили по-французски. Теперь поют на чистом английском «прелестную новую песню». Действительно здорово иметь радио. И это действительно «прелестная песенка» — то, что сейчас поют под джаз. А все же, какая удача — слушать английский джаз. Вчера я получил отлично по химии. Сегодня я получил отлично по литературе (я говорил о французском классицизме). Да, великолепный джаз. Мать ушла к Барскому. Вчера она получила работу (переводы Ивана Франко). А! вот теперь идет джаз веселый и комический. Завтра я пойду на 1^{ую} симфонию Чайковского, в Концертном зале. Я позвоню Митьке, узнать, есть ли у него шиши, чтобы купить билет на завтра. Из дня в день алгебра и геометрия становятся труднее. Я получил мои четыре фотографии нашего класса. Я дал две матери, две оставил себе. Я очень хорошо вышел на этой фотографии (моя дорогая, у меня, пожалуй, весьма изящный вид).

² «музыку свинг» (англ.).

³ картина.

⁴ по крайней мере, явно.

⁵ Решительно.

14/XI-40

13^{1^ю} утром встретился с Митькой. Он мне принес книгу Козина «Повесть многих лет», которую я ему одолжил. Я ему одолжил книгу Джером-Джерома «Mes enfants et moi» и возвратил ему «Histoires de Brigands». Он мне одолжил книгу Жида «L'immoraliste». Эта книга очень хорошо отражает нравственное разложение и кризис интеллигентских слоев буржуазии современной Франции. Я все время упорно твержу, что во Франции происходит серьезнейший процесс разложения умов, нравственного блуждания и нигилизма. Я прав. 13^{1^ю} вечером слушал (по абонементу) 1^ю симфонию Чайковского, арию из оперы «Опричник» и увертюру-фантазию «Ромео и Джульетта» (того же автора). 1ая симфония m'a pas trop emballé¹, арии же из опер и увертюра «Ромео и Джульетта» были превосходными. Мне доставляет в Конц. зале большое удовольствие разглядывать публику. И Митька тоже обожает этим заниматься. Много интересных типов. Вчера получил дневник и четвертные отметки. Отметки лучше, чем я ожидал: 2 посредственные (по физике и геометрии), 7 хорошо (русский яз. письменный, черчение, физкультура, литература, химия, алгебра и история) и 4 отлично (поведение, французский, география и анатомия). В общем, как говорится, порядочек. Сегодня утром я созвонился с Митькой и встретился к 12 час. с ним в вестибюле чит. зала иностр. литературы. Он мне возвратил «3 hommes en Balade» и одолжил книгу Жозефа Кесселя «La Rose de Java». Я же ему одолжил «3 hommes en Balade». Вчера меня спрашивали по геометрии — я получил посредственно. За сочинение на тему: «Связь «Слова о полку Игореве» с народной поэзией» я получил отлично (2ое отлично за сочинение — другое я получил за сочинение в классе). Отлично по химии, посредственно по геометрии, отлично по литературе — вот как складываются первые мои отметки второй четверти. Лишь бы не получать плохо. Я еще не знаю, что мы с Митькой будем делать в воскресенье. Митька хвастает тем, что в даче, куда он ездит раз в неделю, чтобы «дышать свежим воздухом», он спит с немкой, которая ему преподает немецкий язык. Он говорит, что ее предупреждает, она едет на дачу, et ils couchent ensemble².

¹ мне не слишком понравилась.

² и они вместе спят.

Врет он или нет? Я склонен думать, что он врет. Что он действительно на дачу ездит — это факт. Я сам вчера утром провожал его до поезда. Но возможно, что немка — миф. Мать продает книги. Сейчас 10 часов 35 мин. вечера. Играет джаз Дунаевского. Сейчас лягу спать. Мать читает «Un héros moderne» de L.Bromfield. (Au cul les «tableaux de famille»!¹)

16/XI-40

Чудеса в решете! Сегодня, на 5^м уроке, нам сообщили, что 9 человек — и в том числе я — переведены в 1^ю смену (утреннюю — начало занятий в 8 ч. 30 мин.). А в бывший класс прибавляется 13 человек. Так что 18го я пойду в школу утром. Не знаю, радоваться ли мне или нет. Во всяком случае, переведен не я один, а еще со мной несколько неплохих товарищей. On fera équipe². Сегодня получил второе отлично — по-французски. А все-таки здорово интересно, что я переведен! Никто этого никак не ожидал. Возможно, что это имеет целью разбить «ядро» четырех человек, которые ничего не делали и хулиганили. Интересная штука! Прочел «Розу Явы» Жозефа Кесселя. Очень увлекательная книга, но все же она свидетельствует очень красноречиво о крайнем разложении капиталистического мира. Меня и еще одну девочку перевели в 8^й «А» как лучших учеников класса (очевидно, потому, что 8^й «А» слабоват). Трех человек перевели, чтобы разбить пресловутое «ядро» второгодников. Enfin, on verra³, как я там буду себя чувствовать. Вот только неприятно, что придется (кроме Чайковского) рано ложиться. Зато гораздо больше будет оставаться свободного времени. Сегодня придет к нам Н.Я.Москвин с женою. Вот только неприятно, что придется рано вставать. Интересно, что смастерим мы завтра с Митькой. Нужно будет утром готовить уроки, так как промежутка между вставанием и хождением в школу больше не будет (как во 2^й смене). Возможно, что будет легче с Митькой общаться в те дни, когда он не учится.

¹ В ж... «семейные картины»!

² Так что будем вместе.

³ Ну, увидим.

17/XI-40

Сегодня к 11 часам звонил Митька. Он говорит, что до 4 часов занят «серьезными делами» (?), а к 4 часам мне позвонит. Выходной денечек выдался из прескучных: утром делал уроки, потом рисовал какую-то мерзость, сейчас (1 ч. 30 мин.) буду завтракать. Скучища: *voilà le sentiment qui me domine*¹. Уж лучше ходить в школу: по крайней мере, это лучше, чем слоняться по улице Горького по букинистам и ничего не покупать (как это мы делаем с Митькой). Вчера был Москвин с женою. Пили вишневку. Принесли две бутылки вишневки, крабов и яблок. Мать подарила Москвиной *collier de coraux*². Вчера вычертил чертеж. Татьяна Николаевна (жена Н.Я.) рассказывала, что провела каникулы в Коктебеле и жила вместе с «одной вашей знакомой, Майей Левидовой». Сегодня мать мне говорила, что неудобно так отмежевываться от людей, как я это сделал с Левидовыми, что непременно я должен их навестить и т.п. Я считаю, что я для них представлял какой-то интерес постольку, поскольку я, как и Майя, занимался «Искусством». А теперь я все это бросил к чортовой матери и *j'aurai bel air*³, если скажу там, что больше не рисую и живописью не занимаюсь! Я сам тогда так носился со своими рисунками, так все это «переживал», что теперь мне будет просто совестно перед ними. Кроме того, мне кажется, что я для Майи просто перестаю представлять какой-либо интерес *du moment que je ne m'occupe plus de ce qu'elle s'occupe*⁴. Мои физические качества и разговор не в состоянии внушить интерес. *En un mot*⁵, я считаю, что я для них представлял интерес, интересуюсь тем, чем интересовалась Майя. Я перестал этим интересоваться — и тем самым перестал их интересовать. Возможно, что ошибаюсь и что все это не так, *mais je ne veux à aucun prix courir le risque d'airs déçus et de mines déconfites (rien de pire)*⁶. С Мирэль Шагинян я бы охотнее встретился; но опять завязывать знакомство мне не

¹ это чувство во мне преобладает.

² коралловое ожерелье.

³ буду выглядеть глупо.

⁴ если я больше не занимаюсь тем, чем она.

⁵ Одним словом.

⁶ но совсем не хочу увидеть разочарование и кислые лица (нет ничего хуже).

хочется, по-моему, игра не стоит свеч. Вообще говоря, что это за тип: 15 лет, 8-классник и т.п.? Я думаю, что не представляю никакого интереса. Я знаю, что мне осталось много сделать, чтобы окончательно выковать себя, — набраться самоуверенности, вежливости, вырасти и т.п. Потому что вообще — 8-классник, это звучит несерьезно. И я знаю, что мне осталось несколько лет, чтобы свободно вращаться в любой среде. Я знаю, что еще недостаточно отесан. И вообще, какой я могу интерес представлять? Ничего блестящего нет ни в моем разговоре, ни в моей наружности. Возможно, что есть замечательные «внутренние запасы», но запасы только внутренние ни к чорту не годятся. *Il me reste beaucoup à faire. Au fond, je suis un pauvre type.*¹ Но я добьюсь чего хочу — у меня есть воля и ум. Я умею ждать. В 15 лет нельзя быть законченным молодым человеком со сноровкой. Пока нужно довольствоваться скукой и школой. Но с каждым годом я расту во всех отношениях, умнею и лучше смотрю на вещи и события.

18/XI-40

Сегодня занимался уже в новом классе. 3 человека из 9 переведенных уже перевелись (по собственному желанию) обратно во 2^ю смену. Я же решил остаться — слишком легко уйти обратно. Нужны же иногда перемены. Преподаватели довольно противные. Был урок черчения, и я абсолютно ничего не понял. Надеюсь, что до следующего урока какой-нибудь товарищ даст мне свой чертеж и я начерчу все как следует. Был на дополнительных уроках по математике — потому что ничего не понял на уроках алгебры. Спорил сегодня с одним <В этом месте внизу страницы запись рукой М.Цветаевой: «Я дарю Коту красный с синим карандаш May»> довольно развитым и довольно культурным одноклассником. Он клеймил Маяковского, а я, наоборот, защищал (если вообще можно защищать его). Нужно будет к этому типчику присмотреться — возможно, что он представляет какой-то интерес. Он говорит, что как-то разговаривал с Пастернаком. Читал Шекспира, Драйзера, ругал меня, что я не читал Толстого. Одна девица из нашего класса перешла в 1^ю смену в мой класс. Когда мне в классе почему-либо неприятно, то я сейчас же сам себе жму руку и го-

¹ Мне много чего нужно сделать. По существу, я — жалкий тип.

порю себе, что я не только ученик такого-то класса, но что я и человек, что я много видел, что я умен и культурен, что, как-никак, *je vaux mon pesant d'or*¹; что школа когда-то кончится – что она тяжелый, но необходимый этап в моем жизненном пути; что будущее всегда хорошо и что настоящее могло бы быть хуже и т.п. Я должен добиться того, чтобы школа меня всецело не поглощала. Не съедала всю мою энергию. Я должен быть реалистом и строго разграничить школу с личной жизнью. Я был в шести классах и могу сказать, что школа мне принесла некоторые знания (главным образом в области литературы), но основной костяк – это костяк не школьный, а личных наблюдений, выводов и стараний. Дело в том, что в школе (на уроках) я все время осознаю, что в смысле знаний я... того, не очень, *il en résulte une sorte de complexe d'infériorité*². А на переменах, в общении с людьми, я осознаю мою силу и культуру. Мать сегодня звонила в «Интернац. литературу», чтобы получить завтра деньги. Оказывается, там не платят почему-то, так что *pous voilà de nouveau sans le sou*³. Вчера Митька был весь день занят (потом он рассказывал, что он был у какой-то будущей профессорши – 26 лет – и так как она его кормила обедом, он не мог уйти – это я вполне понимаю). Увидеться с ним смог только к 9 часам (у ст. метро «Охотный ряд»). Я ему одолжил «3 hommes en Bateau» (Джером Джерома), он же мне отдал «3 hommes en Balade» (того же автора). Муля не дает признаков жизни. Читаю «Un héros moderne» Бромфильда.

19/XI-40

К нам перевели еще 3 человек из 8го «В» (бывшего нашего класса). Так что нас теперь 8 человек «коренных». Завтра будем писать сочинение. «Новенькие» (т.е. мы) будем писать о Мольере, другие о Кантемире и Фонвизине. Сегодня нужно будет повторить Мольера. Сегодня была необыкновенно противная геометрия. Кажется, насчет черчения дело на мази: когда товарищ чертеж сделает, то принесет его мне, и я счерчу. Я ни на минуту не забываю о том, что не должен получать

¹ у меня есть золотой запас.

² выходит нечто вроде комплекса неполноценности.

³ мы опять без гроша.

плохих отметок. Но я меньше учусь. Пока еще ни по какому предмету меня не спрашивали. Боюсь я физику, геометрию, алгебру и черчение. Здесь черчение труднее, чем в том классе. Придется в школу выходить пораньше, а то слишком долго приходится торчать в очереди в раздевалку. Сегодня был у Лили, откуда привез 4 словаря наших на продажу. В Греции — ожесточенные бои. Итальянцам приходится очень туго. Да, придется подвызубрить Мольера на завтра. Между прочим, я и не надеюсь получить отлично в третий раз. *Ce serait trop beau pour être vrai*¹, как говорится. Шлепал по грязи со словарями. Возможно, что мать получит сегодня деньги в Гослитиздате. Прочел в «Правде» интересные статьи Моруа «Как Франция проиграла войну».

20/XI-40

Я все время плаваю на маленькой лодочке среди опасных рифов, именуемых плохими отметками. Завтра — уроки алгебры и геометрии. Из пяти примеров по алгебре у меня вышел только один; по геометрии задачу я не сделал (хоть теорему и выучил). Возможно, что оставят на 7^й урок — если так выйдет. Надо быть начеку. Вообще меня беспокоят четыре предмета: алгебра, геометрия, физика и черчение. По этим предметам у меня наиболее шансов получения плохих отметок. Завтра алгебра первый урок, интересно, что она скажет, когда увидит, что я сделал только 1 пример из пяти? Наверное, скажет, что я должен посещать дополнительные занятия. Интересно, кто из «ядра» сделал все эти примеры? Интересно, какие будут отметки 2^й четверти? Я уверен, что отличных отметок будет меньше, а посредственных больше. Дело в том, что я исключительно не способен к математике. Еще посредственные отметки — это хорошо! Лишь бы не иметь плохих. Трудности увеличиваются, не в пример моим способностям. Бред! Сколько я трачу энергии на понимание математики, которая мне совершенно не понадобится в жизни! С какой пользой изучал бы я литературу! Но лучше об этом и не думать. Опять-таки, нужно быть реалистом. Как говорится, «у меня абсолютно нет математического мышления». Просто-напросто, сидя в классе и примерно

¹ Это было бы слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

слушая урок, я вижу, как другие понимают, а я ничего не могу понять, так что понятие о моей неспособности к математике не является самовнушением или мифом. Последнее время у меня здорово болит голова от усиленного учения. Сегодня писали сочинение. Все писали на тему о Фонвизине и Кантемире, а «новеньким» дали 3 темы на выбор о Мольере. Я выбрал тему «Образы дворян в «Мещанине-дворянине» Мольера». Написал 6 с 1/2 страниц. Другая часть «ядра» написала гораздо меньше (максимум две-три страницы). Опять-таки на отлично ничуть не надеюсь. Что противно, это то, что мои два отлично по литературе и отлично по химии идут насмарку (потому что теперь я в 1^й смене). Юрий Сербинов, как оказалось, не представляет такого интереса, как мне вначале показалось. Я серьезно беспокоюсь, как пойдут дальше мои дела по черчению. Согласится ли товарищ мне давать свой чертеж, чтобы я по нему делал свой? Чорт его знает! Во всяком случае, он обещал к завтра-послезавтра принести чертеж, по которому я начерчу, что надо. Но согласится ли он и в дальнейшем давать мне свои чертежи? Дело в том, что мне всегда нужно будет получать их до воскресенья (в понедельник урок черчения), а товарищ может сказать, что он не смог их сделать. Сложная штукаенция. Я прекрасно понимаю, что все это беспокойство имеет ублюдочный вид, но опять-таки надо быть реалистом. Вчера в Гослитиздате опять ничего не выдали матери, так что мы сидим на чечевице и препротивных компотах. Сегодня звонил Митьке — он заболел гриппом, простудился и лежит с высокой температурой.

21/XI-40

Сегодня спрашивали по географии — получил хорошо. Раздавали сочинения. Преподаватель литературы сначала спросил, второй ли я год учусь в 8^м и что я, наверное, старше своих сотоварищей, на что я ответил, что учусь в 8^м я 1^й год и что мне 15 лет. На что он сказал, что мое сочинение является замечательным и из ряда вон выходящим, что я владею формой. Получил хорошую отметку — потому что были ошибки по содержанию (1 ошибка) и две ошибки по стилю. Больше он мне поставить не мог. То, что он публично похвалил мое сочинение и нашел его «из ряда вон выходящим и исключи-

тельным», а *singulièrement renforcé ma réputation*¹ и авторитет среди товарищей. Плохая весть — в понедельник будет контрольная по алгебре. Я почти уверен в том, что получу плохо. Возможно, что завтра кто-нибудь принесет чертеж (я обратился за этим отдельно к двум товарищам — кто-нибудь из них да принесет). Я начинаю пожинать плоды своей предусмотрительности — сегодня 3 человека из «новеньких» получили плохо по алгебре, потому что они ничего не сделали (по домашнему заданию). Я же сделал только одну задачку, но эта математичка меня и тех, кто были на дополнительных занятиях, не проверила, а тех, кто не был на занятиях, проверила, и таким образом эти 3 человека (или даже 4) получили плохо. По геометрии не спросили, так что всё в порядке. Послезавтра — довольно паршивый день — алгебра, физика и геометрия, и по всем трем предметам меня могут спросить. Мать теперь мне каждый день закатывает сцены о том, что я совсем не выхожу на воздух, что я наживу (если еще не нажил) туберкулез, что нужно «дышать минимум два часа» и т.п. Пусть меня осмотрит врач — тогда увидим. Сейчас мать должна поехать к Лиле за чем-то. Я уже сделал два примера по алгебре и предполагаю сделать еще один (чтобы разгрузить завтрашний день). Сегодня слушал хорошие концерты Листа и Рахманинова.

22/XI-40

Один товарищ-сопартник обещал принести мне завтра свой чертеж. В школе — скучновато. Никто из товарищей не представляет настоящего интереса. Все это очень хорошие ребята, жизнерадостные, но интересующиеся совсем не тем, чем я. Например, у нас в классе — повальное увлечение шахматами. Все буквально сходят с ума по этой игре, бегают весь класс с какими-то табличками и т.д. Шахматы очень близки к математике, оттого меня они совсем не интересуют. Сегодня опять был на дополнительных занятиях по алгебре. Итальянская сводка признает, что итальянцы были вынуждены отступить из Корчи (албанская граница), и признают, что понесли большие потери. Это здорово, что греки так упорно сопротивляются итальянской экспансии и даже бьют их! Интересно, как закончится эта греко-итальянская война. Слушал, по-моему, са-

¹ сильно укрепило мою репутацию.

мый лучший советский джаз — джаз ВРК (Цфасмана). Завтра физики не будет — она была сегодня (переменили расписание). Так как мать успешно продала несколько книг, то я получил 20 рублей. Мне очень жалко Митю, что он болеет. Возможно, что что-нибудь ему чиркну. Слушаю неплохое «Трио № 7» Бетховена (хотя вообще я Бетховена не люблю, так же, как и Баха). Сегодня буду слушать 2^й концерт декады советской музыки (трансляция из Конц. зала им. Чайковского).

24/XI-40

Вчера почти все время чертил. Хотя я и «скалывал» с чертежа, но пришлось начинать сначала два раза и тратить на это хорошую бумагу. В результате получился довольно корявый чертеж, но уж в третий раз «скалывать» я не стал. Думаю все-таки, что получу не меньше пос'а. Остальную часть — вечер — употребил на вызубривание стихотворения Державина «Памятник». Вызубрил до основания. Было бы смешное дело: если бы обо мне говорили педагоги класса, то они бы сильно разошлись в своих мнениях. Одни бы говорили (математичка), что я не по летам неспособный к математике, другие говорили бы о моей незаурядной способности к литературе, третьи бы утверждали, что я замечательно сижу на уроках, не шелохнувшись, четвертые бы говорили, наоборот, о том, что я ерзаю на своем месте и разговариваю. Вчера звонил Митька. Он говорит, что выздоровел от гриппа, но что еще не может выходить, и попросил меня зайти к нему и принести что-нибудь почитать. Так как сегодня воскресенье, то я свободен весь день и зайду к нему. Мы по телефону хвастались сочинениями — он хвастался «Вишневым садом», а я Мольером, точно мы все это писали. Продолжаются ожесточенные бомбардировки Лондона и промгородов Англии. Да, англичанам приходится очень плохо. Немцам — тоже неважно, но и не так бомбят. В Греции (или, вернее, в Албании) происходят ожесточенные бои. Румыния и Венгрия присоединились к пакту трех держав (Япония, Германия, Италия). Мне что-то чудится, что для нас это не пахнет хорошим запахом. Посол СССР в Германии (полпред) Шкваркин освобожден от обязанностей. На его место назначен заместитель наркоминдела (Молотова) Деканозов. Мать переводит Мицкевича («Ода молодости»). Вчера по

радио слушал много хорошей музыки — Мендельсон, Глазунов, Прокофьев. Я считаю марш к опере Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» замечательным произведением. Вот это я понимаю! А Шостаковича я не люблю. Слушал хороший фортепианный концерт Юровского. Я не люблю вещей без мотива. А завтра — опять тащиться в школу. Интересно, как я напишу пресловутую контрольную по алгебре? Гмм... не знаю. Совершенно нечего читать, кроме Эдгара По. Эдгар По — хороший автор, его всегда интересно читать. В школе — скучновато.

25/XI-40

Был у Митьки. Видел его сестру Софу (11 лет) и бабушку. У Митьки — неплохая библиотека классиков. Одолжил 2 книги — «Le Jordaан» par Israel Querido и «Le brave Soldat Chveïk» par Jaroslav Hašek. Чинно пили чай с бабушкой и говорили о погоде. Митька действительно от гриппа выздоровел. Все-таки Митька, несмотря на существенные недостатки, может быть в своей области полезным для общества человеком. Все-таки он живо интересуется западной литературой и готов расширить свои знания. Купил сегодня хрестоматию по литературе для 10го класса — таким образом, у меня есть учебник Тагера и Поляка и хрестоматия. Я решил заниматься литературой — изучать ее *à fond*¹. Меня исключительно интересует критика западной литературы. Был недавно у Тагеров (вчера). У него есть преинтереснейшая книга — III^й том «Истории западной литературы нового времени» Франца Шиллера (1937 год). Но Тагер работает в пединституте, ему самому нужны эти книги. Возможно, что у Митьки есть эта книга. Читал сегодня в «Правде» исключительно хвалебную рецензию на квинтет Шостаковича — нужно было бы это послушать. Я теперь очень стал интересоваться советской музыкой. Жалко, что вследствие 1^й смены я не могу ходить на концерты декады советской музыки. Но слушаю, что передают по радио. Тагер одолжил на несколько дней «Мелкий бес» Сологуба. Сегодня получил отлично по литературе и пос по черчению. Сделал контрольную по алгебре. Как будто из четырех примеров два сделал правильно. Поставят посредственно или плохо? — Вот that is the question.

¹ досконально.

30/XI-40

Вчера зашел сотрудник из НКВД — взял теплые вещи для Али. Очевидно, у нее ее старые вещи износились и нужны новые. Получил отлично по литературе и истории и хорошо по диктанту. Вчера виделся с Митькой.

Nous avons bouffé des glaces en quantité industrielle — rien de mieux à faire, étant donné l'état précaire de nos finances. Lui aussi a des «отлично» en littérature. Il est absolument manifeste que la mauvaise influence vient de son frère, Aliocha. Il est un fait qu'Aliocha voulait continuer en URSS «la ligne parisienne» et ne pensait qu'aux distractions. Mitka m'a raconté une «orgie» qu'a organisée Aliocha: «on buvait, on mangeait, puis ensuite on baisait les femmes et ensuite on recommençait»... Tout un programme! Нужно сказать — в заслугу Митьки, что он говорит, что «il était dégoûté au petit matin et ne regardait les filles qu'avec dégoût. Mitka dit que c'est la seule «orgie» à laquelle il ait participé. Ils étaient quatre hommes qui y prenaient part: Митька, Алеша, Миля Фурман et encore un type au nom ukrainien. Ce récit de cette orgie montre bien la ligne que проводил Aliocha — ligne parisienne s'il en fut. Il est évident que le плохое влияние vient d'Aliocha. C'est du Paris mal compris et mal dirigé. On s'est bien marré avec Mitka hier.¹ Сегодня я получил — о счастье! — хор. Минус единица — т.е. пос — по алгебре. Для меня это было большой радостью, т.к. я очень боялся, что напишу на плохо. Il faut dire que je commence à en avoir drôlement assez de ma virginité! mais dans ce sens jusqu'ici — rien à faire. Aujourd'hui j'ai été au ciné, j'ai vu «Le Retour».²

¹ Жрали мороженое в промышленном масштабе — ничего лучшего не оставалось ввиду плачевного состояния наших финансов. Он тоже получает «отлично» по литературе. Совершенно ясно, что плохое влияние идет от его брата Алеши. Конечно, Алеша хотел продолжать в СССР «парижскую линию» и думал только о развлечениях. Митька мне рассказал об «оргии», устроенной Алешей: «Пили, ели, а потом трахали женщин и затем начинали сначала...» Ведь это целая программа! Нужно сказать — в заслугу Митьки, что он говорит, что ему стало на рассвете противно и он смотрел на девок с отвращением. Митька говорит, что это единственная «оргия», в которой он участвовал. Их было четверо: Митька, Алеша, Миля Фурман и еще один тип с украинской фамилией. Рассказ об этой оргии явно показывает линию, которую проводил Алеша — вот уж парижская, действительно. Совершенно ясно, что плохое влияние идет от Алеши. Это Париж — плохо понятый и плохо управляемый. Мы здорово провели время с Митькой вчера.

² Надо сказать, что мне здорово надоела моя девственность! Но с этим пока — ничего не поделать. Сегодня я был в кино, смотрел «Возвращение».

Прочел замечательную книгу: «Мелкий бес» Ф.Сологуба. Завтра – воскресенье. Возможно, что скоро мне достанут калоши. Не знаю, как проведем мы с Митькой завтрашний день. Опять-таки, мало денег. Возможно, что вечером мы пойдем на Журавлева – если решусь ему позвонить по поводу билетов (мне противно просить об этом). А мать не хочет ему звонить. Сегодня – пошел снег. В общем, сегодня-завтра увидим, как будет.

2/XII-40

Вчера с Митькой были на «Ленинградской эстраде». Нам очень понравилось выступление Райкина – очень остроумно. Чтобы не портить хорошее впечатление, ушли после 1^й части. Был снег, весело горели фонари, и мы были довольно близки от счастья. Пошли в кафе «Артистик» (проезд Худ. театра). Там немного поели, выпили кофе со сливками, съели торт. И у меня, и у Митьки были деньги, так что отменно провели вечер. Здорово! Был снег, свежий ветер и приветливые фонари. Возможно, что послезавтра пойдем на какой-то особо хороший эстрадный вечер в Колонном зале Дома Союзов (где мы были вчера) при участии джаза Цфасмана, если будут деньги (в чем я сомневаюсь). Сегодня получил отлично по черчению. Меня избрали редактором стенгазеты. Постараюсь сделать хорошую газету. Уже приготовил заметку и карикатуру. Очень неприятно то, что Митька на новогодние каникулы уезжает в санаторий в Башкирию, так что в течение самых длинных каникул в году (кроме «больших vacances¹») я буду опять один и скучающий. Это, конечно, очень досадно. Сегодня должен прийти Муля. Митька dit qu'il couche avec «son Allemande» – qui lui enseigne cette langue, et qui fait cornu son mari avec Митька. М'est idée que ce doit être une putain, c'te femme². Одолжил Митьке словарь французского босяцко-блатного языка. Боюсь, что он не захочет отдать эту книгу (хотя вряд ли). По радио поют романсы Даргомыжского и Римского-Корсакова. Интересно, когда я познаю любовь? Фиг его знает. Греки сообщают, что взя-

¹ Каникул.

² говорит, что он спит «со своей немкой», которая его обучает этому языку и наставляет с Митькой рога своему мужу. Мне-то кажется, что эта баба – б....

ли Поградес (в Албании). Немцы ожесточенно бомбардируют военные объекты Соутгемптона, Ливерпуля, Лондона. Да, вчера мы здорово провели вечер.

7/XII-40

5¹⁰ был с Митькой на чтении Глумовым Гоффмана и Тика. Он отменно читал. В тот же день был у Митьки. Он читает «Daily Worker». Мы с Митькой последнее время не так плохо проводим время. Он говорит, что 4го был у знакомых — на каких-то именинах. Танцевал до 5^и часов, а потом об этом долго рассказывал. Рассказал, что познакомился с дочерью Сурица (бывшего посла в Париже). Между прочим, признал, что в 15 лет он во всех отношениях не был так развит, как я сейчас. Отдал мне словарь «Argot». Я одолжил ему «Catriona» Стивенсона. Сегодня иду к Вильмонтам. Между прочим, отмечаю коренные идеологические расхождения с Митькой. Митька, к сожалению, продолжает твердить о том, что «воспоминания — это лучшее, что у него есть». И цитирует Верлена по этому поводу! Он не понимает, насколько он не современен и отстал. Ведь это же 19^й век! Вся жизнь перед нами — ему только 18 лет, и, видите ли, он живет воспоминаниями о бульварах и кино Парижа! И опять-таки, в сотый раз я нахожу подтверждение моим словам о том, что прежде всего надо думать о реальном, быть реалистом. А от реальной жизни уходить в дешевые воспоминания, надутые к тому же временем, — это явное упадничество и признак моральной дегенерации. Ведь дело-то в том, что я жил тоже в Париже, и обожаю этот город, и знаю и люблю его! Но я считаю, что мы с ним расстались по-товарищески, по-хорошему, и каждый из нас пошел без оглядки по собственному пути, глядя вперед и только вперед. Мы расстались без истерики. А Митька пытается поймать за хвост старый, отживший Париж, из-за которого теперь и страдают французы. И вообще, это даже не по-парижски, жалеть о прошедшем. Я хочу сказать, что как-то неблагогородно цепляться за прошлое — и как-то не подходит нам, молодым. Дело в том, что мы еще в жизни навспоминаемся. Почему же начинать так рано? Нет, это просто нелепо. В конце концов, у меня иссохло горло говорить о том, что нужно жить реальностью, настоящим и будущим, взяв от прошлого всё хорошее. Но никак нельзя жить прошлым. Я совершен-

но категорически утверждаю, что это совершенно явный признак упадка и непригодности к жизни. Дело в том, что у Митьки все события действительности проходят как бы на фоне парижских воспоминаний и ощущений. Это бедно! Нужно уметь находить богатства повсюду. Я утверждаю, что СССР — страна, исключительно богатая интересными возможностями и ощущениями. Эта страна богата во всех отношениях. Это отрицать нельзя. Эта страна исключительно большого размаха и возможностей, и нужно эти возможности полностью использовать, а не пренебрегать этими возможностями. И я, опять-таки, на этом настаиваю: нужно использовать *à fond*¹ все московские возможности во всех отношениях. Завтра пойду слушать концерт Шостаковича (*dont*² квинтет) в Политехническом музее. Возможно, что увижусь завтра с Митькой. Вчера с классом был в биомузее. Вышла стенгазета под моей редакцией. Недавно в Концерт. зале им. Чайковского слушал замечательный концерт для фортепиано Юровского. Греки взяли Санта-Кваранта и Аргиро-Кастрон.

10/XII-40

В воскресенье слушал квинтет *b-mol* Шостаковича. Это, конечно, замечательное произведение, которое делает честь советскому музыкальному искусству. Шостакович имел огромный успех. В тот же день мы с Митькой опять жрали мороженое. Вчера получил отлично по черчению (во 2^й раз). Сегодня меня спрашивали по физике — заработал хорошо. Вот боюсь по физкультуре получить плохо, так как за четверть сдают какое-то упражнение, которое я не могу сделать. Завтра предполагается быть уроку русского языка, в котором я ничего не понимаю (в смысле знания правил грамматики). Надеюсь, что будет сочинение на тему о творчестве Державина, вместо этого урока. Но если все-таки он будет, то мне придется туго, т.к. я не учил правил. Сегодня мать была в Бутырской тюрьме — вносила отцу. Говорит, что встретила Митьку (который вносил Нине Николаевне). В последнее время мать сблизилась с женой Москвина, и Таня Москвина сегодня придет. Нужно сказать, что ничего особенного она

¹ до конца.

² в том числе.

из себя не представляет, но мать ее любит за молодость и симпатичность. Греки продолжают свои наступательные операции в Албании, и итальянцы продолжают отступать. Были недавно у Вильмонтов. Потом к ним пришли Тарасенковы. У Анатолия Кузмича отменный костюм. Сейчас читаю «Бесы» Достоевского, которую книгу одолжила Наталья Семеновна, жена Вильмонта. В школе – ничего нового. Скоро (кажется, послезавтра) будет контрольная работа по химии на тему о галогенах. Думаю написать не ниже хорошо. Продолжаю – в физическом отношении – крайне нуждаться в женщине. Странное явление – абсолютно не о чем писать. Почему же это? Много же в мире событий, а мне не о чем писать!

12/XII-40

Сидят Тарасенковы. Мать читает свои переводы из Бодлера. Тарасенковы, в конце концов, симпатичны. Сегодня спрашивали по трем предметам. По географии и геометрии получил пос, по химии – хор. Вчера вечером виделся с Митькой – *retour de datcha*¹. Он теперь носит зимнюю меховую шапку. Он весел – и это очень хорошо. А мать все читает свой перевод. Как бы выдержать до конца четверти без плохих отметок! Трудно, это ясно. Даже не думаю, что удастся. Но дело в том, чтобы исправить. Теперь у меня по алгебре и геометрии – двух врагов – два поса. Это неважно, потому что, например, если у меня было бы хор., то плохая отметка по этим предметам не была бы страшна. Какими пустышками я живу! Но нечего делать – я реалист до конца, *et cela implique de grandes responsabilités*². Но скучно, скучно учить всякое говно, которое мне не понадобится в жизни. Я бы мог с такой пользой для всех и для себя изучать только литературу! *Mais, rien à faire.*³ Нечего делать. Через 18–19 дней начнутся новые каникулы в 15 дней – самые большие в году учебном. Но Митька уедет в Башкирию, а я без него ничего не могу делать в смысле веселья и развлечения (раз так сложились обстоятельства, что у меня пока есть только неплохие товарищи, но нет друзей). Интересно, как я буду проводить каникулы.

¹ вернувшись с дачи.

² и это порождает большую ответственность.

³ Но ничего не поделаешь.

Неужели придется ходить в театр с мамашей? А завтра и послезавтра — опять школа! Интересная штука — борьба личных чувств с долгом! *Tout à fait cornélien*.¹ Завтра встречусь с Митькой. Сегодня я с трудом выудил посик по геометрии — запутался в бредовых тангенсах. Отвратительное ощущение, когда стоишь в классе у доски и отвечаешь какую-то геометрическую гадость, ничего не понимая. Дело только в том, что я не переношу и не понимаю точных наук. Тарасенков почему-то считает меня за скептика. А все-таки я очень люблю встречаться с Митькой — мы с ним много шутим, острим, смеемся. Ходим по московскому снегу, заходим в лавку, ездим на трамвае.

14/XII-40

Сейчас — 10 ч. 20 мин. Сижу и слушаю музыку Глинки по радио. Только что закончил чертеж. Мать достала отвратительную шубу, и я ее теперь ношу. Смятая, неэлегантная шуба. Но мать говорит, что переделаем ее. Но пока нужно в ней таскаться, и это для меня исключительно неприятно. Мать ушла к Наташе Габричевской (или Барто теперь, не знаю). Я не пошел, потому что должен был чертить «построение эллипса по большой и малой оси». Вообще — куча занятий. По сочинению за Державина получил отлично. Вчера виделся с Митькой. Ели очередное мороженое, потом пошли в библиотеку. Я взял читать «Mickey Mouse Weekly». Митька просматривал какие-то роскошно изданные произведения Валери. Потом поехали домой на трамвае «А» — как всегда. Возможно, что завтра вечером пойдем с матерью к Тагерам. Мы с Митькой хотим посмотреть новый фильм «Яков Свердлов». Завтра опять нужно порядочно заниматься.

17/XII-40

В воскресенье с Митькой в кино не пошли, а пошли есть мороженое (все там же — на ул. Горького). Если посчитать, сколько я денег истратил на Митьку, то можно насчитать рублей 150–200 (если не больше). Потом пошел вместе с ним в Библиотеку ин. яз., где он обменял свои книги (взял две кни-

¹ Совсем корнелевская трагедия.

ги Жюля Ромэна). Потом я ему дал 5 рублей, чтобы он смог пойти на вечер балета, и мы вернулись на «А». На вечер балета пойти не смог, потому что мать слишком поздно пришла. К Тагерам не пошли — остались дома и слушали радио. 12¹⁰ Тарасенковы пригласили нас на елку. Сегодня получил хор. по контрольной работе по истории. Сегодня же была контрольная работа по химии. Думаю, написал на хор. Сегодня получил плохо по физкультуре. Интересно, будет ли у меня плохо по физкультуре в четверти? Говорят, что отметка по физкультуре при переводе из класса в класс. Enfin, on verra.¹ Доканчиваю читать «Бесов» Достоевского.

19/XII-40

Слушаю популярный концерт (Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски). Сегодня получил отл. по контрольной по химии. В субботу будет контрольная работа по алгебре. Ее опасаясь. Но даже если получу плохую отметку, то останется время на исправление этой плохой отметки (неделя). Говорят, будет контрольная работа по геометрии. Все это крайне противно и опасно. Завтра — диктант. Вчера видел Митьку. Ели мороженое и были на ул. Горького. Были в библиотеке. Нужно сказать, что мороженое вкусное. Митька — все так же. Вчера же взял билеты на 22⁰⁰ число в Политехнический музей, там будет вечер сатиры — вечер-альманах. Будут Ардов, Арго, Раскин и Слободской, Леонид Ленч, Кирсанов, Безыменский, Швецов, Васильев. Вступ. слово скажет В.Катаев. Это, очевидно, будет симпатичный, веселый вечер. Пишу гадко и скучно, потому что под музыку очень трудно писать. Сегодня Сербинов сказал, что непременно нужно собрать несколько человек из нашего класса и объединенно провести Новый год. Все это пока в общих чертах и, возможно, не осуществится. Нужно было бы окончательно пригласить, и чтобы избранные заплатили известный пай. Собрались бы на квартире у Сербинова. Но Фофан (так мы зовем Сербинова) говорит, что все «такие тряпки, что будут мямлить». Этот Фофан — чувственный 17-летний переросток, болгарского происхождения, очень

¹ Ну, увидим.

веселый и симпатичный индивидуум, хотя и немного беспринципный. Во всяком случае, я считаю идею встретить у него Новый год с несколькими товарищами — неплохой идеей. Это — лучше, чем туманная проблематичность различных приглашений. Хотя, с другой стороны, это тоже туманно. Но Фофан настаивает на том, что это непременно нужно будет осуществить. Во всяком случае, это было бы интересно. Еще не спрашивали по анатомии. Возможно, что завтра спросят. Англичане заняли Соллуш и Капуццо — в Вост. Африке. Теперь идут ожесточенные бои у Бардии, исход которых неизвестен. Ожесточенная битва продолжается в Албании. Исход ее не известен, но как будто греки продолжают продвигаться. И в Африке, и в Греции итальянцам приходится очень туго. Я завтра сондирую¹ Фофана насчет организации встречи Нового года. Кончил читать «Бесов» Достоевского.

23/XII-40

Вчера встретился с Митькой. Были в Третьяковке, потом пошли — ели мороженое на ул. Горького. Митька говорит, что заполняет какие-то карточки — нужны же деньги. В тот же день был утром с матерью и Мулей у портного. Ему отдали (наконец) мою шубу на переделку. Надеюсь, что этот портной сделает мне *si non*² не элегантно, *du moins portable*³ пальто. Интересно, какая это будет шуба, переделанная. Ее кладут на вату, покупают новый меховой воротник. У матери — неудачи. Каких-то ее переводов не печатают, и совершенно в доме нету денег, и потому кислотность и скука. Очевидно, не будет денег к Новому году — будьте здоровы. Вообще в финансовом отношении — очень туго. Те стихи, которые мать понесла в Гослит для ее книги, оказались неприемлемыми. Теперь она понесла какие-то другие стихи — поэмы — может, их напечатают. Отрицательную рецензию, по словам Тагера, на стихи матери дал мой голицынский друг критик Зелинский. Сказал что-то о формализме. Между нами говоря, он совершенно прав, и, конечно, я себе не представляю, как Гослит мог

¹ *Здесь и далее:* от фр. *sonder* — зондировать.

² если.

³ это, по крайней мере, носимое.

бы напечатать стихи матери — совершенно и тотально оторванные от жизни и ничего общего не имеющие с действительностью. Вообще я думаю, что книга стихов или поэм — просто не выйдет. И нечего на Зелинского обижаться, он по-другому не мог написать рецензию. Но нужно сказать к чести матери, что она совершенно не хотела выпускать такой книги, и хочет только переводить. Это будет довольно интересно, если к Новому году не будет ни гроша. Я сондировал Сербинова. Очевидно, наш проэкт не выйдет. Ну и к чорту его тогда. Вообще мой девиз — терпенье. Все еще впереди самое лучшее, хорошее и пленительно интересное. Совершенно нечего киснуть, если неинтересно встречу Новый год. Это — не в первый раз, *et après tout à quinze ans rarement qui a eu un Nouvel an dans le genre des «grrrands»*¹. Сегодня слышал Тино Росси по радио. После Митьки пошел к Тагерам. Поев у них, пошел домой, переоделся и вычистился и поехал в Полит. музей. Там много выступало народу. Лучше всех выступал Кирсанов. Он, конечно, всех их заткнул за пояс. У него — преловкие стихи. Еще учиться 8 дней. 29го не будет выходного — он переносится на 1ое. Слушаю превосходный английский джаз — хорошо слышно, как московские станции. «Walsing, Mathilda, with me»². Сегодня получил пос. по географии, хотя ответил на пос. По диктанту — получил отлично. Англичане осаждают Бардию. Греки медленно продвигаются вперед в Албании.

29/XII-40

Два дня назад был с Митькой в Музее нового западного искусства. Там — выставка художников Зап. Украины — неплохие есть произведения. Позавчера Але не приняли передачи. В понедельник мать узнает, почему (она подала анкету вчера или позавчера). Муля рассказал историю, которая проливает новый свет на «дело». По словам Мули, Алеша рассказал Ирине, что Аля подписала бумагу, в которой говорит, что «данная организация оказалась не на высоте». Очевидно, речь идет об организации, вербующей добровольцев в

¹ и, в конце концов, редко кто в 15 лет праздновал Новый год в стиле «старррших».

² «Танцуй со мной вальс, Матильда» (англ.).

Испанию (в Париже), которой руководил отец и где работала Аля (1936–1939). Я помню, незадолго до отъезда в СССР я встретился с человеком, сражавшимся в Испании, — Радзевичем (или Кордэ), который мне сообщил, что пришлось расстрелять несколько человек, отправленных на испанские фронты «организацией». По-моему, вообще тогда речь не шла о какой-нибудь организации — все делал Союз Возвращения во главе с Лариным и отцом. Если версия об «организации» верна — то все объясняется довольно ясно. В 1936–39 гг. происходила война в Испании. Отец и Аля занялись отправкой людей в ряды республиканских войск. Это точно установлено. Я сам это знаю. Отец — человек довольно наивный, т.е. не так наивный, как верящий в людей. Вполне возможно, что среди людей, которые были отправлены в Испанию, оказались дрянные люди, а может быть, и предатели (кто знает?). Это подтверждается тем, что мне говорил Кордэ о расстрелах. Теперь — отец сюда приехал вследствие дела Рейса. И жил себе спокойно. Но тут — уже после нас — приехал Васенька. А Васенька приехал из Парижа. А в Париж приехал прямо из Испании. Я помню, что в Болшеве он и Н.Н. все время что-то строчили на машинке. Очевидно, они писали заявления об «испанских делах». Ведь единственный человек, кроме отца, Ларина, Али и Твиритинова, хорошо знающий об испанских делах, — был Васенька. Даже вполне возможно — единственный. Ведь вышеупомянутые не были в Испании, а Васенька был, и единственный человек, который мог рассказать об истинном положении вещей «на местах», был Васенька. Вполне возможно, что они вместе с Н.Н. состряпали заявление о том, что «организация» оказалась не на высоте, что посылались подмоченные люди. Возможно, что написали, что это делалось умышленно. Но меня все-таки интригует, почему Алю арестовали первой? Трудно предположить, что она играла бóльшую роль в «испанских делах», чем отец. Этому можно найти объяснение. Дело в том, что Аля неоднократно переписывалась с Левой Савинковым, человеком, сражавшимся в Испании. Возможно, что когда приехал Васенька, то он сказал, что Лева оказался трусом, или предателем, или просто *retour d'Espagne*¹ бросил Союз Возвращения. И Алю прихлопнули.

¹ вернувшись из Испании.

Факт тот, что Аля переписывалась с «испанцами». Приехал Васенька, разоблачил этих (или некоторых из них) «испанцев» — и Алю арестовали. Все выходит довольно связно. В самом деле — пока Васенька не приехал, отца и Алю не трогали. Когда Васенька приехал, их арестовали. Это не может быть простым совпадением. Я прекрасно помню, как целый день Васенька и Нина Николаевна что-то строчили. И о чем они могли строчить? — Только об «испанских делах» (раз Васенька). И я думаю так: Васенька и Н.Н. написали эти заявления о том, что «организация» не выполнила своей задачи, оказалась не на высоте. Даже, скорее всего, они просто «охарактеризовали» несколько людей, посланных в Испанию. Подали это заявление. А так как Аля переписывалась с некоторыми из «охарактеризованных», то ее и арестовали. Она дала показания. Но так как отец всем этим заведовал и был ответственным за все это, то арестовали и его. Тот факт, что Алю арестовали первой, можно объяснить лишь перепиской с «испанцами». Тогда отец и Аля, очевидно, дали какие-то показания, приведшие к аресту всей семьи Львовых. Очевидно, эти показания заключались в обвинении семьи Львовых в антисоветских разговорах. Алешу выслали, потому что он был не советским элементом, водился с сомнительными людьми, и, кроме того, Аля его обвинила в антисоветских разговорах. Возможно и то, что Алеша отказался показывать против Н.Н. и Н.А. Просто вследствие приезда Васеньки выплыли на поверхность «испанские дела», и с этого все и началось. Н.Н. захотела выслужиться (она карьеристка). Я думаю, что отец и Аля дали показания, которые показывали Львовых как людей чуждых, не советских и подмоченных. Возможно, что они привели какие-то факты, это доказывающие. В общем, скоро узнаю, почему Але не принимают передачи. Вполне возможно, что дело идет к развязке. Муля настроен пессимистически: он думает, что отец и сестра получают 8–10 лет. Мне очень интересно, каков будет приговор Львовым: меньше, чем нашим, или такой же, или больше? Это меня очень интересует, потому что рисует размер вины каждого. По «испанской теории» нужно отметить, что все становится ясным: и то, что Алю арестовали раньше отца, и продолжительность времени их не-ареста. Я думаю, что эта теория связна. Сегодня — выходной. Осталось учиться до каникул два дня. Получил по алгебре пос с минусом, а по сочинению хор. с минусом.

Сегодня вижусь с Митькой. Англичане продолжают осаждать Бардию. В Албании — ожесточенные сражения, причем как будто греки имеют перевес. Интересно, близится ли «дело» к развязке?

30/XII-40

Мать пошла на «вопросы и ответы» в НКВД. Потом пойдет в Гослитиздат. В НКВД ей должны дать ответ на ее заявление от пятницы, в котором она спрашивала, почему Але не принимали передачи. В Гослите есть как будто возможность получить завтра деньги. Вообще, как будто материальное наше положение улучшается: мать интенсивно и с интересом переводит каких-то польских поэтов. Вчера с Митькой изрыскали весь город *à la recherche d'une елка convenable*¹ (для него, т.к. у нас елки не будет). Так и не нашли — хорошие были уже раскуплены. Были в кафе «Москва» — пили кофе со сливками и ели пирожные. Митька говорит, что продал пиджак за 100 рублей. Он теперь делает какие-то аннотации, которые должны принести ему в будущем около сотни рублей. Он говорит, что все забирает бабушка, копя на его костюм. Он купил в Люксе штаны за 200 рублей. Сегодня — в 1/2 8го — должен идти в школу редактировать классную стенгазету. Митька настроен так же, как и Муля, — пессимистично (в отношении исхода «дела»). Прочел интересную книгу: «*Les Célibataires*» Монтерлана. Предполагаю в каникулы прочесть знаменитые «*Jeunes filles*», «*Pitié pour les femmes*» и «*Démon du bien*» того же автора. Очевидно, новый год будем встречать у Лили. Интересно, придет ли Кот? Вряд ли. *Enfin, on verra.*² 2го числа меня должен осмотреть какой-то бывший мамин знакомый, доктор Юркевич. Это очень хорошо, оттого что я всё время на положении полубольного (*situation provenant de la totale ignorance de l'état de ma santé*³). Мне нужно знать, могу ли я заниматься спортом, и в каких дозах, и как, и что. Сегодня узнал отметку по алгебре за четверть — устойчивое пос. Мне того и надо. Но если в той четверти будет контрольная рабо-

¹ в поисках приличной елки.

² Ну, посмотрим.

³ ситуация, созданная абсолютной неизвестностью о состоянии моего здоровья.

та по решению задач, то я наверняка напишу на плохо или на очень плохо, т.к. если еще я кое-как справляюсь с примерами, то в задачах ничего не смыслю и самих задач не терплю. Митька как будто думает, что его тоже в конце концов арестуют. Я ему говорю, что если он будет «французить» и строить иностранца, то все возможно. В конце концов мы живем в СССР и нечего кичиться парижским говором — il n'y a rien de tellement formidable dans cela¹. Итак — завтра последний день учебы до каникул. Если ни по чему не спросят, то все сойдет, как по маслу. Постараюсь исправить две плохие отметки по физкультуре. Стенгазета будет фиговая — я один не могу всё делать, а у других нет интереса (настоящего) к стенгазете. Интересно, какие новости принесет мать из «вопросов и ответов» о Але? Я лично думаю, что у нее накопилось слишком много денег, оттого и не принимают (как было у папы).

31/XII-40

6 ч. 30 минут вечера. Четверть окончена удачно — даже исправил географию на хорошо. Отсеем вторую четверть в глубь веков. Теперь — 12 дней свободы. На улице — страшный холод. Я кашляю ужасно. Насморк и кашель. Аля переведена в Бутырскую тюрьму, куда мать и Муля отнесли ей сегодня передачу. Итак, Н.Н., папа и Аля — в Бутырках. Балтер — в Лефортове. Н.А., очевидно, в НКВД. О Миле ничего не известно. Недавно приходил к бабушке и Мите человек из НКВД и осведомлялся о здоровии детей, учебе и т. п. — по запросу Н.Н. Интересно, какое мое настоящее состояние здоровья? Очевидно, послезавтра узнаю. Итак, Новый год встречаю у Лили. C'est supramiteux, mais il n'y a rien de mieux.² Звонил Митьке. Он сегодня в школу не пошел. Ожесточенно пишет аннотации. Возможно, что увижусь с ним завтра. Меня почему-то совершенно не трогает, что наступил Новый год. В классе — скука. Много хороших ребят, но они все некультурны, и их интересы — не мои интересы. Кашляю, как чорт, отвратительно. Интересно, как проведу каникулы? Думаю — отвратительно. Хотя, впрочем, кто знает? Я — неискоренимый ре-

¹ в этом нет ничего такого уж замечательного.

² Это свертягомотина, но лучшего ничего нет.

лист, но иногда хочется какого-то глупого романтизма — чтобы упал кусочек счастья на голову, brusquement¹. Но это все пустяки. По-моему, мне нужно кататься на лыжах. Но я должен знать, à quoi m'en tenir², и оттого завтра (или послезавтра) — во всяком случае, в ближайшем времени — консультируюсь с врачом. Вообще я бьюсь в кольце противоречий. Получил 30 рублей от матери. Что еще писать в дневнике? У меня запросы человека 20^и лет, а возможности — 15-летнего. Rien à faire, c'est comme ça.³ Предпраздничное оживление... Но чего «оживляться», когда нет ни своего круга людей, ни друзей, когда нет настоящей радости встречи Нового года, ничего. Чувство изоляции — противное чувство. Ce n'est pas moi qui l'ai voulu.⁴ Не знаю. Факт, что происходит длительный кризисный период в истории моего существования. Возможно, что в будущем это все разрешится. В конце концов мне только 15 лет. C'est mon grand atout.⁵ Можно сказать, что жизнь еще не начиналась. Это очень хорошо. Пришла мать. Передачу приняли. Что ж? Salut⁶, Новый год. On verra bien a qu'il apporte.⁷ Во всяком случае, он принесет разрешение «дела». В конце концов, возможно, что у Лили хорошо поем — и то хлеб.

1/I-41

Вчера у Лили неплохо поели — даже отменно. Mais à part ça — rien de bien fameux.⁸ Кот не пришел — pas si bête, le type⁹. Был у Мити — его не выпустили сегодня из дома из-за холода. Он лучше меня провел Новый год, но, к счастью, этим не кичился. От него узнал, что арестован муж Л.М.Бродской, приятельницы Н.Н. Но арестован не в связи с «делом», а, очевидно, по личным причинам. Завтра Митя идет относить теплые вещи в Бутырки — для передачи Н.Н. Попытался заз-

¹ неожиданно.

² что меня ожидает.

³ Ничего не поделаешь, это так.

⁴ И я этого не хотел.

⁵ Это мой большой козырь.

⁶ Привет.

⁷ Посмотрим, что он принесет.

⁸ Но кроме этого — ничего особенно хорошего.

⁹ этот тип не дурак.

вать меня пойти с ним, но я отказался — к чему мне там показываться? Митька валялся на кровати и слушал радио. Кстати — у меня крупная неприятность. Перестало почему-то работать радио, и совершенно нечем заполнить пустое время. Это отвратительная штука — что испортилось радио, и очень неприятно. Хорошо, что не надо делать уроков, но скучно, что радио не действует. Не скучно, а просто-напросто отвратительно. Я очень привык к радио — замечательная штука. Итак, совершенно не знаю, чем заняться. Сейчас — 7 ч. 30 м. вечера. Мать весь день зашивала носки. Сейчас пошла за обедом. Я сильно простужен — кашляю, течет нос и т.п. Отвратительно, что радио не действует. Совершенно нечего делать. Исправить радио я не умею — ничего не понимаю в нем, а другому человеку — нету такого человека. Разве вот Муля (да и то навряд ли исправит). Я ему звонил, а его дома нет. *Absolument rien à foutre.*¹ Прочел «Le Songe» Монтерлана. Это ранняя вещь, и хотя говорит о серьезных и захватывающих вопросах, понравилась мне не очень. Нужно будет прочесть «Les jeunes filles». Сейчас такой холод, что как-то не хочется выходить. Скучища. *Absolument rien à foutre.* Завтра Митька после Бутырок должен мне позвонить. Любопытное явление, что совершенно нечего делать. Остро ощущаю пустоту. Вот скоро буду обедать — это хорошо. Но потом? Читать нечего. Свинство, что радио не действует. Как раз на 1^й день 41го года — испортилось. Без радио — страшно скучно. Совершенно не знаешь, куда деться. Я страшно привык к нему. *Absolument rien à foutre.* Интересно, когда его кто-нибудь, это радио, исправит? В школе Сербинов и я иногда сцепляемся. Это немудрено. Он был в классе единственным петухом, а теперь, когда я пришел, его роль снизилась. Довольно любопытно узнать, как мог вырасти в советских условиях этот юноша с совершенно извращенной психологией. Он парень неплохой, но на женщин смотрит плохо — сугубо с точки зрения полового использования. Он наиболее культурный, пожалуй, из класса, оттого я с ним вожусь. Но у него все-таки нездоровые взгляды. Он неправ, что презирает товарищей. Он груб и любит кричать чушь и ругаться. Он несдержан в половом отношении — типичный представитель теории «стакана воды». Говорит, что «нужно

¹ *Здесь и далее:* Абсолютно не хрена делать.

пользоваться каждой дыркой». Узнав, что я приехал из Парижа, — первый вопрос о качестве публичных домов. Замечание о том, что «меня бы туда пусти» и т.п. Он завидует той роли, которую я играю в классе, завидует тому, что я был за границей, и старается иногда унижить меня. Но он весел и иногда остроумен. Я много с ним говорю. Он необычайно резок в своих суждениях. Вообще он какой-то несдержанный. Плохо учится, шляется по театрам, бредит актерами (пошлятина, конечно). Старается вести себя как можно «взрослее» и хочет доказать свою «независимость» и «бывалость» на словах, но, в сущности, он ребенок. Ну и чорт с ним. Совершенно нечего делать. Интересная штука. Вот те, бабушка, и Юрьев день. Такие дела. Хочу есть. Rien à foutre.

2/I-41

Сегодня весь день буду сидеть дома — мать из дому не пускает: — 27°, потому что кашляю и насморк. Я совершенно не закаленный тип. Интересно, как будет в армии. Итак, сегодня буду сидеть дома весь день. Радио придут исправлять только завтра вечером. Это все обидно и противно. Хорошие выйдут каникулы! Скучища. Пробовал сегодня утром рисовать, но сейчас же опротивело. Читаю неплохие рассказы Марка Твена. Сейчас 12 ч. 45. Предстоит скучный долгий день. Мать также сидит дома и перешивает свою шубу. Митька звонил — он свободен, но меня не выпускают, так что нечего делать. Дома абсолютно нечего делать. Что это за манера не отпускать меня: говорит, что нужно посидеть дома хоть один день, чтобы выздороветь. Все равно то же самое — завтра выйду и опять простужусь. Никто не звонит. Пустяки. Плевать. Нужно учиться рассчитывать только на себя самого. Но факт тот, что делать нечего. Нельзя же весь день читать. Мать купила бутылку портвейна. Это неплохо. Осталось 10 дней до школы. Я проучился пол-учебного года — 2 четверти из 4^х. Осталось учиться 5 месяцев. Тэк-с. Нельзя же весь день читать. Свинство, что Мулин техник придет только завтра. Страшно недостает радио. Я уверен, что книгу стихов матери не напечатают. Нужно сказать, что мать совершенно не хотела печатать книгу стихов и что это друзья на это надоумили. По-

моему, вряд ли напечатают эту книгу стихов. Мать говорит: дайте мне спокойно переводить, и всё. Она права — к чорту книгу стихов. Хотела ее печатать из материальных соображений. К матери хорошо относятся очень много людей. Я прекрасно помню все неприятности, обиды моей жизни. Малейшие оскорбления врезались в мою память, хотя я не подавал виду. Взяв поучение, осторожность и частицу радости у вчерашнего дня, я его отбрасываю — к чорту. Но я должен буду до чего-нибудь дойти — надоело мне быть учеником 8го «А» 335^а ср. школы. Надоело быть среди неплохих, но глухих ребят. Надоело учиться ненужным предметам. Но все это — теория. На практике — совсем другое дело. Через школу надо пройти. Дело в том, что человек чем более проходит через разные среды, атмосферы, давления, трения, тем более он становится морально закаленным, подготовленным ко всем предстоящим испытаниям. Чем у человека труднее жизнь, тем острее ощущает он хорошие стороны, просветления, капли счастья этой жизни. Человек пресыщенный, разочарованный во всем — человек конца 19го — нач. XX^{го} в. — никуда не годится. Во всяком случае, отжил свой век. Только в испытаниях человек обретет свое истинное лицо и характер. Кроме того, по-другому и нельзя: в конце концов, нужно же иметь среднее образование! Без этого, конечно, не обойтись. Я вообще утверждаю, что легкая жизнь, дающая ответ на каждый вопрос и удовлетворяющая каждую потребность человека, вредна и притупляет чувства. Чтобы дойти до интенсивности, нужно испытывать трудности. Счастье имеет цену только тогда, когда кроме него есть трудности, иначе это счастье становится уже несчастьем. Чем меньше я ел хороших блюд, тем лучше я их оценю потом. Это элементарная истина. В моем случае — это так. Конечно, с другой стороны, нельзя кормиться одной философией. Но нужно быть объективным. И если я смотрю на событие, то не могу сказать другое, чем что говорю, — по-другому и не могло быть. Не могло быть, что будут друзья и т.п. Все зависит от условий. Условий для безоблачного моего существования не было и не могло быть. Так что все, что происходит, — нормально. Для меня главное — это не проворонить чего-нибудь в моей юности. Опять-таки, повторяю, что раньше говорил и писал: хорошо, что мне только 15 лет! Время для счастья есть, и даже много времени. Но скоро будет

16 лет! Время улепetyвает. Дело в том, что я ни в чем не нахожу полноценности и удовлетворения. То есть в отдельных отраслях я нахожу эту интенсивность: в музыке, книгах, пище и т.д. Но жизнь моя неполноценна. Нельзя назвать полноценной жизнь, где нужно готовить скучные уроки, которые тебе не послужат в жизни. Начинаю думать, что настоящая жизнь начинается позже. Когда смотрю на других учеников — они как будто живут жизнью интенсивной и вполне их удовлетворяющей. Но их жизнь меня не удовлетворяет, потому что запросы у меня просто по возрасту гораздо выше, чем у них. Они живут шутками, коньками, сплетнями и т.п. А мне нужна более широкая площадка. Очевидно, настоящая жизнь начинается с армии. Там жизнь как-то крепка... А меня поражает рыхлость, неустойчивость, шаткость моей теперешней жизни. В школе я себя изображаю, как человека необычайно занятого. Именно все думают о необычайно полноценной, интересной моей жизни. Если бы знали, какая скучища! Почему большинство моих соучеников удовлетворены своей жизнью (просто — все ученики)? Что они удовлетворены, я это знаю — они просто не задумываются над жизнью, она течет сама собой. — Значит, удовлетворены. — Потому что она их наполняет, отвечает их запросам. Именно, заполняет. У них нет, главное, пустоты. Они не вихляются. А я то и дело вихляюсь, как girouette¹. А они гораздо счастливее меня (хотя и не совсем осознают это). Несмотря на культуру, опыт, заграницу и пр. и пр., я менее счастлив, чем они. А они, наоборот, думают, что живется мне гораздо интереснее, чем им, и т.п. Они не осознают своего счастья, да и не могут осознать. У них есть круг привычек и знакомых, система развлечений... А у меня ничего этого нет и в помине. Другое дело, что, возможно, в будущем моя жизнь пропорционально будет интересней и лучше ихней — да и то в этом я несколько сомневаюсь. Если бы мне предложили жить их жизнью, — я бы отказался, у меня другие запросы. Но я говорю, что они счастливее меня не объективно, а пропорционально. Возможно, что у них было меньше интересных моментов и приключений и переживаний, чем у меня (даже уверен в этом), но все-таки сейчас они счастливее и более в своей тарелке. А я просто без тарелки. Мясо без гарнира.

¹ флюгер.

.....
Позавтракал. La tête lourde, il est difficile d'écrire.¹ Напишу потом.

Le même jour. 3 heures de l'après-midi. Comme je l'écris plus haut – absolument rien à faire. C'est très ennuyeux. Personne ne téléphone. Comme si tous les autres étaient soudain tombés à l'eau.² Мать спит, открывши рот, в очках, держа в руках книгу Перль Бак. В квартире все тихо – инженер с женой ушли. Из окна ничего не видно – замерзли стекла. Ужасно то, что не выпускает мать на улицу. На улице кишит жизнь, на улице – мороз, трамваи, автомобили, люди, магазины, метро... А из-за какой-то простуды нельзя выходить. Скука. Настоящая, спокойная и тяжелая скука. Действительно – совершенно, тотально, абсолютно нечего делать. Все-таки ненормально так проводить день. И никто не звонит. Как будто все на свете канули в воду. Что меня угнетает, это потеря связи с внешним миром. С радио было бы неизмеримо лучше сидеть дома. Кризисный период. Неужели можно просто так ничего не делать? Оказывается – можно. Это ужасно – быть взаперти, так, как я. Это как-то ужасающе противоестественно, отвратительно, ненормально – не отпускать человека на улицу. Ведь там – жизнь! Вышел бы я, проехался на метро, зашел бы в магазины, продлил абонемент в читальный зал. Ведь это неопровержимый факт, что жизнь не в домах, а на улице, в метро и трамваях! Но что попробовать объяснить это матери? Ее неизменный ответ – это «высиди один день, ты простужен» и т.д. Так что нечего и пробовать. Интересно все-таки, как она не может понять, что все время сидеть дома – для меня это смерть. И опять меня фраппирует³ в этом затворничестве что-то плохое и противожизненное, противоестественное. В конце концов, температуры у меня нет, простужен я вполне «нормально»... Сегодня мы должны были пойти – поехать – к врачу, а теперь это отменяется из-за холода. Как я невыразимо скучно живу, как в школьный, так и в каникулярный периоды! Пора-

¹ Голова тяжелая, писать трудно.

² Тот же день, 3 ч. дня. Как я писал выше, абсолютно нечего делать. Это очень скучно. Никто не звонит, будто все внезапно канули в воду.

³ От фр. frapper – поражать, ударять.

жает в моей жизни «нежизненность» ее. Отсутствие увлечений — прямо какой-то феномен. Я завидую людям, поглощенным делами. Действительно, мои сверстники живут жизнью куда более насыщенной и интенсивной, чем моя! Мне страшно, остро недостает круга товарищей, друзей, компании — того, что у всех других есть. Страшно надоело читать. Хотелось бы просто общения с людьми, обмена мнений. Мой случай ясен. Я по всяческому развитию перерос моих сверстников — оттого общение с ними не доставляет и не может доставлять мне никакого удовольствия, ни удовлетворения. Мне было бы интересно и занимательно с какими-нибудь студентами. Но я в этой среде не общаюсь, никого не знаю, и все-таки я для них, как-никак, формально — «ученик 8го «А» 335^й ср. школы». Кроме того, я утверждаю, что дружба возникает только на общих интересах, так что дружки со студентами быть не может. Кроме того, я никого не знаю. Между прочим, все мамины друзья знают, что мне приходится не сладко, знают мое одиночество, но ни один из них не выказал ни малейшего сочувствия. Я хотел достать однотомник произведений Маяковского. Неоднократно говорил и Муле, и Вильмонту. Но никто не удосужился и не вспомнил. Мать меня все время упрекает в сухости к друзьям (во Франции и здесь) ее. Я на это отвечаю, что ее друзья хорошо ко мне относились только из-за того, что хорошо относились к ней. А для меня это ненужно и неинтересно. Единственный человек, который здесь (да и там) что-либо сделал, — это мать. Я никогда не забуду, что друзья матери никогда здесь мне ничем не помогли. Даже те (их большинство), которые вращались в литературных кругах, не смогли достать этого однотомника. Я это буду помнить. Итак, я должен рассчитывать исключительно на себя и на обстоятельства. Изменя должен выйти исключительно сильный человек. Мне никто не помогает, но я должен идти своим путем. В своем каждодневии этот путь труден, и трудны первичные задачи (как все первичные задачи). Но я абсолютно уверен в том, что мое упорство и неунывание увенчаются в конце концов успехом. Я добьюсь счастья. Я в этом убежден. Мне всего только 15 лет. Если бы я так писал лет в 30 — было бы плохо. Но мне только 15 лет. Мои сила и энергия не иссякли, и времени много. Это мой главный козырь — что я крайне молод. Со временем, преодолевая трудности, я, бесспорно, найду

круг людей, мне подходящий, друзей, увлекающее занятие... Всё это еще впереди. Пока еще ничего не потеряно. Много еще предстоит. Предстоит спорт, пляжи, любовь, море, голубое небо, интересная работа, интересные знакомства, увлечения, радости и развлечения.

.....
5 h. 45 minutes.¹ Читал матери из «Курса истории западной литературы» Ф.Шиллера, одолженного Митькой. Горит лампа с абажуром. Безмолвствует радио. Завтра, очевидно, выйду. Ничего не делаю. Сижу, свища, переминаюсь с ноги на ногу. Интересно, почему никто из знакомых не звонит? Curieux.² Интересно, что абсолютно ничего не делаю.

3/I-41

Сегодня, к 3 ч. 30 м., произошел исключительно неприятный, ядовитый инцидент. Я уже писал, что в квартире живет инженер А.И.Воронцов с женой. Вчера вечером мать повесила в кухне сушить от стирки мои штаны. Сегодня Воронцов учинил форменный скандал, требовал снять эти штаны, говорил, что они грязные. Говорил, что мы навели тараканов в дом. Грозил, что напишет в домоуправление. Говорил, что мы развели грязь в кухне. Все это говорилось на кухне, в исключительно злобном тоне, угрожающем. Я выступал в роли умиротворителя, а после того как мать ушла из кухни, говорил Воронцову, чтобы он говорил с матерью полегче. Это самое худшее, что могло только случиться. Так как мать работает с исключительной интенсивностью, то, естественно, что она не успевает все прибрать в кухне. Главное, что ужасно, это то, что этот Воронцов говорил исключительно резко и злобно с матерью. Моя мать представляет собой объективную ценность, и ужасно то, что ее третируют, как домохозяйку. Вообще ничего нет отвратительнее и ужаснее таких «кухонных трагедий». Это исключительно противное и неприятное происшествие. Ведь этот Воронцов теперь может отравить нам всю жизнь. И главное в том, что если бы дело касалось меня лично, то мне было бы абсолютно все равно. Но оно касается матери. Мать исключительно остро чувствует

¹ 5 ч. 45 мин.

² Странно.

всякую несправедливость и обиду. Главное, чего я теперь страшно боюсь, это «кухонной войны», придирок и т.п. Неужели не могло все идти мирно и спокойно? Я сижу абсолютно как отравленный. Абсолютно такое состояние, точно тебя отравили чем-то противным и грязным. Это — самое ужасное, что могло произойти. Я теперь тщетно стараюсь вдолбить матери, что теперь не нужно давать зацепки, не нужно давать повода для повторения подобных скандалов. Ведь мать очень вспыльчива, и жизнь может превратиться просто в невозможную. Ничего нету хуже враждебной атмосферы в доме. Ведь если уже имел место такой скандал, то никто мне не говорит, что он не может повториться. Для меня — это самое неприятное происшествие, которое могло только случиться, за все мое пребывание в СССР. У меня лишь одна цель в этом деле — это чтобы не было больше подобных скандалов. Я в абсолютно ужасном состоянии. Самое противное в таких случаях — это то, что все, что было раньше, кажется раем по сравнению с настоящей обстановкой. Меня вообще интересует один вопрос: какая причина этого скандала? Имеет ли Воронцов другие причины, чем те, которые он изложил? Вряд ли. Но я просто не понимаю, как можно так злобно говорить. Может, они хотят нас выжить отсюда? Я просто не понимаю, как можно так злобно и резко говорить. Мне эта история исключительно не нравится. У меня лишь одна цель: кровно важно, чтобы такие скандалы не повторились. Я считаю, что сам факт такой «кухонной трагедии» так исключительно мерзок, противен, что нужно делать все — и в том числе и уступать — чтобы такие факты не могли повториться. Я тщетно это пытался объяснить матери, но она все время говорит, что ей важнее всего справедливость. Это совершенно ужасно, что она меня не понимает. Все это ужасно. Теперь мне больше не будет радости. *Finì*.¹ Я буду каждоминутно дрожать, чтобы подобная сцена не повторилась. Я буду возможно больше сидеть, чтобы, в случае чего, попытаться тушить пожар. Я нахожусь в отравленном состоянии. Какой ужас! Теперь я вообще не буду спокоен. И нужно же было обвалиться нам на голову такой мерзости. Недоставало, называется. Все это отвратительно. Возможно, что завтра увижусь с Митькой.

¹ Кончено.

4/I-41

Сегодня встретился с Митькой. Сначала пошел к нему. Вчера он отнес вещи в Бутырки. Читает английские романы. Потом пошли в кафе «Артистик». Выпили кофе (т.е. какао) с тортом. Потом пошли в ЦТК и взяли два билета на 10^е число на «Мадам Бовари». Потом хотели идти в кино, но Митька идет в школу, так что не вышло. Позвонил Сербинову — он занят, так что тоже не вышло. Сажу дома, слушаю радио, читаю «Пиквикский клуб» Диккенса. Вчера была Нина, и починили радио (техник Карпов). Кажется, завтра Митька едет за елкой (за город). Митька рассчитывает иметь в следующей четверти все отметки отличные. Он рассчитывает на «одного профессора и трех академиков», чтобы поступить в ИФЛИ. По сообщениям английской печати, австралийские войска прорвали 1^{ую} линию обороны Бардии и захватили 5000 пленных итальянцев. Любопытно то, что никто не звонит из «друзей». Вильмонт совсем перестал общаться с матерью и все время хамит тем, что не исполняет своих обещаний. Слушаю передачу русской музыки. Наша музыка все-таки замечательно богата! Вся Европа соперничает с музыкой одной России. В школе я прикидываюсь необычайно занятым человеком. Очевидно, почему-то все думают, что у меня отец — крупный ответственный работник; очевидно, потому, что я приехал из-за границы и хорошо одет. Бабушка Мити говорит, что я «кашляю, как старик, по-стариковски». Митька сообщил, что Луппол расстрелян — из Кишинева на него указали как на погромщика. Он неправ, что вообще об этом говорит. Интересно, откуда он черпает эти сведения. Для меня являются тремя главнейшими вопросами, всецело меня заполняющими: музыка, литература, женщины, дружба и мировая политика (международное положение). Большую роль играет школа как средство упражнения воли к конечной цели и средство препровождения времени. Пока еще нет денег, чтобы делать мою шубу (т.е. переделывать), и я хожу в папиной шубе (отремонтированной Зиной, домработницей Лили). Недостаток Мити заключается в том, что он уже как-то все изжевал и выплюнул, и в нем нет свежести ощущений. Он слишком на все быстро налагает штаны пустоты. Он — человек, опустошенный «западной цивилизацией». Он слишком над всем любит издеваться. Он вообще не очень серьезен. Слишком серьезные

люди — скучны, слишком веселые — тоже. Нужно «*juste milieu*»¹. Сейчас 6 ч.10 минут. Скоро, должно быть, придет мать, *retour du Goslitisdat*², куда относил переводы польских поэтов. Что буду делать завтра, не знаю.

6/I-41

Вчера провожал Митьку на вокзал, откуда он ехал на дачу за елкой для бабушки. Вечером пошел в кино — видел хороший советский фильм «Макар Нечай». Это — действительно хороший и полезный фильм. Сегодня встретился с Митькой (утром, к 12 ч. у театра Вахтангова). Он хвастался тем, что вчера на даче, в то время как муж «его немки» показывал кино, он там с ней «проводил время» в соседней комнате. 7го у Митьки начинаются каникулы. В скорое время мы с ним намечаем пойти в Третьяковку — там выставка лучшей советской графики, живописи, скульптуры за 23 года. Эта выставка представляет большой интерес, и нужно непременно будет скоро туда пойти. 10го пойдём на «*Mme Bovary*». Завтра пойду на «Ревизора» — кажется, Лиля достала билет (*ça ne m'enchante guère*³). 11го предполагаю пойти на вечер чтения Журавлева — авось я выпрошу у него билеты (читает он Чехова) или попрошу мать выпросить у него. *Il faut avoir la semaine bien remplie.*⁴ Сегодня, возможно, пойдём к Лиле. Она празднует Рождество. Я отнюдь не религиозен и иду туда, может быть, потому, что будет Кот и, вероятно, неплохо поедим. (Так же смотрит на это Митька — у него празднует бабушка.) Я начал выписывать наилучшие строки у всевозможных поэтов (французских). Все еще не перерегистрировался в чит. зале. Думаю, что скоро это сделаю. Уже написал из 3 книг (*Morceaux Choisis*, *Th. Gauthier* и *Cent Poètes du XVIIe siècle*) номера страниц, откуда выпишу лучшие строки. Хочу составить тетрадь лучших строк (по моему вкусу) различных французских поэтов различных времен (чтобы иметь, что цитировать). Австралийские войска вошли в Бардию и захватили в плен 15 000 итальянцев. Это — здорово. Митька рыскает за книга-

¹ «золотую середину».

² из Гослитиздата.

³ это меня не особенно забавляет.

⁴ Надо, чтобы неделя была хорошо заполнена.

ми (он — библиоман). Но денег у него нету на покупку этих книг. Мать пошла получать деньги в Гослит — за поляков, очевидно. Сегодня купил книгу С.Кирсанова «4 тетради». Там много хороших стихов. Предполагаю купить книгу стихов Твардовского «Страна Муравия». Предполагаю разместить цикл развлечений следующим образом: сегодня иду к Лиле, где, быть может, хорошо поем и, возможно, встречу Кота. Завтра иду на «Ревизора». 8го или 9го иду с Митькой на выставку «За 23 года живопись, графика, скульптура», 10го иду на M-me Vouary. 11го иду на Журавлева (все это совместно с Митькой). Я все время настаиваю, чтобы Митька говорил по-русски, но он не хочет, и приходится говорить по-французски. Только что звонили матери из «Красной нови». Интересно, выйдет ли ее книга? Сомневаюсь — а было бы хорошо. Через 5 месяцев (или 7) нужно платить 5000 р. за комнату. Откуда мы возьмем деньги? Но к черту неприятности будущего. Слушаю концерт из произведений Дебюсси и Равеля.

8/I-41

Вчера был утром на «Ревизоре». Спектакль мне понравился — весело и симпатично. Потом отправился с Митькой в кино. Видел хорошую картину «Яков Свердлов». Очень убедительно и реалистично. Сегодня поехали с Митькой на выставку «23 года сов. живоп. и т.п.». Но когда приехали, то оказалось, что нет ни у кого денег на эту выставку (за вход платить). Тогда поехали обратно. Ели мороженое. У Митьки почему-то оказались деньги. Причем так: у него были деньги от бабушки (на покупку продуктов). Он истратил два рубля из этих денег и хочет, чтобы я ему их завтра дал. Мне не нравится его исключительная алчность, жадность на деньги. Не нравится также его поведение — продолжает французить. Орет по-французски в общественных местах. Не нравится, что все время примешиваются деньги к нашим отношениям. Говорит, если ему завтра не дам 2 рубля, то он не отдаст мне моего Твэна. Полушутя, полувсерьез. Мне противно, что он всё время на меня рассчитывает — в смысле денег. Завтра, думаю, что принесу ему эти 2 рубля — из-за Твэна. Но нужно его проучить. Слишком он бесцеремонен. Через четыре дня начинается третья учебная четверть. Мать усиленно переводит Мицкевича. Недавно (вчера) встретил на улице Корне-

лия Зелинского. По-моему, он хотел проверить, знаю ли я про его рецензию на мамины стихи. Но я притворился, что ничего не знаю. Мать говорит, что ей надоело «содержать Митьку». Вчера был у нас полусумасшедший Женя Сомов. Но он неплохой человек. Читаю второй том «Пиквика». Сегодня перерегистрировался в Библиотеке (чит. зале) ин. литературы (ГЦБИЛ). Это — хорошо. Бардия — взята. Взято в плен 25 000–30 000 итальянцев. Всего с начала военных действий в Запад. пустыне взято в плен 70 000 итальянцев. Сейчас — 10 ч. 10 м. вечера. Слушаю Моцарта. В Митьке есть препротивные черты — нерешительность, ребячливость, алчность, беспринципность, любовь к лжи. Это — противно. Но все-таки я с ним остаюсь в сношениях. Мне с ним весело. Кроме того, он исключительно умен и остроумен.

11/1-41

9го был на выставке лучших произведений советских художников, графиков и скульпторов. Там много хороших произведений, особенно графических. Вчера с Митькой пошли на «Мадам Бовари» (в Камерном). Спектакль нам не понравился — слишком много истерики, трюков. Хорошо играл Нотаис (з.а.р. Ценин). А Коонен слишком часто бухалась óземь. Сегодня иду на Журавлева, но не с Митькой, а с матерью, так как Журавлев хочет, чтобы она услышала Чехова. Это нас с Митькой застало врасплох — но ничего. Сегодня пошел 2^й раз на выставку — уже с Митькой. Потом были в библиотеке, потом вернулись домой на «А». 13го в Клубе МГУ состоится вечер поэтов: будут выступать Асеев, Кирсанов, Сельвинский, Долматовский, Симонов, Алигер и др. Митька постарается достать даровые билеты у Кирсанова. Для этого он позвонит Миле Фурманову, который сможет достать билеты у Кирсанова. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это вышло. Тогда, если не выйдет, то я пойду просто куплю билет на этот вечер. У Митьки в этот день школа (вечером), и если он не сможет достать даровых билетов, то и не пойдет; а я во всяком случае пойду. Завтра целое утро (!) буду заниматься. Послезавтра у нас с Митькой школа. Начинается 3^{ья} четверть. Придется приналечь на работу. Если у Митьки не удастся с билетами, постараюсь пойти с Сербиновым, а то одному скучно. Сегодня идти с матерью на Журавлева скучно, но ничего не

поделаешь — приходится. Rien à faire.¹ Митька начинает понимать, что у меня совершенно нет денег. Вообще насчет денег исключительно туго. В Гослите задерживают платежи. Какая скука сегодня идти с матерью! Mais il faut s'y soumettre.² Интересно, что нечего писать в дневник — опять я совершенно пуст, точно всё вынули. Прочел (перечел, вернее) «Пиквикский клуб» Диккенса. Прелестная вещь. Совершенно не знаю, что читать. В чит. зал ходить не хочется, а в библиотеке никогда ничего интересного.

12/I-41

На завтрашний «Вечер поэзии» не пойду — Митька и Сербинов не мог, а кроме того, просто игра не стоит свеч. Жалко только, что не услышу Кирсанова, которого я считаю лучшим советским поэтом. Слушаю джаз Цфасмана — лучший советский джаз. Сегодня слушал Лондон — передачу на французском языке. Был очень хорошо слышен Лондон и Берлин. Редко случалось так хорошо слышать эти радиостанции. Греки взяли Клиссуру. Англичане окружают Тобрук. Завтра — школа. Прочел замечательную книгу: «Traversée du miroir» Lewis Carroll'a. Эта его книга и «Alice au pays des merveilles» — два шедевра. Итак — завтра 3^{ья} — предпоследняя — четверть начинается. Получим дневники с отметками за 2^{ую} четверть. В конце концов, не так и плохо сидеть у радио дома, спокойно. Я рад, что иду опять в школу. Митька тоже идет. Я ему сказал, что если его арестуют когда-нибудь, то это только будет по его собственной вине — слишком французит и продолжает вести себя, как в Париже. Не нужно так резко отличаться от других. Мы же в СССР — это нужно понимать — а он французит. Ирина из Эстонии пишет Митьке, что его отец пришлет с ней Митьке несколько французских книг — и Митька в большой радости от этих известий.

14/I-41

Вчера все-таки пошел на вечер поэзии — утром купил билеты (после школы). Потом звонил Митьке, чтобы предупре-

¹ Ничего не поделаешь.

² Но нужно этому покориться.

дить его о том, что купил билеты. Митька — страшный трус. Боялся бабушки, как смерти, и ушел в антракте между первым и вторым отделением. Почему он такой трус? Непонятно. Вечер прошел с большим успехом. Некоторых выступавших (среди студентов: Агранович, Смирнов, Слуцкий) бисировали и триссировали. Особенно мне понравились стихи Аграновича. Очень большой успех имел Илья Сельвинский. Кирсанов читал свои отличные стихи «Дума про Гуцульщину». Я считаю, что он вообще лучший из выступавших и вообще считаю его лучшим советским теперешним поэтом. Он имел тоже большой успех. Вообще вечер прошел удачно. С наступлением 3^й четверти — 2го учебного полугодия — начинается очередная неприятность — в ближайшем времени будет дана контрольная работа по алгебре — на задачи. Если я на примеры сделал контрольную работу на пос, то эту контрольную работу сделаю, наверное, на плохо или очень плохо. Я ничего не понимаю в задачах. Это очень неприятная штука. Но даже если получу плохо, постараюсь потом исправить — чтобы не иметь в четверти плохо. В конце концов, пришел к заключению, что Сербинов — дурак. Этот извращенный тип необыкновенно хвастлив, и ему неприятно, что авторитет его померк, когда я вступил в класс, и вообще он необычайно груб. Меня беспокоит вопрос о том, что я совершенно не занимаюсь спортом. Очень хочется что-нибудь писать, но нет времени и достаточных сил. К нам из моего бывшего класса переведены 4 человека — 3 девочки, из которых одна довольно культурная и симпатичная, и один юноша — Табачников — тоже очень симпатичный, с которым я теперь сижу. Мать жалуется на боль около почек, на кашель неотступный. Мне нужно приобрести только непринужденность и внешний авторитет — и тогда я буду непобедим. Но у меня много времени. У Лили была жена Ларина (Киямова), и они ничего не знали (в Ялте) об аресте отца и Али. Она была поражена этим известием. Но Ларин тоже был по уши в испанских делах, так тогда моя теория идет к черту? Митька говорит, что они все будут расстреляны, я ему говорю, что он чушь городит. Школьное кипение как-то заполняет жизнь, хотя и недоброкачественно. Это совсем не знаменитый творческий коллектив, но все-таки коллектив ощущается, и это хорошо. Все-таки интересно — когда я потеряю девственность? Митька хвастается своей немкой и тем, что наставил рога ее мужу — опять-

таки французит! Но нужно ждать и набирать знаний и навыков. Все придет само собой, и торопить событий не надо.

16/I-41

Сегодня получил пос по геометрии. Немного поскандалил с учителем по истории по поводу того, что он распределил по книге по новой истории на три человека. Мне страшно хочется иметь книги по истории, но их недостает. Недавно прочел довольно противную книгу G. Meyrinc'a «Le Golem». Прочел превосходную книгу Колетт «La Chatte». Сегодня почти ничего не делал (обычно – работаю, как вол). В Англии произошел в Лондоне первый съезд Народного Конвента. По-моему, Народный Конвент – это что-то наподобие «Front Populaire»¹ во Франции. Народный Конвент добивается улучшения положения рабочих, разоблачает империалистическую сущность войны, требует предоставления независимости Индии и заключения мира с Германией, установления народного правительства и дружественных отношений с СССР. Это очень интересно. Ainsi, Front Popu pas mort!² Меня очень интересует, какова будет дальнейшая деятельность Народного Конвента. Во всяком случае, он высказывается за мир – это очень важно и интересно. Сегодня вечером решил 4 кроссворда. «Нам не нужно Бардий», – говорили в Лондоне. Это очень интересно.

18/I-41

Вчера вечером встретился с Митькой. (В ½ 9го у Охотного ряда). Он рассказывает, что будет давать уроки французского жене Героя соцтруда Микулина. Тут же прибавил, что «логическое завершение этого знакомства» должно быть «le baisage immanquable»³. Он познакомился с Таировым. Мы вообще все время наших встреч кого-нибудь изображаем и страшно хохочем. Митька беспрестанно говорит о замечательных книгах, которые ему пришлет отец из Эстонии. Митька, как всегда, очень весел и полон жизни. Между про-

¹ «Народного фронта».

² Значит, Народный фронт не умер!

³ «неизбежная е...»

чим, я теперь понял — с вступлением моим на землю СССР кончилось мое *insouciant*¹ существование во Франции. В СССР началось мое сознательное существование — борьба и настоящая жизнь. А во Франции я жил беззаботно, как-то не задумываясь — *au petit bonheur*². У нас с Митькой литературные расхождения — он не любит Чехова, а я считаю Чехова лучшим русским писателем — он мой любимый писатель. А Митька как-то не дошел до него. Сегодня были выборы классорга нашего класса. Меня избрали делегатом (одним из делегатов) на перевыборы в учком, но я не пошел, так как чертил. Послезавтра — контрольная по математике (алгебре). Я сегодня начертил «изометрию детали» и решил кучки примеров и задач. Я почти уверен, что в понедельник на контрольной засыплюсь. Но я не падаю духом — не в моей натуре. Завтра предполагаю пойти в кино с Митькой. В школе — слухи о том, что два 9ых и один 8^й классы, которые еще находятся во 2^й смене, будут переведены в 1^{ую} смену, к нам, и что занятия будут начинаться не в $\frac{1}{2}$ 9го, а в 9 часов. Меня чрезвычайно интересует, оправдаются ли эти слухи или нет. Дело в том, что в 9^м классе есть одна девица, один вид которой меня буквально накачивает оптимизмом и настоящей силой. Я отношусь к делу совершенно практично. Как объяснить флюид, исходящий от женщин и который меня преобразовывает? Конечно, половой инстинкт. Но как он здорово действует, если после того, как поглядишь на девицу, всё тебе улыбается и хорошо идет, черт возьми! Сейчас слушаю пианиста Борунского. (Джаз Эдди Рознера, трансляция из Колонного зала Дома Союзов.) Сейчас идет замечательный «Караван». Прочел прекрасную книгу Colette «La Chatte». Очень хорошая книга.

20/I-41

Вчера были с Митькой на вечере Эм.Каминки. Каминка читал Чехова, Мопассана, Твэна, О'Генри, Шолом-Алейхема и имел большой успех. Потом Митька испарился, а я зашел за матерью к Тагерам. Тагерша рассказала, что недавно она разговаривала с Зелинским по поводу его рецензии на мамину

¹ безмятежное.

² как придется.

книгу. Основные темы этой рецензии: «формализм и декадентс». Там было несколько из молодых поэтов, которых я слушал в тот вечер. Большинство из них, по словам Тагерши, не были согласны с этой рецензией и очень хвалили мамины стихи. Сегодня написал контрольную работу по алгебре. Против всяких ожиданий, задача удалась, а примеры нет. Но математичка говорила, что главную роль играет задача. Так что я думаю, что мне минимум пос обеспечен. Я понял одну большую истину: мне пока что метить в независимых молодых людей рано. Нужно подождать. Нужно приобрести навыки, закалиться, посмотреть, послушать. Время потерпит. Подождать можно и должно. Я должен беспрестанно себя шлифовать и обтачивать острые углы. Чего мне недостает: мне недостает опыта в обществе, авторитета, ловкости и манер. Я слишком угловат и откровенен. В 15–16 лет нельзя быть человеком во всеоружии. И оттого я должен ждать еще некоторое время. В конце концов, я, как-никак, все же восьмиклассник. Мне еще рано развертываться. Нос разбить я всегда успею. Лучше поздно, чем рано. Уже хорошо то, что я иду по очень трудной, долгой и скучной дороге средней школы. Но в этой дороге есть очень много хорошего. Находишься в постоянном контакте с массами и, таким образом, не можешь «засохнуть». Кроме этого, эта дорога систематична, и все-таки человек должен окончить среднюю школу! Мои возможности сейчас не отвечают моим потребностям, но это, бесспорно, придет со временем, когда возможности будут гармонировать со стремлениями и средствами осуществления. Мать часто говорит, что я совершенно бездушен, что у меня нет сердца и т.п. У меня же есть замечательная черта, которой нет у Митьки: я смотрю на все явления глазом широко открытым, подмечая недостатки и искривления, фальшь и т.п. Это особенно часто сказывается в наблюдении мной театров и манер людей. Митька упрекает меня в том, что я не сентиментален. А сам-то он! Он практик и ловкач, а прикрывается сентиментализмом. Я его нередко изобличаю в фальши. Вообще, хотя наши отношения по-прежнему хороши, я подмечаю в характере и поведении Митьки плохие черты. Он дерзок и надменен только с теми людьми, которые не могут ему повредить, необычайно льстив и всё же претендует на откровенность. Он груб и нередко невежлив. Он может предать любого человека в любую минуту, если он видит, что этот человек в опас-

ности и что эта опасность может грозить Митьке. Он необычайно алчен на деньги. Он труслив и любит лгать, как мать его. Но я с ним общаюсь, потому что одному же не прожить, а в СССР я еще ни с кем не сблизился. Прослушал превосходный квартет Рихарда Штрауса. Митька не понимает музыки. Он стоит на позициях непримиримого формализма в литературе и искусстве, любит болезненное и *morbide*¹ и повторяет упорно, что «наши» лучшие годы остались в Париже. Я верю в будущее и настоящее. Он же интересуется только прошлым. Потом он необычайно беспринципен. Он не любит масс — «толпы». Он плохо обращается с официантами и домработницей, потому что они ему не могут навредить. Кроме этого, Митька всегда берет со мной вид бывалого типа и старшего брата — и это противно. Митька безмерно хвастлив и чванлив, но в то же время очень труслив: так, перестал писать дневник, опасаясь, чтобы этот дневник не попал в руки наркомвнудела! Но довольно о нем. Теперь два 9ых класса и один 8^й окончательно перешли в 1^ю смену. Та девица, о которой я писал, также перешла в 1^ю смену. Вообще-то я знаю, что практически я с этой девицей ничего не сделаю, но один вид ее просто преображает меня и делает как бы счастливым и полным оптимизма, что очень хорошо. Да и вообще это все исключительно несерьезно и мимолетно. Последнее время подумываю о смерти, но только подумываю. Мне еще с девушками рано знакомиться: я только вооружаюсь, у меня еще есть много слабых мест. Времени довольно много передо мной, так что... Прочел прекрасную книгу «Cheri» Colette.

23/1-41

Вчера встретился с Митькой. Ездили по трамваям, ели мороженое. Митька рассказал о том, как 19го он пошел за какой-то девицей, которая была на вечере, и как он с ней переспал, и как она думала, что он ей заплатит, и как он не заплатил... Я ему сказал, что, в сущности, такие *aventures vulgaires*² не представляют интереса. Сегодня мне Сербинов рассказал, как он *faisait l'amour*³ со многими девицами из нашей школы. Оказа-

¹упадочническое.

²вульгарные приключения.

³занимался любовью.

лось, что та девица, которая мне нравилась, «теперь за 50 копеек пойдет с кем хошь» и что он ее тоже «трáлевáле». И он не врет. Рассказывал, как первый раз с какой-то девицей спал: «я, б...., обрызгал кровью кальсоны, такое сопротивление было». Рассказывал, что эта девица Придать (которая мне нравилась) сама в любви любит командовать, и как он начал плохо учиться и мать его грозила пойти к матери этой Придать. Интересная штука! Люблю закулисные дела. — Психология матерого журналиста. Завтра-послезавтра узнаю отметку по контрольной работе по алгебре. По черчению получил отлично, по истории — «пос с вожжами». Сейчас иду получать фотографии: вчера Митька повел меня к фотографу, где снимался я.

25/1-41

Вчера вновь поругался с Митькой. Дело в том, что мы начали вспоминать большевскую эпоху и обвинять друг друга в подлости. Я ему откровенно сказал, что я его считаю приспособленцем, оппортунистом и лицемером. Он же перенес свою злобу на отца и начал говорить о том, что когда меня и матери не было в Болшеве, то все было хорошо, что отец — тряпка, а мать — «une vieille folle»¹. Потом начал говорить о том, что Аля — доносчица и донесла на Алешу. В эти минуты он был так противен, так мерзко защищал свою запятнанную семью, что я его спросил, как же он мог, считая меня подлецом и т.п., принимать то, что я на него истратил такую кучу денег? Я сказал, что на его месте я бы так не поступал — как же это: есть из чашки, которую ты считаешь грязной! Сказал я это нарочно, чтобы его задеть и поиздеваться над ним, потому что я видел, как вскрылась его подлая сущность, столь схожая с сущностью его семейки. Их отличительная черта: они делают вид, что все прекрасно, лицемерят, а под шумок вредят. Митька сделал вид, что обиделся, начал укорять меня в бестактности. Я ему сказал, что пуще всего презираю лицемерие и где вижу лицемерие и двурушничество, то всегда вскрываю и разоблачаю. Потом я ему сказал, что мне порядочно надоело его презрительное отношение к народу и к Москве вообще. Тут он меня обозвал «шпионом» и сказал,

¹ «сумасшедшая старуха».

что он век не видал бóльшей сволочи, чем я. Мы взяли трамвай, потом вышли и продолжали «обмениваться мнениями». Я ему сказал, что если я с ним ходил, то это только потому, что одному было скучно, так что он был чем-то вроде «taxi-girl»¹, которой платишь и которая танцует. Тут он сделал вид, что хочет меня ударить, но я не дался, и ему не удалось. Это только доказывало, что он был не в силах мне противоречить. Я считаю, что эта склока имеет глубокие корни. Я и Митька слишком во многом расходимся — он лицемерен и гнил, а я нет, и в этом-то все и главное. Он человек исключительно недоброкачественный. Неприятно только то, что я ему одолжил «Алису в стране чудес» и боюсь, что он не захочет эту книгу отдать. Кроме того, он хотел мне подарить на день рождения две книги Кирсанова — одна с 3 поэмами («Робот», «Золушка», «Война с чумой»), а другая — книга стихов. (Я эти книги видел). Нет, у нас с Митькой очень серьезные расхождения — принципиального характера. Мы слишком противоречим друг другу. Я играю всегда начистоту, а он говорит о каких-то теориях лжи. В школе все дела в порядке: контрольную написал на неожиданно высокую оценку: хор. с минусом. Jusqu'ici² я писал только на пос и пос с минусом. А теперь вдруг хор. с минусом! По физике — хор., по истории — хор. Всё в порядке. Получил ученический билет и, наконец, курс новой истории. Как будто послезавтра смогу получить «Историю народов СССР». Это очень хорошо. Отломался кусочек переднего зуба. Англичане взяли Тобрук и Кассалу. В Англии запрещен орган компартии «Daily Worker». Завтра — примерка шубы у Мулиного портного.

26/I-41

Сейчас 4 heures de l'après-midi³. Сегодня читал в «Правде», что англичане вступили в Абиссинию (итал. колония). Туда же прилетел абиссинский Негус. Тобрук взят англичанами, и в ближайшие дни будет взята Дерна. В Румынии — кровавые мятежи легионеров. 5.500 убитых по всей Румы-

¹ «девица за деньги» (англ.).

² До сих пор.

³ 4 часа дня.

нии, еврейские погромы. Антонеску борется против легионеров и Хория Сима. До сих пор положение в Румынии неясно. Как будто Антонеску удастся подавить кровавый мятеж. Сегодня утром занимался уроками. Сделал чертеж. Опять нечего делать. Вчера были у Лили. Там были Кот, Вера. Пришел Женя и сообщил, что какая-то женщина, почитательница стихов матери, уезжает из Москвы и предлагает даром оставить матери эту комнату в 20 метров у Красных ворот. В ближайшие дни выяснится, насколько это предложение целесообразно и как можно его осуществить. Неужели придется опять переезжать? Менять школу? Конечно, здесь нужно платить, но все-таки я тайно надеюсь, что эта комбинация провалится. Сегодня вечером Лиля будет говорить с этой женщиной. Вообще я сомневаюсь в практической осуществимости этого проекта. Дело в том, что эта женщина уезжает 1го февраля. Я надеюсь, что она не имеет права сдать эту комнату или что-нибудь в этом роде. Мне надоели переезды и перемены школ. Довольно изматываться и переезжать. Возможно, что сегодня не будет примерки, так как этот портной только сегодня или вчера принялся за это пальто. Вчера продал рассказы Зощенко за 13 р. Совершенно нечего делать — нельзя же только читать и слушать радио. Вчера была на ул. Горького в Центр. универмаге большая очередь за будильниками. Жизнь моя настолько пуста, что совершенно не о чем писать.

28/I-41

Вчера мать пошла нести передачу отцу и сестре в Бутырки. Отцу деньги приняли, а матери сказали, что Аля выслана в гор. Котлас (Северные железнодорожные лагеря). Итак, Аля сослана. На сколько лет высылки приговорил ее суд? Мать скоро подаст анкету в НКВД по этому поводу. Город Котлас — новый город — центр лесопромышленности, конечный пункт Кировской ж.д. Расположен в Архангельской области. Аля сослана приблизительно в то место, куда сослан Алеша, — по карте Котлас и Усть-Вым близки. Котлас расположен в Арханг. обл. около границы с Коми АССР, а Усть-Вым (куда шлют письма Алеше) около границы с Арх. обл. Причем и Котлас, и Усть-Вым расположены на реке Вычегде. Итак, Аля сослана в г. Котлас — Железнодорожные

лагеря. Очевидно, они продолжают Кировскую железнодорожную линию. Интересно, сколько лет получила Аля? Муля думает — столько, сколько Алеша, — 8 лет. Нужно полагать, что скоро вышлют отца, а потом Львовых. Мне обидно, что я потерял связь с Митькой как раз в тот момент, когда я от него могу узнать, что получают Львовы. Это, конечно, обидно. Так что пока выслали молодежь — Алешу и Алю — мелких рыб. Мне все-таки очень важно узнать, сколько получила Аля — то же, что Алеша, или меньше, или больше? Теперь я не сомневаюсь в том, что и отец будет сослан. Но очень важно знать, сколько точно лет они все отдельно получают — потому что разница сроков всегда что-то говорит. Но крупные рыбы пока что на месте. Но это очень обидно, что я потерял связь с Митькой в такой момент. Но я надеюсь, что бабушка позвонит Лиле, или Лидия Максимовна известит Лилю. Скорей бы узнать, что получила Аля! Если столько же, сколько и Алеша, то значит, что ее считают столь же виновной, сколь и его, а если меньше, то все-таки лучше. Итак, дело пододвигается к развязке. Оно и лучше — гораздо хуже жить в такой нерешительности. В школе дела хороши. Сегодня будем делать стенгазету. На следующей неделе будет контрольная работа по геометрии — противная штука, где рискую разбить нос. Послезавтра буду лечить передний зуб — противная штука, но *pour être beau il faut souffrir*¹, как говорится. Сейчас 8 ч. 50 м. по московскому времени. Сегодня был у портного на примерке пальто. 4го февраля пальто будет готово. Я решил прервать отношения с Митькой — ничего доброго они не сулят. Но мою книгу я непременно должен у него достать. Я подожду-подожду, а потом возьму да и позвоню по этому поводу. Сомневаюсь, чтобы он посмел ее не отдать. А если посмеет, то напущу на него мать. Мне плевать на приемы, я результат видеть хочу. Интересно, какое будет пальто? Надеюсь, что хорошее. Я совершенно ясно чувствую, что я должен идти по линии школы, общения с товарищами *présents* и *futurs*², знакомств и т.п., а не по линии общения с Митькой. Он такой тип, что со своими упадническими теориями попадет в какую-нибудь историю, а мне потом отхлебывать — нет, спасибо! Кушайте сами! А главное то, что я с ним не лажу — ссо-

¹ красота требует жертв.

² сегодняшними и будущими.

ры не даром. Слишком разные у нас теоретические установки и принципы. Общее у нас то, что мы оба жили во Франции и оба любим литературу, а остальное – все врозь. Слушал английское радио – джаз-оркестр. За чертеж получил 2⁰⁰ отлично.

31/I-41

За последние дни я многое передумал. Я окончательно решил порвать с Митькой и идти по дороге школы, школьных знакомств. Я решил идти по пути нормального развития. К чорту ненормальные явления и Митьку с его пошлой романтикой. Довольно. Будем жить жизнью, а не хламом. Реализм побеждает. Я стою на позициях реализма. Митьку – к чорту. Он мне больше не нужен. В конце концов, он был действительно «taxi-girl» – sans plus¹. Остается еще вытребовать у него мою книгу. Завтра мне исполняется 16 лет. В конце концов, это содружество с Митькой не может дать хороших результатов, а только плохие. К чорту разложивцев. Прочел прекрасную книгу «Рожденные бурей» (т.е. «Как закалялась сталь») Островского. В школе дела нормально. Мне порядочно надоело быть без девки. Желание сверлит, как чорт. Но я реалист и знаю, что в 15–16 лет ничего не добьешься в этом отношении и что нужно ждать. Кроме того, проституток не надо – это скучно и грязновато. Ко всем чертям. Очень туго иду по алгебре, геометрии и физике. Но ничего – все уладится. Завтра матери в НКВД будет дан ответ на анкету об Але и положении следствия. Могут кое-что сказать, могут – ничего.

4/II-41

1⁰⁰ февраля узнал, что Алю осудили на 8 лет. Сослана она туда же, куда и Алеша, – в республику Коми. Итак, пока количество очков равно – 8 лет Алеше, 8 лет Але. Посмотрим, что будет дальше. Митька не утерпел – позвонил. Подарил мне 2 Кирсановых – «Три поэмы» и «Из книг». Мы с ним по этому поводу встретились. Он мне отдал «Алису». Мы пренеприятно разговаривали, как-то очень агрессивно у нас выш-

¹ «девицей за деньги» (англ.) – не более (фр.).

ло. Я вообще его шлю ко всем чертям. Он мне надоел. Он — лицемер. Издевался над «Как закалялась сталь», да и вообще издевается над всем — а это и скучно, и глупо, и вредно. Вообще, поменьше с ним вместе — получше. 1го февраля был с группой одноклассников-комсомольцев (3 человека) в кино — смотрел кинофильм «Суворов». Кинофильм неплохой — даже хороший. В школе — дела неплохи. Хор. по диктанту. Неприятное дело: на носу контрольная работа по геометрии. Именно на носу — как назойливая насморочная капля, которая не хочет падать. Мать на день рождения подарила бутылку портвейна, 30 рублей и «Герой нашего времени» Лермонтова. 2го был с Сербиновым на эстрадном конкурсе в Доме актера (неважно). Последнее время я стал гораздо интенсивнее жить жизнью школы. В конце концов, я прав, что интересуюсь ей — там ведь жизнь. С наступлением моих 16^{ти} годов встает вопрос о паспорте. Но у меня нет метрики. Муля советует написать в НКВД заявление. А то в милицию пойдешь — там начнут спрашивать, кто и как и почему, а кто знает, что можно ответить? Ведь биография такая засекреченная, что совершенно не знаешь, что можешь сказать. Я боюсь, что дело с моим паспортом сильно затянется. Митька говорит, что он два года не получал паспорта. Все не решусь лечить зуб — вернее, совершенно нет времени для лечения. В Эритрее англичане выбили итальянцев из Агордата. Вообще итальянцев всюду бьют. Так им и надо. Хотелось бы с кем-нибудь прочно подружиться в школе. Но все думают, что у меня куча знакомых и т.п. Никто в школе не знает, насколько я одинок. Да и вообще, чтобы меня хорошо понять, нужно знать всю биографию со всеми обстоятельствами — а эту биографию-то и показывать нельзя. В том-то и кроется трудность. Я живу изо дня в день. Конечно, недостает чего-то большого и интенсивного — то ли любви, то ли какого-нибудь дела; но это должно прийти — эта «заполненность», к которой я стремлюсь.

6/II-41

Позавчера опубликовали указ о разделении Наркомвнудела СССР на 2 новых наркомата: Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности. Пока что я не имею никаких сведений о функциях этих наркоматов. Но, очевид-

но, НКГБ — это НКВД сегодня, а НКВД — неизвестно еще что. В школе — дела превосходны. Получил хор. по анатомии, отлично по литературе, отлично по черчению. Усиленно занимаюсь девочками — да все у нас в классе этим занимаются. Все обо мне почему-то думают, что у меня куча любовниц, — очевидно, потому, что я нравлюсь девочкам. В 9^м кл. есть девица, о которой я уже писал. Почему-то все думают, что я с ней знаком и все такое, что я ее зову «Кисанькой» и т.п. Должно быть, она распространяет эти слухи. Всегда, когда мы с ней встречаемся, то она на меня глазеет, хохочет и тому подобное. Берия — нарком НКВД, а наркомом Гос. Безопасности назначен Меркулов. Вчера проводилось затемнение. Были у Лили. Сегодня также будет проводиться затемнение. Так же пойдем к Лиле. Митька звонит и хамничает. Лучше бы совсем не звонил. Он мне надоел хуже горькой редьки. Завтра — сочинение, а послезавтра — контрольная по геометрии. Сейчас поеду на Кузнецкий мост — чего нового есть в «книжных и бисквитных лавках».

7/II-41

Вчера достал 1^й том «Истории дипломатии» в 2^х томах. Записался на 2^й том — дал свой адрес. Вчера был вместе с племянником Зины (сожительницы Лили) Лодей в кино. Смотрели хороший кинофильм «Ветер с Востока». Сегодня написал сочинение на тему: «Против кого и за что борется Чацкий». Последнее время вновь сблизился с Сербиновым, который очеловечился. В последнее время вошел в соприкосновение с девочками нашего класса — одна из них довольно симпатичная. Та, о которой я писал раньше, в сущности очень пуста. Сербинов говорит, что если бы я хотел ею обладать, то прекрасно смог бы — так что возможность есть... Но я — эстет. Эта девица — вульгарна, хотя и собой ничего. Не хочется пошлятины... не знаю. Вообще, с каждым днем в классе укрепляется убеждение в том, что я какой-то Дон-Жуан. Все в этом уверены. А когда я говорю, что никто меня никогда не встретит с девушкой, то все кричат, что я хитер и осторожен. Почему это? Например, многие уверены, что я знаком с этой девицей из 9го класса — а я с ней ввек слова не промолвил. Мне порядочно надоела эта «веселая клевета». Недавно иду к парикмахеру, а встречается товарищ и сей-

час же шутит и не верит, что я иду к парикмахеру, а иду на свидание и т.п. И все это, очевидно, из-за того, что эта Предатько из 9го класса всегда смотрит на меня, проходя, смеется и т.п. Это очень смешно — что все думают, что я такой бабник. Держу пари, что никто бы не поверил, если бы я сказал, что вообще еще не имел дело с женщинами («Как! Ну, кто-кто, а ты уж...» и т.п.) Нужно сказать, что это все имеет мало значения, но создает вокруг меня какой-то ореол, который мне совсем не нужен. Сегодня слушал по радио замечательную поэму Багрицкого «Дума про Опанаса». Какие стихи! Меня они всколыхнули. Этот идиот Митька, например, совершенно не способен *понять* эти стихи. Он будет говорить о совершенстве формы, мастерстве и т.п., а о пафосе революции — ни гу-гу. Чорт с ним — нечего мне больше с ним встречаться. Принести может он мне только вред. Интересно, как будут дальше развиваться мои школьные дела. Завтра — контрольная по геометрии. Нет, факт, что школа приобретает для меня больше интереса. Я как-то легче в ней вращаюсь — возможно, в связи с укреплением отношений с людьми.

9/II-41

Сейчас 10 часов 42 минуты вечера. Слушаю трансляцию из Концзала им. Чайковского. Сейчас оркестр под управл. Лео Блех (Рига) исполняет замечательные симфонические произведения Вагнера. Сегодня звонил Митька и просил зайти. Так как я с ним «официально» не рассорился, то пришлось пойти. Он сейчас же, с места в карьер, начал клянчить у меня подарок. Отличительная черта — ни капли своего достоинства. Разве можно так клянчить. Он наивен в своем цинизме. Вчера были с матерью в Гослите — там выступал известный в литкругах Андроников. Замечательный подражатель! Он воссоздает и раскрывает образы людей. Он имел большой успех. В Гослите же получил книгу стихов Лермонтова (поэмы, стихи — всё главное). От нее же <А.П. Рябининой> мать получила для меня «Героя нашего времени» Лермонтова. Контрольную по геометрии решил неожиданно удачно: задачу решил правильно, теорему доказал, только вот следствие из теоремы не вывел, но, наверное, хоть хорошо поставят. И это для меня будет небывало удач-

ный результат. Были у Барского – он говорит, что никуда писать не надо, что паспорт дадут и так. Увидим. Мои ближайшие задачи: вылечить зубы и достать паспорт. У нас в доме есть врачиха. Я узнал ее телефон и предполагаю пойти к ней лечить зуб. Это непременно надо сделать поскорей, а то я всё время откладываю, а зуб портится. Это самое ужасное – откладывать. В Ливии англичане взяли Бенгази и прорвались в побережье – к морю. Англичане здорово бьют итальянцев. В Америке обсуждается законопроект о предоставлении неограниченной военной помощи Англии. Очевидно, этот законопроект будет принят. Америка хочет большинство своих ресурсов употребить на помощь Англии.

11/II-41

Вчера был у зубврача на М.Дмитровке. Он мне вставил фарфоровую пломбу, но она сейчас же выпала. Завтра я пойду к нему вместе с матерью. Возможно, что придется поставить коронку. Сегодня спрашивали по географии и истории – посхор. Представил два чертежа, которые оба получили «отлично». Результаты контр. работы по геометрии, очевидно, узнаю 13го числа. Сербинов ругает наш класс, говорит, что он раньше был сплочен «как один человек», а теперь каждый отдельно. Все-таки я рад, что хожу в школу: она веселит и развлекает меня, там я встречаюсь с людьми – пусть не очень интересными, но все же происходит какое-то общение, развивается какая-то деятельность, нет того чувства отмирания и отставания от жизни, которое у меня часто бывает. По сочинению на тему «Против кого и за что борется Чацкий» получил «отлично». Нет, конечно, школа – это жизнь, и хождение в школу – это единственный способ мой не отставать от жизни и вообще жить. Коллектив – великая штука. Конечно, большинство из моих сопартников довольно мало культурны (т.е., быть может, объективно они очень культурны, а у меня повышенные требования в этом отношении). Конечно, девочки там представляют очень мало интереса, и классный флирт происходит грубо и неинтересно. Конечно, еще много грубости и бестактностей. Но все эти ученики живут полнокровно – думают, чем-то интересуются, общаются с людьми и т.п. Самое опасное для меня – это *s'enfermer dans une tour d'ivoire*¹ и поддаться пессимиз-

му, воспоминаниям и т.п. А школа меня занимает, и увлекает, и приближает к действительности, к тому реалистическому отношению к жизни, которого я добиваюсь. Я принимаю участие в советской жизни, я — член общества, а не паразит. Мой выход и мой путь — только в общении с людьми школы, а позже армии и института, а не в общении с разными Митьками.

16/II-41

Зубной доктор дал направление на рентгеновский снимок моего зуба. Завтра получу карточки, принесу их доктору, и он скажет, что нужно делать с зубом. Вчера был в кино с Сербиновым. Видели хорошую картину «Весенний поток». Сегодня у матери с соседкой Воронцовой произошел на кухне скандал, который отравил мне весь день, жалею я мать, что ей приходится жить со склочниками и мещанами. Мне-то наплевать, но мне мать жалко, очень-очень жалко. Ее так легко обидеть и уязвить! Какая мерзость эти кухонные склоки! Я все сделал, чтобы обезвредить этот скандал. Эта Воронцова — мелкая, завистливая женщина. И сказать только, что матери приходится быть с ней на кухне! Я стараюсь сделаться вконец бесчувственным, но не удается мне это. Я рекомендую матери не обращать внимания на этих людей и не отвечать на их замечания. Но мать говорит о справедливости, что ее несправедливо обвиняют в грязи, что таким тоном с ней нельзя разговаривать... Я ей говорю, что она не должна унижаться до пререканий с такими людьми. Но трудно перевоспитать человека и научить его хладнокровию, презрению и холодности. Оттого-то я так люблю коллектив, что там я забываю о мелочных превратностях судьбы и людских мерзостях. Встретился с Митькой — он должен был мне отдать кашолку, которую забыла у них Лиля (она была у бабушки), чтобы я ей отдал. Митька, как всегда, в веселом расположении духа. В последнее время сблизился с Сербиновым — он хороший парень, хотя неотесан, бестактен и помещан на женщинах. У него хорошая натура и добрый нрав, и быть может, из него выйдет настоящий человек, когда он попадет в какую-нибудь творческую среду, которая его захватит.

¹ запереться в башне из слоновой кости.

Сербинов плохо учится. Я пытаюсь навести его на путь истины, чтобы все-таки куда-то добратся, но он мало на это обращает внимания. Впрочем, увидим. Я ему говорил о том, что боюсь никогда не быть русским человеком, что всегда на мне будет лежать клеймо Запада, и что хотя я стараюсь наиболее полно приспособиться к советским условиям, все-таки все во мне видят «мусьё» и «хранцуза», говорят, что во мне нет ни капли русского духа, что я на русского не похож и т.п. Я стараюсь наиболее полно быть советским человеком, но, очевидно, роль играет то, что я наружно совсем не похож на русского человека – скорее англичанин, немец или поляк – а во-вторых то, что я свободно говорю и пишу по-французски, и приехал сравнительно недавно из-за границы, и жил там долго, и никогда не был раньше в СССР. Меня в классе отнюдь не считают чужаком, но все-таки отмечают разницу между мной и другими. Но я люблю школу, несмотря на то, что ко мне относятся немножко как к какому-нибудь гибриду из зоопарка. В школе интересно, есть с кем поговорить и поболтать, там много смеешься и забываешь про неприятности. По геометрии небывалый результат – отлично. По черчению и истории – тоже отлично. Вчера открылась 18ая партконференция.

20/II-41

Недавно получил от матери ценные подарки – том избранных произведений Маяковского (Academia, 1936) и 1^й том полного собрания сочинений Багрицкого «Ранние стихи», «Трактир», «Юго-Запад», «Дума про Опанаса». Я очень рад этим книгам – они исключительно полезны и обогащательны и кроме того, очень интересны. Багрицкий – замечательный поэт. А Маяковского я знаю хорошо, и с новым томом у меня создается целая библиотечка его вещей. Также приобрел вчера роман Дос-Пассоса «1919» на франц. языке – этот роман исключительно ценный документ о годах войны и непосредственно после. У меня также есть томик Хлебникова. Есть Th. Gautier, Racine, Corneille, есть Пушкин и Лермонтов. Продолжаю читать Чехова – замечательно, очень замечательно. Послезавтра пойду в ЦДТ – «Коварство и любовь» с классом и Сербиновым. Появляются признаки весны.

Вчера мне поручили сделать доклад на тему: «Общество столицы в «Евгении Онегине». Срок — 1–10 марта. Испортилось радио, так что сижу без музыки. Только что выполнил трудный чертеж — вычерчивание плана класса. Сегодня иду в театр — в Детский театр: «Коварство и любовь». Это скучная штука, но весь класс идет, и я тоже должен. Очень противно, что не слышно радио — не имею международных новостей, а газеты читать некогда. В четверг будет контрольная по алгебре. Теперь нужно будет усиленно готовиться по «Евгению Онегину», чтобы не упасть носом в грязь, когда будет доклад. У меня нет Белинского, и я совершенно не знаю, где его достать. Наши отношения чередуются периодами взаимного понимания и непонимания. Отношения наши не могут быть равными, потому что Сербинов. В нашем классе пользуюсь успехом у представительниц слабого пола, но *pousser plus avant*¹ — игра не стоит свеч, т.е. никто из девочек не представляется интересной. Есть очень миленькие и симпатичные, но ничего особенного. *Par contre* Сербинов² бесится, чтобы к нему ревновали и т.д., а я, по правде сказать, не люблю этой полулюбовной кухни, которая отнимает много времени и представляет интерес лишь относительный. Продолжаю читать замечательные рассказы Чехова — какой язык и какие рассказы! Просто *formidable*³. В альманахе «Дружба народов» вышел перевод матери «Раненый барс» В.Пшавелы. Этот перевод имеет большой успех. Сербинову не хватает чувства меры, такта, вежливости и вкуса. Он очень безвкусен. Но что судить? Я раньше все время судил, а теперь не сужу, а стараюсь понять. Конечно, когда мне вредят и мешают, я не только стараюсь понять, какие обстоятельства вынудили тех или иных людей так действовать, — я также принимаю меры. Но все же я всегда стараюсь понять, как и почему. Нужно всех понимать и все уметь объяснить. Но это не значит, что нужно все спускать. Спускать не нужно ничего или почти ничего. Буду накрывать на стол. Сейчас 6 ч. 15 мин. *de l'après-midi*⁴. Через час должен быть у Покровских ворот, чтобы встретиться с Сербиновым и Айзенбергом и вместе с ними пойти в театрик.

¹ но идти дальше.

² Сербинов же.

³ здорово.

⁴ дня.

23/II-41

Вчера был на «Коварство и любовь» — штука довольно скучная. Сегодня вместе с Сербиновым пошел в кино — видел неплохой фильм «Салават Юлаев». Сербинов предлагает мне зайти к нему. Он мне советует поухаживать за Ремой Петровой — я же не знаю, начинать эту волынку или нет. Конечно, если век ждать какой-то восхитительнейшей женщины, какую-то перлу, то все женщины пройдут перед носом, а все же я не знаю, начинать ли волочиться за девкой, потому что мне кажется всегда, что игра не стоит свеч, что я могу найти лучше и «высококачественнее» и т.п. А Сербинов говорит, что игра стоит свеч. А мне все время кажется, что я даром трачу силы, что для меня нужна девушка во сто раз красивей, и умнее, и очаровательнее, что это пошло и скучно, что во Франции за такой бы не волочились и т.п. Не знаю — трудно решить. Бесспорно, если бы я начал ухаживать за любой из наших дев, это дало бы результаты, но мне лень, и все время — игра не стоит свеч, найдешь лучше, стоит ли из-за такой и т.п.

24/II-41

В школе я запутался в кольце интриг. Мы с Сербиновым волочимся за одной девицей — Ремой Петровой. Волочимся *en tout bien tout honneur, d'ailleurs*¹. У нее есть подружка (все это наши одноклассницы). Мы с Сербиновым ее не перевариваем (пустышка-болтушка с претензиями). А она очень бы хотела, чтобы и или Сербинов за ней волочились, и ревнует нас к Реме. Особенно зла она на меня, потому что я метко ее осмеиваю и острою на ее счет — да и вообще я гораздо ядовитей Сербинова (когда хочу быть ядовит). И эта девчонка решила погубить меня в глазах Ремы. Она ей сказала, что я якобы произнес следующие слова, когда Рема не пришла в театр: «Ну, подумаешь, Рема не пришла — тоже моя поклонница...» И Рема стала холодна со мной, как камень. (Т.е. не совсем, но почти.) Она рассказала этот случай мистеру (так я зову Сербинова). Он рассказал мне. Тогда я сказал Реме, чтобы она не верила тому, что про меня плетут. И тут же пробрал эту девчонку за клевету на мой счет. Сербинов теперь хочет устроить так, чтобы мы втроем (я, он и Рема) пошли в театр. Вряд ли это удастся, но все возможно.

¹ Впрочем, надо сказать, честь честью.

Тут я начал говорить о том, что, быть может, я буду лишним (потому что он и Рема сидят за одной партой и как будто состоят в неплохих отношениях). Он ответил, что если бы я был лишним, то он бы мне сказал, что втроем будет замечательно, наговорил тут же, что относится к Реме «как к сестре» (гм, гм). Я не знаю — стоит ли мне поактивнее волочиться за Ремой или нет? Все время теревит проклятый вопрос — стоит ли игра свеч или нет. По правде сказать, мне хочется, чтобы Рема ко мне относилась по крайней мере так же хорошо, как к Сербинову. Все это, конечно, пустяки. Но я прекрасно знаю, что если начну усиленнее обращать внимание на Рему, разговаривать с ней, то она будет мне доверять — а для меня это главное. Мне необычайно хочется, чтобы Рема ко мне по крайней мере так же хорошо относилась, как к Сербинову. Il est vrai¹, что то, что она к нему хорошо относится, известно мне только из его уст, и я не знаю, врет ли он. Дело в том, что я иногда себя представляю слишком культурным и переросшим наших одноклассниц. Возможно, что я слишком сложен для Ремы, возможно, что мои успехи в литературе, острый язык, блеск и развязность как-то отпугивают ее — отчуждают от меня. Это тоже играет свою роль. Я прекрасно знаю, что если я начну активную деятельность в деле завоевания доверия этой Ремы, в деле закрепления нашей дружбы, мне все удастся, но стоит ли начинать или нет или окончательно оставить ее Сербинову? Иногда мне все эти улаживания и лукавства представляются необычайно мизерными, если на это объективно посмотреть. И потом, возможно, лень déployer ses batteries² для чего — для какой-то Ремы из 8го «А»? Я не знаю просто, о чем с такой Ремой говорить... Я думаю, что его проект с театром провалится — не выйdet. Эта Рема имеет довольно строгих родителей, да и потом сама она вряд ли согласится. Она на меня часто смотрит своими очень красивыми голубыми глазами и улыбается. Конечно, она очень симпатична — j'en conviens³. Надо же когда-нибудь начать волочиться! А то если ждать какую-нибудь совершенную литературную красоту, то так лет до 30 будешь ждать. Вряд ли с театром удастся. Вообще мне вся эта волынка надоела — но нечего делать. Вообще все это крайне fragile⁴ и несерьезно.

¹ По правде говоря.

² развернуть все свои силы.

³ это я признаю.

⁴ недолговечно.

28/II-41

Недавно произошло два интереснейших события. Во-первых, приехали Хенкины. В Париже Хенкины были связаны с отцом. Кирилл Хенкин – молодой человек – ездил сражаться в Испанию, потом вернулся в Париж. От Хенкиных пришла женщина. Она рассказала, что после объявления войны они уехали в Америку, а оттуда сюда. Счастливеец Кира! Видел Америку – страшно интересно. Видел Нью-Йорк и Сэн-Франциско! Эта же их знакомая рассказала, что Хенкины просто открыли рот от удивления, когда узнали, что отец и Аля арестованы. Они этим удручены чрезвычайно – это известие их очень ударило. Встречаться с нами они боятся (потому что недавно приехали и т.п.). Но это очень интересно, что они приехали, – что с ними дальше будет? В.Я. Хенкин – известный советский артист и брат отца Киры, тоже артиста. Кажется, Кира переводит какие-то сценарии. Интересно! В.Я., наверное, составит ему надежную протекцию. Какова будет дальнейшая судьба 3^х вернувшихся (или, вернее, приехавших) из-за границы молодых людей (из Франции), моя, Митьки и Киры? Что с нами будет дальше? 3 человека неважно кончили: Павел Толстой сослан, Алеша сослан, Аля сослана, папа и Балтер арестованы, арестованы Нина Николаевна и Николай Андреевич – что же будет с тремя вышеупомянутыми представителями молодого поколения? «Кончим» ли мы тоже (или пройдем через это) на строительстве железных дорог? Во-вторых, на имя Али пришло два письма... из Франции! Открытка, датированная 10/II-41, и письмо. Пишет Вова Бараш (я с ним познакомился незадолго до отъезда из Парижа). Он живет в Марселе, Allée Léon Gambetta. Он не подозревает об аресте Али и передает привет Алеше. Мать из-за глупых нравственно-интеллигентно-морально-возвышенных соображений не открывает письма. Но это замечательно, что хоть кто-то из парижской компании уцелел, не арестован! Живет в Марселе... Чрезвычайно интересно! Подумать только, что Бараш пишет из Марселя! Как ужасно глупо, что нельзя открыть письма! Я необычайно зол на мать по этому поводу. Письмо отправлено *Via Suisse*¹. Очевидно, Бараш надеется на то, что Аля сможет устроить его приезд в

¹ через Швейцарию.

СССР. Если бы он знал! Говорят, что Кира и его мать были просто ошеломлены: «Как, Сергей Яковлевич... арестован...» Они же его знали как неумоимо работающего в Париже за дело СССР... Теперь часто слушаю выступления De Gaulle'a. По-моему, он правильно говорит. Во всяком случае, это в сто раз лучше Пэтена и его сволочей (Peyronton et C°). Очень интересно слушать «ici le poste de la France Libre»¹. Англичане захватили столицу итальянского Сомали Могадишо. Хотел бы я, чтобы окончательно раздолбасили итальянцев! И войска де Голля сражаются вместе с англичанами. Абиссиния окружена с 3^х сторон. 26го был в Конц. зале, слушал гениальную 5^ю симфонию и замечательный 1^й концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Завтра иду к зубному врачу. Решено ставить коронку. Кончил Чехова — замечательно. Теперь читаю «Шерлока Холмса».

2/III-41

Вчера звонил в районный паспортный стол. Там мне сказали, что раз у меня нет свидетельства о рождении (метрики), то паспорт выдать они мне не могут. Они посоветовали мне пойти в городской паспортный отдел (Петровка, 25), что только этот отдел может разрешить вопрос. Завтра же я туда пойду. Мне довольно неприятно туда идти, но что ж, приходится. Вчера, после зуболечебного сеанса у дантиста, ходил по Каляевке и вспоминал времена, когда я ездил из Болшева держать экзамены в художественную школу. Всё это неповторимо, конечно. И все же я ничего не жалею — ни трудных минут, ни арестов, ни неприятностей, ни бед всякого рода — одно я могу сказать: жизнь моя была всегда интересна, осмысленна и полна событий. Она никогда не была скучна. Между прочим, отец говорил, как и я, — все, что у меня есть хорошего, это моя биография. Я горд тем, что за 16 лет жизни столько пережил интереснейших событий. Да, не всегда было сладко, много было всяческих ударов, но опять-таки я ни о чем не жалею. Что было, то было, прошло и никогда не вернется. Я считаю так: как бы ни были плохи или хороши события прошедшие, всё же они за спиной, и жизнь течет уж по-другому, и потому сетовать, сожалеть, вздыхать и вспоминать не

¹ «говорит радио Свободная Франция».

приходится. Помнить нужно – это для того, чтобы извлекать какие-то аксиомы из прошедших событий. Но кормиться прошлым – это нельзя. Нужно прежде всего жить, а жизнь – это ощущение жизни, т.е. настоящего. Последнюю неделю разъединился с Сербиновым. Дело вот в чем, очевидно (хотя точно установить причины нашего разлада трудно, да и неохота): как-то мы выходили втроем вместе с Ремой. Юрка замешкался что-то, а я пошел вместе с Ремой дальше. Потом я с ней распрощался и пошел домой. Меня нагнал Сербинов. Оказывается, его кто-то ударил по губе, без видимой причины. Как я уже говорил выше, Сербинов сидел с Ремой вместе. Но потом наступило охлаждение их отношений. Я начал издеваться над Сербиновым – что он перестал ухаживать за Ремой, потому что его побили. Он говорил, что его побили, потому что он ухаживал за Ремой. Я увидел – слаб человек, если перестает ухаживать за девицей, если из-за нее его побили. Потом Сербинов был на меня обижен из-за того, что девица из нашего класса назвала его сводней (между мной и Ремой). Кроме того, Сербинов перестал сидеть с Ремой (или, вернее, Рема перестала сидеть с ним) из-за того, что как-то он ей сказал, видя, что она поворачивается, чтобы посмотреть на меня (я сижу на самой задней парте), – иди, сядь с ним, если ты оглядываешься на него. Она обиделась и больше с ним не сидит. Он мне рассказал этот случай, и я обозвал его дураком, и что она правильно сделала, что обиделась. Конечно, Сербинов был обижен, что Рема сидела-то с ним, а смотрела на меня. Кроме того, этот удар по губе охладил его, я над ним насмеялся, что он трус. Кроме того, он сидит теперь с неким Молчановым – маленьким Загорецким, грязным типчиком – как я его обозвал прямо в лицо – смесь шпиона с педерастом. Рема тоже его не любит. Кроме всего этого, Сербинов разговаривает с той девицей, которая меня ненавидит, потому что услышала, как я однажды сказал, что предпочитаю Рему ей. Я сам не переношу этой девчонки, и она не переносит этого и не переносит, когда видит, что Рема со мной разговаривает, сейчас же начинает нервно смеяться и т.п. Так Сербинов с ней разговаривает, хотя делает вид, что ее не переносит. Кроме того, Сербинову неприятно, что *je couvre tous ses effets*¹ – он страшный болтун, а я не люблю болтунов.

¹ я срываю все его эффекты.

Вообще последнее время я смеюсь над Сербиновым, над его безволием, трусливостью, фанфаронством, несдержанностью. Конечно, главное, что ему не нравится, — это поведение Ремы, которая, хотя сидит на первой парте, а всё на меня оглядывается и не может не улыбаться, когда я на нее смотрю. Это ему, конечно, не по вкусу. Не по вкусу это и той противной девчонке. Ну а мне плевать на них. Пусть идут к чорту. Рема говорит, что она не может со мной сесть, так как я сижу на последней парте, а так как она и на первой парте разговаривает и мало чего делает, то ее с последней парты выгонят. Рема мне симпатична, во-первых, потому, что она красива (во всяком случае, красивее всех наших девиц). У нее пышные каштановые волосы, черные и в то же время очень красиво очерченные брови (редкость, между прочим), синие голубые глаза, маленький розовый рот, который замечательно смеется (очень иронический). Вообще она замечательно улыбается и смеется. Сегодня ем блины у Лили. Характер у Ремы довольно безвольный, но ее наружность все компенсирует.

5/III-41

Позавчера стало известно, что болгарское правительство дало свое согласие на ввод германских войск на болгарскую территорию и присоединилось к пакту трех держав. Таким образом, в Румынии и Болгарии — оккупационные немецкие войска. Ясно, что немцы подбираются к Турции. Наркоминдел заявил, что советское правительство не одобряет поступка болгарского правительства и считает этот поступок как явление, расширяющее войну и втягивающее в нее Болгарию, и не может одобрить этого поступка. Англия прервала дипломатические отношения с Болгарией (также с Румынией). Сегодня слышал передачу лондонского радио на французском языке, где говорится, что заявление советского правительства явилось неприятной неожиданностью для Гитлера. Теперь о моих делах. Главное, что меня сейчас занимает, это вопрос о паспорте. Сначала я пошел в домоуправление, где сказал, что у меня нет метрики и что мне нужно получить паспорт. В домоуправлении мне дали телефон районного паспортного стола (отделение милиции). Я туда позвонил. Паспортный стол направил меня в Мосгорпаспотдел (Петровка, 25). Вчера я был в этом паспортном отделе. Там мне сказали, что-

бы я пошел в Мосгороблгагс. Сегодня я был в этом загсе. Там мне сказали, чтобы я принес автобиографию, заявление, выписку из домово́й книги и справку из школы. Насчет заявления, выписки и справки — ничего, но автобиографию я составляю вместе с Мулей, так как не знаю, что можно писать про отца и про его деятельность за границей. Итак, когда придет Муля, мы втроем с матерью составим автобиографию. В загсе мне должны установить возраст. В школе дела неплохи. По физике и географии получил посредственно, по литературе и по двум чертежам — отлично. Сегодня меня Айзенберг упрекал в том, что я всю перемену разговаривал с девицей, у которой плохая репутация. С Ремой у нас отношения *mationnaires*¹ — в общем, дружественно-разглядывающие. Рема все-таки безвольный человек, очень мягкий, но умеет и любит смеяться и очень симпатична. Готовлюсь к докладу «Евгений Онегин» — столичное общество. Вот и всё. Прочел «Шерлока Холмса». Купил «Маяковский. Материалы и исследования». Получил от матери 30 рублей. Хотя с ними не поссорился, но ни с Сербиновым, ни с Митькой не имею никаких отношений. Муля сообщил, что из Прибалтики приехала Ирина. Лечу зуб. Сейчас буду заниматься.

8/III-41

Il est trois heures et quart. Dans environ une heure je partirai chez mon dentiste. Absolument rien à faire. A vrai dire il faut que je prépare mon exposé sur « la société mondaine dans Eugène Onéguine », mais je n'en ai guère envie, ayant passé hier une bonne partie de la journée à cette occupation. Lire? Mais lire tout le temps, c'est bien ennuyeux. Au fond, ce qu'il faudrait, c'est avoir un bon ami, un « vrai de vrai » parce qu'à l'école il y a un collectif, mais dès qu'on sort de l'école, le fameux collectif fout le camp et tout le monde vaque à ses occupations personnelles. C'est fort ennuyeux d'être toujours seul. Pour ma part j'aime la solitude, mais il ne faut rien exagérer, n'est-ce pas? Je me suis brouillé avec Serbinoff probablement à cause de Rema, et on ne se voit ni ne parle plus. Pourtant notre amitié avait commencé sous de bons augures. Mais elle s'est vite terminée, parce que Serbinoff est jaloux à

¹ без перемен.

cause de moi, à cause de Rema. Quand on y regarde de près, que tout cela est miteux! Tous ces flirts de l'école sont terriblement inintéressants, et je flirte avec bon nombre de filles simplement parce qu'il faut bien flirter avec quelqu'un. Par exemple, prenons cette Rema – elle n'a aucun caractère, aucune volonté... Je flirte avec elle simplement parce qu'elle a des yeux très jolis, des cheveux soyeux, des sourcils et des cils admirables. Comme corps, rien de bien extraordinaire. Il se peut du reste que je sois très exigeant, mais je ne le crois tout de même pas. Il faut dire que c'est assez présomptueux de vouloir des beautés autour de soi, mais c'est assez naturel. Ce que je n'ai vraiment pas, c'est de la compagnie. Pourquoi j'aime aller à l'école, parce que là-bas on peut tout de même avoir des rapports avec les gens, qu'on peut parler et tout cela. Mais dès qu'on sort de l'école – fuit! la solitude commence. Bien entendu il ne faut pas se plaindre, parce que seuls les imbéciles se plaignent. Il n'y a pas longtemps (2 jours) Mitka m'a téléphoné – il ne peut pas encore digérer le fait que je ne lui ai pas encore copié les vers de Paul Valéry, ainsi que je le lui avais promis. J'aime beaucoup voyager en métro, en tramway, flâner par les rues du centre, aller dans les magasins de livres et les bouquinistes. Tant que je suis à l'école je suis en contact permanent avec la vie même: je parle, je flirte etc., mais tout cela n'a pas de fond. Ma destinée est assez bizarre: en France, quand j'allais à l'école de Clamart, j'étais solitaire parce qu'étranger. J'avais des copains mais pas d'amis. Ensuite, pendant deux ans que je ne foutais rien, j'étais absolument seul avec ma mère. Il est vrai que peu de temps avant de partir pour Moscou, j'ai rencontré mon ami Lefort, mais à quoi bon se rappeler? Ce temps est passé et ne reviendra plus. Ma force est dans le fait que j'ai vécu des heures inoubliables et dans celui que je peux oublier ces instants. En URSS pas d'amis non plus. Le seul ami que j'avais c'était un «revenant» comme moi, Mitka – et encore j'ai jugé bon de le rencontrer le moins possible. Et voilà. A l'école, j'ai du succès auprès de nos jeunes filles, ça, je peux m'en flatter. Toutes ces filles-là sont bien gentilles, mais elles sont fort peu jolies, c'est ça l'ennui. Il ne faut pas être injuste – quelques unes sont assez potables, mais rien de bien intéressant. Aussi je n'ai rien à foutre. Demain, je vais à la salle de concert Tchaïkovsky – il y aura un fameux concert de musique de Prokofieff et des solistes assez connus en URSS – Batourine (chant) et Richter (piano). L'orchestre symphonique

est dirigé par Prokofieff. En politique étrangère – rien de bien intéressant. La Bulgarie occupée par les Allemands – et rien de plus intéressant que cette nouvelle déjà assez vieillotte. Le principal, c'est de ne pas retarder de la vie. Le principal, c'est de ne point vivre de souvenirs, mais bien de la réalité et de l'heure présente.

Три с четвертью. Приблизительно через час поеду к зубному врачу. Делать абсолютно нечего. По правде говоря, мне следовало бы готовить доклад о светском обществе в «Евгении Онегине», но мне не особенно хочется, тем более, что я этим вчера занимался добрую часть дня. Читать? Но все время читать очень скучно. На самом деле, надо бы иметь хорошего друга «самого-самого настоящего». В школе, конечно, есть коллектив, но как только из школы выходишь, коллектив этот распадается к черту, и каждый уходит по своим личным делам. Очень скучно быть все время одному. Что до меня, я люблю одиночество, но ведь не до такой же степени! Я поссорился с Сербиновым, вероятно, из-за Ремы, и мы больше не встречаемся и друг с другом не разговариваем. Однако наша дружба началась под хорошим знаком: но она быстро закончилась, потому что Сербинов меня ревнует к Реме. Если задуматься, до чего же все это яйца выеденного не стоит! Все эти школьные флирты абсолютно неинтересны, и я флиртую со многими просто потому, что надо же с кем-нибудь флиртовать. Возьмем, например, ту же Рему – она абсолютно бесхарактерна и безвольна... Я с ней флиртую просто потому, что у нее очень красивые глаза, мягкие волосы и восхитительные брови и ресницы. Фигура у нее – ничего особенного. Очень возможно, кстати, что я слишком требовательный, но я не думаю. По правде говоря, довольно высокомерно хотеть, чтобы вокруг тебя были одни красавицы, но это довольно естественно. Чего у меня нет, так это компании. Почему я люблю ходить в школу? Именно потому, что там можно поддерживать отношения с людьми, можно беседовать и все такое, но как только из школы выходишь – фюйт! И начинается одиночество. Конечно, не следует жаловаться, жалуются только дураки. Не так давно (2 дня назад) звонил Митька. Он все еще не может переварить, что я ему не переписал стихи Поля Валери, как обещал. Я очень люблю ездить на метро и на трамвае, прогуливаться по улицам центра, ходить в книжные магазины и к букинистам. Пока я в школе, я все время в контакте с самой жизнью. Я разговариваю, я флиртую и пр.; но все это не имеет никаких

основ. У меня довольно странная судьба: во Франции, когда я ходил в Кламарскую школу, я был одинок, потому что был иностранцем. У меня были товарищи, но не было друзей. Потом, те два года, что я ни черта не делал, я был совершенно один с матерью. Правда, тогда, незадолго до отъезда в Москву, я встретил своего друга Лефорта. Но к чему вспоминать? Это время прошло и уже не вернется. Моя сила в том, что я провел незабываемые часы, а также, что могу о них забыть. В СССР тоже друзей нет. Единственный мой друг был тоже «вернувшимся»¹, как я, — Митька, да и то я с ним решил встречаться как можно реже. И вот. В школе я пользуюсь успехом у девушек, этим я могу похвастаться. Все эти девочки очень хорошие, но они совсем не красивые, вот что жалко; нет, надо быть справедливым, некоторые из них довольно сносные, но ничего особо интересного. Поэтому мне и делать нечего. Завтра я пойду в Концертный зал Чайковского — будет великолепный концерт музыки Прокофьева и довольно известные в СССР солисты: Батурин (вокал) и Рихтер (фортепиано). Прокофьев дирижирует Симфоническим оркестром. По части иностранной политики ничего особо интересного нет. Болгария оккупирована немцами, вот и все. Да и эта новость уже состарилась. Главное — не отставать от жизни. Главное — не жить одними воспоминаниями, а действительностью и настоящим часом.

10/III-41

Два дня тому назад Муля получил письмо от Али — из Коми АССР. Письмо — бодрое и хорошее. Аля пишет, что бытовые условия хороши и что даже есть клуб и кино. Сегодня я и мать отправили ей по открытке. Сегодня в Бутырках приняли передачу отцу. Получил «плохо» по контрольной работе по алгебре. Это меня сильно подкосило. Придется в субботу писать дополнительную контрольную. На этой контрольной должен получить минимум пос. Вообще, в этой четверти будет у меня, к сожалению, больше «псов», чем в двух предыдущих. Будет пос по географии и физике, может быть, также по химии. Повышу отметки по истории и черчению — на отлично, но все-таки «псов» будет больше, чем раньше. Еще предстоит контрольная работа по геометрии, которую я крайне не опасаюсь. По алгебре у меня три отметки: хор. с минусом,

¹ первое значение — «привидением».

хор. и плохо, так что пока средняя отметка — пос. Но если я напишу дополнительную контрольную работу на плохо, то будет плохо. Кончил читать «Историю одного города» Щедрина. Вчера был на концерте Прокофьева. Очень понравилась «Классическая симфония». Сейчас — 10 часов вечера. Что касается Рэмы, то решил, что она все же представляет слишком мало интереса и что ее физические качества не компенсируют отсутствие ума и темперамента. Впрочем, все это крайне зыбко. Сербинов — фанфарон и дурак, и к нему в классе относятся насмешливо и несерьезно. На переменах болтаю с девицами из 9го класса или с нашими красавицами. Все-таки — противная штука, что столько посов набирается. Это крайне противно, если будет больше посов, чем в двух других четвертях. По физике и географии посы в четверти обеспечены. Насчет химии, алгебры и геометрии дело обстоит туманно. Химию еще можно исправить на хорошо, но что касается алгебры и геометрии, то тут я не знаю совсем. Крайне интересно — на какую отметку напишу дополнительную контрольную работу по алгебре? А по геометрии? Для меня главное — это перейти в 9^й класс. И я этого добьюсь. У меня чисто профессиональные интересы. Во внешней политике — ничего особо интересного. Сейчас лягу спать.

16/III-41

Муля получил второе письмо от Али. Там же было письмо для мамы. Але нужна куча вещей, и она пишет, что страшно хочет видеть Мулю, чтобы он приезжал к ней. Она пишет, что очень исхудала и «похожа на жирафу». Но она бодро работает, и отношение к ней хорошее. Пока она все на том же месте, но пишет, что ее могут увезти еще более на Север. И все время пишет, чтобы Муля приезжал, что она надеется, что он ее не забыл и т.п. Пишет, что ей необычайно интересно, что я делаю и как устроился, где и как учусь, что делаю, как себя чувствую, что делает мама. Теперь я собрал все нужные документы для Мособлзагса: автобиографию, заявление, справку из школы и выписку из домовой книги. Кончил лечение зуба, но металлическая коронка здорово меня портит — но ничего не поделаешь. Вчера спросили по алгебре — получил хор. Возможно, что в четверти будет хор. по алгебре — а мне того и надо. Авось то же самое будет по

геометрии — у меня пос. и отлично по этому предмету. Если не будет неприятных неожиданностей, то, возможно, будет только три поса в четверти — по химии, физике и географии. Но все-таки, даже если будет так, то все же это будет на один пос. больше, чем в двух предыдущих четвертях, где у меня было только два поса. Но именно по географии и химии испытаний не будет — и это мне на руку. Боюсь трех предметов: физики, геометрии и алгебры — а все остальное пустяки. По черчению в четверти будет отлично. Я все-таки рад, что скоро настанут 7-дневные каникулы — это очень хорошо. Но когда будут каникулы, возможно, что я буду жалеть, что не хожу в школу, — это всегда так бывает. Вчера был поэт Крученых. Мне он не понравился — противный тип. Завтра-послезавтра читаю (т.е. делаю) доклад по «Обществу столицы в романе «Евгений Онегин». Недавно был в Конц. зале вместе с Митькой. Довольно трудно от него отлипнуть — да и кроме того, я надеюсь, что меня только за то, что я с ним встречаюсь, не арестуют. Я часто думаю о печальной судьбе Али. Неужели и меня ждет такая судьба. А ведь это скука — быть вдали от города, на севере. Все возможно, но на таких предположениях нельзя строить свое будущее. Читаю прекрасную книгу Дос-Пассоса: «1919-й год». Опять должен видеться с Митькой — мне интересно узнать, что с Николаем Андреевичем — перевели ли его куда-нибудь. Жду Митькиного звонка. Мы должны условиться, где и когда встретимся.

22/III-41

Наконец кончилась 3^я четверть — без потерь для меня. В отношении учебы все в порядке, и будет только два поса в четверти. В 4^й четверти непременно нужно будет подогнать физику, а то она сможет мне нагадить на испытаниях. Сегодня суббота — в школу не пошел, потому что все отметки уже стоят — и последний день. Был у доктора — определил 16 лет «с натяжкой». В загсе сказали, что вызовут. Николай Андреевич нашелся — он все в НКВД, а Н.Н. — в Бутырках, так же, как и папа. Мамаша часто пишет Але, точный адрес которой: Коми АССР, Железнодорожный р-н, Железнодорожный поселок, почтовый ящик 219/Г. Папе принимают передачу, и Митька также вносит Н.А. и Н.Н. С Сербиновым больше не разговариваем и вообще ведем себя враждеб-

но по отношению друг к другу. Мне надоели глупые интрижки из-за некрасивых девчонок. Действительно, ни одной приличной девицы нет во всей школе — печальный факт! И вообще я не удовлетворен моей жизнью — какая-то неполноценная, неинтересная она, вот что. Но я знаю, что по-другому быть не может и что в школу ходить надо и без этого не обойдешься. Конечно, скучно все время общаться с некультурными людьми, но что ж поделаешь — *rien à faire*¹. Английские войска в Африке взяли Джарабуба. Недавно был с мамашей у Нины Прокофьевой. Одолжила Олдингтона «Все люди — враги». Хорошая книга, заставляющая думать. Завтра, возможно, пойду в Конц. зал на концерт моего абонемента, а возможно, пойду в клуб МГУ, где будет выступать Андроников, а позже придет Митька — еще не знаю. Надоело мне то, что ни с кем в СССР у меня нет человеческих отношений — Митька не считается, потому что эти отношения нельзя считать советскими, да они глубоко бесплодны к тому же. Вообще мне эта одинокая жизнь надоела — ненормальщина какая-то. Хотелось бы познакомиться с умными, симпатичными людьми, с молодежью. Но опять-таки — *rien à faire*. Начал переписывать для Митьки стихи Valéry, которые он просил. Является ли та жизнь, которую я веду, нормальной или нет? Вот в чем вопрос. Во всяком случае, эта жизнь скучна. Но может быть, так и надо? Скоро будет весна — теперь чаще проглядывает солнце. Мне лишь бы перейти в 9^й класс — через два месяца начнутся испытания. Что буду делать летом? Мать говорит, что мы будем с ней ездить за город — но боже избави от этой скуки! Ведь нам совершенно не о чем говорить, а когда говорим, то начинаем спорить и взаимно говорить неприятности. Действительно, вопрос лета — довольно интересный вопрос. По географии, истории и химии не будет испытаний — и это очень хорошо. В этой четверти у меня отлично по литературе, истории, французскому, черчению, поведению. Хорошо по алгебре, геометрии, анатомии. Пос по физике, географии и физкультуре. По химии никого не аттестовали. Хотелось бы горячих споров летом, прогулок, радости, песен, надежд, обсуждений — а не скептического смеха Митьки, который надоел, потому что бесплоден и мертв. И все же приходится общаться с

¹ ничего не поделаешь.

Митькой — à défaut de mieux¹. Часто слушаю радио. А что, может быть, мои мечты о жизни более интенсивной, полноценной — наивность человека, не знающего жизни, и больше ничего? Но я верю, что придут для меня лучшие дни.

23/III-41

Докончил роман Олдингтона «Все люди — враги». Это, конечно, замечательный документ. Там ставится много вопросов, это роман очень человечный. Правда, роман этот оканчивается тем, что герой обретает счастье, вновь соединившись со своей возлюбленной... Это немного примитивно, да и не брэнно ли такое счастье? Но ясно, что женщина, да еще и возлюбленная женщина — это бывает иногда наивысшей фазой блаженства — совершенства. Конечно, что такое блаженство — совершенство, или совершенное счастье? Помоему, совершенное блаженство — счастье — наступает тогда, когда человек ликует, что он живет на земле; когда он ощущает свою жизнь полной до краев ощущением счастья, и когда он эту жизнь не согласен ни за что отдать или променять на другую жизнь. Счастье наступает или от встречи с другом, или от природы, или от ощущения какой-нибудь удачи, или от любви к женщине — и особый вид счастья — это удовлетворение любовного пыла — которое необыкновенно возвышает человека, одновременно унижая его. В моей жизни были минуты счастья, и не минуты, а вообще моменты: во-первых, купание на юге Франции, у Тулона, в местечке Favières — какая природа была там! Во-вторых, когда папаша сюрпризом мне объявил, что сегодня же вечером, неожиданно, мы уезжаем в Савойю, в Thonon-les-Bains. Там мы жили в гостинице, был снег, и главное — неожиданность и американская быстрота. В-третьих — незадолго до отъезда в СССР, в 1939 г., когда я, проходя по улице Vaugirard на place Convention, внезапно встретился со своим другом Paul Lefort'ом, — какая была радость! Эти три периода — самые счастливые в моей жизни. Во всех них был элемент неожиданности: Средиземное море было ново, Thonon-les-Bains — внезапно и по-американски быстро, — Lefort уехал два года тому назад в Эльзас — в Мец — и совершенно не ожидал его

¹ за неимением лучшего.

увидеть в Париже. Я знаю, что эти три счастливых момента моей жизни не могут быть привилегиями моей французской жизни. И в СССР непременно произойдут радостные для меня события, переживания, которые сделают мою жизнь наполненной до краев, полноценной — такой, какую она является в наивысшем совершенстве своих проявлений. Меня еще ждет много вещей: возможна дружба, возможна какая-нибудь поездка в красивые места (только не с мамашей), еще будет любовь, если не любовь-страсть, то, во всяком случае, приятные увлечения и физическая любовь, которую непременно нужно познать, попытаться проанализировать. Пока нужно довольствоваться тем, что жизнь может дать: физикой, концертным залом, книгами и Митькой. А счастье — хоть, быть может, и мимолетное — конечно, будет. Его я представляю непременно в женском образе. Мне только 16 лет, и времени для счастья много. И любить, и желать я еще много раз успею — не нужно, да и глупо, впадать в настроения, что жизнь даром пропадает, неинтересна и скучна. В конце концов, каждый прожитый день имеет смысл и вооружает меня во всех отношениях, что бы я ни делал. Не моя вина, что мне скучно, — обстоятельства так сложились и сложиться по-другому не могли, очевидно. Я никогда не жалею и не сетую, а рассуждаю по логике, что, конечно, счастье будет. Не перманентное счастье — потому что такого и не существует, а все же моменты, часы, дни — и то замечательно будет тогда.

24/III-41

Сегодня — хорошая солнечная погода. Вчера Митька схамничал — я ему дал билет на Андроникова, а он не пришел! Вот все-таки хамье — а еще претендует на западничество, *bon ton*¹ и пр. Андроников имел большой успех — много раз бисировали и т.п. Хорошо, что сегодня солнце — как-никак, а оно здорово располагает к оптимизму. Опять поколебалось финансовое положение: Литфонд просит возвратить ссуды, а через несколько месяцев нужно платить за комнату 5000 рубликов. Мать не знает, как она выпутается из этого положения. Вчера купил книгу Кирпотина «Писарев» — 7 рублей. Купил также 9–10 но-

¹ хороший тон.

мер «Литкритика», где начало превосходной статьи Гриба о Бальзаке. Мне очень хочется иметь эту статью, но 11–12 номер, который у меня есть и где окончание этой статьи, одолжен мамаше какой-то знакомой из Гослитиздата. Мне нужно непременно купить книгу Кирпотина «Салтыков-Щедрин», которая стоит 8 рублей. Но для этого мне нужно продать несколько не нужных мне книг. Но тогда мамаша должна отсутствовать, потому что она, по причинам сантиментального порядка, не захочет, чтобы я продавал свои «добрые старые книги». Так что нужно, чтобы она куда-нибудь ушла. Да, конечно, книгу Кирпотина мне нужно купить, а для этого выбрать книги на продажу. Конечно, Митька будет звонить и рассыпаться в извинениях, что вчера не пришел. Какое хамье! Вчера встретил своего кузена Кота. А противно быть без всякой компании! Но нечего делать. В конце концов, может, нужно радоваться таким вещам, как солнце и то, что я на свободе? Конечно, пока моя главная задача — это окончить среднюю школу. Между прочим, боюсь, что получу по физике на испытаниях плохо и придется пересдавать их осенью. Паршивая перспектива! Вообще, школа начинает мне надоедать. Там какая-то моральная скудость и бескультурность. Но все же там живая жизнь и какие-то переживания. А вне школы, кроме чтения и конц. залов, у меня нет никаких занятий. Какая гадость эта физика! Кроме того, скоро предстоит контрольная работа по геометрии — да и вообще геометрия — скользкая почва. Возможно, что я мог бы сейчас подогнать, но неохота — противно в каникулы заниматься всякой гадостью. Что я прекрасно знаю, это что я всецело ответственен за все мои школьные неудачи, бывшие и будущие. Если провалюсь на экзаменах, я знаю, что винить нужно будет только самого себя. Я всецело ответственен за мои провалы. Пока никаких особых неприятностей не было — в течение 3 четвертей я имею только два посредственных, не считая физкультуры. Возможно, что сегодня пойду записаться в поликлинику, потому что у меня какая-то парша на ноге и, кроме того, мамаша хочет проверить состояние моих глаз. Завел радио — эге, какой-то джаз! Меня хлебом не корми — слушать джаз... Появился какой-то прыщ на носу — некрасиво. В сущности, я какой-то опустошенный, но вместе с тем сильно чувствую и воспринимаю. Нужно будет написать Але открытку. Скоро получу башмаки из починки.

25/III-41

Вчера пытался продать книги. Пошел на Кузнецкий, но там приняли из полдюжины книг только одну – Шамфора. Встал в очередь, чтобы на эту книгу выписали чек, но как раз когда я приближался к концу, объявили, что продажа закрыта и что в кассе нет достаточно денег. У всех продающих сделались кислые рожи, и у меня в том числе. Удалось лишь продать «Орфографический словарь» Ушакова за рубль, да и то не в лавке, а любителю. Дело в том, что иностранных книг сейчас почему-то совершенно не покупают, а русских на продажу у меня нет. Так что вот какое критическое положение. Мать заплатила в Литфонд 100 рублей, и там все были очень рады, потому что им никто никогда не отплачивает долги. Мать совершенно не знает, как ей удастся через 4 месяца заплатить 5000 за квартиру (т.е. за комнату). Неужели придется переезжать в место подешевле, и мне в следующем учебном году придется идти в другую школу? Non merci¹, избавьте. Интересно, удастся ли мне перескочить в девятый класс? Я все-таки думаю, что удастся. Прочел превосходную статью Гриба «Бальзак» в «Литкритике» №№ 9–10 и 11–12. Мамаша в последнее время подружилась с какой-то служащей из Группкома Гослита Ниной Герасимовной и часто к ней ходит. В четверг она где-то будет читать свои стихи, и там будет много народа. Где-то в мастерской какой-то скульпторши. Мать всячески приглашает меня и к Нине Герасимовне, и на чтение и говорит, что ее знакомые к моим услугам, но я полагаю, что я просто не могу ходить в гости как «сын Марины Ивановны» — что мое положение среди ее знакомых неравноправно. Я считаю, что я буду возвращаться только в такой среде, где я буду сам Георгий Сергеевич, а не «сын Марины Ивановны». Иными словами, я хочу, чтобы люди со мной знакомились непосредственно, а не как с «сыном Цветаевой». Кроме того, мне надоели поэты, старики, переводчики и Крученыхи. Я буду общаться только в кругу мне равноправном — т.е. в кругу молодежи. Слишком велика пропасть среди старшим и младшим поколениями. Кроме того, я чувствую себя чужеродным телом среди всех этих маминых знакомых. Я считаю, что искусственные знакомства ни к чему хорошему не приводят. Дружба может возникнуть не из визи-

¹ Нет уж, благодарю.

тов, а из общей работы или из общих интересов. А такие посещения мало чего приносят. Если я ошибаюсь, то так и надо — я ответственен за свои ошибки и никогда не жалею о них. Надеюсь, что летом у меня завяжутся какие-нибудь отношения с какой-нибудь молодежью — но всё это вилами на воде и неопределенно. Лишь бы скорее окончилась эта 4ая четверть и благополучно прошли испытания! Потому что всё это мне порядочно надоело, особенно физика и математика. Сегодня пойду в парикмахерскую, возьму дневник с четвертными отметками из школы, попытаюсь продать этого Шамфора. Сегодня стоит тусклая, серая погода. За границей — ничего интересного. Из окна слышны автомобили и трамваи, проходящие с грохотом по Покровскому бульвару.

26/III-41

Вчера опять-таки не удалось ничего продать, потому что всюду большие очереди и магазины очень разборчивы. Купил книгу Кирпотина «Салтыков-Щедрин. Литературно-критический очерк». Мне просто нужно иметь такие книги, т.к. я должен много знать о мировых классиках и критиках — такие книги повышают мой культурный уровень, бесспорно. Мне очень хочется достать книгу Лифшица или Лукача, потому что я слышал, что из нашей критики они самые умные, но эти книги почти невозможно достать, таким успехом они пользуются. Я знаю, что у Митьки есть книга Лифшица (как будто), но вряд ли он захочет мне ее продать, потому что он скряга на книги. Возможно, что я с ним пойду в кино — я ему сегодня позвоню. Я все еще не могу переварить его хамского поведения с билетом, но приходится прощать, так как если быть слишком *intransigent*¹, то я лишусь своего последнего друга. Да и вообще, пойти с ним в кино интереснее, чем пойти одному. Между прочим, Митька ненавидит (или так говорит) Кирпотина. Вчера получил свой дневник: посредственных в 3^{ей} четверти у меня две: физика, география; хороших — три: анатомия, алгебра и геометрия, отличных — шесть: литература, русский язык, история, французский, черчение и поведение. В 4^{ей} — и последней — четверти я предполагаю особенно приналежь на физику, алгебру и геометрию — эти три предмета

¹несгибаемым.

представляют наибольшую опасность во время испытаний, особенно физика и геометрия (физика — из-за задач, геометрия — из-за теорем). Остальных предметов боюсь я совсем мало: по географии, химии и истории испытаний не будет, по черчению я должен устроить так, чтобы мне приносили товарищи свои чертежи, по литературе всегда можно натрепаться, по анатомии не так трудно выучить. Скоро предполагается контрольная работа по геометрии — она очень для меня важна. Вообще эта 4ая четверть очень ответственна и трудна, и нужно следить за каждой своей отметкой. В последние дни каникул нужно будет позвонить товарищу, чтобы узнать, что задано по «Борису Годунову», и взять чертеж, который нужно сделать ко вторнику. Позавчера мин. иностр. дел Японии Мацзуока беседовал с Молотовым, и на беседе присутствовал Сталин.

27/III-41

Только что слышал передачу «France Libre»¹ из Лондона — в Югославии произошла «бескровная революция». Как известно, два дня тому назад Югославия присоединилась к пакту трех держав. Сегодня сын знаменитого Альберта <Александра> 17-летний Петр, взял власть (объявлен королем). Переставлены все министры, подписавшие с Германией, Японией и Италией этот пакт, и образовано новое правительство. Еще неизвестна позиция нового правительства и Pierre'a, но туда вошли все партии и d-r Matchek. «France Libre» объявляет об этом как о большой победе для Англии и говорит об этом перевороте в возвышенных и радостных словах, что этот переворот удался, так как весь югославский народ поддержал его. Надеюсь узнать последние подробности о событиях в Югославии в 11 ч. 30 минут, в последнем выпуске советских известий. Во всяком случае, это событие чрезвычайно интересное, и меня радует, что Гитлеру по носу. 11 ч. 50 мин. Почему-то не было никаких сообщений о событиях в Югославии и о югославском перевороте. Англичане заняли упорно защищавшийся Керен (в Эритрее) и крупный пункт Харар (в Абиссинии). Это, конечно, крупные успехи англичан. Очевидно, завтра по радио и в газетах будут последние подробности переворота, происшедшего сегодня в Югославии.

¹ *здесь и далее*. «Свободная Франция».

9 ч. 50 мин. Сижу и слушаю английский джаз. Сегодня никаких дополнительных известий о югославском перевороте не было. Сообщалось все то же самое плюс то, что югославский переворот произошел вследствие массовой волны протестов и митингов против позиции бывшего югославского правительства. Итак, теперь правит Петр II^й — сын Александра, а премьер-министр — генерал Симович. Конечно, правительство не прогерманское, раз Цветкович и другие арестованы. Но проанглийское ли оно? Пока никаких заявлений о политике новое правительство не делало. Противно, что я не знаю часов передач «France Libre» и что так они плохо слышны. Сегодня пойду в поликлинику с лишаями. Позавчера виделся с Митькой. Его определили, к его изумлению, в части спец. связи и обругали за то, что он так долго не шел в милицию, куда его вызывали. Митька уже говорит о том, что в сентябре он пойдет в армию, в эти части связи. Но я думаю, что медицинская комиссия, которую он пройдет, из-за его туберкулеза не пустит его в армию. Вчера папаше приняли очередную передачу. Н.Н. и Н.А. также принимают. Итак, после того, как Алеша и Аля получили по 8 лет каждый и сосланы в Коми АССР, *en présence*¹ остались главные действующие лица — Нина Николаевна, папаша (Сергей Яковлевич) и Николай Андреевич, причем Николай Андреевич продолжает пребывать в центральной тюрьме, а отец и Нина Николаевна сидят в Бутырках. Аля просидела в тюрьме один год и семь месяцев, после чего была сослана. Папаша сидит год и пять месяцев. Конечно, главные действующие лица — не Алеша и Аля, а папа и Митькины мать и отчим. Интересно, сколько получают папаша и компания? Больше или меньше Али и Алеши? Я боюсь, что Митька никогда мне не скажет точного приговора, но надеюсь, что бабушка разболтает Лиле, которой уже сообщила, что к ним приходила женщина, сидевшая в Бутырках вместе с Ниной Николаевной. Эта женщина ничего не знает о деле, потому что Н.Н. ничего ей о деле не рассказала, а знает только о жизни в тюрьме — питание хорошее, есть врачи, Н.Н. обучает каких-то заключенных французскому языку. Совершенно нечего делать. Возможно, что сегодня встречу с Митькой, потому что нечего делать и нужно же как-то

¹ на сцене.

занияться. Пусть он мне хоть одолжит книгу Лифшица, если она у него есть, — мне непременно нужно ее прочитать и попытаться сторговаться по ее поводу с ним. Я продолжаю переписывать в специальную тетрадь книгу стихов Valèry «Charmes», каковую тетрадь ему подарю, потому что ничего не подарил в день рождения, а он мне все-таки — два Кирсанова.

30/III-41

Вчера был в Клубе писателей — там был «Книжный базар». Познакомился с этой маминой Ниной Герасимовной — пожилой красящейся дамой. На этом базаре была масса народу. Купил «Вопросы искусства и философии» Лифшица (то, что хотел купить у Митьки), «Критические письма» Корнелия Зелинского, «Очерки по истории западноевропейской литературы — т. II» Когана и «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина. Познакомился с поэтом-переводчиком Липскеровым, художником Бруни и т.п. Сидели в Клубе до двух с половиной часов. — Там много народу, бегали официанты с подносами, лаял джаз — но, в общем, ничего, хотя я опять-таки чувствовал себя чужеродным телом. Сегодня — замечательная погода с синим небом, оттепелью и воскресеньем. Вчера весь день переписывал книгу стихов Валери — сегодня отнес ее к Митьке. У Митьки — тоже какие-то лишай, только на лице. Я составил список книг, которые он может мне продать. Купил у него за пятерку «Краткий философский словарь». Он набивает цены на свои книги, но нечего делать. Мы с ним много болтали. Он говорит, что мне сегодня оставят билет в Студенческой студии на их спектакль «Город на заре», — итак, я сегодня туда пойду (это сын Багрицкого там занимается и знаком с Митькой). Завтра начинаются опять занятия. Я, пожалуй, рад опять учиться, а то решительно нечего делать без друзей и знакомых в свободное время. Митька одолжил мне книгу Valèry «Regards sur le monde actuel». По правде сказать, чувствую я себя как-то опустошенно. Н.Г. говорит, что она познакомит меня с ее дочерью (которая где-то в естествознании, Павлов и т.п.). Нет, в конечном счете я рад, что опять примусь за учебу, — все-таки в школе развлекаешься как-то и редко скучаешь. Так-с. Нужно будет копить деньги, чтобы купить у Мить-

ки «Очерки истории западноевропейской литературы в трех томах» Когана — он их продает за 15 рублей. Я надеюсь быстро собрать эту сумму — хотя кто его знает? Почему-то всегда с наступлением весны начинаешь ожидать чего-то хорошего. — Я, например, ожидаю радостного лета, веселья, друзей и т.п. У меня нет никаких иллюзий, это, очевидно, так смена сезонов действует. Был в парикмахерской. Все-таки я очень люблю город.

1/IV-41

Вчера мамаша и я познакомились с Асеевым — были у него в гостях. Пришел Андроников, который гениально изображал Пастернака, Толстого. Андроников в восторге от перевода мамаша «Раненый барс» В.Пшавелы. Он говорит, что это «потрясающе, все перевертывает». Был Крученых. Завтра встречусь с Митькой. Читаю интереснейшую книгу Валери «Regards sur le monde actuel» — очень умная книга, которую подарил Митьке его отец (через Ирину). Сейчас слушаю по радио трансляцию фортепианного концерта Шостаковича. Сегодня спрашивали по географии — получил хор. с минусом. Наш класс оказался последним в школе по успеваемости — 80% и 14ое место. В школе — всё так же — во всяком случае, там как-то занимательно. Завтра паршивый день — физика, химия, да вдобавок по литературе мне порядочно надоел «Евгений Онегин» — одно дело настоящий, критический, взрослый обзор произведения, а другое дело — пережевывание бормотаний преподавателя средней школы незнающими учениками. Между прочим, я как будто открыл нового любимого автора — Валери, этот поэт и писатель настолько умен, тонок и совершенен в форме, что, конечно, он — крупнейший писатель Франции и Запада. Прослушал прекрасный концерт для ф-но Шостаковича. Теперь будет исполнена 5ая симфония.

3/IV-41

Вчера был на концерте произведений сталинских лауреатов — 6ая симфония Шостаковича, «Песня о Сталине» Хачатуряна, 21ая симфония Мясковского — я был довольно усталым и клевал носом. Видел Митьку — он рассказывал, как он

«avec ses cousins Miller s'occupait de spiritisme et au lieu de faire tourner la table, on pelotait sa voisine»¹. В школе — ничего нового. Вышла неприятность с преподавателем литературы — он читал отрывок из «Евг. Онегина», скандируя его в ритме вальса, — тут я сказал, что это более похоже на шарманку, он обиделся за свои способности чтеца и сказал, что я пошло остро, и попросил помолчать. Ну и фиг с ним — подумаешь. Этот тип сам говорил на уроке, что «лимбургский сыр имеет запах портянки» — и он не внушает мне больше никакого уважения. Кончил книгу Валери — она тоже очень нравится Митьке. Конечно, всё это немного абстрактно, но чрезвычайно характерно для эпохи и необычайно умно. Сейчас — 4 ч. 30 минут. Начну заниматься. Думаю скоро пойти в кино — давненько не был. Купил у Митьки книгу о Nietzsche с точки зрения марксизма — это нужная для меня и полезная книга.

4/IV-41

Германо-итальянские войска в Африке — в Ливии — после взятия ими Эль-А-Гейла, Мерса-Брега вчера взяли крупный город Бенгаун, занятый англичанами 6го февраля — месяц назад. Англичане признают это («имперские войска вчера покинули Бенгаун»). Англичане в Эритрее захватили Асмару и продолжают усиленно продвигаться в Абиссинии. Интересно все-таки, кто одолеет в Африке? Немцы здорово сражаются — как только они вступили в бой, уже бьют англичан. Конечно, все мои симпатии на стороне англичан, но немцы войну умеют здорово вести — не в пример итальянцам. Я думаю, что англичане займут Аддис-Абебу скоро и вообще всю Абиссинию. Но потом? Слушаю эстрадный концерт. В школе — пока ничего нового. Вообще, больше всего меня интересует международное положение и мировая политика. Кто кого одолеет в Африке? Говорят, в недалеком будущем там начнется сезон дождей. Мамаша — у Нины Герасимовны. Между прочим, я люблю быть одним дома. Вообще я переживаю кризисный период — но ничего.

¹ «со своими кузенами Миллерами занимался спиритизмом и вместо того, чтобы крутить стол, лапал свою соседку».

7/IV-41

Вчера Германия объявила войну Греции и Югославии. Германские войска двинулись на Грецию из Болгарии. На греко-болгарской границе происходят ожесточенные бои. Греки упорно сопротивляются. Столица Югославии Белград уже дважды подверглась бомбардировке германских самолетов. Италия также объявила войну Югославии. Позавчера мы заключили договор с Югославией — о дружбе и ненападении. Это означает, что, несмотря на войну с Германией, мы будем находиться в дружественных отношениях. В статье второй договора говорится: «В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений с ней». Это означает, что мы отнюдь не симпатизируем Германии в ее стремлении к расширению театра войны. Позавчера английские имперские войска вступили в столицу Абиссинии Аддис-Абебу. Да, туго придется грекам и сербам сейчас... Слушаю английское радио — джаз Babe Daniels играет Slowfox Berlin'a, причем с очень большим успехом. Тэк-с. Вчера были у дочери Нины Герасимовны. Читал по-английски статью Тореза, где он пишет, что фашистский «новый порядок» терпит поражение и что пресловутая политика «сотрудничества» не принимается французским народом. Читал (в этом же журнале) статью одного чеха, который недавно вернулся из Франции. Он пишет, что во Франции «наци» стоят на вулкане, и что фактически Гитлер руководит и неоккупированной зоной, и что Дорио организует погромы.

11/IV-41

Вчера германские войска, преодолевая ожесточенное сопротивление греческих войск, прорвали линию Метаксаса и взяли город Салоники. Пока германские войска не вошли в соприкосновение с английскими войсками в Греции. В Югославии, несмотря на упорное сопротивление сербов, немцы заняли города Скопле и Лиш, форсировав реку Вардар. Нужно отметить, что количественно и качественно германские войска имеют огромное превосходство над войсками Греции и Югославии, так что сопротивление этих стран внешнему

агрессору носит героический характер. Югославские и греческие войска, с другой стороны, вторглись в Албанию, и сербы захватили итальянский порт Фиуме и город Скутари в Албании. Итальянские войска, неся тяжелые потери, отступают. Греки и сербы храбро сражаются, защищая свою независимость против носителей так называемого «нового порядка». Немцы возобновили свои крупные налеты на Англию. Вчера Ковентри двоекратно подвергался ожесточенной бомбардировке. В Африке итало-германские части достигли Дерны (в Ливии). Англичане посылают из Восточной Африки войска на помощь грекам. Вчера англичане заняли крупный порт Массаца (Эритрея). В Абиссинии продолжается английское наступление на Гондар. Слышал французское радио, которое говорит, что «Англия втянула Югославию в войну». Интересно, как окончится балканская война? Я думаю, что, скорее всего, немцам удастся занять и Грецию, и Югославию. Хотя пока они не вступили в соприкосновение с английским экспедиционным корпусом... Но я все-таки думаю, несмотря на свою антипатию к фашистам, что им удастся разгромить английский экспедиционный корпус, который они уже два раза побеждали: в Норвегии и во Франции (бегство англичан из Дюнкерка). Как-никак, а Салоники взяты. Греко-англо-югославские силы навряд ли смогут оказать сопротивление столь успешное, что смогло бы на длительное время остановить германское наступление на Балканах.

12/IV-41

Вчера германские войска в Югославии взяли города Битоль и Загреб и подошли к окраинам Белграда. Позавчера произошла четвертая бомбардировка Белграда. Сегодня итальянские войска в Албании соединились с немцами, достигшими албано-греческой границы. В Греции сегодня германские войска вошли в соприкосновение с английскими имперскими силами. В настоящее время разгорается в районе Флорин ожесточенное сражение между этими армиями, причем отмечается сильный натиск австралийских и новозеландских войск. Немцы объявили Хорватию независимым государством (на пример Словакии). Теперь каждый день слушаю радио «France Libre», радио-Виши и радио-Токи — все передачи на французском языке. Сейчас англичане целиком рас-

считывают на Америку и говорят, что достигнут победы, «когда американский народ станет вместе с английским народом против чудовища». Они говорят, что придет час расправы, когда Германия поплатится за все ее преступления. Радио де Голля говорит также об ожесточенных бомбардировках Берлина, в ответ на бомбардировки открытого города Белграда. Все передачи де Голля дышат пафосом борьбы против германского империализма — за империализм французский. Это очень любопытно. Исключительно противны передачи французского радио (из Франции) — мертвая казенщина и приспособленческий фашизм, смешанные с глупостью и лицемерием. Вновь разгораются бомбардировки английской территории германской авиацией. Позавчера получил письмо от Али. Она пишет, что не знала, что папа «болен», до тех пор, пока мама ей этого не сообщила в письме, и всё надеялась, что ее отпустят домой. Неплохо работается, очень хочется, чтобы приехал Муля. Пишет о Чайковском, о книгах, которые прочла, о коте в мастерской. В общем — хорошее письмо. Возможно, что Муля скоро к ней поедет. Интересно, что она ему расскажет о своем деле, — о папином она ничего не знает, раз даже не знает, что он был арестован. Сегодня купил краткую биографию Чайковского и его произведений, избранные произведения и письма Винкельмана, взял у Лили очерк развития французской литературы с 90^х гг. XIX в. до наших дней («Современная французская литература» Н. Рыкова 1939 г. Москва, Гослитиздат). Купил альбом для черчения. Теперь буду слушать радио.

14/IV-41

Вчера германские войска заняли столицу Югославии Белград. Несмотря на это, английское радио утверждает, что положение Югославии улучшилось. В Греции греко-английские силы еще не столкнулись с немцами в больших сражениях — там пока идут действия патрулей и авиации. Вообще в этой войне огромную роль играет авиация. В Греции ожидаются большие сражения — англо-греческие силы организуются на линии обороны от Салоник до Адриатического моря. На арене мировой политики — крупное событие: вчера СССР заключил договор о ненападении и нейтралитете с Японией, и опубликовали декларацию о ненападении на Манджоу-Го и МНР

Одни говорят, что это «пощечина Америке» — другие, что это гарантирует нас от удара в спину со стороны Японии, если на нас нападет Германия. Возможно, что то и другое мнения правильны. Ответил на письмо Але. Германские войска в Ливии взяли Бардию и теперь оперируют на границе с Египтом. В Абиссинии англичане преследуют отступающие итальянские армии. Муля собирается ехать к Але с мешком провизии, одежды и т.п. Он получил письмо от Али, где пишет она, что подурнела, что Север интересен, что она живет надеждой, что он приедет ее навестить, и чтобы он скорее приезжал, и что она мечтает с ним встретиться. Сейчас мы покупаем продукты, которые, если он поедет, повезет — если же ему не удастся поехать (он — партийный человек), то придется послать посылкой. Вчера мать пошла на Андроникова, и пришел Митька. Он думал, что нам удастся послушать по радио «France Libre», но почему-то именно когда он пришел, ничего не было слышно. Митька готовится пойти на классическое отделение ИФЛИ, потому что это — единственное отделение, из которого по окончании института могут не послать работать на периферию — а ведь Митька именно и хочет жить только в Москве или Ленинграде. Он заказал себе костюм в мастерской Литфонда (через знакомого портного) — материю ему прислал отец через Иришу. Интересно, какой будет костюм — наверное, шикарный. Последнее время никуда не хожу — ни в театры, никуда. Не знаю, почему — быть может, просто из лени. Сегодня написал контрольную работу по геометрии — работа неважная, не знаю, что по ней получу. Сейчас — 7 часов 20 минут. Сегодня опять буду ловить французские передачи. У папы, Н.Н. и Н.А. — никаких изменений: всем принимают передачу, и папа и Нина Николаевна («Сундучиха», как ее зовет Муля) — в Бутырках, а Николай Андреевич — в Центральной тюрьме. Интересно, если поедет Муля в Коми АССР и ему удастся увидеться с Алей, что она ему расскажет? Из ее письма к маме явствует то, что она ничего не знала о папе и не подозревала о его аресте до тех пор, пока мама ей об этом не написала. Это очень интересный факт. Неужели у них разные дела? Это звучит неправдоподобно, но как объяснить, что за год своего заключения она ни разу не слыхала о папином аресте? Я очень желаю, чтобы Муле удалось повидаться с ней, так как все-таки интересно, какое ее дело, и в чем оно заключается, и из-за чего все-таки ее сослали на 8 лет

в Коми АССР. Кроме того, увидеть Мулю будет Але большой моральной поддержкой, да и привезет он ей много нужного. В школе — дела неплохи. Все тот же успех у девиц — смешки, взгляды, взаимные пикирования и т.п.

15/IV-41

Германские войска в Африке перешли египетскую границу и наступают на египетской территории в направлении Мерса-Брега. В Греции итальянцы ворвались в Корчу при поддержке немцев. В Югославии, в горных проходах продолжается ожесточенное сопротивление югославских войск. Теперь каждый вечер в 10–11 часов слушаю передачи французского радио генерала де Голля из Лондона. Теперь мое слушанье наладилось, и в течение 1 часа я слушаю передачи «France Libre». Вчера слушал репортаж в школе моряцкого дела «Французских свободных сил» — даже слышны были крики чаек неизвестного английского порта. Пакт СССР с Японией особенно не комментировался — только говорилось, что он «парадоксален», и что подлинную важность его мы узнаем только в будущем, и что «наци» надеялись на полное присоединение СССР к «новому порядку» и к пакту трех держав, и вообще от нас ожидали большего — вообще тон по нашему адресу скорее дружелюбный. В школе ничего нового. Сегодня почему-то не делал никаких уроков — иногда наступают такие приступы лени. В ожидании передачи де Голля я слушаю рояльную музыку Листа.

17/IV-41

Вчера немцы взяли Сараево, и вчера же произошла самая ожесточенная бомбардировка Лондона за все время войны. Немцы в Египте взяли Соллум. Да, дела у англичан — неважно. Но оружие, танки, самолеты идут каждый день в Англию. Сейчас слушаю передачу «France Libre». Бомбардировка Лондона — «raids de représailles», «opération monstrueuse» и «image sadique de Berchtesgaden». «Effroyable bestialité des Allemands»¹. Говорят, что оборона Лондона замечательно

¹ «ответные нападения», «чудовищная операция» и «садистское лицо Бергштесгадена». «Ужасающее зверство немцев».

организована, особенно гражданская оборона. Радио де Голли пропагандирует французские военные силы присоединяться к «Свободным силам Франции» (Les forces françaises Libres). Сегодня получил пос. по алгебре, отл. по черчению и истории.

19/IV-41

В Греции греко-английские силы отступили на новую, более короткую линию обороны под напором ожесточенного наступления германских войск. Греческие войска отступили из Албании. Сегодня германские войска прорвались в город Лариссу. Они взяли города Химара, Корица, Аргирокастрон в Албании. Ожесточенное сражение происходит у горы Олимп (!!). В Югославии взят Дубровник, и защищаются отдельные части югославской армии в горах. В Северной Африке военные действия происходят на фронте от Тобрука до Сомума. Англичане все не сдают Тобрука. Сейчас положение на Балканах и в Северной Африке крайне критическое для Английской империи. Конечно, Балканы будут завоеваны немцами. Молодцы немцы! Здорово сражаются. В Северной Африке англичане терпят неудачи из-за того, что они вынуждены были оттуда перебросить силы в Грецию. В Абиссинии и Эритрее продолжается разгром остатков итальянских армий (у Десне). Сегодня в «Правде» говорится, что мы намерены проводить политику абсолютно самостоятельную и что американские круги недовольны пактом Москва – Токио, что этот пакт оставляет за Японией свободу действий против владений Америки в Тихом океане. Вообще, наша внешнемировая политика крайне своеобразна и независима. Да, англичане терпят сейчас поражение. Удастся ли им вновь взять инициативу в свои руки и отбить германское наступление в Египте? L'avenir seul nous le dira.¹ Ведь немцы наступают на Суэцкий канал. Сегодня купил в книжных лавках четыре книги – Белинский, «Статьи о Пушкине», т. II (самое главное), «Евгений Онегин» отдельной книгой (Гослит), Кирсанов, «Дорога по Радуге» и «Поэтика Маяковского» Л. Тимофеева. Сейчас читаю т. I рассказов избранных Чехова (Гослит). Сегодня получил отлично по литературе.

¹ Будущее покажет.

21/IV-41

Слушаю радио — какая-то передача песен из Турции. Сегодня бóльшую часть дня занимался — зубрил химию для контрольной работы, корпел и потел над премудростями алгебры и геометрии. Потом пошел в кино — видел цветную «Майскую ночь» по Гоголю. Все никаких друзей, подруг и т.д. Правда, в школе есть две-три девицы, которые явно не прочь заставить меня повести их в театр и вообще погулять с ними. Но они до того лишены женского обаяния и просто красоты, что я как-то себя не вижу на улице в их компании. Если я когда-нибудь буду гулять с девушкой, то, конечно, она будет красивой или хотя бы миловидной, обаятельной. А эти — эти мне не идут. Да-с. И как год-полтора назад — я один. *Curieux, n'est ce pas, les amis? Dommage, dommage. Enfin, rien à faire.*¹ 18 ч. 50 м. Слушаю музыку Брамса. Сейчас будут последние известия. Как мне надоело быть совсем одному. Противно и скучно это повторять, но ведь это — факт. Вообще, это какой-то круг. Школа — это прекрасно, но совершенно недостаточно в смысле человеческого общения. Ведь я никого, кроме Митьки, не вижу вне школы. Всё это мне крайне надоело — какая-то механическая жизнь без захватывающих интересов; любовь придет — сейчас слишком рано, я сам себя перерос, т.е. перерос свое объективное положение в школе и в жизни. Я знаю, что при учете всей совокупности условий, обстоятельств и положения мое одиночество понятно и объяснимо — с этой стороны я не могу себе сделать какого-либо упрека. Вообще, я очень надеюсь на женщину — женщина принесет мне много радостей, много замечательнейших переживаний, она меня возродит, я ее буду любить, целовать и ласкать. Но я отнюдь не идеалист — может быть, «она» такая, какую я бы хотел, и не придет совсем. Но все же, чем скорее я буду иметь связи с девицами, тем лучше. Но дело в том, что по сей день я не встретил ни одной девушки, которая мне бы по-настоящему понравилась. А гулять с девицами, которые тебя не пленяют ничем, — это самое последнее дело. Итальянцы достигли греко-албанскую границу. В Греции немцы продолжают наступать на юг. Митька получил повестку на явку в военкомат 22го. Интересно, забе-

¹ Странно, не правда ли, друзья мои? Жаль, очень жаль. Что ж, ничего не поделаешь.

руг его или реформируют? Он жаждет, чтобы признали негодным. Я имею успех у женщин, по крайней мере, в школе я считаюсь почему-то Дон-Жуаном, хотя ничем не оправдываю этой репутации, кроме того, что болтаю с девятиклассницами и смущаю одну девицу из нашего класса, которая отворачивается, когда я на нее гляжу, потому что ей почему-то кажется, что я над ней смеюсь. Какая всё это мелочь! И как далеки эти девицы от настоящей, полноценной женщины! Но это и понятно, да и я еще по своему общественному положению не годен в приличные кавалеры — какого чорта, какой-то восьмиклассник... Ничего — я умею ждать, а потом победа будет еще слаще. Ничего. Пока нужно перейти в 9^й класс — это лишняя ступенька к какому-то совершенству. Во всяком случае, это нужно — иметь среднее образование. Возможно, что в старости я буду смеяться над моей юной поспешностью к «совершенству», т.е. к старению, но дело пока не в этом. Хотелось бы летом ездить за город с друзьями, подругами, веселиться, флиртовать, наслаждаться солнцем, жизнью и природой... но ничего не выйдет (по крайней мере, в этом году). Да, жизнь моя невесела, но ничего! Будут времена, когда я ею буду наслаждаться *pour de vrai*¹. В конце концов, мне только шестнадцать лет, и времени для счастья еще очень много.

23/IV-41

Вчера Муля получил от Али письмо, проливающее совершенно новый свет на все дело. Она пишет, что «все дело рук Павлика и что ей много досталось из-за него: — Так вот где таилась погибель моя, мне смертию кость угрожала». И там что-то еще пишет, как они встретились в кафэ с Павликом и т.д. Павлик — это Павел Толстой, арестованный за два месяца до ареста Али, человек аморальный, блестящий, беспринципный, служил в ВОКСе (как и Николай Андреевич). Теперь объясняется арест Мили — она также служила в ВОКСе и имела отношение к Толстому. Толстой также приехал из Франции. Из письма Али явствует, что причиной всего явился Толстой. Муля думает, что Павел Толстой служил во французской разведке и сказал, что собирался завербовать

¹ по-настоящему.

Алю и Милю. А тут подоспел Васька из Испании, склоки на даче, советско-германский пакт — и всех арестовали. Толстой усиленно тянул Алю работать в ВОКСе и не знал, что папа приехал в СССР, так как отец сам говорил, что нужно непременно скрывать это от Павла. Муля думает, что Павла сейчас расстреляли. Я помню, как в детстве я катался на лодке с отцом и Толстым, в Версале. «Мне много напортил Павел». И «смертью кость угрожала» — это ясно говорит о решающей роли Павла в этом деле. И «кость» — потому что Павел худой и такой же длинный, как Митька. Аля работает с 6 утра до 6 вечера, и письма ее интересны и бодры. Она пишет, что все было бы хорошо, если бы не две вещи — сознание невинности (т.е. невиновности) и неважного здоровья. Пишет она забавно, порой даже весело. Как будто она сидит (т.е. живет) вместе с любовницей Павла Толстого, которая тоже из-за него сослана. Интересная штука! Все это крайне интересно. Но как кончится окончательно это дело? Ведь пока все на месте. Аля пишет, что очень завидует «здоровым девкам», которые могут работать *à fond*¹. Бесспорно, физическое развитие здесь имеет большое значение. Сегодня король Греции объявил, что столица Греции переводится из Афин на о. Крит, и говорит, что «греческий народ будет продолжать войну до победного конца». Немцы заняли Енину. Греческая армия в Эпире капитулировала. Английские войска продолжают отступать (в Греции). Да, положение греко-английских войск — паршиво. Бои идут упорно. По немецким сведениям, новозеландские войска оборонялись у Лариссы с ожесточенным упорством. Вчера слушал передачу «France Libre» — там говорил англичанин — о замечательном поведении лондонцев в течение и после «самых ожесточенных бомбардировок, какие знала история». Поговаривают о том, что немцы хотят захватить Гибралтар и пробраться через Египет к Суэцкому каналу. В школе — хорошие результаты: по литературе получил отлично, и, о чудо! — по химии не плохо, как ожидал, а пос. с минусом, а по геометрии пос. Еще не спрашивали по анатомии, физике, геометрии. По алгебре получил пос. Сегодня непременно буду слушать передачу «France Libre» — 10 h. 15. Был недавно у Тагеров и у Вильмоңтов — и там, и там скука. Читаю Чехова и восторгаюсь.

¹ в полную силу.

26/IV-41

Два дня тому назад я был в загсе, где мне сказали, что они запросили отдел виз, и подтверждения о моем въезде в СССР еще не получили. Говорят, что, как только получат, так сейчас же мне пришлют извещение. Сегодня написал благополучно контрольную работу по геометрии – решил две задачи из трех, и пос. обеспечен – а мне больше и не требуется. По сочинению на тему «Идейное содержание поэмы Пушкина «Медный всадник» получил отлично. Недавно купил книгу Кирпотина «А.С.Пушкин», две книги Сиповского: «Пушкин, Гоголь, Белинский» и «Литература XIX^{го} в. – 40–60ые гг.». Всё это – необходимые пособия к изучению истории литературы. Сегодня был в сопровождении 3^х комсомольцев-одноклассников в Музее нового западного искусства и на выставке скульптуры Сарры Лебедевой. В понедельник – угрожает контрольная работа по алгебре. Читаю книгу Андрея Белого «Начало Века». Вчера виделся с Митькой – он совершенно не знает, куда идти после десятилетки, потому что ему ругают ИФЛИ. Его страшит перспектива по окончании ИФЛИ преподавать литературу на периферии. Были с ним в библиотеке Ин. яз., ели мороженое на ул. Горького, вместе возвратились на «А». Немцы прорвали Фермопильский проход и взяли город Фив (в Греции). В Северной Африке наступление немцев на Египет пока приостановлено, и они никак не могут взять Тобрук. В Абиссинии имперские войска доходят до Деси, нанося поражения отступающим итальянским армиям. Говорят, англичане уже начинают эвакуировать свои войска из Афин. В Москву прибыл новый французский посол Г.Бержери (тот самый Gaston Bergery, который руководил газетой «La Flèche»¹ и был лидером «фронтистской» партии! Неплохую карьеру сделал, comme on se retrouve!²). В июне выйдут большими тиражами произведения Лермонтова – я непременно хочу достать хоть однотомник его произведений. Мать обещает, что достанет. Страшно жалко и противно, что не удалось достать однотомника Маяковского (40^я г.) – а ведь обещали и сулили! Во всяком случае, Лермонтова непременно нужно достать. Завтра мать идет к Асееву. Завтра – dimanche³, выходной день. Для меня сейчас самое

¹ «Стрела».

² как поглядишь.

³ воскресенье.

главное — это международное положение и *la femme*¹ (морально, потому что практически самое главное — школа). Меня исключительно волнует нынешняя война. Конечно, и немецкий, и английский империализм — «оба плохи», и я думаю, что эта война окончится крайне неожиданно. Но я бы очень хотел, чтобы германский фашизм был разгромлен. Английский империализм все равно не может долго продержаться — а германский империализм необычайно уродлив и должен быть выкорчеван. Он способен дольше продержаться, чем английский. Ирина опять поехала в Прибалтику (по словам Митьки). У Митьки — все то же самое (в смысле Н.Н. и Н.А.). 28го мать несет передачу отцу (*aux Bouteilles*)². Скоро — 1ое мая.

28/IV-41

Германские войска вошли в Афины и взяли Коринф. Каюк Греции! Молодцы немцы — умеют драться. А англичане опять эвакуируются — как из Норвегии, как из Франции. Не везет им. Но их спасет Америка. Книга Белого — крайне раздражительна. Прослушал «Дон-Жуан» Рихарда Штрауса — прекрасная вещь. К черту прошлое — да здравствует настоящее! Только настоящее выходит для меня каким-то одиноким. Больше всего меня интересуют: международная политика (война, позиция партий и т.д.) и *la femme* (*côté beauté et plaisir, ainsi que caractère et intérêts*)³. Кто победит: Англия или Германия? *That is the question. Question* также, как я напишу завтра контрольную работу по алгебре. Что-то Аля нам не пишет. Слушаю «*Habanera*» Сэн-Санса.

30/IV-41

*Formidable!*⁴ Сегодня — выхожу из метро и встречаю Киру Хенкина! Необычайно шикарно одет — шляпа, пальто, ботинки да и все остальное. Он меня не узнал, но я его узнал, и мы вышли из метро, потом поехали на такси на таможеню, где он взял какие-то книги из Главлита, потом мы с ним ходили по

¹ женщина.

² (в Бутылки).

³ женщина (со стороны красоты и наслаждения, а также из-за интересов и характера).

⁴ Потрясающе!

городу. Он мне рассказал массу интересных фактов. В Париже я часто виделся с Алешей Айснером, который также был в Испании и жил в Париже, и жил тогда у Дика Покровского — передаточного пункта между нами и советскими людьми посольства в Париже. Алеша был большой болтун и трепач — но и блестящий *causeur*¹, понимал толк в политике. Он страстно стремился в Советский Союз. Кира мне рассказал, что Айснер приехал сюда незадолго до объявления войны, несколько месяцев после нас. Жил в гостинице «Москва», три месяца гулял (а мы ничего не знали о его приезде в СССР, и папа ничего не знал!). Его арестовали. Сидел он 1 год *et quelques*² — приговорен на 8 лет высылки (как Аля и Алеша). Интересно! И Айснера укатали на 8 лет. Кира думает, что это в связи с тем, что Айснер когда-то принадлежал к евразийскому обществу. Дик Покровский отправлен французскими властями в концлагерь. Неизвестно, что с его женой Таней и ребенком. Итак, Дик — в концлагере. Ведь я их всех близко знал и часто видел! А кто «в хорошем состоянии», кто свободно ходит? — Луи Кордэ, *alias*³ Константин Радзевич! По сведениям Киры, Радзевич находится в оккупированном немцами Париже — и ничего, живет! Денег у него немного, но — ничего! И Кира говорит, что ему лучше всех повезло! Вообще, из всей этой компании я ближе всего был к Кордэ и последнее время часто его видел, ходил с ним в кино... Помню, встретились мы в Кламаре, у кафэ у рынка... Помню также, как он меня встретил *vue Lecourbe* и поздравил с известием о нашем отъезде в СССР, и купил цветы, и дал мне, и был очень рад. И теперь он в Париже — цел и невредим. Последние о нем известия датированы февралем этого года — живехонек! Я очень за него рад — он самый был симпатичный из них. Спрашивал я Киру о Васеньке — он говорит, что Васенька не способен написать на папу донос и что вообще он *chic type*⁴. Кира приезжает прямо из Америки. Он почему-то ждет, что и его со дня на день арестуют, — он переписывался с Алей. Он переводит с американского сценарии и заработал 800 рублей. Он говорит, что не могли папу засадить за испанские дела —

¹ говорун.

² с чем-то.

³ то есть (*лат.*).

⁴ парень порядочный.

что отец не был ответственен за эти дела и что ему никак нельзя сказать ничего по поводу этих дел. Какие разные версии: Алеша говорит, что его укатали из-за показаний Али об антисоветских разговорах и критики конституции, Аля пишет, что «многое напортил Толстой», Айснер говорил своей сестре об 1927^м годе — 13 лет назад — и Евразии... Что за чорт?! Как будто нет никакой связи! Что удастся узнать от папы и Львовых? Позавчера получили открытку из Бутырок о разрешении понести туда вещевую передачу для «Андреева-Эфрон». — 3 месяца назад мать написала в Бутырскую тюрьму заявление с просьбой разрешить вещевую передачу. Такое же письмо несколько времени тому назад получил Митька и тоже понес передачу вещей теплых для Н.Н. Теперь мать готовит вещи для этой передачи. Сегодня вечером звонил Митьке — он все кривляется, сволочь, хочет меня вынудить заплатить ему все что угодно. Необычайно цинично-корыстный человек! Что за алчность! Но он все же мой единственный «друг». Так что вот какие дела. Voilà.¹ Но шикарно — замечательно одет этот Кира! Здорово.

2/V-41

Вчера был на демонстрации вместе со школой. Митька сидел дома. Я ему позвонил — он говорил в трубку мрачным, скорбным тоном: «Бабушка больна». Сволочь! Ведь дело в том, что я прекрасно знаю его подлинные отношения к бабушке — полнейшее равнодушие. Но он такой мерзкий лицемер, что по телефону говорит необычайно скорбным тоном, чтобы все в его квартире хорошо видели, как он тронут болезнью *grand-mère*². Это-то еще ничего. Но он хочет *me donner le change à moi*³ — что, мол, он действительно скорбит и «прикован к ее постели». Я не вытерпел этого двоедушия, обругал его и повесил трубку. Не везет мне, право! Единственный человек, с которым я как-то общаюсь, с которым мы связаны примерно одинаковым прошлым, который, как и я, интересуется литературой и поэзией, — является настоящим лицемером и алчным человеком. Дело в том, что когда я ему звоню, предлагая ему пойти погулять, он сначала нео-

¹ Вот и всё.

² Бабушки.

³ заговорить мне зубы.

бычайно кривляется, говоря, что он не знает, как сложатся обстоятельства, что он занят и т.п., — а потом классический вопрос, который он неизменно задает в каждый из наших телефонных разговоров — деньги есть? «Достань — разве ты не можешь достать? Брось трепаться», — и т.п. Когда же оказывается, что я никуда не могу достать билет, что я не хочу звонить Нейгаузу, Лиле и идти к Марецкой по этому поводу, то он мгновенно скисает и говорит, что еще позвонит — чтобы я думал, что он еще не знает, сможет ли он освободиться или нет. Но я прекрасно знаю, что он решил, — раз нету денег или билетов куда-нибудь, то зачем же встречаться? — Смешное дело, разве такие отношения — отношения? Если вот так кому-то рассказать, то никто не поверит такой беззастенчивой алчности. Comme je l'écris plus haut, c'est vraiment dégueulasse que le seul ami que j'ai eu, se trouve être un simple pique-assiette sans honneur ni véritable distinction. Le plus ennuyeux c'est qu'il se pose en «intellectuel occidental», aimant Mallarmé et Verlaine, homme raffiné et cultivé, «à qui on ne la fait pas». Je t'en foutrai un «Западный человек» pareil. Toute sa culture fout le camp quand je vois son avidité pour l'argent et son manque d'éthique, de tact et de politesse. Et on revient, ou plutôt je reviens, à mon point de départ — je suis seul. Le plus marrant de l'histoire, c'est que je suis vraiment seul. Chaque jour je vais à l'école, je vois un tas de types, mais ça n'arrange pas l'affaire — tant que je suis à la boîte, forcément, je suis en rapports professionnels avec les copains, mais au sortir de la classe chacun va de son côté (au figuré, bien entendu). Quand je vais à l'école je souhaite vivement les vacances — parce que la physique, la chimie et les maths m'ennuient férocement et je les hais parce qu'il me font faire du mauvais sang. Mais quand arrivent les vacances attendues — alors c'est la débandade. Ab-so-lu-ment rien à faire. Incroyable, mais vrai, comme disait l'autre. Vraiment, je n'ai rien à faire. Je lis, j'écoute la radio, parfois je dessine, mais est-ce que c'est la vie, ça? La vie — pour moi — c'est avant tout des relations humaines — et c'est justement ça qui me manque le plus. Je suis obligé de me promener comme un malheureux — toujours le même itinéraire: je prends le tram à la station «Dourasovski», je roule jusqu'à la Kirovskaja où je descends du tram, et je prends le métro jusqu'à la station «Okhotni Riad». Là je descends — et c'est l'endroit le plus chic de Moscou. Je monte la rue Gorki, je traverse et vais voir chez un bouquiniste ce qu'il y a d'intéressant comme livres.

Ensuite je retraverse et vais par la rue du Théâtre d'Art en traversant la Pétrovka et la Neglinnaya et je remonte le Kuznetsky Most, tout cela en entrant sans cesse dans des magasins bouquinistes et de livres neufs assez nombreux dans ce quartier-là. Ces derniers temps, je guette de bons livres. Souvent je me fais cirer les chaussures. Je tâche de bien m'habiller. Je travaille assez peu à l'école et le spectre des mathématiques me poursuit implacablement. De mon horizon ont disparu tous les gens à qui j'ai eu affaire en France — sauf ma mère, Mitia et Kira. En effet ma sœur est déportée pour huit ans, mon père est en prison et son affaire n'est pas encore terminée. Alexis Cezemann est déporté pour huit ans, Nicolaï Andreevitch et Nina Nikolaevna sont en prison et leur affaire n'est pas encore terminée. Alexis Aysner est déporté pour huit ans, Paul Balter est en prison et je ne sais rien sur lui, ayant perdu contact avec sa femme. Dick est en France en train de moisir dans un camp de concentration, Cordet-Radzévitch est à Paris ... Probablement, Tviritinoff est arrêté, lui aussi. Il y a assez longtemps que Moulia n'a pas reçu de lettre d'Alia. Kira s'attend chaque jour à être arrêté. Je lui ai dit qu'il ne s'en fasse pas et que je crois qu'il ne sera pas arrêté. Et j'ai oublié Milia qui a été arrêtée. Ça fait huit de nos connaissances qui ont été arrêtées, dont trois déportées (ma sœur, Aysner, Alexis Cezemann). Tout cela n'a rien de bien folâtre. Ce qui est intéressant, c'est que ce sont de gros poissons, c'est à dire des gens dont l'activité en France a été la plus intensive. Ce sont des gens les plus responsables. Je suis enclin à croire qu'ils auront eux aussi huit ans de déportation.

Huit ans — c'est le maximum que peut donner l'OSO (Conseil Spécial). Enfin on verra. Peut-être même sont-ils déjà jugés? Ariane a été jugée en juillet, et on l'a tenue en prison plusieurs mois après le jugement, et peut-être même ne savait-elle pas le verdict. En tout cas on prend l'argent pour tout le monde. Mon père et Nina Nikolaïevna sont aux Bouteilles (c'est comme cela que j'appelle la prison de Butyrki), quant à Nikolaï Andréévitch — il est à la Centrale. Le ciel est bleu et il commence à faire une chaleur de tous les diables. L'été avance et avec lui les examens menaçants et ennuyeux que je ne redoute du reste pas trop. Le soleil tape dur mais je suis, on ne sait pourquoi, enrhumé. Aujourd'hui je veux acheter un billet pour le 6 — à la salle Tchaïkovski il y a un concert fameux — la 5e et la 6e symphonie de Tchaïkovsky — mes symphonies préférées.

Как я писал выше, я нахожу просто омерзительным, что мой единственный друг, оказывается, — настоящий попрошайка, бесчестный и лишенный всякого благородства. Самое неприятное то, что он выставляет себя «западным интеллигентом», любящим Малларме и Верлена, человеком утонченным и культурным, которого не проведешь. На х.. этого «западного человека». Вся его культура проваливается на х.., когда я вижу его алчность к деньгам и отсутствие у него этического чувства, тактичности и вежливости. Вот так и возвращаясь, вернее, я возвращаюсь к отправной точке — я один. Самое нелепое в этой истории, это то, что я действительно один. Каждый день я хожу в школу, встречаюсь со многими, но это не меняет дела. Пока я сижу в школе, у меня неизбежно профессиональные отношения с товарищами, но, выйдя из класса, каждый уходит в свою сторону (в переносном смысле, конечно). Когда я иду в школу, я хочу, чтобы поскорее наступили каникулы — ибо физика, химия и математика мне жутко надоели, и я их ненавижу, потому что из-за них беспокоюсь. Но когда наступают долгожданные каникулы — тогда все идет насмарку. Абсолютно нечего делать. «Неправдоподобно, но факт», как говорится. Действительно, нечего делать. Я читаю, слушаю радио, иногда рисую, но разве это жизнь? Для меня жизнь — это прежде всего человеческие отношения, и это как раз то, чего мне больше всего не хватает. Мне приходится уходить гулять, как бедняге — и всегда по тому же маршруту. Я сажусь на трамвай на остановке «Дурасовский <переулок>», еду до Кировской, где схожу с трамвая и еду в метро до станции «Охотный Ряд». Тут я схожу. Это самое шикарное место в Москве. Я поднимаюсь по улице Горького, перехожу на другую сторону, захожу к букинисту посмотреть, какие есть интересные книги. Затем я снова перехожу улицу и иду по проезду Художественного театра, переходя Петровку и Неглинную, потом я поднимаюсь на Кузнецкий Мост, постоянно заходя к букинистам и в книжные магазины, их много в этом районе. Последнее время я караулю хорошие книги. Часто мне чистят ботинки, я стараюсь хорошо одеваться. Я довольно мало занимаюсь в школе, и угрожающий призрак математики меня неуклонно преследует. С моего горизонта исчезли все люди, с которыми я имел дело во Франции, — кроме матери, Мити и Киры. И действительно: сестра в ссылке на восемь лет, отец в тюрьме, и дело его еще не кончено. Алексей Сеземан в ссылке на восемь лет, Николай Андреевич и Нина Николаевна в тюрьме, и их дело тоже еще не кончено, Алексей Эйсер в ссылке на восемь лет, Павел Балтер в тюрьме, и я ничего о нем не знаю, так как поте-

рял связь с его женой. Дик во Франции, сохнет в лагере, Корде-Радзевич в Париже... Видимо, Твиритинов тоже арестован. Уже довольно давно у Мули нет писем от Али. Кира каждый день ждет ареста. Я ему говорю, чтобы он не беспокоился, и думаю, что его не арестуют. Я еще забыл про Милю, которая тоже арестована. Получается, что восемь наших знакомых арестовали, из них троих сослали (сестру, Эйснера, Алексея Сеземана). Все это не весело. Интересно, что это все — крупные рыбы, то есть люди, у которых во Франции была самая интенсивная деятельность. Это самые ответственные люди. Я склонен думать, что они тоже получают восемь лет ссылки.

Восемь лет — это тот максимум, который может дать ОСО (Особое Совещание). Во всяком случае, увидим. Может быть, их уже судили. Ариадну судили в июле и ее держали в тюрьме несколько месяцев после суда, может быть, она даже и не знала о приговоре. Во всяком случае, деньги берут для всех. Отец и Нина Николаевна сидят в Бутылках (это я так называю тюрьму Бутырки), а Николай Андреевич в Центральной. Небо голубое, и начинается адская жара. Уже скоро лето, и вместе с ним наступают угрожающие и нудные экзамены, хотя я их не особенно боюсь. Солнце жжет, а я, неизвестно почему, простужен. Сегодня я хочу купить билет на 6ое. В Зале Чайковского шикарный концерт — дают 5^{ую} и 6^{ую} симфонию Чайковского, мои любимые.

9/V-41

Je n'écris pas dans ce journal depuis 7 jours à cause des examens qui approchent et auxquels il faut tout de même un peu se préparer. En compote d'algèbre j'ai reçu «mal» mais ça ne fait rien — demain il y aura une autre compote d'algèbre dans laquelle j'espère avoir «bien» ou tout au moins «passable» ce qui pour moi n'est déjà pas si mal. Il est huit heures du soir. J'ai à faire pour demain énormément de leçons: surtout la géométrie m'effraie — en géométrie ça ne va pas sérieusement, quant à l'histoire et la littérature, ça boume. Les examens sont très proches: ils commenceront dans une semaine. Je m'applique à ne pas avoir de mauvaises notes avant les examens, pour ne pas gâcher mes notes de semestre. Au fond, je n'ai aucunement peur des examens. Tandis que tous les autres sont d'avance en sueur. Demain ma mère va porter l'argent à mon père. Ça fait un an et sept mois que celui-ci est en prison. Il y a quelques jours on a accepté pour lui une certaine quantité

d'effets – manteau, couvertures sous-vêtements, mouchoirs de poche, chandails, etc. Depuis quelques jours, l'Angleterre est en guerre avec l'Irak (Mésopotamie). J'ai eu de la chance – j'ai réussi à acheter le second tome de «1919» de J.D.Passos – il y a quelques mois j'avais acheté le premier volume et maintenant j'ai les deux (collection «Ciment»). Mitka est allé aujourd'hui aux Mytichtchi (environs de Moscou) – là-bas on juge ceux qui se sont installés arbitrairement dans «notre» villa de Bolchevo et qui ont volé les Lvoff et nous. Mitka va là-bas comme témoin. Du reste Mitka s'appelle maintenant Cezemann (du nom de son père, professeur en Pribaltique). Seulement son père est en liberté (Nikolaï Andréévitch est le second mari de la mère de Mitia). Moi aussi je m'appelle du nom de mon père, seulement le mien est en prison. Mitka a d'arrétés dans sa famille: son beau-père, sa mère, son frère qui est déporté. Moi j'ai d'arrétés mon père, ma sœur qui est déportée, mon oncle, ma tante et mon cousin qui sont, eux aussi déportés. Ainsi Mitia est battu par 3:2 ou 5:3. Qu'est-ce que je vais bien foutre pendant les vacances. Je n'en ai aucune idée. D'abord, il faudra guérir mon eczéma qui du reste n'est pas terrible. Quant à l'hiver prochain je veux à tout prix m'occuper de ski – parce qu'il faut être à la page partout et toujours et, en outre, il faut que je sois plus fort que je ne le suis maintenant, et le ski me fera beaucoup de bien en ce sens. Toute la journée dans l'appartement où nous habitons on fait un tapage infernal avec d'énormes morceaux de plâtre qui tombent, poussière et saleté partout: c'est des «réparations» idiotes avec trous formidables dans la muraille et ouvriers flânant... Il y a longtemps que nous n'avons rien reçu d'Alia. Que fout-elle, où est-elle? Mystère et boule de gomme.

Acceptera-t-on demain la transmission d'argent pour papa? L'a-t-on déjà jugé? Je suis enclin à le croire. Ainsi Aysner aussi a huit ans! Ça, ça m'a frappé plus que tout, je ne sais pourquoi. Mitia dit qu'il explique toute cette affaire de façon fort simple: tous ceux qui sont arrêtés ou déportés (papa, ma sœur, Nina Nikolaïevna, Nikolaï Andréévitch, Milia, Paul Balter, Aliocha, Aysner, Paul Tolstoï) étaient plus ou moins liés aux milieux du Commissariat du Peuple aux Affaires Intérieures – et le commissaire du Peuple était Ejoff. Quand Ejoff fut remplacé par Beria, il paraît qu'il fut appelé ennemi du peuple et tous ceux qui ont eu affaire plus ou moins directement avec lui et le Commissariat furent arrêtés. Comme toute la compagnie était

liée au Commissariat de façon fort indirecte, il est naturel qu'ils aient été arrêtés plus tard que les autres. Moi je n'explique aucunement cette histoire — trop de faits et de conclusions hâtives. Quels salauds que nos voisins. A vrai dire je n'ai jamais eu l'idée que puissent exister des gens semblables, surtout la femme. Je les hais parce qu'ils détestent ma mère qui ne le mérite pas. Bah! A quoi bon en parler. 9 heures. Faut se remettre à bûcher la géométrie — science trois fois maudite. Enfin...

Я уже семь дней не писал дневника из-за наступающих экзаменов, к которым, как-никак, надо немного подготовиться. На «контре» (контрольной) по алгебре я получил плохо, но это не беда. Завтра будет другая контра по алгебре, и я очень надеюсь получить «хорошо» или, по крайней мере, «удовлетворительно», а для меня это уже не так плохо. Сейчас восемь часов вечера. У меня на завтра масса уроков: больше всего меня пугает геометрия, в ней дела совсем неважны, что касается истории и литературы — всё шикарно. Экзамены очень скоро. Они начинаются через неделю. Я стараюсь не получать плохих отметок перед экзаменами, чтобы не испортить отметки за четверть. По существу, я вовсе не боюсь экзаменов. В то время как остальные все заранее в поту. Завтра мать отнесет деньги отцу. Вот уже год и семь месяцев, как он в тюрьме. Несколько дней назад приняли для него некоторое количество вещей: пальто, одеяла, нательное белье, носовые платки, вязаные вещи и т.д. Вот уже несколько дней Англия воюет с Ираком (Месопотамия). Мне повезло: я смог купить второй том «1919» Дж. Дос Пассоса. Несколько месяцев назад я купил первый том, и теперь у меня оба тома (коллекция «Цемент»). Митька сегодня поехал в Мытищи (недалеко от Москвы, там судят тех, кто бесправно заняли «нашу» дачу в Болшеве и которые обокрали Львовых и нас). Митька там как свидетель. К тому же, фамилия Митьки теперь Сеземан (по имени отца, профессора в Прибалтике). Только вот его отец на свободе (Николай Андреевич — второй муж Митиной матери). Меня тоже зовут по фамилии отца, но мой сидит. У Митьки в семье арестованы: его отчим, мать, брат, который сослан. У меня арестованы: отец, сестра, которая сослана, дядя, тетя и двоюродный брат, они тоже в ссылке. Итого, я бью Митю 3:2 или 5:3. Что же я буду делать во время каникул. Не имею никакого представления. Сначала надо будет вылечить мою экзему, которая, кстати, не особенно сильная. А будущей зимой я обязательно хочу заняться лыжами, потому что по-

всюду и всегда следует быть в курсе всего нового, кроме того, я должен стать более крепким, чем я сейчас, и лыжи в этом могут быть полезными. Целый день в квартире, где мы живем, ужасный шум: падают огромные куски штукатурки, повсюду пыль и грязь. Это какой-то идиотский ремонт с огромными дырами в стенах и шляющимися рабочими. Мы давно ничего не получали от Али. Что она делает? Где она? Это полный секрет и тайна.

Примут ли завтра передачу денег для папы? Судили ли его уже? Я склонен думать, что да. А вот Эйснер тоже получил восемь лет. Это-то меня больше всего поразило, не знаю почему. Митя говорит, что он объясняет всю эту историю очень просто: все, кто арестован или сослан (папа, сестра, Нина Николаевна, Николай Андреевич, Миля, Павел Балтер, Алеша Эйснер, Павел Толстой), были как-то связаны с людьми из народного комиссариата внутренних дел, а народным комиссаром был Ежов. Когда Ежова сменил Берия, говорят, что его обличили как врага народа и всех, кто более или менее имели непосредственно с ним и комиссариатом дело, арестовали. Так как вся компания была связана с комиссариатом только стороной, естественно, что их арестовали позднее остальных. Я же всю эту историю вовсе не объясняю — слишком много в ней фактов и торопливых выводов. А какие сволочи наши соседи. По правде говоря, я никогда не подозревал, что могут существовать такие люди — злые дураки, особенно жена. Я их ненавижу, потому что они ненавидят мать, которая этого не заслуживает. Ба! Что и говорить. Уже 9 часов. Надо сесть за зубрежку геометрии, а это наука трижды проклятая. Ну, ладно...

10/V-41

Il me semble que je n'ai pas mal écrit la compote d'algèbre aujourd'hui. Ce matin j'ai reçu une convocation m'invitant à me rendre au bureau d'enregistrement des actes civils, où j'ai reçu mon certificat de naissance, qu'après quelque temps d'enquête au commissariat du Peuple aux Affaires Intérieures on est parvenu à rétablir. J'ai été à la gérance de la maison et pris une enquête. Après demain j'irai à l'école où je prendrai une enquête (que j'étudie là-bas). Nanti de ces documents et du passeport de ma mère, j'irai au département de la milice, où bientôt je recevrai, du moins je l'espère) mon passeport. Mitia va souvent au commissariat militaire à propos de son enrôlement dans l'armée, de commission sanitaire, etc. Enfin, je crois qu'on finira par le

réformer à cause de sa Tbc. En ce moment j'entends les dernières nouvelles, transmises par la radio — parfois on entend des nouvelles intéressantes. Très souvent j'écoute la radio du Général de Gaulle — ça fait plaisir d'entendre des voix françaises et en outre on apprend beaucoup de nouvelles. A part ça, les émissions m'aident à ne pas oublier la langue. Paris! Ville inoubliable, amie et tant aimée. Je n'oublierai jamais Paris. Dans les journaux, par la radio, je guette toutes les nouvelles qui parviennent sur Paris actuel. Paris par la faute de la défaite française et du gouvernement de Pétain, est devenu une ville de second ordre. Mais ce qui est sûr, c'est que l'avenir rendra à Paris son rôle de ville de premier plan en Europe. Je crois de tout mon cœur à la renaissance future de la France. Seule la révolution populaire sous la direction du P.C. sera capable de rendre à Paris et à la France son rôle énorme dans la reconstruction de l'Europe. Quoiqu'en disent les Gaullistes, ils n'assureront pas la résurrection de la France, parce qu'ils ne sont pas liés avec le peuple — et même si les Anglais sont vainqueurs il y aura toujours des mécontents parmi le peuple.

Мне кажется, что я сегодня неплохо написал контру по алгебре. Сегодня утром я получил вызов явиться в загс, где я получил метрику, которую удалось установить через несколько месяцев поисков в Народном комиссариате внутренних дел. Я ходил в домком и взял справку. Послезавтра я достану в школе справку о том, что там учусь. Вместе со всеми этими документами и материнским паспортом я пойду в отделение милиции и вскоре (так я надеюсь) получу паспорт. Митя часто ходит в военкомат по поводу призыва в армию, проходит медицинскую комиссию и т.д. Думаю, что его в конце концов освободят из-за его ТБЦ. Я сейчас слушаю последние новости по радио. Иногда бывает интересно. Я очень часто по радио слушаю генерала де Голля. Приятно слышать французские голоса, кроме того, узнаешь много новостей. К тому же эти передачи помогают мне не забывать язык. Париж! Незабываемый город, мой столь любимый друг! Никогда я не забуду Париж. По газетам и по радио я слежу за новостями, которые доходят о теперешнем Париже. Париж из-за французского поражения и правительства Петена стал второстепенным городом. Но я уверен, что в будущем Парижу будет возвращена его роль первостепенного города Европы. Я от всего сердца верю в будущее возрождение Франции. Только всена-

родная революция под руководством КПФ сумеет вернуть Парижу и Франции ее огромную роль в восстановлении Европы. Что бы ни говорили голлисты, они не смогут обеспечить воскрешение Франции, потому что они не едины с народом, и даже если англичане победят, всегда в народе будут недовольные.

13/V-41

Два дня тому назад видел Митьку. Мы как раз спускались с Красной площади, и он мне рассказал интересную вещь: 18го марта в Москву приехала некая Люси из Франции. Ее муж был убит в Испании; потом, после начала войны, ее посадили в тюрьму. Она сидела в Petite-Roquette и встретила там с Верой Трэйль, муж которой также убит в Испании. Вера Трэйль была хорошей знакомой Али. Я ее часто видел у Дика Покровского. Когда Вера узнала, что советский консул в Виши даст Люси советское подданство и что она поедет в СССР, то она сказала, что у нее есть там друзья: Алешка Айснер и Миля. Потом Веру Трэйль отправили вместе с девочкой в концлагерь в Пиринеях. Значит: Дик Покровский и Вера Трэйль — в концлагерях во Франции; Алешка Сеземан, Алешка Айснер, моя сестра — 8 лет на Север. Причем я уверен, что если бы Вера Трэйль или Дик приехали сюда, их бы тоже арестовали. Мне хотелось бы увидеть Киру, чтобы поподробнее узнать о Кордэ-Радзевиче. Ведь Кордэ жил в одной квартире с Верой Трэйль (прекрасно помню — я там был). Ведь это очень интересно, если он действительно находится на свободе! Было бы очень интересно узнать, находится ли прибывший после отца в СССР (когда уже мы приехали) Твиритинов <на свободе>. Мать его видела в Префектуре полиции во время допроса. Что я знаю достоверно, это что Ларин (теперь у него, наверное, другая фамилия), который был очень близко к отцу и ехал с ним в СССР на одном пароходе, находится на свободе в Симферополе, так же, как Кондратьев, больной туберкулезом, который приехал в Москву и виделся с Митькой. Митька говорит, что он совсем умирает. Кондратьев также вынужден был бежать из Франции в связи с делом Рейса. Вообще-то дело так представлялось: отец, Львовы, Ларины бежали из Франции сюда именно из-за дела Рейса, хотя, в частности, не имел причастия к этому делу отец, и в полиции (Префектуре) нам подтверди-

ли, что отца разыскивают именно не по этому делу, а по делу Седова. Генеральный инспектор, допрашивавший мать, сказал ей, что «l'activité de votre mari était fondroyante»¹. Мать и я твердили в Префектуре, что, как мы предполагаем, Эфрон «находится в Испании», и там нам поверили. Интересно — что с Марселем, который также обвинялся в подготовке убийства Игната Рейса? Ах, да — еще одного я забыл — ведь отец видался в Болшеве с неким Поздняковым — фотографом в Париже, который прибыл в СССР после нас. Интересно, арестован ли он? 10го отцу приняли передачу. Вчера мать видалась с Асеевым. Он ее расспрашивал об арестах членов нашей семьи. Он сказал, что будет говорить в ЦК по поводу издания книги матери — что «свыше» книгу разрешили и не напечатали ее, потому что в издательстве просто подличали, боялись — например, Зелинский отверг книгу. Все-таки в издание этой книги я не верю. Но может быть, слово Асеева будет иметь свой вес и эту книгу издадут? Это было бы хорошо, очень хорошо.

14/V-41

Интересная эта штука с Гессом — но что она по-настоящему означает? Вчера слушал деголлевцев, и они говорят, что еще ничего нельзя сказать определенного, но все-таки радовались — une cassure chez les nazis². И вообще остроумничали по этому поводу. Когда, когда будет революция во Франции? Сейчас чертовски запутанная обстановка. Позавчера мне позвонила какая-то девица, не хотевшая себя называть и звонившая по поручению другой девицы, которая якобы хотела со мной познакомиться. Она назначила мне прийти в 1/2 10го, но я не понял и понял, что в 9.30 утра, и не мог прийти из-за школы. Тогда в 10 час. вечера звонит та же девица и говорит, «что это хамство, что я не пришел». И все продолжает не называть ни себя, ни другую девицу. Долго мы с ней говорили и так ничего и не выяснили. Сегодня звонит та девица, «которая хотела со мной познакомиться», и спрашивает, почему я не пришел тогда. Я все продолжаю говорить, что это — недоразумение. Я наконец узнал, кто го-

¹ «деятельность вашего мужа была ошеломляющей».

² трещина у нацистов.

ворит, по голосу и сказал об этом, но она почему-то всё время хочет звонить и завтра опять будет мне звонить. А мать накаляется. Положеньице! Сейчас буду слушать «France Libre».

17/V-41

Сегодня прошел последний день учебного года. Итак, теперь предстоят испытания. Я почти совсем не готовился к ним. Выгладили пиджак. Война перекинулась в Сирию. Сволочи из Виши разрешили проход германских войск через территорию Сирии, взамен чего Гитлер снизил расходы французского правительства на германскую оккупационную армию. Англичане уже бомбят сирийские аэродромы. Сейчас слушаю по радио «Реквием» Берлиоза, транслируемый из Конц. зала им. Чайковского. Вчера звонила эта девица. Я узнал ее голос — я теперь знаю, кто она: это Валя Предатько из 9^м класса. Мы с ней пресимпатично разговаривали. Вообще, она мне нравится — она остроумна и в известной степени привлекательна. Сегодня сказал матери, что пойду в Конц. зал, что взял билет, но по-настоящему никакого билета не взял и остался дома. Всё равно «Реквием» транслируют. Интересно — как я сдам испытания? Теперь мне скоро дадут паспорт — меня вызовут в отделение милиции. Вчера была Елизавета Алексеевна и Кира. Кира думает работать в Радиокомитете. Бесспорно, деголлевцы — страшные демагоги. Они льстят и рабочим, суля им социальную справедливость, льстят и католикам, и мелким буржуа. Интересно бы прочесть книгу Эренбурга «Падение Парижа». Получили письмо от Али, и Муля тоже получил от нее письмо. Она работает на том же месте, но пишет, что ее могут каждый день перебросить на другое место. Она получила мои открытки, переводы и бандероли от Мули. Бедная Аля! Все-таки мне ее жалко. Скорее бы кончились испытания. Слушаю Чехова — замечательно! Чехов — мой любимый писатель. Я считаю его выше и Толстого, и Достоевского. Даже в его смешных вещах — какая глубина и правда, и как все это сильнее самых обличительных трактатов и статей. Да, конечно, Чехов — это страшный réquisitoire¹ того, старого общества. Но, однако, как я одинок! Абсолют-

¹ обвинительная речь.

но нет друга, в котором я так нуждаюсь. Приходится замыкаться в себе, усиливать self-control¹. Что ж делать? Продолжается полнейшее одиночество. Все-таки, едуци сюда, не думал я, что у меня не будет ни одного друга. Я знаю, что говорят о силе коллектива и т.п. Но какого черта наш класс можно назвать коллективом. У всех учеников совершенно разные интересы — я с ними ни в чем не схож. Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаюсь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь. Мои же товарищи этим всем очень мало интересуются, живут футболом и очередной плохой отметкой — они малокультурны, увлекаются пустяками, чушью. Все они очень мало увлекаются литературой, хотя жадно читают. Некоторые из них зовут меня «французом». Моя судьба: во французской школе меня звали «русским», а в СССР — «французом». Физически у меня тип абсолютно не русский и совсем не французский — скорее, немецко-английский. Так что клички «русский» и «француз» — неправильны. Да и «немец» или «англичанин» так же были бы неправильны, потому что я русский по происхождению и француз по детству и образованию. Да, Виши все больше скользит на полнейшее сотрудничество с немцами в экономическом, политическом и военном отношении. То, что Пэтен и Дарлан пропустили немцев в Сирию, означает, что Франция все больше и больше втягивается в войну на стороне Германии. Англичане одержали крупную победу: они вновь захватили Соллум на египетско-ливийской границе. Кроме того, германо-итальянским войскам не удалось взять Тобрука в Ливии. Сейчас 11 ч. 10 минут. Скоро пойду спать — минут через 50. Кажется, Митька чем-то заболел (кажется, простудился). 1ое испытание — алгебра — будет 20ое, а 19ое будет консультация. Я опасаясь только задачи, а все остальное подучу.

18/V-41

Il est 9 heures du soir.² Мать пошла к Крученых. Moi, je suis censé être³ на Андроникове, куда я якобы взял билет. Il n'en

¹ самоконтроль (англ.).

² Сейчас 9 часов вечера.

³ Я официально.

est rien.¹ Билета я не взял, а деньги сохранил. Les deux derniers jours je suis resté à la maison², боясь пропустить le coup de téléphone³ этой девицы. Я не хотел потом раскаиваться: мол, вышел на 5 минут, она позвонила, и вот уже une occasion de развлечение manquée⁴. Но ни вчера, ни сегодня она не звонила. Возможно, что она думает, что я готовлюсь к испытаниям, возможно, что готовится она сама, возможно, что про меня и забыла — все возможно. Только что был в Клубе МГУ, решив в последнюю минуту пойти на Андроникова — что сидеть, все равно никто уж звонить не будет. Но там оказалось — tous les billets sont vendus⁵. И я вернулся восвояси ни с чем. Абсурд, сущий абсурд. Et on revient à la vieille, à l'éternelle histoire: SEUL! J'ai téléphoné à Mitia⁶ — он «сегодня занят». Интересно то, что я, которого все считают сухим, рассудочным, холодным человеком, оказался в роли идиотского старомодного идеалиста, который сетует на отсутствие друзей и т.п. Действительно — роль для меня как-то не подходящая: я-де, мол, такой сильный духом, такой самостоятельный, такой волевой, и вдруг сетую о своем одиночестве! Voyons⁷, нужно быть сильнее этого, уметь «найти в себе» и т.п. Всё это excellent⁸ в теории и в известном возрасте... Но я молод, и у меня такое впечатление, что я безвозвратно теряю золотое, молодое, свежее время. Хорошо так говорить постаревши, разуверившись во всем genre intellectuel qui a vécu et qui a trouvé la vérité en la contemplation de soi-même, des valeurs spirituelles etc., etc.; enfin genre Huxley ou Aldington (All men are enemies). Mais ils ont vécu! Et moi je suis en train de croupir bel et bien. Encore, quand il y avait l'école, ça «bourrait» — les leçons m'occupaient, parfois les camarades de l'école me divertissaient. Mais je m'impatisais, les leçons m'ennuyaient, les copains devenaient insupportables — et vivents les vacs! Mais les «vacs» vont arriver

¹ Но это совсем не так.

² Последние два дня я сидел дома.

³ телефонный звонок.

⁴ одна возможность развлечения пропущена.

⁵ все билеты проданы.

⁶ И опять возвращаемся к старой, к вечной истории: ОДИН! Я звонил Мите.

⁷ Ну как же.

⁸ замечательно.

et quoi? Aucune perspective. Absolument aucune. Curieux, hein? Mais c'est comme ça. Comme disait l'autre — invraisemblable mais vrai. Mitia partira en Bachkirie et de toute façon je ne suis pas lié avec lui.¹

Завтра консультация по алгебре, послезавтра испытание по алгебре.

Вот. Voilà.

Ну абсолютно никого нет. Приходится вместо здорового веселого, хорошего общения вечно самоанализировать, пережевывать, слоняться всюду одному. И главное, такой complexe d'infériorité² — видишь, на улице: гуляют par bandes d'amis³ и т.п. А ты один, bête comme tes pieds. J'ai beau être très cultivé, bien de ma personne, parfaitement habillé, avoir suffisamment d'argent. Je suis SEUL. Absolument personne autour de moi. Marrant, n'est-ce pas? Eh bien pas du tout marrant.⁴ И наверное, долго все это будет длиться. Жизнь! где ты? Иногда я тебя вижу в синем небе, во взгляде женщины, в дереве, в солнце, в прохладе, в светотени дома... Но ты ускользаешь... И живешь каким-то плохим суррогатом жизни — жизнью бесцветной, без переживаний и увлечений. Ну вот мне, действительно, никто не поверит. «Как, ни одного товарища, ни одного друга?» — «Нет-с, никак нет-с». Это вполне верно, насчет суррата жизни. Нет никакой интенсивности. Скука. И живешь какими-то мелочами. Оттого-то я так и интересуюсь тем, что происходит во всем мире, что моя собственная жизнь — жалка и мизёрна. И вместе с этим я отнюдь не пессимист — я уверен, что когда-то это глупое одиночество кончится. Ведь вообще-то кажется, что раз один, то есть, по крайней мере, liberté

¹ в стиле интеллигента, который много прожил и нашел истину в созерцании самого себя, духовных ценностей и т.д. и т.д., наконец, вроде Хаксли или Олдингтона («Все люди — враги» (англ.). Но они хоть жили. А я буквально прогниваю. Когда была школа, хоть было «забито» — меня занимали уроки, иногда школьные товарищи меня развлекали. Но я был нетерпелив, уроки надоедали, товарищи становились невыносимыми — да здравствуют каники! Но «каники» вот-вот наступят... Ну и что? Никаких перспектив. Абсолютно никаких. Странно, нет? Но это именно так. Как говорится: неправдоподобно, но факт. Митя уедет в Башкирию, к тому же я с ним не связан.

² комплекс неполноценности.

³ в компании друзей.

⁴ дурак дураком. Хотя я и очень культурный и весьма хорош собой, прекрасно одет, у меня достаточно денег. Я ОДИН. Вокруг меня абсолютно никого нет. Смешно! А? Так вот, совсем не смешно.

d'actions¹ — делай «что хошь». А что делать? Делать нечего. Мне просто противно одному всюду ходить — даже как-то унижительно. Часто встречаются слова «унижительно», «complexe d'infériorité»² и т.п. Но наружно я не показываю ma tragédie, on du moins mon «cas»³. Я спокоен, остро, холоден, обладаю self-control'ом⁴. Вообще огромную роль играет мой внешний вид и манера держаться: мол, все хорошо, только я вам мало говорю, и все обманываются и думают, что tout va bien⁵ и т.п. А может, скорее, вообще ничего не думают. Вид, конечно, у меня довольно высокомерный и вполне довольный своим положением. Но с кем быть откровенным? Не с кем, потому что, опять-таки, одинок. Кроме того, одиночество — очень скучная вещь. Гораздо веселее, если есть друг, компания, тогда вместе куда-нибудь ходишь и т.д. А одному неохота никуда идти. А ведь в Париже было точно так же. Томился, что не с кем общаться, — оттого так страшно обрадовался Lefort'у. Помню, как слонялся один по кино и т.д. Но все-таки надеялся, что в СССР будет много друзей — и папа и Аля entretenaient une telle croyance⁶. А в СССР я живу скоро уже два года и ни с кем не подружился. А просто не с кем дружить. Мне просто никто не приходится по душе. Много симпатичных, но этого, конечно, недостаточно. Отсутствие общих интересов, стремлений, ассоциаций, образа мышления... В следующем году хочу ходить на лыжах. Que fait papa en prison à cette heure-ci? 10 heures moins cinq. Bientôt je vais capter «la France Libre». Mais, scrogneugneu, que vais-je faire en été? Pourvu que de сдать испытания — ce sera toujours ça comme victoire remportée!⁷

20/V-41

Сейчас — 7 часов. Сегодня благополучно сдал испытание по алгебре — очевидно, на хорошо. Посчастливилось — удалось

¹ свобода действия.

² комплекс неполноценности».

³ мою трагедию, или, по крайней мере, мой «случай».

⁴ Здесь и далее: самоконтролем (англ.).

⁵ всё в порядке.

⁶ поддерживали такую уверенность.

⁷ Что делает папа в этот час в тюрьме? Без пяти десять. Скоро я буду ловить «Свободную Францию». Но, черт подери, что же я буду делать летом? Хоть бы сдать все испытания — это уже плюс и победа!

поймать однотомник сочинений Маяковского, изд. 40го г. (самое лучшее и новейшее). Когда я, после испытаний, ушел рыскать по книжным лавкам, звонил Митька и какая-то девица, но я сильно сомневаюсь, чтобы это была Валя: она обычно вызывает «Георгия», а тут, как говорит мать, вызывали «Георгия Эфрона». Во всяком случае, если это была Предатько, то обидно, что как раз когда она звонила, я вышел. Но вряд ли звонила она. Но кто же еще мог звонить? Ведь всех классных девиц я сегодня видел. Жалко, что меня не было, — вряд ли позвонят еще, а мне интересно, кто звонил. Послезавтра — испытание по физике. Это мне не улыбается — да и вряд ли кому вообще улыбается. Все жалею, что меня не было, когда звонили — очень уж интересно: Предатько ли это звонила или нет? Читаю «Le bon plaisir» — d'Н. de Régnier. 8 часов. Слушаю передачу джаза из Лондона. Получили позавчера письмо от Али — 4^е по счету, которое до нас дошло. Она все на том же месте. И Муля тоже получил письмо. Аля пишет, что Муля ей сообщал, что скоро приедет — и все не едет. А я вообще сначала сомневался в том, поедет ли он к ней. Герцог Аоста сдался вместе со своими войсками англичанам у Анба-Алам (Абиссиния). Как будто немцы опять отбили у англичан Соллум. Образовано независимое государство — Хорватия. Глава правительства — известный хорватский националист, террорист Анте Павелич. Восстановлена там королевская власть (Савойская династия). Сволочи! В Румынии готовится расправа с коммунистами. Франция! Франция должна быть 1^й страной (после России), в которой произошла бы революция. Французы еще покажут, я в это свято верю! Завтра буду готовиться к физике и пойду продавать книги — хочу побольше денег иметь. Сейчас у меня 43 рубля. Хочу компенсировать покупку однотомника Маяковского (16 р.) продажей отдельных его произведений. Авось продам рублей на 20 — очень даже будет хорошо. Да здравствует джаз! Теперь слушаю советский джаз — отменный. Вообще у нас превосходны Утесов и Цфасман. А все-таки неплохо — 43 рубля. Но что на них делать? Вот если бы куда пойти с Валею — я не говорю. Но ведь она не звонит, черт возьми! Наверное, готовится к испытаниям. Она что-то говорила, что скоро куда-то уедет... Вообще-то хорошо было бы с ней погулять: Но все это вилами на воде. Кто звонил сегодня? Вот тебе и нà — если она звонила, а меня и не было. Противно. Да и, конечно, охота зво-

нить человеку, которого вечно нет дома! Я, быть может, и дурак, что так переживаю ее звонки, — но я настолько одинок, что каждая возможность общения, и притом приятного, меня очень живо затрагивает. Всё это, конечно, противоречит моим понятиям о сдержанности, self-control'e. Но ведь никто об этом не знает, кроме меня: наружно я не показываю, как мне интересны ее звонки. Вообще-то я не хотел бы, чтобы из этого дневника заключили, что я идиот экзальтированный. Просто я цепляюсь за каждую возможность хорошо, интересно провести время, познакомиться с людьми, которые мне интересны: такими возможностями я отнюдь не балован. Хорошо было бы удачно сдать физику. Авось — сдам! А хорошо, что мне удалось купить однотомник Маяковского! А с другой стороны, если бы я остался дома, то узнал бы, кто звонил. А вдруг звонила какая-нибудь девица из класса. Но я не вижу, к чему им звонить? Хотя, ведь верно — завтра консультация по физике... Может, хотели узнать? Но почему именно звонили мне? Валя или не Валя? Вполне возможно, что она хотела узнать, выдержал ли я испытания, — сегодня я видел ее подруг, которые знают, что я сдавал сегодня испытание по алгебре. Все возможно. Но почему она еще не позвонит? Может, она думает, что ей говорят нарочно, будто меня нет. А, черт! Возможно, что я напрасно так все это переживаю. Любопытно, что в школе я так всех замистифицировал, что никто и не может помышлять о моем одиночестве, — все думают, что я «homme à femmes»¹, гуляка, имею массу знакомых... Как далеки они от правды. Интересно как я замаскировал свои подлинные переживания! В школе я другой, чуждый сам себе человек. По-настоящему, я — человек, который ничего не знает, человек-вопрос. А там я всех затыкаю за пояс, блещу, острою, флиртую и т.п. Но приходится! Ведь если бы знали, что я такое, то загрызли и надсмеялись бы. Возможно, что в школе я так оригинален и интересен потому, что все-таки я общаюсь с людьми, какие бы они ни были. А здесь — я один, сам с собой, с прошлым и переживаниями. Да, делишки. Хорошо поскорее сдать испытания. Но — потом? Как я ни ощущаю разности между мной и классом во всех отношениях, но все-таки как я рад с ними общаться, если подумать! Но побудь я с ними — надоедают! А взамен — ничего! А когда один, хочется опять в школу! Клубок противоречий.

¹ «ловелас».

И все это как-то неизбежно... Может, поняли теперь, почему мне ценны звонки, приносящие оживление в мою глупую жизнь? Но что я знаю, и знаю твердо, и буду знать всегда — и единственное, что я по-настоящему знаю: это то, что жизнь хороша, какая она бы ни была, пока ты цел и есть надежды! «Молодость» — скажете вы. Да — и конечно, с возрастом образ мыслей должен меняться. Но что ж — я не могу все предвидеть и переварить. И живу-то я сейчас. И понять *все* — очень трудно. Что могу сказать я о себе: я всегда пытался *понять*, много думал... Я никогда не обманывал, старался быть честным... Я старался всегда идти по светлomu пути понимания и мысли. И иду, продолжаю идти, пытаюсь все объяснить и понять. Но жить мне трудно — мысль тяжелая вещь. Да, я — продукт различнейших из различных влияний. И оттого мне трудно жить: различные влияния, воспоминания, предположения сплетаются, ветвятся, порождают узлы противоречий... Насколько легче жить любому из наших восьмиклассников. Я имею острый дар наблюдения и знаю и вижу их легкость жить. Но я не завидую им. В конце концов, мне-то ведь интереснее жить, хотя и трудно. Ведь сложность порождает разнообразие... А красочный фон — не так плохо, *n'est-ce pas?*¹

23/V-41

Вчера благополучно сдал физику — на «посредственно». Мне того и надо — лишь бы не на плохо. Позавчера немцы высадили парашютные десанты на о. Крит, где в настоящее время идет ожесточенная борьба. Немцам (особенно парашютистам) приходится очень туго, но всё равно они одолеют англичан. Вчера американское радио сообщило, что войска генерала де Голля вступили в Сирию, где к ним присоединился полк французских войск. Центр тяжести международных событий — на о. Крит и в Сирии. Радио де Голля ведет ожесточенную антинемецкую пропаганду и зовет Сирию присоединяться к де Голлю. Я слушал «Пари-Мондиаль» — совершенно как будто немецкий пост² — антиамериканские настроения и разговоры о «*rénovation, collaboration*»³ и т. п. Интересно, как

¹ не правда ли?

² от *фр.* le poste — радиостанция.

³ «обновлении, коллаборации».

будут разворачиваться события в Сирии. По заявлениям деголлевских передач, Виши готовит наступление на «Свободную Французскую империю» (франц. экватор. Африка). Вообще деголлевцы ведут сильнейшую пропаганду против Виши и за «Свободную Французскую империю». Между прочим, я уверен, что англичане на Крите будут разбиты — немцы получают с воздуха все новые войска. В Сирии — сложнейшая обстановка. Говорили, что Дарлана обсвистали в Бовэ. Называют Дарлана: Darlan-Judas, Darlan-Bazaine, Darlan-le-traître¹. Оказывается, все время, пока длились переговоры между Гитлером и Дарланом, Пэтен был в отпуске и вернулся, чтобы подписать «un accord dont il ne savait rien»². Вчера узнал, что Валя Предатько оставлена на второй год в 9^м классе за плохую успеваемость. Интересно — будет ли она учиться в следующем году? В таком случае, возможно, что мы будем учиться в одном классе. Теперь я понимаю, почему она не звонит, — она же меня предупреждала, что скоро уедет. Но все-таки интересно — будет ли она учиться в следующем году или нет. Возможно, что сегодня встречусь с Митькой. Скорее бы кончились испытания — я непременно хочу вылечить экзему на ноге и на голове этим летом. Завтра — сочинение. Последнее время стал хорошо одеваться — шикарное пальто, отцовские пиджак и штаны, пришедшиеся впору. Я рад носить его вещи — какая-то этим образом устанавливается связь с ним. У меня появились деньги — от продажи книг о Маяковском и его самого, потом скопил я немного. Сейчас звонил Митька — условились на 1 ч. 30 мин. Непременно должен вылечить голову от перхоти и прыщей — хотя они и не видны под волосами, и кожа лица у меня «d'un mat à toute épreuve»³. Так-с. Авось хорошо проведем время с Митькой. Он также готовится к испытаниям. Он хочет кончить отличником.

24/V-41

Сегодня написал сочинение на тему «Защита Родины в «Слове о полку Игореве». Написал большое письмо Але. Слушаю прекрасный концерт для ф-но с оркестром Рахманино-

¹ Дарлан-Иуда, Дарлан-Базен, Дарлан-предатель.

² «соглашение, о котором он ничего не знал».

³ «матовая и все вытерпит».

ва. Немцы продолжают высадку парашютистов на о. Крит. Они пытались прорвать блокаду английского флота у острова, но неудачно. Но все равно им (англичанам) острова не удержать — слишком сильны немцы. Пока из Сирии нет никаких известий. Вчера в 1 ч. 30 мин. встретился с Митькой. Ели мороженое, потом он поехал нести передачу своей матери в Бутырки, и я его сопровождал. Потом пешком пошли до ул. Горького: он — к Л<идии> Максим., я — в метро восвояси. Вечером опять встретились (7 ч. 30 мин.). Митька освобожден от военной службы — признан негодным. Были с ним в киноцентре. Видели фильм «Фронтовые подруги». Были в кафэ «Москва», где он а mangé sur le pouce¹, чтобы не опоздать в кино. Потом пошли есть мороженое на ул. Горького — встретили Ирину. Она сидела с товаркой, знакомой Митьке этюдиант de l'In.Яз.² Потом к Ирине пришел какой-то жирный богач. Иришка сказала, что я «наконец перестал расти» и «сильно похудел». Концерт для ф-но с оркестром Рахманинова действительно прекрасен. Да здравствует музыка! Скорее бы кончились испытания! А когда кончатся, то буду сетовать на скушные каникулы... «и вечно замкнут кругозор». Получил паспорт с пропиской. В моем пальто (бежевом) и в шикарных ботинках я настолько похож на иностранца, что все таращат глаза. Вообще, если даже меня одеть во всё советское — и то будут глазеть, потому что лицо у меня нерусское. Летом буду лечить экзему — она непременно должна пройти к чортовой матери! Интересно, что получу за сочинение. Наверное, хорошо. Интересно, как выдержу экзамен по литературе. Я довольно мало знаю наизусть, вот в чем беда. В американском фильме «Песнь любви» играет Ян Кипура. О чем писать? La mère de Vera Trail est la soeur de Rachmaninoff. Curieux, hein?³ Сплетение судеб и обстоятельств. Чем я живу? Как-то хочется определить свое положение, чего-то ищешь — чего? Всё это трудно. Возможно, что в «переходном возрасте» les «adolescents»⁴ томятся разными вопросами и т.д... чорт его знает... Слишком во мне много противоречий. Ищешь чего-то конкретного — и не нахо-

¹ поел на ходу.

² От фр. étudiante de l'Institut — студентка Института <иностр. языков>.

³ Мать Веры Трейл — сестра Рахманинова. Странно, нет?

⁴ «подростки».

дишь: всё расплывается. Исполняют «Поэму экстаза» Скрябина — я недолюбливаю эту вещь. Что я буду делать летом? Какая скука! Митька уедет в Башкирию, потом на дачу... Нет выхода! Наверное, на лето обреюсь и буду ходить в тубетейке. Мать обменяла (через Крученыха) том Питера Брейгеля на полное собрание сочинений Лескова. Все-таки эти испытания — это поводы к беспокойству. Я не вижу выхода, потому что у меня нет общения ни с кем. Надоело всё это, как горькая редька. Далеко это до той «интенсивной жизни», о которой я мечтаю! Все-таки «Поэма экстаза» — вещь очень сильная, хотя и порой раздражающая.

26/V-41

Был на консультации по литературе. По сочинению получил отлично. Вчера купил два билета на Мравинского — мне и Митьке. Сегодня звонил Митьке — оказывается, не может. Придется продать билет у входа. Звонил Иэте Квитко — она поступила в ИЗО-институт и едет на практику работать. Звонил Мирэли — она переходит на 3^й курс, у нее насморк, она едет на лето в Коктебель. Все куда-то едут, только я как идиот какой-то. Но это пустяки: вылечи сначала твою экзему, любимый *heimatlos*¹, а потом думай о поездках. В конце концов, я пришел к выводу, что представляю собой деклассированного интеллигента. У меня нет корней. Родился в Чехии, жил во Франции, потом приехал в СССР... Что, право, за биография. И здесь — ни одного друга, кроме французского же Митьки. А мне бы хотелось иметь советского друга, но я перерос свой класс, т.е. ту среду, в которой я вращаюсь и где вижу людей, и потому ничего не получается. Ближайшая задача: сдать экзамены и вылечить экзему на ноге и голове. Устроен душ поблизости — хорошо будет найти. Приехала из Умбы хозяйка квартиры («наседка»). Говорит, что приедет муж, который привезет маленькую девочку. А ведь в договоре сказано, что если Шукст вернется, то, предупрежденные за месяц вперед, мы должны будем отсюда выехать. Интересно, если он вообще сюда приехал, то он может нас отсюда вытурить в течение одного месяца, раз так по договору; а произойди это, то куда мы денемся? Но авось приехал он просто так. Во вся-

¹ безродный, бесприютный, бездомный (нем.).

ком случае, его жена ни о чем не говорит (в смысле того, что мы должны будем уехать отсюда). Дела. Муля звонил — получил большое письмо от Али. Итак, сегодня иду на Мравинского — один. Митька не может, Сербинова мать не пустит («испытания»!), Кирилл идет куда-то в другое место... Но все равно пойду — нужно быть на закрытии сезона. Авось удастся продать билет. Сегодня выйду раньше — чтобы наверняка продать этот билет. Полковник Фолле, перешедший из Сирии на сторону генерала де Голля с 200 солдатами, лишен правительством Виши французского гражданства. Был вчера на прекрасной выставке карикатур в зале МОССХа на Кузнецком мосту. *Le cuirassé «Bismarck» a coulé le «Hood»*.¹ На Крите — ожесточенное сражение. На остров все прибывают по воздуху подкрепления. Такие дела. Интересно, как завтра сдам литературу. По правде сказать, думаю, что буду отвечать неважно. Потом еще предстоит геометрия... брррр! Мирэль сказала по телефону, что у нее годовые почти все посредственные. Может, продать и мой билет? Нет, все-таки нужно пойти... Кира говорил по телефону, что его отец пойдет туда. Хорошо, что по сочинению получил отлично — это упрочит мои позиции. Вот насчет геометрии, как говорится, «хужей». Но все-таки интересно, как будет в дальнейшем развиваться моя «маленькая жизнь». Приобрету ли я друзей, привязанности к чему-либо? *Du reste*², у меня со всеми в школе превосходные отношения... но все-таки ведь это «не то»! Отношения — это не значит друзья. Вот я всюду вокруг меня вижу пары друзей — а я один! Конечно, дело здесь в отсутствии корней, в деклассированности. Но ничего не поделаешь. Возможно, придет общение с девушками, которое заменит мне дружбу. Но все это вилами на воде.

28/V-41

Вчера сдал литературу на отлично. *Coup de veine!*³ Дела хороши. Отлично по сочинению, отлично по литературе... Послезавтра — испытание по геометрии. Завтра — консультация по тому же предмету. Ожесточенное сражение на о. Крит

¹ Броненосец «Бисмарк» потопил «Худ».

² К тому же.

³ Удача!

продолжается. Немцы постепенно оттесняют англичан. Наверное, они их разгромят. Потоплен линкор «Бисмарк», который потопил «Худ». Читаю «Сын Америки» в «Интернац. литературе». Хорошая штука. Сегодня Рузвельт произнес речь. Подробности его речи еще неизвестны. Рузвельт — вождь капиталистического мира. Но немцы, наверное, побьют англичан на Крите. Они беспрестанно получают подкрепления с воздуха. Придет время, когда и их раздавят. Звонил Митька. Сегодня вечером встретимся. Вчера спорил с матерью; она говорит, что одинок я потому, что это зависит от самого моего характера (насмешливость, холодность и т.п.). Как она меня не знает! Просто даже немного смешно. Я же говорил, что секрет кроется в совокупности различных событий моей жизни — в частности, моя деклассированность, приезд из-за границы, ложное положение, потому что ничего нельзя рассказать о прошлом, — причины моего несближения ни с кем. Чтобы меня понять, понять, почему я такой именно и именно так думаю, говорю, именно этим и интересуюсь, нужно знать мою биографию, и знать подробно. А биография моя — «гробовая тайна». Вот тебе и безвыходный круг. Поневоле и будешь одиноким и непонятым. Вообще-то я первый остряк, первый ухажер, первый культчеловек и т.п. в классе, но никто не знает меня по-настоящему. А впрочем, ну это все к чорту — судьбу не переменишь. Скоро буду обедать. К 7.30 заеду за Митькой. К чорту «вопросы», проблемы и т.п.! Будем жить, как можем, не ища оправдания фактам. Ведь если думать по-настоящему, то сделаешься быстро сумасшедшим (совершенно серьезно говорю). Закрутишься в кольце непонятых, неразрешенных проблем и задач, завертишься, ища для себя цели и счастья, — и сойдешь с ума. Такие делишки! Эх, мать твою за ногу! Сегодня чуть не раздавил троллейбус на Кузнецком мосту. Кира работает в Радиокомитете, в каких-то скетчах (французские передачи, т.е. на французском языке).

29/V-41

Вчера встретился с Митькой. Много говорили, слоняясь по мороженым и гастрономам. Он надеется в конце концов вновь когда-нибудь попасть на Запад, который оставил на нем неизгладимое впечатление, и в Америку. Пока он хочет поступить в ИФЛИ. Он говорит, что то, что он там будет изу-

чать, совершенно его не интересует, но нужно же куда-нибудь приткнуться. Я думаю, настанет время, и будет революция во Франции, и когда-нибудь я смогу туда поехать, когда настанут времена. Но пока нужно непрестанно трудиться здесь на повышение своего материально-культурного уровня. Нужно точно выбрать дорогу, по которой пойдешь. Мне, очевидно, тоже придется пойти в ИФЛИ — куда же еще? Я подумываю об ин'язе — но неохота делаться преподавателем — ни за что на свете. В общем, перспективы на будущее для меня туманны. Интересно, когда Митька поступит в ИФЛИ? Любопытно, возьмут ли меня в армию? Что-то отца долго в тюрьме держат (да и Митькину мать и отчима тоже). Сегодня Митька звонил, но я был на консультации. Завтра — экзамен по геометрии. Я ничего не знаю — неважно повторял, без плана. У нас в доме кончается ремонт — моют полы и т.д. Мать поговаривает о том, что мы поедем на лето в Ялту, Дом писателей. Я не хочу ехать, пока не вылечил моих лишаяев. Нужно будет заняться лыжами в следующем году. Но буду ли успевать? Хочу окрепнуть физически. Митька почему-то свыкся с идеей, что его посадят в тюрьму — арестуют. А я говорю, что *ce n'est pas du tout dit et on ne peut rien dire d'avance*. Au fond ces conversations sur l'avenir sont assez puériles. A quoi bon? De toute façon, on fait ce qu'on peut. Il faudrait que je me trouve une petite amie. Il ne manque pas de filles, mais elles sont pour la plupart fort inintéressantes et leur qualités physiques ne compensent pas leur manque d'intelligence. C'est triste mais c'est comme ça. Au diable Pétain, Darlan et leur clique. Un jour les Français se vengeront. D'après des renseignements sur ce que dit J.R. Bloch, il paraît qu'en France il y a deux forces principales: les communistes et les catholiques. Ce vieux péteux de Pétain est catholique par surcroît. Il est vrai que Pétain est le défenseur fameux de Verdun, mais depuis ce temps, il est devenu gâteux et réactionnaire, il ne comprend même pas qu'il trahit la France en la livrant à l'ennemi. Curieux comment je répondrai demain? Enfin on verra. Que peut faire et où est Lefort à l'heure qu'il est? Et Michel Strangué, et tous les autres. Aysner se vantait que le gosse de Dick, c'est lui qui l'a fait à Tania. Au fond, on est peut-être veinards d'être venus ici? Roosevelt a déclaré l'état d'alarme en Amérique et a confirmé la résolution de l'Amérique d'aider par tous les moyens la Grande-Bretagne. Il a déclaré l'hostilité des E.U. au marxisme. Les Anglais se vantent d'avoir coulé le

«Bismark» mais on les bat rudement en Crète où les Allemands sont beaucoup plus nombreux que les Anglais. Les Anglais avancent en Abyssinie, liquidant les restes des armées italiennes.

это совсем не обязательно и ничего нельзя сказать заранее. Фактически все эти разговоры о будущем довольно наивны. К чему они? Во всяком случае, мы делаем, что можем. Надо бы мне найти себе подружку. Девчонок предостаточно, но они по большей части весьма неинтересные, и их физические качества не компенсируют отсутствие ума. Это печально, но это так. К черту Петена, Дарлана и их компанию. Когда-нибудь французы отомстят за себя. Согласно тому, что говорит Ж.Р.Блок, похоже, что во Франции есть два главных блока: коммунисты и католики. Старый пердун Петен к тому же еще и католик. Правда, что Петен — известный защитник Вердена, но с того времени он впал в детство и стал реакционером; он даже не понимает, что предает Францию, передавая ее в руки врагу. Интересно, как я буду завтра отвечать. Ну, посмотрим. А что в данную минуту делает Лефорт и где он? А Мишель Штранге и все остальные? Айснер хвастался, что ребенка Дика сделал Тане он. В сущности, может быть, нам повезло, что мы приехали сюда? Рузвельт объявил чрезвычайное положение в Америке и подтвердил решение Америки всеми силами помогать Великобритании. Он объявил о враждебности США нацизму. Англичане хвастаются, что потопили «Бисмарк», но их сильно бьют на Крите, где немцев гораздо больше, чем англичан. Англичане продвигаются в Абиссинии, ликвидируя остатки итальянской армии.

31/V-41

Вчера сдал геометрию на хорошо. Вчера был крупный скандал с Воронцовыми — на кухне. Ругань, угрозы и т.п. Сволочи! Все эти сцены глубоко у меня на сердце залегают. Они называли мать нахалкой, Воронцов говорил, что она «ему нарочно вредит» и т.п. Они — мещане, тупые, «зоологические», как здесь любят писать. Мать вчера плакала и сегодня утром плакала из-за этого, говоря, что они несправедливы, о здравом смысле и т.п. Я ей твердил с самого начала, что лучше уступить идиотам-мещанам, чем из-за них страдать и плакать. Дело в том, что обедают они раз в день — вечером и хотят пользоваться чуть ли не всей плитой, говоря, что весь

день мы можем есть, — снимают наш чайник и ставят свой и т.п. Я матери говорю, что лучше уступать этим сволочам и жить без скандалов. Она же говорит, что может из четырех конфорок на газе располагать двумя, и что есть будет и готовить, когда ей надо, и что платит столько же, сколько и они. Они же говорят, что она нарочно готовит, когда они готовят. Скоты! А мать все это переживает, плачет из-за этого. Вчера был некий Ярополк, который ее утешал и т.п. Сегодня он также пришел. Он еще в красноармейской форме — он командир. Он всячески утешал мать. Это такой человек, который может мне помочь в смысле физического развития — он учился в физкультуринституте. Но мне, бесспорно, нужно вылечить экзему. Он говорит, что, конечно, из меня в физическом отношении может выйти кое-что — широкие плечи есть и, как он выразился, «рычаги». У него есть друг, с которым познакомилась вчера мать, который сможет научить меня плавать, — он отличный пловец. Все это неплохо и может пригодиться. Положение наше серьезно — нужно через 2 с 1/2 месяца платить за комнату 5000 р., кроме того — эти скандалы со сволочами-Воронцовыми. Я упрашиваю мать не ратовать за «справедливость и здравый смысл», а поменьше быть на кухне и не готовить, когда готовят эти идиоты. Кроме того, я утверждаю, что мать должна иметь решительный разговор с Асеевым. Дело в том, что он все время повсюду говорит (как передают), как ему нравятся стихи матери и какая она сама — замечательный человек. Он ее приглашает к себе, даже на чествовании И.Бехера сошел с президиума и пошел с ней поздороваться, говорит о ее замечательности и необычности и т.п. Все это — прекрасно. С другой стороны, Асеев — это теперь первый поэт в СССР — вследствие ордена Ленина, Сталинской стипендии, депутат и т.п. Я категорически утверждаю, что на него нужно нажать в смысле квартиры. Вот он все говорит о матери восторженно и т.п. Пусть покажет, что он готов сделать на самом деле. А может, слова его и всякая штука — пустяки и пустота и кривлянье? Мы почему знаем? Асеев — человек, сейчас высоко стоящий. Он много может. Если он действительно ценит мать, то он должен постараться создать ей хорошие условия существования. Он может это сделать легче, чем другой человек. А мать стесняется ему говорить о своей паршивой жизни, о соседях-сволочах, о комнате или квартире. Меня это бесит. Она знакома и дружит с

Асеевым! Кто, как не Асеев, сможет ей помочь? Будет occasion¹ доказать подлинное отношение к человеку. Сегодня он нас пригласил. «Хорошо», — говорит мать. «Хорошо, если удастся тебе с ним поговорить наедине о своем положении», — а иначе: плохо. К чему бесцельные визиты? Я теперь главным образом надеюсь на Асеева. Очень, вполне возможно, что он ничего не сделает в смысле комнаты или квартиры (не захочет или не сможет). Но попытаться нужно. Нельзя пренебрегать возможностями. Препротивно жить с этими сволочами, но приходится. И, главное, если бы мать так сильно не переживала бы эти скандалы и оскорбления. А вдруг Асеев действительно что-нибудь сможет сделать? Может, при помощи Моссовета. Немцы на Крите захватили порт Канна и город и аэродром Гераклион. Имперские войска отступают. На Крите продолжается ожесточенное сражение, но, конечно, немцы в конце концов одолеют. Вчера виделся с Митькой. Он, оказывается, уже давно видел «Песнь о любви». Были в нашей мороженой на ул. Горького, потом зашли к Ирише. Ириша прешикарно одета, но постарела из-за того, что покрасила волосы в рыжий цвет. А одета она превосходно (недаром была в Прибалтике). Но вообще она довольно пошленькая сделалась — раньше была лучше. У нее сидела знакомая подруга, которую я встретил 2^а раз — еще в мороженой ее встретил вместе с Иришей. У Митьки скоро начинаются испытания — всего их 12, и продлятся они до 27го числа.

1/VI-41

Вчера были у Асеева. Он говорит, что 5000 достать можно — мать должна составить книгу переводов, т.к. стихи не берут. Он поговорит об этом с Мартыновым — редактором предполагаемой маминой книги стихов. Асеев говорит, что книга переводов пойдет наверняка — не то что книга стихов, и что под эту книгу мать сможет получить 5000. Насчет комнаты Асеев говорит, что пока нужно держаться за эту комнату, а там увидим. Хорошая идея — книга переводов пойдет наверняка. Но нужно ее составить. Почему я чувствую себя хорошо с товарищами — шучу, острою, вместе занимаемся и

¹случай.

хорошее отношение ко мне — и вместе с тем все-таки я так чужд классу? Я думаю, что это зависит вот от чего: все они не прошли через такие холодно-горячие души, как я, не подвергались такому влиянию совершенно различных жизненных обстоятельств. Быть может, они счастливые люди, а я нет. Испытали ли они столько влияний, сколько испытал я? Были ли они в стольких передрягах (скорее моральных)? Конечно, нет. Они жили довольно ровно. А я — *de Charybde en Scylla*¹. У них в жизни не было столько глубочайших переворотов. Они так не чувствовали сильно, как я, потому что так не жили, как я. Вот тебе и все разное — и оттого я все-таки, несмотря ни на все — «не ихний». Знали ли они, *что* такое мещане? Они не знали — потому что или не жили с ними, или привыкли и не замечали. Моя жизнь была в тысячу раз трудней, чем их жизнь. Да что сравнивать... Вспомни закон о несоизмеримости отрезков (не имеют общей меры). Иду гулять — вон из дому. Осточертела мне квартирка — и дрожать за мать, чтобы она не сцепилась со сволочами. И кухня, кухня... Где жизнь? Жизнь — отчасти в школе и на улице — там *живешь*. Допишу потом. 16.45. Вернулся с прогулки. Жарко, пыльно, противно. Ну что мне делать. Пошел на консультацию по французскому — такая скука, что ушел. Ну что мне делать на этой консультации. Звонил Митьке — нет дома. Сербинову — ушел на футбол. С консультации сел на трамвай и поехал до Кировских. Там сел в метро, доехал до Охотного. Оттуда, заходя в книжные лавки, поплелся вплоть до Ильинских ворот — через Кузнецкий мост и пл. Дзержинского. Там взял трамвай и доехал до Покровских ворот. Оттуда — пешком до дому. Пойти, что ли, взять душ? Волянка. Душ-то — это ничего; людей нет — вот в чем дело, и главное дело. Асеев советует уступать соседям, лишь бы не было скандалов. Я с ним согласен, а мать упорствует в «здравом смысле». Как мне эта жизнь надоела и осточертела! Совершенно то же самое, что в Париже. Но в Париже не было соседей — была *chambre d'hôtel*², да и Париж был веселее — кино, кафэ и т.д. И все-таки я скучал, был одиноким. Помню, томился вопросом, когда поедем, ходили к Дику... Тревожная была жизнь, беспокойная. И все же я ничего не жалею — в конце концов или все

¹ между Сциллой и Харибдой.

² комната в гостинице.

хорошо, или все плохо — так лучше все хорошо. Единственный был выход — ехать сюда, в СССР. Иначе что? А тут и война, и всякая дрянь. Но здесь, к сожалению, для меня такая же штука (скука), что и в Париже — одиночество. Где выход? Я думал, выход в школе. Школа действительно меня развлекает, но отношений подлинных на школьной базе у меня не создалось. Держу пари, что в Москве никто так не живет глупо, как я. Завтра — испытание по франц. языку. Этого я, конечно, не боюсь. Английские войска в Ираке достигли столицы Багдада. Подписано перемирие (иракские войска сдались). Интересно — какие условия перемирия. Войска правительства Виши предприняли наступление на французскую Экваториальную Африку — колонию «Свободной Французской Империи» (деголлевцы). И противен этот мой лжерусский стиль «плохая жисть». Но если у меня «жисть» действительно мерзкая — то что же делать. Вечно дрожать за то, чтобы мать не столкнулась в кухне со сволочами, кусать ногти, изнывать от скуки, звонить отсутствующим, шлаться без цели, потеть от жары, — красота, *pas vrai?*¹ Скучища! Интересно то, что я не сетую на все это — а объективно, со стороны смотрю на мою жизнь (у меня есть эта способность) и дивлюсь, и в то же время прекрасно понимаю объективные условия, которые определяют минорный тон моих записей. Я *понимаю*, почему я *так* живу, и могу это объяснить — но от этого все-таки не легче. Я знаю болезнь, ее признаки, ее причины, но вылечить ее не могу. Митька попал хоть в круг друзей и знакомых своих *cousins Miller*² — родственников; живет он у бабушки, которая знает много народу. Я же и мать — не имеем никакой базы здесь, никаких людей, которые здесь раньше жили и нам родственники. Да, мать имеет знакомых — но это не то. Лиля и Вера — это не считается (в смысле средства знакомства с людьми). А у меня нет никаких «ближайших перспектив», у других которые есть: «я поеду в Одессу к родственникам», на дачу и т.п. У меня есть только, в смысле перспектив, далеко не ближайшие и зависящие только от моей веры в жизнь и оптимизма абстрактные надежды на грядущие моменты счастья и интенсивной жизни. Все это — в области будущего. Приходится счастье

¹ не правда ли?

² кузенов Миллеров.

откладывать на завтра, кормясь надеждами. Конечно, это — порядочная сухомятица. Больно невкусно жить. Дело также в том, что другие живут интенсивнее и интереснее меня — им проще, потому что они с детства здесь воспитывались и жили, у них есть свой круг людей, друзей и знакомых, они привыкли к здешней жизни, они здесь давно и живут «по привычке». Я же по-настоящему могу дружить с людьми только очень культурными и умными, которые бы представляли для меня интерес и интересовались тем, чем интересуюсь я. Таких людей я еще не встречал. Поневоле начинаешь заниматься автобиографией и самоанализом, пребывая в таком необычайном одиночестве и беспочвенности, в каких пребываю я. Моя жизнь курьезно неинтересна. Авось когда-нибудь все это изменится, и я буду веселиться, флиртовать и т.п. Понимаю, был бы я уродом, глупым и т.п. Но я — по утверждению очень многих лиц — красивый, очень умный и культурный молодой человек, прекрасно умеющий разговаривать, вполне остроумный и хорошо одевающийся... Et tout cela ne suffit pas¹ — я ни с кем не знаком, вот в чем загвоздка. Все-таки бред какой-то. А в школе все готовы утверждать, что знаю я чуть ли не половину Москвы, такое жизнерадостное и вполне довольное жизнью впечатление я произвожу. Если бы они подозревали о моей уродливой жизни! Именно уродливой, потому что необычной, нелепой и глупой. К чортовой матери, мне надоели кухонные скандалы, борьба «за здравый смысл», шлянье и т.п. К чорту! Но что — вместо? Просто-напросто — ничего! Такое симпатичное, милое ничего. Бред! И все-таки не бред, потому что всё объяснимо. И тем не менее — бред. Поди-ка — пойми. Денег — четыре рублика — sans plus², как говорится. Между прочим, нужно будет покупать учебники для 9го класса. На улице все идут с какой-то, пусть самой мизерной, целью — а я без цели. Petite différence, comme disait l'autre.³ У меня есть записка Мули к знакомому доктору, к которому я позвоню завтра, чтобы он мне назначил прием. (Насчет экземы.) Вот я думаю о будущем. Удастся ли мне совместить спорт с остальным, остальной жизнью? И какой спорт? Пойду брать душ.

¹ И всего этого недостаточно.

² не больше.

³ Разница немалая, как говорят.

3/VI-41

Вчера был у доктора. Он прописал мне мазь и специальный шампунь для головы. После испытаний я обрею голову и буду мазать голову мазью, потом мыться мыльным спиртом и ходить в тюбетейке. Буду бритым и от перхоти вылечусь. Прописал мазь для ноги, которую нигде не могу достать, т.к. нет талька. Завтра звоню ему, что его рецепт для ноги нигде не принимают. Что ж, буду ходить бритым, в тюбетейке, но от перхоти непременно вылечусь. Сегодня виделся с Митькой. Он мне сообщил интересные сведения: во-первых, предполагается реформа школы, предусматривающая среднюю школу до 7 класса включительно, а потом — мальчики отдельно и девочки отдельно, как было до революции. Причем школа для мальчиков — на пример реального училища, с уклоном к точным наукам, а школа для девочек — на пример классической гимназии. И школы для мальчиков — военизированы. Вообще-то я еще от Мули слышал о реформе школы. Меня это совсем не устраивает. Уклон на «точные науки» и отсутствие девиц — это неважно. Но все равно: страшно люблю всякие нововведения: страшно интересно. Кроме того, Митька давал эти сведения *sous toutes réserves*. D'autre part Mitia m'a dit que les camps de concentrations seraient supprimés, et qu'au lieu d'eux seraient créées des «zones» avec des habitations — genre «поселения» de l'ancien régime. Il se peut que tous ces renseignements soient des bobards. J'ai apporté à Mitia le journal «Komintern», où il y a un article fort intéressant et utile de Maurice Thorez et aussi un article de Jacques Martel. Du reste le journal «Komintern» est très utile et intéressant. Aujourd'hui on a bouffé des glaces mais on avait très peu de ronds. Je me suis fait photgraphier — dans deux semaines ce sera prêt. Format carte postale. On verra comment ils feront ça. Mitia dit qu'il se peut qu'après avoir fini l'école il ira à Léningrad — là il y a son oncle qui peut lui faire une protection à l'institut de Littérature. Ce sera emmerdant s'il fout le camp. Mais au fond — tant pis ou tant mieux. C'est le destin. Rien à foutre. Et puis ce n'est pas encore décidé. A Mitia cela sourit parce qu'il serait soustrait à la bienveillante surveillance de sa grand-mère qui s'inquiète de sa santé, mais de laquelle l'attention lui pèse. Au fond, j'ai terriblement peur de perdre mon français vivant. Aujourd'hui, nous avons reçu deux lettres d'Alia et une carte postale d'elle.

A Moscou elle était avec des détenus de droit commun. Moulia a reçu une lettre d'elle où elle parle de sa maladie et que souvent on la libère du travail (à cause du cœur qui flanche). Maman a terriblement peur qu'elle n'ait la t.b.c. Demain consultation en anatomie (je crois). Pour le moment j'écoute la radio¹ — передачу о Большом театре с прекрасными отрывками из опер, балетов, хоров.

без всякой достоверности. Кроме того, Митя мне сказал, что концентрационные лагеря будут упразднены, и вместо них создадут «заселенные зоны» в стиле «поселений» старого режима. Возможно, что все эти слухи — брехня. Я принес Мите газету «Коминтерн», где есть очень интересная и полезная статья Мориса Тореза, а также статья Жака Мартеля. Кстати, газета «Коминтерн» очень полезная и интересная. Сегодня мы жрали мороженое, но у нас было очень мало шишей. Я ходил сниматься — через две недели будет готово. Размер открытки. Посмотрим, как они это сделают. Митя говорит, что после окончания школы, он, возможно, переедет в Ленинград, — там у него дядя, который может ему помочь поступить в Литературный институт, по протекции. Будет чертовски нудно, если он удерет. Но, в конце концов, тем хуже или тем лучше. Это хреновая судьба, ничего не поделаешь. К тому же, это еще не решено. Мите это улыбается, потому что он ускользнет от доброжелательного надзора бабушки, которая беспокоится о его здоровье, но внимание которой ему в тягость. Фактически я ужасно боюсь потерять мой живой французский язык. Сегодня мы получили от Али два письма и открытку. В Москве она была с уголовниками. Муля получил от нее письмо, в котором она говорит о своей болезни и что ее часто освобождают от работы (из-за сердца, которое пошаливает). Мама очень боится, что у нее туберкулез. Завтра у меня консультация по анатомии (кажется). В данный момент я слушаю радио.

4/VI-41

Сегодня был на консультации. En Crète les Allemands ont définitivement nettoyé le pays des troupes anglaises qui s'y trouvaient encore. Demain, examen d'anatomie — le dernier de tous. Il me faut maintenant guetter le moment où la Grande Pharmacie aura du talc pour exécuter l'ordonnance du médecin. Au fond, ce sera ennuyeux si Mitia part pour Léningrad. Les

Allemands disent qu'en Crète ils ont fait prisonniers 8000 Anglais et 4000 Grecs. Aujourd'hui Moulia est venu, il a lui aussi, parlé de la réforme scolaire probable. Des bruits analogues circulent à l'école, mais là-bas on dit que c'est des canards (Aysenberg). Pour moi, il n'y a pas de fumée sans feu. En tout cas cette nouvelle m'intéresse fort – toutes les nouveautés, quelles qu'elles soient me passionnent. Moulia a écrit à la direction du parti (d'après ce que j'ai compris) pour demander de le laisser partir dans la province d'Arkhangelsk pour voir Alia. Il ne peut partir, étant membre du parti, sans prévenir ses chefs. Du reste je suis presque sûr qu'il essuiera un refus. Dans chaque lettre Alia écrit qu'elle attend Moulia, pourquoi il ne vient pas la voir, etc. etc. Absolument rien à écrire – après une journée vide, je suis vide moi-même. Aujourd'hui j'ai lu les notes de Maïakovski sur son voyage par le Mexique et l'Amérique du Nord. Pas mal. J'ai bien peur de perdre mon français. Mais je ne vais presque jamais à la Bibliothèque où pourtant je pourrais lire des livres français. L'atmosphère de la Biblio ne me plaît guère. D'abord ce n'est simplement pas la peine de se montrer dans un lieu si spécifiquement «étranger» – simple mesure de précaution de ma part – pour qu'on ne puisse pas dire plus tard «qu'il passait ses heures perdues à la Bibliothèque à lire des livres étrangers, comme dernier lien le rattachant à l'étranger». D'autre part, les fonctionnaires de la Biblio parlent allemand et ça me dégoûte d'entendre tout le temps les «deutsche» etc., parce que je n'aime pas la langue allemande. D'autre part le public ne me plaît pas – des vieilles, des traducteurs – tous faux «étrangers». Et Mitia y va tout le temps. Et moi ça ne m'intéresse pas. Ça donne une impression de faux. Bientôt Mitia va chez le procureur – mais je lui dis que ça ne lui servira à rien du tout. Au fond ce sera emm...nt si les filles et nous étudions séparément – tout de même on se marre pas mal avec elles et puis les garçons sont plus polis et cultivés (la plupart) en leur présence. Enfin on verra – et de toutes façons j'aime les nouveautés de toutes sortes – ça vous fait sortir de l'ennui. Et voilà que j'aurais envie d'une belle fille bonne à baiser. J'ai connu beaucoup d'aventures et d'impressions diverses, mais la sensation amoureuse, les plaisirs de l'amour manquent à mon palmarès. Il faut connaître ça, sans cela on est incomplet. Quel est l'avenir de la France? Je crois qu'il y aura là-bas une révolution communiste, mais quand? Je n'en sais trop rien. Sans doute quand l'URSS entrera dans le jeu.

На Крите немцы окончательно освободили страну от еще находившихся в ней английских войск. Завтра — экзамен по анатомии, это самый последний. Мне нужно теперь караулить, когда Центральная Аптека получит тальк, чтобы приготовить рецепт врача. В сущности, будет неприятно, если Митя уедет в Ленинград. Немцы говорят, что на Крите они взяли в плен 8000 англичан и 4000 греков. Сегодня приходил Муля, он тоже говорил о возможной школьной реформе. Такие же слухи ходят и в школе, но там говорят, что это враки (Айзенберг). По мне, нет дыма без огня. Во всяком случае, эта новость меня весьма интересует — все новости, какие бы они ни были, меня увлекают. Муля написал начальству партии (так я понял), чтобы его отпустили в Архангельскую область повидать Алю. Будучи членом партии, он не может уехать, не предупредив свое начальство. Кстати, я почти уверен, что ему откажут. В каждом письме Аля пишет, как она Мулю ждет, почему он к ней не едет и т.д. и т.д. Писать абсолютно нечего — после пустого дня я сам весь опустошен. Сегодня я читал записки Маяковского о его путешествии через Мексику и Северную Америку. Неплохо. Я очень боюсь потерять свой французский язык. Но я почти никогда не хожу в библиотеку, где я мог бы, конечно, читать французские книги. Атмосфера в библи. мне не нравится. Во-первых, лучше все же не слишком показываться в столь специфически «иностранном» месте. Это чистая мера предосторожности с моей стороны, чтобы не могли потом говорить, что «он проводил все свои досуги в библиотеке, где он читал иностранные книги, потому что это была его последняя связь с заграницей». С другой стороны, служащие библи. говорят по-немецки, и мне противно все время слушать «немцев» и т.д., потому что я не люблю немецкого языка. Кроме того, публика там мне не нравится — старушки, переводчики — все «фальшивые иностранцы». Митя туда ходит все время, а мне неинтересно. Создается какое-то впечатление чего-то «фальшивого». Митя скоро идет к прокурору, но я ему говорю, что это ему не принесет никакой пользы. В сущности, будет здорово нудно, если мы с девочками будем учиться врозь. Все же весело с девочками, и, кроме того, мальчики (большинство из них) при девочках вежливее и культурнее. Ну посмотрим, да и во всяком случае, я люблю всякие новшества: это помогает не скучать. Ну вот. Как бы мне хотелось хорошенькую девочку трахнуть! Я ведь имел много приключений и пережил разные впечатления, но быть влюбленным, испытать любовные наслаждения — этого

не хватает на моей доске почета. Надо это знать, иначе остаешься неполноценным. Каково же будущее Франции? Думаю, что там будет коммунистическая революция, но когда, я право не знаю. Видимо, когда СССР вступит в игру.

6/VI-41

11.20 вечера. Вчера сдал анатомию на «отлично». Митька написал диктант на «отлично». Вчера был с Сербиновым на стадионе «Динамо» на футбольном матче. Я теперь интересуюсь футболом и «болею» как следует. Сегодня видел Митьку днем, потом вечером. Днем были на ул. Горького – в мороженой, вечером – в «Артистике» (пр. Худ. театра). Он сегодня был у прокурора и, конечно, как я ему говорил, ничего не узнал. Вчера вечером был у Элисбара – экс-профессора химии, молодого грузина, ныне метящего в переводчики. Там же был Пиралов, редактор матери Маркушевич. Было симпатично. Этот Элисбар прекрасно говорит по-французски – у него есть Валери, Верлен, Бодлер, Виллон, Пруст, Готье. У него жена с прекрасным телом, которая как будто учится в ИФЛИ. Сегодня заключил с Митькой пари – он говорит, что если она в ИФЛИ, то он (он тоже туда поступит) будет с ней «гулять» *avant une annee*¹ (с женой Элисбара). Я ему сказал, что она *femme du monde (du moins paraît l'être)*² et a un corps épatant³, так что это его распалило – и вот и пари, что с нею познакомится и войдет *dans ses faveurs*⁴. А я говорю: нет, не выйдет у тебя с нею, потому что мне кажется, что она любит мужа. Завтра – общее собрание класса в 8 вечера. Пойду – интересно посмотреть родителей товарищей. Итак, товарищи, испытания сданы вполне удовлетворительно, и я перешел в 9^й класс. Сегодня звонила Валя, которая сообщила, что будет летом готовиться и осенью поступит в 10^й класс другой школы. Итак, с ней не буду учиться. Жаль – *encore une*⁵ возможность *manquée*⁶. Так с ней поболтали с минут 20. Слушаю прекрасный «Эльдора-

¹ раньше, чем через год.

² светская дама (или, во всяком случае, выглядит таковой).

³ у нее бесподобная фигура.

⁴ в ее расположение.

⁵ еще одна.

⁶ пропущена.

до» Равеля — замечательно. Я уже записан в чит. зал ЦБИЛ (ин. лит.), о чем писал выше, что не хожу, а теперь вновь записался в библиотеку, где можно брать книги на дом. Взял «Voyage sentimental» Стерна и «La Rue» Карко, которую сейчас читаю. Вот Митька parle de sa maîtresse, avec laquelle il baise, comment il a couché avec elle pour la 1ère fois etc.; ment-il ou non? Il dit qu'on peut très facilement «avoir» des étudiantes — mais c'est un «chic» de parler comme cela, même si ça n'existe pas. Au fond j'en ai terriblement marre de rester vierge — j'ai bien envie de coucher avec une fille, mais laquelle? Je ne vois rien de bien intéressant à l'horizon où rien ne brille en ce sens. Ça viendra, faut pas t'en faire, Bouboule. L'Australie a déclaré que la Syrie est un territoire ennemi, comme territoire occupé par l'ennemi et l'Égypte a rompu les liens marchands avec la Syrie et le Liban! L'affaire se corse. L'НКВД a foutu hors de l'URSS John Scott, journaliste anglais pour «опубликование клеветнических статей о СССР» в газете «Ньюс Кроникл».

Ma mère est chez Крученых. Достали эстонского шоколада. À la Галантерея chez nous on vend des préservos à 2,10 (dans un футляр). Mais qu'en aurai-je besoin, sans fille avec qui coucher? Mitia dit que le climat de Léningrad est néfaste pour sa t.b.c. Je ne crois pas qu'il parte. Tout de même c'est intéressant d'entrer à l'IFLI, comme lui, mais il ne sait encore à quelle faculté il entrera. Mais il a de la veine en un sens: il a énormément de profs de ses connaissances — l'académicien Nasonoff, mari de la grand-mère de Mitia lui sert encore, quoique mort. Ça lui sera facile d'entrer là-bas.

говорит о своей любовнице, с которой он трахается, как он с ней переспал в первый раз. Врет он? Или нет? Он говорит, что очень легко «иметь» студенток, — но ведь это «шик» так об этом говорить, даже если это неправда. В сущности, мне до черта надоело быть девственником. Мне очень хочется с девочкой переспать, но с которой? Ничего особенно интересного на горизонте не сверкает, в этом смысле. Все будет, Бубуль, не переживай. Австралия объявила Сирию вражеской страной как оккупированную врагом, а Египет порвал торговые отношения с Сирией и Ливаном. Дело становится серьезным. НКВД выгнал с территории СССР Джона Скотта, английского журналиста, за «опубли-

кование клеветнических статей о СССР» в газете «Ньюс Кро- никл». Мать у Крученых. <...> У нас в «Галантерее» продаются «резинки» по 2,10, в футляре. Но что мне с ними делать, если у меня нет девочки, чтобы с ней спать. Митя говорит, что ленинградский климат вреден для его ТБЦ. Я не думаю, что он уедет. А все же интересно было бы, как он, поступить в ИФЛИ. Он еще не знает, на какой факультет его возьмут. Но ему везет, у него много профессорских знакомств. Академик Насонов, муж Митиной бабушки, ему еще приносит пользу, хотя он и умер. Ему будет легко туда поступить.

7/VI-41

Слушаю из Берлина превосходную программу. Сейчас играет знаменитый джаз-оркестр Бариабаса фон Гэкса, который я слышал еще в Париже. Сегодня мать видалась с Ахматовой у Ардова, который говорил о моих рисунках и что ими можно зарабатывать. Это интересно, нужно будет ему позвонить. Сейчас мать пошла к «старушке» (Меркуровой) вместе с Кочетковым. Сегодня купил себе дымчатые очки — против солнца. Получил дневник. Добился превосходных результатов. Переведен в 9^й класс. Годовые отметки: 1 посредственная (физика), 5 хороших (алгебра, геометрия, анатомия, география), 5 отличных (литература, русский яз., французский, история, черчение). Поведение — отлично, физкультура — посредственно. Немцы играют *des airs de Vincent Scotto (j'attendrai)*¹. Небывалые для меня результаты! Мало чего делал в учебном году — и прекрасные результаты. Только 1 пос. в году — для меня замечательно! Сам себе пою хвалу. Конечно, в 9^м классе мне не добиться таких блестящих результатов. Особенно боюсь химии. Но к черту! Будем думать о настоящем. Удалось заказать рецепт. Завтра приду за ним. Прочел «La Rue» de Carco. Прекрасная книга, замечательно воссоздающая быт бедной части Монмартра. Прекрасная, человечная книга. Осталось у меня от 50 рублей матери 8 рублей. Написал сегодня Але письмо. Сейчас — 10 часов.

Vais tenter de capter Londres pour entendre radio de Gaulle.²

¹ мотивы Венсана Скотто (буду ждать).

² Попробую поймать Лондон, чтобы услышать радио де Голля.

8/VI-41

Aujourd'hui la guerre a éclaté sur un nouveau front. De grand matin les troupes du général de Gaulle, renforcées des forces impériales anglaises, sont entrées en Syrie dans la région du Djebel Druse. Il était temps: un peu plus, et les Allemands occupaient entièrement le pays. Le général Denz, chef des troupes fidèles à Vichy, a donné l'ordre de résister aux forces alliées et d'organiser la défense du territoire. Les Français se battent contre les Français! Voilà où, les a précipités le système capitaliste et la félonie de leurs chefs. Dans l'affaire de Syrie je sympathise pour de Gaulle. Aujourd'hui j'ai appris des nouvelles fort intéressantes: le général Goering est fusillé pour avoir dit dans un discours à propos des Russes: «il vaut mieux les tondre que les tuer». Goebbels est suspendu de ses fonctions ainsi que le général Von Brantchitch. Il paraît qu'un général allemand a déclaré que l'Allemagne gagne les guerres tout court et perd «la guerre des nerfs». Les Allemands sont tendus en ce moment, leur nerfs sont littéralement bandés. Pour moi, ils tiennent à un fil, et leur fil ce sont leurs continuelles victoires. On aurait proposé à Hitler la paix — moyennant sa démission et le démembrement de l'Allemagne. Hitler aurait consenti à propos de sa démission mais aurait refusé le démembrement de l'Allemagne. Rudolph Hesse ne serait qu'un envoyé extraordinaire du Führer. Ce qui m'intéresse de façon très forte, c'est comment tournera l'affaire de Syrie: les Alliés réussiront-ils à abattre leurs ennemis. Je parie que bientôt des Français désertent de l'armée du général Deinz pour se joindre aux troupes de Gaulle. Y a-t-il des Allemands en Syrie? Ce qui est sûr c'est qu'il y a des avions allemands dans les aérodromes syriens et pas mal. Tout de même, les Anglais ont réussi à dégager Tobrouk de l'emprise germano-italienne. Ils bombardent chaque jour Bengazi. En ce moment j'écoute la «Radio Française Libre». Les gaullistes lancent un appel à «tous les Français de se joindre aux libérateurs, pour le drapeau, la mission, la délivrance de la France». Il faudra tout de même que les Allemands se cassent le nez. Il paraît que «l'école sredniaïa» sera nommée gymnase et transformée. Il y en aura seulement quelques unes à Moscou.

Сегодня разразилась война на новом фронте. С раннего утра войска генерала де Голля, при поддержке английских императорских сил, вступили в Сирию в районе Джебель Друз. Это случилось вовремя: еще чуть-чуть, и немцы бы заняли всю страну. Генерал Денц, начальник войск, верных Виши, дал приказ сопротивляться силам союзников и организовать защиту территории. Французы бьются против французов! Вот куда их загнала капиталистическая система и подлость их начальников. В сирийской истории мои симпатии на стороне де Голля. Сегодня я узнал очень интересные новости: генерала Геринга расстреляли, п.ч. он в одной речи сказал по поводу русских: «Лучше их брить, чем убивать». Геббельс снят со своей должности, а также генерал фон Бранчич. Говорят, один немецкий генерал сказал, что Германия выигрывает простую войну и проигрывает «войну на нервах». Немцы в данный момент напряжены, их нервы буквально натянуты, как струны. По-моему, они держатся на ниточке, а их ниточка — это их постоянные победы. Говорят, что Гитлеру предложили мир в обмен на его уход в отставку и разделение Германии. Гитлер якобы согласился на отставку, но не на разделение Германии. Рудольф Хессе, вероятно, просто экстраординарный посол Фюрера. Что меня особенно интересует, это как повернутся дела в Сирии. Удастся ли Союзникам покорить врагов. Я готов держать пари, что многие французы уйдут от генерала Денца и присоединятся к войскам де Голля. Есть ли в Сирии немцы? Во всяком случае, известно точно, что на сирийских аэродромах есть немецкие самолеты, и немало. А все же англичанам удалось освободить Тобрук от германо-итальянского захвата. Они каждый день бомбят Бенгази. Я слушаю сейчас «Французское Свободное Радио». Голлисты призывают «всех французов в Сирии присоединиться к освободителям, за флаг, за миссию, за освобождение Франции». Придется немцам все же сломать себе шею. Говорят, что «средняя» школа будет переименована в «гимназию» и перестроена. Их будет всего несколько на всю Москву.

11/VI-41

8-50 — huit heures cinquante. Il y a deux trois jours ai vu Mitia et ai été avec lui à l'essayage de son costard chez le tailleur du Litfond. Hier ai été au match de foot «Syndicats II — Armée Rouge». Les «Syndicats» se sont faits foutre — 1:0. Demain irai au foot très probablement: «Dynamo de Kiev — Spartak de Moscou».

Aujourd'hui ai été avec Mitia chez son tailleur. Son costard terminé, il l'a mis — très comme il faut, ça lui va, bien qu'il en doute. Je lui ai fait cadeau d'une cravate à pois que j'ai donnée à repasser, en échange de quoi Mitia m'a refilé trois tomes de Cogan «histoire de la littérature européenne». Excellent marché. J'y gagne à coup sûr — ces bouquins sont fort utiles et intéressants. En Syrie l'offensive des Anglais et des Gaullistes continue. Paraît qu'ils sont parvenus à 19 km de Damas. Ils battent les troupes françaises, malgré la résistance et continuent d'avancer. Bien sûr que demain ou dans deux jours ils prendront Damas. Pour Beyrouth le morceau sera plus dur. En tous cas les Français reculent. Au fond, ils se feront battre. La flotte anglaise opère près des côtes de la Syrie. Pétain est un vieux péteux. Bien sûr que la Syrie serait occupée par les Allemands si l'Angleterre n'y entrait pas! Dernières nouvelles: les forces impériales anglaises seraient à 10 km au sud de Damas. En Finlande on fait le procès à huis clos des dirigeants de la société d'amitié avec l'URSS. Aujourd'hui sur la Place Pouchkine, ai rencontré Kira qui attendait une connaissance. Nous avons bavardé. Je lui ai communiqué la nouvelle que Goerring, Goebbels et Von Brautchitch sont foutus au cul par Hitler. S'il bavarde, ça me fera les pieds, car peut-être ne faut-il pas communiquer ces nouvelles qui peut-être sont fausses? Ai entendu une excellente musique de Ravel — «Rhapsodie Espagnole» — fort bien, ma foi. Suis en train de lire un excellent livre d'Aragon «Les Beaux Quartiers». Avant-hier ai été au cinéma et ai vu «Le pétrolier Drebent» — excellent film soviétique. Hier ai été au Parc de Culture et de repos avec Ayzenberg qui est un couillon. Le 4 juillet Mitia part au sana en Bachkirie. Il dit qu'il achètera des préservos pour là-bas — des fois si une occase se présentait. Je sais où on peut en avoir: dans une mercerie à côté de chez nous, ils coûtent deux dix. A propos de préservos, je lui ai bourré le crâne et il a donné dans le panneau: je lui ai raconté que j'ai couché avec Valia Predatko, que je viens de perdre la «fleur» etc. Le marrant de l'histoire, c'est qu'il a cru à tout ce que je lui disais. Assez qu'il mente — à mon tour de bourrer le crâne. Notre classe voulait aller en excursion sous la direction du prof. de géo, dans les environs de Bolchévo, dans un Sovkhoz. Mais ça ne colle pas. On ne sait pas qui viendra, quand ce sera organisé, cette excursion, etc. Bande d'idiots: pas capables de rien foutre de bon! manque d'organisation, ça arrive. Mais c'est marrant que Mitia croit à cette histoire de coucherie. Ça me rehausse beaucoup à ses yeux.

(marrant comme on peut le mettre dedans!). A quand la date de la guerre pour l'URSS? Si les Allemands se réconciliaient avec les Anglais pour aller contre nous? Tout peut arriver au fond, et cela n'est pas tellement improbable. En tous cas l'URSS s'arme furieusement – manifestement pour faire la guerre et se défendre. Mais contre qui et de qui? That is the question. Mais au fond, ce n'est pas tellement impossible la guerre de l'Europe contre nous. Seulement on les foutra au diable, probablement. Je bois un thé miteux. Ce qui serait chic, ce serait d'avoir une chambre à soi, où je transporterais toutes mes affaires – ce serait bien. Ce que je sais, malheureusement, c'est que ça n'arrivera pas de sitôt. Enfin ... Ce qui est ennuyeux, c'est que l'argent, la réussite arrivent très tard... Pour Mitia, il le dit sans détour, ce qui compte le plus, c'est l'argent. En Mitia, il y a des côtés pas propres, qui me déplaisent fort: la peur et la lâcheté. Il n'est pas courageux pour un sou. Par contre, il aime à faire sentir le poids de sa puissance sur des pauvres types dont il n'a pas peur, parce qu'il sait leur manque de pouvoir et d'influence: des receveurs de tramway, sa femme de chambre, des vendeurs, des garçons de café, etc. C'est miteux. Et quand je parle avec lui devant sa grand-mère, alors il devient si respectueux, si poli, si bienséant! Pouah! Son hypocrisie est la conséquence naturelle de son manque de courage qui le porte à ramper devant les puissants, même devant sa grand-mère dont il dépend. Au fond c'est ridicule et miteux. Ce sont tous ces traits pas jolis que je déteste en lui – et aussi son manque de fidélité à l'amitié: il est prêt à trahir ses amis, on le sent, et on ne se trompe pas. A part ça, c'est un type fort intelligent, avec beaucoup d'esprit, brillant causeur. Je parie qu'il passera ses examens avec les mentions «parfait» dans toutes les disciplines. Il veut arriver à se faire recevoir à l'IFLI sans examen d'entrée. Je crois qu'il y arrivera. Il en est capable. Il veut suivre une carrière de professeur. Moi, je trouve que c'est fort emmerdant, de faire des conférences à des types! Moi, ça ne me tente aucunement. Je me rappelle trop bien les géniales «mémoires d'un homme ennuyeux» («*Une Morne Histoire*»¹) de Tchekhoff. Au fond je ne vois pas du tout en ce moment la route que je dois choisir, et ce que je ferai dans la vie et où j'entrerai. Avant j'étais sûr d'être dessinateur et maintenant c'est le doute miteux et, somme toute, assez banal. Je

¹ Принятое название французского перевода «Скучной истории».

ne suis pas un type complet: Pourquoi? Parce que je ne fais pas de sport, parce que je n'ai couché avec personne encore, parce que je ne sais pas danser, enfin. Bilan désastreux. Je me dis tout le temps que je ferai du vélo, et j'en doute. Le hic est que je ne *veux* rien assez et c'est pourquoi tout flanche. Toujours le fameux «le jeu n'en vaut pas la chandelle» et le scepticisme rongeur qui fait dédaigner les initiatives. Je ne m'accuse guère — rien de plus idiot que des mecs qui ne font que s'accuser la conscience — mais simplement je constate que bien des choses ne me paraissent pas valoir les efforts qu'on fait pour les réaliser. J'ai peur de la guerre — peur parce que nous n'avons pas de logement stable à Moscou. La guerre éclatant demain, nous sommes obligés de déménager quand le terme vient, et alors: déménager où avec notre quantité de bagages? Ça sera véritablement tragique. C'est pour ça que je m'inquiète de la question du logement. En cas de guerre les types qui louent ou vendent des chambres font monter les prix à coup sûr. Bah! après tout, faut pas penser à ce qui *peut* arriver, ça suffit bien de ce qui arrive comme ça, sans s'inquiéter de l'avenir. Tout de même demain, ce sera bien d'aller au match de foot. Dans quelques minutes je vais écouter radio-De Gaulle.

8-50 — Восемь часов пятьдесят. Два-три дня назад видел Митю и ходил с ним на примерку костюма к портному Литфонда. Вчера был на футбольном матче «Профсоюзы II — Красная Армия». Профсоюзам II задали в ж... 1:0. Завтра, по всей вероятности, пойду на футбол киевский «Динамо» — московский «Спартак». Сегодня был с Митей у его портного. Костюм готов, он его надел, очень шикарный, ему идет, хотя он не уверен. Я ему подарил галстук в горошек, который отдал выгладить, вместо него Митя мне отдал три тома Когана «История европейской литературы». Прекрасная сделка! Я, конечно, в выигрыше с этими книженциями, прекрасно написанными и интересными. В Сирии продолжается наступление англичан и голлистов. Говорят они уже в 29 км от Дамаска. Они бьют «французские» войска, несмотря на сопротивление, и продолжают продвигаться вперед. Они, конечно, через день-два возьмут Дамаск, что до Бейрута, дело будет потруднее. Во всяком случае, французы отступают. И они обязательно потерпят поражение. Английский флот действует около Сирийского побережья. Петен — старый пердун. Несомненно, Сирию немцы заняли бы, если бы Англия в нее не вступила. Последние новости: английские королев-

ские силы находятся, видимо, в 10 км от Дамаска. В Финляндии сейчас идет закрытый суд Общества дружбы с СССР. Сегодня на Пушкинской площади встретил Киру, который ждал знакомого. Мы поговорили. Я ему сообщил новость о том, что Геринга, Геббельса и фон Бранчича Гитлер послал на х.. . Если он будет болтать, это мне будет в пику, т.к., может быть, не следует сообщать такие новости, да они, может быть, и неверны. Слушал прекрасную музыку Равеля «Испанская рапсодия», весьма хорошо, правда! Читаю прекрасную книгу Арагона «Богатые кварталы». Позавчера ходил в кино, видел «Танкер «Дербент»» — прекрасный советский фильм. Вчера был в Парке Культуры и Отдыха с Айзенбергом. Он — м.... .

4^ш июля Митя уезжает в санаторий в Башкирию. Он говорит, что купит «резинки», чтобы взять с собой, если вдруг там представится случай. Я знаю, где их можно достать, в галантерейной лавке, рядом с нами. Они стоят два десятка. По поводу презервативов я ему наморочил голову, и он попался: я ему рассказал, что переспал с Валею Предатько и что только что потерял свой «цветочек» и т.д. Смешно в этой истории то, что он поверил всему, что я рассказывал. Довольно он врал, теперь и моя очередь голову морочить. Наш класс хотел ехать в экскурсию под начальством преподавателя геогр., в окрестности Болшева, в Совхоз. Но не выходит. Неизвестно, кто поедет, когда организуется экскурсия и т.д. Идиоты! Не способны сделать ничего путного! по неорганизованности. Бывает. Но забавно, что Митя верит моей истории с Валею. Это меня в его глазах возвышает. (Странно, как легко его надуть!) Когда же наступит война за СССР? А вдруг немцы помирятся с англичанами, чтобы выступить против нас? Все может случиться и, по существу, это не так невероятно. Во всяком случае, СССР зверски вооружается, явно чтобы воевать и защищаться. Но против кого и от кого? Вот в чем вопрос. На самом деле, не так уж невозможна война Европы против нас. Но мы, вероятно, пошлем их к черту на х.. Пью довольно противный чай. Что было бы здорово, так это иметь свою отдельную комнату, куда бы я отнес все свои вещи. Вот было бы хорошо. Но я-то, к сожалению, знаю, что это случится совсем не скоро. Ну что ж... Неприятно то, что деньги, удача приходят поздно... Для Мити, он об этом говорит совсем откровенно, самое важное в жизни — деньги. В Мите есть черты характера нечистоплотные, которые мне очень неприятны: страх, подлость. Он не смел ни на грош. И, наоборот, он любит дать почувствовать свой вес и свою силу, когда имеет дело с жалкими людьми, которых он не боится, потому что знает, что у них нет ни силы, ни влияния: трам-

вайные кондукторы, их прислуга, продавцы, официанты и т.д. Это подло. А когда я разговариваю с ним при бабушке, тогда он становится таким почтительным, таким вежливым, таким благопристойным. Фу-у! Его лицемерие — естественный результат отсутствия у него смелости, которое заставляет его ползать в присутствии сильных, даже бабушки, от которой он зависит! По существу, все это смешно и подло. Вот все эти некрасивые черты в нем я ненавижу, а также неверность в дружбе: он способен предать друзей, это чувствуется точно и безошибочно. Помимо всего этого, он — очень умный тип, с большим чувством юмора, блестящий собеседник. Я готов держать пари, что он все свои экзамены сдаст на «отлично», по всем предметам. Он хочет поступить в ИФЛИ без вступительного экзамена. И я думаю, что он этого добьется, он на это способен. Он хочет стать профессором. А я считаю, что весьма нудно читать людям лекции. Меня это совершенно не соблазняет. Я слишком хорошо помню «Скучную историю» Чехова. В сущности, я, в данный момент, совсем не представляю себе какой путь я должен выбрать, и что я буду делать в жизни, и куда я поступлю. Раньше я был уверен, что буду рисовать, а теперь полная и жалкая неизвестность, в итоге довольно банальная. Я неполноценный тип. Почему? Потому что я не занимаюсь спортом, потому что я ни с кем не переспал, потому что я не умею танцевать. Словом, жалкий итог! Все время повторяю, что буду ездить на велосипеде и сомневаюсь и в этом. Загвоздка в том, что я ничего особенно сильно *не желаю*, поэтому все и идет насмарку. Все время пресловутое «овчинка выделки не стоит» и грызущий скептицизм, который заставляет презирать всякую инициативу. Я ни в чем себя не обвиняю. Нет ничего более идиотского, чем типы, которые все время занимаются самообвинением. Но я просто констатирую факт, что многие вещи, мне кажется, не стоят усилия, которое прилагаешь на то, чтобы их осуществить. Я боюсь войны — боюсь, потому что у нас нет стабильного жилья в Москве. Если завтра грянет война, нам придется переезжать, как только наступит срок, а тогда куда переезжать со всем нашим количеством багажа? Это действительно будет трагедия. Поэтому я и беспокоюсь о вопросе жилья. В случае войны люди, которые сдают или продают квартиры, моментально поднимают свои цены. Это уж точно! Ба-а! Ладно, не стоит думать о том, что *может* случиться. Достаточно того, что уже есть, не заботясь о будущем. А все же будет здорово завтра пойти на футбол. Через несколько минут я буду слушать радио де Голля.

12/VI-41

Aujourd'hui – journée qui me plaît, journée bien remplie et vécue intensément. Le matin je me ramenaï pour réparer mes chaussures dans des endroits différents. Je retourne en train où je vois Wolff, l'écrivain allemand, retour d'Espagne et des camps de concentration en France, qui prononçait un discours à l'Édition d'État, la veille du 1er mai. Il descend aux «Étangs propres» et je descends après lui, curieux de savoir où il va. Il se dirige par le boulevard des «Étangs propres» et le marrant de l'histoire est qu'étant bien habillé (de façon européenne: béret, gabardine), il se fait moquer de sa personne par un groupe de nourrices, assises sur un banc. Je me marrais bien à ce moment-là. Wolff tourna dans une ruelle près du ciné le «Colisée» où il disparut. Continuant ma route par la «Porte Pokrovsky», vlan! je tombe sur Valia Predatko qui trotte avec son sac à main. On se regarde, mais on ne se dit pas bonjour, et ça fait terriblement couillon, parce qu'on se connaît depuis un bon bout de temps par téléphone. Et voilà, je la dépasse et nous ne nous saluons pas. – idiot, vraiment! Entre temps, je croyais qu'un copain de l'école pourrait me trouver des billets pour le foot aujourd'hui – je lui téléphone, mais l'affaire a claqué et je suis obligé de me débrouiller, c'est à dire d'acheter mon billet. Je suis à la maison, je finis de déjeuner – RRR! coup de téléphone. Je me précipite, c'est Valia qui téléphone. Du reste, à vrai dire, je m'y attendais, parce que l'histoire du boulevard est trop cocasse, tout de même. Je parle avec elle et je lui dis que nous nous sommes vus sur le boulevard, aujourd'hui. «Oui, il me semble», me répond-elle. «Il me semble»... marrant! Longtemps on parle de la pluie et du beau temps, des vacances, de l'école. J'apprends qu'elle a définitivement quitté notre école (dommage!) et qu'elle passera l'examen pour la 10e dans une autre école. J'apprends qu'elle lit Wells et qu'elle adore Farrère. Elle me prie de lui en avoir à tout prix. Elle me demande si je me doute pourquoi, au fond, elle me téléphone. Je lui réponds par ses propres paroles «que parfois elle s'ennuie, alors elle me téléphone». Elle rit et dit que jamais elle ne me dira la raison. Et elle me prie de lui trouver Farrère (en russe naturellement). Je le lui promets, dans la limite du possible, et lui dis que je lui téléphonerai vers quatre heures. Elle me donne son numéro de téléphone, sur quoi l'entretien prend fin. Sur ce je suis piqué au jeu: je serais un fichu type si je ne

pouvais pas lui trouver son Farrère. Je téléphone successivement à la Bibliothèque Lénine, à la Bibliothèque Historique, dans la Bibliothèque de Littérature Etrangère. Dans la 1ère pas de livres à domicile, dans la seconde pas de livres non-historiques à domicile, dans la troisième pas de livres étrangers traduits en russe. Là dessus un intérêt purement sportif se met à me démanger le cerveau. Je sors et fous le camp à la biblio du quartier, où on me dit qu'ils n'ont pas de Farrère. Je me fous dans un tram. Et me fous jusqu'à la Sretenka, où il y a un bureau de renseignements. A la préposée j'explique mon cas. Il fait un soleil de Sahara et tout et tout. Enfin, après de longs coups de téléphone à des gens qui manifestement ne comprennent pas de quoi il s'agit, la préposée me communique deux adresses de biblio et deux numéros de téléphone. Je téléphone à l'une des biblio – ils n'ont pas de Farrère; à l'autre – Farrère est continuellement occupé. J'en fais une bille! Je téléphone à ma tante Lilia qui me dit qu'elle n'a pas de Farrère en russe et qu'elle ne peut en trouver. Je sors de la cabine téléphonique. Vlan! je rencontre le frère de Moulia que je n'ai pas vu depuis un bout de temps. Il me dit que Moulia a déménagé rue Bélinsky avec son fils (si j'ai bien pigé). Rue Bélinsky, c'est dans le centre, près de la rue Gorki; c'est beaucoup mieux que l'endroit où Moulia habitait avant (beaucoup mieux comme quartier). On bavarde un moment et on se quitte «comme des bateaux en mer». Je me rappelle qu'il faut que j'achète le billet pour le foot. Pour cela je prends le tram jusqu'à la station «Kirovskaja» d'où je téléphone à Valia (4 heures sonnent, où plutôt ne sonnent pas). Je lui communique le résultat plutôt piteux de mes démarches, mais entre temps je glisse des phrases qui montrent que je me suis donné de la peine pour trouver ce que je cherchais pour elle. Je lui communique l'adresse de la biblio où il y a tout de même du Farrère, mais rarement. Elle me remercie. Je lui dis que je suis à la Kirovskaja. Elle me traite de papillon (voltigez), bien que je ne ressemble guère à un papillon. Je lui dit que je vais au foot, je l'invite mais elle dit qu'elle est enrhumée et tout ça. Au fond, elle a raison. Et puis elle me prie de lui trouver des livres à lire: elle dit qu'elle passe tout son temps à lire et qu'il fait si chaud à Moscou. On bavarde encore un peu et on se quitte – elle me prie de lui trouver quelque chose à lire de bien, je le lui promets, et je promets de lui téléphoner demain. 11h.30, ma mère est arrivée. Je me couche, je continuerai demain.

Сегодня хороший для меня день, хорошо наполненный и интенсивно прожитый. Утром я потащился в разные места, чтобы починить свои ботинки. Вернулся домой на трамвае и вижу Вольфа, немецкого писателя, только что вернувшегося из Испании и концентрационных лагерей во Франции. Он произносил речь в Государственном Издательстве, в канун 1го мая. Он сходит на «Чистых Прудах», и я схожу вместе с ним: мне хотелось знать, куда он отправляется. Он идет по Чистопрудному бульвару, и самое забавное во всей этой истории то, что ввиду того, что он хорошо одет (по-европейски: берет, плащ), над ним издевается группа няnek, сидящих на скамейке. Мне было в этот момент здорово смешно! Вольф повернул в переулок около кино «Колизей» и там исчез. Я продолжал свой путь к «Покровским Воротам» и бац! Попадаю на Валу Предатько, которая семенила со своей сумочкой. Мы посмотрели друг на друга, но не поздоровались, и это просто чертова чушь, потому что мы уже давно знакомы по телефону. Ну и вот, я прохожу дальше, и мы не здороваемся — просто идиотство! Тем временем, я надеялся, что один школьный товарищ мне достанет билеты на футбол, сегодня, я ему звоню, но дело проваливается. Мне придется разворачиваться самому, то есть купить билет. Вот я дома. Я кончаю обедать — дrrrr — телефон. Я кидаюсь к нему, звонит Валя. Кстати, я, по правде говоря, этого ожидал, потому что история на бульваре все-таки слишком комична. Я с ней болтаю и говорю, что мы виделись сегодня на бульваре. Она отвечает: «Да, кажется». Странно это «кажется». Мы долго говорим о погоде, о каникулах, о школе. Я узнаю, что она насовсем ушла из нашей школы (жаль!) и что она будет держать экзамен в 10^й класс в другую школу. Я также узнаю, что она читает Уэльса, обожает Фаррера. Она просит меня достать ей Фаррера во что бы то ни стало. Она еще спрашивает, подозреваю ли я, почему она звонит. Я ей отвечаю ее же словами, «что она иногда скучает и тогда мне звонит». Она смеется и говорит, что никогда не скажет мне причину. И она просит ей достать Фаррера (по-русски, конечно). Я ей обещаю, что сделаю максимум возможного и позвоню ей около четырех часов. Она мне дает свой номер телефона, и на этом разговор кончается. Тут меня охватил азарт: каким же я буду ничтожеством, если не смогу ей найти ее Фаррера. Я звоню сначала в Библиотеку Ленина, потом в Историческую, потом в Библиотеку иностранной литературы. В 1ой не выдают книг на дом, во второй не выдают неисторических книг на дом, в третьей нет русских переводов иностранных книг. Тогда чисто

спортивный задор начинает мне грызть мозги. Я выхожу и жарю в районную библиотеку, где мне говорят, что у них нет Фаррера. Я забираюсь в трамвай и жму до Сретенки, где есть справочное бюро. Я объясняю все дело служащей. На дворе солнце палит, как в Сахаре, жара! И т.п. Наконец, после продолжительных телефонных разговоров с людьми, которые явно не понимают, в чем дело, служащая мне сообщает адреса и номера телефона двух библиотек. Я звоню в одну из них — у них нет Фаррера; в другой Фаррер постоянно выдан. От этого у меня вытягивается рожа. Звоню тете Лиле, она говорит, у нее нет книг Фаррера по-русски и ей негде искать. Выхожу из будки. Бац! Встречаю Мулиного брата, которого уже давно не видел. Он мне говорит, что Муля с сыном переехали на улицу Белинского (если я правильно все смекнул). Улица Белинского — это в центре, рядом с улицей Горького: это гораздо лучше, чем то место, где Муля жил раньше (район лучше). Немного поговорив, мы расходимся, «как в море корабли». Тут я вспоминаю, что мне нужно купить билет на футбол. Сажусь на трамвай до станции «Кировская» и оттуда звоню Вале (слышу — вернее, не слышу — звонок четыре часа). Я ей передаю скорее плачевный результат моих поисков, но вместе с тем вставляю кое-что о том, как я намучился, стараясь найти то, о чем она просила. Даю ей адрес библиотеки, где бывают книги Фаррера, но редко. Она меня благодарит. Я ей говорю, что я нахожусь на «Кировской». Она меня обзывает бабочкой (порхаете), хотя я на бабочку вовсе не похож. Я говорю, что иду на футбол, приглашаю ее, она говорит, что простужена и все такое. В конце концов, она права. Затем она просит ее найти что-нибудь почитать. Она говорит, что все свое свободное время читает, и в Москве такая жара! Мы еще немного болтаем и кончаем разговор. Она просит найти ей что-нибудь хорошее почитать, я обещаю, а также говорю, что завтра позвоню. 11.30. Пришла мать. Я иду спать. Кончу завтра.

13/VI-41

7 h. 40 du soir. J'écoute un concert de Jacob Flier — du piano: excellent. Je continue mon récit de la journée d'hier. Je sors de la cabine du téléphone et vais par la rue Kiroff acheter des billets pour le foot. Je sors du magasin «Dynamo» — et vlan! je rencontre une amie de Mitia et d'Irène» que je connais et qui me transmet une commission pour Mitia. C'est la journée des rencontres. Le soir en allant au foot, je rencontre Kouznetzoff,

un copain, et vais avec lui au foot. Au stade – une mer humaine. Le même jour je m'étais inscrit à une biblio du quartier. Le tout sous un ciel bleu d'enfer, chaleur du diable, asphalte gluante... Mais cette journée, je l'aurai vécue intensément. Chaque minute avait son sens et la chaleur n'y faisait rien. Tout le monde dit que Moscou ne vaut rien en été. Pas d'accord: celui qui a un but dans la vie de chaque jour, celui qui a quelque chose d'intéressant à foutre, eh bien, à celui-là Moscou servira simplement de cadre vivant et la chaleur n'y fera rien. En ce moment on donne du Strauss. Absolument formidable! ces airs on les connaît par cœur, et pourtant quand on les entend pour la n-ième fois, ça vous «fait quelque chose». Aujourd'hui j'ai vendu des livres pour 17 roubles, j'ai vu mes photos à l'atelier «Touriste» et j'en ai commandé 6 de chaque (ça fait 18 en tout). En ce moment j'écoute un Rachmaninoff – c'est très bien. Hier, au foot, j'ai vu l'artiste Krioutchkoff avec une poule à chaque bras, et décoré de l'ordre de Lénine, et très joyeux. Aujourd'hui, j'ai téléphoné trois fois dans la journée à Valia Predatko, mais personne ne m'a répondu. Vers 18 h. 45 elle m'a téléphoné elle-même pour me communiquer que son appareil de téléphone était cassé et me fixer un rendez-vous à 9 h. 30, pour que je lui apporte quelque chose à lire. Rendez-vous à la poste Centrale (Potchtamt) de la rue Kiroff. On se marrait parce que la 1ère fois elle m'avait fixé un rendez-vous au même endroit à la même heure et je ne savais pas qui téléphonait, et j'avais cru que c'était à 9 h. 30 du matin. Ainsi on va officiellement faire connaissance. Il y a un bon bout de temps qu'on se connaît par téléphone. Le 2 juillet, les photos seront prêtes. Nouvelles fort intéressantes: le mari d'une amie de la famille Lwoff-Cezemann-Klépinine, Lydia Maksimovna qui avait été arrêté il y a quelque temps, un chimiste, a eu 5 ans. Il a vu sa femme; il paraît qu'il n'ira pas dans un camp de concentration mais vivra dans «une zone». En outre Mitia a reçu une carte de la prison des «Bouteilles» (comme nous l'appelons) le priant d'amener des effets à sa mère, pas plus tard que le «17». Et cela – sans sollicitation préalable de sa part. Il croit dur comme fer qu'on déporte sa mère. Ça me fait la même impression cette carte, sans sollicitation préalable. Le 4 juillet Mitia part en Bachkirie.

7.40 вечера. Я слушаю Якова Флиера — фортепьяно, прекрасно. Продолжаю рассказ о вчерашнем дне. Выхожу из телефонной будки и иду по улице Кирова, чтобы купить билеты на футбол. Выхожу из магазина «Динамо» и бац! Встречаю подругу Мити и Ирины, которую я знаю, и она дает мне поручение для Мити. Сегодня — день встреч. Вечером, по дороге на футбол, встречаю одного товарища, Кузнецова, и мы идем вместе на футбол. На стадионе море народу. В этот же день я записался в районную библиотеку. Все это при сверкающем голубом небе, жара чертовская! Склизкий асфальт! Но этот день я прожил интенсивно. Каждая минута имела смысл, и жара тут ни при чем. Все говорят, что Москва летом невыносима. Я не согласен: тот, у кого есть цель в ежедневной жизни, тот, у кого есть какая-нибудь интересная хреновина, так вот тому Москва послужит только рамкой жизни, где жара ни причем. Сейчас передают Штрауса. Абсолютно замечательно! Эти мотивы хорошо знаешь, тем не менее, когда их слышишь в энный раз, все равно впечатляет. Сегодня я продал книг на 17 рублей, я видел свои фотографии в ателье «Турист» и заказал 6 каждой (всего получается 18). Сейчас я слушаю Рахманинова — прекрасно. Вчера на футболе я видел артиста Крючкова — с каждой стороны по бабе, орден Ленина, и вид очень веселый. Сегодня я днем три раза звонил Вале Предатько, но никто не подходил. Около 18.45 она сама позвонила, чтобы сообщить, что ее телефон был сломан, и мне назначила встречу на 9.30, чтобы принести ей что-нибудь почитать. Встречаемся на Главном Почтамте, на улице Кирова. Мы очень смеялись, потому что в 1^й раз она мне назначила в том же месте, и я не знал, кто звонит; к тому же я понял, что в 9.30 утра. Итак, мы официально познакомимся. Мы уже довольно давно знакомы по телефону. 2ого июля фотографии будут готовы. Очень интересная новость: муж одной знакомой семьи Львовых-Сеземан-Клепининых, Лидии Максимовны, который был арестован некоторое время назад, химик, получил 5 лет. Он видел жену; оказывается, он вроде не поедет в концентрационный лагерь, а будет жить в «зоне». Кроме того, Митя получил открытку из «Бутылок» (так мы их называем) с просьбой принести для матери вещи, не позже «17ого». И это без того, чтобы он заранее об этом просил. Он уверен, железно, что его мать собираются сослать. Мне кажется то же самое, из-за открытки без предварительного прошения. 4го июля Митя уезжает в Башкирию.

14/VI-41

9 h. 30 du matin. Hier j'ai rencontré Valia et lui ai donné deux livres à lire: «Swift» par M. Levidoff, et un livre sur le Turkmenistan par V. Kozine. On s'est longtemps promené par la ville. C'est une fille fort gentille, elle me plaît assez, on a beaucoup parlé, mais je crains fort que je ne lui semble beaucoup trop sérieux, trop égoïste, trop «abstrait» et différent d'elle en bien trop de points. Mon malheur c'est que je suis toujours obligé de parler énormément de moi-même – parce que sans cela, on ne peut pas comprendre pourquoi je suis tel que je suis: et le fait que je parle tant de moi, de ma vie à l'étranger, de mes nombreuses et multiples difficultés porte à croire à de l'égoïsme de ma part. Ainsi hier, je me promenais avec Valia. Elle me plaît assez, elle a de l'esprit, elle est intelligente. Mais, Dieu de Dieu! que nous sommes différents! Nous n'avons absolument rien de commun. Nous avons vécu des vies tellement différentes, nos intérêts ont suivi des chemins tellement divers que c'est extraordinaire. Je me débats dans un nœud inextricable de contradictions. Je n'ai que seize ans, et pourtant je parle d'un lourd passé, d'une vie antérieure et qui me pèse: je parle de la situation internationale et comment je m'y intéresse, je parle de l'avenir et du passé... Et bien sûr, tout cela n'a, je crois, rien de bien amusant et est plutôt ennuyeux. Quand je dis que j'étudie pour l'avenir, que je compte sur l'avenir, Valia me répond: «Il faut vivre du présent». Au fond cette formule est juste, mais ma vie présente est tellement peu intéressante que je pense forcément à l'avenir. J'écoute la musique des ballets de Tchaïkovsky – c'est absolument génial. Je ne connais pas de compositeur aussi formidable que lui. Il est beaucoup plus humain, plus fort que Beethoven – pour moi il n'y a pas de comparaison possible entre eux deux. Alors voilà, on s'est promené, on a bavardé... Valia déteste l'école où elle a étudié (celle où j'étudie). Elle hait les pions et les maths. Elle dit que chaque pion essaye de faire croire à la classe que ses leçons sont excessivement importantes etc.; en cela je la comprends. Les pions sont assez peu ragoûtants. Comme elle n'a presque rien foutu en math de toute l'année, on l'a laissée pour la 2e année dans la 9e, mais elle va entrer en 10e dans une autre école, grâce à une protection. Nœud de contradictions. Ainsi elle déteste l'école et moi, je lui dis que je regrette que je n'étudie pas en ce moment; l'école me manque. Encore un coup, la vieille rengaine: l'école

occupe mon temps. Non pas que *j'aime* l'école: quand je suis à l'école, je songe aux vacances, à la liberté; arrivent les vacances je m'ennuie horriblement et je songe à l'école. Vieille miteuse et combien ennuyeuse histoire! J'ai parlé à Valia de ce que je me sens plus heureux quand j'ai un but dans la journée, quand je cours par la ville cherchant quelque chose, quand je m'occupe de quelque chose qui m'intéresse. L'action – c'est ce qui me manque. Au fond je suis un homme d'action. J'ai énormément de forces morales, mais je ne sais à quoi les employer. C'est pourquoi je songe à l'avenir. Je compte surtout sur une future profession qui me permettra de m'y employer «à fond», sautant et brisant les obstacles, surmontant les difficultés, employant mon temps enfin à quelque chose qui m'intéresse. Peut-être cela n'arrivera-t-il pas, ma profession ne m'intéressera pas et ne sera qu'un piteux pis-aller comme l'école. Ces derniers temps je me bourre d'ersatz d'actions et de sentiments: je vais au foot, je lis, je téléphone à Valia... Et je n'agis pas. Pourquoi, dans une certaine mesure, me plais-je à l'école? Parce que l'école présente une base d'action; parce que l'école est un monde en miniature. Encore, bien heureux que Mitia soit là. Il suffit qu'il parte et je serai seul, mais alors là – totalement. Mes faiblesses, points faibles? Je les connais parfaitement; je ne sais pas danser et je ne fais pas de sport. Tout cela, je le sais. Par exemple, aujourd'hui, que faire? Aller aux provisions, bouffer, aller au foot, puis chez des amis de ma mère pour rapporter notre gramophone et l'argenterie. Une seule petite question: c'est la vie? Tout ce qu'on veut, mais pour moi, la vie que je mène n'est qu'un ersatz miteux, une imitation ratée de la vie vraie. Est-ce que cette chambre où je vis avec ma mère, cette chambre où sont entassées d'innombrables malles, cette chambre où je couche, lis, dessine, mange, écoute la radio, cette chambre représente pour moi la vie? Non, et mille fois non. Ce à quoi je rêve, ce serait d'avoir ma chambre à moi n'importe où, où je transporterais tous mes effets. Ma mère me donnerait de l'argent pour payer la chambre. «Comme idée c'est plutôt miteux» me direz-vous. Ce n'est pas un idéal, mais un point de départ. Et le plus marrant de l'histoire, c'est que ce point de départ est terriblement éloigné: à vrai dire, je vois ma mère qui dit qu'elle ne peut pas vivre seule, que la famille se disloque, etc.; bien sûr, je ne peux rien faire avant que j'aie fini l'école. Au fond tout cela est terriblement emmerdant et sans colonne vertébrale. Demain j'ai promis à Valia de lui téléphoner. A quoi bon, au fond.

L'exemple des amitiés claquées: Lévidoff, Kvitko, Chaguinian me poursuit. Je crois vraiment qu'une amitié durable peut être seulement à base de travail commun, où de forme de vie et de passé commun (Mitia par exemple). Les autres amitiés je les qualifierai d'artificielles: elles ne reposent, au fond, que sur la curiosité et claquent très vite. Ainsi, avec Valia: nous n'avons rien de commun, nous sommes très différents et je ne pense pas que cette amitié (s'il y en a une, peut-être n'y en a-t-il pas) dure. Je ne la désire pas assez pour lui faire une cour assidue. Et puis je ne sais vraiment pas quoi faire quand je suis avec elle: où aller, etc.; c'est fort dommage. Passons aux événements se produisant sur une autre échelle, événements importants et capitaux pour l'histoire du monde moderne. Ça, ce n'est pas de la foutaise. En Syrie, les troupes anglo-françaises libres ont entouré Damas. Elles ne l'occupent pas pour éviter une effusion de sang inutile et des pourparlers avec les Français sont en cours pour la reddition de la ville. Les Anglais bombardent la Ruhr, les Allemands bombardent les bateaux marchands anglais, l'Amérique s'arme. L'agence soviétique Tass dément les bruits qui circulent dans la presse étrangère, à propos d'une éventualité de guerre avec le Reich. Demain je téléphone à Valia: Bah! pourquoi pas. Aujourd'hui, vais au foot.

9.30 утра. Вчера я пошел на встречу с Вале́й и дал ей прочитать две книги: «Свифт» М.Левидова и книгу о Туркменистане В.Козина. Мы долго гуляли по городу. Она очень милая девушка, и, пожалуй, она мне нравится. Мы много говорили, но я очень боюсь, что я ей кажусь слишком серьезным, слишком эгоистичным, слишком «отвлеченным» и во многом от нее отличающимся. Моя беда в том, что я все время вынужден говорить только о себе, потому что иначе невозможно понять, почему я такой, какой я есть: и тот факт, что я так много говорю о себе, о моей жизни за границей, о многих моих трудностях может создать впечатление, что это с моей стороны эгоизм. Например, вчера я гулял с Вале́й. Она мне все-таки нравится, она остроумна, умна. Но, черт возьми, какие мы разные! У нас почти нет ничего общего. Мы прожили столь различные жизни, наши интересы пошли по столь разным путям, это просто поразительно. Я бьюсь внутри непроходимого узла противоречий. Мне только шестнадцать, а я говорю о тяжелом прошлом, о прежней жизни, которая на меня

давит. Я говорю о международном положении и что им интересуюсь; я говорю о прошлом и будущем. И, конечно же, все это наверняка малоинтересно, скорее даже очень скучно. Когда я говорю о том, что учусь на будущее, что я на будущее рассчитываю, Валя мне возражает: «Надо жить настоящим». По существу, эта формула правильная, но моя настоящая жизнь настолько малоинтересна, что я неизбежно думаю только о будущем. Слушаю балеты Чайковского — абсолютно гениально. Я не знаю другого композитора такого замечательного, как он. Он гораздо человечнее, сильнее, чем Бетховен, — для меня нет никакого сравнения между обоими. Так вот, мы, значит, гуляли, разговаривали. Валя ненавидит школу, где она до сих пор училась (это та, где я учусь). Она ненавидит учителей и математику. Она говорит, что каждый учитель пытается заставить весь класс поверить, что его уроки удивительно интересны, и т.д. В этом я ее понимаю. Учителя довольно противные. Так как она почти ни черта не делала по математике весь год, ее оставили на 2^й год в 9^м. Но она собирается поступить в 10^й, в другую школу, по блату. Узел противоречий. Вот — она ненавидит школу, а я ей говорю, что сейчас, когда я не учусь, мне школы не хватает. Еще раз та же старая шарманка: школа *занимает* мое время. Это не значит, что я *люблю* школу. Когда я в школе, я мечтаю о каникулах, о свободе; когда наступают каникулы, я ужасно скучаю и мечтаю о школе. Старая жалкая и столь скучная волынка. Я говорил Вале о том, что я чувствую себя совсем счастливым, когда у меня в этот день есть цель, когда я бегаю по городу и что-то ищу, когда я занимаюсь чем-то, что меня интересует. Действие — вот чего мне не хватает. В сущности, я человек действия. У меня огромное количество моральных сил, но я не знаю, к чему их приложить. Поэтому я и мечтаю о будущем. Больше всего я надеюсь на свою будущую профессию, которая позволит мне действовать, используя все свои силы «до конца», одним прыжком пересиливая трудности, громя препятствия, используя, наконец, мое время на то, что меня интересует. Может быть, этого и не будет? Моя профессия меня не будет интересовать и будет жалкой подменой, так же, как школа. Последнее время я пичкаю себя суррогатами действий и чувств. Я иду на футбол, читаю, звоню Вале... Но я не действую. Почему же я, в некоторой мере, доволен школой? Потому что школа представляет для меня основу действия. Потому что школа является миром в миниатюре. Еще хорошо, что Митя тут. Как только он уедет, я буду уже совершенно и абсолютно один. Мои слабос-

ги, слабые точки? Я их отлично знаю: я не умею танцевать, я не занимаюсь спортом. Все это я знаю. Например, что делать сегодня? Пойти за продуктами, пожрать, пойти на футбол, затем к знакомым матери, чтобы взять граммофон и серебро. Один только махонький вопрос: и это жизнь? Все, что хочешь, но для меня моя теперешняя жизнь – жалкий суррогат, неудавшееся подражание настоящей жизни. Разве эта комната, где я живу с матерью, комната, в которой нагромождение бесчисленных сундуков, комната, где я сплю, читаю, рисую, ем, слушаю радио, эта комната представляет для меня жизнь? Нет, тысячу раз нет. То, о чем я мечтаю, это иметь свою собственную комнату, где угодно, куда бы я перенес все свои вещи. Мать давала бы мне деньги, чтобы платить за комнату. «Довольно жалкий идеал», – скажете мне вы. Это не идеал, а отправная точка. Самое смешное в этой истории, то, что эта отправная точка страшно далека: по правде говоря, представляю себе мать, которая говорит, что она не может жить одна, что семья распадается и т.д. Конечно, я ничего не могу сделать, пока не окончил школу. По существу, все это страшно нудно и не имеет стержня. Я обещал завтра позвонить Вале. А по существу, зачем? Меня преследуют примеры развалившихся дружб: Левидова, Квитко, Шагинян. Я действительно думаю, что продолжительная дружба может строиться только на основе общей работы или общих образа жизни и прошлого (например, Митя). Остальные дружбы я считаю искусственными: они, по существу, зиждятся только на любопытстве и быстро разваливаются. Например, Валя. У нас нет ничего общего, мы очень разные, и я не думаю, что дружба эта (если она есть, может, ее и нету) продлится – я не испытываю к ней достаточно желания, чтобы за ней серьезно ухаживать. К тому же я действительно не знаю, что делать, когда мы вместе: куда идти и т.д. Это очень жаль! Перейдем к событиям, происходящим на другом уровне, событиям важнейшим и первостепенным для истории современного мира. Это уже не чертова чушь. В Сирии англо-французские свободные войска окружили Дамаск. Они не оккупируют его во избежание лишнего кровопролития; идут переговоры с французами о сдаче города. Англичане бомбят Рур, немцы бомбят английские торговые суда, Америка вооружается. Советское агентство ТАСС опровергает слухи иностранной прессы по поводу возможной войны с Рейхом. Завтра я позвоню Вале, ба! Почему нет. Сегодня иду на футбол.

Hier ai été avec Valia Predatko au foot. Le match était peu intéressant, Valia avait un peu mal à la tête. Avant on s'était téléphoné et elle avait dit de prendre les billets au foot mais les a pris elle-même. Je ne les lui ai même pas remboursés, ne sachant si je dois parler de cela. Au fond, la prochaine fois qu'on sortira quelque part ensemble, ce sera moi qui paierai et, de cette façon, on sera quitte. Donc le match n'était pas bien fameux et j'ai un peu l'impression qu'elle ne s'intéresse pas au foot. A l'entre-acte entre les deux mi-temps, nous nous sommes baladés, ne sachant de quoi parler. Vraiment, de quoi parler? Le plus marrant c'est que ça devient tout un plat de savoir quoi se dire. Marrant tout de même (en théorie: en pratique c'est assez gênant). C'est après le match que tout cela alla mieux. Nous bavardâmes fort gaiement dans le métro et en rentrant de la Kirovskaïa par les boulevards, dans nos maisons respectives. Il se peut qu'arrivent parfois des moments de verve qui servent à parler de quelque chose. Je suis vraiment content quand j'arrive à la faire rire. Je ne sais pas, ça me plaît quand elle est gaie comme ça. En revenant du match, nous parlions de tout et de rien... Valia a de la justesse d'observation et de l'esprit, ça change des filles imposables de l'école. Mais la question de quoi parler devient un vrai problème. Ainsi nous avons parlé de l'école, des maîtres, des élèves, du mauvais goût, des livres, etc., mais ce «fond de conversation» commence à s'épuiser. Au fond la chose dont j'ai le plus peur c'est que Valia ne s'ennuie avec moi. Mais je ne crois pas. Elle a des lèvres vraiment très bien, mais, c'est curieux, bien que j'aie envie de l'embrasser, elle ne m'inspire pas le désir direct et violent que j'éprouve parfois pour certaines femmes rencontrées dans la rue, le tram, le métro. Du reste elle a une silhouette parfaite en tous points et elle est élégante. Elle me plaît fort. Elle m'a promis de me trouver des livres d'Essénine (elle m'a surtout recommandé de lire «Anna Snéguina» et «L'homme Noir»). Au fond, bien sûr, la vraie question est de savoir (en ce qui concerne les femmes) leur point de vue véritable sur ta personne, ce qu'elles te trouvent de bien ou de mal. Si l'on savait vraiment les vrais sentiments des femmes à ton égard, on pourrait développer les côtés de ta personne qui lui plaisent, faire taire les traits de caractères, les tics ou habitudes de parler qui déplaisent à la femme et se présenter à elle sous le jour le plus favorable, de son

point de vue à elle. Voilà Un tel ou Un tel, j'aime en lui tel et tel côté, tel côté me déplaît, je voudrais qu'il fasse telle et telle chose et qu'il ne fasse pas ceci et cela. C'est à dire savoir la vraie et franche opinion de la femme sur ta personne. Mais, bien sûr, de tels souhaits sont fort utopiques. Il faut être plus malin, plus observateur et perspicace, alors tu saisis ce qu'il faut savoir. Mais le plus emmerdant serait que je l'ennuie, tout simplement. Puis aussi, je ne sais pas où la mener, où elle aime aller, et si je puis lui parler de cela. L'ennuyeux, c'est que j'ai l'air beaucoup trop sûr de moi – et d'elle, pas timide pour un sou. Tout cela me fait l'effet du genre «tempête sous un crâne». Au fond, laissons aller, ce n'est probablement pas dans ce journal que je trouverai une réponse à ces questions multiples, mais dans la vie même. A propos du père aussi, ça me tracasse. Peut-être fallait-il lui dire: «Ah oui! j'oubliais, je vous dois pour les billets!!!». Ça se peut, mais ne sachant pas ce qu'elle pouvait répondre – ça pouvait la froisser, qui sait? j'ai évité cette question, je n'ai pas parlé d'argent – et pourtant, peut-être attendait-elle que je lui en parle. D'un autre côté peut-être considère-t-elle que «la prochaine fois» ce sera moi qui paierai, tout naturellement. Il se peut que par un excès de scrupules, j'ai fait une gaffe. Tant pis pour moi, mais c'est assez miteux. Au fond qu'est-ce qu'elle avait à dire d'un ton décidé: «Voilà, je prendrai les billets», bien que je ne lui aie soufflé mot que c'était elle qui devait les prendre. Et peut-être, après tout, est-elle tout simplement rupine. Ça se peut. Enfin on s'est quitté en excellents amis. Elle doit me téléphoner à propos du Essénine. Aujourd'hui, j'ai vu Serbinoff. Il connaît Valia. Je lui ai dit qu'elle me plaît, qu'elle a de l'esprit, qu'elle est originale et jolie, et tout ça dans les tons roses (et du reste, je le pense). Le marrant de cela, c'est que je compte que Serbinoff dira à Valia ce que je pense d'elle, et ça la flattera et me haussera naturellement dans son esprit. Je ne crois pas que Valia soit assez fine pour comprendre que j'ai dit mon opinion sur elle à Serbinoff exprès, pour qu'il la lui rapporte. Si j'étais sûr de Serbinoff, simplement, je lui dirais de lui communiquer (à Valia) mon opinion sur elle, je lui dirais juste ce qu'il doit lui dire. Du reste il ne la voit presque pas. Au fond, il se peut fort que je ne sois pas plus intéressant pour Valia qu'un autre – comme ça, un pion de case, «un brave type». Mais il ne faut pas penser à ça, de toute façon on verra bien, par la suite, à quoi s'en tenir. Serbinoff dit qu'elle me plaît seulement au

commencement et qu'ensuite elle me déplaîra et que je serai désillusionné. Ce à quoi je lui réponds que ça se peut mais que, pour le moment etc. Alors il dit: «Tu verras», d'un ton de quelqu'un qui s'y connaît. Les Anglais n'ont pas encore occupé Damas: tout de même c'est miteux — pas foutu de prendre Damas. Valia a du sang ukrainien — elle est mi-ukrainienne, mi-russe. C'est peut-être pour ça qu'elle me plaît, parce que les Russes pur sang sont assez rarement jolies — ou bien d'une beauté éclatante et sensuelle, bonne au lit mais pas autre part. Et celle-là a quelque chose de piquant, d'éveillé. Ses yeux châtains et surtout ses lèvres fort bien faites sont fort sympathiques. Les seins hauts, les jambes longues, c'est ce qu'il faut, et bien coiffée, par-dessus le marché. Elle aime rire, elle a été à Tachkent, en Ouzbékistan. Elle a le front bas, mais les cheveux compensent et puis au diable le front, on s'en fout, au fond, du front. Parfois elle a des maux de tête. Elle déteste notre école et les pions. Elle a de l'esprit. Demain je verrai Mitia qui va recevoir à l'NKVD la réponse à la question qu'il avait posée au sujet de sa mère — si on la déporte et «quoi qu'y gna». Il est baba de ce que je vais au foot, le couillon, il trouve que ce n'est pas très «intellectuel, européen», probablement. Et puis il est vaguement jaloux de ce que j'aie affaire à Valia, bien que lui-même se vante de «sa maîtresse», le pauvre type. Peut-être ne lui plaît-il pas que nous soyons «à armes égales». Enfin demain je le verrai.

Вчера я был с Вале́й Предатько на футболе. Матч был неинтересный. У Вали чуть болела голова. До этого мы говорили по телефону, и она мне сказала взять билеты на футбол, а потом взяла их сама. Я ей не вернул деньги, не зная, надо ли об этом говорить. Думаю, что в следующий раз, когда мы куда-нибудь пойдём вместе, буду платить я, и, таким образом, мы будем в расчёте. Ну, матч был ничего особенного, у меня такое впечатление, что она не интересуется футболом. В антракте между двумя половинами игры мы гуляли, не зная, о чём говорить. И действительно, о чём говорить? Самое забавное то, что это становится целой историей — знать, о чём говорить. Странно все-таки и смешно (в теории, а на практике это довольно неудобно). Только после матча стало легче. Мы очень весело болтали в метро и когда ехали с «Кировской» по бульварам каждый к себе домой. Бывают моменты азарта, когда есть о чём

говорить. Я действительно рад, когда мне удастся ее рассмешить. Не знаю, мне нравится, когда она такая веселая. По дороге домой, с матча, мы говорили о том о сем... У Вали правильные наблюдения, она остроумна. Какая разница с другими девчонками из школы – они невозможные! Но вопрос, о чем говорить, становится настоящей проблемой. Ну, мы говорили о школе, об учителях, о школьниках, о дурном вкусе, о книгах, но этот «запас тем» начинает исчерпываться. В сущности, больше всего я боюсь, что Валя со мной будет скучать. Хотя я не думаю. У нее действительно замечательные губы, но странно: хотя мне и хочется ее поцеловать, она мне не внушает то прямое и сильное желание, которое я иногда испытываю от встречных женщин на улице, в трамвае, в метро. Кроме того, у нее великолепная фигура во всем, и она элегантная. Она мне очень нравится. Она мне обещала достать книги Есенина (она особенно рекомендовала почитать «Анну Снегину» и «Черного человека»). По существу, конечно, главный вопрос заключается в том, что надо знать, в отношении женщин, как они относятся к твоей личности, что они в тебе находят хорошего или плохого. Если бы знать о настоящих чувствах женщины к тебе, можно было бы развивать те стороны твоей личности, которые ей нравятся, и заставить замолчать черты характера, мании и привычки, которые женщине не нравятся; представлять себя ей с лучшей стороны, в ее глазах. Одним словом, если бы я знал, что Валя говорит обо мне другим, например, своей близкой подруге: вот такой-то и такой-то, мне в нем нравится такая-то и такая-то черта, такая-то сторона мне не нравится, я бы хотела, чтобы он делал то-то и то-то и чтобы он не делал того-то и того-то. То есть знать настоящее и откровенное мнение женщины о твоей личности. Но такие желания вполне утопичны. Надо быть более хитрым и более наблюдательным и прощательным, тогда можно схватить то, что надо знать. Но самое хреновое было бы, если бы я просто наводил на нее скуку. Кроме того, я не знаю, куда ее водить, куда она любит ходить и могу ли я это с ней обсуждать. Неприятно то, что я кажусь страшно уверенным в себе и в ней, я не робок ни на грош. От всего этого у меня чувство «бури в мозгах». Вероятно, лучше, пусть будет, как будет, и я, видимо, не в этом дневнике найду ответ на многие эти вопросы, а скорее в самой жизни. Кстати, вопрос шишей меня тоже тревожит. Может быть, надо было ей сказать: «Ах да, я забыл, что я вам должен за билеты». Возможно, но, не зная, что она может ответить, что могло ее обидеть, кто знает? Я избежал этого вопроса, я о деньгах не стал говорить, однако, может быть, она ждала, что я об этом

скажу. С другой стороны, может быть, она считает, что «в следующий раз» я буду платить, и это будет совсем естественно. Или, может быть, я из лишней деликатности сделал промах. Тем хуже для меня, но это довольно-таки обидно. А ведь зачем ей было говорить, с таким решительным видом — вот я возьму билеты, хотя я ей и слова не пикнул о том, что она должна взять билеты. А может быть, она просто человек с деньгой, это возможно. Словом, мы расстались друзьями. Она мне должна позвонить насчет Есенина. Сегодня я видел Сербинова. Он Валию знает. Я ему сказал, что она мне нравится, что она умна, оригинальна и хорошенькая, все это в таких розовых тонах (к тому же, я так и думаю). Самое смешное, что я полагаюсь на Сербинова, что он скажет Вале, что я о ней думаю, и ей будет лестно, это меня, конечно, возвысит в ее глазах. Я все же не думаю, что Валя настолько тонкая, чтобы догадаться, что я передал свое мнение о ней Сербинову нарочно, чтобы он ей это передал. Если бы я в Сербинове был уверен, я бы просто сказал Сербинову передать ей (Вале) мое мнение о ней. Я бы ему сказал точно то, что он должен ей сказать. К тому же, он с ней редко встречается. В сущности, вполне возможно, что я, может быть, для Вали не интереснее другого, не более интересен, чем любая пешка на шахматной доске, «добрый малый». Но лучше об этом не думать, все равно впоследствии увидим, что к чему. Сербинов говорит, что она мне нравится только вначале, а потом она мне разонравится, и я буду разочарован. На это я ему отвечаю, что это возможно, но что пока и т.д. Тогда он отвечает: «Увидишь», — с видом человека, который в этих делах — знаток. Англичане еще не заняли Дамаск: все-таки какая жалость: даже не способны Дамаск взять! У Вали есть украинская кровь — она полуукраинка-полурусская. Может быть, поэтому она мне и нравится, чисто русские довольно редко красивые, или они красоты очень выраженной и чувственной, и они хороши в кровати, но не иначе. А у этой есть что-то пикантное и живое, ее карие глаза, а главное — ее великолепные губы очень симпатичны, у нее высокая грудь, длинные ноги. Все, что надо! И, сверх того, она хорошо причесывается. Она любит смеяться, она бывала в Ташкенте, в Узбекистане. У нее низкий лоб, но волосы это скрывают, да и к черту лоб, по сути, плевать на это. У нее бывают головные боли. Она ненавидит нашу школу и учителей. Она остроумна. Завтра я увижу Митю, который должен в НКВД получить ответ на вопрос, который он задавал насчет матери, ссылают ли ее, да и что и как. Он обалдел от того, что я хожу на футбол, кретин, он, видимо, думает, что это «не интеллигентно, не по-евро-

пейски», не знаю. К тому же он слегка ревнует, что у меня есть отношения с Вале́й, хотя сам постоянно хвастается «своей любовницей», бедняга. Может быть, ему не нравится, что мы теперь как бы «на равных». Ну ладно, завтра увидимся.

18/VI-41

7 h. 50 du soir. Le 16, le soir, j'attendais un coup de téléphone de Valia – elle m'avait promis de téléphoner le soir, à propos du Essénine, mais elle n'a pas téléphoné. Le matin je lui ai téléphoné – elle me dit que nous avions arrêté que ce serait moi qui téléphonerais et non pas elle. Elle avait été chez les types du Essénine, mais ils n'étaient pas là. Elle promet de partir le chercher le même soir du même jour – le 17. Elle me pria de lui téléphoner à 9 heures. A 9 heures je lui téléphonai – elle avait le Essénine et nous prîmes rendez-vous à 9 h. 30 à la Grande Poste de la rue Kiroff. Elle se ramena et nous nous promenâmes jusqu'à onze heures. Il faut dire que cette promenade fut plus gaie que celle que nous avons faite la première fois. Valia et moi étions plus désinvoltes en quelque sorte, plus libres, plus gais parce que c'était la 3e fois que nous nous voyions. Nous bavardions, riions beaucoup. C'était très bien. Cette fille me plaît. Mais je n'ai aucune illusion: je sais fort bien que nous sommes de deux mondes différents, que j'ai beaucoup de fautes comme le non – savoir de la danse, etc. D'autre part je suis miteux en fait de pèze. Encore un coup, je suis trop jeune. Mais malgré tout cette balade était sympathique. Nous prîmes congé et je lui promis de lui téléphoner à 10 h. 30 le lendemain, pour aller au ciné ensemble. Ce qui me plaît, c'est que cependant, malgré tout, nous avons quelques affinités, quelques goûts communs: nous détestons les petits gosses et reconnaissons la grande valeur de l'argent, par exemple. L'ennuyeux, c'est qu'elle va partir probablement pour l'été, quelque part, dans quelque temps. Mais encore une fois, je ne me fais aucune illusion: je sais qu'elle va étudier dans une école autre que la mienne, que l'abîme qui nous sépare triomphera peut-être de l'attirance que nous pouvons avoir l'un pour l'autre; je sais fort bien que peut-être cette amitié finira en queue de poisson, finira tout court, comme ça. Tout peut arriver au fond. En tout cas je peux dire que cette connaissance, cette «aventure» – si innocente soit-elle – est pour moi une heureuse diversion, une retrempée dans l'optimisme, la joie de vivre; c'est

un rayon de soleil, ça me distrait et donne matière à quelque chose comme de la vie vraie et intense. L'intensité «that is the question».

Mais je n'exagère pas. Si cette amitié-là fout le camp, ce qui est toujours probable, eh bien, ça me fera les pieds, purement et simplement, ce sera dommage, sûr. Enfin, on verra. Aujourd'hui, le 18, nous avons été à la «datcha» de Kroutchenykh. Le matin, j'ai dû téléphoner à Valia que le ciné fout le camp. Je lui téléphonerai demain, le 19, à la même heure. On a été à la «datcha» avec Kroutchenykh, ma mère et une jeune fille. On a été en canot, on a bu du képhir, on est restés assis dans le petit jardin, près de la tonnelle, on s'est fait photographier comme des couillons de bourgeois et la photo est immonde, comme de juste et de bien entendu. Le chic, c'était que je ramais dans le canot. J'enviais les types qui nageaient dans l'étang assez bien. La fille était grosse, insignifiante, mais je l'ai fait parler à propos de l'Ifli et tout ça. Elle dit que l'Ifli ne vaut rien, et l'Institut du ciné vaut mieux. Faut que je raconte tout ça à Mitia. Il ne sait où donner de la tête — dans quelques semaines il doit écrire une demande à quelque institut et il ne sait pas où s'adresser. Sa maison regorge de profs d'IFLI qui le tirent de leurs côtés, et moi je tire du côté du GIK (Institut du ciné). Etre à l'IFLI instituteur ou prof? Des clous, va te faire foutre. Enfin on verra. Au fond, il faut gagner de l'argent. Hier ai été avec Mitia aux «questions et réponses» de l'NKVD. Là, on lui a appris que sa mère est toujours aux Bouteilles et que l'instruction continue. Peut-être que Valia se dit: «quel poireau, ce type-là» parce que pour le moment, je n'ai rien entrepris pour l'embrasser etc. et ne lui ai même pas pris le bras une seule fois. Et je lui dis: «Vous». Ça se peut très bien qu'en dedans elle me traite d'empoté. Mais je sais fermement et, une fois pour toutes, une chose excellente: tant que je suis tel que je suis, c'est à dire tant que je n'ai pas gagné de l'argent par mon travail et tant que je ne vis pas seul, *je ne suis rien*. Et alors on peut me marcher sur la tête, me foutre au cul, me tromper: je peux avoir des emmerdements de toute sorte — et ça ne me fait rien. Au contraire, ça me fortifie dans la certitude que j'ai de devenir un jour quelqu'un, vraiment quelqu'un qui pourra se foutre des complications et acheter son invulnérabilité. Coup de marteau sur le crâne: le 20 arrivent le mari de la probloque avec la petite gosse et la belle-fille des voisins, ça fera du joli

dans la cuisine, hein? Je souffre pour ma mère, je crains comme le feu les scandales qui peuvent éclater à propos d'une casserole déplacée. Et c'est ça la vie! Et pourtant je ne désespérerai jamais, quoique j'en aie eu cent mille, trois millions de fois l'occasion. Je sais qu'un jour je vivrai indépendant, que je me débarrasserai des difficultés, que je pourrai regarder le monde en face, et non pas obliquement comme maintenant. Je réussirai parce que je suis opiniâtre et intelligent et que j'ai foi dans l'avenir. Si Valia savait tout ça! Peut-être comprendrait-elle alors pourquoi il lui est parfois difficile de me comprendre! Et comprendrait – elle ce que me coûtent ma gaieté factice et ma bonne humeur? Ces gens qui arrivent, c'est des complications nouvelles qu'ils portent avec eux. La cuisine. Saleté mille fois maudite! Quand tout le monde est là-bas et qu'une querelle peut éclater d'un moment à l'autre, et ces salauds qui peuvent dire des injures à ma mère, et elle qui pleure, et ma solitude absolue ici, et les parents en taule, et surtout la bourgeoisie de l'appartement, les voisins infâmes de bêtise et de méchanceté – tout cela, je vous assure, peut rendre fou et déterminé à se foutre à l'eau. Et ma mère qui ne me comprend pas et qui me prétend méchant et froid. Mais je répète encore et toujours: les obstacles, difficultés, complications, la vie impuissante, châtrée, imbécile que je mène, tout cela ne me rendra pas fou ni ne m'abattra. J'ai confiance dans mon avenir. J'ai foi que je réussirai. J'ai la volonté de vaincre et la jeunesse, et pas d'illusions, et l'espoir. L'imbécillité flagrante de ma vie actuelle, horrible et sénile à la fois, ne me vaincra pas. Je m'en fous de ce qu'on pense de moi maintenant – maintenant je ne suis rien. En Afrique du Nord les Anglais se font foutre au cul. En Syrie, ils entourent Damas et ont pris Saïda et Kisvé. Par radio j'écoute le foot.

---

7 ч. 50 вечера. 16го, вечером, я ждал звонка от Вали, она обещала мне вечером позвонить, по поводу Есенина, но не позвонила. Утром позвонил я. Она говорит, что мы договорились, что звонить буду я, а не она. Она была у типов насчет Есенина, но их не было дома. Она обещала пойти за ним в тот же вечер, 17го. Она попросила позвонить ей в 9. В 9 я ей позвонил: Есенина она достала, и мы договорились на 9.30 у Главного Почтамта на Кировской. Она притащилась, и мы гуляли до одиннадцати часов. Надо сказать, что прогулка эта была гораздо веселей, чем в первый раз, когда мы гуляли. Мы с Вале́й были

в каком-то смысле более легкомысленны, свободны, веселее, потому что это было наше третье свиданье. Мы болтали, много смеялись. Было очень приятно. Эта девчонка мне нравится, но я не питаю никаких иллюзий: я отлично знаю, что мы принадлежим к двум разным мирам, что у меня много недостатков, как например, неумение танцевать и т.д. С другой стороны, я жалок в отношении шишей. И еще одно: я слишком молод. Но тем не менее эта прогулка была очень приятная. Мы расстались, и я обещал ей позвонить на следующее утро в 10.30, чтобы идти вместе в кино. Что мне нравится, это то, что у нас все же есть что-то общее, общие вкусы: мы ненавидим малышню и признаем, например, огромную ценность денег. Неприятно то, что она, вероятно, уедет куда-нибудь на лето, через некоторое время. Но, повторяю, я не питаю никаких иллюзий: я знаю, что она будет учиться не в моей, а в другой школе, что бездна, нас разделяющая, победит симпатию, которую мы друг ко другу, м.б., испытываем; я отлично знаю, что эта дружба может кончиться ничем, просто кончиться, вот так. В сущности, все может случиться. Во всяком случае, я могу сказать, что это знакомство, эта «связь», как бы она ни была невинна, для меня приятное развлечение, возвращение к оптимизму, к радости жизни; это луч солнца, который меня развлекает и дает почву для чего-то, похожего на настоящую и интенсивную жизнь. Интенсивность — вот в чем вопрос. Но я ничего не преувеличиваю. Если эта дружба пойдет к черту, что всегда вероятно, ну что ж, это будет мне в пику, просто и ясно. Жаль будет, конечно. Что ж, посмотрим. Сегодня, 18го, мы были на даче у Крученых. Утром мне пришлось позвонить Вале, что дело с кино летит к черту. Я ей позвоню завтра, 19го, в тот же час. Ездили на дачу с Крученых, матерью и одной девушкой. Катались на лодке, пили кефир, сидели в садике, около беседки, снимались, как буржуи-мудилы, фотография чудовищная, как и следовало ожидать. Замечательно то, что на лодке я греб. Я завидовал всем парням, которые в пруду плавали, и хорошо. Девушка была толстая и никчемная, но я ее заставил говорить об ИФЛИ и все такое. Она говорит, что ИФЛИ ни гроша не стоит и что Институт кино гораздо лучше. Надо обо всем этом рассказать Мите. Он ума не приложит, куда ему податься. Через несколько недель он должен написать прошение в какой-нибудь институт и не знает, к кому обратиться. В его доме полно профессоров из ИФЛИ, которые стараются его перетянуть, а я тяну в сторону ГИКа (Института кино). В ИФЛИ быть преподавателем или профессором? Елки-палки, к черту. Ладно, посмотрим. В конце концов, надо зарабатывать. Вчера я был с Митей в НКВД, в отделении «Вопросы и ответы». Там ему ска-

или, что его мать все еще в «Бутылках» и что следствие продолжится. Валя, наверное, думает — «какой идиот этот тип», потому что я до сих пор ничего не предпринял, чтобы ее поцеловать и т.д. Я даже ее ни разу не взял под руку. И я с ней «на вы». Она тоже, кстати. Очень возможно, что она принимает меня за увальня. Но я отлично знаю, и раз навсегда, одну прекрасную вещь: пока я такой, какой я есть, то есть пока я не заработал денег своим трудом и пока я не живу один, я — ничто. И мне могут наступать на голову, гнать меня в ж..., меня обманывать; у меня могут быть самые большие неприятности — мне решительно все равно. Наоборот, это во мне поддерживает уверенность, что когда-нибудь я стану человеком, великим человеком, который сможет плевать на все трудности и платить за свою неприкасаемость. А тут — молотком по голове: 20ого приезжают муж хозяйки с девчонкой и невестка соседей-подлецов с дочерью, хорошенькая у нас будет кухня, а! Я страдаю за мать, я боюсь, как огня, скандалов, которые могут вспыхнуть из-за какой-нибудь не на место поставленной кастрюли. Такова жизнь. Однако я никогда не приду в отчаяние, хотя у меня к этому сто тысяч и три миллиона поводов. Я знаю, что когда-нибудь я буду жить самостоятельно, что я избавлюсь от всех проблем, что я смогу прямо смотреть всем в глаза, а не исподлобья, как теперь. Я вылезу, потому что я настойчив и умен, и я надеюсь на свое будущее. Если бы Валя обо всем этом знала! Быть может, она тогда поняла бы, почему ей иногда так трудно меня понять. И она бы поняла, чего мне стоят моя напускная веселость и хорошее настроение. Те люди, что приезжают, это новые трудности, которые они с собой несут. Кухня! Подлая, тысячу раз проклятая вещь! Когда там все вместе, и когда ссора может вспыхнуть в одну секунду, и эти подлецы могут мать обозвать как угодно, а мать плачет, и мое абсолютное одиночество здесь, родные в тюрьме, а главное буржуйская квартира, соседи — дураки полные и злыдни — все это, уверяю вас, может довести до сумасшествия и до желания ахнуть в воду. И мать, которая меня не понимает и говорит, что я холодный и злой. Но я вновь и вновь повторяю: препятствия, трудности, сложности, беспомощность и скованность в дурацкой моей жизни — ничто из этого не сведет меня с ума и не лишит сил. Я верю в свое будущее. Я верю в свою удачу. У меня есть желание все победить, я молод, и у меня нет иллюзий и есть надежда. Явный идиотизм моей теперешней жизни, ужасающей и одновременно стариковской, меня не свалит. Мне плевать на то, что обо мне сейчас думают, теперь я — ничто. В Северной Африке англичанам крепко поддают под зад. В Сирии они окружили Дамаск и взяли Сайда и Кисве. По радио слушаю футбол.

En Syrie les forces anglaises et «françaises libres» attaquent Damas. Sur tout le front la bataille fait rage. Les Français de Vichy ont pris El-Kouneytra et Merdjaïouna, mais les forces impériales anglaises ont reconquis de nouveau ces points. J'ai l'impression que bientôt Damas et Beyrouth seront prises. Hier j'ai été au ciné avec Valia. On a bavardé et rigolé comme d'habitude. Ensuite j'ai été au foot et le soir j'ai vu Mitia. Ce matin Mitia m'a téléphoné si je voulais aller à la datcha avec lui, mais je devais bouffer et n'ai pas pu. Vers 4h. 30 me suis rencontré avec Valia. Jusqu'à 6h. nous nous sommes baladés par la ville, comme d'habitude. Elle est fort sympa. Mais: drôle de truc. Quand je ne la connaissais pas et voulais la connaître, c'était plus agréable que quand j'ai fait sa connaissance. Quand je la vois de loin, mon plaisir est plus vrai que quand je suis près d'elle. Qu'est-ce que c'est que ce symbolisme? Car c'en est vraiment un. Quand le but est atteint, ce n'est plus marrant, le tout, c'était avant. Marrant! Peut-être cela vient-il de ce que quand je ne la connaissais pas, son image était parfaite à mes yeux, justement parce que je ne la connaissais pas et elle avait alors de la supériorité sur moi, par le fait qu'elle m'était inconnue. Or, maintenant, je la connais et nous sommes sur un pied d'égalité; son image s'est nivelée à sa personne même, c'est à dire je la connais, elle, mais son image est irrémédiablement perdue. Marrant, tout de même! Un peu le nimbe de l'incognito de fait, quoi, et maintenant, plus de mystère. Ça se peut. Mitia part le 30. Moi j'ai d'interminables querelles et discussions avec ma mère. Nous nous disons des mots désagréables, et c'est idiot. Ce que ce serait chouette de vivre seul. Mais je peux me sécher: des clous et de la peau. Tout ça, c'est fort emmerdant. Valia déteste l'accordéon et les chansons et danses «russes». Elle est Ukrianienne. On sait fort bien flirter. Mais, encore un coup: quand je ne la connaissais pas, c'était plus chic. Il est vrai que maintenant c'est chic que, tout de même, je me promène parfois avec une jeune fille — c'était miteux d'être tout seul, très miteux. Mais je pense que cette amitié finira avec son départ probable pour la campagne ou avec son entrée dans une nouvelle école (en automne). Hier ai écrit une lettre à Alia. Le général Deinz est, paraît-il, décidé à défendre Damas, par tous les moyens. Mais on le foutra tout de même au cul. Ai envie de bouffer. Ai lu un excellent livre de Carco «L'équipe». Je m'emmerde.

В Сирии английские и «французские свободные силы» атакуют Дамаск. Идут сильные бои по всему фронту. Французы Виши взяли Эль-Кунейтра и Мерджаюна, но английские королевские войска отвоевали эти пункты обратно. Мне кажется, что Дамаск и Бейрут скоро будут взяты. Вчера я ходил в кино с Валею. Мы болтали, смеялись, как обычно. Потом я пошел на футбол, а вечером видел Митю. Сегодня утром мне позвонил Митя, не хочу ли я вместе с ним поехать на дачу, но я должен был пожрать и не смог. Около 4^х с ½ встретился с Валею. До 6 ч. мы шатались по городу, болтая, как обычно. Она большая симпатяга. Но вот странная вещь: когда я ее не знал и хотел с ней познакомиться, это было приятнее, чем когда я с ней познакомился. Когда я ее вижу издалека, мое удовольствие сильнее, чем когда она рядом. Что это за символизм, потому что это именно так. Когда цель достигнута, уже не забавно, все было раньше забавно! Может быть, это оттого, что, не будучи с ней знаком, я составлял себе о ней представление абсолютного совершенства в моих глазах, как раз потому, что я ее не знал, и она тогда стояла выше меня, именно из-за того, что я ее не знал. А теперь, когда я ее знаю и мы с ней на равной ноге, ее образ снизился до ее личности, то есть ее я знаю, но образ ее безнадежно утерян. Странно все-таки. Нечто похожее на ауру неизвестности, инкогнито в общем, и теперь больше нет тайны. Возможно. Митя уезжает 30го. У меня постоянные и бесконечные ссоры с матерью. Мы говорим друг другу неприятности, и это глупо. Как было бы здорово жить отдельно: но нечего и надеяться, этого мне не видать как своих ушей. И все это тягомотина! Валя ненавидит гармошку и «русские» пляски. Она — украинка. Мы отлично флиртуем. Но вот еще странность: когда я с ней не был знаком, это выглядело шикарнее. Надо сказать, что теперь тоже здорово, что я время от времени гуляю с девушкой. Было хреново все время оставаться в одиночестве, очень хреново. Но я думаю, что эта дружба кончится с ее возможным отъездом в деревню или когда она поступит в другую школу, осенью. Вчера написал письмо Але. Генерал Дейнц, говорят, намерен защищать Дамаск всеми силами. Но его все-таки выпрут в ж.... Хочется пожрать. Прочел прекрасную книгу Карко «Команда». Как мне скучно!

21/VI-41

Ai écrit une grande lettre à Alia. Bouffe du chocolat lituanien et écoute de la musique de jazz de Londres – on entend très bien la nuit. 11h.10. Ai pris à la biblio un livre de Farrère (en l'honneur de Valia, quoi). Ai vu Mitia ce matin, qui est revenu de la datcha. Aujourd'hui, il fait un sale temps. De Londres, c'est un «jazz-gol» qu'on transmet: «Yes, my darling daughter». C'est assez sympa. En Syrie les Anglais avancent tout de même, malgré la résistance aux troupes fidèles à Vichy. Ai lu aujourd'hui dans le «Daily Worker» que Pablo Picasso est dans un camp de concentration en France. Au fond, ça rafraîchit un peu ce mauvais temps, mais c'est moche tout de même. L'émission de jazz est terminée. Aujourd'hui ai vendu un livre de Kozine – 5 roubles que j'ai aussitôt dépensés pour acheter du papier à lettre chic. Lundi va s'ouvrir près du Kouznetsky Most un magasin de Lettres Etrangères et j'espère pouvoir vendre là-bas des livres français, seul moyen d'avoir un peu de pèse, parce qu'avec ma mère ça ne chauffe pas fort – à l'Edition d'Etat on paye peu en ce moment, et on doit payer pour la chambre et tout et tout. Mais je compte fort sur le nouveau magasin pour vendre pas mal de livres. J'entends en ce moment une émission intéressante «situation économique en France».

Написал длинное письмо Але. Жру литовский шоколад и слушаю Лондонский джаз – ночью очень хорошо слышно. 11 ч. 10. Взял в библиотеке книгу Фаррера (ну да, в Валину честь). Сегодня утром видел Митю, он вернулся с дачи. Сегодня противная погода. Из Лондона идет «джаз-гол»: «Да, моя родная доченька». Довольно мило. В Сирии немцы все же продвигаются, несмотря на сопротивление войск, верных Виши. Прочитал сегодня в газете «Дэйли Уоркер», что Пабло Пикассо сидит в концентрационном лагере во Франции. В конце концов, плохая погода немного освежает воздух, но противно все же. Передача джаза кончилась. Сегодня продал книгу Козина за 5 рублей, которые тут же истратил, чтобы купить хорошую почтовую бумагу. В понедельник открывается у Кузнецкого моста магазин иностранных книг, и я надеюсь там продать французские книги, это единственная надежда достать немного денег, т.к. с матерью – не особенно, в Гос. издательстве сейчас мало платят, а мы должны за комнату и все такое. Но я

очень надеюсь на новый магазин, чтобы продать немало книг. Идет сейчас интересная передача об «экономическом положении во Франции».

23/VI-41

Hier, 22 juin 1941, à 12.15 du matin, le commissaire du peuple aux Affaires Etrangères Molotoff a pris la parole par radio pour annoncer qu'après que les troupes allemandes aient attaqué la frontière soviétique et les avions nazis aient attaqué et bombardé les villes de Kiev, Jitomir, Kaunas et Sébastopol, l'Allemagne a déclaré la guerre à l'URSS. Molotoff a qualifié cette agression de «sans précédent dans l'histoire des nations civilisées». Il a dit que l'URSS a loyalement observé le pacte germano-soviétique et que c'est l'Allemagne qui est l'agresseur, sans aucune provocation de la part de l'URSS. Molotoff a dit que c'était Hitler et sa clique fasciste qui ont déclenché la guerre contre l'URSS. Molotoff a appelé l'agression anti-soviétique de l'Allemagne «une monstruosité de perfidie» et la déclaration de Hitler «de la provocation et du mensonge». Molotoff a tracé un parallèle entre cette guerre et la guerre de Napoléon contre la Russie. Il a dit que ce n'était pas la 1ère fois que la Russie se battait contre l'ennemi extérieur. Molotoff a dit que ce n'était pas le peuple allemand qui a voulu la guerre, mais bien la clique nazie qui a déjà soumis à l'oppression les Français, Tchèques, Polonais, Serbes, etc. Molotoff a terminé son émouvant discours par les mots suivants: «Nous luttons pour une cause juste. L'ennemi sera battu. La victoire sera à nous». Aussitôt la radio de Moscou a averti la population des mesures de défense qu'elle devait prendre contre les bombardements. L'URSS est attaquée de trois côtés: de l'Allemagne, de la Roumanie et de la Finlande. Ainsi, ça y est. On a la guerre avec les Boches. Comme toujours les Allemands attaquent en traître, sans déclaration de guerre. Je crois que la guerre que les nazis mènent contre l'URSS – c'est le commencement de leur fin. Au moins on sait qui est l'ennemi. Maintenant les Boches attaquent et bombardent la République d'Ukraine Soviétique. Moscou, Léningrad, l'Ukraine, la République Karélo-Finnoise et bon nombre de territoires soviétiques sont déclarés zone des opérations militaires. Ainsi, je vis en zone militaire. Le tout c'est de bien organiser la défense passive. Déjà hier, il y a eu des queues devant les magasins de

Moscou. Le soir on va fixer une heure-limite où on peut rester dans la rue. Tout le pouvoir dans les zones militaires est aux mains des Soviets militaires et la justice est assurée par les tribunaux militaires. Le soir il faut allumer des lampes bleues et masquer les fenêtres. Ma radio s'est cassée. C'est fort emmerdant à cause des nouvelles. Ma mère parle de déménager d'ici parce qu'elle n'aura jamais 5000 roubles pour payer la chambre. Aujourd'hui elle verra Asséeff et nous parlerons de tout cela. Moi je triomphe J'ai toujours été anti-nazi et toujours dit que l'ennemi, c'est le IIIe Reich. Les événements m'ont donné raison. Le jour même de la déclaration de la guerre j'ai vu Valia. Nous nous sommes baladés en parlant de tout cela. Maintenant elle ne partira pas de Moscou. Elle dit que la guerre a du bon en ce qui concerne l'école: le nombre d'heures de travail, d'après elle, serait diminué. Nous continuons notre flirt. Nous avons été voir «le Chemin de la Vie», vieux film que j'ai vu quand j'avais six ans. C'est un bon film, mais assez miteux et on a beaucoup rigolé avec elle. Je lui ai donné à lire du Kirsanoff. Elle est fort gentille. Elle a eu la tbc il y a 4—5 ans, mais maintenant elle est complètement guérie. Elle a beaucoup d'esprit. Elle me plaît aujourd'hui. J'ai un tas de choses à faire. Je me suis levé tôt et il est 8 h. 30 du matin. D'abord je vais prendre une douche et me laver. Ensuite je vais voir la «Pravda» pour lire le communiqué militaire^{1°1} et le discours de Churchill (très grosse importance). Ensuite, il faut que je passe à la biblio et rende des livres. En outre je dois voir Mitia et tâcher de vendre des livres français pour avoir du pèse, sans que ma mère le sache, parce qu'elle ne le veut pas. Aujourd'hui doit s'ouvrir une boutique de livres étrangers où on doit acheter mes bouquins. Je continuerai mon récit plus tard.

Вчера, 22 июня, в 12.15 утра, Молотов, Народный Комиссар Иностранных Дел, произнес речь по радио, чтобы объявить, что после того, как немецкие войска напали на советскую границу и нацистские самолеты бомбили Киев, Житомир, Каунас и Севастополь, Германия объявила войну СССР. Молотов назвал эту агрессию «беспрецедентной в истории цивилизованных наций». Он сказал, что СССР честно соблюдал германо-советский договор и Германия повела нападение без какой-либо провокации со стороны СССР. Молотов сказал, что войну против СССР спровоцировали Гитлер и

его шайка. Молотов назвал немецкую антисоветскую агрессию нацистов «чудовищной подлостью», а декларацию войны «провокацией и ложью». Молотов провел параллель между этой войной и войной Наполеона против России. Он еще сказал, что Россия борется против внешнего врага не впервые. Молотов сказал, что немецкий народ хотел войны, а именно шайка нацистов, которые уже притесняют французов, чехов, поляков, сербов и т.д. Молотов закончил свою проникновенную речь следующими словами: «Мы боремся за правое дело. Враг будет свержен. Мы победим». По московскому радио сразу предупредили население о мерах защиты против бомбардировок, которые оно должно предпринять. СССР подвержен нападению с трех сторон: со стороны Германии, Румынии и Финляндии. Вот она и наступила, эта война против фрицев! Как всегда, немцы напали, как изменники, не объявив войну. Я думаю, что война, которую нацисты ведут против СССР, — это для них начало конца. Теперь, по крайней мере, известно, где враг. Теперь фрицы атакуют и бомбят Украинскую Советскую республику. Москва, Ленинград, Украина, Карело-Финская республика и большая часть советской территории объявлены зоной военных действий. Итак, я живу в зоне военных действий. Главное — хорошо организовать пассивную оборону. Уже вчера в Москве стояли очереди перед магазинами. Назначен вечерний час, до которого разрешается оставаться на улице. В военных зонах вся власть в руках военных Советов, и правосудие обеспечивают военные трибуналы. Вечером надо зажигать голубые лампы и завешивать окна. Мое радио сломалось, и это весьма хреново из-за новостей. Мать говорит о переезде отсюда, так как ей никогда не собрать необходимые 5000 рублей, чтобы заплатить за комнату. Сегодня она должна встретиться с Асеевым, и мы всё это с ним будем обсуждать. Я же торжествую: я всегда был антинацистом и всегда говорил, что III^й Рейх — враг. События показывают, что я был прав. В день объявления войны я виделся с Валею. Мы шлелись, говорили обо всем этом. Теперь она из Москвы не уедет. Она говорит, что война — плюс для школы: должны, говорит она, уменьшить количество часов учебы. Мы продолжаем наш флирт. Мы ходили смотреть «Путевку в жизнь», старый фильм, который я видел, когда мне было шесть лет. Хороший фильм, но довольно жалкий, мы с ней много хохотали. Я ей дал почитать Кирсанова. Она очень милая. У нее был ТБЦ года 4-5 назад, но теперь она совсем здорова. Она очень остроумна. Она мне нравится. Сегодня у меня масса дел. Я встал рано, сейчас 8.30 утра. Сначала я приму душ и посмотрю «Правду», чтобы

прочитать военное сообщение № 1 и речь Черчилля (очень-очень важно). Затем надо зайти в библиотеку отдать книги. Кроме того, я должен повидать Митю и постараться продать французские книги, чтобы иметь хоть какие-нибудь шиши, но мать не должна об этом знать, потому что она этого не хочет. Сегодня должен открыться магазин иностранных книг. Они должны у меня купить мои книги. Продолжу свой рассказ позднее.

26/VI-41

Les Allemands sont partout rejetés hors de la frontière. Ils ont réussi à s'infiltrer en Biélorussie et à prendre les villes de Brest-Litovsk et Lomja. Probablement ils veulent prendre Biélostock. Les combats à la frontière sont acharnés, excessivement sanglants et violents. D'après le communiqué soviétique, les troupes rouges ont fait 5000 Allemands prisonniers, ont mis hors de service 300 tanks; hier l'aviation soviétique a abattu 65 appareils ennemis, aujourd'hui – 61. C'est de Pologne, probablement que l'offensive est la plus acharnée. Le front des attaques allemandes s'étend de la mer Blanche à la mer Noire. La bataille fait rage sur toute la frontière. Il est à noter que les Allemands essuient des revers sur toute la frontière, sauf sur les points, en Biélorussie, où ils ont réussi à percer la frontière – et encore là-bas, ils ne sont pas en présence des forces principales, mais des troupes qui couvrent les villes prises. Churchill a parlé à la radio anglaise. Il a dit que jamais les Anglais ne pactiseront avec Hitler. Il a dit que c'est l'Allemagne qui a brutalement attaqué la Russie et violé le pacte germano-russe. Il a dit que la Russie se bat pour son indépendance et que la cause des Russes, c'est la cause des peuples libres. Churchill a offert toute son aide économique et technique à la Russie, si elle en avait besoin. Il a dit que la cause des nations civilisées de tout le monde était d'écraser la barbarie national-socialiste. Moscou aujourd'hui s'est couverte d'affiches anti-allemandes et patriotiques, contre la clique fasciste. Les journaux centraux publient des informations des pays occupés par l'Allemagne nazie qui montrent la barbarie fasciste. A Moscou on montre des films anti-nazis, interdits pendant la durée du pacte germano-soviétique et ressortis depuis la déclaration de la guerre. Moscou est littéralement placardé d'affiches qui appellent la population à aider la

Défense Nationale, Qui disent que la victoire sera à nous. Hier à trois heures du matin, une alerte aérienne a eu lieu à Moscou. Le matin nous avons appris que c'était une alerte d'exercice. En tous cas j'ai fort peu dormi la nuit. Il est arrivé une chose étrange: à 1 heure du matin – coup de téléphone. La femme de chambre des problocs se précipite et tape à la porte. C'est l'NKVD. Ma mère prend le récepteur – rien. Probablement on a raccroché. Ma mère maintenant est terriblement inquiète. Elle croit que papa est mort, qu'on va l'arrêter, elle, que l'on va nous expulser de Moscou, que sais-je. Je m'efforce de la tranquilliser. Elle n'arrive pas à voir Acéeff qui est constamment à la «Pravda» et c'est tragique car, dans deux mois, ou nous payons 5000 roubles aux problocs et vivons ici encore un an, ou bien nous déménageons... Où et comment? Il fait plutôt un sale temps qui change sans arrêt. Mitia continue ses examens. Ai téléphoné à Valia qui n'a pas bien dormi non plus, cette nuit là, elle non plus. Mais comme toujours elle est gaie et me plaît. Mitia maintenant ne fout pas le camp en Bachkirie et Valia reste probablement à Moscou. Tout de même, Valia et moi croyions que c'était un vrai bombardement l'autre nuit (nuit du 24). Et que signifie ce mystérieux coup de téléphone de l'NKVD? Ça n'a rien de bien rassurant, en tous cas. Aujourd'hui, je verrai Valia à 13 h. 30. Tout Moscou disait hier que les troupes Rouges avaient pris Varsovie et Koenigsberg – mais ce ne sont là probablement que des bruits. En tous cas on leur en donne aux Boches. Ma situation à moi et à ma mère est assez instable, pour tout dire: pas de pèse, on ne sait où on ira, des coups de téléphone mystérieux, tout cela n'a rien de bien brillant. Enfin, on verra. Je tâche de vivre le plus gaiement possible. Le plus emmerdant de tout cela est que Moulia avait reçu une permission de partir, pour voir Alia dans son camp de concentration – maintenant la guerre est déclarée, la province d'Arkhangelsk, où est Alia, est déclarée zone militaire et on ne peut quitter Moscou, zone militaire aussi. Enfin je verrai Valia, ça me distraira.

Немцы по всем границам переброшены обратно. Им удалось проникнуть в Белоруссию и взять города Брест-Литовск и Ломжу. Они, вероятно, хотят взять Белосток. На границах идут страшные бои, кровопролитные и жестокие. Согласно советскому сообщению, Красные Войска взяли в плен 5000 немцев, привели в негодность

300 танков. Вчера советская авиация сбила 65 вражеских самолетов, а сегодня 61. Видимо, самые сильные наступления происходят в Польше. Фронт немецких атак простирается от Белого до Черного моря. Идут жестокие бои по всей границе. Надо заметить, что немцам наносят сильные поражения по всей границе, кроме тех мест в Белоруссии, где им удалось через границу прорваться, — и даже там они не встречают главные силы, а только те, что перекрывают занятые города. Черчилль выступал по английскому радио. Он сказал, что никогда англичане не подпишут соглашения с Гитлером. Он сказал, что именно Германия внезапно напала на Россию и нарушила германо-русское соглашение. Он сказал, что Россия воюет за свою независимость и что дело русских есть дело свободных народов. Черчилль предложил любую экономическую и техническую помощь России, если таковая понадобится. Он сказал, что дело всех цивилизованных наций мира разбить силы варварского национал-социализма. Москва сегодня покрылась антинемецкими и патриотическими плакатами против фашистской шайки. Центральные газеты публикуют информации, относящиеся к оккупированным нацистской Германией странам, в которых показывается фашистское варварство. В Москве показывают антинацистские фильмы, запрещенные во времена германо-советского соглашения и теперь, с объявления войны, снова вытасценные. Москва буквально покрыта афишами, призывающими население к помощи Народной Обороне, в которых сказано, что мы победим. Вчера в три часа ночи воздушная тревога в Москве. Утром мы узнали, что это было упражнение. Во всяком случае, я в ту ночь очень мало спал. Случилась странная вещь: в час ночи телефонный звонок. Няня хозяев кинулась к телефону, стучит к нам в дверь: НКВД. Мать берет трубку — никого. Видимо, повесили трубку. Теперь мать страшно беспокоится, она думает, что папа умер, что ее арестуют, что нас вышлют из Москвы и Бог знает что. Я пытаюсь ее успокоить. Она никак не может поймать Асеева, который торчит в «Правде», а это для нас трагично, т.к. через два месяца или мы платим 5000 рублей хозяевам и живем здесь еще год, или мы выезжаем... как и куда? Стоит какая-то противная и переменчивая погода. Митя продолжает обследоваться. Позвонил Вале, которая в эту ночь тоже плохо спала. Но она, как всегда, веселая и мне нравится. Митя теперь в Башкирию не едет, и Валя, видимо, остается в Москве. А все же в ту ночь мы с Валею думали, что это настоящая бомбардировка (в ночь на 24). И что означает этот странный вызов по телефону из НКВД? Все это не особенно

утешительно. Сегодня встречаю Валу в 1 ч. 30. Вся Москва вчера гудела о том, что Красные Войска взяли Варшаву и Кенигсберг, — но это, вероятно, только слухи. Во всяком случае, немчура получает по носу. Ситуация наша с матерью довольно-таки беспокойная: денег никаких, куда мы поедим — неизвестно, странные телефонные звонки, все это не блестяще. Что ж, увидим. Я стараюсь жить веселее, чем когда-либо. Самое неприятное во всем этом то, что Муля получил разрешение ехать на свиданье с Алей в лагерь — а теперь, с объявлением войны, Архангельская область, где находится Аля, считается военной зоной, и выехать из Москвы тоже нельзя — п.ч. это тоже военная зона. Ладно, повидею Валу, это меня развлечет.

25/VI-41

D'après le communiqué du B.S.I. (Bureau Soviétique d'Information), il ressort qu'une grande bataille acharnée se livre en ce moment en Biélorussie occidentale et en Lithuanie. On se bat pour les villes de Grodno, Kaunas et Vilno (capitale de la Lithuanie). L'offensive allemande de la Finlande n'a pas de succès. Du reste sur tous les Fronts l'offensive allemande est brisée (sauf là où on a réussi la percée en Biélorussie dont je parlais hier). Le front des attaques allemandes est très étendu. Le combat est vraiment acharné et très sanglant. L'aviation soviétique a perdu 300 avions en trois jours, et l'aviation allemande 380. Roosevelt a déclaré que l'Amérique aiderait la Russie par tous les moyens possibles et imaginables et il a levé le sequestre sur les fonds soviétiques aux Etats Unis. Les avions allemands ont bombardé les villes de Libava, Kiev et Kaunas. En réponse à ce bombardement, les avions soviétiques, par trois fois ont bombardé Dantzig, Koenigsberg et Varsovie. Chaque jour les journaux soviétiques consacrent une rubrique spéciale aux horreurs de l'occupation allemande en Europe et sur la ruine qu'apporte «l'ordre nouveau» aux français, tchèques, hollandais etc., etc., Probablement, ma mère et moi déménageons bientôt. En effet, avec la déclaration de la guerre, la possibilité pour ma mère d'éditer un livre de traductions est perdue. En ce moment, elle traduit en vitesse des vers anti-allemands qui inondent le marché littéraire maintenant. Et avec cela, elle ne peut payer 5000 roubles pour l'année prochaine à vivre ici. Aujourd'hui à 7 heures, viendra nous chercher Jaropolk qui nous conduira chez sa sœur

qui avait, il y a quelque temps une chambre à louer. Cette chambre est fort petite — 8 mètres, mais les gens qui habitent l'appartement aiment beaucoup ma mère (d'après l'affirmation de celle-ci) et pourront prendre chez eux une partie de nos bagages. Il se peut que cette chambre soit déjà louée — Jaropolk n'en sait rien. En tout cas, ce soir, on verra. Moi aussi j'appuie le projet de partir. En tous cas on n'a pas les 5000 roubles pour payer et les voisins sont des salauds, capables de la pire vilénie à notre égard, lequel facteur n'est pas à négliger en ces temps-ci. Mieux vaut vivre dans une chambre plus petite et sans téléphone et sans gaz que de rester ici, dans une atmosphère d'indifférence de la part des probloques et de haine de la part des voisins. En tout cas, à propos de cette chambre, on verra ce soir. Ai réussi à rafistoler la radio. Lis «Les Caves du Vatican» d'A.Gide. Ai prêté à Valia «Les Raisins de la colère» de J.Steinbeck. On verra ce soir avec la chambre.

Согласно сообщению Совинформбюро, идут большие и ожесточенные бои в Западной Белоруссии и Литве. Воюют за города: Гродно, Каунас и Вильну (столицу Литвы). Немецкое наступление на Финляндию безуспешно. Впрочем, на всех фронтах немецкое наступление остановлено (кроме тех мест Белоруссии, о которых я говорил вчера). Немецкий фронт наступления очень растянут. Бои действительно ожесточенные и кровопролитные. За три дня советская авиация потеряла 360 самолетов, а немецкая 380. Рузвельт объявил, что Америка будет помогать России всем, чем только можно, и он снял секвестр на советские деньги в США. Немецкие самолеты бомбили следующие города: Либава, Киев и Каунас. В ответ на эти бомбардировки советские самолеты трижды бомбили Данциг, Кенигсберг и Варшаву. Советские газеты ежедневно посвящают специальную полосу ужасам немецкой оккупации в Европе и разорениям, связанным с «Новым порядком» для французов, чехов, голландцев и т.д. и т.д. Вероятно, мы с матерью скоро переедем. В самом деле, с объявлением войны возможность для матери напечатать книгу переводов исчезает. В данный момент она спешно переводит антинемецкие стихи, которые теперь наводняют литературный рынок. К тому же, она не может внести те 5000 рублей за жилье на будущий год. Сегодня в 7 часов за нами придет Ярополк и поведет нас к своей сестре, у которой была не так давно свободная комната. Комната очень ма-

ленькая, всего 8 метров, но жители квартиры очень ценят мать (так она утверждает) и смогут взять к себе часть нашего багажа. Возможно, что комната уже сдана, Ярополк об этом ничего не знает. Во всяком случае, сегодня вечером увидим. Я тоже поддерживаю проект переезда. Во всяком случае, у нас нет 5000, чтобы заплатить, соседи подлецы, способные сделать нам настоящую гадость, а в теперешнее время этот факт тоже нельзя не принимать во внимание. Лучше жить в комнате, которая меньше размером и без телефона и без газа, чем оставаться здесь, в обстановке равнодушия со стороны хозяев и ненависти со стороны соседей. Во всяком случае, насчет этой комнаты увидим сегодня вечером. Мне удалось подправить радио. Читаю «Подземелья Ватикана» А.Жида. Дал Вале почитать «Гроздь гнева» Стейнбека. Увидим сегодня вечером насчет комнаты.

27/VI-41

Le communiqué du BSI d'hier dit que des groupes de tanks isolés ennemis sont parvenus dans la région de Vilno (cap. de la Lithuanie). L'armée rouge est arrivée à couper les groupes de tanks allemands de leurs forces de fantassins. L'armée roumaine opère, de concert avec les troupes du IIIe Reich. Les troupes soviétiques ont repris Peremychl, et toutes les attaques des troupes nazies en Moldavie et Ukraine sont arrêtées et brisées. L'aviation soviétique porte des coups excessivement forts à l'aviation allemande. En effet, d'après le B.S.I. l'aviation allemande a perdu avant-hier 74 appareils, tandis que les Rouges n'ont perdu que 17 avions. En tout cas, on peut fort bien voir que les Allemands sont aux prises à d'énormes difficultés. L'armée Rouge ce n'est pas l'armée de France et les troupes soviétiques font voir aux Allemands les perspectives qui les attendent. Les combats à la frontière sont intenses et acharnés, mais je crois pour ma part, que les Allemands essuient des échecs. L'aviation soviétique a bombardé et incendié le port roumain de Constanza. Les journaux de la capitale expliquent la nouvelle guerre de Hitler comme une suite de l'échec des plans stratégiques de l'Etat-major allemand. «Le fascisme se jette d'aventure en aventure» — c'est ainsi que parle la «Pravda». La «Pravda» écrit que la guerre de Hitler contre l'Union soviétique est sa dernière guerre, et qui portera au Reich le coup décisif. Le fascisme voulait, après la capitulation de la France, porter un

coup décisif à l'Angleterre; il a échoué parce que l'Angleterre, assistée de l'aide américaine a brisé l'attaque aérienne nazie, l'Allemagne voulait couper les communications de l'Angleterre avec l'Amérique – elle a échoué, et les bateaux de guerre «Bismarck» «Charnhorst» et «Gueiseman» sont là pour témoigner de l'échec maritime allemand. En Afrique, l'armée du général Rommel est depuis un bon bout de temps arrêtée, à la frontière égyptienne et ne peut rien faire, n'ayant même pas pris Tobrouk. L'opération de Crète est une opération isolée. Ne sachant où donner de la tête, et voyant ses plans stratégiques échoués, Hitler se jette dans une nouvelle aventure, cette fois contre l'URSS. Cette aventure sera sa dernière guerre, qui se terminera par l'écrasement final de l'Allemagne nazie et du fascisme. Dans la guerre contre l'URSS «Hitler trouvera sa tombe – c'est sa dernière guerre». Voilà le ton général des journaux soviétique. Avec la chambre dont je parlais plus haut, ça a claqué: elle est trop petite, et puis il n'y aura personne dans l'appartement, et ma mère aura peur, etc., etc. Pour le moment, je ne vois qu'une issue, si on ne trouve pas 5000 roubles pour payer le probloc: tâcher de s'arranger pour le payer au mois et non à l'année. Je ne vois pas du tout où et comment nous déménagerions en ces temps-ci. Hier, ai vu Mitia qui a transmis 40 roubles à sa mère qui est toujours à la prison des «Bouteilles». Aujourd'hui ma mère ira à cette prison et transmettra de l'argent à papa, s'il est encore là-bas. S'il est là-bas et qu'on accepte l'argent, alors je ne m'explique plus du tout le coup de téléphone nocturne provenant de l'NKVD. Ai lu «les Caves du Vatican» – c'est fort plaisant et il y a des endroits très bien. Hier on a été de garde dans la cour de la maison pendant 6 heures, de 6 heures du soir à minuit. Je veillais à ce que toutes les lumières fussent soigneusement masquées et, en cas d'alerte aérienne, je devais prévenir les habitants de l'entrée, à laquelle je stationnais. Aujourd'hui donc, j'irai chercher le livre de Montherlant «Les Jeunes filles» que j'avais commandé à la bibliothèque. Il pleut aujourd'hui. Je ne finis pas ce journal: plus tard j'écrirai au sujet du communiqué du BSI d'aujourd'hui, que je n'ai pas encore lu. 7 h. 30 du soir. Le communiqué du BSI d'aujourd'hui dit que l'Armée Rouge se bat contre les forces de tanks ennemis qui se sont infiltrées dans la direction de Minsk (cap. de la Biélorussie). Dans ce secteur, la bataille continue. Chaque jour les Allemands tentent de traverser la rivière Prut en Ukraine Occidentale, mais

tous leurs efforts en ce sens sont immanquablement brisés et les troupes allemandes rejetées sur l'autre rive du Prut. Mitia s'étonne qu'il n'y ait pas de nouvelles sur la situation du front en Lithuanie: il croit qu'on a pris Vilno et Kaunas. Du reste il est assez pessimiste et prétend que nos communiqués sont assez vagues» Il dit que les Allemands ont lancé contre nous 12.000.000 d'hommes, tandis que les Rouges ont 5.000.000 d'hommes. Pour ma part, je crois que pour le moment, il n'y a pas eu de coups décisifs. Si l'on porte un regard sur la carte, l'on verra que les troupes du Reich ne s'avancent sérieusement qu'en Biélorussie. Du reste j'ai l'intime et ferme conviction qu'ils se feront battre par l'Armée Rouge. Il se peut que les Allemands, s'ils ne réussissent pas à porter un coup décisif à l'Armée Rouge, dans un laps de temps court seront réduits à mener une guerre de position, ce qui est mauvais pour eux, car tous leurs espoirs reposent sur une guerre menée à bonne fin, et l'attaque brutale le prouve. Pour ma part je crois que les Allemands ne réussiront pas à obtenir des succès décisifs en URSS et seront obligés de mener une guerre de position. Leur offensive sera arrêtée et ils n'arriveront pas à prendre ni Léningrad ni Moscou et seront réduits à geler en hiver. Au fond leur offensive n'a pas l'air de comporter de bien brillants succès: en Ukraine ils sont tout le temps rejetés hors de la frontière et je ne vois pas très bien ce qu'une offensive en Biélorussie peut avoir de décisif. L'aviation soviétique a bombardé la capitale de la Roumanie, Bucarest et le port de Constanza. Les journaux soviétiques parlent de ce que les troupes allemandes sont démoralisées. On le serait à moins! Il me semble, pour ma part, que les Allemands préparent une offensive sur le front finnois, car l'absence d'opérations militaires dans la région de la frontière soviéto-finlandaise est fort suspecte. En effet, les bases allemandes sont tout près de Léningrad et, pourtant, pas de bombardements de Léningrad, pas d'offensive sur la frontière – rien! Peut-être qu'une offensive de grande envergure se prépare dans cette région, d'une importance stratégique énorme (à cause de Léningrad). La Turquie et l'Iran ont proclamé leur indépendance dans le conflit germano-soviétique. Vraiment, pour ce qui est de moi, j'attends une offensive nazie venant de Finlande inférieure sur la ville de Léningrad. Je ne vois pas pourquoi les Allemands ont commencé leur offensive par la Biélorussie et la Lithuanie au lieu de marcher sur Léningrad.

Вчерашнее сообщение Совинформбюро гласит, что изолированные группы неприятельских танков проникли в район Вильно (столицы Литвы). Красной Армии удалось отрезать группы немецких танков от их пехотных сил. Румынская армия действует согласно с силами Третьего рейха. Советские войска отвоевали Перемышль, и все нападения фашистских войск в Молдавии и Украине отбиты и сломлены. Советская авиация наносит сильнейшие удары немецкой авиации. Действительно, согласно сообщению Совинформбюро, немецкая авиация потеряла позавчера 74 самолета, а Красные только 17. Во всяком случае, ясно, что немцам приходится весьма трудно. Красная Армия это не армия Франции, и советские войска ясно показывают немцам, какие перспективы их ждут. Бои на границе очень жестокие и сильные, но я лично думаю, что немцы терпят поражения. Советская авиация бомбардировала и сожгла румынский порт Констанцу. Столичные газеты объясняют новую гитлеровскую войну как последствие неудачи стратегических планов германского Генерального штаба. «Фашизм бросается из одной авантюры в другую», — пишут в «Правде». В ней еще говорится, что гитлеровская война против Советского Союза будет для него последней, которая нанесет Третьему рейху решительный удар. После капитуляции Франции фашисты хотели нанести решительный удар Англии, это им не удалось, потому что Англия, с помощью Америки, сломала воздушное нацистское наступление. Германия хотела отрезать Англию от Америки, ей это не удалось, и военные суда «Бисмарк», «Шарнхорст» и «Гейземан» — живое свидетельство немецкой морской неудачи. В Африке войско генерала Роммеля уже некоторое время остановлено на египетской границе и ничего не может сделать, потому что даже не смогло взять Тобрук. Критская операция единичная. Не зная, что теперь делать, и видя неудачу своих стратегических планов, Гитлер бросается в новую авантюру, на сей раз против Советского Союза. Это будет его последней войной, которая кончится окончательным поражением нацистской Германии и фашизма. В войне против СССР Гитлер обретет свою могилу. Эта война для него последняя. Вот общий тон советских газет. С комнатой, о которой я говорил выше, дело лопнуло: она слишком маленькая, кроме того, в квартире никого не будет, мать будет бояться и т.д., и т.д. В данный момент я вижу только один выход: если мы не найдем 5000, чтобы заплатить хозяину, надо с ним договориться, чтобы платить ежемесячно, а не за год. Я абсолютно не представляю себе, куда мы могли бы переехать теперь. Вчера видел Митю, который передал 40 руб-

лей для матери: она все еще находится в тюрьме в «Бутылках». Сегодня мать придет в эту тюрьму и передаст деньги для папы, если он все еще там. Если он там и деньги примут, тогда я абсолютно не могу понять историю с ночным телефонным звонком из НКВД. Прочел «Подземелья Ватикана», это очень приятная книга и есть хорошие места. Вчера дежурил во дворе нашего дома 6 часов: с 6 вечера до полуночи. Я следил за тем, чтобы все огни были тщательно замаскированы и в случае воздушной тревоги должен был предупредить всех жителей того подъезда, где я дежурил. Сегодня, значит, пойду за книгой Монтерлана «Молодые девушки», которую заказывал в библиотеке. Сегодня идет дождь. Сейчас не кончаю дневник; позже напишу о сегодняшнем сообщении Совинформбюро, которое я еще не читал. 7 ч. 10 вечера. В сегодняшнем сообщении Совинформбюро говорится о том, что Красная Армия борется с вражескими танками, которые проникли в направлении Минска (столицы Белоруссии). В этом районе бои продолжаются. Немцы каждый день стараются перейти реку Прут, в Западной Украине, но все их усилия в этом направлении венчаются неудачей, и их перебрасывают на другую сторону реки. Митя удивляется, что нет вестей о Литовском фронте: он думает, что Вильна и Каунас взяты. Он к тому же большой пессимист и считает, что наши сообщения довольно расплывчаты. Он говорит, что немцы бросили против нас 12 000 000 людей, тогда как у красных только 5 000 000. Что до меня, то мне кажется, что до сих пор не было решающего удара. Если посмотреть на карту, видно, что войска Рейха продвигаются по-настоящему только в Белоруссии. К тому же я совершенно и абсолютно уверен, что Красная Армия их разгромит. Возможно, что если немцам не удастся нанести решающий удар Красной Армии в кратчайший срок, им придется вести позиционную войну, а это для них скверно, так как вся их надежда покоится на быстрой и успешной войне, их внезапное нападение это доказывает. Я лично думаю, что немцам не удастся добиться решающих успехов в СССР и им придется вести позиционную войну. Их наступление будет приостановлено, они не смогут взять ни Ленинград, ни Москву, и им придется мерзнуть зимой. В сущности, их наступление как будто пока не венчается значительными успехами: на Украине их все время перебрасывают через границу, и я не представляю себе, какое решающее значение может иметь наступление в Белоруссии. Советская авиация бомбардировала столицу Румынии, Бухарест, и порт Констанцу. Советские газеты пишут о том, что немецкие войска падают духом. Еще бы! Мне же лично кажется, что немцы готовят наступление на Финском фронте, так как отсутствие

военных действий в районе советско-финской границы весьма подозрительно. И действительно, все немецкие базы находятся почти под Ленинградом, однако нет ни бомбардировок Ленинграда, ни наступления на границе. Ничего! Может быть, серьезное и широкое наступление готовится в этом районе, стратегическое значение которого огромное (из-за Ленинграда). Турция и Иран объявили о своей непричастности к германо-советскому конфликту. По правде говоря, я лично жду нацистского наступления на Ленинград из нижней части Финляндии. Я не совсем понимаю, почему немцы начали свое наступление с Белоруссии и Литвы, вместо того, чтобы идти на Ленинград.

Ce même jour

Ça y est — encore de veille — cette fois-ci de 6h. à 9h. du matin. C'est assez emmerdant mais rien à faire, il le faut. En rentrant chez moi, il y a une bande d'imbéciles qui, à travers le lift, m'ont craché au visage. Au fond, de facto, je m'en fous, mais pour moi c'est symbolique — cela signifie ma petitesse dans ma vie présente, ma non-existence pratique, puisque je ne peux répondre à la bassesse de ces salauds-là. Pour moi, encore un coup, c'est symbolique. Les salauds! Mais je sais que viendra un temps où personne ne me fera rien et où ceux qui tenteront de me nuire payeront au centuple. Je me payerai le luxe de faire souffrir à mon tour. Vaut mieux être au fond de l'impuissance et de l'abjection à seize ans, n'est-ce pas? Viendra un temps où je vivrai de telle façon, que personne ne pourra rien me faire. Et cela je le sais. Je patiente et j'attends. Mais ma force est ma volonté intelligente et mon intelligence volontaire.

Тот же день

Ну вот. Опять дежурство, на этот раз, с 6 до 9 утра. Довольно хреново, но ничего не поделаешь, это надо. Когда я возвращался к себе, какая-то шайка дураков мне плюнула в лицо, через дверь лифта. В глубине, фактически, мне наплевать, но для меня это символично, это доказывает мою малозначительность в настоящей жизни, мое практическое не-существование, раз я не могу ответить на низость этих сволочей. Для меня, повторяю, это символично. Сволочи! Но я знаю, что наступит время, когда никто против меня ничего не сможет и те, кто попытается мне повредить, заплатят за это сторицею. Я себе позволю роскошь в свою очередь заставить других по-

страдать. Лучше находиться на дне глубокой бездны и беспомощным в шестнадцать лет, не правда ли? Придет время, и я стану жить так, что никто против меня ничего не сможет сделать. Это я знаю. Я терплю и жду. Сила моя в моей умной воле и в моем вольном уме.

28/VI-41

Le gros événement de la journée est que nous avons trois mois pour foutre le camp de la chambre où nous habitons en ce moment. En effet aujourd'hui, la probloque s'est ramenée et a dit à ma mère que nous devons envoyer une demande au comité de maison, à propos de ce que nous foutons le camp et nous avons trois mois pour foutre le camp et trouver une chambre où habiter. Du joli, n'est-ce pas! En pleine guerre, on nous fout dehors? Heureusement que nous avons 3 mois devant nous. Mais je ne perds pas le nord. Immédiatement nous avons pris les mesures qu'on pouvait prendre: nous avons frappé haut – peut-être en résultera-t-il quelque chose? Nous avons téléphoné à Ilya Ehrenbourg, mais personne ne répondait, il n'y avait personne à son appartement. Bon. Nous avons téléphoné à Acéeff, demain nous parlerons au téléphone avec lui, il sera là à midi. Je considère que la situation pour nous est si grave que nous devons chercher de l'aide auprès des deux types les plus «haut» placés pour le moment: Ehrenbourg et Acéeff. Il se peut fort bien qu'Ehrenbourg ne soit pas là – en tournée au front ou quelque chose comme cela – ou qu'Acéeff ne puisse rien faire pour nous. Mais au moins nous saurons si ces deux types-là ne peuvent rien faire, que nous les avons consultés à propos de notre situation et nous pourrons alors consulter les autres amis et connaissances. En tout cas, boum! comme disait Charles Trénet. Cet événement est de première importance. Cela signifie que 1e nous ne vivons pas ici, nous vivons je ne sais où, en tout cas dans un autre quartier. Lequel? 2e j'irai à l'école, la n-ème école! ma sixième école en deux ans! Cela change tout. Formidable. Dès que je commence à m'habituer à quelque chose, à des gens, à un paysage... ça y est, je suis obligé de changer toute mon existence et tout change. Mon existence: de Charybde en Scylla. C'est peut-être très intéressant, mais très peu confortable. Mon idéal n'est pas du tout une existence paisible et bourgeoise, mais je considère que tant que mon existence n'est pas indépendante et dépend d'autrui, pendant que je vais à l'école, elle devrait au moins garder

un semblant de stabilité — simplement par dignité, par pudeur — quoi. Mais non! Cette existence se conduit de façon revêche et capricieuse. Cela pourrait être varié, fantaisiste et folâtre — cela est, dans les conditions données, simplement emmerdant. Ces hauts, bas, changements et bonds à volte-face brisent tout le *modus vivendi*. Amitiés, connaissances, confortables habitudes sont foutues au diable. Surtout l'école a de l'importance. C'est par l'école qu'on se fait des amis et connaissances; on commence à s'habituer, à discerner les gens, etc., etc., et tout d'un coup, tout va au diable. Amis, connaissances, habitudes vont au diable. Et il faut s'habituer à nouveau, tout est neuf, il faut comprendre les gens à nouveau, tout est neuf. Cela a son côté bien: on change d'air, quoi, et puis, plus on voit de gens et phénomènes divers, plus on réfléchit et devient intelligent. Au fond c'est assez miteux, ce cosmopolitisme moscovite. Genre «je fais Moscou, quoi». C'est vaseux, mais c'est tout de même assez chic: j'ai beaucoup vu la France et j'ai beaucoup vu à Moscou. Mais tout cela manque diablement de confort et surtout, les déménagements en temps de guerre ... Pas fameux pour tout dire. Ai achevé de lire un livre excellent «Les Jeunes Filles» d'H.de Monterlant. Montherlant est maître psychologue. Le communiqué d'aujourd'hui dit que les troupes soviétiques continuent avec combats le mouvement de repli en Biélorussie et Lithuanie (Biélorussie: direction Baranovitchi, Lithanie, direction Vilno). En Ukraine, les attaques des Allemands sur Loutsk et Lvov sont brisées net. Bucarest bombardée, et le gouvernement roumain a quitté la capitale. Un bravo pour les aviateurs soviétiques! Les troupes soviétiques ont forcé le Danube. On leur en met, aux Allemands. Ça y est, Kroutchenykh est venu et a téléphoné à Ehrenbourg et l'a trouvé chez lui et maman parle avec Ehrenbourg. Coup de veine! Kroutchenykh a eu la main heureuse! Enfin, on verra. Aujourd'hui suis de veille de 9 à 12 (du soir). Maman ira demain chez Ehrenbourg à 6 heures du soir. Un bon point! Même si rien ne sortira de cette rencontre, du moins on aura tenté quelque chose. Je ne me fais, du reste, aucune illusion. On verra. Il se peut que je devrai aider avec la construction d'un abri contre les bombardements, dans la cave de la maison. Ai vu Mitia et me suis promené avec lui. Me suis longtemps promené et bavardé avec lui dans Moscou. Ai vendu pour 10 roubles de livres français: butin assez maigre, du reste, mais enfin. Ai rencontré Kira, qu'on n'a pas encore

engagé dans l'armée. Il est fermement convaincu que la guerre sera une guerre de position, pour affamer l'Allemagne. Cela se rejoint avec mon opinion sur la guerre. La mission anglaise est arrivée à Moscou. Ce serait chic si on voyait «le Dictateur» avec Charlot. Enfin je crois que le haut commandement Soviétique élaborera un plan militaire, de concert avec la Grande Bretagne et l'Amérique et, dans un an environ, tombera sur l'Allemagne et qu'en hiver il n'y aura plus d'opérations décisives, pas plus que maintenant d'ailleurs. Ce n'est pas pour rien que la mission militaire anglaise est venue ici. J'espère bien qu'ils élaboreront un plan de collaboration militaire contre les nazis. Kira est sûr que les Allemands se feront foutre cette fois-ci, moi aussi, je suis enclin à croire à la guerre de position et que, pour le moment, il n'y aura rien de bien décisif.

Сегодня главное событие это то, что нам дают три месяца, чтобы убраться из комнаты, где мы сейчас живем. Сегодня явилась хозяйка и сказала матери, что мы должны послать прошение в домком о том, что мы убираемся вон и что нам дается три месяца, чтобы убраться и найти комнату для жилья. Хорошо, а! В разгар войны нас выпирают на улицу. Хорошо еще, что дали три месяца. Но я не теряюсь. Мы сразу приняли возможные меры: мы метили очень высоко, может быть, что-нибудь и получится? Мы позвонили Илье Эренбургу, но никто не брал трубку, в его квартире никого не было. Ну что ж. Позвонили Асееву. Завтра будем с ним говорить по телефону, он будет в двенадцать. Я считаю, что положение у нас настолько серьезное, что мы должны искать помощи у двух сейчас самых «высокопоставленных» людей. В данный момент это Эренбург и Асеев. Очень возможно, что Эренбурга нет, что он где-нибудь в командировке на фронте, или что-нибудь в этом роде, или что Асеев ничего не может для нас сделать. Но, по крайней мере, мы узнаем, что если эти двое ничего не могут для нас сделать, мы с ними совстовались по поводу нашего положения и тогда будем советоваться с другими знакомыми и друзьями. Во всяком случае! бац, как цел Шарль Трене. Это первостепенное событие, оно означает, что 1) мы будем жить не здесь, мы будем жить неизвестно где, во всяком случае, в другом районе. В каком? 2) Я буду ходить в школу, энную школу! Это будет для меня шестая школа за два года. Это меняет все дело. Хорошо! А! Как только я начинаю к чему-нибудь привыкать, к людям, к обстановке... так, бац! — мне приходится менять

всю жизнь, и все меняется. Что такое моя жизнь? Из Харибды в Сциллу. Это, может быть, очень интересно, но очень неудобно. Мой идеал вовсе не заключается в том, чтобы жизнь была спокойная и буржуазная, но я считаю, что пока у меня нет самостоятельной жизни, пока я завишу от других, пока я хожу в школу, жизнь могла бы быть минимально стабильной, просто из чувства достоинства, стыда или еще чего. Так нет! Это существование ведет себя неприятно и капризно. Могло бы быть переменчиво, фантастично и даже весело. А в данных условиях это просто тягомотина. То плюсы, то минусы, прыжки и повороты, все это ломает весь «модус вивенди». Дружба, знакомые, удобные привычки — все летит к черту. А главное — школа. Ведь именно через школу завязываются отношения и знакомства, начинаешь привыкать распознавать людей и т.д. и т.д. и т.д. И вот вдруг все летит на х... Друзья, знакомые, привычки, все летит к черту. И надо заново ко всему привыкать. Все ново, надо заново учиться понимать людей, все ново. Это имеет и свои хорошие стороны: ведь меняешь обстановку и чем больше видишь новых людей и явлений, тем больше думаешь и умнееешь. В сущности, довольно жалок этот московский космополитизм. Вроде «я изучаю Москву до корки». Это жалко, но все же здорово: я много видел Францию и много видел Москву. Но это все до черта неудобно, а главное, переезды в военное время... Одним словом, довольно-таки ужасно! Кончил читать прекрасную книгу «Молодые девушки» А. де Монтерлана. Монтерлан большой психолог. В сегодняшнем сообщении говорится о том, что советские войска продолжают бои с отступлением в Белоруссии и Литве (в Белоруссии в направлении Барановичей, в Литве в направлении Вильны). На Украине немецкие нападения на Луцк и Львов пресекли сразу. Бухарест под бомбами, и румынское правительство покинуло столицу. Можно поздравить советских летчиков. Советские войска пересекли Дунай. Ну и достается же немцам! Наконец Крученых пришел и позвонил Эренбургу. Он его застал, и мама говорит с Эренбургом. Вот удача! Крученых повезло. Ну, посмотрим, что будет. Сегодня я дежурю с 9 до 12 (вечера). Мама завтра пойдет к Эренбургу в 6 часов вечера. Это плюс. Даже если ничего и не выйдет из этой встречи, по крайней мере, мы что-то попытались сделать. Я, кстати, не питаю никаких иллюзий. Посмотрим! Возможно, мне придется помогать в сооружении бомбоубежища в подвале нашего дома. Видел Митю и гулял с ним. Мы долго гуляли вместе по Москве и болтали. Продал на 10 рублей французских книг, довольно малая прибыль, впрочем. Ну что ж! Встретил Киру, который еще не взят в армию. Он абсо-

любно уверен, что война будет позиционной, чтобы заморить Германию голодом. Это и мое мнение о войне. Английская миссия прибыла в Москву. Хорошо бы посмотреть «Диктатора» с Чаплиным. Ну, я думаю, что высшее советское командование составит военный план вместе с Великобританией и Америкой и, вероятно, через год нападет на Германию, а что зимой не будет решающих операций, так же, как и теперь, кстати. Недаром прибыла сюда английская миссия — я очень надеюсь, что они выработают план совместных военных действий против нацистов. Кира уверен, что немцы на этот раз потерпят жестокое поражение. Я склонен думать, что будет позиционная война и что пока ничего решающего не произойдет.

29/VI-41

Aujourd'hui ma mère a vu Ehrenbourg. Son entrevue avec lui n'a pas donné de résultats décisifs. Ehrenbourg dit que pour le moment, tout le monde est tellement occupé par la situation militaire qu'avant trois semaines on ne saura rien voir ni faire à propos de la chambre. Il dit que la guerre occupe formidablement tous les esprits et qu'on ne peut parler de rien avant trois semaines — quand on verra de quoi il retourne, en fait de situation militaire. Ehrenbourg dit que les Allemands ont déclaré une offensive d'une intensité colossale. Il dit que la guerre est terriblement acharnée et que seulement quand son intensité aura diminué, qu'on se sera habitué à elle, qu'on pourra parler de la chambre. Bien sûr il y a du vrai dans ce qu'il dit. En effet, le moment est plutôt mal choisi de chercher une chambre à Moscou — la guerre bat son plein, le combat est féroce et indécis, personne ne sait rien et ne vit que par les communiqués militaires. Attendre. Attendons. Après tout nous avons trois mois pour trouver où loger. Aujourd'hui ai rendu notre poste de radio à la poste — on doit donner tous les postes de radio à l'Etat qui les gardera pendant toute la durée de la guerre. Mais je parie que je perdrai la quittance et nous ne le verrons plus. Aujourd'hui de 5h.45 à 8h.30 ai travaillé à la chambre de chauffe. On transforme une partie de cette chambre de chauffe en abri anti-bombes. Je travaillais à la chaîne: on passait des briques. Le travail est mécanique et pas dif. 10 h. 15 du soir. Je suis fatigué. Le travail était sale, mais j'ai compris que la saleté n'était pas dans la boue et l'humidité, mais que la vraie saleté est celle des gens. Par exemple ces gens-là — nos problocs qui n'hésitent pas en pleine

période de guerre à nous foutre dehors. Ma mère a toujours été très gentille avec eux, de cela ils s'en foutent. Ils ont pondu des enfants et maintenant qu'ils sont tous rassemblés, tas d'imbéciles, il leur faut de la place et ils n'hésitent pas à nous chasser. Tout cela apprend beaucoup. Cela apprend à haïr les bourgeois égoïstes et sales, avec leur nombreuse, imbécile et idiote progéniture, avec leur bêtise et leur indifférence, leurs peurs et leurs lâchetés et surtout leur laideur. Les ouvriers sont cent fois mieux que les bourgeois, en URSS. Ce que je sais, c'est que mon esprit restera, pour toujours marqué de la haine des «méchtchanés», haine féroce et lucide. Aujourd'hui ai vu Mitia qui se consume de désirs impuissants de livres; Il n'a pas de pèse. Tâcherai de vendre des livres pour lui acheter un livre que je convoite: «Regards sur le monde actuel», de Paul Valéry. Ai lu un livre excellent de Montherlant «Les Jeunes Filles». C'est vraiment très bien et très réaliste et humain. Avons mangé avec Mitia environ un kilo de cerises sans les laver. Probablement que Mitia ira à l'IFLI — où aller autrement? Pour lui c'est tout un problème. Tout le monde décrie l'IFLI à tous crins... Mais où aller? Irène est revenue de Vladivostok. Mitia m'a appris que Vilno est pris par les Allemands — d'après ce que lui en a dit Irène. Différence entre Mitia et moi — fondamentale: il réfléchit beaucoup moins que moi, voit beaucoup moins que moi, ose beaucoup moins que moi et a le sens critique bien moins développé que chez moi. Faudra téléphoner à Valia, il y a longtemps que je ne lui ai téléphoné. Une bataille acharnée se déroule en Ukraine, direction Lvoff et Loutsk. Bataille de tanks formidable. En Biélorussie et Lithuanie, les troupes Rouges effectuent leur mouvement de repli, tout en donnant de féroces combats d'arrière-garde, où ils font de nombreux prisonniers allemands. En Lithanie les soldats allemands prisonniers étaient ivres. C'est curieux je n'ai pas du tout envie de voir Valia. Avons reçu une lettre d'Alia. 10h.30. Bientôt me coucherai. En tous les sens, j'espère malgré tout. Tout ira bien.

Сегодня мать видела Эренбурга. Встреча с ним не дала решительных результатов. Эренбург говорит, что в данный момент все столь озабочены военным положением, что раньше чем через три недели ничего нельзя предвидеть и предпринять насчет комнаты. Он говорит, что война занимает абсолютно все мысли и что ни о чем нельзя говорить раньше чем через три недели — когда

и все станет военное положение. Эренбург говорит, что немцы предприняли огромное наступление, что война очень серьезная, и только когда спадет ее накал, когда к войне привыкнут, можно будет говорить о комнате. Конечно, в том, что он говорит, есть доля правды. Действительно, время совсем не подходящее, чтобы искать комнату в Москве. Война в полном разгаре, бои ожесточенные и конец не ясен, никто ничего не знает и живет одними военными сообщениями. Ждать? Будем ждать. В конце концов, у нас три месяца, чтобы найти жилье. Сегодня я сдал наш приемник на почту — все приемники надо сдавать государству, которое будет их хранить в течение всей войны. Но я держу пари, что потеряю квитанцию, и мы его больше не увидим. Сегодня с 5.45 до 8.30 я работал в кочегарке. Часть кочегарки перестраивают в бомбоубежище. Я работал конвейером: передавали друг другу кирпичи. Работа механическая и нетрудная. Сейчас 10.15 вечера. Я устал. Работа была грязная, но я понял, что грязно было не от пыли и сырости, настоящая грязь идет от людей. Например, вот эти люди, наши хозяева: они, не задумываясь, в самый разгар военного времени нас выпирают на улицу. Мать всегда с ними была очень любезна, но на это им начихать. Они народили детей и теперь, когда все в сборе, идиоты, им нужна площадь, и они, не задумываясь, нас выгоняют. От всего этого многому учишься. Учишься ненавидеть буржуев, эгоистов-буржуев, грязнуль с их дурацкой многочисленной и кретинской малышней, их идиотизм, их безразличие, их страхи и подлости и главное — их уродство. Рабочие в СССР в сто раз лучше буржуев. То, что я твердо знаю, это что мой дух останется навечно отмеченным ненавистью к мещанам, жестокой и трезвой ненавистью. Сегодня видел Митю, который сгорает от неутоленного желания книг — у него нет бабок. Попробую продать книг, чтобы купить у него книгу, которую очень хочу иметь: «Взгляды на современный мир» Поля Валери. Прочел прекрасную книгу Монтерлана «Молодые девушки» — очень хорошо, с большим реализмом и человечностью. Мы с Митей съели приблизительно килограмм вишен, не помыв их. Видимо, Митя поступит в ИФЛИ, а куда еще деваться? Для него это целая проблема. Все страшно критикуют ИФЛИ, а куда поступать? Ирина вернулась из Владивостока. Митя мне объявил, что Вильна взята немцами — так ему сказала Ирина. Существенная разница между Митей и мной в том, что Митя гораздо меньше думает, чем я, видит меньше, чем я, гораздо менее смел, чем я, у него гораздо меньше, чем у меня, критического ума. Надо будет позвонить Вале. Я давно ей не зво-

нил. На Украине идут жестокие бои в направлении Львова и Луцка. Ужасные танковые бои. В Белоруссии и в Литве красные отступают, ведя страшные арьергардные бои и забирая много немецких пленных. В Литве немецкие пленные были совсем пьяные. Странно, мне совсем не хочется видеть Валю. Получили письмо от Али. 10.30. Скоро пойду спать. Не теряю надежду, во всех смыслах, несмотря ни на что. Все будет благополучно.

1/VII-41

Résumons les derniers communiqués du B.S.I. Le gros événement est une nouvelle offensive allemande tout le long de la frontière soviéto-finlandaise. Les attaques allemandes sont particulièrement violentes, en direction de Mourmansk et Vyborg. Ainsi un nouveau front est créé. Le combat est très violent dans cette région: nord-ouest de la frontière gouvernementale. Du reste, il paraît que toutes ces attaques allemandes le long de la frontière soviéto-finlandaise sont brisées et refoulées par les troupes rouges. Là où l'offensive allemande est la plus dangereuse, c'est pour le moment, en Biélorussie et en Lithanie. En Biélorussie les troupes nazies avancent en direction de Baranovitchi et Minsk (capitale de la République Soviétique de Biélorussie). Je suis enclin à croire que ces villes seront prises malgré la résistance des troupes Rouges, beaucoup moins nombreuses que les troupes allemandes dans cette région. En Lithuanie, après avoir pris Vilno et Kaunas, les troupes du Reich attaquent en direction de la rivière Dvina — Ils veulent probablement passer en Lettonie et marcher sur Riga, cap. de cette République. Dans les autres secteurs de la frontière, les attaques allemandes sont brisées. Aujourd'hui les problocs — sacrés salauds — nous ont signifié d'avoir à quitter la chambre vers le 1 août. Mais où aller? Kroutchenykh dit qu'il ne faut pas s'adresser à Acéeff qui ne pourra rien faire en ce sens. Kroutchenykh va s'adresser à un écrivain nommé Gretch qu'il dit compétent en la matière. Lui-même (Kroutchenykh) va probablement partir à Saratov — histoire de laisser passer le temps, à savoir que la zone militaire est néfaste à la santé. Il se peut que Kroutchenykh nous fasse trouver quelque chose. D'autre part un avocat de nos amis, Barsky, va peut-être nous trouver quelque chose. Aujourd'hui ai vu Mitia qui m'a refilé un livre de Valéry «Regards sur le monde actuel». Ma mère ne veut

pas que je voie Mitia à cause des temps politiquement dangereux, et que nous ressemblons à des étrangers. Mais je veux le voir tout de même et nous nous verrons, sans que ma mère le sache. Ai vu Valla – aussi gaie et sympa que d'ordinaire. Lui téléphonerai demain ou après-demain. La plus grande question est celle de la chambre et du déménagement, et de l'éventualité d'une évacuation civile de Moscou, et de l'école, et où nous habiterons. Chaque jour maintenant, suis de veille sur le toit de 6 heures du matin à midi.

Вот суммарно последние сведения Совинформбюро. Главное событие – новое немецкое наступление вдоль всей советско-финской границы. Немецкая атака особенно сильна в направлении Мурманска и Выборга. Вот и создан новый фронт. Бой очень сильный в этом районе: на северо-запад от государственной границы. Впрочем, говорят, что всем наступлениям немцев вдоль советско-финской границы дается резкий отпор красными войсками. В данный момент самое опасное немецкое наступление в Белоруссии и Литве. В Белоруссии нацистские войска продвигаются в сторону Барановичей и Минска (столицы Советской Белорусской республики). Я склонен думать, что города эти будут взяты, несмотря на сопротивление красных войск, которые в этом районе гораздо менее многочисленны, чем немецкие войска. В Литве, после взятия Вильны и Каунаса, войска Рейха наступают в направлении реки Двины – они, вероятно, хотят проникнуть в Латвию и наступать на Ригу, столицу этой республики. В других пограничных зонах немецкое наступление остановлено. Сегодня хозяева – настоящие сволочи – нас уведомили, что мы должны покинуть комнату около 1 августа. А куда деваться? Крученых говорит, что не следует обращаться к Ассеву, который в этом смысле ничего не сможет сделать. Крученых обратится к одному писателю, по фамилии Греч, который, говорит он, в этой области сведущ. Сам он (Крученых), вероятно, уедет в Саратов, чтобы дать пройти некоторому времени, так как военная зона якобы вредна для здоровья. Может быть, благодаря Крученых мы что-нибудь и найдем. С другой стороны, один наш знакомый – адвокат Барский, может быть, что-нибудь для нас найдет. Сегодня видел Митю, который мне дал книгу Валери «Взляды на современный мир». Мать не хочет, чтобы я с Митей встречался из-за опасности политической обстановки – мы слишком похожи на иностранцев, но я все-таки хочу его видеть и буду с ним встре-

чаться, но чтобы мать об этом не знала. Видел Валю. Она такая же веселая и симпатичная, как обычно. Позвоню ей завтра или послезавтра. Главный вопрос — вопрос комнаты, переезда и возможной эвакуации из Москвы гражданского населения, и школы, и где мы будем жить. Теперь я каждый день дежурю на крыше с 6 утра до полудня.

2/VII-41

Notre situation devient franchement inquiétante. Le plan de Kroutchenykh a avorté. La chambre qu'on nous proposait était de 10 m. et pleine d'effets du type qui la louait et qui partait pour le front. Ainsi cette possibilité est foutue. Moulia a vu ma mère et lui a dit qu'il nous faut tout laisser et partir de Moscou. De partout nous recevons des avis contradictoires: partir ou ne pas partir de Moscou? Kroutchenykh part à Saratoff. Il se peut fort bien qu'on me mobilise et qu'on m'envoie travailler dans un kolkhoz. Pour nous la situation est critique. Moi, je suis partisan résolu du plan suivant: à tout prix trouver une chambre convenable à Moscou et être parti dans cette chambre au 1er août. Pourquoi? Parce que si l'on évacue la population civile de Moscou (selon les bruits qui circulent) on aura *d'où partir*. Tandis que, admettons que nous nous fassions évacuer de cette chambre-là. Que deviendront les affaires, bagages, etc.? Et puis on ne peut tout miser sur l'éventualité d'une évacuation ou d'événements extraordinaires arrivant avant le 1er août. Il y a un fait: nous avons à quitter la chambre au 1er août. Partir pour la campagne, mais où, comment? Moi je suis partisan acharné de la chambre à Moscou. Au moins on aura une base durable et, si on nous évacue, nous laisserons les affaires dans cette chambre que nous trouverons. Tous nos efforts, à ma mère et à moi doivent tendre à trouver cette chambre. Ne pas écouter les racontars et chercher la chambre et la trouver, voilà ce qu'il faut faire. Les nouvelles du front ne sont pas fameuses, pour tout dire. En Ukraine les troupes soviétiques effectuent leur mouvement de repli systématique, ont évacué Lvoff. En direction de Mourmansk, les troupes du Reich avancent malgré la résistance acharnée et les contre-attaques des forces soviétiques, inférieures en nombre. En Lithuanie les troupes du Reich tentent de forcer la Dvina, probablement que les opérations de Lithuanie et de la frontière soviéto-finlandaise

poursuivent le but d'encercler Léninegrad: en effet, le fait que les Allemands dirigent leur offensive sur la Dvina montre qu'ils veulent passer en Lettonie, de là en Estonie, et alors ils se trouveront à portée de canon de Léninegrad. Or, les troupes du Reich ont amorcé une très sérieuse offensive sur Kegsgolm, à la frontière soviéto-finlandaise. Si on regarde sur la carte, on voit que Kegsgolm ne se trouve pas loin ni de Vyborg ni de Léninegrad. Koegsgolm et Vyborg se trouvent au nord de Léninegrad (nord-est), et les pays baltiques au sud-est. Le plan allemand d'encercllement de Léninegrad est clair. Quant à l'offensive allemande de Biélorussie et à celle de l'Ukraine, on ne peut encore rien dire de bien décisif, bien qu'il me semble que les Allemands vont en direction de Moscou. La question se pose ainsi: l'Armée Rouge saura-t-elle arrêter les Allemands en se déployant à temps: Il me semble qu'on peut expliquer les succès allemands en ce moment par l'effet de surprise et l'initiative qu'ils ont pris d'attaquer les premiers, ce qui n'a pas permis à l'Armée Rouge de se déployer à temps. D'autre part, les Allemands ont une excellente expérience de la guerre moderne, tandis que les Rouges n'ont eu affaire qu'à la Finlande. Aujourd'hui ai vu Mitia. Il est réformé. Avons roulé en tram avec lui et il a été au commissariat militaire et à l'hôpital. Maintenant, suis chaque jour de veille de six h. du matin à midi, sur le toit. C'est assez emmerdant. On m'a inscrit dans une brigade de pompiers – moi, pompier! Qui aurait jamais cru? Du reste, je fais un pompier miteux. L'humour ne me quitte pas. Il faut trouver une chambre, absolument. 9h.30. Je me quitte (couche). Demain – téléphonerai à Valia et tâcherai de vendre tous les livres que je pourrai. Valia dit qu'aucune bombe ne me tuera: elle rebondirait sur moi. Marrant. Mais pas trop – un vrai bombardement doit être affreux. Me couche.

Наше положение становится действительно тревожным. План Крученых лопнул: комната, которую нам предлагали, была в 10 метров и заполнена вещами дядьки, который ее сдавал и уходил на фронт. Теперь эта возможность летит к черту. Муля видел мать и сказал ей, что надо все бросать и уезжать из Москвы. Отовсюду получаем противоречивые мнения: уезжать или не уезжать из Москвы? Крученых едет в Саратов. Очень возможно, что меня мобилизуют и погонят работать в колхоз. Для нас положение довольно

критическое. Я твердо считаю, что надо держаться следующего плана: во что бы то ни стало найти подходящую комнату в Москве и переехать в эту комнату к 1 августа. Почему? Потому что если гражданское население будет эвакуироваться из Москвы (такие сейчас ходят слухи), у нас будет *откуда уезжать*. Тогда как, допустим, нас эвакуируют из этой комнаты — что станет с нашими вещами, багажом и т.д.? К тому же невозможно делать всю ставку на возможную эвакуацию, на необычайные события до 1 августа. Один факт ясен: мы должны покинуть комнату к 1^{му} августа. Уезжать в деревню? Но куда? Как? Я решительный сторонник комнаты в Москве. По крайней мере, у нас будет постоянная база, и если мы будем эвакуированы, мы оставим вещи в той комнате, которую мы найдем. Все наши усилия, мои и матери, должны быть устремлены к цели найти комнату. Не слушать общих разговоров, искать комнату и найти ее. Вот что надо делать. Новости с фронта не очень хорошие, честно говоря. На Украине советские войска продолжают систематическое отступление и оставили Львов. В направлении Мурманска войска Рейха продвигаются вперед, несмотря на жестокое сопротивление и контратаки уступающих им в численности советских сил. В Литве войска Рейха пытаются пересечь Двину. По всей видимости, операции в Литве и на советско-финской границе имеют целью окружить Ленинград: действительно, тот факт, что немцы направляют свое наступление на Двину, показывает, что они хотят проникнуть в Латвию, оттуда в Эстонию и тогда они будут находиться на расстоянии пушечного выстрела от Ленинграда. А войска Рейха предприняли серьезное наступление на Кегсгольм, на советско-финской границе. Если посмотреть на карту, то видно, что Кегсгольм находится недалеко и от Выборга и от Ленинграда. Кегсгольм и Выборг находятся на север от Ленинграда (северо-восток), а балтийские страны на юго-востоке. Немецкий план окружения Ленинграда ясен. Что касается наступления в Белоруссии и на Украине, ничего такого решающего еще нельзя сказать, хотя мне кажется, что немцы держат направление на Москву. Вопрос ставится следующим образом: сумеет ли Красная Армия остановить немцев, вовремя развернувшись? Мне кажется, что можно объяснить немецкие успехи в данный момент неожиданностью их атаки и тем, что они решили наступать первыми, что не позволило Красной Армии вовремя развернуться. С другой стороны, у немцев богатый опыт современной войны, тогда как красные воевали только в Финляндии. Сегодня видел Митю. Он освобожден. Ехали вместе на трамвае, он был в военкомате и в госпитале. Те-

перь я дежурю каждый день, с шести утра до двенадцати, на крыше. Это довольно паршиво. Меня записали в бригаду пожарников. Я – пожарный! Кто бы подумал. Кстати, я пожарный никудашний. Меня не оставляет чувство юмора. Надо найти комнату, обязательно. 9.30. Бросаю (себя). Иду спать. Завтра позвоню Вале и постараюсь продать все книги, которые смогу. Валя говорит, что меня никакая бомба не убьет: отскочит! Забавно! Да не очень. Настоящая бомбардировка – это, должно быть, ужасно. Ложусь спать.

3/VII-41

7 h. 40 du matin. Aujourd'hui il va faire une chaleur du diable. Me suis présenté à 6h. pour veiller sur le toit, mais le patron a dit que le jour, pour le moment, on ne veillera plus sur le toit. Serai probablement obligé de veiller le soir ou la nuit. Ma mère a le projet de mettre le plus possible de malles chez les amis et connaissances, et de cette façon, notre déménagement (déménagement où?) serait considérablement allégé. Ce plan est assez intelligent – prendre avec nous seulement le strict nécessaire, et le reste – chez des amis. Encore faut-il que ces amis et connaissances acceptent de prendre chacun une malle ou deux. Aujourd'hui, ma mère verra l'avocat Simon Issaakovitch Barsky. Il se peut qu'il nous aide à trouver quelque chose. S'il ne peut rien faire, il faudra s'adresser à nouveau au «Litfond» Aujourd'hui Staline a parlé à la radio. Je l'ai entendu mais pas très bien, parce que c'était le «trou» des voisins qui parlait. Il va falloir que je lise le texte de sa déclaration dans le journal de ce matin. Aujourd'hui vais vendre le plus possible de mes livres (dois 2 roubles à Mitia pour Valéry). Dois téléphoner à Valia et à Mitia, dois lire le journal et savoir quand je serai de veille. Mais le principal, c'est de trouver une chambre. Il y a deux jours, en raison de la situation extraordinaire, le C.C. du parti communiste, le gouvernement soviétique et le Soviet des Commissaires du Peuple ont créé le Comité d'Etat de Défense (C.E.D.). Le chef du CED est Staline. Au fond, ce CED c'est un ministère restreint. Le CED assume tout le pouvoir législatif et exécutif et la population est tenue d'obéir à tous les décrets de ce comité. Tout le pouvoir est entre les mains du CED. Le tout c'est de trouver une chambre, avoir une base et déménager au plus vite.

7.40 утра. Сегодня будет адская жара. Явился в 6 ч., чтобы дежурить на крыше, но начальник сказал, что пока, днем, на крыше дежурить не будем. Видимо, придется дежурить вечером или ночью. Мать решила поставить возможно большее количество сундуков к друзьям и знакомым, и, таким образом, наш переезд (переезд куда?) будет значительно облегчен. План довольно разумный: взять с собой только самое необходимое, а остальное оставить у друзей. Еще надо, чтобы эти знакомые и друзья согласились каждый взять один сундук или два. Сегодня мать должна встретить Семена Исааковича Барского. Возможно, он нам поможет что-нибудь найти. Если он ничего не может сделать, надо будет снова обратиться в Литфонд. Сегодня Сталин говорил по радио. Я слышал, но плохо, т.к. говорилось в «дыре» соседей. Надо будет прочесть текст его речи в утренней газете. Сегодня я должен продать как можно больше своих книг (должен Мите 2 рубля за Валери). Должен позвонить Вале и Мите, должен прочесть газету и узнать, когда буду дежурным. Но главное — найти комнату. Два дня назад, ввиду чрезвычайного положения, ЦК Коммунистической партии, Советское правительство и Совет Комиссаров создали Комитет Обороны Государства. Глава КОГ — Сталин. В сущности, этот комитет является малым министерством. Комитет берет в свои руки всю законодательную и исполнительную власть; население подчиняется всем декретам этого Комитета. Вся власть находится в руках Комитета. Но главное — найти комнату, иметь основу и как можно скорее переехать.

4/VII-41

Hier à 2 h. du matin il y a eu une alerte aérienne qui a duré 1 h. 20 min. C'est la 2e alerte aérienne de Moscou. Du reste il n'y a pas eu de bombardement. Hier et aujourd'hui il fait une chaleur tropicale. Hier avons été avec ma mère chez Barsky, l'avocat. Il a donné à ma mère le téléphone de la femme d'un de ses amis, qui part en service commandé et laisse 2 chambres rue Granovsky au 3e étage. Ma mère doit téléphoner à cette femme aujourd'hui pour savoir les conditions de location, la question de l'enregistrement par le comité de maison et la question des bagages. Les locataires permettront-ils que nous emménagions avec tous nos bagages et se trouvera-t-il de la place

dans les chambres pour ces bagages? Le problème de la chambre serait-il résolu aujourd'hui ou demain? Ce serait bien, si la combine avec ces chambres rue Granovsky réussissait. La rue Granovsky se trouve dans le centre de la ville, près du Kremlin et de la bibliothèque Lénine, à côté du métro «Arbatskaya» et de tous les tramways imaginaires. Il se peut que cette possibilité—là avorte — très possible, après tout (soit à cause des bagages: pas de place pour eux car il laissent les meubles, soit à cause de l'enregistrement. Qui sait pourquoi et quelles difficultés peuvent surgir?). Mais beaucoup de personnes nous disent que cela ne manquera pas de chambres à louer à Moscou, étant donné que beaucoup de gens partiront ou sont déjà partis au front. Mais plus vite nous trouverons où vivre, plus vite nous déménagerons — mieux cela vaudra de tous les côtés. L'air est torride. J'ai l'impression qu'un vague d'orage se prépare. Ce que ce serait bien si cette histoire de chambre, rue Granovsky, pouvait réussir! Ce qui est vraiment emmerdant, c'est qu'on n'achète pas de livres maintenant, et je n'ai absolument pas de fric. Le gros événement ou plutôt ce qui ressort du dernier communiqué du BSI c'est que les troupes allemandes ont forcé la Dvina en Lettonie. Des combats acharnés se déroulent sur la Bérézina, en Biélorussie. Du reste ces communiqués sont assez imprécis, et c'est compréhensible, car on ne connaît pas encore le résultat des batailles acharnées qui se déroulent en Biélorussie et en Ukraine. En Biélorussie les troupes allemandes vont sur Minsk qu'ils tentent d'encercler. En Ukraine l'offensive allemande se développe sur Rovno et Tarnopol. Partout ces combats sont acharnés et les troupes soviétiques contre-attaquent constamment. La presse anglaise et américaine loue les qualités de courage des soldats soviétiques. Les écrivains Jules Romains, Feuchtwanger et Th.Mann en Amérique, Wells en Angleterre ont signifié leur sympathie pour le peuple russe en guerre pour sa liberté et celle du monde, contre les bestiaux sanguinaires du national socialisme allemand. Sur tout le front la bataille fait rage. Les fantassins, tanks, avions, artillerie soviétiques résistent avec acharnement aux attaques des vagues motorisées nazies. Il paraît que les pertes allemandes en nombre et en matériel sont terribles. Ce qui est intéressant c'est de savoir si les Allemands pourront mener leurs opérations de façon à occuper Léninegrad. Je crois que leur objectif en Lettonie est Riga — grand port et capitale de la république s.s.de Lettonie.

Des combats terribles se déroulent sur la rive droite de la Dvina (Jacobstadt). D'après le discours de Staline, en 8 jours, les Allemands ont occupé la Biélorussie occidentale, une partie de la Lettonie, la Lithanie et une partie de l'Ukraine occidentale. Staline a dit que les Allemands ont pu obtenir ces succès parce qu'ils ont attaqué l'URSS les premiers et qu'ils ont jeté toutes leurs forces dans l'offensive sur la Russie, tandis que les armées rouges n'ont pas eu le temps de se déployer et le gros des armées rouges n'est pas encore entré en contact avec les troupes nassies. Staline a dit que Hitler serait battu tout comme ont été battus Napoléon et Guillaume II et qu'il n'y a pas d'armée invincible. Hier ai vu Valia. Me suis baladé avec elle, bavardant beaucoup et riant. Ai vu Mitia hier et aujourd'hui. L'air est de plomb et le tonnerre se fait entendre. 5h.30 du soir. J'attends avec impatience ma mère à cause de la nature des nouvelles qu'elle apportera à propos de la chambre rue Granovsky. Mitia aussi écrit un journal. Vaches de coups de tonnerre. Plus vite on déménagera, mieux ça vaudra.

Вчера в 2 часа ночи была воздушная тревога, кот. длилась 1.20 минут. Это 2ая воздушная тревога в Москве. Да и бомбардировки не было. Вчера и сегодня тропическая жара. Вчера мы были с матерью у адвоката Барского. Он дал матери телефон жены одного его знакомого, который уезжает в командировку и оставляет 2 комнаты на улице Грановского на 3^м этаже. Мать должна позвонить этой женщине сегодня, чтобы узнать какие условия сдачи комнаты, вопрос прописки в домкоме и проблема багажа — согласятся ли квартиранты, чтобы мы въехали со всем нашим багажом и найдется ли место для этого багажа в комнатах. Неужели проблема комнаты может решиться сегодня или завтра? Как было бы здорово, если бы план комнат на улице Грановского удался. Улица Грановского находится в центре города, рядом с Кремлем, с Библиотекой Ленина, со станцией метро «Арбатская», и от нее идут всевозможные трамваи. Вполне может быть, что эта возможность лопнет — очень возможно, в конце концов (либо из-за багажа: нет места для него, т.к. они оставляют свою мебель, либо из-за прописки. Кто знает, почему и какие трудности могут возникнуть?). Но многие нам говорят, что будет сдаваться много комнат в Москве, т.к. многие пойдут или уже ушли на фронт. Но чем скорее мы найдем, где жить, чем скорее мы переедем, тем лучше будет во

всех отношениях. Воздух совершенно накален. Кажется, будет сильная гроза. Как было бы хорошо, если бы эта история с коммитами на улице Грановского удалась. Весьма паршиво то, что сейчас никто не покупает книг, а у меня решительно нет бабок. Главное событие, или то, что можно понять из последнего сообщения Совинформбюро, это что немецкие войска в Латвии пробивлись на другой берег Двины. Жестокие бои сейчас происходят на Березине, в Белоруссии. Кстати, сообщения постоянно неточные, и это понятно, так как еще не известны результаты жесточайших боев в Белоруссии и на Украине. В Белоруссии немецкие войска идут на Минск, который они пытаются окружить. На Украине немецкое наступление разворачивается в направлении Ровно и Тернополя. Повсюду идут сильнейшие бои, и советские войска постоянно контратакуют. Английская и американская пресса хвалят смелость советских солдат. Писатели – Жюль Ромен, Фейхтвангер и Т.Мани в Америке, Уэллс в Англии выразили свое сочувствие русскому народу, воюющему за свою свободу и свободу всего мира, против кровожадных зверей немецкого национал-социализма. По всему фронту битва жестокая. Пехота, танки, самолеты, артиллерия советов сопротивляются с большой силой против нападений моторизованных немецких волн. Говорят, что немецкие потери, как в людях, так и материальные, – ужасающи. Интересно, смогут ли немцы провести свою операцию так, чтобы взять Ленинград? Я думаю, что в Латвии их цель – Рига, большой порт и столица Латвии. Ужасные бои развернулись по правому берегу Двины (Яковштадт). Из речи Сталина выходит, что за 8 дней немцы заняли Западную Белоруссию, часть Латвии, Литву и часть Западной Украины. Сталин сказал, что немцам удалось добиться такого успеха благодаря тому, что они первые напали на СССР и бросили все свои силы на наступление в России, тогда как Красная Армия не успела развернуться и большая часть красных войск еще не вступила в бой с войском нацистов. Сталин сказал, что Гитлер будет разбит так же, как были разбиты Наполеон и Вильгельм Второй, и что не существует непобедимой армии. Вчера видел Валю. Много гуляли вместе, болтали, шутили. Видел Митю вчера и сегодня. Воздух страшно накалился, и слышится гром. 8.30 вечера. С нетерпением жду мать из-за сути новостей, которые она принесет, насчет комнаты на улице Грановского. Митя тоже ведет дневник. Страшные раскаты грома. Чем скорее мы переедем, тем лучше.

6 h. 30 du soir. les deux chambre de la rue Granovsky avaient avorté hier matin, le probloc nous ayant téléphoné que le comité de maison avait refusé de nous enregistrer dans ces chambres, pour des raisons techniques et bureaucratiques. Il existe de ces comités de maison qui font tout le temps les difficiles. Le matin d'aujourd'hui, tôt, Barsky nous téléphone: nouvelle occasion de chambre. Nous nous rendîmes à l'adresse donnée: c'est un appartement de 3 chambres qu'occupait un docteur qui part pour l'Oural. Il laisse là-bas ses meubles et certaines affaires, mais il y aura de la place pour nos bagages. La sœur de sa femme disposera des affaires restant dans la maison (en ce sens qu'il faudra déplacer des meubles, etc. pour faire de la place pour nos affaires). L'appartement est assez miteux (pas de gaz) On y accède par 2 cours assez sales où pend du linge. Mais là n'est pas l'important: le tout c'est d'emménager le plus vite possible, de s'installer de façon potable, de s'arranger comme on peut. Encore on ne sait si la milice nous enregistrera là-bas. De la part du comité de maison il n'y a pas d'opposition. Le tout c'est d'emménager. On laissera nos livres ici, et puis quand le train de vie s'installera, alors on verra où il y a de la place pour mettre ces livres. Il ne faudra pas, par exemple que la sœur de la femme du probloc soit sous notre nez tout le temps. Le probloc a signé un papelard où il est dit que la sœur a le droit de disposer de toutes les affaires, fort nombreuses dans l'appartement. Ce qu'il ne faudrait pas, c'est d'avoir des difficultés avec elle, en ce qui concerne le déplacement des meubles et affaires du mari de sa sœur. On sera seuls dans l'appartement. On recevra le journal (et même plusieurs journaux). Il y a le téléphone. Il faudra chercher où l'on vend du pétrole (pour le réchaud à pétrole). Il ne faudra pas que, sous prétexte de contrôler les fameuses affaires, la sœur du probloc se ramène tout le temps et nous gêne. Mais je ne crois pas que cela arrivera. Demain nous devons prendre un document au comité de maison que nous sommes inscrits ici, ma mère devra obtenir de l'Edition d'Etat une demande au comité de maison qu'on nous laisse emménager; tout cela on le portera au comité de maison de là-bas. Le déménagement sera très difficile: comment trouver un moyen de transport? Enfin on verra. Il faudra savoir où acheter du pétrole, où il y a un abri contre les bombardements. La maison est assez vaseuse, mais le quartier est bien, près de la place

Pouchkine, de la rue Gorki, de la place Maïakovski, le centre enfin. Le plus dur reste à faire: trouver un moyen de transport, emménager, s'installer là-bas et commencer la vie normale. Mais pourvu qu'il y ait où vivre, le reste s'arrangera. Ai vu Mitia avant-hier et aujourd'hui. Ai vu son livret militaire: inapte au S.M. Cause: T.B.C. Il a reçu son passeport – pour 5 ans comme moi. L'irritant c'est qu'à Moscou en ce moment, c'est plein de livres formidables et personne ne les achète parce que personne n'a d'argent. Nous errons avec Mitia et nous voyons des tas de livres qu'il nous faudrait acheter, mais voilà: pas d'argent, pas de Suisse! C'est fort irritant. Nous en râtons. Nous nous promenons souvent ensemble par la ville. Tâcherai de voir Valia aujourd'hui pour lui dire que je déménage et que je ne pourrai la voir pendant environ, combien? de jours. Combien nous faudra-t-il de jours pour trouver les moyens de transport, emménager, s'installer normalement? Après tout, peut-être, après tant de misère, vivra-t-on pas trop mal là-bas? Le quartier est bien. Enfin, on verra.

6.30 вечера. История с комнатами на улице Грановского лопнула вчера утром, хозяин нам позвонил, что домком отказался нас прописать в этих двух комнатах по техническим и бюрократическим причинам. Есть домкомы, которые постоянно создают трудности. Сегодня рано утром позвонил Барский: новая возможность комнаты. Мы поехали по данному адресу: это квартира в 3 комнаты, ее занимал врач, который едет на Урал. Он оставляет за собой мебель и кое-какие вещи, но будет место для нашего багажа. Сестра его жены разберется с остающимися в доме вещами (в том смысле, что надо будет переставить мебель и т.д.), чтобы освободить место для наших вещей. Квартира довольно паршивая (без газа). Надо проходить двумя дворами, довольно грязными, где сохнет белье. Но это не столь важно. Главное – переехать как можно скорее, более или менее сносно устроиться, освоиться как можем. А еще, мы даже не знаем, согласится ли милиция нас там прописать. Со стороны домкома возражений нет. Первое дело – переехать. Книжки оставим здесь, а когда жизнь войдет в колею, тогда увидим, есть ли место, чтобы поставить книжки. Желательно, например, чтобы сестра жены хозяина не торчала все время у нас под носом. Хозяин подписал бумажку, в которой сказано, что сестра имеет право распоряжаться всеми вещами (а их в квартире очень много). Будет не-

приятно, если возникнут с ней трудности относительно того, куда ставить мебель и убирать вещи мужа сестры. Мы будем одни в квартире. Будем получать газету (даже несколько). Есть телефон. Надо будет узнать, где продается керосин (для примуса). Да и не надо, чтобы под предлогом надзора над злополучными вещами сестра жены таскалась бы каждый день и нам мешала. Но я не думаю, что это случится. Завтра мы должны взять анкету в домком, что мы с матерью здесь прописаны, мать должна будет получить от Госиздата прошение в домком, чтобы нас туда пустили: все это мы должны предъявить в тот домком. Перезжать будет очень трудно. Как найти транспорт? В общем, посмотрим. Надо будет узнать, где покупают керосин, где находится бомбоубежище. Дом довольно плохой, но район хороший, около Пушкинской площади, улицы Горького, площади Маяковского, в общем — центр. Самое трудное впереди: найти возможность транспорта, чтобы переехать, въехать, устроиться там и начать нормальную жизнь. Но лишь бы было где жить; остальное все устроится. Видел Митю позавчера и сегодня, видел его солдатскую книжку: негоден к В.С., причина — ТБЦ. Он получил свой паспорт на 5 лет, как и я. Раздражает то, что сейчас в Москве полно замечательных книг, никто их не покупает, потому что ни у кого нет денег. Мы шляемся с Митей и видим массу книг, которые нам надо бы купить, и вот: ни гроша, ни копейки! Это весьма неприятно. Мы злимся. Мы часто гуляем вместе по городу. Попробую сегодня повидать Валю, чтобы ей сказать, что я переезжаю и что не смогу ее видеть, вероятно, в течение около (скольких?) дней. Сколько нам понадобится дней, чтобы найти возможный транспорт, въехать, нормально устроиться. В конце концов, может быть, после стольких мытарств будем там жить сносно? Район хороший. Что ж, посмотрим.

7/VII-41

En regardant notre situation de l'extérieur (celle de ma mère et la mienne) un observateur, quel qu'il soit, aurait immédiatement déclaré que cette situation présente en soi le capharnaüm le plus complet. Rien de tel, du reste, que la guerre pour créer des situations de capharnaüm. Expliquons-nous. Hier au soir, selon toutes les apparences, tout était encore assez clair et définitif: il s'agissait de déménager rue Sadovaïa-Karetnaïa (ce qui traduit littéralement en français, porte la signification absurde de rue des Jardins de Fiacres). Il s'agissait de trouver des moyens de

transport, de déménager et de s'installer là-bas. Bon. Mais voilà que ma mère s'est avisée hier soir de faire une visite à une petite vieille de ses amies. Là elle a rencontré une de ses connaissances, le dénommé Kotchetkoff, un poète-traducteur. Commencèrent des conversations sérieuses: tout le monde parlait d'évacuation forcée de la population civile de Moscou, des gaz et autres sujets non moins chatouilleux. La guerre, quoi. Tout le monde dit qu'il faut partir d'ici avant que l'évacuation de la population civile ait été décrétée officiellement. En cas d'évacuation en masse ce serait très « inconfortable », ces foules assiégeant les trains pour partir pour des destinées indéterminées ou kolkhoziennes, le tout avec mon poète de mère... Brr! ce n'est pas ragoûtant, cette perspective. Alors l'idée est qu'il faut nous évacuer nous-mêmes avant que « l'heure sonne ». Hier Kotchetkoff a dit qu'il ferait des pieds et des mains pour obtenir des billets et la permission d'aller à Achkhabad (Turkmenistan). Il a persuadé ma mère que le plus sage qu'elle aurait à faire ce serait de partir (au cas de son départ à lui) à Achkhabad où il n'y aura ni bombardement, ni gaz, ni évacuation, mais beaucoup de chaleur, des scorpions, avec un travail littéraire éventuel. Il dit qu'il n'y a qu'une difficulté c'est qu'on ne le laisse pas partir de Moscou. En un mot l'affaire se présente comme cela: s'il a la permission et s'il trouve des billets, nous partons avec lui, sa femme et la petite vieille pour Achkhabad (Turkmenistan). Serait-ce l'Aventure avec un grand A? (un grand Q, comme j'ai coutume de le dire). Kotchetkoff doit nous téléphoner aujourd'hui pour nous communiquer les premiers résultats obtenus (ou non obtenus). On laisserait les bagages ici (la probloque fout le camp avec ses gosses), on prendrait le strict nécessaire, et en route vers l'Asie! A vrai dire je préfère l'Europe, mais en ce moment elle est plutôt vaseuse, avec ses bombardements, camps de concentration, évacuations et autres plaisirs du même acabit. En ce qui concerne Achkhabad, je suis presque sûr que cette entreprise avortera parce que Kotchetkoff n'obtiendra pas la permission de quitter Moscou. Il est quelque chose comme demi-invalidé (quelque chose à la jambe) et espère qu'on le laissera partir de Moscou mais il se peut qu'on lui refuse. Maintenant envisageons la situation de l'extérieur, froidement, comme le fameux observateur. De deux choses l'une: ou bien on part avec Kotchetkoff à Achkhabad, et là, tout ce qu'on peut dire, c'est qu'on verra: ou bien l'entreprise avorte (99% de chances). Alors? Alors ou bien nous partons

quelque part... mais où? Comment? Avec qui? Ou bien nous restons à Moscou. Si nous restons à Moscou ici, et que d'ici le 1er août il y ait l'évacuation de masse, ce sera plutôt affreux. Si on n'évacue pas d'ici le 1er août, on se fait déloger par le comité de maison. C'est très compliqué. Selon toute probabilité, nous ne réussirons pas à partir pour Achkhabad. Alors il faudra penser à aller quelque part, laissant les affaires et bagages ici. Ma mère est allée se concerter avec Rita Barsky, la femme de Barsky. Elle pense partir avec eux, si Achkhabad avorte et s'ils partent. Mais partiront-ils, et où? Et comment pourrons — nous partir avec eux? L'ennuyeux c'est que les Barsky sont des Juifs, et si les Allemands se ramènent, ça fera du gâchis, et on serait liés avec eux. Par toute la ville courent des bruits d'évacuation obligatoire prochaine, et que Moscou sera transformé en ville purement militaire. Evidemment dans ces conditions, déménager d'une chambre à l'autre serait idiot, il faudrait partir de Moscou au plus vite. Mais où? Comment? Avec qui? J'en viens à souhaiter que l'affaire d'Achkhabad réussisse. Vraiment ce serait peut-être le mieux de ce qu'il y aurait à faire. Mais j'ai malheureusement l'impression que cela ne marchera pas. Alors de nouveau ce sera l'incertitude. A vrai dire, j'ai peur de l'évacuation de masse — pas pour moi mais pour ma mère. Tout est sens dessus-dessous. Hier ai téléphoné à Valia. Pour le moment elle ne part pas. Plusieurs nuits elle a été obligée de veiller et a le cerveau en bouillie (ici on dit avoir le cerveau à la coque). Hier je lui disais que je déménageais pour la Sadovaïa-Karetnaïa et que je lui retéléphonerai dans 3—5 jours. A présent on se dit «tu», etc., en tout cas, comme certitude, Kotchetkoff nous téléphonera aujourd'hui. Pas folâtre, la guéguerre. Et encore ce n'est rien. Mais ce serait chic si on partait pour Achkhabad, mais je n'y compte pas trop. En ce qui concerne la situation militaire, je n'y comprends pas grand-chose, sinon qu'il y a des combats féroces partout et que les troupes soviétiques contre-attaquent férocement.

Если бы наблюдатель, кто бы он ни был, посмотрел со стороны на наше положение, он бы сразу заявил, что это положение (мое и матери) — сущий бедлам. Нет ничего лучше, кстати, чем война, чтобы создавать такое положение бедлама. Я объясню. Вчера вечером, по всей видимости, все было еще довольно ясно и окончательно

решено: надо было переезжать на Садово-Каретную улицу (что в буквальном переводе на французский язык имеет абсурдный смысл улицы Садово-Извозчиковой). Следовало найти возможные способы перевезти вещи и там устроиться. Ладно. Но вдруг мать решила вчера вечером пойти с визитом к одной подружке старушке. Там она встретила одного своего знакомого, имя его Кочетков, поэта-переводчика. Начались серьезные разговоры: все говорили об обязательной эвакуации гражданского населения Москвы, о газах и других темах, не менее щекотливых. Словом, война! Все говорят, что нужно отсюда выбираться до того, как выйдет официальный декрет об эвакуации гражданского населения. В случае массовой эвакуации все это было бы крайне «некомфортабельным», толпы людей, осаждающие поезда, чтобы уехать в неизвестность — судьбы и возможного «колхозного» направления, все это с матерью, да еще поэтом!.. Брр! Не особенно увеселительная перспектива! Тогда рождается мысль, что нам нужно самим эвакуироваться, до того как «пробьет час». Вчера Кочетков обещал, что он сделает все возможное, чтобы достать билеты и разрешение отправляться в Ашхабад (Туркменистан). Он убедил мать, что самое разумное для нее — уехать (в случае, если он сам уедет) в Ашхабад, где нет ни бомбардировок, ни газов, ни эвакуации, а сильная жара, скорпионы и в лучшем случае какая-нибудь литературная работа. Он говорит, что существует только одна трудность: его могут из Москвы не выпустить. Одним словом, дело представляется так: если он получит разрешение покинуть Москву и если он достанет билеты, мы выезжаем с ним, его женой и старушкой в Ашхабад (Туркменистан). Что это? Авантюра с прописной А (или, как я обычно говорю, с прописной Ж). Кочетков должен сегодня позвонить, чтобы нас известить о первых результатах, которых он добился (или не добился). Тогда оставляем здесь весь багаж (хозяйка выматывается вместе со своей детворой), берем только самое необходимое — и в путь-дорогу, в Азию! По правде говоря, я предпочитаю Европу, но в данный момент она не особенно здоровая — бомбежки, лагеря, эвакуации и всякие другие удовольствия такого же порядка. Что до Ашхабада, я почти уверен, что дело лопнет, потому что Кочетков не получит разрешения покинуть Москву. У него нечто вроде полуинвалидности (что-то с ногой), и он надеется, что его выпустят из Москвы, но ему могут и отказать. Теперь рассмотрим положение со стороны, равнодушно, вместе с вышеупомянутым наблюдателем. Одно из двух: или мы едем вместе с Кочетковым в Ашхабад, тогда единственно что можно сказать, это: посмотрим; или все дело лопається

(99% шансов). Тогда что? Тогда или мы куда-нибудь уезжаем, но куда? Как? С кем? Или мы остаемся в Москве. Если мы останемся в Москве и до первого августа начнется массовая эвакуация, тогда это будет ужасно. Если до первого августа эвакуация не начнется, тогда нас выпирает домком. Все это очень сложно. Нам, по всей вероятности, не удастся уехать в Ашхабад. Тогда надо будет думать о том, чтобы куда-то уехать, оставив здесь вещи и багаж. Мать ходила советоваться с Ритой Барской, женой Барского. Она думает уезжать с ними, если Ашхабад лопнет и если они сами куда-нибудь едут. Но будут ли они уезжать? И куда? Сможем ли мы уехать с ними? Неприятно то, что Барские — евреи, и если немцы притащатся, тогда будет совсем скверно, а мы будем с ними связаны. По всему городу ходят слухи о скорой и принудительной эвакуации и что Москва станет просто военным городом. Конечно, в таких условиях перебираться из одной комнаты в другую было бы просто глупо, лучше бы как можно скорее убираться из Москвы. Но куда? Как? С кем? Я начинаю желать, чтобы с Ашхабадом получилось. Действительно, быть может, это именно лучше всего. Но у меня, к сожалению, впечатление, что это не выйдет. Тогда снова неуверенность. По правде говоря, я боюсь массовой эвакуации — не для себя, а для матери. Все идет вверх дном. Вчера звонил Вале. В данный момент она не уезжает. Она была вынуждена несколько ночей подряд дежурить, и у нее в голове каша (здесь говорят: мозги всмятку). Вчера я ей говорил, что переезжаю на Садово-Каретную и позвоню через дней пять. Теперь мы на «ты» и все такое. Во всяком случае, единственная уверенность, что Кочетков сегодня позвонит. Да, война невеселенькая! И это еще не все. Но было бы здорово, если бы мы уехали в Ашхабад, хотя я не очень на это надеюсь. Что касается военного положения, я мало что понимаю кроме того, что идут жесточайшие бои повсюду и советские войска все время жестоко контратакуют.

8/VII-41

La situation est plus enchevêtrée que jamais, mais au moins il y a une certitude et une possibilité. Je m'explique. Hier à 9h. du soir Kotchetkoff est venu. Rien ne l'empêche de partir pour Achkhabad où il a des amis puissants et peut gagner de l'argent plus qu'à Moscou. Mais il dit que partir là-bas serait une grosse erreur. Primo: il y règne une chaleur formidable. Secondo: le modus vivendi n'est pas précisément fameux, en d'autres termes

les conditions de vie y sont dures. Ensuite, le voyage interminable dans des trains bondés. Et surtout que, simplement, cette mesure ne s'impose pas par les événements, que cela aurait l'air d'une fuite, d'une évacuation. Les nouvelles du front depuis 4–5 jours sont franchement bonnes, et des mesures extrêmes comme ce départ ne sont pas à prendre. Autrement dit la certitude, c'est qu'on ne partira pas pour Achkhabad. Kotchetkoff nous propose de partir à la «datcha» où il va vivre avec sa femme et la petite vieille. Cette «datcha» se trouve près de la station de chemin de fer «Les Sables» (ch. de f. de Kazan). Bien sûr que ce serait vraiment bien de partir là-bas pour l'été, à 2 heures de Moscou; là-bas c'est le repos, le plein air, la rivière, les parties de canot; là-bas pas de bombardements, alertes, abris, etc. Là-bas on reprendrait des forces, ce serait une cure pour les nerfs et une cure de repos. Ce serait vraiment bien pour moi et surtout pour ma mère. Mais là commencent les difficultés. Le probloque de la chambre où nous habitons en ce moment a laissé un papier au comité de la maison, où il est dit que nous nous désenregistrerons au 1er août. Cela veut dire qu'à partir du 1er août nous n'avons plus le droit de coucher ici. Pour coucher quelque part, il faut se faire enregistrer quelque part. Les affaires on peut les laisser quelque part jusqu'à ce qu'on puisse les prendre (les laisser ici). La situation se présente donc ainsi: bon. On part pour la datcha. Mais où revient-on ensuite? Aujourd'hui nous sommes le 8 juillet. Et au 1er août nous n'aurons plus le droit de vivre ici. Il est vrai que la probloque a dit que nous pourrions vivre ici jusqu'au 1er septembre, mais puisque son mari a écrit que nous nous désenregistrerons au 1er août, comment pouvons-nous vivre désenregistrés jusqu'au 1er septembre? C'est impossible. La probloque peut-elle (a-t-elle le droit) et voudra-t-elle prendre le papier au comité de maison et mettre au lieu du 1er août 1er septembre? Admettons qu'elle ait le droit de le faire et qu'elle le fasse. Nous partons pour la datcha et laissons les affaires ici. Mais alors, il faut trouver où habiter le 1er septembre. Et nous serons à la datcha – comment chercher alors? Ce qui serait fameux, c'est que pendant que nous serions à la datcha, des amis nous chercheraient une chambre. Mais comment nous prévenir. Par lettre? Mais admettons que la probloque n'ait pas le droit, ou ne puisse simplement pas, ou ne veuille pas prolonger notre permis de séjour ici jusqu'au 1er septembre (ce qui est très possible). Alors le plan de la datcha va à l'eau, parce que partir là-bas pour

deux semaines ne présente aucun intérêt et, d'autre part, si nous savons que nous n'avons que jusqu'au 1er août, nous nous occuperons exclusivement de chercher une chambre à Moscou et n'aurons simplement pas de temps pour la datcha. J'ai dit à ma mère qu'avant de parler avec la probloque de cette fameuse prolongation d'enregistrement, il faut qu'elle voie Barsky. Elle est partie tout à l'heure pour le voir et lui expliquer le pourquoi du comment. Vraiment la situation est compliquée. D'un côté nous avons vraiment besoin de partir à la datcha: quel repos après les péripéties moscovites, quelle reprise de forces! D'un autre côté il faut avoir où vivre après le séjour à la datcha. Pour une fois que nous avons une bonne perspective devant nous, nous ne pouvons réaliser cette possibilité immédiate à cause de facteurs dont dépend notre existence future. Du reste, j'espère beaucoup en Barsky. C'est un avocat et le conseil qu'il nous donnera sera celui d'un homme intelligent. L'emmerdant, c'est que nous ayions laissé passer l'occasion de la Sadovaïa-Karetnaïa: si ma mère n'avait pas tout lâché hier et pris peur, à l'heure qu'il est nous serions inscrits là-bas, nos affaires et bagages seraient ici, nous partirions pour la datcha et nous reviendrions, après le séjour aux Sables, prendre nos affaires ici et déménager rue Sadovaïa-Karetnaïa. Du reste avant-hier et hier je démontrai à ma mère que pour partir quelque part il faut avoir une base sûre à Moscou. Elle voulait tout lâcher et partir pour Achkhabad. Et maintenant tout a changé. De nouveau la question de la chambre à trouver se pose dans toute son acuité. C'est inextricable. Peut-être que Barsky nous en sortira, Kotchetkoff aussi, peut-être pourrait-il faire quelque chose en ce sens: mais il part le 11 pour les Sables, alors comment chercher de là-bas? Hier ai vu Mitia. Nous avons mangé des glaces et nous nous sommes fait arrêter rue Pétrovka, on nous a demandé nos papiers. Probablement parce que nous avons tous deux l'air d'étrangers et que nous parlions français. Du reste, le milicien, en voyant nos papiers en règle, avait l'air assez confus et rigolait même de sa confusion. Ai téléphoné à Valia hier. Sa mère a dit qu'elle était malade. Ai lu un excellent livre qui abonde en remarques justes, mais assez difficile à lire: «Siegfried et le Limousin» de Jean Giraudoux. Sur le front depuis 4 jours, les attaques allemandes sont brisées par les troupes rouges et l'offensive allemande est en ce moment arrêtée partout.

Ситуация запутана больше, чем когда-либо, но хотя бы есть одна уверенность и одна возможность. Объясняю. Вчера в 9 ч. вечера приходил Кочетков. Нет для него никаких препятствий, чтобы отправляться в Ашхабад, где у него есть влиятельные друзья и он может зарабатывать больше, чем в Москве. Но он говорит, что ехать туда было бы большой ошибкой. Во-первых, там стоит невыносимая жара. Во-вторых, образ жизни определенно неважный. Иными словами, условия очень трудные. Потом дорога, бесконечная, в забитых народом поездах. А главное – эта мера не обязательна сейчас: в связи с событиями это было бы похоже на бегство, на эвакуацию. Известия с фронта за последние 4-5 дней откровенно хорошие, и не стоит принимать такие крайние меры, как отъезд. Одним словом, мы точно в Ашхабад не едем. Кочетков приглашает нас поехать на его дачу, где он будет жить с женой и старушкой. Дача эта находится около железнодорожной станции Пески (по Казанской ж.д.). Конечно, было бы очень хорошо туда поехать на лето, в 2 ч. от Москвы: там отдых, жизнь на чистом воздухе, река, катанье на лодке; без бомбардировок, тревог и бомбоубежищ. Там мы бы набрались сил, это было бы как лечение для нервов, полный отдых. Это было бы замечательно для меня и особенно для матери. Но вот тут и начинаются трудности. Хозяин комнаты, где мы сейчас проживаем, оставил домкому документ о том, что мы выписываемся 1 августа. Это означает, что с 1 августа мы больше не имеем права тут ночевать. Чтобы где-либо ночевать, нужно где-нибудь прописаться. Вещи можно где-нибудь оставить до того, как мы сможем их забрать (оставить их здесь). Ситуация выглядит так. Ладно. Едем на дачу. Но куда возвращаемся? Сегодня 8 июля. А с 1 августа мы больше не будем иметь права жить здесь! Правда, хозяйка сказала, что мы сможем остаться до 1 сентября. Но ввиду того, что ее муж написал о том, что мы выписываемся 1 августа, как мы можем жить без прописки до 1 сентября? Это невозможно. Может ли хозяйка (имеет ли она право) и захочет ли она взять из домкома документ и поставить 1 сентября вместо 1 августа? Допустим, что она имеет на это право и что она это сделает. Мы уезжаем на дачу и оставляем вещи здесь. Тогда надо найти где жить к 1 сентября. А мы будем на даче. Как же искать то? Что было бы здорово, это если, пока мы будем на даче, какие-нибудь знакомые подыскали бы нам комнату. Но как нам дать знать. Письмом? А допустим, что хозяйка не имеет права или просто

не может или не хочет продлить наш вид на жительство здесь до 1 сентября (что вполне возможно). Тогда весь план дачи летит прахом, потому что ехать туда на две недели не имеет никакого смысла. Кроме того, если мы будем знать, что срок только до 1 августа, мы будем целиком заняты поисками комнаты в Москве и просто не будем иметь свободного времени для дачи. Я сказал матери, что перед тем, как говорить с хозяйкой о пресловутом продлении прописки, она должна повидать Барского. Она только что отправилась к нему, чтобы объяснить ему все, как есть. Положение, правда, очень сложное. С одной стороны, нам действительно нужно поехать на дачу: такой отдых после всех московских перипетий, такая возможность набраться сил! С другой стороны, надо иметь где жить после пребывания на даче. Раз в жизни мы имеем перед собой хорошую перспективу. И мы не можем воспользоваться этой ближайшей возможностью из-за поводов, от которых зависит наша будущая жизнь! Кстати, я очень надеюсь на Барского, он — адвокат и как умный человек даст нам хороший совет. Самое хреновое то, что мы пропустили возможность на Садово-Каретной: если бы мать вчера все не упустила и не испугалась, мы бы в данный момент уже были бы там прописаны, вещи были бы здесь, мы бы уехали на дачу и вернулись бы после пребывания на Песках, чтобы взять отсюда вещи и перебраться на Садово-Каретную. Впрочем, вчера и позавчера я матери доказывал, что если уезжать куда-либо, нужно иметь серьезную основу в Москве. Она хотела все бросать и уезжать в Ашхабад. А теперь все переменялось. Снова со всей остротой ставится вопрос найти комнату. Это просто безвыходно! Может быть, Барский нас вытянет? Кочетков тоже, может быть, в этом смысле сможет что-нибудь сделать? Но он уезжает в Пески 11, тогда как от туда искать? Вчера видел Митю. Мы ели мороженое. Нас задержали на Петровке и просили предъявить документы. Очевидно, потому, что у нас вид иностранцев и мы говорили по-французски. Впрочем, милиционер, увидев, что у нас документы в порядке, был сконфужен и сам смеялся от смущения. Звонил Вале вчера. Ее мать сказала мне, что она больна. Читал прекрасную книгу, в которой много очень веских замечаний, но ее довольно трудно читать: «Зигфрид и Лимузен» Жана Жироду. На фронте уже 4 дня немецким нападениям красные войска дают резкий отпор, и немецкое наступление в данный момент повсюду приостановлено.

9/VII-41

La nouvelle la plus intéressante est que Mitia part à Tomsk (Sibérie occidentale). En effet l'Académie des Sciences de Moscou se fait évacuer à Tomsk. Or, la grand-mère de Mitia est la femme d'un académicien connu, mort il y a quelque temps. Ainsi vont à Tomsk avec la grand-mère: Mitia, son oncle Arsène et la sœur de Mitia, Sophie. Ainsi – finies nos rencontres et conversations! Le plus marrant est que personne n'a jamais entendu parler de Tomsk, ou du moins très peu de gens. Je me paye la tête de Mitia qu'il va conquérir des Tomskiennes! A Tomsk il y a une université où il entrera probablement à la faculté de philologie. Puisque l'Académie sera là, il y aura du pain sur la planche en ce qui concerne les profs pour cette université. Au fond c'est assez miteux, cette province – et sibérienne, par surcroît. Mais au moins il n'y aura pas de bombardements là-bas. Et puis Mitia se vantera plus tard, oh! comme il se vantera: «Oui, la Sibérie... J'y ai vécu, attendez... en 41, je crois...» Peut-être bien qu'il y aura la famine là-bas, à Tomsk. Mais il y règnera pour Mitia une sécurité, relative peut-être, mais enfin ce n'est pas à négliger. Et Mitia qui disait qu'à tout prix il resterait à Moscou, qu'il veut être au cœur des événements, que des «types comme nous» ne doivent pas «partir de la capitale», etc., etc. Au fond, il n'en mène pas large de partir dans cette province sibérienne avec l'Académie barbue et à lunettes. Mais comme il est un bluffeur – né, il continue à parader: «Tomsk – centre de la vie scientifique du pays!» Je regrette fort son départ, parce que, tout de même, il était mon seul ami ici et ce sera emmerdant sans lui. En partant, il me refilera quelques livres qu'il ne prend pas avec lui. Il prend une serviette pleine de ses livres préférés: vers de Mallarmé, vers du poète russe Blok, Poe en anglais etc. Maintenant, quelle est notre situation? L'appartement de la Sadovaïa-Karetnaïa est, selon toute apparence, fichu pour nous. En ce qui concerne la possibilité d'une chambre, rue Pouchkine, toute la journée aujourd'hui n'a pas suffi pour éclaircir la question de savoir si la milice du quartier permettrait qu'on y emménage ou non. Du reste, il paraît que maintenant, en temps de guerre, toutes les milices de quartier ont reçu l'ordre de n'inscrire personne. Si un tel décret existe, alors nous pouvons rester ici, puisque, selon la loi même, on ne peut déménager nulle part. Si la femme

du type parti au front (qui loue la chambre) réussit à avoir de la milice la permission de nous louer cette chambre (autrement dit si la milice consent à nous enregistrer), alors nous déménageons. Sinon, nous restons ici, par la force des événements. Bien que nous vivions au 6e étage et que la probloque soit partie et que je suis pompier (sic), je préfèrerait l'avortement de la chambre rue Pouchkine à un déménagement poussif, hâtif etc. Je hais les déménagements. Sur tout le front la bataille enragée et acharnée continue. Les Allemands, selon le BSI, ont perdu en 12 jours de guerre avec l'URSS 700 000 morts. Tandis qu'en 10 mois et 1 an de guerre elle a perdu 600 000 morts. Sur le front, la situation est indécise, car partout, depuis le 7, se déroulent (surtout en Biélorussie et en Ukraine) des combats violents dont les résultats ne sont pas encore précisés. Tout ce que l'on peut dire, c'est que les troupes rouges contre-attaquent très souvent et que l'avance allemande est sinon arrêtée tout à fait (Biélorussie), du moins ralentie très considérablement. L'impression générale est que les troupes d'URSS «reprennent du poil de la bête», après la première surprise de l'attaque brutale des forces nazies. Il me semble que l'avance allemande est enrayée en Bessarabie — les troupes germano-roumaines ont été rejetées de la rivière Prut. Aujourd'hui, 8 h. 30, téléph. à Valia.

Самая интересная новость, что Митя уезжает в Томск (Западная Сибирь). Московская Академия наук эвакуируется в Томск. А Митина бабушка — жена умершего некоторое время назад известного академика. Таким образом, едут в Томск вместе с бабушкой: Митя, его дядя Арсений и Митина сестра Софья. Вот и конечно с нашими встречами и разговорами! Самое забавное то, что никто никогда не слышал о Томске, или очень немногие. Представляю Митину рожу, когда он будет покорять томских девиц. В Томске есть университет, куда он, видимо, поступит на филологическое отделение. А так как будет и Академия, у профессоров будет много дела в этом университете. В сущности, это довольно мерзкая провинция, да еще и сибирская! Но хотя бы там не будет бомбардировок. А Митя потом будет хвастаться, да, как он будет хвастаться! «Ну, Сибирь, да... Я там жил, постойте, кажется в 41...» Может быть, в Томске будет голод? Но, по крайней мере, Митя будет жить в безопасности; пусть даже относительной, а этим не стоит пренебрегать. А ведь Митя всегда гово-

рил, что он во что бы то ни стало хотел оставаться в Москве, что лучше жить в сердцевине событий, что «такие типы, как мы», не должны покидать столицу, и т.д. и т.д. Но, в сущности, ему страшновато уезжать в дальнюю сибирскую провинцию вместе с бородатой и очкастой Академией. Но так как он врожденный очковтиратель, он продолжает пижонить: «Томск – центр научной жизни страны!» Мне очень жалко, что он уезжает, все же он был здесь моим единственным другом, без него будет хреново. Уезжая, он мне подбросит кое-какие книги, которых он не берет с собой. Он берет полный портфель любимых своих книг: стихи Малларме, стихи русского поэта Блока, По – по-английски и т.д. А теперь – вот каково наше положение. Квартиру на Садово-Каретной мы уже проморгали, по всей видимости. Что касается возможности комнаты на Пушкинской, то всего сегодняшнего дня не хватило, чтобы выяснить вопрос, позволит ли нам районная милиция туда въехать. К тому же говорят, что теперь, в военное время, все районные милиции получили приказ никого не прописывать. Если такой декрет существует, тогда нам спокойно можно оставаться здесь, раз по закону никуда не разрешается въезжать. Если жена типа, ушедшего на фронт (который нам сдает комнату), сможет получить от милиции разрешение нам сдать эту комнату (иными словами, если милиция согласится нас прописать), тогда мы съезжаем. Если нет, мы остаемся здесь, в силу обстоятельств. Хотя мы живем на 6 этаже, и хозяйка уехала, и я пожарник (да, да!), я предпочел бы, чтобы комната на Пушкинской улице провалилась, чем переезжать с трудом, наспех. Ненавижу переезды. По всему фронту продолжаются жестокие бои. Согласно Совинформбюро, немцы за 12 дней войны с СССР потеряли 700 000 убитыми, тогда как за год и 10 месяцев войны, с 39 года, они потеряли 600 000 убитыми. На фронте положение неясное, повсюду с 7 числа развиваются (особенно в Белоруссии и на Украине) жестокие бои, результаты которых еще не уточнили. Все, что можно сказать, это то, что красные войска очень часто контратакуют и что немецкое продвижение вперед если не совсем приостановлено (в Белоруссии), то значительно замедлено. Общее впечатление такое, что войска СССР встряхнулись после первого внезапного наступления нацистских сил. Мне кажется, что немецкое продвижение вперед приостановлено. В Бессарабии немецко-румынские войска переброшены через реку Прут. Сегодня в 8.30 позвон. Вале.

Aujourd'hui nous avons appris que toutes les milices avaient reçu l'ordre de n'enregistrer personne à Moscou – autrement dit nous ne déménageons pas (c'est un décret du Soviet de Moscou) et restons ici. Cette nouvelle est-elle vraie? En tout cas c'est une amie de ma mère à l'Edition d'Etat qui nous l'a communiquée. C'est la personne qui voulait nous loger rue Pouchkine qui l'a appris à sa milice du quartier. Maintenant je ne crois pas qu'on puisse nous foutre dehors, car si, conformément à la loi, nous ne pouvons être enregistrés nulle part, du moins sommes-nous enregistrés ici et devons-nous rester ici. Aujourd'hui ai reçu de Mitia quelques livres: «Vers et Poèmes choisis» de Essénine, «Parallèlement», «Vers Saturniens» et «OEuvres Posthumes» de Verlaine, «L'Immoraliste» d'André Gide. Si je lui achète des préservos, peut-être me donnera-t-il «Poèmes Barbares» de L. de Lille. Il n'a absolument pas d'argent. Toute la matinée nous avons acheté du fromage (pour bouffer en route). Au moins, c'est bien qu'il parte en famille et dans un milieu d'académiciens connu de lui. Je le regrette, ce sera ennuyeux sans lui. Pour ce qui nous concerne, ma mère et moi, probablement nous partirons aux Sables avec Kotchetkoff, si tout marche normalement. Je ne sais pourquoi, ma mère s'imagine qu'on ne me laissera pas partir à la datcha, qu'on me fera travailler, etc. Elle a peur des bombardements, des gaz (tout cela pour moi). C'est fort ennuyeux, son état d'esprit: «Tout le monde part, qu'est-ce que nous faisons ici, on nous a oubliés, nous devons partir travailler dans un kolkhoze», que sais-je... C'est empoisonnant. Le plus emmerdant c'est si Valia part pour un kolhoze. Je ne sais pourquoi, elle adore les kolhozes et tout ça. Si elle part, ce sera horriblement ennuyeux et je serai tout à fait seul. Valia est une fille qui a toutes les données pour être quelqu'un, pour réussir (selon moi). Je cherche à lui faire lire de bons livres (elle lit beaucoup de saletés). Je m'efforce de lui faire comprendre la fadeur de certaines choses qui lui plaisent, je cherche à la rendre plus cultivée, à l'orienter dans le chemin qu'elle doit prendre. En un mot, je tâche de la modeler un peu. C'est très difficile. Elle-même dit (il est vrai en plaisantant) «c'est trop tard». Ça se peut. Elle dit qu'elle s'ennuie à la ville et c'est pour ça qu'elle aime le kolkhoze. Souvent, un doute me prend: pourquoi tenter de la faire à mon image? Est-ce nécessaire? Peut-

être faut-il la laisser telle qu'elle est, avec ses goûts et son libre arbitre, se contentant de lui inculquer quelque menue culture et lui faire lire quelques bons livres? Et puis qu'est-ce que c'est que ce type de 16 ans qui veut rééduquer une jeune fille (il est vrai qu'elle n'a que 17 ans). Au fond j'en viens à la conclusion que mes tentatives de rééducation sont inutiles parce qu'inorganiques et que l'influence probable du milieu, des amis est la plus forte. En outre, mes efforts pour faire de Valia «quelqu'un» ne sont peut-être que de la philanthropie inutile. D'autre part, ce que je pense, ressens et dis; mes réactions devant divers phénomènes; mes buts et actions, tout cela est dicté par toute une vie, un milieu, une expérience de l'existence entièrement différents de l'existence passée et présente de Valia. Dans ce cas, ces tentatives de modeler de Valia une image qui me ressemblât quelque peu sont vouées à l'échec, comme contre-naturelles, inorganiques. Ce que je lui dis est pour moi déterminé par l'expérience antérieure et des observations passées. Comment peut-elle accepter pour valables mes conjectures, quand elles ne sont pas appuyées par son expérience et ses observations à elle? Tout cela est bien en théorie mais en pratique, quand elle commence à dire qu'elle s'ennuie en ville et de ce que le kolkhoze la tente, oubliant toute sagesse, je me mets à m'affronter avec elle. C'est bête, car, que diable, il faut comprendre les autres. Il est évident que je la comprendrais mieux si j'en savais plus sur son existence – faits, amis, parents, milieu, etc. Alors je pourrais m'expliquer ses opinions, buts, etc. Mais – fausse pudeur, peur de déplaire, elle est fort avare sur elle-même, sauf sur des détails insignifiants par lesquels il est très difficile de juger. Par contre, moi je fais tout mon possible pour qu'elle s'explique le mieux possible pourquoi je suis comme ça et non autre – je lui raconte mon existence, je tâche de lui faire comprendre historiquement mes goûts, etc. Heureusement que nous avons le commun de la jeunesse, la gaieté, le don de l'observation, l'horreur du mauvais goût. Les deux dernières qualités sont chez moi poussées excessivement loin. Tandis que chez Valia elles sont quelque peu à l'état de formation. Mais c'est toujours ça, comme disait la célèbre seconde, tripotant le sein gauche de sa belle-sœur. Hier nous avons vu avec Valia le film «Le Cirque» pas mal. Le plus ennuyeux, c'est qu'on partira chacun de son côté, si on s'écrit, les lettres se perdront, on s'oubliera. Le sentiment, l'impression prédominants de ma vie

сont la décomposition continue et systématique. La maille qui fuit. Tout fout le camp. C'est pourquoi je rêve au jour où je pourrai disposer de ma vie à ma guise, où je ne dépendrai de personne, où je ne serai pas obligé de tout quitter à chaque instant, où je voyagerai, où j'aurai une chambre spacieuse et propre, où je me foutrai du lendemain, où je pourrai cultiver mes flirts comme des fleurs rares, de main de maître... Je suis sûr que ce temps arrivera... mais quand? Pour le moment la décomposition bat son plein: je perds Mitia, demain je perdrai Valia — et tout cela ne fait que cultiver en moi plus de regrets, plus d'âpreté, plus d'égoïsme! Il est vrai que, comme dit Valia — ça me donne une bonne trempe. Mais on ne peut tout le temps tremper de l'acier, il faut l'utiliser aussi. Il est vrai que j'ai le temps — je n'ai que seize ans... L'offensive allemande semble être contenue partout. Une bataille acharnée se livre sur tout le front. Les résultats de cette bataille sont indécis parce qu'elle n'est pas encore terminée. Les Etats Unis ont occupé l'Islande. La mission militaire soviétique est arrivée à Londres. En Syrie, le général Deinze a donné le consentement formel de discuter les clauses d'un armistice. Aujourd'hui, suis de veille sur le toit de 9h à minuit. Il est temps que je parte. Ce qu'on aurait de mieux à faire, ce serait de partir avec Kotchetkoff pour les Sables le plus tôt possible. Si on me laisse partir. Ce sera dommage de quitter Valia, mais quoi... la vie, rien à faire, n'est-ce pas? Enfin, on verra.

Сегодня мы узнали, что все отделения милиции получили приказ никого не прописывать в Москве — иными словами, мы не съезжаем (это декрет Моссовета), а остаемся здесь. Только существует ли этот декрет? Во всяком случае, о нем матери рассказала одна подруга из Госиздата. Это та, которая хотела нам сдать комнату на ул. Пушкина, а она узнала от районной милиции. Теперь я думаю, что нас не могут выпереть на улицу. Так как если мы, по закону, нигде не можем быть прописаны, по крайней мере, у нас есть прописка здесь, и мы должны здесь оставаться. Сегодня получил от Мити несколько книг: «Избранные стихи и поэмы» Есенина, «Параллельно», «Сатурналии» и «Посмертные стихи» Верлена, «Имморалист» А.Жида. Если я ему куплю резинки, он может быть, отдаст мне «Дикие стихи» Л. де Лилля. У него абсолютно нет денег. Все утро мы ходили покупать сыр (пожрать на дорогу). По крайней мере, хорошо, что он едет с семьей и в среде знакомых

академиков. А мне очень жаль, я без него буду скучать. Что касается нас с матерью, мы, очевидно, поедem в Пески с Кочетковым, если все будет благополучно. Не знаю почему, мать воображает, что меня не отпустят на дачу, что меня заставят работать, и т.д. Она боится бомбардировок, газов (всего этого за меня). У нее очень неприятное настроение: «Все уезжают, что мы здесь делаем, про нас забыли; мы должны ехать работать в колхоз», и боится что... Это портит жизнь. Самое хреновое будет, если Валя уедет в колхоз. Не знаю почему, она обожает колхозы и все такое. Если она уедет, это будет очень неприятно, и я останусь совсем один. Валя — девушка, у которой все данные, чтобы стать человеком, чтобы быть удачливой (по-моему). Я стараюсь заставлять ее читать хорошие книги (она читает очень много дряни). Я пытаюсь ей дать понять пресность некоторых вещей, которые ей нравятся, я стараюсь, чтобы она была более культурной, хочу направить ее по тому пути, который ей подходит. Словом, я стараюсь ее немного обтесать. Это очень трудно. Она сама говорит (правда, шутя): «Уже поздно». Возможно. Она жалуется, что скучает в городе и поэтому любит колхозную жизнь. Иногда я вдруг сомневаюсь: зачем пытаться ее создать по моему образцу? Нужно ли это? Быть может, следует ее оставить такой, какая она есть, с ее вкусами и свободной волей, и только довольствоваться тем, что ее кое-чему немного обучить, дать ей почитать несколько хороших книг? Да и потом, что это за тип, который в свои 16 лет хочет перевоспитать девушку (правда, ей только 17). В конце концов, я прихожу к заключению, что мои попытки ее перевоспитать бесполезны, потому что неорганичны, и что возможное влияние среды, друзей сильнее. Кроме того, может быть, мои старания, чтобы сделать из Вали «человека», просто ненужная филантропия. С другой стороны, то, что я думаю, чувствую и говорю, мои реакции на некоторые явления, мои цели и действия — все это мне продиктовано целой жизнью, средой, жизненным опытом, абсолютно непохожими на прошлую и настоящую жизнь Вали. В этом случае попытки изваять из Вали образ, немного похожий на меня, обречены на неудачу, потому что противоестественны и неорганичны. То, что я ей говорю, во мне предопределено предшествующим опытом и прошлыми наблюдениями. Как она может мои догадки принимать на веру, когда они не опираются на ее собственные опыт и наблюдения? Все это хорошо в теории, но на практике, когда она мне говорит, что она скучает в городе и что ей хочется в колхоз, забывая о всякой мудрости, я начинаю с ней спо-

рить. Это глупо, ибо, черт возьми, надо же других понимать. Совершенно ясно, что я бы ее лучше понимал, если бы я знал возможно больше о ее жизни — фактах, друзьях, родных, среде, и т.д. Я бы мог тогда объяснить себе ее взгляды, цели и т.д. Но то ли ложный стыд, то ли страх не понравиться, но она страшно скупно говорит о себе, кроме как о незначительных подробностях, по которым очень трудно судить. Я же, наоборот, делаю все возможное, чтобы она себе могла объяснить возможно лучше, почему я такой, а не другой: я ей рассказываю о своей жизни, я пытаюсь объяснить ей историю моих вкусов и т.д. Хорошо, что у нас есть общее: наша молодость, жизнерадостность, наблюдательность, отвращение к дурному вкусу. Два последние качества во мне доведены до крайности. Тогда как у Вали они еще почти в зачаточном виде, но ничего, и то хлеб, как говорила знаменитая вторая, лапая левую грудь своей свояченицы. Вчера мы с Валею смотрели фильм «Цирк» — ничего. Самое обидное то, что мы завтра уедем, каждый в свою сторону, если мы будем друг другу писать, письма затеряются, мы друг друга забудем... Преобладающее сейчас в моей жизни чувство, впечатление — то, что происходит постоянное и систематическое разложение. Уползающее звено. Все летит. Поэтому я так мечтаю о времени, когда я смогу располагать своей жизнью по своему хотению, когда я не буду ни от кого зависеть, когда не надо будет каждую минуту все бросать, я буду путешествовать, у меня будет своя просторная и чистая комната, мне будет наплевать на завтрашний день, я смогу культивировать свои флирты, как роскошные цветы, рукою мастера... Я уверен, что такое время наступит... но когда? В данный момент разложение в полном разгаре: я теряю Митю, завтра я потеряю Валу — и все это во мне только усиливает сожаления, озлобление и эгоизм. Правда, как говорит Валя, это меня хорошо закаляет. Но нельзя же все время закалять сталь, нужно ею и пользоваться. Правда, время еще есть, мне только шестнадцать лет... Немецкое наступление как будто повсюду задержано. По всему фронту идет страшный бой. Результаты этого боя довольно неясны, потому что он еще не закончен. Соединенные Штаты заняли Исландию. Советская миссия прибыла в Лондон. В Сирии генерал Дейнц дал формальное согласие на переговоры об условиях перемирия. Сегодня я дежурю на крыше с 9 до полуночи. Мне пора уезжать. Лучшее, что мы можем теперь сделать, это уехать вместе с Кочетковым в Пески, как можно скорее. Если меня отпустят. Будет жаль расставаться с Валею, но что ж... это жизнь, ничего не поделаешь, не правда ли? В общем, посмотрим.

13/VII-41

Hier, vers 6 heures du soir, après un voyage cauchemaresque, parce que chargés d'affaires (malles, etc.) nous et les Kotchetkoff sommes arrivés aux Sables. Ouf! Les trains sont bondés et miteux, la chaleur en diable. Enfin nous sommes là, c'est le principal. Ici, c'est très sympa: l'air est excellent, on se revivifie. Partout des champs verts, des oiseaux qui chantent, c'est la campagne. Presque pas de «datchniki». La rivière Moskova à proximité. Pas grand-chose à bouffer par exemple. La nourriture est plutôt vaseuse. Dans ce domaine-là, Moscou vaut mieux. Ce qui est bien ici: la solitude et la paix. Personne ne t'emmerde. Pour un écrivain – l'endroit rêvé. Et puis il y a où se promener. Il paraît que l'évacuation est défendue depuis avant-hier soir. En tout cas Mitia ne part pas à Tomsk mais reste à Moscou, ou bien va à la «datcha». C'est très bien que l'évacuation soit finie (si ce n'est pas un canard), car cela montre que la situation militaire est bonne. D'autre part nul besoin de s'évacuer pour nous. Je suis moins sûr, en ce qui concerne notre avenir moscovite. La campagne c'est très joli, mais Valia me manque beaucoup. Je l'ai vue le 11 au soir. Elle me plaît toujours. Pourquoi? Assez difficile à expliquer. Ce qui est moche: la campagne comme tout cadre, vaut beaucoup plus que la ville. Si tu as des amis ou un flirt, tu peux passer le temps bien mieux à la campagne (en été) qu'à la ville. En effet, à la campagne, tu peux te balader, te baigner et mille autres possibilités. Mais dans ce cadre fameux, comme gens intéressants qui rehausseraient la beauté du site, je n'ai que moi-même. Par exemple, je serais mille fois plus heureux, si Valia et Mitia étaient là. La vieille histoire: tout dépend des gens. Et c'est pourquoi Moscou me tente. Là-bas il n'y a presque pas de possibilités, mais il y a des gens, des amis. Bien que mes relations avec Valia s'en tiennent à une sorte de flirt s'appuyant sur une conversation brillante, souvent à double face, ce flirt inoffensif et caustique me suffit. Je me connais comme très sensuel, mais parfois je me demande si ma sensualité ne se limite pas à certaines catégories de femmes, excluant les autres. Par exemple, il y a des femmes dont j'ai envie terriblement: les posséder sur le champ. Cela ne veut pas dire qu'elles me plaisent. Valia me plaît, l'embrasser serait pour moi la logique même, la peloter peut-être aussi. Mais je ne la vois pas en train de gémir sous moi. C'est curieux cette frontière, cette gamme des plaisirs. Il faudra que

j'analyse cela plus loin. Valia est élégante, elle a son style à elle et c'est très bien. Nous sommes parvenus à un certain degré d'intimité. Ce qui me gâche beaucoup la vie, c'est une sorte de prophétisme-scepticisme naturel qui me porte à prévoir les événements qui me touchent de très près, souvent sous un jour pessimiste, bien que, par nature, je ne sois nullement pessimiste. Avec Valia, par exemple. J'ai peur que nos relations avortent en queue de poisson, qu'elles s'épuisent comme cela. J'en ai une sorte d'avant-goût. Du reste je sais très bien que si cela ne dépendait que de nous, nous pourrions très bien continuer à nous voir, à nous intéresser l'un à l'autre. Valia me plaît, et je sais fort bien que je lui plaît beaucoup. Mais ce n'est pas la question. J'ai peur des facteurs extérieurs, existant, toujours et surtout quand on ne mène pas une existence indépendante. Par exemple, maintenant, je suis à la datcha; je ne sais pas ce que fait Valia, je ne peux la voir que quand j'irai à Moscou – quand? Cela nous éloigne beaucoup l'un de l'autre. Bien sûr, je peux lui écrire mais malheureusement elle n'a pas ce don. Elle déteste écrire des lettres. C'est très ennuyeux. Je ne voudrais pas qu'elle parte quelque part sans que je n'en sache rien. Par exemple, il se peut fort bien que Valia soit une femme qui ne peut éprouver de l'intérêt – et plus loin – pour un homme que si elle le voit souvent, sans cela cet intérêt s'épuise, avorte lamentablement. Sa haine d'écrire des lettres me souffle cette idée. Si c'est comme cela, je suis foutu. Peut-être sa théorie est-elle, et même probablement inconsciemment, «le combat finit faute de combattants». Cela se peut fort bien. Alors qui, encore une fois, restera seul? Qui sera baisé au cul? J'ai toujours pitié de moi à l'avance: comme cela, si ce que j'attendais (de mal) arrive, alors mes condoléances à moi-même sont limitées. Tout dépend de l'argent, malheureusement et de l'indépendance matérielle. J'espère dans une semaine être à Moscou. Pourquoi? J'ai peur de perdre Valia? (Je ne l'ai jamais «possédée» mais je peux la «perdre»). J'ai peur de perdre un morceau de bonheur («de choix» aurait immédiatement rectifié Mitia). «Peur» ne convient pas. Je regrette à l'avance l'inachevé, l'échec, la queue de poisson, la froideur qui envahit. Cela ne me fait pas peur mais me fait mal. Ce n'est pas encore arrivé, ce n'est peut-être pas si important, mais la mélancolie incertaine des souvenirs m'envahit. J'ai peur que le mot «Valia» ne soit identique au mot «Paris». Les souvenirs! C'est comme les remords – c'est terrible. Pour moi,

un souvenir est toujours un remords: toujours il prend des airs d'accusateur. J'ai peur qu'une fille aussi vivante, aussi réelle que Valia cède la place en mon esprit à quelque image figée, à quelque souvenir vague que je regretterai. Je sais très bien que chaque chose avortée, mal réussie, chaque changement de décor me font plus égoïste. J'ai peur du regret futur, peur de la mélancolie, peur du souvenir. Tous ces sentiments ne me vont pas, ne vont pas à mon âge et à mes aspirations, mais existent et m'ennuient fort. N'anticipons pas du reste, mais sachons pressentir. Vais écrire une lettre à Mitia – et tâcherai de ne pas écrire à Valia: cela me tente trop et il faut la faire un peu attendre – ou ne pas attendre? Sur le front depuis 3 jours, la situation est calme. L'offensive allemande est arrêtée. Il semble qu'Hitler se soit gouré cette fois.

Вчера, около 6 вечера, после кошмарного путешествия, потому что мы были нагружены вещами (сундуками и т.д.), мы и Кочетковы приехали в Пески. Уф! Поезда набиты битком и отвратительны, жара ужасающая. Наконец мы на месте, это главное. Здесь очень приятно, воздух замечательный, мы приходим в себя. Повсюду зеленые поля, поют птицы, словом – деревня. Почти нет «дачников», Москва-река рядом. Однако жратвы маловато, с питанием здесь плоховато. В этом отношении в Москве лучше. Что здесь хорошо, это одиночество и покой. Никто не лезет. Для писателя – настоящая мечта. И есть где гулять. Говорят, эвакуация запрещена с позавчерашнего вечера. Во всяком случае, Митя не едет в Томск, а остается в Москве или поедет на дачу. Это очень хорошо, что с эвакуацией кончено (если только это не утка), это показывает, что военное положение улучшилось. С другой стороны, для нас – нет никакой необходимости эвакуироваться. Но у меня больше сомнений относительно нашего московского будущего. Деревня – это хорошо, но я без Вали очень скучаю. Я ее видел 11 вечером. Она мне продолжает нравиться. Почему? Это трудно объяснить. Что нехорошо? То, что, конечно, в смысле обстановки, деревня гораздо лучше города; если есть друзья или флирт, то можно гораздо лучше проводить время в деревне, чем в городе (летом). Ведь в деревне можно шататься, купаться, и есть тысяча других возможностей. Но в этой замечательной обстановке из интересных людей, возвышающих красоту местности, – только я один. Например, я был бы в тысячу раз счастливее, если бы Валя и Митя были тут. Все та же старая история: все зависит от людей. Поэтому Москва меня соблаз-

няет. Там почти нет никаких возможностей, зато есть люди, друзья. Хотя мои отношения с Вале́й ограничиваются чем-то вроде флирта, основанного на блестящей беседе, часто обоюдной, такого безобидного и иронического флирта мне достаточно. Я знаю, что я очень сладострастный, но я временами себя спрашиваю, не ограничивается ли моя сладострастность некоторой категорией женщин, исключаящей других. Например, есть женщины, которые меня страшно возбуждают: мне хочется добиться обладания сразу, на месте. Это вовсе не означает, что они мне нравятся. Валя мне нравится, поцеловать ее было бы для меня совсем логично, даже, может быть, ее и полапать. Но я не представляю себе ее лежащей и стонущей подо мной. Странная граница, странная шкала наслаждения. Надо будет это поглубже проанализировать. Валя эlegantна, у нее свой стиль, и это очень ей к лицу. Мы достигли некоторой степени интимности. Но мне все портит некоторое пророческое чувство естественного скептицизма, из-за которого я часто предвижу события, близко меня касающиеся, в пессимистическом свете, хотя я, по природе, вовсе не пессимист. С Вале́й, например. Я очень боюсь, что наши отношения лопнут и кончатся ничем и просто рассосутся. У меня какое-то предчувствие. Впрочем, я отлично знаю, что если бы это зависело только от нас, мы отлично могли бы продолжать встречаться и интересоваться друг другом: Валя мне нравится, и я прекрасно знаю, что я ей тоже очень нравлюсь. Но не в этом дело. Я боюсь внешних обстоятельств, которые неизменно возникают, особенно если нет самостоятельной жизни. Например, в данный момент я на даче, я не знаю, что делает Валя, я смогу ее увидеть, только когда поеду в Москву, а когда? Это нас очень друг от друга отдаляет. Конечно, я могу ей написать, но, к сожалению, у нее нет этого дара: она ненавидит писать письма. Это очень неприятно. Я бы не хотел, чтобы она куда-нибудь уехала и я бы этого не знал. Например, очень возможно, что Валя — женщина, которая может испытывать интерес и все остальное к мужчине, только если она его часто встречает, без этого ее интерес исчерпывается, просто умирает. На эту мысль меня наводит ее отвращение к письмам. Если это так, мое дело г... . Может быть, и подсознательно совсем вероятно, она в теории думает «с глаз долой, из сердца вон». Это очень возможно. И тогда, еще раз, кто останется один? Кто пойдет в ж... носом: я, конечно. Мне всегда жалко себя заранее: так что, если случается то, чего я ждал (плохого), мои соболезнования в отношении себя ограничены. Конечно, все, к сожалению, зависит от денег и от материальной независимости. Я надеюсь через неделю

быть в Москве. Почему я боюсь потерять Валю? (Я никогда ее не «имел», но я могу ее «потерять».) Я боюсь потерять кусочек счастья («высококачественного», тут же поправил бы меня Митя). «Бояться» не подходит. Мне заранее грустно от неоконченного, от неудачи, от того, что кончится «ничем», холодности, которая все завлакивает. Это меня не пугает, но мне больно. Это еще не случилось, может быть, это не так важно, но меня охватывает неопределенная меланхоличность воспоминаний. Я боюсь, как бы имя «Валя» не стало бы похожим на «Париж». Воспоминания! Это то же самое, что угрызения совести, — это ужасно. Для меня воспоминания всегда раниваются угрызениям совести. Они всегда связаны с каким-то чувством вины. Я боюсь, что такая живая, такая настоящая девушка, как Валя, уступит место в моем уме какому-то застывшему образу, какому-то неопределенному воспоминанию, о котором я буду думать с сожалением. Я слишком хорошо знаю, что от каждого провала, от каждой неудачи, от каждой перемены обстановки я становлюсь большим эгоистом. Я боюсь сожаления в будущем, боюсь грусти, боюсь воспоминаний. Все эти чувства мне не подходят, не соответствуют моему возрасту и моим стремлениям, но они существуют и мне очень неприятны. Не стоит забегать вперед, но надо уметь предчувствовать. Напишу письмо Мите — и постараюсь не писать Вале: мне слишком этого хочется, а надо ее немного заставить ждать — или не надо? На фронте уже три дня положение спокойное. Немецкое наступление остановлено. Видимо, Гитлер на сей раз крупно ошибся.

14/VII-41

L'événement — le gros — c'est l'accord anglo-soviétique qui prévoit la lutte en commun contre Hitler et, d'autre part, dit que ni l'Angleterre ni l'URSS ne signeront séparément de paix avec le Reich, sans accord préalable avec la partie contractante. L'autre événement c'est celui que hier, j'ai été à un doigt de la mort. J'ai failli me noyer dans la Moskova. Mais heureusement Kotchetkoff m'a sauvé. Ai écrit une longue lettre à Valia. Ai acheté des cure-dents à la pharmacie près de la gare. Espère bientôt aller à Moscou et voir Valia et Mitia. Du reste compte bientôt recevoir la réponse de Mitia à ma lettre. Il se peut que je sois obligé de travailler au kolkhoze. N'en ai nullement envie. Ne fous rien, toute la journée. Ai une terrible envie de forniquer. Quel sera l'avenir pour moi? Vais-je étudier à Moscou? Et étudier en général? Que feront et où seront Valia et Mitia?

Событие — первостепенное: англо-советское соглашение, в котором предвидится общая борьба против Гитлера и, с другой стороны, говорится, что ни Англия, ни СССР не подпишут отдельного мира с Рейхом, без предварительного согласия с договаривающейся стороной. Другое событие — что вчера я был на грани смерти: я чуть не утонул в Москва-реке. К счастью, Кочетков меня спас. Написал длинное письмо Вале. Купил зубочистки в аптеке у вокзала. Надеюсь скоро поехать в Москву и повидать Валу и Митю. Кстати, рассчитываю на скорый ответ от Мити на мое письмо. Возможно, мне придется здесь работать в колхозе. Совсем не хочется. Ни черта не делаю целый день. Ужасно хочется блудить. Какое будущее у меня? Буду ли я в этом году учиться в Москве? Да и вообще, буду ли учиться? Что будут делать Валя и Митя и где они будут?

15/VII-41

Eh bien, mon petit pote, quoi de neuf? Bah — Rien de bien extraordinaire. Tout va son petit traintrain, quoi... Au fond, c'est très bien, cette union avec l'Angleterre. Le chic, c'est qu'à l'école, chez des amis, partout, depuis le commencement de la guéguerre, j'ai dit que l'ennemi du monde est l'Allemagne nazie, que les Anglo-Américains sont des chics types, que de Gaulle défend la France, etc. Ah! ils sont baisés au cul, ceux qui me disaient le contraire, les membres du Komsomol qui suivaient aveuglément les mots d'ordre des journaux, prenant tout à la lettre, n'ayant aucune expérience politique et ne sachant pas lire entre les lignes! Pauvres types! Bah, au diable. Par exemple, que fera le monde, après qu'Hitler soit battu? Probablement recommenceront les dissensions intestines, les imbécillités parlementaristes, etc. Je me fous de tout, pourvu que Paris soit restauré dans son rang de capitale, de Ville-Lumière, pourvu que la France reprenne la place qui lui est due et que les Boches soient foutus au cul et Hitler écrasé définitivement. Y en a marre de ces Prussiens nazis. Mais on les battra — avec l'Angleterre, et l'aide croissante des USA, et la force militaire «soviétique». La «croisade de l'Europe contre le bolchévisme» n'est qu'un masque — et personne n'est dupe. Ici, aux Sables, ça commence à devenir franchement emmerdant. Deux vieilles folles, et ma mère et moi. Du reste Kotchetkoff va revenir de Moscou et apporter des nouvelles de la capitale. Me manquent Valia et Mitia.

Chaleur du diable. Quand est-ce que j'irai à Moscou? Sur le front, rien d'intéressant. Les attaques allemandes sont repoussées. Il me semble que l'attaque allemande en général est enrayée. Mais ils peuvent «reprendre du poil de la bête» à tout moment. Je m'ennuie fort ici. Que foutent Valia et Mitia. Valia m'oublie-t-elle? Je n'en sais rien. En tout cas lui ai envoyé une lettre – comme ça elle saura que moi je ne l'oublie pas. C'est une lettre spirituelle, fine et intelligente («et puis quoi encore»?)... Ce que je voudrais: rester pour l'année scolaire à Moscou et que Valia et Mitia y restent aussi et que ma mère ait du travail et que personne ne nous emmerde et qu'on ne nous foute pas dehors de la chambre de Pokrovsky Boulevard. C'est très compliqué: la décision du Mossoviet en ce qui concerne la défense aux organes de la milice d'enregistrer de nouveaux locataires sera-t-elle levée, en liaison avec l'amélioration de la situation militaire? J'en doute fort. Si cette décision était levée, on serait obligé de partir, où? D'autre part: la situation militaire s'est-elle améliorée durablement et l'évacuation est-elle défendue définitivement? Il n'y a qu'à être optimiste – et c'est tout. Ce que je voudrais voir Valia et Mitia.

Ну что ж, дружище! Что новенького? Ба! Ничего особенного. Все идет спокойненько, своим чередом, ну... В сущности, очень хорошо, что есть этот союз с Англией. Шикарно то, что в школе, с друзьями, повсюду, с самого начала этой войны я говорил, что враг всего мира – нацистская Германия, что англо-американцы – порядочные люди и что де Голль защищает Францию и т.д. Так вот им, па х..., тем, кто мне говорил обратное, комсомольцам, которые слепо следовали газетным лозунгам, принимали все в буквальном смысле, не имели никакого политического опыта и не умели читать между строк. Жалкие типы! Ба! К черту. Например, что будет делать мир после того, как Гитлер будет разбит? Вероятно, снова начнутся внутренние раздоры и парламентские глупости и т.д. Мне на все наплевать, лишь бы Париж был восстановлен в своей роли мировой столицы, лишь бы Франция вновь обрела то место, которого она заслуживает и чтобы фрицы были выперты вон, а Гитлер окончательно раздавлен. Надоели эти нацисты-пруссаки. Но мы их победим, вместе с Англией. И с возрастающей помощью США, и с советскими военными силами. «Крестовый поход» Европы «против большевизма» – только маска, и никто ему не верит. Здесь, в Песках, начинается ужасная скучища. Две сумасшедшие старухи да

мы с матерью. Кстати, Кочетков возвращается из Москвы, он привезет новости из столицы. Я очень скучаю по Вале и Мите. Жара невозможная. Когда же я поеду в Москву? На фронте ничего интересного. Немецким атакам дается отпор. Мне кажется, что в целом немецкое наступление остановлено. Но они могут в любой момент вновь воспрянуть. Я страшно здесь скучаю. Что же делают Валя и Митя, черт! Валя меня забыла? Не знаю. Во всяком случае, я ей послал письмо, по крайней мере, она будет знать, что я ее не забываю. Письмо забавное, тонкое и умное («и что еще?»). Чего бы я хотел? Остаться на учебный год в Москве и чтобы Валя и Митя тоже остались. И чтобы у матери была работа, и чтобы никто нам не надоедал, и чтобы нас не выперли из комнаты на Покровском бульваре. Все очень сложно: будет ли отменено решение Моссовета относительно запрета милицейским властям прописывать новых жильцов, в связи с улучшением военного положения? Сильно в этом сомневаюсь. Если это решение будет отменено, тогда нам придется съехать. Но куда? С другой стороны, улучшилось ли, и надолго ли, военное положение? Окончательно ли запрещена эвакуация? Надо быть оптимистом. Вот и все. Как бы я хотел видеть Валу и Митю.

16/VII-41

Folie.¹ Скука и сплошной бред. Что я здесь, собственно говоря, делаю? Общество матери и двух старух, интересующихся кошками, — красота! Из рук вон плохое питание: гречневая каша, похлебка, черный хлеб. С утра до ночи идиотские разговоры о еде, о пустяках. Особые таланты интеллигентов в деревне — говорить только о глупостях. Пока нечего думать о поездке в Москву, потому что паспорта — в прописке и будут «не раньше конца недели». Здесь — отвратительная скука. Старушки, говорящие о милых пустяках, плохо организованное питание, кошки, птички и комарики: к чортовой матери! Надоело! Вообще-то говоря, как только получим паспорта, поедem в Москву. В Москве вводятся карточки на некоторые продукты (еще не знаю, на какие). Особенно ненавижу благодушные разговорчики старушек и т.д. Природа! Всё это никуда не годится, если людей нет. Бред и глупость. Что я здесь делаю? И эти глупейшие улыбки и разговоры.

¹Бред.

Приходится мириться — пока паспортов не вернули, в Москву ехать нельзя. Все меня раздражает, а мать в особенности. Идиоты! Понравилось здесь, а! Идиоты, не достигшие за многие годы жизни ничего больше, чем житье на лето в Песках, с плохо организованным питанием и благодушными разговорами! Все это меня бесит. Нет, для деревни я не сделан. Чертовски хочется в Москву. Всё дело в людях. А люди здесь — идиоты. Кочетков редко приезжает. Будут ставить пьесу его сочинения (вместе с Липскеровым) «Надежда Дурова». Кочетков очень оптимистично настроен, уверен, что убьют-добьют Гитлера. Мать боится газов и бомбежек, я хочу в Москву — видеть Валю и Митьку. Бред, бред жуткий. Бред и скука. Очевидно, в этом году школы будут функционировать — раз положение на фронтах как будто хорошее. Эвакуация прекращена, многие учреждения возвращаются... Жду ответа от Митьки. Хочется затеять с ним переписку — ничего ведь не делаю. Как хочется увидеть Валю. Хотя ею и не обладал, но как-то по ней изголодался. Вполне ли обоснован оптимизм Кочеткова? Забыла ли обо мне Валя, и письмо мое доставит ли ей удовольствие или нет? С некоторого времени ощущение, меня доминирующее, стало распад. Распад моральных ценностей, тесно связанный с распадом ценностей материального порядка. Процесс распада всех без исключения моральных ценностей начался у меня по-настоящему еще в детстве, когда я увидел семью в разладе, в ругани, без объединения. Семьи не было, был ничем не связанный коллектив. Распад семьи начался с разногласий между матерью и сестрой, — сестра переехала жить одна, а потом распад семьи усилился отъездом сестры в СССР. Распад семьи был не только в антагонизме — очень остром — матери и сестры, но и в антагонизме матери и отца. Распад был еще в том, что отец и мать оказывали на меня совершенно различные влияния, и вместо того, чтобы им подчиняться, я шел своей дорогой, пробиваясь сквозь педагогические разногласия и идеологический сумбур. Процесс распада продолжался пребыванием моим в католической школе Маяра в Кламаре. С учениками этой школы я ничем не был связан, и хотя меня никто не третировал, но законно давали ощущать, что я — не «свой», из-за того, что русский и вдобавок коммунистической окраски. Что за бред! Когда-то ходил в православную церковь, причащался, говел (хотя церковь не переносил). Потом пошло «евразий-

ство» и типография rue de l'Union. Потом — коммунистическое влияние отца и его окружающих знакомых — конспираторов-«возвращенцев». При всем этом — общение со всеми слоями эмиграции... и обучение в католической школе! Естественно, никакой среды, где бы я мог свободно вращаться, не было. Эмигрантов я не любил, потому что говорили они о старом, были неряшливы и не хотели смотреть на факты в глаза, с «возвращенцами» не общался, потому что они вечно заняты были «делами». С французскими коммунистами я не общался, так как не был с ними связан ни работой, ни образом жизни. Школа же мне дала только крепкие суждения о женщинах, порнографические журналы, любовь к английскому табаку и красивым самопишущим ручкам — и всё. С одной стороны — гуманитарные воззрения семьи Лебедевых, с другой — поэтико-страдальческая струя влияний матери, с третьей — кошачьи концерты в доме, с четвертой — влияние возвращенческой конспирации и любовь к «случайным» людям, как бы ничего не значащим встречам и прогулкам, с пятой — влияние французских коммунистов и мечта о СССР как о чем-то особенно интересном и новом, поддерживаемая отцом, с шестой — влияние школы (католической) — влияние цинизма и примата денег. Все эти влияния я усваивал, критически перерабатывал каждое из них — и получался распад каждой положительной стороны каждого влияния в соответствии с действием другого влияния. Получалась какая-то фильтрация, непонятная и случайная. Все моральные — так называемые объективные — ценности летели к чорту. Понятие семьи — постепенно уходило. Религия — перестала существовать. Коммунизм был негласный и законспирированный. Выходила каша влияний. Создавалась довольно-таки эклектическая философски-идеологическая подкладка. Процесс распада продолжался скоропалительным бегством отца из Франции, префектурой полиции, отъездом из дому в отель и отказом от школы и каких-то товарищей, абсолютной неуверенностью в завтрашнем дне, далекой перспективой поездки в СССР и вместе с тем общением — вынужденно-матерьяльным — с эмигрантами. Распад усугублялся ничегонеделаньем, шляньем по кафэ, встречей с Лефортом, политическим положением, боязнью войны, письмами отца, передаваемыми секретно... какая каша, боже мой! Наконец отъезд в СССР. По правде сказать, отъезд в СССР имел для

меня очень большой характер, большое значение. Я сильно надеялся наконец отыскать в СССР среду устойчивую, немобильные идеалы, крепких друзей, жизнь интенсивную и насыщённую содержанием. Я знал, что отец – в чести и т.д. И я поехал. Попал на дачу, где сейчас же начались раздоры между Львовыми и нами, дразги из-за площади, шляния и встречи отца с таинственными людьми из НКВД, телефонные звонки отца из Болшева. Слова отца, что сейчас еще ничего не известно. Полная конспирированность отца, мать ни с кем не видится, я – один с Митькой. Неуверенность (отец говорил, что нужно ждать, «пока все выяснится» и т.д.). Тот же, обычный для меня, распад, неуверенность, зыбкость материальных условий, порождающая наплевательское отношение ко всему. Тот же распад, только усугубленный необычной обстановкой. Потом – аресты отца и Али, завершающие распад семьи окончательно. Все, к чему ты привык – скорее, начинаешь привыкать, – летит к чорту. Это и есть разложение и меня беспрестанно преследует. Саморождается космополитизм, деклассированность и эклектичность во взглядах. Стоило мне, например, в различных школах, где я был, привыкнуть к кому-нибудь, к чему-нибудь – нате: переезд – и все к чорту, и новый пейзаж, и привыкай, и благодари. Сменяются: Болшево, Москва, Голицыно, комнаты в Москве, школы, люди, понятия, влияния – и сумбур получается. Наконец – Покровский бульвар. Как будто прочность. Договор на 2 года. Хожу в школу, знакомясь, привыкаю. Но тут скандалы с соседями. Хорошо. Кончаю 8^й класс – причем ни с кем не сблизился (еще одно предположение-надежда летит к чорту: что найду «среду». Никакой среды не нашел, да и нет ее). Знакомлюсь с Валей, вижусь с Митькой. Тут – война! И всё опять к чорту. Начинаются переездные замыслы, поиски комнат. Опять полная неуверенность, доведенная до пределов паническим воображением матери. Идут самые неуверенные дни жизни, самые панические, самые страшные, самые глупые. Дежурства, «что завтра?» и т.д. Теперь, после этого всего, – Пески. Идиотское времяпрепровождение, идиотские люди, идиотские разговоры о самоварах, яичках и т.д. Патологическая глупость, интеллектуальная немощность, прикрываемая благодушием. Пески – для меня полнейший моральный декаданс. Почему я так часто говорю о распаде, разложении? По-

тому что все, с чем я имел дело, клонилось к упадку. Наладились отношения с Вале́й — уезжаю в Пески. И никакие письма не помешают нашим отношениям клониться к упадку, и я не буду удивлен, если эти отношения прекратятся вовсе. Все это я пишу не из какого-то там пессимизма — я вообще очень оптимистичен. Но чтобы показать факты. Пусть с меня не спрашивают доброты, хорошего настроения, благодушия, благодарности. Пусть меня оставят в покое. Я от себя не завишу и пока не буду зависеть, значить ничего не буду. Но я имею право на холодность с кем хочу. Пусть не попрекают меня моими флиртами, пусть оставят меня в покое. Я имею право на эгоизм, так как вся моя жизнь сложилась так, чтобы сделать из меня эгоиста и эгоцентрика. Я ничего не прошу. Придет время, когда я смогу говорить в лоб, что я думаю, людям, которые мне не нравятся. Деньги — вот в чем дело. Это очень сложно: загребать деньги с моей прямоотой и ясным взглядом очень трудно, а сам я без денег — неполноценный человек.

17/VII-41

L'événement principal¹ — подписание перемирия в Сирии. Все предоставляется англичанам и де Голлю. Французы могут репатриироваться или присоединиться к де Голлю. Я очень рад за победу англичан и де Голля в Сирии. Интересно, что политически я оказался в сто раз больше дальновидным и прозорливым, чем те, с которыми я имел дело. В школе, у друзей, я всегда говорил за Англию, Америку и де Голля, говорил, что Гитлер — вот враг. И, главное, меня не обманывал общий тон советской печати, благоприятствовавший, во всяком случае, больше Германии, чем Англии и Америке. Да и никогда не верил я в хорошие отношения с нами со стороны Гитлера. Если разбираться в последних 4–5 сводках, то видно, что продолжают крупные бои в Белоруссии. Неприятно, что в сегодняшней сводке впервые употребляется термин «на Смоленском направлении». Бои, между прочим, идут в Белоруссии — т.е. там, где всего ближе Москва. Это мне тоже не нравится. Последние две сводки скупы и говорят о том, что «продолжались бои» на таких-то направлениях (Витебском, Но-

¹ Главное происшествие.

воград-Волынском и Смоленском). Очевидно, результаты этих боев неизвестны, хотя мне лично кажется, что все-таки наступление фашистов в Белоруссии будет остановлено и разбито. Советская авиация частенько бомбит Плоешти и нефтепромыслы. Англичане уже долгое время сильно бомбит Западную Германию (особенно Рурскую область). Эти удары очень сильны и разрушительны. Советская печать публикует выступления Жюлья Ромэна, Фейхтвангера, Анри Бернштейна, Пертинакса, Драйзера, которые приветствуют соглашение Англии с СССР о совместных действиях против гитлеровской Германии. Печать Англии, Америки, Турции, Швеции, Швейцарии, Китая, Ирана и т.д. оживленно комментирует это историческое соглашение. Общий тон – Гитлеру придется теперь вести борьбу на два фронта, и он будет, бесспорно, разбит. В 1916 г. Германии тоже пришлось вести борьбу на 2 фронта – и она была разбита. Во Франции запрещено празднование 14го июля (взятие Бастилии). В Москве введена карточная система на ряд продуктов, еще не знаю, каких. Кочетков поехал в Москву, узнает, будут ли писателям карточки выдавать группкомы или домоуправления. Вообще-то говоря, лучше, если бы мы были в Москве для получения карточек – но нет паспортов и даже на 1 день невозможно в Москву ехать. Сегодня была гроза. Хорошая штука. Прочел «Свою судьбу» М.Шагинян и теперь читаю «Борьбу за жизнь» П. де Крайфа в № 5 «Инт. литературы». Скука здесь. Потеря времени и совершенно нечего делать. Валяешься, читаешь, шляешься на станцию, ешь невкусную пищу... Скука. Сейчас – вечер. Скорей бы паспорта добыть – да айда в Москву. Как хочется встретиться с Валею и Митькой! Только 8 дней не видел Валею – а как хочется ее видеть! Конечно, в Москве – другое ощущение. Мать по-глупому боится всего; боится, что меня куда-нибудь «мобилизуют», боится бомбежки, боится газов, всего боится. Противно. Конечно, я сильно надеюсь на то, что к 1 сентября занятия в школах начнутся. Валя предполагает поступить в 10^й кл. школы взрослых – как Митька. Я бы хотел учиться в Москве, видаться с Валею и Митькой и чтоб все шло по-нормальному. Пока что мои цели более ограниченные: попасть в Москву и поболтать с Валею и Митькой. Главное – с Валею, потому что она мне нравится и мне просто вкусно с ней говорить и глядеть на нее. Мне здесь очень надоело. Когда это кончит-

ся? Город мне больше подходит. Хочется уехать отсюда, в городе — для меня — хорошо.

18/VII-41

Второй день льет дождь. Не выхожу из дому, читаю «Борьба за жизнь» П. де Крайфа. Книга нужная и хорошая, хотя композиция небрежна и портит ее. Совершенно не понимаю, что, собственно говоря, мы тут делаем. Льет дождь, гулять нельзя, скука и однообразная пища, совсем не питательная. Кочетков-то схитрил — большую часть времени ведь он проводит в Москве, лишь изредка сюда наезжая; а мы здесь сидим без дела. Беспрестанно и усердно агитирую мать за окончательный отъезд в Москву. Боюсь, что Кочетков привезет для матери из Москвы переводов, она начнет над ними работать и будет довольна, что нашла какое-то занятие, а я останусь с носом, и мы в Москву окончательно не уедем до осени. Всё это очень нерадостно. Здесь — смертельная скука, нечего совершенно делать. Дело в том, что мать боится Москвы из-за того, что там меня может «настигнуть повестка», что она ждет налёты, что нужно ходить за керосином для примуса и т.д. Почему мы так скоропостижно улепетнули из столицы? Потому что мы морально буквально были истерзаны неудавшимися переездами, тасканием по мифическим комнатам, перспективами Ашхабада, эвакуации и налетов (причем истерзана была только мать — я же был свеж, как огурчик, и флиртовал с Валечкой). Хотелось отдохнуть и т.п., забыть о заботах... Приехав сюда, мы оказались в обществе двух старух, страдающих кошкоманией, совершенно одни перед тарелками вязкой проделной каши, в присутствии сонного демона скуки, самого страшного из всех демонов. Стараемся убить время как-нибудь. Обеды, завтраки превращаются в события: верный признак не отдыха, а скуки дня. Все это, как говорится, «типичное не то». Мать начинает прозревать, но, к сожалению, двойной фактор мешает ей окончательно прозреть — т.е. окончательно возвратиться в Москву — это ни-весть откуда взявшийся панический страх перед «военной Москвой», с другой стороны, перспектива того, что Кочетков из Москвы привезет ей какую-нибудь переводную работу, и тем самым кончится ее вынужденное бездействие. Добро, она начнет что-то делать, а я-то что? В колхоз я не пойду, а

ходить каждый день на станцию, читать вчерашние газеты и есть псевдо-винегрет – не занятие, да день заполнять требукой – преступление, когда в Москве в сто раз интересней, когда в Москве – пока что – Валя и Митька. Завтра-послезавтра придет Александр Сергеевич, и мы обо всем с ним поговорим. Плохо то, что нет паспортов и плохая погода. Я чувствую себя здесь в глуши, завязшим в тине благодушия, глухости и непритязания. Пески – это глупое, тихое существование – хороши для этих двух старух, а я – человек активный, да и вообще здесь каждый взвоят от скуки. Добро бы питание было хорошее. Но оно просто плохое. Еще одно: события всякого рода развиваются с такой головокружительной быстротой, что, быть может, эти месяцы: июль–август будут, вернее, могли бы быть – нечто вроде «последних счастливых минут» и т.п. и т.д. Сказать яснее – просто не зная, как пойдут события и моя жизнь дальше, хотелось бы наибольшее количество времени провести так, как нравится, наиболее счастливым образом. Это совершенно понятно и естественно. Or¹ провести хорошо и интересно время могу я, как выяснилось, только в Москве. Сидя здесь, у меня неизбывное впечатление, что теряю драгоценное – на вес золота – время безвозвратно. Был бы в Москве – было бы хорошо, правда, суетливо, но, во всяком случае, не так скучно и плохо, как здесь. Действительно, выходит не просто Пески, а Sables Mouvants², и завяз я в этих Sables Mouvants по горло. Единственная отрада моя здесь – писать дневник. Интересна разница, décalage³, между мной самим, его идеями, стремлениями и чувствами и моим существованием. Почему дневник? Дневник потому, что во мне ясна потребность отдавать перед самим собой отчет в существовании этого самого себя, явлениях разных и иногда несообразных. Конечно, большой вопрос – это то, будет ли школа à Moscou⁴ в сентябре – к 1 сентября? Enigme⁵, конечно. Барометром всех явлений теперешней моей – и не только моей – жизни являются военные события, положение на фронтах. Большинство окружающих мать знакомых, в том числе и Кочетков, настроены очень оп-

¹ Однако.

² Зыбучие Пески.

³ расхождение.

⁴ в Москве.

⁵ Загадка.

тимистично, говорят, что Гитлер провалился. Печать ведет кампанию в смысле того, что Гитлер разбит, правда, разбит потенциально. Если взять в целом тон советской и иностранной печатей, настроения друзей и знакомых, то впечатление получается оптимистическое. Причем впечатление это усугубляется тремя фактами (для меня): 1) «Соглашением между Великобританией и СССР о совместных действиях против гитлеровской Германии»; 2) подписанием перемирия в Сирии; 3) сопротивлением советских армий на востоке от Европы (на западе от Москвы). Комментировать значение факта № 1^ю не приходится — достаточно сказать о важности и значении координирования военных сил Union Jack¹ и Soviet Russia² в борьбе с Гитлером. Факт № 2^й имеет большое значение не только в стратегическом отношении (оборона Кипра, Египта и Суэцкого канала от Гитлера), но и говорит также о поднятии престижа Англии и войск генерала де Голля. Причем факт № 2^й, рассматриваемый в связи с «Соглашением о совместных действиях», представляет собой, в свете международных событий, такую радостную весть: победа Англии в Сирии счастливо совпадает с военным союзом с СССР: дипломатическая и военная победы. Фактор № 3^й несомненен по большому значению, хотя и не выяснен до конца. Что русские, храбро сопротивляясь, остановили наступление немцев по всему фронту — это факт. Но на сколько времени и как пойдут события на востоке дальше — этого никто сказать не может пока еще. Тогда как два первые факта как бы незыблемы и в скором времени не подлежат изменению, факт № 3^й находится в движении и изменении. Эти движения и изменения вызываются возобновлением крупных боев в Белоруссии. Конечно, Гитлер хочет прорваться на восток, к Смоленску, а потом — на Москву. Недаром в последнем коммюнике говорилось, что «происходят крупные бои на Витебском, Смоленском и Новоград-Волынском направлениях». Очевидно, в Белоруссии немцы возобновили свое наступление. Удастся ли им достичь крупных успехов, прорваться на восток? Мое личное впечатление — вряд ли. Нужно думать, во время затишья на фронтах наша армия сумела приготовиться дать резкий и решительный отпор немецкому наступлению. Тогда как успе-

¹ Британский Стяг.

² Советская Россия.

хи гитлеровских войск, позволившие им захватить Западную Белоруссию, часть Зап. Украины, Литву и часть Латвии, объясняются — по советским мнениям — внезапностью германского нападения и тем, что Красная Армия не смогла развернуться вовремя, дальнейшие события показали, что Красная Армия сумела — хоть на время — разбить немецкое наступление на всех фронтах без исключения. Теперь красные войска, вероятно, развернулись, и чем дальше пойдут события, тем труднее немцам будет преодолевать упорное сопротивление советских армий, и мне кажется, что в конце концов немецкое наступление будет окончательно остановлено. Являются ли бои, происходящие сейчас в Белоруссии, частью германского наступления, только приостановленного на 4–5 последних дней, или только как бы вспышкой, независимо от того предполагаемого факта, что немецкое наступление, именно в эти 4–5 дней, было окончательно разбито? Иными словами, я ставлю вопрос так: окончательно ли остановлено германское наступление, по затишью недавнему, или новые бои в Белоруссии являются прелюдией нового гитлеровского наступления, и затишье было только для отдыха и не следствием разгрома фашистов? Мне лично кажется, что следует ожидать новое ожесточенное германское наступление по всему фронту (или хоть только в Белоруссии) и не очень-то доверяться затишью. Мне кажется, что теперешние бои в Белоруссии являются началом возобновления германского наступления. Результатов этих боев еще нет. Вряд ли в Белоруссии немцам удастся достичь решающих успехов, особенно в смысле Смоленска, куда они и стремятся. В начале войны мне как-то больше верилось в успехи немцев. Дело в том, что они еще не взяли ни одного города в границах СССР без недавних территориальных приобретений. Германским войскам не удался молниеносный удар — ведь если затишье на фронтах и не было следствием *окончательного* разгрома фашистских армий, то, во всяком случае, это затишье явно определялось тем, что гитлеровские войска не в состоянии были продолжать своего быстрого наступления. Очень возможно, что война будет длительная, если немцам в скором времени не удастся достичь подлинно важных стратегических пунктов Европейской части СССР. Ведь Львов и Каунас — не в счет. Это тебе не Минск, и не Смоленск, и не Киев. Затишье на фронтах Финском, Украинском и Бессарабском продолжается. Очевидно, прибли-

жаются пора позиционной войны. Если дело дойдет до позиционной войны, то это будет большим достижением для СССР и Англии, потому что экономические ресурсы Германии будут истощаться, и план быстрой ликвидации мощи Советской Армии будет окончательно сорван. Едва ли нужно добавит, что Америка в это время достигнет исключительно высокого уровня военного производства и снабжение Англии сильно наладится. Мне кажется, что Гитлеру сейчас важнее всего наискорейшую победу получить именно в СССР. Но он ее не получит. «Молниеносная» война против СССР потерпит неудачу из-за силы у Красной Армии, и особенно советской авиации, и также от действий английской авиации по важнейшим центрам промышленности Германии. Каждая минута лишняя — для Гитлера потеря, потому что в эту минуту истощаются экономические расчеты и ресурсы III^{го} Рейха, растет недовольство оккупированной Европы, и Америка снабжает Англию всевозможным, очень высококачественным, вооружением. По моему мнению, Гитлеру нужна очень скорая война против СССР. Если Гитлеру не удастся до зимы победить — и захватить Минск, Киев, Смоленск, Ленинград и Москву, то он окончательно проиграет войну не только против СССР, но и против Английской Империи. По моим личным расчетам и соображениям, до наступления зимы Гитлеру не удастся ничего достигнуть существенного. Он может взять Минск. Но, во всяком случае, Ленинграда и Москвы до зимы ему не взять — и тогда он пропал.

Le même jour¹

Вновь очень неприятные, зловещие новости и перспективы. Мать сегодня встретила одну дачницу, Нину Павловну, которая retour de Moscou². Нина Павловна сообщила, что взят Смоленск, что в Москве ожидаются бомбардировки. Смоленск — в 250 км от Москвы. Потом еще одно: она говорит, что домоуправления посылают подростков 15–16 лет копать. А мне — 16 лет. А матери — конечно, du pain sur la planche³. Строит глупейшие планы, панические перспективы и т.д. И еще эта идиотия с паспортами, которые даже еще не от-

¹ В тот же день.

² вернулась из Москвы.

³ широкое поле деятельности.

правили в Коломну для прописки. Хотя пока они еще здесь, и можно их взять... Завтра должен приехать Александр Сергеевич. Мне страшно хочется в Москву. Хоть в бомбардированную. Страшно хочется видеть Валу, Митьку, пока еще не поздно. Бесспорно, завтра Александр Сергеевич должен принести самые свежие новости. Действительно ли взят Смоленск? Все летит к чорту. Но мне непременно нужно в Москву. Чего боюсь я: паспорта отвезут в Коломну для прописки, нужно будет ехать в Москву, а без паспортов — нельзя. Чертовское положение. Говорят, вновь началась эвакуация. Она была приостановлена лишь из-за «пробки». Во всяком случае, мне непременно нужно хоть навеститься в Москву. Может, даже я смог бы так устроить, чтобы не показываться в домоуправление. Возможно, что Митька, да и Валя, уже куда-нибудь эвакуировались. Чорт знает что! Подождем Александра Сергеевича. Узнал, что письма идут 5 дней и распечатываются военной цензурой. Скорее хотелось бы попасть в Москву, видеть Валу и Митьку. Когда приедет Алекс. Серг.? По всей вероятности, он должен приехать завтра к 1 ч. — 2 ч. дня. Мне непременно нужно в Москву. Нина Павловна говорит, что нужно в Москву ехать только в крайнем случае. Но я непременно, неуклонно хочу попасть в Москву, чтобы узнать, что собираются делать Валя и Митя. Ну и положение. С ума сойти. Нужно достать паспорта, а то как же в Москву попадешь? Неужели Смоленск взят? Хочется действовать, а приходится выжидать.

19/VII-41

Le samedi matin.¹ У меня и у матери — тревожное настроение. Вообще-то говоря, ничего не будет окончательно известно до приезда Кочеткова. И сможет ли он приехать сегодня? Мне кажется, положение представляется следующим образом: если Кочетков не приедет, то завтра-послезавтра мы едем в Москву, чтобы всё разузнать. Более вероятно, что Кочетков сегодня приедет. Он должен привезти самые последние новости: действительно ли взят Смоленск? Во всяком случае, во вчерашней сводке об этом ничего не упоминается. Кочетков может взять несколько решений, в зависимости от

¹ Суббота утром.

общего положения дел: 1) или я и мать едем на день-два в Москву, а потом возвращаемся сюда и «пережидаем события». 2) Или в Москву сейчас очень не рекомендуется ехать, и, значит, не заезжая туда, остаемся здесь опять-таки «переждать события». Или, в-3^х, Кочетков, ввиду очень серьезного положения, решает ехать в Туркмению — и тогда мы едем с ним (да и это еще не сказано — возможно, что он поедет один, а нас не возьмет, но это все-таки мало вероятно). Или, 4ая возможность, мы уезжаем в Москву и эвакуируемся с Гослитом или с каким-нибудь другим учреждением. Мне, по правде сказать, на все наплевать, лишь бы попасть в Москву хоть на несколько часов и увидеть Валию и Митьку, знать, что они собираются делать. Мне лично кажется, что Кочетков будет стоять за решение № 1 — чтобы я и мать поехали в Москву на день, вернулись сюда и «переждали события». Всё зависит, конечно, от степени серьезности положения. Я страшно боюсь проворонить отъезд Вали и Митьки куда-нибудь. Мне непременно нужно знать, что с ними будет, и оттого чем раньше я попаду в Москву, тем будет лучше. Дело в том, что письма плохо и долго ходят, проверяются военной цензурой. Вообще, сегодня — решающий день. Мне лишь бы попасть в Москву хоть на 1 день — а там увидим. Хозяева дачи говорят, что вчера почему-то не было передач по радио. Что это означает? Или, может, враки. Я непременно должен узнать, что собираются делать Валя и Митька, если они еще не уехали. Итак, ждем Кочеткова. Вчера мне удалось убедить пойти мать и жену Кочеткова за паспортами. К счастью, они были еще здесь, и сегодня мы сможем их взять. Если мы поедем в Москву, то, во всяком случае, до вторника (если останемся здесь жить), т.к. ко вторнику паспорта должны быть возвращены для прописки. Что скажет Кочетков? Неужели все-таки придется уехать в туркменскую глушь? Или эвакуироваться с какими-нибудь писателями? Как будто погода улучшается. Между прочим, с улучшением погоды у меня меняется к лучшему настроение. Может, Кочетков привезет из Москвы не столь уж зловещие новости, и я побываю в Москве. Боюсь, что скоро уедет Митька, потому что Академия наук отправляет вторую партию в Томск. Например, Валя не знает моего адреса и если уедет, то не будет знать, как меня об этом предупредить, так как и московского моего адреса она не знает. Оттого мне нужно в Москву возможно скорее. Может быть, Валя

уже уехала на Урал, или в колхоз, или ее куда-нибудь мобилизовали? Авось сегодня приедет А.С. и будут приняты какие-то решения. В Москву нам нужно уже для того, чтобы получить карточки. Лучше писем в Москву не писать, а посылать открытки, которые доходят гораздо быстрее и не теряются, как письма. Пугает меня: «Ils se connurent juste à la veille de la guerre, mais la catastrophe les jeta chacun de leur côté. Il avait peut-être raté son grand amour». Quelle banalité!¹

20/VII-41

L'événement principal: Staline est nommé commissaire du Peuple à la Défense et le m^{al} Timochenko, son remplaçant. Comme cela tout le pouvoir exécutif, gouvernemental et militaire est entre les mains de Staline. Depuis 5 jours continuent des combats acharnés en direction de Pskov, Smolensk et Novograd-Volynski, Polotsk-Nevel, combats dont les résultats sont indécis et inconnus. D'aucuns croient que la nomination de Staline va changer la tactique défensive soviétique en tactique offensive. Hier vers 11 h. 30 du soir est arrivé Kotchetkoff. Aujourd'hui dans l'après-midi, avons eu une conversation très sérieuse avec lui. En commun, nous avons pris une décision irrévocable: il faut partir à Moscou à tout prix. Demain nous partons – pour 1 jour ou 2 à Moscou. La situation se présente ainsi: demain Kotchetkoff va parler à un certain Skosyreff qui est en ce moment, de facto, à la tête de l'Union des Ecrivains. Si Skosyreff dit à Kotchetkoff que l'Union des Ecrivains juge bon que Kotchetkoff parte au Turkmenistan et peut lui trouver des billets, alors Kotchetkoff tâchera de nous prendre avec lui, sa femme et la vieille. Autrement dit, si on peut faire de façon à trouver des billets pour Tachkent (ce qui est très difficile), alors, nous partons avec Kotchetkoff pour là-bas et de Tachkent à Achkhabad. Mais seuls Skosyreff et l'Union des Ecrivains peuvent faire quelque chose en ce sens. Peut-être diront-ils qu'ils ne peuvent rien faire. En tout cas Skosyreff a dit hier à Kotchetkoff qu'il prendrait tous les renseignements sur son cas. Si cela avorte avec Kotchetkoff et le Turkmenistan, alors nous – ma mère et moi – nous inscrirons au

¹ «Они познакомились в самый канун войны, но катастрофа разбросала их каждого в свою сторону. Он, быть может, пропустил свою большую любовь». До чего банально!

comité d'évacuation du «Litfond» qui forme des échelons d'évacuation. L'ennuyeux c'est qu'on ne sait pas où iront ces échelons et on ne sait quoi prendre avec soi en conséquence. Si l'évacuation va, par exemple, à Tachkent, alors Kotchetkoff a tout intérêt à partir avec cet échelon. Demain, vais à Moscou à 7 h. 30 du matin avec ma mère et Kotchetkoff. Au moins saurai ce que sont devenus Valia et Mitia. Ainsi, selon toute probabilité, nous sommes pratiquement à la veille

---

Главное событие: Сталин назначен Народным Комиссаром обороны, а маршал Тимошенко его заместителем. Таким образом, вся власть: законодательная, правительственная и военная — в руках Сталина. Вот уже 5 дней идут жестокие бои в направлении Пскова, Смоленска и Новограда-Волынского, Полоцка-Невеля. Результаты этих боев еще неопределенны и неизвестны. Некоторые думают, что назначение Сталина сменит советскую оборонительную тактику на наступательную. Вчера в 11.30 вечера вернулся Кочетков. Сегодня днем у нас с ним был очень серьезный разговор. Сообща мы приняли непреложное решение: надо возвращаться в Москву во что бы то ни стало. Завтра мы поедем на день-два в Москву. Ситуация представляется следующим образом: завтра Кочетков будет говорить с неким Скосыревым, который в данный момент фактически является главой Союза писателей. Если Скосырев скажет Кочеткову, что Союз писателей считает нужным, чтобы Кочетков уезжал в Туркменистан и может ему достать билеты, тогда Кочетков попробует взять нас с собой, вместе с женой и старушкой. Иными словами, если есть возможность достать билеты в Ташкент (а это очень трудно), тогда мы вместе с Кочетковым едем туда, а из Ташкента в Ашхабад. Но только Скосырев и Союз писателей имеют в этом смысле возможность что-то сделать. Может быть, они скажут, что ничего не могут сделать. Во всяком случае, Скосырев вчера сказал Кочеткову, что он соберет все сведения о его случае. Если с Кочетковым и Туркменистаном дело лопнет, тогда мы (мы с матерью) запишемся в эвакуационный комитет Литфонда, который составляет эвакуационные эшелоны. Неприятно то, что мы не знаем, куда эти эшелоны направляются и, следовательно, не знаем, что с собой брать. Если партия едет, например, в Ташкент, тогда Кочеткову выгоднее всего ехать с этой партией. Завтра в 7.30 еду в Москву с матерью и Кочетковым. По крайней мере, узнаю, что стало с Валей и Митей. Итак, по всей вероятности, мы находимся накануне

ДНЕВНИК № 10

Suite 20/VII-41

de quitter Moscou pour une destination jusqu'ici inconnue. Kotchetkoff considère que rester à Moscou serait une folie. Deux alternatives se présentent: ou bien nous partons pour le Tourkmenistan avec Kotchetkoff, sa femme et la vieille, ou bien nous partons avec le Litfond pour une «destination inconnue». Je crois, pour ma part, que demain – après-demain, nous saurons quelle direction nous prendrons pour notre évacuation de Moscou: direction Litfond ou direction Asie. Du reste, il se peut que l'échelon du Litfond parte pour l'Asie aussi. Alors Kotchetkoff partira aussi avec l'échelon. Fini le confort! Mais il paraît qu'il s'agit de sauver sa peau. L'intellectuel russe ne brille pas par son courage, il est plutôt vaseux. Bien sûr, le chic serait de partir avec les Kotchetkoff, en groupe, quoi, au lieu de partir avec des gens qu'on ne connaît pas. Dans toute l'URSS des cartes pour tous les produits. Comme on voit, notre plan d'évacuation n'est pas encore défini, mais il y a tout de même deux possibilités et l'une d'elles se réalisera. Moi, je voudrais qu'on parte avec les Kotchetkoff, parce qu'ils ont au Tourkmenistan des amis et tout ça, et ils nous aideront en tous sens. La situation morale de Moscou est assez miteuse: du reste, la situation morale varie toujours conformément aux variations de la situation militaire. Tout le monde à Moscou était très «frais» et même une pointe héroïque, lorsque les communiqués annonçaient l'arrêt de l'offensive allemande. Mais dès que les Allemands recommencent leur offensive en direction de Smolensk, alors à Moscou, c'est l'évacuation qui recommence à toute vitesse, les conversations pleines de panique rapploient, les peurs qui se cristallisent, etc. etc. Kotchetkoff dit qu'à Moscou on ne songe qu'à bouffer le plus possible avec les cartes, qu'on se plaint du manque d'argent et qu'on s'évacue en masse. Dans un jour ou deux, je l'espère, se décidera notre sort: nous évacuerons-nous en Asie avec les Kotchetkoff ou bien nous partirons avec le Litfond, où? Je me paye, à vrai dire, un peu la gueule de Kotchetkoff et de 99% des Moscovites qui, quand la situation sur le front s'était tranquilisée pendant 4—5 jours, s'étaient mis à faire preuve d'un optimisme idiot et qui, maintenant, bégaiement et n'en reviennent plus des cartes et des nouvelles attaques nazies. L'important c'est Moscou.

Si les Allemands arrivent à prendre Smolensk, alors ils marcheront sur Moscou. Or, Moscou se défendra, probablement, de façon sauvage. Qu'avons-nous à faire dans une Moscou purement militaire? Rien, sinon à être tués inutilement par les bombardements ou par les soldats du IIIe Reich. Pour moi tout dépend de Smolensk: s'ils prennent Smolensk, ils prendront la capitale de l'URSS. Et même si les Allemands ne réussissent pas à prendre Moscou, il vaut mieux foutre le camp d'une ville qui se défend sauvagement, qui se fait bombarder et tout ça. Par exemple, la nomination de Staline comme commissaire du Peuple aux Affaires de la Guerre peut signifier un changement capital de la tactique soviétique, peut signifier une contre-offensive soviétique. Cette nomination me fait espérer en tout cas, une telle recrudescence de la résistance soviétique, que la dite résistance brisera tous les efforts des Allemands en direction de Smolensk — direction particulièrement dangereuse. D'un côté ce serait terriblement miteux de partir pour le Tourkmenistan et de savoir au bout de quelques temps que l'offensive allemande est brisée et que la vie normale continue à Moscou, avec les écoles qui fonctionnent, théâtres, cinés et tout, tandis qu'on moisirait à Achkhabad. A vrai dire ça nous ferait les pieds. D'un autre côté, la situation pourrait se présenter sous le jour suivant: trop confiants en nos victoires futures, nous resterions à Moscou, nous nous ferions peut-être bombarder et, au moment où la situation deviendrait désespérée, nous voudrions quitter Moscou — et il serait trop tard. Dans le premier cas, nous n'éprouverions que du dépit, dans le cas second, notre vie serait simplement en danger. Par exemple, tant pis pour les affaires et bagages: en advienne que pourra. Il est évident que nous n'emporterons que le strict nécessaire, c'est à dire excessivement peu, le moins possible, pour ne pas nous embarrasser en route. Le gros, la richesse de nos bagages, les livres, le principal de ce que nous avons amené ici, en URSS, restera à Moscou et sera anéanti ou pillé. La seconde alternative est la plus vraisemblable. Ça n'a rien de folichon, mais je préfère avoir la vie sauvée, que d'être emmacchabé à cause des bagages. Au diable, après tout! Faut pas pleurer! Un jour, je serai bien plus rupin et pourrai avoir tout ce que je veux — ça compensera toujours les «pertes de jeunesse». Après tout vaut mieux tout perdre à 16 ans, qu'à 20—40 ans. J'ai toute la vie devant moi, et je compte bien réussir. En tout cas, demain, ma mère prendra tous les renseignements sur

L'évacuation du Litfond, Kotchetkoff saura de quoi il retourne avec Skozyreff, moi je saurai quel est le sort de Valia et de Mitia. Maintenant, je suis certain que Mitia partira à Tomsk, s'il n'est pas déjà parti. En ce qui concerne Valia je n'en sais trop rien. Demain – journée chargée, fiévreuse, intéressante en tous points. Partirons à six heures du matin. Ai retiré mon passeport au Soviet du village et peux partir librement à Moscou.

Продолжение 20/VII-41

отъезда из Москвы в до сих пор неизвестном направлении. Кочетков считает, что оставаться в Москве было бы безумием. Представляются две альтернативы: либо мы отправляемся в Туркменистан вместе с Кочетковым, его женой и старушкой, либо мы уезжаем с Литфондом в «неизвестном направлении». Я лично думаю, завтра-послезавтра мы узнаем, в каком направлении мы отправимся из Москвы в эвакуацию: в направлении Литфонда или в Азию. Впрочем, возможно, эшелон Литфонда тоже отправится в Азию, тогда Кочетков уедет с этим эшелоном. С комфортом покончено! Но кажется, речь идет о спасении своей шкуры. Русский интеллигент не блещет своей смелостью, он скорее неважнец. Конечно, здорово было бы уехать с Кочетковым, в группе, что ли, а не ехать с незнакомыми людьми. По всему СССР теперь карточки на все продукты. Видимо, наш план эвакуации еще не определен, но есть все-таки две возможности, и одна из них осуществится. Я бы хотел, чтобы мы уехали с Кочетковыми, потому что в Туркменистане у них есть друзья и все такое, и они нам во всем помогут. Моральное положение Москвы довольно жалкое. Кстати, моральное положение меняется в связи с переменами военного положения. В Москве все были «бодрые» и даже чуть-чуть героически настроены, пока, согласно сообщениям, немецкое наступление было остановлено. Но как только немцы возобновляют наступление в направлении Смоленска, тогда в Москве сразу снова начинается поспешная эвакуация. Возобновляются панические разговоры, усиливаются страхи и т.д. и т.д. Кочетков говорит, что в Москве только и думают, чтобы по карточкам нажраться, что люди жалуются на безденежье и происходит массовая эвакуация. Через день-два, я надеюсь, наша судьба решится: будем ли мы эвакуированы в Азию с Кочетковыми или мы уедем с Литфондом, но куда? Мне смешно смотреть на Кочеткова и на 99% москвичей: когда положение на фронте успокоилось на 4–5 дней, они стали про-

являть идиотский оптимизм, а теперь заикаются и ошеломлены карточками и новыми нацистскими нападениями. Москва ведь главное. Если немцам удастся взять Смоленск, тогда они пойдут на Москву. А Москва будет, вероятно, с яростью защищаться. Так нам-то что делать в абсолютно военной Москве? Ничего, кроме как быть совершенно зря убитыми бомбардировками или солдатами Третьего Рейха. По-моему, все зависит от Смоленска. Если они возьмут Смоленск, они возьмут столицу СССР. И даже если немцам не удастся взять Москву, лучше удрать из города, который яростно защищается, подвергается бомбежкам и все такое. Например, назначение Сталина Народным Комиссаром по военным делам может означать капитальную перемену советской тактики, может означать советское контрнаступление. Это назначение, во всяком случае, позволяет мне надеяться на то, что советское сопротивление так усилится, что это усиление и переломит немецкие попытки продвинуться в направлении особенно опасном — в направлении Смоленска. С одной стороны, было бы жутко обидно уехать в Туркменистан и через некоторое время узнать, что немецкое наступление остановлено и что в Москве продолжается нормальная жизнь: школы открыты, театры и кино работают и т.п., пока мы сохнем в Ашхабаде. По правде говоря, это было бы нам в пику. С другой стороны, положение может представлять и другую картину: твердо надеясь на наши будущие победы, мы остаемся в Москве, терпим бомбардировки, и именно в тот момент, когда положение становится безвыходным, мы хотим покинуть Москву — но тогда уже, возможно, будет слишком поздно. В первом случае мы бы испытывали только досаду, во втором же случае наша жизнь была бы просто в опасности. Будь что будет с вещами и багажом, плевать на них. Совершенно ясно, что мы возьмем только самое необходимое, а именно — очень мало, как можно меньше, чтобы не быть обремененными в пути. Больше, все богатство нашего багажа, книги, то главное, что мы везли сюда, в СССР, останется в Москве и будет разорено или разграблено. Вторая альтернатива — самая правдоподобная. Это совсем невесело, но я предпочитаю остаться живым, чем приведенным в вид трупа из-за багажа. Черт с ним, в конце концов. Не стоит слезы лить. Когда-нибудь я стану настоящим богачом и смогу иметь все, что захочу: это будет возмездием за все «потери юности». В конце концов, лучше все терять в 16 лет, чем в 30—40. У меня вся жизнь впереди, и я очень надеюсь добиться удачи. Во всяком случае, мать завтра получит все сведения относительно литфондовской эвакуации, Кочетков узнает, что и как насчет Скосырева, я узнаю, какова судьба Вали и Мити. Теперь я уве-

рши, что Митя уедет в Томск, может быть, он уже уехал. Что касается Вали, я почти ничего не знаю. Завтра день будет нагруженный, лихорадочный, интересный во всех отношениях. Мы отправляемся в шесть утра. Взял свой паспорт из сельсовета и могу свободно ехать в Москву.

21/VII-41

Le plus marrant de cette triste histoire, c'est qu'on n'est pas partis pour Moscou ce matin-là.¹ Причина: лил проливной дождь, который превратил дороги в Песках в чорт знает что. Поедем в Москву завтра утром. Если завтра утром опять пойдет дождь, то я не поеду, а поедет мать и Кочетков — я с этим вполне согласен. Сегодня днем ехать нет смысла, т.к. ближайший поезд приходит в Москву вечером, и мы приезжаем туда en plein² затемнения, тревоги и т.д. Кроме того, всяческие события сегодня хоть немного, но продвинутся, и завтра все будет, может быть, яснее. В Песках — полнейший распад и разложение. Скрещение антагонизмов: tu me les recopieras, les intellectuels russes³. Психоз кошек: какая-то кошечка пропала, нужно ее искать, и эвакуироваться трудно из-за кошек, психологическая травма, воспоминания из Кисловодска, когда пришлось отравить 12 кошек — не брать же с собой, так вот аналогия и т.д. и т.п. Сплошные кастраты и сумасшедшие идиоты. И приходится все же на таких людей опираться. Ничего, придет время, когда я всё это пошлю к чорту, всех этих идиотов и идиоток. А пока что приходится иметь с ними дело. Кочетков почти безвольный, конечно, хороший, но слабый, неуверенный человек — как на такого надеяться и опираться? Его жена — стареющая дурочка с почти седыми волосами, абсолютно безмозглая, глупая, умеющая только щебетать о кошках и разной прочей чуши. Старушка Меркурьева, которая всех их связывает: капризное, немощное, горбатое существо, с идиотскими прихотями, тоже помешанная на кошках, и с которой, очевидно, придется ехать, если удастся всем поехать в Туркмению. Разложение, потому что говорят о пустяках и о кошках. Разложение, потому что Кочетковым приходится считаться со старухой. Разложение, потому что

¹ Самое забавное в этой печальной истории то, что мы не уехали в Москву в то утро.

² в полный разгар.

³ ты мне уж не рассказывай сказки про этих русских интеллигентов.

они не платят за дачу. Разложение, потому что каждый час все меняется, все вилами на воде, потому что планы распадаются, как колоды карт, карточные домики. Разложение, потому что не удалось поехать сегодня в Москву. Разложение, потому что мать не знает, куда деться, что делать. Разложение, потому что здесь, среди людей здоровых, работающих, мы кажемся вертушками, вертлявыми идиотиками, дураками, которые не знают, чего хотят. Разложение, потому что вчера Кочетков говорил о полной его уверенности в разгроме Гитлера, а сегодня говорит, что нужно тикать из Москвы и что он не хочет встречаться с немцами. А завтра, под давлением «своих дам» и кошек, он начнет говорить, что у него причины, собственно говоря, психологического характера, что он не знает, что он думает, «что все обойдется» и т.д. и т.п. Сплошной бред. Разложенческая каша решений, противоречий, травм, глупости, страха и разговоров о пустяках, пище, кошках и т.д. Держу пари, что завтра опять пойдет дождь, и я опять не поеду в Москву. Разложение, потому что твои самые ценные отношения просто распадаются. Конечно, вся эта кутерьма и распад всего происходят исключительно из-за того, что я не свободен и завишу от матери и Кочетковых (*indirectement*¹). Если бы я был один, я бы всегда очень точно и отчетливо знал, что мне делать. Но я крепко связан с немощными людьми. Себя я утешаю тем, что лучше быть крепко связанным с почти что ненужными людьми лет в 16, чем в 20-30 лет. Кроме того, эта связанность оправдывается чисто экономически: пока что я не способен обеспечить себе независимое существование, да еще в таких условиях. И опять, как в Париже, как в Болшеве, как в Голицыне и Москве, остается одно: ждать. Ждать дальнейшего развертывания событий. К счастью, эти события развиваются довольно быстро. Но каждый день говорить: завтра все выяснится — невозможно скучно и беспросветно. Не глупость ли мы делаем, что эвакуируемся из Москвы? Опять разжевываешь, сотни и тысячи раз уже, тот же обескровленный, бесцветный вопрос, который, в конце концов, теряет всякий смысл. Начинаю повторять вместе с Шекспиром: «*La vie est une histoire, pleine de bruit et de fureur, et qui ne signifie rien*»². Поистине, XX^й век

¹ косвенно.

² «Жизнь — это сказка, наполненная шумом и яростью, и она ничего не значит».

можно назвать веком разложения. Свищет ветер, опять ветер, наверное, будет дождь как раз, когда нужно будет ехать. Если будет дождь, то я и сам не поеду – совсем неохота быть по колено в грязи. Но все-таки страшно хочется попасть в Москву завтра. Возможно, что мой сильный интерес к судьбе Вали и Митьки, мое тяготение к ним означают лишь жалкие попытки «цепляния» за какие-то ценности, как будто не тронутые еще разложением. Цепляюсь за что-то нормальное, объективно для меня не потерявшее своего значения и ценности. Попытки оправдать какими-то радостями бесцельное и глупое мое теперешнее существование. Во всяком случае, идиотское пребывание в Песках должно кончиться наискорейшим образом. Мне здесь порядочно надоело, и люди, здесь живущие механически глупо, опротивели в их жалком бездействии и моральной пустоте и неменяемости. Идиотии должен быть положен конец. Пусть действие, какого рода ни было бы. А так жить – угасать. Сегодня постараюсь добыть газету на почте. А школа? Неужели не удастся в этом году учиться и среднее мое образование полетит к чорту? Мать тут бы сказала: «не до этого сейчас». Противно то, что в точности предвидишь каждую реакцию, каждый ответ, и все кажется плоским необычайно.

23/VII-41

Наше положение представляется следующим образом: Кочеткову в Туркмению дают только 2 билета, сейчас он еще не едет, так что Ашхабад отпадает окончательно. Мать запросила директора Литфонда насчет эшелона; ее случай будет рассмотрен Союзом писателей, и его решение (очевидно, благоприятное) мы узнаем утром 24го числа. Завтра, забрав все вещи отсюда, возвращаемся в Москву. В ночь с 21го на 22ое (юбилейная дата: месяц с начала войны) Москва подверглась 1^{му} налету германской авиации. По советскому сообщению, Москва подверглась нападению со стороны 200 самолетов, из которых только немногим удалось прорваться и сбросить бомбы, которые не попали ни в один военный объект. Во всяком случае, это первый массовый налет германской авиации на Москву – и далеко не последний. Сбито 17 самолетов. Вся Москва только и говорит о бомбежке. Говорят, сильно пострадал Белорусский вокзал, Музей Революции, Исторический отдел Академии

наук СССР. Был у Митьки. У него в доме выбиты все стекла, обвалилась штукатурка, попадали все вещи, его квартира — сплошной кавардак, и все время всё оттуда выгребают его кузены. Он уезжает на дачу. Его дом пострадал даже не от бомбы, а от воздушной волны. Все его книги — вперемешку, делается чорт знает что. Вся Пятницкая сбежалась посмотреть на этот дом, кажется, он единственный пострадал из всей улицы. Ну и повезло же Митьке, нечего сказать! Видел Валю. Она совершенно спокойна, пока что никуда не уезжает (впрочем, кто ее знает, она довольно скрытная); говорит о красоте светящихся снарядов и говорит, что полезет на крышу, когда будет следующая бомбежка. Были с ней во всех книжных магазинах. Купила книгу Гофмана «Новеллы». Ходили, болтали. Она удивлена, что я уезжаю, а говорил еще не так давно, что ни за что не уеду из Москвы. Между прочим, пусть остается, а мне бомбежки не нравятся, а ну их к ляду. Кроме того, ведь отъезд зависит не от меня, а от матери. Если бы я был независим, то я, быть может, и остался. Во всяком случае, завтра окончательно решится наш отъезд. Эшелон предполагается эвакуировать в г. Чистополь (как говорят, под Казанью, Татарская АССР). Если уедем, то уедем эдак числа 25го–27го. Нужно будет укладываться и перевозить вещи на станцию и знакомиться с теми, кто едет, и устраиваться в поезде, и все это крайне противно и неприятно. Мать карточек вчера не получила. Эвакуируются жены писателей с детьми: вот противно-то будет, если я окажусь единственным 16-летним среди женщин и детей. Если сказать правду, то надеюсь, что Союз писателей откажет матери и мне в отъезде. Не знаю даже, что желать. Завтра утром едем в Москву, а там позвоним и узнаем решение Союза писателей. Конечно, он удовлетворит просьбу матери. Каждый случай рассматривается единично. Валя говорит, чтобы я не притворялся, и что по-настоящему я очень рад уезжать. Я смеюсь и хвастаюсь тем, что буду повелевать женами писателей. По-настоящему, все это очень скучно и глупо. Митька пока что — во избежание бомбежки — уезжает на дачу в Отдых — пока не наступит эвакуация 2^й партии Академии наук (с которой он поедет). Эвакуируются они или в Уфу, или в Казань, или в Алма-Ату. Шикарно было бы, если мы оба были бы в Казани. Но это вряд ли осуществится. Сам факт отъезда из Москвы — благоприятен, но ужасно неприятна и противна техника отъезда — перевозка, укладка, посадка и т.д. Мать буквально рвется из

Москвы — совсем струхнула и т.д. Завтра же позвоню Вале о решении Союза писателей и о том, куда и когда мы поедем. Она-то остается в Москве, как мне кажется, до поры до времени, хотя и не подает виду. Митьке дьявольски повезло — ему удалось купить две книги Валери: «Variété II» и «Variété III». Счастливеец! Мне страшно нужно у него эти книги перекупить, деньги я раздобуду, но ничего не выйдет, потому что в Москве завтра его, очевидно, не будет, а будет он на даче, а на телеграмму денег нет. Это будет очень досадно. Мать страшит меня укладкой, говорит, что она «запрещает мне» брать два портфеля с моими дневниками и книгами, но мне наплевать, и я в последний момент все возьму, что хочу. Самое противное — укладка. Дело в том, что мать хочет заставить меня ей все время помогать. А я отнюдь этого не хочу, а хочу в Москве напоследок повеселиться, как могу. Попробую мою обычную тактику: так плохо помогать, что она вынуждена будет сама отправить меня к черту. Завтра мне важно будет непременно пойти к Митьке — а вдруг он дома? Тогда, к этому времени, я уже буду знать, какого числа я еду, и если Митьки не будет, а будет его дядька, то передам записку для Митьки. Впрочем, все это увидим на месте и предрешать нечего. Если не удастся мне купить эти «Variétés» у Митьки, то постараюсь позвонить Элисбару и выклянчить у него Валери как бы на прочтение, а потом зажилить, тем более, что он его не очень любит. Но вряд ли это выйдет, этот номер. Теперь немцы будут бомбить Москву, как только могут, все время. Тревога 21–22го продолжалась 3 часа 30 м. Это очень много. Даже из Песков была видна бомбежка, снаряды, ракеты, прожекторы и т.д. У Митьки поврежден телефон, это очень все осложняет. Уже 5–6 дней продолжается ожесточенное сражение на Полоцко-Невельском, Новоград-Вольнском и Смоленском направлениях. Совершенно ясно, что немцам не удастся прорвать <линию> наших войск. Они практически не продвигаются, и существенных изменений на фронте нет. Сколько будет продолжаться такое сражение на этих 3 направлениях, которое не приносит немцам никаких положительных результатов? Сегодня куплю газету: неужели немцам не удалось к «юбилею» сделать сюрприз и форсировать фронт? Ведь уготовили же они бомбежку Москвы к месячному юбилею со дня объявления войны, так и на фронте должны были что-нибудь сделать в этом роде. Но вряд ли. Итак, завтра — в Москве. А дня через два-три будем сидеть — или сто-

ять — в поезде и уезжать от Москвы. Нужно будет связаться с уезжающими, когда окончательно узнаем, что едем, чтобы знать, что можно брать с собой в поезд. Вчера в вагоне, возвращаясь в Москву, хлестал водку с пьянчугой и ел его бекон. Очень хорошо. Мать настаивает, что я не возьму с собой портфелей, но *je ferai à ma tête*¹. Как я бы хотел, чтобы Митька был завтра в Москве! А вдруг он будет в Москве — а книги в Отдыхе? Тогда я останусь с носом. Страшно хочется иметь эти книги. Во всяком случае, *je suis à la veille de grands changements*². Завтра — решающий день. Наверное, дня два-три-четыре мне не придется вообще писать дневника — проклятый переезд все заест. Надоело мне это до горькой редьки. Но может, действительно лучше уезжать из столицы — *pour notre petite santé*³.

26/VII-41

Уже 3 дня как мы охотимся на достоверность. План отъезда в Чистополь окончательно провалился — в эшелон нас не включили, туда поехали только инвалиды и матери с маленькими детьми. Возможно, что если бы вместо того, чтобы сидеть в Песках, включились мы своевременно в 1^й или 2^й эшелон в Чистополь, мы бы туда и попали. Но теперь поздно — Чистополь провалился. В Литфонде и Союзе писателей никто ничего не знает и не может сделать — включая Панфёрова и Асеева. Каждый день мать бывает в Литфонде, каждый день там новые решения, обращающиеся тотчас же в пух и прах. Там царит несусветный хаос и кавардак. Все почему-то — из интеллигенции — несусветно боятся бомбежки, все сделались психопатами. В Литфонде — *fouillis*⁴ приказов, распоряжений, *ordres, contre-ordres*⁵, все каждоминутно отменяется, проваливается... Совершенно ничего нет достоверного — только зыбкость, всюду обещания постараться, но ни от кого ничто не зависит. Каждый хочет куда-то уехать, каждый старается протаскать «своих», некоторые плачут. Беспрестанно отменяются решения, и возникают новые эвакуационные планы. Сколачиваются группы, едущие неизвестно куда и на

¹ я сделаю по-своему.

² я накануне больших перемен.

³ спасая свою шкуру.

⁴ неразбериха.

⁵ приказы, контрприказы.

что. Потом все отменяется, потом вновь возникают какие-то разветвления, и в конце концов ничего нельзя понять. Буквально на моих глазах провалились возможности эвакуации группы писателей и жен писателей в Ташкент и Казань, Чистополь. Пока что мы каждый день ходим в Литфонд и все разузнаем. Попомню я русскую интеллигенцию, едри ее в дышло! Более неорганизованных, пугливых, несурзных, бегущих людей нигде и никогда не видал. Литфонд — сплошной карусель несовершившихся отъездов, отменяемых планов, приказов ЦК, разговоров с Панферовым и Асеевым и Фединым. Все это дает ощущение бреда. Каковы же все-таки последние новости нашего несчастного отъезда? Как будто опять начинает сколачиваться группа писателей, для которой сейчас ищут место эвакуации — не то Тамбов, не то Марийскую АССР, не то опять Татарию. Что-то такое в этом роде намечается — для тех, кто не уехал в Чистополь. Но даже если что-нибудь выйдет с образованием этой группы, если найдут место и сговорятся с местными властями, еще совершенно неизвестно, удастся ли нам попасть в эту группу или нет. Дело в том, что никто ничего не знает. Мне бы лично больше всего хотелось уехать в Среднюю Азию. Но опять-таки, вчера возможность отъезда в Ташкент провалилась. Асеев, Федин, Галкин, Морозов, Берестинский и т.д. — все обещаются помочь, но они ничего — или почти ничего — не могут сделать. В общем, все как прежде, вилами на воде, и куда мы поедем, и поедем ли вообще, мы не знаем. С тех пор, как я приехал сюда — с 24го — тревоги были, но таких бомбардировок, как 3 первые, не было. Спокойно сидел в бомбоубежище, но возможно, что скоро придется дежурить. Два раза встречался с Валею. Помню, как в Песках все время думал о ней. А встретился — менее сладко. Все та же история: мечта доставляет более удовольствия, чем осуществление желания. Я лично предпочитаю такое счастье, которое вдруг бы свалилось на голову, без предварительного его смакования. Дело в том, что человек, мечтающий о счастье или сколачивающий его и мыслящий глубоко, всегда истощит это счастье и его возможности до того, как это счастье осуществится, — и когда желанное свершится, то радость свершившегося потускнеет по сравнению с мысленным предвкушением ее. *La proie donnera moins de plaisir que l'ombre.*¹

¹ Добыча доставит меньше удовольствия, чем греза.

Осязаемое счастье будет просто менее интересно потому, что сила мысли предвосхитила возможности восхищения — ведь восхищаешься перед необычным, а человек уже все — или главнейшее — силой своего интеллекта предвидел и прочувствовал заранее. Это не правило — даже для меня. Во всяком случае, с людьми — с взаимоотношениями с людьми — иногда бывает иначе — *tant que l'homme*¹ является явлением разносторонним, способным к преобразованиям. Но если человек из целого куска, то конфликт процесса осуществления с свершившимся фактом выступает всегда на первый план — для меня. Об этом интересно писать — нужно только точно наблюдать за этими явлениями и набирать примеры из жизни. Позавчера был у Митьки и оставил для него записку от меня, которую передал дяде его — он поехал на дачу в Отдых. Сегодня в 3 часа был у Митьки — но оказалось, что он приехал в Москву в 9.30 и больше не показывался. Разминулись, чорт возьми. И все из-за того, что у меня телефон выключен, а у него сломан из-за бомбежки. Я решил завтра — в воскресенье — ехать к нему на дачу в Отдых. Предприятие во всех отношениях рискованное, потому что: 1) расписания поездов нет; 2) могут повредить дорогу, и тогда я застряну и не смогу или доехать, или вернуться; 3) Митька может сам завтра поехать в Москву, так что опять выйдет каша. Но я просил передать ему через домработницу, чтобы он приехал послезавтра в Москву, в понедельник, и что я к нему приду часа в 3. Так что если она ему это передаст сегодня или завтра, то он в Москву завтра не поедет. Ясно одно: сегодня в Москву он приехал в связи с моей запиской к нему, где я его торопил приехать в Москву, потому что собирался уезжать 26го—27го. Итак, завтра я к нему поеду. Авось все сойдет удачно: сяду в поезд и найду Митьку на месте, и дорогу не разбомбят. Купил книгу Грина. Болит голова очень. Последнее время мало ем.

28/VII-41

Позавчера — в ночь с 26го на 27ое — Москва вновь подверглась бомбардировке германских самолетов. Я стоял на чердаке дома, и были видны пожары и слышны гнусные взрывы бомб, сотрясавшие наш дом. Объективно — там стоять было

¹ пока человек.

очень страшно, но боялся я не особенно. Вчера был у Митьки на даче. Валери не купил — он, сволочь, хочет продавать лишь одну «Variété» — а я хочу обе. Ночевал у него же на даче. Юморили о том, что, вероятно, игрой судьбы мы будем раздвинены на много времени, будем жить в разных местах и ничего не знать друг о друге. И вечный вопрос: les battra-t-on? Et quand? Où vivra-t-on? J'ai passé la nuit à sa datcha. Le matin on est venus ensemble à Moscou. Je verrai Mitia après-demain. Peut-être achèterai-je une «Variété», mais je voudrais les deux ou rien. Si j'avais les deux, j'aurais alors 4 bouquins de Valéry mais 3 — ce n'est pas à dédaigner non plus. Moscou est divisée en deux camps bien distincts: ceux qui ont peur des bombardements aériens et ceux qui n'ont pas peur. Moi je suis dans les seconds. Ai promis à Valia avant-hier de lui téléphoner le lendemain, mais le lendemain j'étais chez Mitia. Lui téléphone aujourd'hui. Elle arbore un ton revêche, au fond, je la fous au cul. Lui retéléphonerai demain. Beaucoup de gens ont leurs maisons presque détruites. 9 h. du soir. Me couche (si on bombarde Moscou aujourd'hui, aurai du moins un peu dormi). Pour le moment ne partons nulle part, malgré la terreur de ma mère à cause de mon service de pompier sur le grenier de la maison (très dangereux, pour éteindre les bombes). Moi, je m'en fous. On ne me laisse pas partir pour Kazan (on a permis à ma mère), mais, sans moi, elle ne part pas. Because que je suis âgé de 16 ans et «apte au travail». Enfin on verra pour la suite, mais pour le moment on ne part pas. Partent les enfants, les malades, les vieillards, les mères, et nous ne convenons à aucune de ces catégories. Moi je me fous de rester à Moscou. C'est ma mère qui a la trouille, à cause de moi sur le toit. Mitia non plus ne part pas pour le moment avec l'Académie. Peut-être partir aux Sables? Tout est chaos. Et surtout que notre énorme maison avec notre 6e est très «touchable» par les bombes. Mais moi, je crois à l'avenir. Sur le front, les troupes du Reich subissent de très lourdes pertes sur le front de Smolensk. En Ukraine les nazis attaquent en direction de Jitomir. Du reste, des derniers 10 communiqués on ne retient rien de bien définitif: «combats acharnés en telle ou telle direction», et c'est tout.

побьем ли мы их? И когда? Где будем жить? Я ночевал у него на даче. Утром мы вместе вернулись в Москву. Я увижу Митю послезавтра. Может быть, я куплю только одну книгу «Вариаций», но я

бы хотел обе или ничего. Если бы я получил обе, у меня было бы 4 книжищи Валери, но тремя тоже не стоит пренебрегать. Москва разделилась на два очень разных лагеря: те, кто боятся воздушных бомбардировок, и те, кто не боятся. Я принадлежу ко второму. Позавчера обещал Вале позвонить на следующий день, но был тогда на даче у Мити. Позвоню ей сегодня. Она взяла какой-то нелюбезный тон; в сущности, пусть идет к ляду. Позвоню ей завтра. У многих людей дома почти целиком разрушены. 9 часов вечера. Ложусь (если сегодня ночью будут Москву бомбить, я, по крайней мере, немного посплю). В данный момент мы никуда не уезжаем, несмотря на ужас матери от моей службы пожарником на чердаке дома (очень опасной — чтобы тушить бомбы). Мне наплевать. Меня не отпускают в Казань (матери дали разрешение, но она без меня не едет), потому что мне 16 лет и я «годен к работе». Посмотрим, что будет, но пока мы никуда не едем. Уезжают дети, больные, старики, матери, а мы не входим ни в одну из этих категорий. Мне наплевать на то, чтобы оставаться в Москве. Мать дрейфит из-за меня на крыше. Митя тоже пока не уезжает с Академией. Может быть, уехать в Пески? Полный хаос. Тем более, что в наш громадный дом и 6^й этаж бомбе «легко» попасть. Но я надеюсь на будущее. На фронте войска Рейха терпят тяжелые потери на Смоленском направлении. На Украине нацисты наступают в направлении Житомира. Впрочем, из последних 10 сообщений много непонятного и не очень определенного: «жестокие бои в том или ином направлении». И это все.

2/VIII-41

После 4^х дней, в течение которых я не писал дневника, я вновь беру перо в руки. Последние дни — сплошной хаос, настоящий кошмар. Но к чему об этом писать? Сегодня выяснилось, что мы уезжаем послезавтра в Татарскую АССР на пароходе с речного вокзала. В какое именно место Татарии, с кем и когда точно мы едем, узнаем сегодня в часа 3–4. Итак, прощай, Москва! Мне страшно не хочется ехать. Какие бы ни были опасности бомбежки и возможность всеобщей эвакуации и всякие другие опасности, а все-таки я уезжаю из столицы, из той столицы, того города, о котором в мире больше всего знают. Кто знает в Европе и Америке о Татарии? Уезжаю из центра страны. Возможно, что уезжаю на очень тяжелую жизнь в какой-то глуши. Одно могу сказать, comme Ронсе-

Pilate: Je m'en lave les mains¹. В самом деле, уезжать хочет мать, а пока что мне все-таки только 16 лет, и материально я всецело завишу от матери. Конечно, это очень мрачно для меня, европейца и культурного человека, уезжать в какую-то там Татарию. Не знаю даже, кто едет, и, главное, где будем жить и что делать. Возможно, в какой-нибудь деревушке. Я всеми силами сопротивлялся отъезду, но нечего делать — связей у меня нет, и самостоятельно прокормиться в Москве я пока что не могу. Конечно, очень досадно будет застрять в Татарии. На сколько времени я туда еду? Как мне удастся вернуться в Москву? Конечно, в известной степени, Казань — это l'aventure². Но ведь цель моей жизни — возможно скорее жить и работать за границей. Уезжая в Татарию, я сильно отдаляюсь от жизненного, культурного центра, который собой представляет Москва. Боюсь я надолго застрять в этой Татарии. И что я там буду делать? Глупо как-то: Прага, Париж, Москва... Казань (в лучшем случае, потому что, наверное, жить будем не в Казани — переполненной, а в месте еще захолустней). Как-то абсурдно звучит: я — и вдруг в Татарию жить. И потом этот отъезд имеет ярко выраженный характер бегства, а я ведь совершенно не хотел отсюда бежать. Считаю, что я, уезжая в Татарию, как-то предаю Москву и собственное достоинство. Беру с собой с полдюжины книг: «Oeuvres choisies» de Racine, «Emaux et camées» de Th. Gautier, «Charmes» de P. Valéry, «Regards sur le Monde Actuel» du même auteur, «Parallèlement» et «Poèmes Saturniens» de P. Verlaine et «Histoires et Nouvelles histoires extraordinaires» d'E. Pöe en deux volumes. C'est peu³, но больше не вмещается в портфель. Очень жалею, что из упрямства не купил у Митьки «Variété III» de P. Valéry. Дело в том, что он предлагал двоекратно купить «Variété III», а я хотел купить тоже и «Variété II», а он отказывался. Вряд ли мне удастся поехать к нему завтра на дачу. Беру с собой 2 портфеля: один с вышеуказанными книгами, другой — с дневниками, чернилом и тетрадями. Вчера был с Валею в кино. Боюсь, что эта татарская антреприза дорого нам обойдется. Что мы там будем делать, как, чем и где жить? Все-таки это глушь. Вчера на двор нашего дома упало с полдюжины bombes incendiaires⁴, которые сейчас же потушили.

¹ как Понтий Пилат: «Я умываю руки».

² Авантюра.

³ Это немного.

⁴ зажигательных бомб.

Сегодня в Литфонде выясняются все детали отъезда. Прощай, Москва! И знай, что еду я не по своей воле, а по чужой необходимости. Но опять-таки, лучше повиноваться своей мамаше в 16 лет и делать *à sa tête*¹ потом — тем более, что я материально связан с ней сейчас. *A Dieu Vat.*

4/VIII-41

Под напором меня, Мули, Нины Герасимовны мать решила не ехать в Татарскую АССР. Решающую роль в этом решении сыграло то обстоятельство, что я категорически заявил, что не поеду в глушь из Москвы. Кроме того, Муля тоже против таких отъездов нивесть куда и на что — мы сегодня с ним говорили. Итак, мы решили пока не эвакуироваться. Что же тогда делать? Представляются следующие возможности: ехать жить куда-нибудь на дачу, *en attendant que la situation s'éclaircisse*². Всё дело в том, что как только тревога и я нахожусь здесь, на Покровском, мне надо идти на чердак, подвергая себя большой опасности. Я этого ни капельки не боюсь — мне наплевать. Но мать буквально больна из-за опасности, которой я себя подвергаю. И оттого хочет вон отсюда. Если бы я жил один, то никуда, даже на дачу, не уезжал бы. Но приходится с ней считаться. Говорили в Группкоме о возможности организации дачи переводчиков в Покрове, в 100 км от Москвы, по Горьковской ж.д. Но, по моему мнению, вряд ли удастся эта возможность — кажется мне, что это разговоры в воздух. И то хорошо, что не уезжаем в глушь. Новости с фронта, со слов Мули, хорошие: на важнейшем, Смоленском, направлении немцы окончательно остановлены и не могут добиться никаких успехов. «Молниеносная» война им не удастся. Возможно, что будем жить на даче. По крайней мере, мать не будет бояться, что я дежурю на чердаке. Теперь Москву буквально бомбят каждую ночь. В ночь с 1го на 2ое сбросили 8 бомб, которые, к счастью, попали на двор и были быстро потушены. По Москве видны разрушенные дома, но мало. Муля считает, что если мать так за меня боится, то следует жить на даче. Муля *suggère*³ что-нибудь найти <на> ст. Отдых (там живут Митька и Лиля). Муля

¹ по-своему.

² в ожидании, что ситуация прояснится.

³ советует.

полагает, что англичане ведут хитрую игру: когда СССР и Германия будут сильно истощены, то грянет английское наступление на западе. Тогда Англия сможет диктовать выгодный ей мир. СССР заключил с польским, чехословацким и югославским правительствами, находящимися в Лондоне, договора о совместной борьбе против Гитлера. Международно-политическое будущее мира *plus que jamais*¹ неясно. Троекратно ездив к Митьке на дачу, всё же не смог добиться продажи мне книг Валери. Составил список книг из маминой библиотеки (без ее ведома), против которых Митька согласился бы выменять «*Variété III*». Тугое дело. Но должно выйти. Где все-таки мы будем жить? Встретил моего бывшего преподавателя литературы. Он сказал, что, очевидно, школа будет теперь без отрыва от производства. Во всяком случае, в Москве школа будет действовать непременно, и педагогов не отпускают. Имеются сведения о том, что будет совмещаться производство, работа в мастерских и общеобразовательная учеба. *Voilà qui est clair, et raison de plus*², чтобы не отдаляться от Москвы. Но как найти, где снять дачу? Последние дни ночевали в склепе Новодевичьего монастыря — там живут писатель-паралитик Садовский с женой. *Mais je ne vois pas*³, как мы найдем, где жить на даче. Быть может, Митька или Лиля что-нибудь знают в этом смысле? Мать сегодня будет говорить в Гослите с Ниной Герасимовной. По крайней мере, оставаясь в Москве или, *du moins, à proximité*⁴, мать всегда сможет достать литработу в той же «Интернациональной» лит<ературе>» или вообще где угодно. Муля переводит на англ. язык и работает в райкоме партии — следит за охраной фабрик. Сегодня дежурю — с 10 до 1 часу. Надеюсь скоро поехать к Митьке со списком. Сейчас выйду — позволю Вале, может, она вернулась с дачи.

5/VIII-41

Бред продолжается. Опять мать говорит, что лучше уезжать в Татарию и на черт знает что, чем оставаться в Москве под бомбами. Вчера опять бомбили Москву — теперь бомбят каж-

¹ более, чем когда-либо.

² Это, по крайней мере, ясно, и тем более причина.

³ Но я не вижу.

⁴ по крайней мере, неподалеку.

дую ночь. Вообще-то говоря — позор, что некоторые из москвичей так «сдали». Я не ожидал от матери такого маразма. Она говорит, чтобы я «не обольщался школой...» У нее — панические настроения: «лучше умереть с голоду, чем под развалинами». Она говорит, что будем работать в колхозе. Идиотство! Какого чорта работать в колхозе — неужели она думает достать себе пропитание этим? В колхозе работать — это тебе не грядки полоть в Песках. И кроме того, я совершенно не намерен работать в колхозе — а ну всё это к ляду. Утром я ей совершенно ясно и определенно и точно сказал, что в Татарию не поеду. Она ответила, что меня не спросит. Но я все равно категорически не поеду с этим эшелоном. В Москве — друзья, работа, школа. В Татарии — глушь, колхоз, грязь и т.д. Мой выбор ясен — ни за что в глушь не уеду. Пусть мать в Литфонде говорит, что поедет с этим эшелоном, пусть твердит, что это «для тебя последний шанс уехать из-под бомб», пусть вносит 85 рублей, — ехать я отказываюсь категорически. Жертвовать моим будущим, образованием и культурой не намерен. Другое дело, если матери удастся получить командировку в какой-нибудь город, — тогда пожалуйста, я согласен. Творческая командировка — это совсем другое дело. Я бы тогда поехал. По этому поводу мать сегодня поговорит со Скосыревым (сектор народов ССП). Я почти уверен, что из этого ничего не выйдет. Валя болела гриппом. Сегодня с ней увижусь. Может, пойдем в кино. Ночевать будем, вероятно, в склепе у Садовских. Сплошной хаос — и всё из-за безволия матери, поддающейся влиянию глупых разговоров, паники и т.д. Все эти бесконечные решения мне надоели бесконечно — <это> ведет только к тому, что мать не работает, комната грязная, и питаемся в столовых Гослита или просто в столовках. Полнейшая безалаберность. И всё из-за того, что я пожарник (sic). Мне всё это ужасно надоело.

8/VIII-41

Suis à bord du «Alexandre Pyrogoff» qui vogue sur le canal Moscou-Volga. Après de tragiques journées — tragiques surtout par le manque de décisions concrètes et par le changement presque irréel de ces décisions — et après un embarquement cauchemaresque, enfin, nous sommes partis. A Gorki nous changeons de train fluvial. En tout le voyage durera 8 jours.

Destination finale: la ville d'Elabouga, sur la r. Kama. 15 000 h. Il paraît qu'il y a une école russe. C'est en Tatarie. C'est miteux et tout ce que j'ai pu faire pour empêcher le départ, je l'ai fait, y compris menaces, sabotages du départ et mobilisation à mes fins d'amis communs. Mais rien n'y a fait. Et comme je ne suis pas capable de gagner ma vie seul à Moscou, je suis parti, bien que fort en colère et plein d'appréhension du lendemain. Du reste, à bord du «Pyrogoff» se trouve un type qui a fini 7 classes et qui va aussi à Elabouga, en compagnie de sa mère. C'est un nommé Sakonsky. C'est un type cultivé, sympathique. Bien sûr, nous voulons aller à l'école. Le kolkhoze ne nous sourit guère, mais qui sait? Peut-être sera-t-on obligé par les circonstances d'y travailler. Ce qui est bien c'est qu'on est assis ensemble, sur le même banc et ce Sakonsky est très cultivé pour son âge (du reste le mien). Il aime la musique, etc. Puis, à bord, il y a un autre type qui a fini 10 classes et qui va aussi à Elabouga. J'ai quitté Moscou en écrivant 3 lettres: à Moulia, à Valia et à Mitia. Ma conscience est absolument tranquille. J'ai fait totalement tout ce qui était en mon pouvoir pour ne pas partir de Moscou. J'ai échoué et, au reste, il ne pouvait en être autrement. Maintenant je me laisse faire — par ailleurs pas trop. Nous sommes en 4e classe — la pire. Mais à parler franchement, ce n'est pas trop mal. On dort assis, c'est sombre, ça sent mauvais, mais ce n'est pas la peine de jouer au confort — le confort n'est pas un produit russe. J'ai établi mon G.Q.G. sur le pont des premières.— je suis un malin, moi (du reste, j'y reste tant qu'on ne m'en chasse pas). Du pont on voit la rivière, tout. En fait de bouffaille — du pain et du fromage, et on boit du thé. Moi, la question bouffaille, je m'en fous. Mais de quoi s'occupera ma mère, que fera-t-elle, comment gagnera-t-elle son pain. Le tout c'est de se tenir près des Sakonsky parce qu'ensemble, c'est plus sûr. Il se peut qu'on arrive à s'installer à Kazan. Tout cela est indécis. On verra. Je ne me fais point d'illusions. Je vis au jour le jour. Au moins, ce qui est bien, c'est qu'il y a un type de mon âge qui va au même endroit que moi.

Нахожусь на борту «Александра Пирогова», который плывет по каналу Москва—Волга. После трагических дней — трагических, главным образом, из-за отсутствия конкретных решений и почти фантастических изменений этих решений, после кошмарной по-

грузки на борт мы наконец, отчалили. В Горьком меняется маршрут. Всего путешествие продлится 8 дней. Окончательное место назначения — город Елабуга, на реке Каме. Население: 15 000 ж. Говорят, там есть русская школа. Это в Татарии. Довольно паршиво, но все, что я мог сделать, чтобы противостоять этому отъезду, я сделал, включая угрозы, саботаж отъезда и вызов на помощь общих друзей. Ничего нельзя было сделать. Но так как я не способен один в Москве зарабатывать себе на жизнь, я уехал, хотя очень злой и полный опасений о завтрашнем дне. Кстати, на борту «Пирогова» находится тип, который окончил 7 классов и который тоже плывет в Елабугу вместе с матерью. Зовут его Саконский. Он — парень культурный, симпатичный. Конечно, мы хотим ходить в школу. Колхоз нам не улыбается, но кто знает? Может быть, обстоятельства заставят нас там работать. Хорошо, что мы сидим вместе, на одной скамье, а этот Саконский очень культурный для своего возраста (кстати, и моего). Он любит музыку и т.д. Кроме того, на борту есть еще другой тип, окончивший 10 классов, который тоже едет в Елабугу. Уезжая из Москвы, я написал 3 письма: Муле, Вале и Мите. У меня совесть абсолютно спокойна. Я сделал решительно все, что было в моей власти, чтобы не уезжать из Москвы. Мне это не удалось, да и не могло быть иначе. Теперь я уже в чужих руках, я подчиняюсь, но не слишком. Мы плывем в 4^м классе — худшем. Откровенно говоря, все еще не слишком скверно. Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться о комфорте — комфорт не русский продукт. Я устроил свой Генеральный штаб на палубе первого класса. Я ведь — хитрец (я, кстати, там сижу, пока меня не выгнали). С палубы видна река, всё. В смысле жратвы — хлеб с сыром, пьем чай. Мне на вопрос жратвы наплевать. Но чем будет заниматься мать, что она будет делать и как зарабатывать на свою жизнь? Главное — держаться около Саконских, вместе вернее. Возможно, удастся устроиться в Казани. Все очень неопределенно. Посмотрим. Я не питаю никаких иллюзий. Я живу изо дня в день. Одно хоть хорошо, это то, что есть парень моего возраста, который едет туда же, куда и я.

9/VIII-41

Vogue, vogue... Et nous voguons. Vers quels destins? Ce qui est idiot, c'est que l'eau nous met en général dans la bouche des mots tels que «destin», «avenir», etc. Mais au fait où vais-je? Je n'en sais trop rien. Tout dépend... de tout. Que va faire ma mère?

Où va-t-elle vivre, en rapport avec son travail: à Elabouga ou à Kazan? Y a-t-il une école de 10 classes à Elabouga? Autant de questions qui se pressent dans ma pauvre tête. Ce que je veux à tout prix, c'est étudier à l'école. Si je suis parti de Moscou, ce n'est pas pour perdre une année entière d'études à l'école secondaire. En aucun cas je ne peux perdre de temps. Du reste, à quoi bon faire des plans, poser des questions, si rien n'est sûr? La seule différence, entre notre situation à Moscou et la situation où nous sommes maintenant, réside dans le fait que, dans le premier cas, nous n'étions sûrs de rien du tout, dans tous les sens, tandis que maintenant, ce qui est sûr, c'est que nous sommes en train de voguer sur un bateau... vers l'inconnu. Il y a des gens qui parlent de retourner à Moscou. Je tâche de ne pas penser au lendemain – mais ce n'est pas facile. Et nous vogueons. Et on fait des plans d'avenir, malheureusement c'est le résultat de tous les voyages en bateau, ainsi que je l'écrivais plus haut. Que fera-t-on en Tatarie? Tout dépend de la situation de ma mère. Ira-t-elle d'Elabouga à Kazan? Trouvera-t-elle du travail là-bas? Se peut-il qu'elle ne trouve rien à faire et qu'elle soit obligée de retourner à Moscou? La question – vie, c'est l'argent. En effet 99% des gens qui vont à Elabouga sont des femmes d'écrivains, qui vivront à Elabouga de l'argent qu'elles recevront de leurs maris et parents. Nous, nous ne recevrons d'argent de personne. Ainsi le principal, c'est la question du travail à trouver pour ma mère, travail qui puisse assurer «le vivre et le manger», ainsi que payer mon école. En haut, dans le salon, on joue du piano. Musique, ô grand art, art principal! Combien ça fout au cul toute guerre, tout bateau, Elabouga, Kazan, et comme ça, s'établit l'Internationale des Cieux! Musique, musique, nous nous retrouverons un jour, jour béni où nous nous aimerons si fort! Musique, ô raison de mépris pour les autres et pour l'amour de TOI! Et vogue, vogue... L'horrible, c'est que la musique disparaîtra de ma vie pour longtemps. Mais je sais que mon but de bonne vie, de vie à SOI sera atteint, avec argent, voyages, musique et tout! C'est pourquoi je me fous de ma situation présente. J'ai tout devant moi, TOUT l'avenir! Je suis optimiste malgré tout. Et la clef de mon héroïsme et de ma force est ma force de foi dans mon avenir personnel et mon absence de foi dans l'avenir des autres. Je réussirai. Le marrant c'est que tout semble facile avec la musique. Qu'elle cesse, et on est rejeté brutalement en bas, vers les difficultés futures et vers les désillusions inévitables. Une partie de ma force

réside dans la tendance que j'ai à grossir les difficultés futures, à les exagérer, et à surestimer les ennuis à vivre. Ce dont j'ai peur, c'est du décalage entre ma droiture, mon mépris des convenances et le fait qu'on ne «réussit» pas avec ces qualités-là. Ma soif de bonne vie – vie normale pour les êtres supérieurs – ne s'allie pas avec ma personnalité très forte, dont les principaux traits sont les suivants: forte nécessité de critique, et de critique impitoyable, grande droiture, compliquée d'âcreté dans les relations, âcreté non personnelle, mais d'origine critique. En un mot, je n'aime pas les gens. 99% des gens me semblent être des phénomènes monstrueux, des excroissances, des plaies. Ils me dégoûtent. Je dénote toujours en eux, dans leurs opinions, dans leur manière de s'exprimer quelque défaut, quelque tic, qui me semblent être laids et dominants dans la personnalité de ceux qui les possèdent. J'ai soif d'harmonie. De là ma tendance très prononcée à la critique impitoyable, critique créatrice car, pour elle, il faut une grande connaissance des gens. Vogue, vogue... Vais sur le pont des 2e.

Плыви, плыви... И мы плывем. К какой судьбе? Самое глупое то, что вода обычно вкладывает в наши уста слова вроде «судьбы», «будущего» и т.д. Но, кстати, куда я плыву? Я даже, собственно, не знаю. Все зависит от... всего. Что будет делать мать? Где она будет жить в связи со своей работой: в Елабуге или в Казани? Есть ли десятиклассная школа в Елабуге? Все эти вопросы теснятся в моей бедной голове. То что я хочу, так это во что бы то ни стало учиться. Если уж я уехал из Москвы, так не для того, чтобы потерять целый год учебы в средней школе. Я ни в коем случае не могу терять времени. Впрочем, к чему строить планы и задавать вопросы, если нет ни в чем никакой уверенности. Единственная разница между нашим положением в Москве и положением, в котором мы находимся теперь, заключается в том, что в первом случае мы не были ни в чем уверены, во всех смыслах, тогда как теперь есть уверенность в том, что мы плывем на пароходе в... неизвестном направлении. Некоторые люди поговаривают о возвращении в Москву. Я же стараюсь не думать о завтрашнем дне, а это нелегко. И вот плывем. Строим планы на будущее – к сожалению, это результат всех таких путешествий на корабле, как я об этом писал выше. Что мы будем делать в Татарии? Все зависит от положения матери. Поедет ли она из Елабуги в Казань? Найдет ли она там работу? Может ли так

случится, что она не найдет себе никакого дела и что ей придется возвращаться в Москву? Самый жизненный вопрос — это деньги. И действительно, 99% людей, едущих в Елабугу, — жены писателей, которые в Елабуге будут жить на средства, посылаемые мужьями или родственниками. Мы же ни от кого денег получать не будем. Поэтому главный вопрос — вопрос работы для матери, чтобы обеспечить «жилье и питание», да и плату за мою школу. Наверху, в салоне, играют на рояле. Музыка — о, великое искусство, о, главное искусство! Как сразу уходят на х.. и война, и пароход, и Елабуга, и Казань, и устанавливается Небесный Интернационал. О музыка, музыка, мы когда-нибудь вновь встретимся, в тот благословенный день, когда мы будем так сильно любить друг друга! Музыка, ценой презрения ко всем и любви к ТЕБЕ! И плыви, плыви... Ужасно, что музыка из моей жизни исчезнет надолго. Но я знаю, что моя цель хорошей жизни, СВОЕЙ жизни, будет достигнута — с деньгами, путешествиями, музыкой и пр. Поэтому мне начать на мое теперешнее положение. У меня все впереди, ВСЕ будущее. Несмотря на все, я — оптимист. И ключ моего героизма и моей силы — в силе моей веры в мое собственное будущее и отсутствие веры в будущее остальных. Я своего добьюсь. Забавно, что с музыкой все кажется легко. Как только она прекращается, ты сразу падаешь вниз, в будущие трудности и неизбежные разочарования. Большая доля моей силы заключается в моей тенденции раздувать будущие трудности, преувеличивать, придавать слишком большое значение будущим неприятностям. Я опасаясь разлада между моей прямоотой, моим презрением к условностям и тем фактом, что не с такими качествами «выходят в люди». Моя жажда хорошей жизни — нормальной жизни, для возвышенных существ, не соответствует моей личности, очень сильной, характерные черты которой следующие: необходимость острой критики, безжалостная критика, большая прямоота, усложненная горечью в отношениях с людьми, горечью, происходящей не от моей личности, а от моего критического ума. Одним словом: я не люблю людей. 99% людей мне представляются чудовищными существами, это какие-то наросты, раны. Они мне противны. Я всегда в них, в их мнениях, в их манере выражаться распознаю какой-нибудь недостаток или тик, которые мне представляются уродливыми и доминирующими в личности их обладателей. Я жажду гармонии. Отсюда моя сильная тенденция к безжалостной критике, критике творческой, так как для нее нужно хорошее познание людей. Плыви, плыви... Пойду на палубу второго класса.

Avons fait escale à Riazan où tout le monde s'est précipité chez les kolkhoziens qui vendaient des légumes à des prix fous, profitant de la guerre. Ici, ce sont les paysans qui profitent. Ma mère, oubliant sa volonté obstinée de départ de naguère, parle déjà de retourner à Moscou. Elle dit, comme moi à Moscou, que les gens qui vont à Elabouga sont riches et pourront bien vivre, s'arrangeront. Les Sakonsky, cela se peut, descendront à Vasiloursk avec la jeunesse du Grand Théâtre, où la mère s'installera comme professeur de musique ou comme préceptrice, et le fils à l'avenant. Enfin, quoi, tout le monde s'arrangera sauf nous. Pour parler clair, les perspectives sont mauvaises. Moi je refuse de parler de l'avenir avec ma mère: en effet, j'avais prévu tout cela et le revirement de son humeur, et le fait qu'elle n'est pas à sa place sur ce bateau ni à Elabouga, j'avais tout prévu; j'avais fait tout pour ne pas partir; je l'avais prévenue de toutes les difficultés à venir. Je ne voulais pas partir; elle a tout fait pour partir, maintenant elle a réussi. Si ça ne lui plaît pas — tant pis pour elle. Jusqu'au moment même du départ de Moscou je m'inquiétais, je parlais, je protestais, je discutais. A partir du moment où j'ai pris pied sur le bateau, j'ai résolu d'être passif. Je m'en lave les mains. Ma conscience est tranquille. Le vin est tiré il faut le boire. Je savais bien qu'au bout d'un certain temps, ma mère commencerait à s'inquiéter de l'avenir, etc. Elle me dit de ne pas «battre celui qui est à terre», de l'aider, etc. Mais, résolument je m'en lave les mains. Après tout, merde, je ne voulais pas partir, et maintenant qu'on est partis, ce n'est bougrement pas le moment de recommencer les conversations dans le genre qu'on vendra les affaires et qu'on tâchera de partir pour le Tourkmenistan. C'est simplement idiot. Au diable. On verra. Suis en train de lire le livre de P.Valéry «Regards sur le monde actuel». C'est un livre excellent, un livre vraiment sage, un livre utile pour moi. J'y songe: viendra un temps où je me rassasierai de la mer, des plages, de tout ce à quoi j'ai goûté quand j'avais trop peu d'années pour en apprécier la vraie valeur. J'ai le futur pour moi. La guerre ce n'est pas pour toujours. C'est pourquoi en partie, je me lave les mains en ce qui concerne Elabouga et l'évacuation. Après tout on n'a pas été là-bas, et parler de l'avenir dans ces conditions est chose inutile. Demain— après demain nous toucherons Gorky où probablement nous

changeons de bateau. Le «Pyrogoff» ira avec l'école choréographique du Grand Théâtre à Vasiloursk, les veinards, ils n'auront pas à changer de bateau. Enfin on verra. Moi je suis prêt à tout. Tout m'est maintenant égal, puisque rien ne dépend de moi.

Сделали остановку в Рязани, где все бросились к колхозникам, которые, пользуясь войной, продают овощи по невысшим ценам. Здесь выигрывают земледельцы. Мать, забыв о своем упорном желании уезжать, теперь уже говорит о возвращении в Москву. Она говорит, как я говорил в Москве, что люди, едущие в Елабугу, богаты и смогут устроиться и хорошо жить. Саконские, вероятно, сойдут в Васильсурске, вместе с молодежью Большого театра: там его мать устроится учительницей музыки или преподавателем, а сам — чем-нибудь вроде. Словом, все как-то устроятся, кроме нас. По правде говоря, перспективы у нас плохи. Я же отказываюсь говорить с матерью о будущем. Я ведь действительно все это предвидел: и перемену ее настроения, и то, что она не на своем месте ни на этом пароходе, ни в Елабуге, я все предвидел; и я все сделал, чтобы не уезжать; я ее предупреждал обо всех грозящих трудностях, я не хотел уезжать. Она же все сделала, чтобы уехать, и ей это удалось. Если это ей не нравится, так ей и надо. До самого последнего момента, до выезда из Москвы, я волновался, возражал, протестовал, спорил. Но с того момента, когда я ступил на этот пароход, я решил больше не реагировать. Я умываю руки, моя совесть спокойна. Взятся за гуж — не говори, что не дюж. Я отлично знал, что через некоторое время мать начнет беспокоиться о будущем и т.д. Она мне говорит: «Лежачего не бьют», просит помочь. Но я решительно на эту тему умываю руки. В конце концов, черт возьми, я не хотел ехать, теперь мы уехали и теперь не время начинать снова хреновые разговоры типа «продадим вещи, постараемся уехать в Туркменистан». Это просто идиотизм. К черту! Поживем — увидим. Сейчас читаю книгу П.Валери «Взгляды на современный мир». Прекрасная книга, действительно мудрая книга, книга для меня полезная. Кстати, я думаю: настанет для меня время насладиться морем, пляжами и всем тем, чего я вкусил, но тогда, когда я был слишком мал, чтобы все это по-настоящему оценить. У меня все впереди. Война же не навсегда. Поэтому я и умываю руки относительно Елабуги и эвакуации. В конце концов, мы там не были, и говорить о будущем в таких условиях — пустое дело. Завтра-послезавтра мы при-

чалим в Горьком, где, видимо, будет пересадка. «Пирогов» вместе с хореографической школой и Большим театром поплывет в Васильсурск. Счастливики, им не предстоит пересадка на другой пароход. Ну, посмотрим. Я готов на все. Мне теперь все равно, раз ничего от меня не зависит.

11/VIII-41

Sommes en escale à Kacimovo (ça a l'air, prononcé en français vaguement japonais). Tout le monde s'est précipité à terre pour acheter des cornichons.

Quelques remarques sur les Russes: ils adorent les cigarettes, le thé, les cornichons salés, les chiens et chats, la Volga, le ballet, l'opéra, Zola, Balzac et les petites nations. D'après la radio, les avions nazis continuent le bombardement systématique de Moscou. Par deux fois l'aviation rouge a bombardé Berlin. Sur le front rien de décisif. Tout le temps des combats très violents. En tout cas Smolensk n'est pas pris. Suis en train de renifler à plein nez l'odeur de mazout du bateau voisin. Ecris assis à une table du pont des 1e et 2e classes. Comme j'ai coutume de dire à tout le monde: tout ça n'est rien en comparaison de ce qui nous attend. En effet le bateau, c'est tout de même Moscou et son confort, tandis qu'Elabouga... Moi j'ai la ferme intention de vivre à Kazan. J'espère que les événements se dérouleront comme ceci: nous arriverons à Elabouga, nous y laisseront les effets, là où nous habiterons, puis, si possible, nous partirons à Kazan voir le pourquoi du comment. Ma mère a un papier du directeur du «Goslitizdat» (Edition d'Etat), où il est écrit qu'Unetelle est une traductrice de très grande qualification, etc. Ce papier est adressé au directeur du «Tatgosizdat» (Edition d'Etat de Tatarie). Donc, à Kazan, il faudra trouver le «Comité des Ecrivains» et tâcher de tout faire pour qu'on nous installe là-bas. Il paraît qu'on n'enregistre personne à Kazan. Mais il se peut que le papier du directeur du Goslit aide ma mère à s'installer là-bas. A Moscou, on disait qu'à Kazan on la connaît et qu'on fera tout pour l'installer et lui trouver du travail. Il y a à Kazan une poétesse-traductrice, M. Aliger, qui doit connaître sûrement la réputation excellente de ma mère. (Peut-être, au contraire, ne nous aidera-t-elle pas à nous installer à Kazan, redoutant une concurrence redoutable, en fait de traduction). On ne peut rien prévoir. Il paraît que demain soir nous serons à Gorki où il faudra changer

de bateau. Mon but: étudier à tout prix à quelque école que ce soit cette année scolaire-là. Je ferai tout pour cela. Pour avoir quitté Moscou, je ne perds pas ma combativité pour l'accomplissement de mes volontés. Pourquoi est-ce que je veux étudier plus loin? Parce que je m'intéresse à ce que j'étudierai? Nullement. Simplement je trouve qu'étudier à l'école sera pour moi le meilleur moyen de passer le temps. Qu'ai-je de mieux à faire? – Rien qui vaille. Très fermement je tâcherai de faire tout ce que je peux pour me faire transférer à Kazan. Tout ce que je sais, c'est que Kazan est une ville universitaire, une capitale de république autonome. Si miteuse soit elle, c'est pourtant un centre culturel quelconque, une assez grande ville. En tous cas on pourra trouver là-bas plus d'occupations qu'à Elabouga, ça c'est sûr. Du reste, si les Allemands s'approchent de Moscou, Kazan se fera bombarder comme une grande ville. C'est alors que je me marrerai. Je me payerai la tête des réfugiés – pauvres cons qui essayent d'échapper au destin. Il se peut que j'aie avec A.Sokolovsky à l'internat où il y aura les types de Tchistopol, mais j'en doute fortement. En tout cas je m'orienterai vers Kazan, dès que je pourrai. Il faudra bien que j'étudie quelque part. J'ai comme un pressentiment que tout s'arrangera en fait de travail à trouver pour ma mère. D'ailleurs, il vaut mieux être optimiste, de toute façon. Ce qui m'inquiète, c'est le changement de bateau à Gorki: il faudra veiller très attentivement sur le transbordement de nos affaires. Et le bateau qui nous conduira de Gorki à Elabouga sera sûrement moins confortable que celui-là. Beaucoup de Juifs à bord du bateau. Malgré les bombardements, j'envie les bateaux qui vont à Moscou. Il vient d'en passer un: le «Maria Oulianova», ce qui me rappelle le bateau du même nom sur lequel nous sommes venus de France à Leningrad en 39. Je sais très bien que beaucoup de difficultés de toutes sortes m'attendent à Elabouga et peut-être à Gorki. Mais je m'arrangerai de quelque façon que ce soit.

Сейчас остановка в Касимове (с французским произношением – похоже на нечто японское). Все кинулись на пристань покупать огурцы. Несколько наблюдений над русскими: они обожают сигареты, чай, соленые огурцы, собак и кошек, Волгу, балет, оперу, Золя, Бальзака и малые нации. По радио говорят, что нацисты продолжают систематически бомбить Москву. Красная авиация два раза

бомбила Берлин. На фронте — ничего решительного. Все время жестокие бои. Во всяком случае, Смоленск не взят. Сейчас мне прямо в нос веет запахом мазута с соседнего парохода. Пишу, сидя за столом на палубе 1го и 2го класса. Как я всегда всем повторяю: здесь еще ничего, в сравнении с тем, что нас ждет. И действительно, судно — это еще Москва и московские удобства, тогда как Елабуга... Я твердо решил жить в Казани. Надеюсь, что все развернется следующим образом: мы приедем в Елабугу, оставим вещи там, где мы будем жить, затем, если сможем, уедем в Казань посмотреть, что к чему. У матери есть бумага от директора Гослитиздата (Государственное издательство), где написано, что такая-то — переводчица высокой квалификации и т.д., документ на имя директора «Татгосиздата» (Татарского государственного издательства). Значит, в Казани нам надо будет найти Союз писателей и сделать все возможное, чтобы нас туда устроили. Говорят, в Казани никого не прописывают. Но возможно, что бумага от директора Госиздата поможет матери там устроиться. В Москве говорили, что ее в Казани знают и сделают все, чтобы ее устроить и найти ей работу. В Казани есть поэтесса-переводчица, М.Алигер, которая наверняка знает о замечательной репутации матери. (Может быть, наоборот, она не поможет нам устроиться в Казани, опасаясь сильной конкуренции в области переводов.) Ничего нельзя предвидеть. Говорят, завтра вечером мы будем в Горьком, и там будет пересадка на другое судно. Моя цель — учиться в любой школе этот учебный год. Я для этого сделаю все. Бросив Москву, я не теряю своей настойчивости в достижении своих желаний. Почему я хочу продолжать учиться? Разве я интересуюсь предметами учения? Ничуть. Я просто считаю, что учиться в школе будет для меня лучшим возможным времяпрепровождением. Чем я еще могу заняться? Ровным счетом ничего стоящего. Я твердо буду добиваться перевода в Казань. Единственное, что я знаю, это что Казань город с университетом, столица автономной республики. Как бы она ни была убога, Казань все же большой город, в каком-то смысле культурный центр. Во всяком случае, там мы сможем найти больше занятий, чем в Елабуге, это уж точно. К тому же, если немцы будут подходить к Москве, Казань будут бомбить, как всякий крупный город. Вот это по-настоящему забавно! Как я буду измываться над беженцами, жалкими идиотами, пытающимися удрать от своей судьбы. Возможно, что я поступлю вместе с А.Соколовским в интернат, где будут парни из Чистополя, но я в этом сильно сомневаюсь. Во всяком случае, постараюсь попасть в Казань, как только смогу. Надо же, чтобы я где-ни-

будь учился. У меня какое-то предчувствие, что все устроится с работой для матери. Кстати, лучше быть оптимистом в любом случае. Что меня беспокоит, это перемена судна в Горьком: надо будет строго следить за перевозкой вещей. И на пароходе из Горького в Елабугу наверняка будет меньше удобств, чем на этом. На борту много евреев. Несмотря на бомбардировки, я завидую судам, которые плывут в Москву. Только что прошло одно: «Мария Ульянова». Это мне напоминает пароход, на котором мы плыли из Франции в Ленинград в 39^м. Я знаю, что меня ждут всякие трудности в Елабуге, да и в Горьком, может быть. Но я все равно как нибудь устроюсь.

13/VIII-41

Hier nous avons fait escale à Gorky. Toute la journée avons été sans savoir si nous changions de bateau ou quoi. Enfin la décision est arrivée: nous faisons route jusqu'à Vasiloursk, où le Grand Théâtre descend, ensuite nous revenons à Gorky où, directement, nous nous transbordons à bord du bateau qui sera là spécialement pour nous conduire à Elabouga. Du reste il paraît que ce plan est déjà blackboulé. A voir tous ces gens, tout ce qu'on peut dire c'est que tout le monde a en horreur l'organisation. C'est quelque chose d'absolument fou et de spécifiquement russe (pas soviétique mais bel et bien russe). Le départ, le voyage et l'arrivée sont placés sous le signe de l'indécision. L'indécision est une très jolie chose quand on n'a que le choix entre les décisions qu'on peut prendre; cultiver l'indécision luxueuse est un plaisir. Mais quand l'indécision résulte de forces autres que les forces de volonté nôtres, et en outre que cette indécision s'accompagne de recrudescence, d'accroissement de difficultés matérielles, alors au diable l'indécision. Mais ce dont je suis sûr et certain, c'est que viendra un jour où je foutrai au cul tout ce fatras de difficultés matérielles et où je pourrai cultiver ma vie, et par là mon intelligence. Comment puis-je m'élever spirituellement, si les conditions de ma vie me forcent non pas à réfléchir sur ce que je vois, mais à subir sans réagir? Tout le monde me dit que j'aurai au moins une bonne «trempe de vie». Ceci est vrai mais insuffisant. Du reste, à seize ans, à quoi je peux prétendre? Mon intelligence et ma culture ne me suffisent pas et ne suffisent pas aux autres. La seule valeur qui puisse m'assurer une indépendance si relative soit-elle vis à vis des autres gens est l'argent. Moralement, je suis indépendant et tout ce qu'on veut.

Mais matériellement... En quoi résulte ce problème? Par leur conduite et tout leur être la majorité des gens que je vois me poussent à diriger ma critique vers eux. Mais matériellement, je dépends de ces gens et je ne peux leur dire leur fait que sous la menace d'une altération de relations réciproques, laquelle altération n'est pas possible, étant donné que je ne vis pas seul et que mon bien-être futur peut s'altérer, par suite de mes critiques imprudentes. Peut-être pourrait-on croire que je suis trop matérialiste. Nullement. Ce n'est pas seulement une question de bien-être, mais aussi une question de vie. Personne ne voudra m'aider à me construire une vie qui me plaise — tant que je ne suis pas indépendant.— si je critique ceux-là même, sans le concours de qui ma vie serait intenable, encore une fois parce que les conditions matérielles dépendent des gens qui les créent. Mais quoiqu'il en soit, j'arriverai un jour à mes fins et me créerai par tous les moyens une situation matérielle telle qu'elle puisse me servir de point de départ, une situation matérielle grâce à laquelle je pourrai dire la vérité sur des gens que je connais ou que j'ai connus. Pour le moment il faut que je me tienne tranquille et que je tende tous mes efforts pour m'assurer l'existence qui me plaira le plus. C'est simple: la base matérielle que je souhaite avoir pour être matériellement indépendant des autres ne sera créée que si je ne la sabote pas maintenant, par une conduite imprudente. Ce qui m'est très difficile, c'est de faire semblant que je suis d'accord avec tous ces cons de réfugiés qui m'entourent, avec tous ces «mechtchaniés» bourgeois, peureux. Je hais le plus au monde l'hypocrisie. Mais le fait est que moins je serai hypocrite et plus je serai franc, plus augmenteront mes chances d'insuccès futurs. Je suis obligé de faire patte de velours avec ces imbéciles. Je n'y peux rien. Mais je me vengerai, un jour, en les clouant au pilori. De toute façon à quelque Elabouga que ce soit, j'arriverai bien, avant longtemps, dans quelque centre culturel. Je me connais: je suis très obstiné, très opiniâtre. De quelque façon que ce soit, je ne me perdrai pas et ferai tout mon possible, en tenant compte de la situation, pour m'assurer le mode d'existence le plus conforme à mon idéal et à mes moyens. Sommes en escale à Vaşilsoursk. Ce que c'est emmerdant tout ça! Mais je crois qu'en ayant une intelligence peu commune comme la mienne, une volonté obstinée dans les buts à atteindre, un physique très sortable, j'arriverai à mes fins, tôt ou tard, et plus tôt que tard, quoi qu'il se passe au moment donné de pas très joli ni fameux.

Вчера была остановка в Горьком. Целый день мы не знали, будет ли пересадка или еще что-нибудь. Наконец пришло решение: поплывем до Васильсурска, где Большой театр сходит, затем возвращаемся в Горький и сразу пересаживаемся на судно, которое будет там нас ждать специально, чтобы нас перевезти в Елабугу. Впрочем, говорят, этот план уже недействителен. Когда смотришь на всех этих людей, можно сказать одно: что все ненавидят организацию. Это просто какое-то сумасшествие, и оно специфически русское (не советское, а именно русское). Отход, поездка, приезд – все стоит под знаком нерешительности. Нерешительность – вещь прекрасная, когда выбор стоит только между разными решениями, которые можно принять; культивировать шикарную нерешительность – сплошное наслаждение. Но когда нерешительность рождается благодаря действию сил, отличных от наших собственных, и тем более когда эта нерешительность сопровождается усугублением и увеличением материальных трудностей, тогда к черту эту нерешительность. Но в одном я абсолютно уверен: настанет день, когда я пошлю к ляду весь этот мусор материальных трудностей и смогу развивать мою жизнь, то есть мой ум. Разве я могу духовно возвышаться, если условия моей жизни меня принуждают переносить все и не реагировать вместо того, чтобы задумываться над тем, что я замечаю. Все мне говорят, что у меня, по крайней мере, будет хорошая «жизненная закалка». Это верно, но этого мало. Кстати, чего я могу ожидать в мои шестнадцать лет? Мне недостаточно моего ума и моей культуры, их недостаточно и для других. Единственная ценность, которая может мне обеспечить хоть малость независимости в отношении остальных – это деньги. Морально я независим и все что хочешь, но материально... Каков вывод этой проблемы? Большинство людей, которых я встречаю, своим поведением и своей природой заставляют меня относиться к ним критически. Но материально я от этих людей завишу, и я могу им высказать свое мнение только под угрозой, что наши взаимоотношения испортятся. А порча эта неприемлема, так как я живу не один и мое будущее благополучие может рухнуть из-за моей неосторожной критики. Можно бы подумать, что я материалист. Отнюдь нет. Это не только вопрос благополучия, но и вопрос жизни. Никто не захочет помочь мне построить свою жизнь, как мне нравится, пока я живу в зависимости от других, если я буду критиковать именно тех, без кого моя жизнь была бы нестерпима, повторяю, потому что материальные условия зависят от тех, кто их создает. Но что бы ни было,

я когда-нибудь своего добьюсь и всеми возможными средствами построю себе положение так, чтобы оно мне служило точкой отправления, то материальное положение, благодаря которому я смогу говорить правду в лицо тем, кого я знаю или знал. В настоящее время я должен держаться спокойно и всеми силами стараться строить свое существование так, чтобы оно мне больше всего подходило. Все очень просто: материальная основа, которую я хочу иметь, чтобы быть материально независимым от других, может быть создана только при условии, что я не подорву ее теперь своим неосторожным поведением. Что мне очень трудно, это делать вид, что я согласен со всеми этими кретинами беженцами, окружающими меня, со всеми этими трусливыми мещанскими буржуями. Больше всего на свете я ненавижу лицемерие, но дело в том, что чем меньше я буду лицемерить, чем больше я буду откровенным, тем больше увеличатся мои шансы на будущие неудачи. Я обязан прятать когти перед идиотами. Ничего не поделаешь, но когда-нибудь я отомщу, я прибью их к позорному столбу. Во всяком случае, какая бы ни была Елабуга, я пристроюсь, и очень скоро, в каком-нибудь культурном центре. Я себя знаю: я упрям, настойчив. Что бы ни случилось, я не пропаду и сделаю все возможное, учитывая данное положение, чтобы добиться образа жизни, лучше всего соответствующего моему идеалу и моим средствам. Стоим в Васильсурске. Нудно до черта все это. Но я думаю, что, обладая таким незаурядным умом, настойчивой волей, направленной на желанные цели, внешне вполне приемлемой, я рано или поздно добьюсь своего, вернее раньше, чем позднее, хотя то, что происходит сейчас, неприятно и мерзко.

14/VIII-41

Sommes en rade de Gorky. Il doit être 2 h. du matin (de l'après-midi plutôt) L'événement essentiel est la prise de Smolensk par les troupes du IIIe Reich. Le bateau dans lequel nous devons nous transborder n'est toujours pas là. Du reste on ne comprend rien à notre avenir. J'ai l'impression que puisque le «Pyrogoff» sur lequel nous sommes maintenant devra tôt ou tard retourner à Moscou, nous devons tôt ou tard descendre sur le débarcadère de Gorky et attendre le prochain bateau qui nous conduira à Elabouga. Sur le bateau, absolument rien à foutre. C'est maintenant que ma mère commence à sentir les effets néfastes de sa folie qui a consisté en ce que nous sommes partis de Moscou,

presque sans préparation préliminaire. En effet: 1° elle n'a pas pris de papier, certifiant qu'elle est évacuée de Moscou, 2° elle n'a que 600 roubles 3° elle n'a pas pris beaucoup d'affaires dont la vente nous eut assuré pas mal d'argent. Ma mère commence à comprendre toute la bêtise et l'imbécillité de sa folle entreprise. Ce n'est qu'à grand-peine que j'ai réussi à avoir du pain à Gorky — les évacués doivent avoir un papier certifiant qu'ils le sont. Tous ceux qui voyagent avec nous en ont. La grande différence entre nous et les autres membres de l'échelon du Litfond, c'est qu'eux ont avec eux beaucoup d'argent, nous — très peu. Nous en sommes réduits à manger une portion à la popote pour deux. Il ne me semble voir qu'une issue valable: nous arrivons à Kazan, de là nous envoyons à l'Union des Ecrivains ou un télégramme ou une lettre là-bas. Nous arrivons à Elabouga, nous voyons quelles sont les perspectives de vie et de travail là-bas, puis nous partons à Kazan, montrons les lettres du directeur du «Goslit» à qui il faut et voyons quelles sont les perspectives de vie et de travail à Kazan. Il est maintenant évident que notre départ fut effectué dans des conditions imbéciles et folles, mais que faire, sinon tâcher de s'arranger le mieux possible. Je ne me suis jamais tant ennuyé qu'aujourd'hui à Gorky. Il se peut qu'on ne donne pas de travail à Kazan pour ma mère. Mais alors quoi? L'avenir est impalpable. Voilà qui est mauvais. La majorité des évacués disent qu'ils «fêteront le Nouvel an à Moscou». Je m'en foutrai! La prise de Smolensk les a un peu aigris, à vrai dire. Mais il y en a qui répètent qu'on rentrera à Moscou avant longtemps. Quelle horreur que de vivre sans rien savoir du lendemain (et surtout dans les conditions données)! L'essentiel — et le pire — c'est qu'on a très peu d'argent. L'argent définit tout et nous en manquons. Je ferai tout mon possible pour que nous puissions vivre à Kazan. On verra. C'est l'ère de la miteuserie, de la désorganisation, de l'humiliation. Mais on verra plus loin. Le pire c'est qu'on a rien à foutre.

Стоим на рейде в Горьком. Должно быть, два часа утра (вернее, дня). Главное событие — взятие Смоленска войсками Третьего рейха. Судно, на которое мы должны пересаживаться, все еще не прибыло. Кстати, невозможно ничего понять относительно нашего будущего. Мне думается, что поскольку «Пирогов», на котором мы сейчас находимся, должен будет рано или поздно вернуться в Моск-

ву, нам придется рано или поздно высадиться на пристань в Горьком и ждать следующего судна, которое нас повезет в Елабугу. На борту делать не черта, решительно. Теперь-то мать начинает осознавать отрицательные последствия своего безумия, заключающегося в том, что мы уехали почти без предварительной подготовки. А именно: 1) она не взяла официального документа о том, что она эвакуируется из Москвы; 2) у нее всего 600 рублей; 3) она взяла очень мало вещей на продажу, что нам могло бы принести немало денег. Мать начинает понимать весь идиотизм, глупость и сумасшествие всей этой ее затеи. Я с огромным трудом достал хлеба в Горьком — эвакуированные должны иметь соответствующую бумагу. Все те, кто едет с нами, ее имеют. Самая большая разница между нами и остальными членами эшелона Литфонда в том, что у них с собой много денег, у нас же очень мало. Мы вынуждены есть одну порцию супа на двоих. Мне кажется, есть только один подходящий выход: мы прибываем в Казань, оттуда мы даем в Союз писателей телеграмму или посылаем туда письмо. Приезжаем в Елабугу и узнаем, какие там перспективы жизни и работы, затем едем в Казань, показываем письма директора Гослита кому следует и узнаем, каковы перспективы жизни и работы в Казани. Теперь совершенно ясно, что наш отъезд состоялся в сумасшедших и идиотских условиях, но что делать, кроме как постараться устроиться возможно лучше? Я никогда так не скучал, как сегодня в Горьком. Возможно, что в Казани матери не дадут работы. А тогда что? Будущее совершенно неосяземо. Вот это скверно. Большинство эвакуированных говорят, что будут «праздновать Новый год» в Москве. На х..! Взятие Смоленска, по правде говоря, немного подпортило им настроение. Некоторые повторяют, что мы довольно нескоро вернемся в Москву. Какой ужас — жить и ничего не знать о завтрашнем дне (особенно в данных условиях). Главное — и самое худшее то, что у нас очень мало денег. Деньги все определяют, а у нас их не хватает. Я сделаю все возможное, чтобы мы могли жить в Казани. Посмотрим. Началась эра тягомотины, неорганизованности, унижений. Но посмотрим, что будет. Ужасно то, что нечего делать.

Ce même jour

L'absurdité continue. Nous sommes toujours en radé de Gorky. Il est 8 h. du soir. Stroutsowsky (notre chéfesse, quoi) nous a rassemblés dans la salle à manger du «Pyrogoff» pour nous communiquer les résultats de la journée, résultats que voici: ceux qui s'inscriront iront à Elabouga aujourd'hui avec le petit bateau

«Tchouvachie», et le reste tâchera de s'installer à bord du «Sovnarkom» qui va du port de Rybinsk via Gorky. D'abord il fut décidé que le bagage de tous ceux qui vont à Elabouga partirait avec le «Sovnarkom». Ensuite on décida qu'il partirait avec le «Tchouvachie» parce que les cales du «Sovnarkom» sont bondées. Pour le moment on ne voit aucune «Tchouvachie». Après avoir réfléchi, nous avons décidé de partir avec Stroutsovskaja demain, par le «Sovnarkom» car elle a promis de nous aider à prendre contact avec «l'Union des Ecrivains» de la ville et nous a conseillé de partir demain. Par ailleurs, tout est absolument instable. Dernière nouvelle: il paraît que tout le monde partira aujourd'hui par le «Tchouvachie» ... qu'on ne voit toujours pas venir (genre «sœur Anne»). Il paraît que le «Sovnarkom» sera absolument comblé et qu'on y prendra place que très difficilement (parce qu'il vient de Rybinsk). Mais nous avons tout intérêt à partir avec la chéresse — il se peut qu'elle nous aidera pas mal à Kazan (il est évident que tout dépend de la quantité de temps pendant laquelle le bateau — lequel? — sera en rade à Kazan. On téléphonera en tout cas à l'Union des Ecrivains). D'ailleurs, nous irons à Elabouga de toute façon, puisque notre bagage y ira, lui, sûrement. Si le bateau, par lequel nous partirons de Gorky fait escale un court espace de temps, nous téléphonerons simplement à l'Union des Ecrivains, quittes à venir plus tard d'Elabouga à Kazan, pour montrer là-bas les lettres du Goslit concernant l'installation de ma mère. Nous pourrions comparer ce qui nous attend à Elabouga sous les rapports travail et approvisionnement, et ce qui nous attend à Kazan, sous les rapports chambre à trouver, travail, etc. et ensuite, choisir si l'éventualité s'en présente. En tout cas, on prendra contact avec Kazan, à tout prix, et je crois que Stroutskovskaja nous y aidera. Je crois qu'après la prise de Smolensk par les Allemands, il y aura un surcroît d'évacuation, — et on a tout intérêt à s'installer ou à Elabouga ou à Kazan, le plus tôt et le plus sûrement possible. Il paraît qu'à Elabouga il y a beaucoup de produits, de mangeaille. Il paraît aussi qu'à Kazan on n'enregistre personne, que tout est plein, que même les membres de l'Académie des Sciences «couchent sous la tente». J'espère que les lettres du Goslit nous aideront, mais il se peut qu'on nous oppose un refus catégorique de nous enregistrer à Kazan. Tout se peut: on n'est sûr de rien. En tout cas si l'espoir de s'installer à Kazan avorte, eh bien, on pourra dire qu'on aura tout tenté pour s'y installer et tâcher de gagner son fric et d'étudier à Elabouga. Peut-être choisirons-nous

nous-mêmes Elabouga, comme nous convenant le mieux. Le plus marrant, c'est qu'on n'est toujours pas partis de Gorky, qu'on ne sait pas quand, sur quel bateau nous partirons. Ce dont je suis sûr, c'est qu'à Elabouga il n'y aura personne pour nous recevoir, personne n'étant prévenu de notre arrivée là-bas, étant donné que, pauvres couillons que nous sommes, nous ne savons même pas quand nous-mêmes arriveront là-bas. Ah, je m'en rappellerai des merveilles de l'organisation du Litfond. C'est vraiment l'ère du relativisme et du doute que l'époque où nous vivons maintenant. Rien de sûr, de définitif, mais j'espère en l'avenir.

Тот же день

Продолжается полный абсурд. Мы все еще на рейде в Горьком. Сейчас 8 ч. вечера. Струцовская (в общем, наша руководительница) нас собрала в столовой «Пирогова», чтобы сообщить нам результаты сегодняшнего дня. Вот они: те, кто запишутся, поедут в Елабугу сегодня на малом судне «Чувашия», остальные постараются устроиться на борту «Совнаркома», который идет в Рыбинск через Горький. Поначалу было решено, что весь багаж тех, кто едет в Елабугу, уйдет на «Совнаркоме». Потом решили, что он уйдет на «Чувашии», потому что трюмы «Совнаркома» битком набиты. В данный момент никакой «Чувашии» не видать. Пораздумав, мы решили ехать завтра со Струцовской на «Совнаркоме», так как она обещала нам помочь связаться с Союзом писателей города и нам посоветовала ехать завтра. Впрочем, все абсолютно зыбко. Последняя новость: говорят, что все уедут сегодня на «Чувашии»..., которой все еще не видать (прямо как «Анна сестричка»). Говорят, «Совнарком» будет абсолютно переполнен и что на него будет очень трудно погрузиться, так как он идет из Рыбинска. Но самое выгодное для нас ехать вместе с руководительницей. Возможно, что она нам немало поможет в Казани. Все зависит от того, сколько времени судно — которое? — будет стоять на рейде в Казани. Мы все равно позвоним в Союз писателей. К тому же мы, во всяком случае, поедем в Елабугу, раз туда точно поедет наш багаж. Если то судно, на котором мы уедем из Горького, сделает хоть короткий заход, мы просто позвоним в Союз писателей, с тем чтобы позднее поехать уже из Елабуги в Казань, чтобы там показать письма Гослита, касающиеся устройства матери. Мы сможем сравнить, что нас ждет в Елабуге, с точки зрения работы и продуктов, и что нас ждет в Казани — с точки зрения комнаты и рабо-

гы и т.д., и потом выбрать, если будет такая возможность. Во всяком случае, мы с Казанью свяжемся любой ценой, и я думаю, что Струцовская в этом нам поможет. Думаю, что после взятия немцами Смоленска будет увеличение эвакуации, и нам выгоднее всего будет устроиться в Елабуге или в Казани, как можно скорее и как можно вернее. Говорят, в Елабуге много продуктов, жратвы. Говорят также, что в Казани никого не прописывают, что всюду полно и что даже члены Академии наук «ночуют в палатках». Я надеюсь, что письма Гослита нам помогут, но в Казани нам могут категорически отказать в прописке. Все возможно, мы ни в чем не можем быть уверены. Во всяком случае, если с Казанью провалится, что ж, тогда можно будет сказать, что мы сделали все, чтобы попытаться устроиться, зарабатывать и учиться в Елабуге. Быть может, мы даже сами выберем Елабугу, как для нас более подходящую. Самое забавное то, что мы все еще не уехали из Горького, что мы не знаем, когда и на каком судне мы уедем. В чем я уверен, это в том, что в Елабуге нас никто не будет встречать, так как никто не предупрежден о нашем приезде туда, тем более что мы, жалкие кретины, даже сами не знаем, когда мы туда приедем. Да, да, попомню я чудеса литфондовской организации. Действительно, живем мы теперь в эре относительности и эпохе сомнений. Нет никакой уверенности ни в чем, но я надеюсь на будущее.

15/VIII-41

Vais relater les événements dans leur suite. Ainsi donc, hier au soir s'était formée une liste de passagers, désireux de s'embarquer à bord du «Tchouvachie». Enfin un bateau aborda le «Pyrogoff». Mais là un groupe de personnes: vieilles juives, gens peureux, etc. décidèrent qu'on «ne la leur ferait pas», qu'ils n'iront que si on leur montre les places, qu'à bord du «Sovnarkom» ce sera mieux, et refusèrent de partir, bien que Stroutsowskaïa leur disait que mieux vaut partir avec le «Tchouvachie» parce que le «Sovnarkom» serait comblé. Un scandale se déclina à mon sujet parce que j'étais venu dire, de la part de Stroutsowskaïa et du capitaine, qu'il faut que tout ceux qui sont dans la liste s'embarquent sur le «Tchouvachie». On se mit à crier contre moi et Sikorsky que nous nous mêlions de ce qui ne nous regarde pas, que nous sommes des insolents, etc. Il faut dire que moi, ayant résolu de partir le lendemain sur le «Sovnarkom» je criais le plus fort qu'il faut que ceux de la liste embarquent sur le

«Tchouvachie» étant donné qu'embarquant sur ce bateau le plus de monde possible, ceux qui partaient le lendemain auraient plus de place sur le «Sovnarkom». Mais ils eurent vent de la mèche, crurent qu'on voulait simplement les envoyer dans de mauvaises conditions sur un bateau miteux, et que nous voulions les frustrer de leur bien etc., etc., et me firent un chambard du diable. D'autant plus que nous fîmes venir le capitaine qui menaça de faire descendre à Gorky ceux qui, étant dans la fameuse liste, n'auraient pas embarqué sur le «Tchouvachie». Le chambard continuant, je dus m'excuser, dire que je m'étais trompé, que je n'étais que le porte-parole, en un mot que je n'étais pas compétent, et ainsi de suite. Ce groupe de femmes se calma, sauf deux vieilles, dont une juive édentée et une très vieille femme n'ayant aucun rapport avec le Litfond et qui continuait à me lancer des invectives dont, du reste, je me foutais comme de l'an quarante. Mais je réussis, à ce qu'il me semble, à rétablir des relations normales avec les 4-5 personnes «offensées» qui «écriraient au Comité Central», etc., expression excessivement utilisée en URSS: «j'écrirai au C.C.», «l'affaire ira jusqu'à Molotoff, ou à Staline, ou à l'NKVD». Sur ces entrefaites, le «Tchouvachie» aborda. En vitesse s'embarquèrent ceux qui le voulaient déjà, et à la fin, je m'embarquais aussi, étant donné qu'il y avait de la place, ainsi que les Sikorsky, les Sakonsky. Prit place à bord du «Tchouvachie» presque la totalité du Litfond, sauf «le groupe» de 5-6 personnes et quelques autres qui voulaient s'embarquer avec Stroutsowskaïa, le lendemain. Toutes les affaires qui vont à Elabouga furent transbordées à bord du «Tchouvachie», la cale fermée et la clé m'en fut confiée. Stroutsowskaïa dit qu'elle nous rattrapera avant Elabouga à bord du «Sovnarkom». Je n'en crois rien. Ce que je crois, c'est que nous serons obligés de l'attendre un bon bout de temps à Elabouga assis sur nos affaires avec l'air le plus con du monde. Par le fait que nous partons avec le «Tchouvachie» nous ratons l'occasion de prendre contact avec Kazan, étant donné que Stroutsowskaïa n'est pas avec nous. Pourquoi alors ai-je pris place à bord de ce bateau? Simplement, j'y vogue maintenant parce que 90% y sont et qu'il y a des places et qu'il se peut qu'aujourd'hui, les conditions du voyage soient pires. Nous en serons quittes à aller à Kazan avec Stroutsowskaïa, quand celle-ci prendra le chemin du retour. Du moins nos bagages sont avec nous. Le «Tchouvachie» est un bateau sympa, plus sympa que l'autre (le «Pyrogoff»). Il est plus petit, plus confortable. Ce que nous risquons, c'est d'attendre

longtemps Stroutsowskaïa, celle-ci n'ayant pas réussi à embarquer le restant des évacués sur le «Sovnarkom», ou bien le «Sovnarkom» ayant une vitesse moindre que le «Tchouvachie». Il fait un temps très beau, la Volga scintille. Sikorsky est un garçon très bien, très moderne, intelligent, fort, très beau parleur qui a de l'esprit. Il dit, et sa mère avec lui, qu'il a 19 ans mais j'ai l'idée qu'il en a 25. Il a servi en Extrême-Orient (Vladivostok) dans l'hydraviation militaire, il a vu des microcéphales, il connaît beaucoup de gens, c'est un original et tout à fait un Européen. Il se peut qu'il soit tractoriste, parce qu'il connaît très bien les moteurs d'avion. C'est un homme d'action. Il ne voulait pas partir de Moscou, lui non plus. Il s'était inscrit à un cours de chauffeurs, c'était 600 roubles assurés et il voulait entrer dans un institut de journalisme, mais il est parti à cause de sa mère. Ces gens-là, les Sikorsky, ont l'air arrangeards et s'arrangeront très bien. La Volga est un très beau fleuve, vraiment très bien.

Расскажу все события во всей последовательности. Итак, вчера вечером был составлен список пассажиров, желающих взойти на борт «Чувашии». Наконец судно стало борт к борту к «Пирогову». Но тут группа людей, старые еврейки, трусливые люди и т.д. решили, что «их так не проведешь» и что они начнут пересаживаться, только если им покажут места, что на борту «Совнаркома» будет лучше, и отказались ехать, хотя Струцовская убеждала их, что лучше ехать на «Чувашии», так как «Совнарком» будет битком набит. Разразился скандал по моему поводу, потому что я пришел им доложить, от имени Струцовской и капитана, что необходимо всем стоящим в списке всходить на борт «Чувашии». На меня и на Сикорского начали кричать, что мы вмешиваемся не в свое дело, что мы грубияны и т.д. Надо сказать, что, решив ехать завтра на «Совнаркоме», я громче всего кричал о том, что надо, чтобы люди в списке всходили на борт «Чувашии», т.к. если на «Чувашию» взойдет возможно больше народу, тем, кто поедет на следующий день, будет больше места на «Совнаркоме». Но они наш план пронюхали, подумали, что их просто хотят отправить в худших условиях, на паршивом судне, что мы хотим их надуть и отнять у них то, что им положено, и т.д. и т.д. И устроили мне дикий скандал. Тем более, что мы вызвали капитана и он пригрозил, что высадит в Горьком всех, кто, будучи в пресловутом списке, не взойдет на «Чувашию». Шумиха продолжалась, мне пришлось извиняться, говорить, что я

ошибся, что я только передатчик, словом, что я не компетентен и тому подобное. Группа женщин успокоилась, кроме двух старух — одной беззубой еврейки и другой очень старой женщины, не имеющей никакого отношения к Литфонду. Они продолжали меня поносить, а мне было до них как до лампочки. Но мне, кажется, удалось установить приличные отношения с 5-6 обиженными лицами, которые собирались «написать в Центральный Комитет» и т.д. Это выражение чрезвычайно часто употребляется в СССР — «напишу в ЦК», «об этом деле узнает Молотов, или сам Сталин, или НКВД». Тем временем причалила «Чувашия». Те, кто уже этого желали, поспешно взошли на борт, и в конце я тоже пересадился, ввиду того, что было достаточно места, а также Сикорские и Саконские. Заняли места на борту «Чувашии» почти все эвакуированные Литфонда, кроме группы в 5-6 человек и еще кое-кого, кто желали ехать на следующий день со Струцовой. Все вещи отправляющиеся в Елабугу перенесли на борт «Чувашии», трюм закрыли на ключ, а ключ поручили мне. Струцовская говорит, что она нас догонит до Елабуги на «Совнаркоме». Я этому не верю и думаю, что нам придется немало времени ее дожидаться в Елабуге, сидя на своих вещах с самым идиотским видом. Из-за того, что мы отправляемся на «Чувашию», мы теряем возможность связаться с Казанью, так как Струцовская не с нами. Зачем же тогда я пересел на «Чувашию»? Просто я теперь плыву на нем, потому что на нем находится 90% эвакуированных, есть свободные места и очень возможно, что условия поездки были бы хуже. Нам просто придется поехать в Казань со Струцовой, когда она поедет обратно. По крайней мере, наш багаж с нами. «Чувашия» — очень уютный теплоход, приятнее того («Пирогова»). Он меньше размером, более удобный. Мы, конечно, рискуем долго прождать Струцовскую, если ей не удастся посадить весь остаток эвакуированных на борт «Совнаркома», или если «Совнарком» будет плыть с меньшей скоростью, чем «Чувашия». Погода прекрасная, Волга сверкает. Сикорский очень приличный парень, очень современный, умный, сильный, он умеет говорить, и он остроумный. Он говорит, и мать его тоже, что ему 19 лет, а мне думается, ему все 25. Он служил на Дальнем Востоке (Владивосток) в военной гидроавиации, он видел микроцефалов, он со многими знаком, он оригинален и настоящий европеец. Возможно, что он тракторист, потому что он отлично разбирается в авиадвигателях. Это человек действия. Он тоже не хотел уезжать из Москвы. Он записался на курсы водителей — это ему обеспечило бы 600 рублей, и он хотел поступить в

Институт журналистики, но уехал из-за матери. Эти люди, то есть Сикорские, видимо пройдохи, и они хорошо устроятся. Волга очень красивая река, действительно красивая.

16/VIII-41

Sommes en rade de Kazan. Quelque chose comme onze heures-midi. Chaleur du diable. D'en bas viennent des sons d'accordéons pleurnichards. Ce matin avons envoyé une lettre à Imamoutdinoff, secrétaire général du «Soïouz pisateleï», dans laquelle ma mère prie assistance et appui, se fondant sur les lettres du Goslit. En attendant, verrons de quoi il retourne à Elabouga, comme les Sikorsky du reste. Les Sikorsky sont des gens vraiment sympathiques. Hier avons fait escale à Tcheboksary – capitale de la République de Tchouvachie. En compagnie de Sokolowsky et de Sikorsky, j'ai visité la ville très propre, avec usines et belles vues sur la Volga; ville modèle qui m'a laissé une impression très bonne – et même des jeunes filles chouettes s'y croisaient. Très bien. Et même un café, un ciné, un théâtre. En tous cas, l'Union des écrivains est avertie de notre arrivée. Voyons d'abord si à Elabouga nous ne pouvons pas nous arranger – à Kazan nous pourrions toujours venir après, en laissant nos effets là-bas. Ce qu'il faut, c'est vivre à Elabouga même. Ce qui est bien, c'est que nous sommes (à ce qu'il en paraît du moins) amis avec les Sikorsky, et nous allons à Elabouga ensemble et, en cas de besoin, nous nous entraiderons. Ainsi, notre plan est assez clair: aller à Elabouga, voir ce qu'il y a là-bas comme possibilités de travail et de vie, laisser les affaires là-bas et partir pour Kazan, aller au «Soïouz» et à l'édition d'Etat, montrer les lettres du Goslit, voir de quoi il retourne là-bas – et comparer. De deux cas, l'un sera toujours le moins pire, ça c'est sûr, et c'est ce cas là que nous choisirons. Le tout, c'est d'avoir des amis qui aidassent – peut-être les Sikorsky seront-ils des gens qui pourront nous aider (dans quel sens encore, je n'en sais rien). Quelle chaleur sur le pont ce matin, ma mère voulait débarquer à Kazan à ses frais et risques, avec tous les bagages, les laisser à la gare fluviale et tâcher de s'installer illico à Kazan, sans aller à Elabouga, mais j'ai blackboulé ce plan comme trop risqué, et si rien ne réussissait? Il paraît que demain soir nous serons à Elabouga (je n'en crois rien) Qu'est-ce qui nous attend là-bas? Sikorsky dit qu'il faudra tâcher de s'installer en louant une chambre, et ne pas aller vivre ensemble

avec les autres. On verra. En tous cas nous irons à Kazan, après avoir tout évalué dans tous les sens à Elabouga.

Стоим на рейде в Казани. Сейчас вроде одиннадцати или двенадцати дня. Жара несусветная. Снизу доносятся плачевные звуки баяна. Сегодня утром отправили письмо Имамутдинову, генеральному секретарю Союза писателей, в котором мать просит о помощи и поддержке, на основании писем от Госиздата. А пока посмотрим, что и как в Елабуге, так же, впрочем, как и Сикорские. Они действительно очень симпатичные люди. Вчера мы сделали заход в Чебоксары — столицу Чувашии. Вместе с Соколовским и Сикорским я осматривал город — городок чистенький с заводами и красивыми видами на Волгу, город-образец, который оставил очень хорошее впечатление. Даже встречались хорошенькие девочки. Прекрасно! Даже есть кафе, кино, театр. Во всяком случае, Союз писателей знает о нашем приезде. Посмотрим сначала, можем ли мы устроиться в Елабуге, — всегда можно будет потом, оставив там вещи, поехать в Казань. Главное, жить в самой Елабуге. Что хорошо, это то, что мы с Сикорскими — друзья (по крайней мере, так кажется) и мы едем в Елабугу вместе. И в случае нужды мы будем друг другу помогать. Таким образом, наш план довольно ясен: приехать в Елабугу, посмотреть, как там с жильем и с работой, оставить вещи и ехать в Казань. Пойти в Союз писателей и в Государственное издательство, показать письма Гослита, посмотреть, на что там похожа жизнь, и сравнить. Из двух возможностей одна все равно будет менее плохой, это точно, и мы именно эту возможность и выберем. Главное — иметь друзей, которые помогли бы — может быть, Сикорские и будут теми людьми, которые смогут нам помочь (в каком еще смысле, я не знаю). Ну и жара на палубе. Сегодня утром мать хотела высадиться в Казани на свой риск и страх, со всем багажом, все оставить при речном вокзале и попробовать тут же устроиться в Казани, не доезжая до Елабуги. Но я разгромил этот план как слишком рискованный — вдруг ничего не получится? Говорят, завтра вечером мы будем в Елабуге (в это я не очень-то верю). Что нас там ждет? Сикорская говорит, что надо будет попробовать устроиться, сняв комнату, а не идти жить со всеми вместе. Посмотрим. Во всяком случае, мы поедem в Казань, сначала все оценив в Елабуге, во всех смыслах.

17/VIII-41

Il y a deux jours qu'a commencé la nouvelle, 2e du compte, attaque allemande. La nouvelle offensive nazie s'étend sur tout le front de l'océan Glacial jusqu'à la mer Noire. En Ukraine, les troupes soviétiques ont évacué Kirovgrad et Pervomaïsk (près du bassin houiller de Krivoï Rog) Comme on sait, la 1ère offensive générale allemande, après que l'occupation par les forces nazies de la Lettonie et d'une partie de la Lithuanie, ainsi que de l'Ukraine et de la Biélorussie occidentale ait avorté, près de Smolensk, brisée sur ce front stratégiquement primordial par la résistance soviétique. Après quelques jours de repos, des combats sanglants ont repris dans la région de Smolensk. Il n'y avait pas d'attaques trop sérieuses sur les autres fronts – en Ukraine, Biélorussie, Estonie, Léningrad et Moldavie. Tout l'effort des Allemands était concentré sur Smolensk, point stratégique qui ouvre la route sur Moscou. Après une lutte acharnée au prix de pertes formidables, les forces du Reich ont brisé la résistance soviétique et occupé Smolensk. Après l'occupation de Smolensk commença l'offensive générale allemande №2, premiers résultats de laquelle furent l'évacuation par les forces soviétiques de Kirovgrad et Pervomaïsk, dans la région du Donbass (bassin houiller du Don), en Ukraine. Le communiqué soviétique parle de bataille acharnée sur tout le front, depuis la mer Noire jusqu'à l'océan Glacial. Ce communiqué date d'il y a 2–3 jours. Jusqu'ici je n'ai pas réussi à apprendre quelque nouvelles que ce soit de la situation militaire (à Kazan je ne suis pas allé dans la ville, et d'autre part on n'apprend les nouvelles que par radio et les journaux ne sont pas «suspendus»). Mais il paraît que les batailles les plus sanglantes se déroulent en Ukraine. Les Allemands, par la prise de Kirovgrad et de Pervomaïsk, ont coupé la route d'Odessa; il se peut qu'ils marchent sur Odessa pour couper la Flotte de la mer Noire (Crimée). En un mot la situation militaire est mauvaise. Staline parviendra-t-il à briser cette nouvelle offensive allemande? Au contraire de la situation militaire, notre situation à nous a tendance à s'améliorer. Ayant fait escale à Tchistopol (2e ville de Tatarie, là où sont évacués beaucoup d'écrivains et de familles d'écrivains connus) le «Tchouvachie» a pris à son bord 2–3 femmes d'écrivains qui se rendaient à Bersout (où sont les enfants des écrivains qui sont à Tchistopol). Quand elles apprirent que ma mère se rendait à Elabouga, elles ont fait sa connaissance et parlé avec elle. Elles ont dit qu'elles

feraient tout pour que ma mère et moi allions vivre à Tchistopol, qu'elle est très connue: qu'elles parleront avec Aséeff et Trenoff, que malgré la surpopulation de Tchistopol par les évacués, elle sont sûres qu'on trouvera une chambre et qu'on nous enregistrera. Elles ont dit que personne n'oubliera ma mère, qu'elles «nous tireront de là», que ma mère ne croie pas qu'on l'oublie, qu'on lui trouvera une place à Tchistopol, etc. etc.. Elles ont promis de faire faire tout ce qui est possible, pour que ma mère et moi allions vivre à Tchistopol, que psychologiquement et moralement, ce sera très bien de vivre tout de même dans un milieu d'écrivains. Elles avaient un ton que c'est absolument sûr qu'on nous arrangera à Tchistopol où il y a du miel, du pain, des écoles. Elles ont promis d'envoyer un télégramme «poste restante» à Elabouga. Elles disaient: «comment on n'installerait pas Marina Zwetaïeva à Tchistopol, on fera tout pour ça». En cette occasion, je compte sur Acéeff qui est là-bas. Il se peut que, de la part de ces dames, ce ne soient que des mots, mais j'en doute. Sikorskaïa est presque absolument sûre qu'on ira là-bas. Elle en est peinée, parce qu'elle est devenue très amie avec ma mère, ayant des affinités communes. Sikorskaïa est très sympathique et intelligente, et puis elle est racée, noble, quoi. Elle est très peinée du départ probable de ma mère pour Tchistopol, elle qui se promettait de vivre ensemble avec nous, à Elabouga. Ma mère et moi considérons les choses sous l'angle suivant: nous effectuons notre installation à Elabouga, comme si de rien n'était: nous cherchons avec les Sikorsky un logement, nous tâchons de nous installer, nous cherchons un travail. En effet, ce serait idiot de se croiser les bras et de cracher sur Elabouga en attendant un télégramme, malgré tout problématique. Il y a un proverbe soviétique qui dit «qu'il ne faut pas cracher dans le puits qui t'abreuve». Ceci est vrai. Nous aurions tort de ne pas penser à la réalité présente qui consiste à bien nous installer à Elabouga. Les Sikorsky sont en excellents termes avec nous, Sikorskaïa disant que «la seule personne avec laquelle il soit vraiment agréable de parler est Marina Ivanovna, et on nous l'enlève». Après tout il se peut que tout s'arrange si bien à Elabouga qu'on n'aura pas envie de partir à Tchistopol. Mais ma mère dit que si elle reçoit le télégramme promis elle partira pour Tchistopol. Il faut dire qu'elle prend en considération le fait que s'il se produit une avance allemande trop rapide, on évacuera en cas de besoin, plus vite et dans de meilleures conditions les écrivains de Tchistopol

que ceux d'Elabouga, parce qu'ils sont plus nombreux, plus rupins, et que Tchistopol est le centre des évacués en Tatarie. En un mot, les écrivains de Tchistopol lui semblent plus puissants plus organisés que ceux d'Elabouga. Elle a écrit une lettre à Aséeff, que les dames lui remettront. Mon opinion est la suivante: voyons d'abord ce qu'on peut faire à Elabouga, comment on peut y vivre. Ce qui m'attire à Tchistopol, c'est que c'est tout de même la ville №2 de Tatarie, après Kazan; qu'il y a 5 écoles, qu'il y a une jeunesse cultivée – les fils des écrivains (et les filles aussi), une «société» quoi, et peut-être pas si mauvaise; meilleure à coup sûr qu'à Elabouga. D'un autre côté, deux facteurs pourraient me retenir à Elabouga: l'amitié vraie des Sikorsky pour nous et une bonne installation sous les rapports travail, provisions, logement. D'ailleurs je m'en remets à ma mère, puisque c'est elle le «producteur économique»: elle verra bien ce qu'elle a à faire. Sikorskaïa me peine quand elle dit que son fils et elle finiront par rester seuls à Elabouga, qu'elle n'a pas de veine, qu'elle croyait avoir trouvé des amis sûrs. Elle a moins de chance que nous de partir à Tchistopol, parce qu'elle est en mauvais termes avec Acéeff et les «gros». Je lui dit que c'est trop tôt pour nous «enterrer» – que nous ne sommes pas encore partis pour Tchistopol, que peut-être nous nous installerons très bien tous ensemble à Elabouga. Tout se peut. Sokolowsky voudrait lui aussi partir pour Tchistopol où il a des amis. On verra comment tout sera à Elabouga. On commencera par s'installer là-bas, comme si personne ne nous avait parlé de l'éventualité de notre départ pour Tchistopol – en effet faire autrement serait imprudent. Dymka Sikorsky est un type très bien, très sensuel et fort, et assez intelligent. Il a beaucoup d'esprit; le type occidental (européen, quoi). Il paraît que nous arriverons à Elabouga cette nuit. Nous serons 13 personnes (mauvais chiffre ou bon?). Tout le monde nous dit de ne pas songer à nous installer à Kazan: ville bondée de réfugiés, où il n'y a pas de produits alimentaires et partout des queues énormes. Soit Elabouga, soit Tchistopol. Il est vrai que ces villes sont isolées l'hiver, la Kama se couvrant de glace. Mais il y a des produits très bon marché. Question de travail à trouver, somme toute. Ma mère pense à enseigner le français. Je parie que Sikorskaïa nous considère un peu comme des «déserteurs» d'Elabouga. D'un autre côté, elle a de l'affection pour nous, d'un troisième, elle nous envie un peu, peut-être. Mais après tout, rien n'est encore décidé. Nous comptons arriver à

Elabouga, chercher où laisser tous les bagages, mettre quelqu'un qui veillera sur eux, et aller chercher où loger et se mettre en rapport avec les autorités locales, en attendant que viennent Stroutsowskaïa et le reste des évacués. Evidemment, je suis plutôt enclin à me ranger à l'avis de ma mère: si on nous envoie un télégramme nous disant qu'on peut aller à Tchistopol et que tout est arrangé, ce serait idiot de refuser. Après tout nous n'avons rien dit ni prié qui que ce soit: ce sont les femmes d'écrivains qui ont promis de tout arranger. On verra. Dymka est le rare jeune homme qui m'ait plu en URSS, à part Mitia. Il est très fort physiquement, parfois un peu brutal, mais plein de verve. S'il aime jouer de l'accordéon et s'extasie sur les excès des futuristes en 15-18 et qu'il adore Essénine, ce ne sont que des défauts qu'il faut rattacher non point à sa propre personnalité, mais aux Russes en général. S'il aime Vertinsky et des anecdotes assez miteuses, c'est la propriété de réaction contre les excès de dogmatisme moraliste qui parle et qui est commune à bien des jeunes gens. Si son intelligence existe seulement et n'est pas explorée par lui-même en profondeur, c'est question d'événements qui ne l'ont pas suffisamment exercée, simplement. Le fond est bon.

Вот уже два дня, как началась новая немецкая атака, 2ая по счету. Новое нацистское наступление растянулось по всему фронту от Ледовитого океана до Черного моря. На Украине советские войска оставили Кировоград и Первомайск (близ угольного бассейна Кривого Рога). Как известно, первое общее немецкое наступление, после взятия нацистами Латвии и части Литвы, а также Украины и Западной Белоруссии, провалилось около Смоленска, перебитое на этом стратегически первостепенном фронте советским сопротивлением. После нескольких дней отдыха кровавые бои возобновились в районе Смоленска. Не было слишком серьезных наступлений на других фронтах — на Украине, в Белоруссии, Эстонии, Ленинграде и Молдавии. Все немецкие силы были сконцентрированы на Смоленске, стратегическом пункте, который открывает дорогу на Москву. После усиленной борьбы, ценою огромных потерь, силы Рейха сломали советское сопротивление и взяли Смоленск. После взятия Смоленска началось общее немецкое наступление номер 2, первым результатом которого оказалось, что советские войска оставили Кировоград и Первомайск, в районе Дон-

басса (Донецкого угольного бассейна), на Украине. В советском сообщении говорится об усиленных боях по всему фронту, от Черного моря и до Ледовитого океана. Сообщение это двух— или трехдневной давности. До сих пор я ничего не смог узнать о военном положении (в Казани я в город не выходил, кроме того, новости передаются только по радио, и газет не вывешивают). Но говорят, что самые жестокие бои происходят на Украине. Немцы, благодаря взятию Кировограда и Первомайска, отрезали дорогу на Одессу; возможно, что они пойдут на Одессу, чтобы отрезать Черноморский флот (Крым). Одним словом, военное положение скверное. Удастся ли Сталину перебить это новое немецкое наступление? В отличие от военного положения, наше положение как будто чуть улучшается. Когда сделали заход в Чистополь (2^й город Татарии, куда эвакуированы многие известные писатели и семьи известных писателей), «Чувашия» взяла на борт двух-трех жен писателей, которые ехали в Берсут (где находятся дети писателей, эвакуированных в Чистополь). Когда они узнали, что мать едет в Елабугу, они с ней познакомились и поговорили. Они сказали, что сделают все, чтобы мы с матерью поехали жить в Чистополь, что она очень известная, что они поговорят с Асеевым и Тренёвым, что, несмотря на перенаселенность Чистополя из-за количества эвакуированных, они уверены, что можно будет найти комнату и что нас пропишут. Они говорили, что никто о матери не забудет, что «они нас отсюда вытянут», и чтобы мать не думала, что о ней забыли, что ей найдут место в Чистополе и т.д. и т.д. Они обещали сделать все возможное, чтобы мы с матерью поехали жить в Чистополь, что психологически и морально матери будет хорошо жить — как-никак, в среде писателей. У них был такой тон, что это абсолютно достоверно, что нас устроят в Чистополе, там есть мед, хлеб, школы. Они обещали послать телеграмму «до востребования» в Елабугу. Они говорили: «Как же не устроить Цветаеву в Чистополе, мы для этого сделаем все». В этом случае я надеюсь на Асеева, который на месте. Может быть, для этих дам это только слова, но думаю, что нет. Сикорская почти абсолютно уверена, что мы поедem туда, ей жалко, потому что она с матерью очень подружилась, у них общие интересы. Сикорская очень симпатичная и умная, к тому же она породистая, словом, благородная. Она очень огорчена возможным отъездом матери в Чистополь, она таки надеялась, что мы будем жить вместе, в Елабуге. У нас с матерью следующая точка зрения: мы устраиваемся в Елабуге как ни в чем не бывало, находим жилье вместе с Сикорскими, стараемся устроиться, ищем

работу. Действительно, было бы глупо сидеть сложа руки и плевать на Елабугу в ожидании довольно проблематичной телеграммы. Есть советская поговорка: «Не плюй в колодец — пригодится». И это правда. Было бы неправильно не думать о теперешнем положении, которое заключается в том, что надо хорошо устроиться в Елабуге. Сикорские с нами в отличных отношениях, Сикорская говорит, что «единственный человек, с которым действительно приятно говорить, это Марина Ивановна, и ее у нас отнимают». В конце концов, может быть, что все настолько хорошо устроится в Елабуге, что нам не захочется уезжать в Чистополь. Но мать говорит, что если она получит обещанную телеграмму, она уедет в Чистополь. Надо сказать, что она принимает во внимание тот факт, что если произойдет слишком быстрое немецкое наступление, в случае необходимости будут эвакуировать быстрее и в лучших условиях писателей из Чистополя, чем из Елабуги, потому что их больше, они богаче, и Чистополь — центр эвакуированных в Татарию писателей. Словом, чистопольские писатели ей кажутся мощнее и организованнее, чем елабужские. Она вчера написала письмо Асееву, которое дамы ему передадут. Мое мнение следующее: посмотрим сначала, что можно сделать в Елабуге, как там можно жить. Меня в Чистополе привлекает то, что это все же второй город Татарии, после Казани, что там 5 школ, есть культурная молодежь, сыновья писателей (а также их дочери) — словом, общество, которое, может быть, не такое уж плохое, во всяком случае, лучше, чем в Елабуге. С другой стороны, две причины могли бы меня в Елабуге удержать: настоящие дружеские отношения к нам Сикорских и хорошее устройство в смысле работы, продуктов, жилья. К тому же, я в этом отдаюсь в руки матери, так как она «производитель средств»; она прекрасно поймет, что она должна делать. Сикорская меня огорчает, когда она говорит, что они в конце концов с сыном останутся одни в Елабуге, что ей не везет, она думала, что нашла верных друзей. У нее меньше шансов, чем у нас, уехать в Чистополь, потому что у нее плохие отношения с Асеевым и с «шишками». Я ей говорю, что рано нас «хоронить», что мы еще в Чистополь не уехали, что, может быть, мы все вместе очень хорошо устроимся в Елабуге. Все может быть. Соколовский тоже хотел бы уехать в Чистополь, где у него есть друзья. Посмотрим, как все будет в Елабуге. Начнем там устраиваться, как будто никто ничего нам не говорил о нашем возможном отъезде в Чистополь. И действительно, поступать иначе было бы неосторожно. Димка Сикорский — чудный парень, чувственный, и сильный, и довольно умный — у него есть ос-

трога, он — западного типа (словом, европеец). Говорят, мы прибудем в Елабугу сегодня ночью. Нас будет 13 человек (дурная или хорошая цифра?). Все нам говорят и не думать о том, чтобы устраиваться в Казани: город забит эвакуированными, продуктов нет, и повсюду огромные очереди. Либо Елабуга, либо Чистополь. Правда, эти города зимой находятся в большой изоляции: ведь Кама замерзает. Но есть хорошие дешевые продукты. В общем, все дело в будущей работе. Мать собирается преподавать французский. Держу пари, что Сикорские нас считают елабужскими «дезертирами». С другой стороны, они нас любят. С третьей — она, может быть, нам немного завидует. Но, в конце концов, еще ничего не решено. Мы рассчитываем прибыть в Елабугу, найти, где оставить багаж, поставить кого-нибудь за ним смотреть и пойти искать жилье, связаться с местными властями, пока мы будем дожидаться Струцовскую и остальных эвакуированных. Конечно, я, скорее, держусь мнения матери: если нам дадут телеграмму, что мы можем ехать в Чистополь и что все устроено, было бы глупо отказываться. Мы же ни с кем не говорили, никого не просили. Это жены писателей нам обещали все устроить. Посмотрим. Димка — редкий молодой человек, который в СССР мне понравился, кроме Мити. Он физически очень крепкий, иногда немного резкий, но полон остроты. Если он любит играть на баяне, восторгается крайностями футуристов 15-18 гг. и обожает Есенина — это недостатки, которые следует приписывать не его личности, а русским вообще. Если он и ценит Вертинского и любит дурацкие анекдоты, это свойство реакции против догматических и морализаторских крайностей, которые свойственны многим молодым людям. А его ум, который он сам не углубляет, это просто вопрос обстоятельств, которые не заставили его это делать. Но основа у него хорошая.

18/VIII-41

Hier avons débarqué à Elabouga. Pour le moment nous vivons dans un «Technikum» de bibliothécaires. Nous nous nourrissons dans des gargotes de la ville, pas chères. Stroutsowskaïa est arrivée avec le restant des évacués. Le comité exécutif de Région propose du travail dans les kolhozes, mais personne n'en veut parce qu'il faudrait vivre hors de la ville. La ville est plutôt un village miteux. Très vieux, bien que centre de région. Pas de journaux locaux. Quand il pleut, il fait sale. Elabouga semble un village placide.

En ce qui concerne notre situation personnelle, le plus probable c'est que nous irons à Tchistopol avec Stroutsowskaïa qui nous aidera à tâcher de nous installer là-bas. Elle dit que c'est très dommage que nous ne soyions pas venus avec le «Sovnarkom», car à Kazan, elle a parlé d'elle (de ma mère) à des écrivains et on n'a rien pu décider car ma mère n'était pas là. Ayant appris que des femmes d'écrivains avaient dit qu'elles feraient tout pour arranger à ma mère les moyens de vivre à Tchistopol, Stroutsowskaïa a dit que probablement nous partirions avec elle à Tchistopol, que là-bas en raison de ce que c'est le centre des écrivains évacués, ma mère aura plus de chances de trouver du travail, qu'elle pourra s'arranger plus facilement qu'à Elabouga. Pour le moment, comme toujours, personne ne sait rien. Tout le monde est mécontent. A vrai dire à Tchistopol, il y a beaucoup plus de gens qui connaissent ma mère et qui tâcheront de l'aider à trouver du travail qu'ici où il n'y a que les Sikorsky. Du reste, pour ma part, je ne sais que penser. Personne ne sait que penser. Tout est terriblement instable. La situation militaire a empiré: les troupes allemandes ont occupé en Ukraine, le port de Nicolaïeff et la ville de Krivoï Rog, deux villes économiquement très importantes. Sur tout le front de l'océan Glacial à la mer Noire continuent de sanglants combats. Bien qu'il soit trop tard pour des regrets, j'aurais préféré cent fois rester à Moscou que de partir en Tatarie. Où ce sera mieux pour nous: Elabouga, Tchistopol ou Kazan? A Elabouga, les possibilités de travail sont très réduites; à Tchistopol, la ville est pleine, on enregistre difficilement et les possibilités de travail sont plutôt vagues; à Kazan — possibilités de travail mais manque de place et de produits. Que choisir? Tout de même, Tchistopol me plaisait assez à cause du nombre de gens «bien» qu'il y a là-bas et qui me semblent pouvoir nous aider. Tout de même, les deux dames qui disaient être presque sûres d'installer ma mère à Tchistopol. Il se peut que Stroutsowskaïa puisse nous aider à nous installer dans cette ville. Ici Stroutsowskaïa est vexée que ma mère s'abouche avec Sikorskaïa pour chercher une chambre ensemble, sans la prendre avec elles. Au fond on la fout au cul. Qu'est-ce que ça peut nous faire? Le plus probable c'est qu'on ira à Tchistopol avec Stroutsowskaïa. Je regretterai très fort les Sikorsky mais que faire? Il me semble que tout de même à Tchistopol, la vie sera meilleure pour nous qu'ici dans cette ville miteuse. La situation de ma mère se complique aussi du fait que sa spécialité est

purement littéraire et que, de ce fait, sa capacité de gagner de l'argent se fait plus étroite, tandis que les autres travailleront forcément comme fonctionnaires, etc. Il se peut qu'on finisse par nous installer à Kazan. Il y a des gens qui croient qu'on va bombarder cette ville et ça fout les foies à ma mère. Mais là, il y aurait du travail. Enfin, on verra. Mais il faudra que nos déménagements quels qu'ils soient et où qu'ils se dirigent, finissent au 1 septembre, car, quoiqu'il en soit, je prétends retourner à l'école. Il y a des gens qui envisagent l'éventualité d'une évacuation de Tatarie, découlant d'une avance rapide des Allemands au plus profond de la Russie. Ce serait marrant si les fuyards étaient obligés de fuir encore une fois; ça leur ferait les pieds: ils croyaient tromper le destin, et le destin a tout de même eu raison d'eux. Sont venus des gens qui demandent à chacun des renseignements sur la profession de chacun – probablement en raison de la nature du travail qu'on pourrait offrir à chacun (que les autorités pourraient offrir à chacun en liaison avec leur profession). On verra.

Вчера мы высадились в Елабуге. Пока мы живем в библиотечном «техникуме». Питаемся в дешевых городских забегаловках. Струцовская приехала с остальными эвакуированными. Районный исполнительный комитет предлагает работу в колхозах, но никто не берет ее, т.к. пришлось бы жить вне города. Город скорее похож на паршивую деревню. Очень старый, хотя и районный центр. Местных газет нет. Когда дождь – грязь. Елабуга похожа на сонную, спокойную деревню. Что касается нашего личного положения, вернее всего, что мы поедem в Чистополь со Струцовской; она нам там поможет попробовать устроиться. Она говорит, очень жаль, что мы не прибыли на «Совнарком», так как в Казани она о матери говорила с писателями, и невозможно было ничего решить, так как матери не было. Узнав, что жены писателей сказали, что они все сделают, чтобы устроить матери возможность жить в Чистополе, Струцовская сказала, что мы, вероятно, поедem с нею в Чистополь, а там, ввиду того, что это центр эвакуированных писателей, у матери будет больше шансов найти работу, что ей будет легче устроиться, чем в Елабуге. В данный момент, как всегда, никто ничего не знает. Все недовольны. По правде говоря, в Чистополе гораздо больше людей знают о матери и попробуют ей помочь устроиться на работу, чем здесь, где только одни Сикорские. Впрочем, что ка-

сается меня, я не знаю, что и думать. Никто не знает, что думать. Все очень шатко. Военное положение ухудшилось. На Украине немецкие войска заняли порт Николаев и город Кривой Рог, два города, очень значительных с точки зрения экономической. По всему фронту, от Ледовитого океана до Черного моря, продолжаются жестокие бои. Хотя и поздно теперь о чем-то жалеть, но я бы предпочел остаться в Москве, чем отправляться в Татарию. Где нам будет лучше? В Елабуге, Чистополе или Казани? В Елабуге очень ограничены возможности работы; в Чистополе город переполнен, прописывают с трудом, а возможности работы довольно смутны; в Казани есть возможность работы, но не хватает места и продуктов. Что выбирать? Все же Чистополь мне бы подошел больше — из-за количества там «порядочных» людей, которые, как мне кажется, могут нам помочь. Ведь обе дамы, которые говорили, что они уверены, что смогут устроить мать в Чистополе, на меня произвели положительное впечатление относительно Чистополя. Возможно, что Струцовская тоже может нам помочь устроиться в этом городе. Здесь Саконская обижена, что мать связывается с Сикорской, чтобы вместе искать комнату, и не берет ее с собой. А ну ее к черту! Зачем она нам нужна? Самое вероятное то, что мы поедem в Чистополь вместе со Струцовской. Я буду очень жалеть о Сикорских, но что поделаешь. Мне кажется все же, что жизнь в Чистополе будет лучше для нас, чем жизнь здесь, в этом замызганном городишке. Положение матери еще усложняется и тем, что у нее чисто литературная специальность, и из-за этого возможностей зарабатывать деньги меньше, тогда как остальные всегда могут легко найти чиновническую работу и т.д. Возможно, что нас в конце концов устроят в Казани. Есть люди, которые думают, что в Казани будут бомбардировки, от этого мать страшно дрейфит. Но там была бы работа. В общем, посмотрим. Но надо будет, чтобы наши переезды, какие бы они ни были и куда бы мы ни переезжали, закончились к первому сентября. Так как я серьезно намерен поступать в школу во что бы то ни стало. Есть люди, которые считают, что из Татарии тоже надо будет эвакуироваться, из-за быстрого наступления немцев вглубь России. Было бы забавно, чтобы беженцам пришлось еще раз бежать. Так им и надо! Хотели обмануть судьбу, а судьба все же одержала над ними верх. Приходили люди, которые спрашивают каждого о его профессии — вероятно, чтобы узнать, какого типа работу можно каждому предложить (которую власти могли бы предложить в зависимости от профессии каждого). Посмотрим.

19/VIII-41

La situation générale est plus générale que jamais. Все в воздухе, ничего не известно. Очевидно, все-таки поедем в Чистополь. Stroutsowskaïa dit que, même si on ne reçoit pas de télégramme (nous avons envoyé, au sujet de notre départ, un télégramme et nous attendons un télégramme de réponse), и если мать не найдет работы, то она поедет с нами в Чистополь и устроит нас. Теперь все ищут комнату. Добро бы мы знали, что остаемся здесь, все наши силы были бы направлены на соискание комнаты и работы, но éventualité отъезда в Чистополь вносит элементик бреда. Все находят работу и комнату. Сикорские нашли комнату. Будем ли мы с ними жить? Вряд ли. On ne sait même pas si on part à Tchistopol. Le seul travail qui à mon avis pourrait convenir à ma mère, ce serait d'enseigner le français. Mais à Elabouga ... et à Tchistopol? Qu'est-ce que j'en sais? Rien. Tout cela est triste et idiot, et l'argent fuit en vitesse. On a envoyé hier un télégramme à Tchistopol, à une nommée Leytès (une des dames rencontrées sur le «Tchouvachie») Mais quand on l'a rencontrée, elle allait à Bersout; peut-être y est-elle encore, et le télégramme ne sera lu par personne? Si on ne reçoit pas de télégramme de réponse, sera-ce prudent d'aller à Tchistopol avec Stroutsovskaiâ et les bagages? Эра произвола, самого абсолютного. Оставаясь в Елабуге, не знаем, найдем ли работу. Не знаем, как будем жить, если не будем жить вместе с Сикорскими. Сикорская не знает, не уедет ли она в Москву; она ждет телеграмму от мужа. В Чистополь едем? Не знаю – нет телеграммы еще оттуда; если не будет телеграммы, целесообразно ли ехать в Чистополь со Струцовой? Опять у нас исключительное положение. Опять бред. А может, в Елабуге лучше, и в Чистополе работы нельзя найти? Так для чего же мы собираемся туда ехать? Сикорский устраивается завклубом. Возможно, что устроится. Мне тоже предлагали работу (я слышал это от матери, что Струцовская об этом говорила), что-то вроде культмассовика. Не знаю, что это за работа. И взял бы я ее. Если бы знал, что останусь в Елабуге, все было бы яснее. Les russes sont des необычайно распушенные люди. Только и делают, что говорят о своих личных делах, настроениях и т. д. всем посторонним. С'est miteux. Спорил с Сикорским и Саконским о поэтах русских и французских. Они люди молодые и неопытные, et ce qu'ils disent est miteux et

absolument idiot. Они ничего не понимают в литературе и пытаются судить о французской литературе. Не нужно беситься, когда слышишь их бредовую чушь. Они неповинны, а только глупы от молодости, потом раскаются. Si on pouvait vivre avec les Sikorski, ce serait très bien. Mais j'ai peur qu'elle ne trouve pas (Sikorskaïa) une bonne chambre pour deux personnes et qu'elle ne puisse simplement pas, matériellement, loger avec nous. Ce serait ennuyeux. Mais vraiment, je ne vois pas pour ma mère de possibilité de travail à Elabouga. Peut-être y en aura-t-il à Tchistopol, si on y va. On attend le télégramme. Il se peut qu'il ne vienne pas (soit que Mme Leytès ne l'aura pas reçu, soit qu'on ne veuille pas nous enregistrer à Tchistopol et trouver une chambre). Encore, si Aséeff était à Tchistopol — il y vit; mais il est à Kazan. Je ne sais pas pourquoi, mais je suis presque sûr qu'on recevra un télégramme approbatif de Tchistopol. Ici, j'ai fait la connaissance d'une Ukrainienne assez gentille, évacuée de Kiev. A propos, les Allemands ont occupé la ville de Winnitsa, près de Kiev. Ils entourent la ville. Il paraît que les Allemands ont tenté de bombarder Moscou, mais un seul avion seulement a réussi à s'infiltrer au travers de la DCA. Моя догадка о том, что немцы сейчас мènent l'offensive principale sur l'Ukraine s'est avérée juste. Ils ont pris Kyrovgrad, Pervomaïsk, Nikolaïeff, Krivoï Rog, Winnitsa et sur les autres fronts, depuis la prise de Smolensk, ils n'ont encore rien occupé. Ils ont vitalemment besoin de l'Ukraine: là est le blé, là est le fer et la houille, et le charbon et les ports. Qu'est-ce que c'est que cette manière de prendre des villes chaque jour? Ne peut-on vraiment pas les arrêter en Ukraine? Ou bien ce recul avancé des troupes soviétiques fait-il partie d'un plan stratégique? Pourquoi est-ce justement en Ukraine que l'Armée rouge recule? Probablement, les Allemands ayant pris Smolensk, ont voulu produire l'impression de vouloir lancer leur offensive principale dans la direction de Moscou. Le GQG soviétique a lancé beaucoup de force sur le front occidental, décidant de défendre Moscou à tout prix, et affaiblissant de ce fait le front du Sud. Les Allemands, voyant la faiblesse militaire de l'Ukraine et, pour le moment, se satisfaisant de la prise de Smolensk ont commencé leur offensive générale, principalement en Ukraine, base économique de la plus haute importance. Peut-être veulent-ils que les Rouges, voulant défendre leur base économique,

lancent leurs forces principales en Ukraine, et alors, dirigeront-ils leurs armées de Smolensk à Moscou. Je ne fous rien toute la journée. Probablement Sikorskaïa louera-t-elle une chambre pour elle et Dyma, et nous serons obligés de chercher nous-mêmes. Moralement je suis terriblement affaibli et désorienté. Que faire? Si les Allemands prennent Moscou ce sera honteux. Ils mènent leur offensive sur tout le front, mais pour le moment ne réussissent qu'en Ukraine. Moscou et Léningrad sont intacts. Prendront-ils la capitale de l'Ukraine, Kiev? Tout porte à le croire. A Elabouga, il y a des glaces au miel formidables. Ce que je voudrais, c'est partir pour Tchistopol. Là-bas il y a des mecs connus et célèbres qui peut-être nous aideront. Ici il y a peu de monde capable; ça finira par ce que tout le monde s'arrangera, sauf nous.

Общее положение общее, чем когда-либо.

Все в воздухе, ничего не известно. Очевидно, все-таки поедем в Чистополь. Струцовская говорит, что даже если мы не получим телеграмму (мы дали телеграмму насчет нашего отъезда и ждем ответную телеграмму) и если мать не найдет работы, то она поедет с нами в Чистополь и устроит нас. Теперь все ищут комнату. Хорошо бы мы знали, что остаемся здесь, все наши силы были бы направлены на поиски комнаты и работы, но возможность отъезда в Чистополь вносит элементик бреда. Все находят работу и комнату. Сикорские нашли комнату. Будем ли мы с ними жить? Вряд ли. Мы даже не знаем, едем ли мы в Чистополь. Единственная работа, которая подошла бы матери, это преподавание французского языка, но в Елабуге... и в Чистополе? А что я об этом знаю? Ничего. Все это печально и глупо, а деньги быстро уходят. Мы вчера дали телеграмму в Чистополь, некоей Лейтэс (одной из дам, встреченных на «Чувашии»). Но когда мы ее встретили, она ехала в Берсут; может быть, она еще там и телеграмму никто не прочтет? Если мы не получим ответной телеграммы, будет ли благоразумно ехать в Чистополь с Струцовской и багажом? <...> Если бы мы могли жить с Сикорскими, это было бы очень хорошо. Но я боюсь, что она (Сикорская) не найдет хорошую комнату на двоих и что она практически не сможет жить с нами. Это было бы неприятно. Но, правда, я не вижу возможности работы для матери в Елабуге. Может быть, будет работа в Чистополе, если мы туда поедем. Ждем телеграмму. Вполне возможно, что она и не придет (либо

Мадам Лейтэс ее не получила, либо нас не захотят прописать в Чистополе и найти нам комнату). Если бы Асеев был в Чистополе — он там живет, но он в Казани. Не знаю, почему, но я почти уверен, что мы получим положительную телеграмму из Чистополя. Я здесь познакомился с украинкой, довольно милой, эвакуированной из Киева. Кстати, немцы заняли город Винницы, около Киева. Они окружают город. Говорят, что немцы пытались бомбардировать Москву, но только один самолет смог пробиться через авиазащитный обстрел. Моя догадка о том, что немцы сейчас ведут главное наступление на Украину, оказалась правильной. Они взяли Кировоград, Первомайск, Николаев, Кривой Рог, Винницу, а на других фронтах, со взятия Смоленска, они ничего не заняли. Им насущно нужна Украина: там и зерно, и уголь, и руда, и железо, и порты. Что это тоже за манера каждый день брать по городу? Неужели их на Украине нельзя остановить? Или ускоренное отступление советских войск входит в стратегический план. Почему именно на Украине Красная Армия отступает? Вероятно, взяв Смоленск, немцы произвели впечатление, что они собираются повести главное наступление в направлении Москвы. Советский ГШ бросил много сил на Восточный фронт, решив защищать Москву во что бы то ни стало, и тем самым они ослабили Южный фронт. А немцы, видя военную слабость Украины и пока довольствуясь взятием Смоленска, начали свое основное наступление главным образом на Украину, экономическую базу огромного значения. Может быть, они хотят, чтобы красные, желая защищать свою экономическую базу, бросили свои главные силы на Украину, и тогда они переправят свои войска от Смоленска на Москву. Я целый день ни черта не делаю. Возможно, Сикорская снимет комнату для себя и Димки, а нам придется искать комнату самим. Морально я страшно ослаб и чувствую себя растерянным: что делать? Если немцы возьмут Москву, это будет постыдно. Они ведут свое наступление по всему фронту, но пока у них удачи только на Украине. Москва и Ленинград невредимы. Возьмут ли они Киев, столицу Украины? Это вполне вероятно. В Елабуге замечательное медовое мороженое. Что бы я хотел, так это уехать в Чистополь: там есть мужики — известные и знаменитые, которые, может быть, нам помогут. Здесь мало способных на это людей. Кончится тем, что все устроятся, кроме нас.

20/VIII-41

Положение наше продолжает оставаться беспросветным. Ответную телеграмму из Чистополя всё еще не получили и, как мне кажется, совсем теперь не получим. Причины этого: или этой М^{ме} Лейтес нет, и она все еще в Берсоте, и телеграмма ее поэтому не открыта, или ничего не вышло и отказались нас прописать, или все еще ведутся переговоры по этому поводу. Скорее всего, телеграмма лежит неоткрытая, а М^{ме} Лейтес в Берсоте. Чорт его знает!? Сегодня мать была в горсовете, и работы для нее не предвидится; единственная пока возможность — быть переводчицей с немецкого в НКВД, но мать этого места не хочет. Никому в Елабуге не нужен французский язык. Возможно, что я бы мог устроиться на работу в какой-нибудь библиотеке или канцелярии, но так как я человек новый, то мне бы очень мало платили, и эта плата на наше пропитание была бы недостаточна. Сикорский почти окончательно устроился заведующим клубом, хотя его мать и говорила, что это место для него слишком ответственно. Саконская устраивается учительницей пения. До того как уедет Струцовская, пройдет несколько дней, в течение которых мы сможем получить ответную телеграмму из Чистополя. Если же не получим, то поедем вместе с ней в Чистополь с багажом, где она постарается нашу судьбу устроить. Действительно, здесь, в Елабуге, серьезных перспектив работы для матери нет. В Чистополе все-таки много людей, которые уже всё знают о всех возможностях работы и помогут. Кроме того, там есть школьная молодежь — сыны и дочери писателей, все-таки какая-то культурная компания, как-никак. Здесь познакомился с симпатичной киевлянкой, тоже эвакуированной. Она поступила счетоводом-статистиком, но ни шиша в этом деле, по моему впечатлению, не понимает. *Décidément*¹, везет на украинок. В сводке уже говорится об ожесточенных боях на Одесском направлении; очевидно, Одессу займут. В Елабуге очень плохи жилищные условия; та комната, которую нашла Сикорская, малюсенькая, и я не вижу, как бы мы в ней жили. За медом на рынке нужно долго стоять в очереди, так что пропадает охота его покупать. Все скулят, что плохо, что не думали,

¹ Вот уж.

что Елабуга такой плёвый город и т.д., и жалуются на Литфонд и Струцовскую. Дураки — я, например, всё в этом отношении предвидел. Итак, всего вероятней, что поедем со Струцовской в Чистополь. Я почти что уверен, что как-то мы там устроимся. Просто Лейтес в Берсоте, оттого никто и не отвечает. Дать, что ли, телеграмму Асееву? Но он же в Казани. Мне жалко мать, но еще больше жалко себя самого. Что делать. Вряд ли, если бы выяснилось, что нас туда пустить нельзя, они бы не послали ответной телеграммы, — из простой вежливости нужно было бы молниировать ответ. Сегодня — плохая погода с дождем, и в условиях грязного городка это плохо. Основной багаж всех эвакуированных Литфонда — на пристани, и сегодня его должны привезти в общежитие; потом, очевидно, его придется таскать в комнаты. Если мы здесь не остаемся, а едем в Чистополь, то наш багаж брать с пристани и везти сюда — глупо и ненужно. Ну, а если не поедем? *Ce que je sais et ce que je sens, c'est que, malheureusement je m'éloigne de plus en plus de beaucoup de choses, comme confort, etc. et de mon but principal — aller en Europe, en France. Je m'éloigne de la culture. Miraculeusement, jusqu'ici, j'ai réussi à préserver mes pantalons chics de la saleté; je cire mes chaussures parisiennes chaque jour; je suis bien coiffé et ne faillis pas à ma réputation d'homme chic. Sikorsky vient d'être nommé directeur du club. Son enthousiasme a baissé, car il vient d'apprendre que tous les directeurs précédents ont été foutus en taule. On lui paiera 183 roubles par mois et s'il organise des spectacles, on lui paiera 450 roubles par spectacle. Le club est miteux, les acteurs seront des écrivains sans talent, le directeur a 19 ans; très joli tout ça! Moi, je travaillerais volontiers au club en qualité de caricaturiste, mais ma mère a peur que les Allemands ne viennent ici et ne fusillent ceux qui faisaient de la propagande anti-nazie. Pour ma part, je crois que ça n'ira pas jusque là; si ça va comme ça, eh bien on foutra le camp par-delà l'Oural, à Novosibirsk, par exemple. Ce matin, j'ai eu terriblement mal à la tête et j'ai dégueulé, puis c'est passé ensuite. Tout est indécis. Le pire c'est que tout cela a un accent tragique qui pue le mouro' et que je hais. Mais je suis enclin à croire que pour un temps au moins, tout finira par s'arranger pour nous. La situation telle qu'elle se dessine pour le moment ne peut continuer longtemps — il faudra bien que quelque chose de notre avenir, même le plus*

immédiat, se décide enfin. Je crois que ma mère pourrait s'arranger et trouver du travail, à Kazan, mais elle a la trouille des bombardements éventuels de la ville, because une avance éventuelle des Allemands. A Elabouga il y a beaucoup de soldats de garnison. Beaucoup de manœuvres, de tranchées et tout. Churchill et Roosevelt se sont rencontrés en Océan Atlantique. Au fond, ceux qui gagnent au change, ce sont l'Angleterre et les Etats Unis. En ce qui me concerne, je crois qu'ils ont tout simplement gagné la guerre. Même si l'Allemagne bat l'URSS, les troupes allemandes ne seront vraisemblablement pas en état d'attaquer l'Empire Britannique. A ce moment-là, les Anglais et les Américains seront tellement forts qu'ils pourront battre au diable le Reich. L'Angleterre et l'Amérique ont gagné la guerre. On aurait tort de croire que la victoire du Reich nazi dans la guerre contre la Russie soviétique signifierait la victoire sur la coalition anglo-saxonne. Peu probable est l'éventualité, en cas de défaite soviétique, de la signature d'une paix entre l'Angleterre et le IIIe Reich – Le pacte anglo-soviétique d'une part l'interdit et, d'autre part, simplement, les Anglo-Américains auront tout intérêt à ce que la guerre dure le plus longtemps possible. Ce n'est pas pour rien que les conditions de la paix future élaborées par Churchill et Roosevelt prévoient le désarmement total et à perpette de l'Allemagne et des pays qui la servent. Encore une fois, les Anglais déclarent leur volonté de ne pas signer de paix séparée avec le Reich. Au fond, c'est l'URSS qui porte la plus lourde charge dans cette guerre. Quand l'Allemagne sera suffisamment affaiblie, l'Angleterre lui tombera dessus avec l'Amérique. Tout vient de s'éclaircir à propos des chambres à Elabouga. Nul des évacués ne peut louer une chambre dans la ville, parce que toutes les chambres sont incluses dans les listes du Soviet de la ville. Le Soviet de la ville dirige chaque évacué ou famille dans telle chambre exactement, et il doit y habiter, puisqu'il est évacué et pion. Le pire, c'est que les meilleures chambres ne seront pas pour nous, mais données aux familles et professeurs du filial de l'Institut de Léningrad qui arrivent demain. Et nous, nous aurons les pires chambres de la ville. Quelle chambre nous a-t-on donnée? Elle doit être moche. Les proprios ne veulent pas les louer parce que eux aussi sont des pions, ils sont obligés de les louer à cause du Gorsoviet, mais font les dégoûtés, parce que ces chambres sont à eux et ils ne veulent pas s'en priver. Sikorsky est emmerdé,

il a peur, je crois d'être foutu en taule, s'il ne peut satisfaire aux exigences du moment. Mais je me fous de lui. De toutes façons, si nous restons ici, nous ne vivrons pas avec eux parce que chacun de nous recevra une chambre où il devra habiter, alors... L'emmerdant c'est le risque de perdre la chambre donnée par le Gorsoviet si, à Tchistopol Stroutsovskaja ne trouve rien. Pas de chambre à Tchistopol, plus de chambre à Elabouga. De quoi s'amarrer, comme on écrivait dans le «Canard enchaîné». J'en suis loin du «Canard enchaîné», ah ça, ouiche!. Mais je crois qu'on s'arrangera à Tchistopol. Je lis le génial livre de Dostoïevsky, «Crime et Châtiment».

То, что я знаю и чувствую, это то, что я, к сожалению, удаляюсь все дальше от многих вещей, а именно — комфорта и т.д. и от моей главной цели — поехать в Европу, во Францию. Я удаляюсь от культуры. Мне чудом удалось защитить от грязи мои шикарные брюки, парижские башмаки я чищу каждый день, я хорошо причесан и поддерживаю свою репутацию элегантного мужчины. Сикорского только что назначили директором клуба. Его энтузиазм спал, так как он узнал, что всех предыдущих директоров посадили. Ему будут платить 183 рубля в месяц, и если он будет устраивать спектакли, ему будут давать 450 рублей за спектакль. Клуб совсем дрянной, актерами будут бесталанные писатели, директору 19 лет. Очень красиво все это! Я бы не прочь работать в клубе карикатуристом, но мать боится, что придут немцы и расстреляют всех, кто занимался антинацистской пропагандой. Я же лично думаю, что до этого дело не дойдет. А если так, то удерем куда-нибудь за Урал, в Новосибирск, например. Сегодня утром у меня ужасно разболелась голова, меня рвало, а потом прошло. Все неопределенно. Самое ужасное то, что во всем этом есть трагичность, все это отдает мелодрамой, которую я ненавижу. Но мне все же кажется, что, по крайней мере, на время для нас в конце концов все устроится. Положение, которое сейчас намечается, не может долго продлиться — надо же будет, чтобы что-то, касающееся нашего будущего, даже самого ближайшего, наконец решилось. Я думаю, мать могла бы устроиться и найти работу в Казани, но она дрожит от возможных бомбардировок города из-за возможного продвижения вперед немцев. В Елабуге много гарнизонных солдат. Много маневров, траншей и пр. и пр. Черчилль и Рузвельт встречались на Атлантическом океане. По существу, во всем выигрывают

Англия и Соединенные Штаты. Что до меня, мне кажется, что они просто выиграли войну. Даже если Германия одержит победу над СССР, немецким войскам нападение на Великобританию будет не под силу. В тот момент англичане и американцы будут настолько сильны, что они смогут послать Рейх к черту. Англия и Америка выиграли войну. Было бы неправильно думать, что победа нацистского Рейха над Советской Россией означает победу над англосаксонской коалицией. Также маловероятно подписание мира между Англией и III^м Рейхом в случае советского поражения. С одной стороны, это воспрещается англо-советским пактом, с другой — англо-американцы просто заинтересованы в том, чтобы война длилась как можно дольше. Недаром условия мира, разработанные Черчиллем и Рузвельтом, предусматривают полное разоружение, и навечно, Германии и стран, ее поддерживающих. Вдобавок англичане объявили о своем нежелании подписывать сепаратный мир с Рейхом. Фактически в этой войне всю основную тяжесть несет СССР. Когда Германия будет достаточно ослаблена, на нее нападут Англия и Америка. Все только что прояснилось насчет комнат в Елабуге. Никто из эвакуированных не может снять комнату в городе, потому что все комнаты включены в списки городского Совета. Городской Совет направляет каждого эвакуированного или семью в определенную комнату, и тот должен в ней поселиться, потому что он — эвакуированный и пешка. Хуже всего, что лучшие комнаты будут не для нас, они будут отданы семьям и профессорам филиала ленинградского института, которые прибывают завтра, а мы получим самые худшие комнаты в городе. Какую комнату нам дали? Она должна быть плохая. Хозяева не хотят сдавать комнаты, потому что они тоже пешки, они обязаны их сдавать, из-за Горсовета, но они брыкаются, потому что комнаты ихние и они не хотят себя их лишать. Сикорский дрыщет, он боится, что его бросят в тюрьму, если он не сумеет подладиться требованиям данного момента, но мне на него наплевать. Во всяком случае, если мы останемся здесь, мы будем жить не с ними, потому что каждый из нас получит от Совета комнату, где он обязан будет поселиться, вот! Самое говенное — риск потерять комнату от горсовета, если в Чистополе Струцовская ничего не найдет. Без комнаты в Чистополе пропущенная комната в Елабуге — смешно, не правда ли?! — как писали в «Скованной утке». Как я далек от «Скованной утки», вот это да! Но я думаю, что мы устроимся в Чистополе. Читаю гениальную книгу Достоевского «Преступление и наказание».

Положение наше продолжает оставаться совершенно беспросветным. Вчера переехали из общежития в комнату, предназначенную нам горсоветом. Эта комната — малюсенькая комнатуха, помещается в домике на окраине города. Обои со стен содраны, оставив лишь изредка свой отпечаток на них. Во дворе — отвратительная уборная — малюсенькая, с... противно. Телеграммы из Чистополя все не получили — совершенно ясно для меня, что Лейтес ее не получила, так как находится в Берсоте. Теперь нужно совершенно ясно, чтобы мать поехала одна, без вещей, в Чистополь со Струцовой. Она там все разузнает насчет прописки, работы, комнаты. Если же ей не удастся там устроиться, то пусть она постарается как-нибудь устроить меня туда учиться (в интернат, как-нибудь). Мне в Елабуге совершенно нечего делать. Если даже Сикорский и наладит работу клуба, в чем сильно сомневаюсь, то вряд ли мой оклад — за культурно-оформительную работу в клубе — будет удовлетворителен. Да и будет ли он вообще? Я был в горсовете, райсовете, РОНО. В библиотеках работы нет. В газете принимаются только стихи и рассказы для литстранички, а карикатуры не принимаются — фотографии, рисунки и т.д. присылаются из Казани. Посоветовали сотрудничать в казанском «Крокодиле». Спасибо за глупый совет. Подумываю об «Окнах ТАСС», но для этого нужно говорить в райкоме партии — волынка. Очевидно, серьезной работы не будет впредь до клубной работы — какой? Я мог бы там организовать «доску сатиры». Но все это очень шатко. Вчера был в городском саду, в котором помещается летнее помещение клуба. Городской сад к вечеру набивается всяким хулиганьем. В городе невероятное число б.... Впечатление от вчерашнего визита в горсад — бредовое. Сикорский познакомился с какими-то некрасивыми десятиклассницами. Побывали в кино, где я клевал носом, — звук плохой, ничего не понять. Уходя к выходу, Сикорский взял под руку одну из этих девиц и, видя, что я ухожу от другой, шепнул: «Иди, дурак, с другой». «Другая», как, впрочем, и та, которая шла с Сикорским, не представляла ровно никакого интереса. Кроме того, этот горсад, с хулиганами и б...., идиотский горсад, с которым я не имел ничего общего, мне опротивел. Оставив «другую» Соколовско-

му, я просто ушел, не оглядываясь, к себе «домой». Нужно сказать, что я разочаровался и в Соколовском, и в Сикорском. Они потеряли для меня какой-либо интерес, и если я с ними и общаюсь, то из материальных соображений: пойти с Сикорским в баню, у Соколовского попросить чернила для авторучки. Да и еще то принимаю во внимание, что ведь Сикорский – будущий директор клуба и, быть может, устроит меня на работу. Этим пренебрегать не приходится. А так, я их презираю. Соколовский пишет плохие стишки. Я ему это дал почувствовать. Он же себя считает гениальным. Образец писательского сынка со взбухнувшей манией величия. Соколовский не умен и умеет, когда надо, поступать<ся> своими вымышленными в стихах «грёзами», «идеалами» и т.д. Он неуч, но претендует на знания и ученость. Постепенно я его раскусил. Он обиделся и теперь при всяком удобном случае колет меня, как может, острит на мой счет и всячески пытается меня уязвить, издеваясь над тем, что я люблю. Но мое хладнокровие его бесит. С Сикорским дело обстоит иначе. Сикорский, хотя и силен физически, но – дегенерат. Он ничего не понимает в литературе, особенно в поэзии. Он – неуравновешенный человек. Как таковой он очень самоуверен. Он некультурен. Разгрызлись мы с ним в вопросе о французской поэзии и литературе. Он считает Беранже лучшим французским поэтом. Ромена Роллана – лучшим прозаиком, «Кола Брюньон» – великим произведением и т.д. Идиот! Я ему прямо сказал, что нечего ему лезть во французскую литературу со своим мнением, когда он языка не знает, не знает ни Бодлера, ни Верлена, ни Валери, ни Маллармэ. У Сикорского – никакого вкуса. Он груб в разговоре, кричит – именно выкрикивает – свои убеждения. Нечего ему соваться во Францию. Он говорит, что любит Францию д'Артаньяна, Беранже и т.д. Я ему ответил, что он любит несуществующую Францию. У него есть претензии на философию. Он пытается синтезировать Ницше с Марксом и развивает какие-то глупые теории об «интеллектуальных классах» в коммунизме. Чтобы меня уязвить, видя, что в интеллектуальном отношении я выше его, и зная – и завидуя – что я был во Франции, Сикорский всячески ругает Францию, французов, всячески старается этим меня уколоть, уязвить. Тем более его бесит мое хладнокровие и ирония. В одном только отношении Сикорский интересен.

Он — модель человека, отошедшего от коммунизма, не пришедшего к капитализму и остановившегося на полдороге. Так же он и находится между Марксом и Ницше. Он двойственен и оттого мне противен — гибрид, причем гибрид, родители которого — уроды. Действительно, он обожает ругаться матом, обожает Вертинского, Иосифа Уткина. У Востока и Запада он взял все самое бескусное и глупое. Он — показателен. Нет, в Елабуге жить — очень мрачно. Добро была бы работа. В Чистополь я попасть непременно хочу. Надеюсь, что хоть меня там удастся как-нибудь устроить. Здесь — пропадать. Подумать только, в какой я сейчас глуши, как отдалился от Европы и культуры! В Елабуге грязно, люди — рожи. Вонь, скука, пьяные. Как я выберусь на поверхность? Вот отчего я хочу попасть в Чистополь — там, кажется мне, будет какая-то культурная компания: не одни Сикорские и Соколовские, как здесь. Вчера большевики Ленинграда и Ворошилов опубликовали воззвание к ленинградцам, в котором говорится, что враг бьется на подступах в Ленинград, что над городом нависла грозная опасность и чтобы каждый защищал город, как в Гражданскую войну. В последней сводке говорилось об ожесточенных боях на Новгородском, Старорусском, Кингиссепском и Одесском направлениях. Три первых направления ведут к Ленинграду. Будет страшный бой за город, когда немцы атакуют его. Я думаю, что они возьмут Ленинград, но жертвы их будут колоссальными. Нужно сказать, что тон нашей печати понизился: говорят о том, что борьба потребует очень много жертв, будет длительной, что «враг еще очень силен» и т.д. Рузвельт заявил представителям печати о том, что он «уверен в том, что сопротивление русских будет длительное». Это звучит не особенно оптимистически. Пусть немцы возьмут Ленинград, Киев, Москву, но войну — основную — они проиграли уже. Победа над советскими армиями обойдется им исключительно дорого и не оправдывает себя, т.к. Америка и Англия — intactes¹. Англия и Америка уже выиграли войну — хоть и нашими средствами. Россия — «истощитель армий». Меня интересуют несколько вопросов: 1 — будут ли взяты Ленинград, Киев, Москва и какая, в конечном счете, территория будет занята немецкими армиями? 2 — В случае победы Аме-

¹невредимы.

рики и Англии над Германией какова будет новая организация Европы, и как будет затронут СССР этой новой организацией, и будет ли он ею затронут? Скажем, европейская часть СССР будет занята немцами; англо-американские силы изгонят немцев из Европы. Значит, они займут и европейскую часть СССР, когда им придется выгнать оттуда немцев? Но я захожу слишком далеко. Мне кажется возможным сделать несколько предположений о ходе ближайших событий. Скажем, немцы после упорных сражений оккупируют всю европейскую часть СССР. Тогда советское правительство переедет куда-нибудь, скажем, в Новосибирск, куда немцы не пойдут. Тут, вследствие ослабления – в связи с занятием части территории СССР – армий на Западе, грянет генеральное наступление англосаксонской коалиции. Скажем, немцы будут разбиты в Европе. Но тогда англичане пойдут дальше – на восток, чтобы освободить европейскую часть СССР. И что тут будет – этого сказать я не могу. Нить обрывается. Но пока что факт остается фактом: я в глуши, в Елабуге, далеко от событий, нет перспектив работы и нужно как-то где-то устраиваться. Форму и место своего существования сейчас нельзя предвидеть на длительный срок. Хочу в Чистополь, потому что все-таки там «сильные мира» – если не «сильные», то посильнее елабужцев, и *en cas de chambard*¹ лучше быть с чистопольцами. Оттого, хотя я <один>, но хочу устроиться в Чистополе. Надеюсь, что мне это удастся. Важное значение будет иметь созванная в Москве конференция трех держав по вопросу о снабжении всех сил, борющихся против Гитлера. Недаром Черчилль и Рузвельт послали Сталину личное послание. Интересно, как теперь тесно связана личная судьба человека с международными событиями. Об этом замечательно пишет Валери в «*Regards sur le Monde Actuel*». Все-таки Чистополь – это как угодно, но все-таки ближе к культуре, Европе, уму какому-то. И 2^й город Татарии. Я непременно должен там устроиться. Мать должна поехать со Струцовой и все разузнать там. Хоть я бы там устроился. Здесь я себя чувствую необычайно одиноким. А там будут знакомые, компания. Познакомлюсь, хотя никого не знаю. Все-таки город побольше Елабуги. Сегодня-завтра нужно выяснить, когда Струцовская едет в Чистополь, пойти в

¹ в случае пертурбации.

баню. Я настою на своем — и попаду в Чистополь. Здесь мне не место. Il vaut mieux être avec le gros de la troupe. Que de putains dans la ville. Il se peut que ce soit à cause des soldats qui sont en garnison. Tout cela est terriblement miteux. Dieu que c'est moche, une ville de province! Les rues sont moches, les maisons sont moches, les gens encore plus, bref tout est moche. Moi je suis presque sûr que malgré tout, on finira par aller vivre à Tchistopol. On est trop seuls ici, et pas de travail. Et toutes ces putains qui non seulement ne m'excitent pas mais me dégoûtent. La seule chose qui est bien ici, ce sont les gargottes — nombreuses et où on bouffe bien, mais le pèse, le pèse... Se peut-il que je ne revoie jamais le Boul'mich?! Tout dépend du degré de rapidité du relèvement de la France. Mais il me semble que les pays qui, comme la France, ont été relativement vite occupés se relèveront plus vite du marasme économique parce que, militairement parlant, ils n'ont pas beaucoup souffert des bombardements, etc. Ils n'ont pas été épuisés par une résistance opiniâtre. Tandis que par exemple l'URSS se relèvera difficilement et lentement de la crise où l'aura plongée la guerre. La France, par exemple, les Allemands exploitent à fond son économie nationale. Mais cette économie nationale n'a pas été trop entamée par une guerre assez courte. Tandis qu'en URSS, les ressources économiques, employées à la guerre, en cas de victoire de l'Allemagne, seront employées à nouveau, ce qui fait, par rapport à la France, une perte de 100%. Et le relèvement économique futur s'en ressentira.

Лучше быть вместе со всем стадом. Сколько же в городе б....! Возможно, это из-за большого количества гарнизонных солдат. Все это ужасно мерзко. Господи, какое это уродство — провинциальный город! Улицы уродливы, дома уродливы, люди еще хуже; словом, всё — сплошное уродство. Я же почти уверен, несмотря на все, что мы в конце концов переедем на жительство в Чистополь. Здесь мы слишком изолированы, работы нет. И все эти б...., они не только не вызывают во мне никакого возбуждения, но наоборот — отвращение. Единственно, что здесь хорошо, это харчевни — их много и в них вкусно, но шиши, шиши! Возможно ли, что я никогда больше не увижу Бульмиша. Все зависит от скорости, с которой Франция воспрянет. Но мне кажется, что страны, как Франция, которые были достаточно быстро оккупированы, вылезут быстрее из эко-

номического упадка, потому что, с военной точки зрения, они не очень пострадали от бомбардировок и т.д. Их не обессилило упрямое сопротивление. Тогда как СССР, например, подыметя с трудом и медленно будет вылезать из кризиса, в который его окунула война. Во Франции, например, немцы целиком пользуются народной экономикой. Но эта народная экономика не слишком пострадала благодаря краткости войны. Тогда как в СССР экономические средства, растроченные в войну, в случае победы Германии, будут вновь использованы, в сравнении с Францией получается потеря в 100%. И это, несомненно, скажется на экономическом возрождении.

24/VIII-41

Сегодня к 2 ч. дня мать уехала в Чистополь на пароходе, в сопровождении Струцовой. Уехала на этом же пароходе Сикорская, едущая в Москву, — она получила телеграмму от мужа возвращаться. Димку она оставляет здесь; надеется вернуться с мужем в Елабугу. Я рад, что мать поехала в Чистополь. Все-таки это означает какой-то шаг, какую-то попытку. Жить так, как мы живем сейчас, без работы и перспектив — невозможно. Если в Чистополе ничего не выйдет, то, по крайней мере, сможем сказать, что мы там попытались, и не думать больше о нем. Я матери дал такой наказ: в случае, если ей там не удастся устроиться — нет работы, не прописывают, то пусть постарается устроить хоть меня: пионервожатым в лагере ли, или что другое, но основное для меня — учиться в Чистополе. В конце концов, попытка не пытка. Увидим, каких она добьется результатов. Настроение у нее — отвратительное, самое пессимистическое. Предлагают ей место воспитательницы; но какого черта она будет воспитывать? Она ни шиша в этом не понимает. Настроение у нее — самоубийственное: «деньги тают, работы нет». Оттого-то и поездка в Чистополь, быть может, как-то разрядит это настроение. Я, несмотря ни на что, надеюсь на Чистополь. Увидим, какие вести мать оттуда привезет. Сегодня утром пошел на базар и стоял два часа в очереди за медом. Ничего не получил — не хватило. Жалко (не очень, впрочем). Сегодня пойду в парикмахерскую — остригусь. Вчера вымылся с ног до головы — в хлеву, превращенном в баню (sic). Сикорский и Соколовский каждый вечер шляются в горсад и е..... с какими-то б..... Plaisir,

a mon goût, relatif.¹ Для своей initiation² никогда не пойду с б....., ah ça, ouïche³. Интересно все-таки, что я буду делать этой зимой: учиться или работать где-нибудь? Вообще-то говоря, оставаясь в Елабуге, я не вижу возможности учиться, а в Чистополе — скорее. Конечно, если возможно, я предпочту учиться, чем работать, — все-таки образование, хоть и среднее, надо иметь. Соколовский злорадствует и божится, что в Чистополь мне не попасть. Дело в том, что ему очень хочется тоже туда попасть, но вряд ли удастся, так как его мамашу в Чистополь никто не пустит, а нас уж скорее; так вот и злится. Позавчера наши войска оставили город Гомель (Белоруссия). Продолжаются ожесточенные бои на всем фронте. И все-таки немцев, tôt ou tard⁴, разобьют. Сикорский пишет какой-то халтурный рассказ в местную газету. Я ему пророчу, что рассказ не напечатают. Сегодня — ем в столовой. Нужно купить масла будет. А для того, чтобы встать в 5 часов, — достать меду. <Вероятно, наоборот: «А для того, чтобы достать меду, — встать в 5 часов».> Ничего не читаю. Купил «Герой нашего времени». Написал два письма — Вале и Митьке которые Сикорская опустит в Москве. Мать берет в Чистополь несколько вещей, которые надеется продать. Пытался писать оборонные стихи, чтобы дать в газету и заработать, — ничего не выходит. Пойду в парикмахерскую. Погода — серая, но дождя нет. Какая здесь грязь осенью! Не вижу, как обойдусь без сапогов. А денег нет. Авось что-нибудь прояснится в Чистополе. В Чистополе жена Пастернака. Интересно, хорошие ли здесь парикмахерские.

25/VIII-41

Вчера обрел в парикмахерской значительно более приличный вид. Сегодня утром под страшным дождем купил масла. Сегодня же прописался и стал на военный учет. Сегодня же пил чай с медом — не так плохо, s'pas⁵? Мед одолжил Сикорский. Он скоро приступает к работе. Боюсь, что наступила пора дождей, порождающих елабужскую грязь. Сикорский

¹ Удовольствие, по-моему, относительное.

² инициации.

³ вот уж нет, так нет!

⁴ рано или поздно.

⁵ н-да.

схалтурил для местной газеты два оборонных рассказа. Я ему начисто переписал один из них. Противно, что идут дожди, – грязь будет. А шикарно – чай с медом! Ça fait как-то exotique¹. Соколовский поехал в Берсут, в надежде устроиться в лагерь – Берсутский лагерь переезжает в Чистополь. О сводках ничего не знаю, т.к. радио в доме нет, а газеты запаздывают. Читаю Бернарда Шоу – прекрасно. От дождя быстро темнеет. Приходится рано ложиться спать – из-за недостатка освещения. Веду растительную, бездельную жизнь: хорошо ем, читаю, ни шиша не делаю. Иногда неплохо так пожить. Очень скоро этот период пройдет – как только мать вернется из Чистополя, очевидно. Очень симпатизирую де Голлю – теперь у него Сирия, молодец. В Елабуге поговаривают о возможностях бомбежки местности. На Каме – химзаводы, Ижевск; неподалеку отсюда строится аэродром. Неужели немцам удастся взять Ленинград? Это было бы позорным фактом. Из окна вижу, как под дождем, в сумраках, возвращаются коровы с пастбищ. Сикорский мечтает о загранице, думает, что наш режим после войны одемократизируется. Вообще, в политическом отношении, у него в голове – каша из Маркса, Ницше, Уэллса – и даже приплел Être Suprême² для чего-то. Он большой трепач и хвастун, говорит о своих знаниях, победах над девочками; но в общем, неплохой мальчик, ничего. Не нравятся мне эти дожди. Интересно, кто из нас устроится в Чистополь: я или Соколовский. Он там знает много народу. Не знаю, увидим. Боюсь за мать – как она будет возвращаться по такой грязи. Когда она приедет и какие вести принесет? Завтра нужно будет купить хлеба. Привык к черному хлебу – пришлось, volens-nolens³. Скоро лягу спать – сильно темнеет, да свету нету, и дождь за окном к этому располагает. Через 9 дней – начало занятий в школе. Буду ли я учиться или нет? Вот в чем – для меня – вопрос. Сегодня утром здорово промок, но масло таки купил. Как хочется что-нибудь знать о будущем! И ничего не знаешь. Как страшно трудно порывать с прошлым! Всею душою и сердцем я сейчас в Москве, в центре событий, в сердце разгаров <так!>. Там – жизнь, а не в елабужской дыре!

¹ Получается как-то экзотично.

² Высшее Существо.

³ хочешь не хочешь (лат.).

Те, которые оттуда уехали, оставили позади себя пустые, запечатанные квартиры и комнаты. Мы же... Да и к чему вспоминать непоправимое! Не нужно вспоминать, опять-таки, а жить сегодняшним, да и завтрашним днем. Мало ли что было — а может быть, будет когда-нибудь еще лучше? Живем, хлеб жуем — и то хорошо, а выкарабкаться всегда постараемся. В конце концов, уехали — так к черту то, что позади, и сантиментальничанье мне ничем не поможет. Безвыходных положений нет. Всегда можно устроиться. Я молод и еще побываю всюду, где захочу побывать. Елабуга — этап. Международное положение, как бы оно ни развивалось, поможет яснее очертиться линиям моего будущего — хотя бы будущего места пребывания. Если начнутся осенние дожди, то, возможно, они помешают немцам осуществить свое наступление до конца. Плохо то, что сводки доходят в Елабугу с опозданием. Думаю, что эта война будет война с сюрпризом. Все не так ясно и понятно, все может принять неожиданный поворот. Думаю, что победы немцев в СССР не спасут их от конечного поражения, а будут, пожалуй, служить немалой долей этого будущего поражения. Возможно, что Германия так стремится к Одессе для того, чтобы захватить проливы и идти на Турцию. Вряд ли немцы возьмут Москву — слишком много сил они на это потратят, да и цели, кроме престижа, не вижу. Не исключена возможность, что, несмотря на продвижения и победы, немцы будут разгромлены именно в СССР. Но пока не вижу, как. Сколько продлится мировая война до конца? Та война длилась 4 года. Эта длится 2 года — и кончится раньше, по-моему. Германию, бесспорно, разобьют — кто, как и где, не знаю. Разобьют ее соединенными силами, на нескольких фронтах. Ведь еще Америка не вступила в войну, а она вступит в нее наверняка. Пока что самое интересное — это то, как закристаллизуется положение в германо-советской войне к зиме. Налеты на Москву почти прекратились, и немецкие самолеты не допускаются к городу. Удастся ли немцам к зиме занять Ленинград, Киев, Одессу, Москву. У меня такое впечатление, что Одессу и Киев, может быть, им и удастся занять, а Ленинград и Москву — не удастся. На меня произвело сильное впечатление воззвание Ворошилова и Жданова «к трудящимся города Ленина». Совершенно ясно, что Ленинград будет яростно защищаться. Мне кажется, Ворошилов сумеет отбить атаку немцев на Ленинград

и защитить город. Не верится как-то, что прочту «наши войска, после ожесточенных боев, оставили город Ленинград». Очень как-то полагаюсь на Ворошилова – не сдаст он города. Впрочем, увидим. Пока что из крупных городов взят Смоленск. Москва, Ленинград, Киев, Одесса – в советских руках.

26/VIII-41

Вчерашняя вечерняя сводка: «наши войска в течение 25го августа продолжали вести ожесточенные бои с противником на всем фронте. После упорных боев наши войска оставили город Новгород». Итак, немцы неуклонно приближаются к Ленинграду. Идет вторая волна мобилизации – до 45^и лет включительно. В Елабуге много народа провожает друзей, родных, получивших повестки и отправляющихся на фронт. Многие подвыпивают по сему случаю. Да, людских резервов в СССР – неисчерпаемое множество. Но Новгород взят. Вся моя теперешняя жизнь протекает под неким символом: знаком вопроса. В самом деле, например, уже 3го сентября начнутся занятия в школах, а я еще не знаю, буду ли учиться. Думается мне приблизительно так: останусь в Елабуге – буду работать, в Чистополе – учиться. Одно из двух. Только что вернулся из столовой, где сытно пообедал (трачу на еду, с разрешения матери, в день 6 рублей, а тут еще нашел завалившиеся в кошельке лишние 3 рубля). Возможно, что немцы возьмут Ленинград – но ценою огромных потерь. Сикорский думает, что Ленинград возьмут. Сикорский – шляпа – возится с какими-то прескучными девчонками, а потом этим же хвастается. Я бы на его месте не терял бы времени и не стал бы мараться со всякими дурочками, бережа свои силы на настоящих, достойных интереса женщин. Вообще мне кажется, что поистине увлекаться можно только женщиной в настоящем смысле этого слова (в СССР). Подавляющее большинство девушек не умеет играть – именно играть, лавировать, заставлять о себе думать и себя желать. 99% девушек «играет» необычайно топорно и примитивно. Просто неохота возиться с этими или слишком покладистыми, или слишком бесполовыми девчонками. Женщина знает себе цену, знает свое значение для мужчины, этим пользуется, ловко играет своими преимуществами, в общем – активный игрок. С женщиной просто интерес-

нее «faire l'amour»¹ и этого добиваться. С девушкой же ты в большинстве случаев играешь один, вся инициатива — на твоей стороне. При наличии у тебя мозгов ты всегда можешь предугадать каждое действие, почти каждое слово девушки и можешь легко дойти до ее завоевания, просто соображая вопросы чисто тактического характера. В том-то и все дело. В игру тебя с девушкой не входит необходимый, насущный *priment*² — неожиданность. Все можно рассчитать заранее, и такая возня быстро надоедает, как бы девушка ни была хороша собой. Просто женщина — разумеется, красивая, интересная — более цивилизована в отношениях с мужчиной, у нее больший опыт, чем у девушки. Кроме всего этого, большую-пребольшую роль играет кадр, обстановка действия. Ведь Елабуга никак не может вдохновить меня на интерес к девицам. Положим, девицы — московские, но кадр — елабужский, с грязью, скукой. В заключение могу сказать, что здешние девицы меня ничуть не возбуждают и не интересуют. Будет время, когда я буду увлекаться, — но кем буду увлекаться, в каких условиях — это дело будущего. В это время я буду стоящим человеком, да и кадр будет получше. Впрочем, все это теория. Но факт тот, что в Елабуге нет ничего интересного и стоящего *en fait de femina*³ и что Сикорский — шляпа, что добивается *les faveurs*⁴ каких-то десятиклассниц или студенток. *Viendra un temps où j'aurai des femmes vraiment femmes — des femmes chic, pleines de grâce et d'attraits. Ce ne sont pas des fadaises, mais la pure vérité. Au cul les jeunes filles-type.*⁵ В комнате — много мух. Погода стоит серая, то и дело накрапывает дождь. Прочел прекрасную пьесу Б.Шоу «Цезарь и Клеопатра» и другую, гораздо менее удачную, — «Кандида». Нет, конечно, в области женщин я — привереда. Но это хорошо. Мед уже почти весь съеден — это плохо. Мать, наверное, придет завтра. Прочел статью Эренбурга в «Известиях». Ага, небось теперь он пишет о де Голле. Ни у кого, как у французов, нет такой выдумки. Это они пустили знаменитую «букву V». Ну кто, кроме них,

¹ «заниматься любовью».

² изюминка.

³ по части женщин (*фр.-лат.*).

⁴ расположения.

⁵ Наступит время, когда и у меня будут женщины — настоящие, классные, грациозные и привлекательные. И это все не разговоры, а сущая правда. В ж... этих «типичных» девушек.

может сказать: «V comme Valmy», «V comme Verdun», «V comme vengeance». Замечательно! Франция выйдет из-под обломков и займет надлежащее ей место в Европе и мире, это конечно. И Ривьеру ей отдадут. Читаю рассказы О'Генри – есть прекрасные, но они как-то отжили немножко. Все-таки дыра эта Елабуга. И глупо как-то, что я сюда попал. Сидел бы сейчас в Москве. У меня такое чувство, что я, бежав сюда, предал самого себя, создал себе большой handicap¹ этим провинциальным заточением. А может, я себя спас? Чорт его знает, трудно судить, но быть бы я хотел сейчас в Москве. Но еще увидим, что будет. Вдруг попаду в Чистополь, в более культурную обстановку и буду учиться. Подружусь там с кем-нибудь... Но не надо залезать вперед, а то, может быть, ждут *désillusions*². Дождь продолжается. Что я делаю в Елабуге, с грязью и дождем – с моей любовью к французской литературе, к Франции, к мировой политике? Бред все-таки, что я – здесь. Но ничего – «закаляюсь». Очень большое значение будет иметь то, какие вести мать привезет из Чистополя. Вот уж и не о чем писать – разве что о скуке, дожде и грязи за окном и скрипящих колёсах телеги.

27/VIII-41

Вчера вечером – ночью – получил телеграмму от матери из Чистополя следующего содержания: «Ищу комнату. Скоро приеду. Целую». Сейчас вечер. Лил дождь. Писал о Париже; болит голова. За окном мычат коровы. Прочел пьесы Шоу «Первая пьеса Фэнни» и «Андрокл и Лев» – прекрасно, очень остроумно. Плохо себя чувствую.

29/VIII-41

Вчера приехала мать. Вести из Чистополя, *en gros*³, так-вы: прописать обещают. Комнату нужно искать. Работы – для матери предполагается в колхозе вместе с женой и сестрами Асеева, а потом, если выйдет, – судомойкой в открываемой писателями столовой. Для меня – ученик токаря. После дол-

¹затруднение (англ.).

²разочарования.

³в общем.

гих разговоров, очень тяжелых сцен и пр., мы наконец решили рискнуть — и ехать. Матери там говорили: «Здесь вы не пропадете». Здесь — работы нет. Там же много людей, и пропорционально можно ожидать больше помощи. Сегодня рыскал по городу в поисках работы. Был в универмаге, в банке, в институте, на почте — нигде никаких мест. Быть кассиром на заводе — к чорту. Там хоть буду токарем. Туда должны приехать три завода. Там есть писательская молодежь, с которой я познакомлюсь, там есть Лейтес и Асеевы, которые помогут, там откроют столовую и какую-нибудь работу уж выдумают для матери. Итак, мы решили ехать завтра. С нами едет один старик, который достанет — постарается достать — завтра подводу, чтобы отвезти вещи на пристань. Самое трудное — найти подводу здесь и комнату там. Но нужно рискнуть. Асеевы так советовали. *Celui qui ne risque rien n'a rien.*¹ Главное сейчас: подвода и выписка. Завтра утром пойду выпишусь и снимусь с военного учета. В Елабуге мало писателей и никаких перспектив работы. В Чистополе — неизвестность, но все-таки обещали, что постараются, чтобы это место судомойки осталось за матерью, а до этого — колхоз.

30/VIII-41

Вчера к вечеру мать еще решила ехать на завтра в Чистополь. Но потом к ней пришли Н.П.Саконская и некая Ржановская, которые ей посоветовали не уезжать. Ржановская рассказала ей о том, что она слышала о возможности работы на огородном совхозе в 2 км отсюда — там платят 6 р. в день плюс хлеб, кажется. Мать ухватилась за эту перспективу, тем более, что, по ее словам, комнаты в Чистополе можно найти только на окраинах, на отвратительных, грязных, далеких от центра улицах. Потом Ржановская и Саконская сказали, что «ils ne laisseront pas tomber»² мать, что они организуют среди писателей уроки французского языка и т.д. По правде сказать, я им ни капли не верю, как не вижу возможности работы в этом совхозе. Говорят, работа в совхозе продлится по ноябрь включительно. Как мне кажется, это должна быть очень грязная работа. Мать — как вертушка: совершенно не знает, оста-

¹ Кто ничем не рискует, тот ничего не добивается.

² «они не бросят».

ваться ей здесь или переезжать в Чистополь. Она пробует добиться от меня «решающего слова», но я отказываюсь это «решающее слово» произнести, потому что не хочу, чтобы ответственность за грубые ошибки матери падала на меня. Когда мы уезжали из Москвы, я махнул рукой на все и предоставил полностью матери право veto¹ и т.д. Пусть разбирается сама. Сейчас она пошла подробнее узнать об этом совхозе. Она хочет, чтобы я работал тоже в совхозе; тогда, если платят 6 р. в день, вместе мы будем зарабатывать 360 р. в месяц. Но я хочу схитрить. По правде сказать, грязная работа в совхозе — особенно под дождем, летом это еще ничего — мне не улыбается. В случае если эта работа в совхозе наладится, я хочу убедить мать, чтобы я смог ходить в школу. Пусть ей будет трудно, но я считаю, что это невозможно — нет. Себе дороже. Предпочитаю учиться, чем копать в земле с огурцами. Занятия начинаются послезавтра. Вообще-то говоря, все это — вилами на воде. Пусть мать поподробнее узнает об этом совхозе, и тогда примем меры. Какая бы ни была школа, но ходить в нее мне бы очень хотелось. Если это физически возможно, то что ж... В конце концов, мать поступила против меня, увезя меня из Москвы. Она трубит о своей любви ко мне, которая ее poussé² на это. Пусть докажет на деле, насколько она понимает, что мне больше всего нужно. Во всех романах и историях, во всех автобиографиях родители из кожи вон лезли, чтобы обеспечить образование своих rejetons³. Пусть мать и так делает. Остаемся здесь? Хорошо, но тогда я ухвачусь за школу. Сомневаюсь, чтобы там мне было плохо. Единственное, что меня смущает, — это физкультура. Какой я, к черту, физкультурник? Дело в том, что число уроков физкультуры, вообще военной подготовки, сильно увеличено — для меня это плохо, в этом моя слабость. Но, по-моему, всегда смогу наболтать, что был болен и т.п. Возможно, что мой проект со школой провалится — впрочем, по чисто финансовым соображениям. Самые ужасные, самые худшие дни моей жизни я переживаю именно здесь, в этой глуши, куда меня затянула мамина глупость и несообразительность, безволие. Ну, что я могу сделать? В Москву вернуться сейчас мне физичес-

¹отказа (лат.).

²толкнула.

³отпрысков.

ки невозможно. Я не хочу опуститься до того, чтобы приходить каждый день с работы грязным, продавшим мои цели и идеалы. Просто школа — все-таки чище, все-таки какая-то, хоть и мало-мальская, культура, все-таки — образование. Если это хоть немного возможно, то я буду ходить в школу. Если мы здесь остаемся, то мать должна поскорей прописаться. Все-таки неплохо было бы иметь 9 классов за плечами. Учебников у меня нет, тетрадей — тоже. Мать совершенно не знает, чего хотеть. Я, несмотря на «мрачные окраины», склонен ехать в Чистополь, потому что там много народа, но я там не был, не могу судить, матери — видней. Нет, все-таки мне кажется, что, объективно рассуждая, мне прямая польза ухватиться за эту школу обеими руками и крепко держаться за нее. А вдруг с совхозом выгорит? Тогда я останусь с носом. Нужно было бы поскорее все это выяснить, а то если я буду учиться в школе, то нужно в эту школу пойти, узнать насчет платежа, купить учебники... Соколовский все еще не вернулся из Берсута. Держу пари, что он там устроится. Мое пребывание в Елабуге кажется мне нереальным, настоящим кошмаром. Главное — все время меняющиеся решения матери, это ужасно. И все-таки я надеюсь добиться школы. Стоит ли этого добиваться? По-моему, стоит.

Примечания

Дневники Г.Эфрона публикуются по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ: Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 219–227. Текст дневников воспроизводится полностью, нумерация их – авторская.

Даты всех дневниковых записей унифицированы публикаторами.

Пропущенные слова, необходимые для понимания смысла фразы, восстанавливаются в угловых скобках. В них же, в необходимых случаях, дополняются окончания сокращенных слов и помещаются ремарки публикаторов.

Слова обценной лексики, написанные в дневниках полностью, сокращаются до одной буквы с последующими точками.

Явные смысловые и грамматические опiski исправляются без оговорок. Однако без изменения остаются индивидуальные особенности написания некоторых слов, географических названий и имен собственных, по большей части вызванных именно двуязычием автора (рукзак, Маллармэ, Мюссэ и т.п.).

Общепотребительные сокращения – г. (год), мес. (месяц), ч. (час), мин. (минута), м.б. (может быть), др. (другие), т.д. (так далее), т.п. (тому подобное), т.е. (то есть), напр. (например), п.ч. (потому что), etc (et cætera – и прочее) и некоторые другие оставляются без изменения.

Подчеркивания в записях передаются курсивом, другие выделения слов – полужирным шрифтом.

Переводы с французского языка в постраничных сносках не оговариваются.

Примечания к тексту дневников Г.Эфрона носят избирательный характер. С одной стороны, обширность мемуарной и био-

графической литературы о Цветаевой и ее семье, издание и переиздание итоговых трудов известных биографов Цветаевой избавляет нас от необходимости пересказывать в комментарии толкования тех или иных эпизодов ее жизни. С другой стороны, дневники Г.Эфрона – это прежде всего записи *свидетеля*, и именно в этом их первостепенное значение для понимания обстоятельств жизни М.Цветаевой. Читателю, нуждающемуся в более широком контексте, рекомендуем обратиться в первую очередь к следующим книгам последних лет: *Белкина М.* Скрещение судеб. изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Изд-во А и Б, 1999; *Кудрова И.* Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой. СПб.; Вита Нова, 2002; *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Молодая гвардия, 2002. (ЖЗЛ).

То же относится и к событиям Второй мировой войны, которым, наряду с внутрисемейными и личными заботами, посвящено немало страниц в дневниках Г.Эфрона (для него война именно Вторая мировая, а не Великая Отечественная), и в этих записях – свидетельство острого интереса *современника* к борьбе политических сил эпохи, которое, возможно, послужит будущим историкам, а не наоборот.

Справка, с которой начинаются примечания к каждому дневнику, содержит архивный шифр и описание оригинала.

Персональных справок об исторических деятелях, классиках мировой литературы и искусства и общеизвестных лицах, сведения о которых легко можно найти в энциклопедиях и словарях, в примечаниях не дается, однако все они помещены в алфавитном именном указателе во 2 томе; то же относится и к лицам, о которых у нас нет никаких сведений, кроме их имен. Русская транскрипция иностранных имен и фамилий также дана в указателе.

Русские переводы заглавий произведений иноязычной литературы при их первом упоминании приводятся в примечаниях.

Традиционный реальный комментарий включает в себя только сведения, необходимые для понимания текста дневниковых записей. Ссылки на источник приводятся лишь в том случае, когда в примечании дается точная цитата из него; сведения общего характера ссылками не сопровождаются. ♪

В заключение считаем своим приятным долгом поблагодарить Д.В.Сеземана, А.Е.Сумеркина, З.Н.Атрохину, Э.С.Красовскую, М.Ю.Мелкову, Б.Я.Фрезинского, друзей и коллег за их помощь в работе над этой книгой. Особая наша признательность Е.И.Лубянской, щедро поделившейся с нами своими сведениями.

ДНЕВНИКИ. Том 1

ДНЕВНИК № 2

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 219. Л. 3–43.

Школьный дневник (разграфленная по неделям тетрадка для записи уроков и отметок), подписанный на обложке: «Дневник ученика 7 класса В Голицынской средней школы № 7 гор. Голицыно Георгия Эфрона», заполнен до конца, черные и зеленые чернила.

Следует отметить, что в это время в СССР был бумажный кризис и купить тетради было очень трудно, они продавались в школах по норме.

В подмосковном Голицыне Г.Эфрон с матерью жили с середины декабря 1939 г. до начала июня 1940 г. в снятой для них Домом творчества писателей комнате, а питались в Доме.

С. 13. «*Приехал в Союз...*» и т.д. — 18 июня 1939 г. Г.Эфрон вместе с матерью на пароходе «Мария Ульянова» прибыл из Гавра в Ленинград, на следующий день — в Москву и Болшево, где в поселке «Новый Быт», дача 4/33, постоянно жил (под фамилией Андреев) его отец, Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941), и наездами — сестра, Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975).

«*За это время арестовали всю семью Львовых, папу и Алю*». — А.С.Эфрон была арестована на большевской даче в ночь на 27 августа 1939 г.; С.Я.Эфрон — там же, 10 октября 1939 г. Семья Львовых — под этой фамилией в СССР жили Николай Андреевич Клепинин (1899–1941), его жена Нина (Антонина) Никола-

евна Клепинина (урожд. Насонова, 1894–1941) и их дочь Софья Николаевна Львова-Клепинина (1929–2000). Н.А.Клепинин был арестован на большевской даче в ночь на 7 ноября 1939 г.; в эту же ночь в Москве были арестованы Н.Н.Клепинина и ее старший сын от первого брака Алексей Васильевич Сеземан (1916–1989).

«Наверное, завтра придет Муля...» — Самуил Давыдович Гуревич (1904?–1952?), журналист, переводчик, друг А.С.Эфрон.

С. 14. «Ужэ есть один факт: сын Львовых, Алеша, выслан...» — А.В.Сеземан приехал из Парижа в Москву в 1936 г., в 1938 г. женился на Ирине Павловне Горошевской, в феврале 1939 г. у них родился сын Николай; был выслан в лагерь в Коми АССР; освобожден весной 1943 г.; жил в Москве, работал во французской редакции Всесоюзного радио.

С. 17. *Кот* — Константин Михайлович Эфрон (р. 1921), сын старшей сестры С.Я.Эфрона Веры Яковлевны Эфрон (1888–1945) и Михаила Соломоновича Фельдштейна (1884–1939).

С. 18. *Квитко Иетта Львовна* (1920–1991) — художница, дочь советского писателя Льва Моисеевича Квитко (1890–1952).

Шагинян Мирэль Яковлевна (р. 1918) — художница, дочь писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888–1982).

Гальперина Майя — возможно, речь идет о дочери Михаила Петровича Гальперина (1882–1944), поэта, переводчика, либреттиста.

Левидова Майя Михайловна (р. 1921) — художница, педагог, дочь Михаила Юльевича Левидова (1891–1942). Его основным произведением была книга «Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях» (1939).

С. 19. *Музей нового западного искусства* в Москве был основан на коллекции Сергея Ивановича Щукина (1854–1936), в которой было, в частности, 37 полотен Матисса, 51 — Пикассо, картины Ван Гога, Гогена, французских импрессионистов. Позже музей был упразднен, а коллекция перешла в собрания ГМИИ и Эрмитажа.

С. 23. *Стоянов Людмил* (наст. имя Георги Златаров, 1886–1973) — болгарский писатель и переводчик; его стихотворение «Гусларская» в 1940 г. перевела М.Цветаева.

С. 24. *Перцов Виктор Осипович* (1898–1980) — советский критик и литературовед.

Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) — советский критик и литературовед.

Серебрянский Марк Исаакович (1900–1941) — советский критик и литературовед.

Примечания

Финк Виктор Григорьевич (1888–1973) – советский писатель.
Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – поэт, литературовед.
Ариан – вероятно, имеется в виду Прасковья Наумовна Ариан (1865–1944), журналистка, составительница «Первого женского календаря»; но, возможно, это была Ариан-Горкина Ася (Хася) Абрамовна, переводчица.

С. 25. *Пяст* (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) – поэт, переводчик.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) – советский критик.

С. 27. «...она читала свои переводы Низами...» – М.С.Шагинян работала в то время над переводом поэмы азербайджанского поэта Низами (ок. 1141–ок. 1209) «Сокровищница тайн».

С. 29. «*Интернациональная литература*» – ежемесячный журнал, выходил в Москве в 1933–1943 гг.

С. 30. «*Мать поехала на передачу*». – Два раза в месяц, 10 и 27 числа, Цветаева ездила вносить денежные передачи мужу и дочери.

С. 31. *Серафима Ивановна Фонская* (урожд. Журавлева, 1897–1967) – директор голицынского Дома творчества писателей; оставила книжку воспоминаний «Дом в Голицыне» (М.: Советская Россия, 1967), в отношении Цветаевой полную неточностей.

ДНЕВНИК № 3

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 220. Л. 2–35.

Школьный дневник; заполнен до конца, зеленые чернила.

С. 32. «*Вчера была жена Москвина...*» – речь идет о Татьяне Николаевне Кваниной (1908–1997), преподавательнице русского языка и литературы, жене писателя Николая Яковлевича Москвина (наст. фам. Воробьев, 1900–1968), с которыми Цветаева познакомилась в январе 1940 г. в Голицыне и подружилась.

Любимова Валентина Александровна (1895–1968) – детская писательница, драматург.

С. 33. «*Первые люди на луне*» (1901) – роман Герберта Уэллса (1866–1946).

ПВХО – Противовоздушная химическая оборона; в предвоенные годы это были занятия, обязательные для гражданского населения.

С. 35. *Гольцев Виктор Викторович* (1901–1955) — критик, литературовед, составитель и редактор антологии грузинской поэзии.

«Сто мужчин и одна женщина» — «Сто мужчин и одна девушка» (1937), кинофильм американского режиссера Генри Костера.

Митька — Дмитрий Васильевич Сеземан (р. 1922), младший сын Н.Н.Клепининой от первого брака.

Лиля — Елизавета Яковлевна Эфрон (1885–1976), старшая сестра С.Я.Эфрона, театральная педагог, режиссер.

С. 37. *Крыжановский* — вероятно, имеется в виду писатель Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950).

Султаниазов — прав. Солтанниязов Берди (р. 1908) — туркменский советский писатель.

«Похищение луны» (1935–1936) — роман Константина Симоновича Гамсахурдия (1891–1975).

Динна Дёрбин — прав.: Дурбин Дина (наст. имя Эдна Мей, р. 1921), американская киноактриса.

С. 38. *«...где как будто есть какой-то его дядюшка»*. — Вероятно, речь идет о Дмитрие Николаевиче Насонове, брате Н.Н.Клепининой, цитологе, или о Всеволоде Николаевиче Насонове, инженер-строителе.

С. 39. *Вильмонт* — речь идет о Николае Николаевиче Вильям-Вильмонте (1901–1986), литературоведе, критике и переводчике, и его жене Наталии Ман (псевд., наст. имя Наталия Семеновна Вильям-Вильмонт, р. 1908), переводчице.

С. 42. *«Мама скулит о глупом переводе, который ей дали...»* — имеется в виду поэма «Этери» грузинского поэта Важа Пшавела (наст. имя Лука Разикашвили, 1861–1915).

С. 45. *Чхеидзе Наталия Николаевна* (р. 1900) — переводчица произведений грузинской литературы.

ДНЕВНИК № 4

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 221. Л. 2–35.

Школьный дневник; заполнен до конца, зеленые чернила.

С. 47. *Стальский Сулейман* (1869–1937) — лезгинский советский поэт-ашуг.

С. 51. *«...Пастернак, мама, я и его первая жена...»* — речь идет о Евгении Владимировне Пастернак (урожд. Лурье, 1898–1965), художнице.

С. 56. «...город Седан (знаменитый город)». — Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. около Седана французская армия была окружена германскими войсками и капитулировала во главе с императором Наполеоном III, что явилось причиной падения Второй империи.

ДНЕВНИК № 5

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 222. Л. 2–41.

Школьный дневник; заполнен до конца, зеленые чернила.

С. 58. «*Histoires à dormir debout*» — букв.: «Истории, от которых спишь наяву».

«*Adieu à l'innocence*» — «Прощай, невинность».

С. 59. «*Terre des Hommes*» — «Земля людей» (1939), роман Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944).

С. 63. «...поселиться на 3 месяца в Мосинституте...» и т.д. — Речь идет о комнате в «университетском» доме (ул. Герцена, 6), в которой М.Цветаева с сыном прожили лето 1940 г.

С. 65. «*Caractères et anecdotes*» — «Портреты и анекдоты», посмертно вышедшая под заглавием «*Pensées, maximes et anecdotes*» (Мысли, афоризмы и анекдоты) книга французского писателя Шамфора (наст. имя Sébastien Roch Nicolas, 1740–1794).

С. 66. «*Радецкий марш*» — прав.: «Марш Радецкого» (1932), роман австрийского писателя Йозефа Рота (1894–1939).

С. 68. *Marcel* — имеется в виду, вероятно, Марсель Роллэн, он же Дмитрий Смиренский, соратник С.Я.Эфрона по работе в парижском «Союзе возвращения на Родину».

Васенька — вероятно, Василий Яновский, постоянно живший в Бельгии соратник С.Я.Эфрона.

Рейс — см. примеч. к с. 333.

С. 69. *Литауэр* Эмилия Эммануиловна (1902–1941) — подруга Н.Н.Клепининой; с 1921 г. по 1935 г. жила за границей; по возвращении в СССР работала в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей); была арестована в один день с А.С.Эфрон — 27 августа 1939 г.

С. 70. «*50 лет в строю*» — речь идет о публичном докладе генерала графа Алексея Алексеевича Игнатьева (1877–1954), дипломата, автора одноименных воспоминаний.

ОТРЫВКИ К ДНЕВНИКУ

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 222. Л. 42–44.

Отдельные листы нотной бумаги; зеленые чернила.

ДНЕВНИК № 6

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 223. Л. 2–14.

Отдельные листы нотной бумаги; зеленые чернила.

ДНЕВНИК № 7

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 224. 1–55.

Отдельные листы нотной бумаги; зеленые чернила; постраничная нумерация красным карандашом римскими цифрами.

С. 80. *Песис Борис Аронович* (1901–1974) — критик и литературовед, специалист по французской литературе.

С. 83. «*Был сегодня у одной старушки, приятельницы матери...*» — речь идет о Вере Александровне Меркурьевой (1876–1943), поэтессе, переводчице.

С. 87. *Стасова Елена Дмитриевна* (1873–1966) — общественная и партийная деятельница.

С. 88. *Бать Лидия Григорьевна* (1900–1980) — литератор.

«*Штраусовский Вальс*» — речь идет о кинофильме французского режиссера Ж. Дювивье «Большой вальс», поставленном на американской студии «Метро-Голдвин-Майер». Эта романтизированная версия биографии Иоганна Штрауса (1825–1899) пользовалась огромной популярностью в СССР.

С. 89. «*...в котором 26 лет тому назад маршал Фош...*» и т.д. — 26 лет — здесь явная описка, ибо в 1914 г. Первая мировая война началась, а речь в записи идет о Версальском мирном договоре, подписанием которого 28 июня 1919 г. она завершилась. Договор был подписан державами-победительницами — Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др.,

с одной стороны и побежденной Германией — с другой. Маршал Франции Фердинанд Фош (1851–1929) с весны 1918 г. был верховным главнокомандующим союзными войсками.

С. 90. «*Les pirates de l'Or*» — «Пираты золота», роман французского писателя Луи Анри Буссенара (1847–1910).

«*Poésies complètes*» *Th. Gautier* — «Полное собрание стихотворений» Теофиля Готье (1811–1872).

«*Diable boiteux*» *Le Sage* — «Хромой бес» (1707), роман Алена Рене Лесажа (1668–1747).

С. 91. «*La mauvaise étoile*» — «Недобрая звезда», роман Жоржа Сименона (1903–1989).

С. 92. «*Mickey Mouse Weekly*» и «*Journal de Mickey*» — «Еженедельник Микки Мауса» (англ.) и «Газета Микки» (фр.), детские издания, посвященные мультфильмам.

«*Donald Duck*» — Утенок Дональд, так же, как мышонок Микки, персонаж мультфильмов Уолта Диснея (1901–1966).

С. 95. «*Les enfants terribles*» — «Ужасные дети» (1929), роман Жана Кокто (1889–1963).

«*Mercure de France*» — французский литературный журнал, основанный в 1890 г.

«*N.R.F.*» — «*La Nouvelle Revue Française*», французский литературный журнал, основанный в 1909 г.

С. 97. «*Martin Chuzzlewit*» — «Мартин Чезльвит» (1844), роман Чарльза Диккенса (1812–1870).

Бабушка Мити — Насонова Екатерина Александровна (урожд. Корнилова, 1870–1954).

С. 99. «...жена одного переводчика...» — имеется в виду Инна Григорьевна Прозрителева, жена Александра Сергеевича Кочеткова (1900–1953).

Кравченко Алексей Ильич (1889–1940) — советский график, иллюстратор произведений Пушкина, Гофмана и др.

С. 103. *Оболенская* Юлия Леонидовна (1889–1945) — художница, знакомая М.Цветаевой и С.Эфрона с коктейбельских времен.

Габричевская (урожд. Северцева) Наталия Алексеевна (1901–1970) — актриса, художница, дочь академика Алексея Николаевича Северцева (1866–1936), жена художника Ростислава Николаевича Барто (р. 1902).

С. 114. *Рябинина* Александра Петровна (1896?–1977) — заведующая редакцией литератур народов СССР Гослитиздата.

С. 116. *Григорьев* — возможно, речь идет об Александре Владимировиче Григорьеве (1891–1961).

С. 120. «За книгой стихов Ахматовой стояли в очереди...» — В 1940 г. вышел сборник стихотворений Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966) «Из шести книг».

Барский Семен Исаакович — адвокат, дядя Н.С.Ман.

Ася — Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993), младшая сестра М.Цветаевой, была выслана из Москвы в 1937 г.

С. 121. «...в Эрмитаже очень красиво...» — имеется в виду московский сад «Эрмитаж» в Каретном ряду, где летом устраивались концерты.

С. 125. «Скучно жить, мой друг Пеструха...» и т.д. — слова из песни героя советского кинофильма «Веселые ребята» (1934) Кости Потехина (в исполнении Л.Утесова).

С. 126. «У нее муж — выслан». — М.С.Фельдштейн был арестован 26 июля 1938 г. Подробнее о его судьбе см. вступ. статью и ком. Д.А.Беляева к подготовленной им публикации писем М.И.Цветаевой к М.С.Фельдштейну // De Visu. 1993. № 9.

С. 128. «*Le crime de Lord Arthur Savile*» — «Преступление лорда Артура Савиля» (1889), сборник рассказов Оскара Уайльда (1854–1900).

«*Le cercle de famille*» — «Семейный круг» (1932), роман Андре Моруа (1885–1967).

«*Мать переводит Бодлера*» — летом 1940 г. Цветаева переводила «*Le Voyage*» («Плаванье») из книги Шарля Бодлера (1821–1867) «Цветы Зла» (1857).

С. 129. «*Sainte Colline*» par G.Chevallier — «Святой холм» (1937), роман Габриеля Шевалье (1895–1969).

С. 131. *Нютя* — Анна Яковлевна Трупчинская (урожд. Эфрон, 1883–1971), старшая сестра С.Я.Эфрона, педагог.

С. 132. «*Ревю де Моску*» — «*Revue de Moscou*», журнал, в котором до своего ареста работала А.С.Эфрон; в № 10 за 1939 г. были напечатаны переводы М.Цветаевой на французский язык трех стихотворений Лермонтова («И скучно, и грустно...», «Смерть поэта», «Нет, я не Байрон...»).

С. 133. «*Канар Эншанэ*» — «*Le Canard enchaîné*» («Закованная утка»), парижская еженедельная сатирическая газета, основанная в 1916 г. и пользующаяся огромной популярностью до сих пор.

С. 136. «*La Pucelle d'Orléans*» — «Орлеанская девственница» (1735), поэма Вольтера (наст. имя Франсуа Мария Аруэ, 1694–1778).

С. 138. «*Рик э Рак*» — французский детский журнал.

С. 145. «*Rainer Maria Rilke: Briefe an einen jungen Dichter*» — «Райнер Мария Рильке. Письма молодому поэту». В 1929 г. Цветаева перевела на русский язык фрагменты четырех писем из этой книжки

и опубликовала их вместе со своей статьей «Несколько писем Райнер Мария Рильке» в № 2 пражского журнала «Воля России».

С. 148. *Тарасенковы* — имеются в виду Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1956), критик, знаток и собиратель русской поэзии, библиограф, и его жена Мария Иосифовна Белкина (р. 1916), писательница, автор книги «Скращение судеб» (3-е изд., 1999) о судьбе Цветаевой, ее дочери и ее сына.

С. 149. «*Базельские колокола*» (1934) — роман Луи Арагона (1897–1982).

«*При холодном свете*» — роман Пьера Мак-Орлана (наст. имя Pierre Dumarchey, 1882–1970).

С. 150. *Женя* — Евгений Борисович Пастернак (р. 1923).

С. 151. «*Sanctuaire*» — «Святилище» (1931), роман Уильяма Фолкнера (1897–1962).

С. 153. «*Cousin Pons*» — «Кузен Понс», роман Оноре де Бальзака (1799–1950).

С. 154. *Dubout* — Дюбу Альбер (1905–1976) — французский график, иллюстратор и карикатурист.

С. 159. *Эллис* Генри (Henry Havelock Ellis, 1859–1939) — английский писатель, автор монументального труда «*Studies in the Psychology of Sex*» (1897–1928), ставшего основой сексологии.

ДНЕВНИК № 8

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 225. Л. 1–38.

Тетрадь в клетку, в красном матерчатом переплете; заполнена до конца, синие и черные чернила. В эту тетрадь входят дневники № 8 и 9.

С. 166. «*Трэн де Ви*» — «Образ жизни» («*Train de vie*», 1936), роман Эжена Даби (Dabit, 1898–1936).

С. 178. «*Tout va très bien, madame la marquise*» — «Все хорошо, прекрасная маркиза», песня из одноименного французского кинофильма 1936 г., где ее исполнял известный джазовый музыкант Rey Ventura; в 1937 г. фильм был в советском прокате, слова песни перевел на русский язык А. Безыменский, и ее исполнял Л. Утесов со своим джазовым коллективом.

С. 183. *Прокофьева* (в замуж. Гордон) Нина Павловна (1908–1996) — литературный секретарь М.Е. Кольцова, затем К.М. Симонова, подруга А.С. Эфрон.

С. 185. *Ротницкий* Арий Давидович (1885–1982) – литературный деятель, работник Союза писателей и Литфонда.

С. 186. «*Материю прислал его отец из Латвии...*» – Василий Эмильевич Сеземан (1881?–1963) был профессором философии Литовского университета и жил со второй семьей в Вильнюсе.

С. 187. *Низан* (Nizan) Поль (1905–1940) – французский философ и писатель; коммунист с 1927 г.; в романе «Конспирация» (1938) описал революционные политические опыты молодых интеллектуалов; покинул ряды коммунистической партии Франции в 1939 г., после подписания германо-советского пакта о ненападении; был мобилизован и погиб в самом начале войны.

С. 188. *Алтаузен* Джек (Яков) Моисеевич (1906–1942) – советский поэт.

ДНЕВНИК № 9

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 225. Л. 38 об. – 300.

С. 199. *Хрустачев* Николай Иванович (1883–1962) – художник, знакомый сестер Цветаевых по Феодосии 1913–1914 гг.

С. 200. *Ида* – Ида Брониславовна Шукст (в замуж. Игнатова) – дочь хозяев квартиры.

«*Ubu-roi*» – «Король Убю» (1896), сатирический фарс для театра марионеток Альфреда Жарри (Jarry, 1873–1907).

С. 208. *Асмус* Валентин Фердинандович (1895–1975) – философ, историк философии, литературовед.

С. 215. *Звягинцева* Вера Клавдиевна (1899–1972) – поэтесса, переводчица; знакомая Цветаевой в 1920–1921 гг.; ее муж – Ерофеев Александр Сергеевич (1890?–1949), экономист.

«*Tom Jones*» – «История Тома Джонса, найдёныша» (1749), роман Генри Филдинга (1707–1754).

С. 219. *Тагеры* – имеются в виду Тагер Евгений Борисович (1906–1984) – литературовед, педагог; Цветаева познакомилась с ним зимой 1940 г. в Голицыне; и его жена Елена Ефимовна Тагер (урожд. Хургес, 1909–1981), искусствовед.

«...познакомились с Кирсановым и его женой...» – Речь идет о поэте Семене Исааковиче Кирсанове (1906–1972) и его жене Марии Христиановне Кирсановой.

«...поэму, посвященную смерти жены...» – первая жена С.И.Кирсанова, Клавдия Кирсанова, умерла в 1937 г.

С. 221. «Сегодня мать выпросила у Тагера учебник литературы...» — речь в записи идет об учебнике «Литература XX века» (1-е изд., 1934), написанном Е.Б.Тагером в соавторстве с Лидией Моисеевной Поляк (р. 1899).

С. 224. «Один из них — сын бывшей маминной соученицы по гимназии...» и т.д. — Речь идет о Софье Ивановне Липеровской (урожд. Юркевич, 1892–1973), педагоге, ее брате Петре Ивановиче Юркевиче (1889–1968), враче, и их сыновьях: Андрее Сергеевиче Липеровском (1916–1941), окончившем физико-математический факультет МГУ, и Александре Петровиче Юркевиче (р. 1917), впоследствии докторе технических наук.

С. 229. *Кюрфер Белль*, «Джен Айр». — Свой первый роман «Джен Эйр» (1847) Шарлотта Бронте (1816–1855) опубликовала под псевдонимом Currer Bell.

С. 230. *Бродская* (урожд. *Сегаль*) *Лидия Максимовна* (1892–1977) — переводчица, художница-дилетантка, подруга Н.Н.Клепининой.

«*Le petit mexicain*» — «Маленький мексиканец», роман Олдоса Хаксли (1894–1963).

«*Histoires de Brigands*» *par Louis Guilloux* — «Рассказы о разбойниках» Луи Гийю (1899–1980).

С. 235. «*Mes enfants et moi*» — «Мои дети и я» Джером Джерома Клапки (1859–1927).

«*L'immoraliste*» — «Имморалист» (1902), роман Андре Жида (1869–1951).

«*Trois hommes en Balade*» — «Трое на велосипеде» (1900) Джером Джерома.

«*La Rose de Java*» — «Роза Явы», роман Жозефа Кесселя (1898–1979).

С. 236. «*Un héros moderne*» *de L. Bromfield* — «Современный герой», роман Луиса Бромфильда (1896–1956).

С. 239. «*Trois hommes en Bareau*» — «Трое в лодке» (1889) Джером Джерома.

С. 244. «*Le Jordaän*» *par Israel Querido* — Речь идет о французском переводе романа голландского писателя Исраэля Керидо (1872–1932) «Иордания» (1932).

«*Le brave Soldat Chveïk*» *par Jaroslav Hašek* — «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923), роман Ярослава Гашека (1883–1923).

С. 247. «*Catriona*» — «Катриона» (1893), роман Роберта Луиса Стивенсона (1859–1894).

С. 254. *Савинков Лев Борисович* (1912–1987) — поэт, журналист, сын Б.В.Савинкова.

С. 256. «*Les Célibataires*», «*Jeunes filles*», «*Pitié pour les femmes*», «*Démon du bien*» — «Холостяки» (1934), «Девушки» (1936), «Пожалейте женщин» (1936), «Демон добра» (1937) — романы Анри де Монтерлана (1895–1972).

С. 259. «*Le Songe*» — «Сновидение» (1922), роман А. де Монтерлана.

С. 267. «...*(отремонтированной Зиной, домработницей Лили)*». — Речь идет о Зинаиде Митрофановне Ширкевич (1888–1977).

С. 268. «*Mme Bovary*» — «Мадам Бовари», спектакль Московского Камерного театра (1940) по роману Гюстава Флобера (1821–1880); главную роль исполняла Алиса Георгиевна Коонен (1889–1974), роль господина Омэ — Сергей Сергеевич Ценин (1884–1964).

«*(Morceaux Choisis, Th. Gauthier u Cent Poètes du XVIIe siècle)*» — «Избранные отрывки, Т.Готье и Сто поэтов 17го века».

С. 270. *Женя Сомов* — Сомов-Насимович Евгений Николаевич (1910–1942), знакомый Е.Я.Эфрон по прозвищу «Женя-шахматист».

С. 271. «*Traversée du miroir*» *Lewis Carroll'a*, «*Alice au pays des merveilles*» — «В Зазеркалье» (1872), «Алиса в стране чудес» (1856), книги Льюиса Кэрролла (1832–1898).

С. 272. *Агранович* — возможно, имеется в виду Евгений Данилович Агранович (р. 1919), впоследствии киносценарист.

С. 273. «*Le Golem*» *G.Meyrink'a* — «Голем» (1915), роман Густава Мейринка (1868–1932).

«*La Chatte*» — «Кошка» (1933), роман Колетт (наст имя Сидония Габриелла Колетт, 1873–1954).

С. 276. «*Cheri*» — «Шери» (1920), роман Колетт.

С. 291. *Хенкины* — речь идет о семье, состоящей из Виктора Яковлевича Хенкина (1882–1944), Елизаветы Алексеевны Хенкиной (урожд. Нелидовой, 1881–1963) и их сына Кирилла Викторовича Хенкина (р.1916). Е.А.Хенкина, актриса по профессии, вела драматический кружок в парижском «Союзе возвращения на Родину». К.В.Хенкин, тогда студент парижского университета, был завербован С.Я.Эфроном в советские спецслужбы, участвовал в гражданской войне в Испании, потом некоторое время жил в Америке. После возвращения в СССР служил в одном из управлений НКВД, участвовал в Великой Отечественной войне, затем работал на радио. Уехал из СССР в 1973 г., автор книги «Охотник вверх ногами» (Франкфурт-на-Майне, 1980).

Вова Бараш — вместе со своей сестрой Еленой входил в парижскую компанию А.С.Эфрон.

С. 300. *Крученых* Алексей Елисеевич (1886–1968) — поэт-футурист, деятель русского авангарда, коллекционер.

С. 304. «Литературный критик» — ежемесячный журнал, издававшийся в Москве в 1933–1940 гг. Речь в записи идет о статье литературоведа Владимира Романовича *Гриба* (1908–1940).

С. 305. *Нина Герасимовна* — Яковлева Н.Г. (1888–1967), переводчица.

С. 309. «*Charmes*» — «Очарования» (1922), книга Поля Валери (1871–1945).

Липскеров Константин Абрамович (1889–1954) — поэт, переводчик.

Бруни Лев Александрович (1894–1948) — художник.

«*Regards sur le monde actuel*» — «Взгляды на современный мир» (1931), книга П.Валери.

Дочь Н.Г.Яковлевой — Нина Познанская, физиолог.

С. 316. «...*Berchtesgaden*» — название городка в Баварских Альпах, в окрестностях которого, на вершине одной из гор, располагалась знаменитая резиденция Гитлера, его «орлиное гнездо», где он проводил политические и дипломатические совещания и встречи.

С. 319. *Толстой Павел Николаевич* (1909–1941) — племянник А.Н.Толстого; с 1917 г. по 1933 г. жил за границей; по возвращении в СССР работал в журнале «ВОКС»; был арестован 29 июля 1939 г.

С. 323. *Алеша Айснер* — Алексей Владимирович Эйснер (1905–1984), в эмиграции поэт и журналист; участник гражданской войны в Испании; по возвращении в СССР был арестован и сослан.

«*Луи Кордэ, alias Константин Радзевич*» — Константин Болеславович Родзевич (1895–1988), герой «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» М.Цветаевой, под именем Луи Корде участвовал в гражданской войне в Испании.

С. 333. *Вера Трэйль* — Вера Александровна Трэйл (урожд. Гучкова, в перв. браке Сувчинская, 1906–1987), соратница С.Я.Эфрона, впоследствии журналистка.

Кондратьев Вадим (1903?–1939) — журналист, член парижского «Союза возвращения на Родину»; бежал из Франции в связи с делом Рейсса; в СССР умер от туберкулеза.

Рейсс Игнатий — наст. имя Игнатий Станиславович Порецкий (1899–1937), псевд. Людвиг; с конца 1920^х гг. резидент советской разведки в Европе; после московских процессов 1936–1937 гг. публично порвал с властью в СССР; 4 сентября 1937 г. был убит в окрестностях Лозанны агентами НКВД.

С. 334. *Седов* Лев — сын Л.Д.Троцкого.

С. 340. «*Le bon plaisir*» d'Н. de Régnier — «Мое желание» (1902), роман Анри Франсуа Жозефа де Ренье (1864–1936).

С. 344. «Мать Веры Трэйл – сестра Рахманинова...» – Мать В.А.Трэйл, Мария Ильинична Гучкова (1871–1938), урожденная Зилоти, была двоюродной сестрой Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943); ее мать, Юлия Аркадьевна Зилоти (?–1925), урожденная Рахманинова, была родной сестрой его отца.

С. 347. «Читаю «Сын Америки»...» – роман Ричарда Райта (1908–1960), напечатанный в № 1–2 ж. «Интернациональная литература» за 1941 г.

С. 348. *Michel Strangué* – Михаил Михайлович Штранге (1907–1968), сын хозяев замка Шато д'Арсин в Савойе, где в начале 1930^х гг. отдыхали С.Я.Эфрон, К.Б.Родзевич, М.И.Цветаева с сыном; в 1947 г. вернулся в СССР, стал историком.

С. 350. «Вчера был некий Ярополк...» – Речь идет о поэте и критике Ярополке Александровиче Семенове (1906–1950).

С. 359. *Элисбар* – Ананиашвили Элисбар Георгиевич (1912–2000), переводчик.

С. 360. «Академик Насонов, муж Митиной бабушки...» – Николай Викторович Насонов (1855–1939), зоолог.

С. 361. «*La Rue*» de Carco – «Улица» (1930), роман Франсиса Карко (наст. имя François Carcorino-Tusoli, 1886–1958).

С. 371. Вольф Фридрих (1888–1953) – немецкий драматург, коммунист; после прихода к власти Гитлера эмигрировал в СССР, в 1945 г. вернулся на родину.

С. 388. «Ездили на дачу с Крученых, матерью и одной девушкой». – Имеется в виду Лидия Борисовна Либединская (урожд. Толстая, р. 1921), описавшая эту поездку в подмосковное тогда Кусково в своей книге воспоминаний «Зеленая лампа» (М.: Сов. писатель, 1966).

С. 400. «...за нами придет Ярополк, и поведет нас к своей сестре...» и т.д. – Речь идет о визите к Марии Александровне Вешневой.

С. 407. *Charles Trénet* – Шарль Трене (1913–2001), французский артист, исполнитель собственных песен.

С. 436. «...его дядя Арсений...» – Арсений Николаевич Насонов (1898–1965), историк.

С. 439. «*Mais c'est toujours ça, comme disait la célèbre seconde...*» и т.д. – Шутка автора о картине неизвестного художника Школы Фонтенбло XVI в. На ней изображена Габриель д'Эстре (Gabrielle d'Estrées, 1573–1599), возлюбленная короля Франции Генриха IV (Henri IV, 1553–1610), с сестрой. Обе женщины обнажены до талии, и одна касается соска второй двумя пальцами левой руки.

С. 452. «...гуманитарные воззрения семьи Лебедевых...» — Речь идет о парижских друзьях М.Цветаевой Владимире Ивановиче Лебедеве (1884–1956), журналисте, его жене Маргарите Николаевне Лебедевой (урожд. Спенглер, 1881?–1958), враче, и их дочери Ирине Владимировне Лебедевой (в замуж. Коль, р. 1916).

С. 464. *Скосырев* Петр Георгиевич (1900–1960) — советский писатель и переводчик, специалист по литературам народов Средней Азии.

ДНЕВНИК № 10

РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 226. Л. 2–82.

Тетрадь в картонном переплете, с коленкорovým корешком и уголками. Первые страницы тетради вырезаны. Заполнена до конца, синие и красные чернила.

С. 470. «Начинаю повторять вместе с Шекспиром...» и т.д. — Цитата из монолога Макбета после известия о смерти леди Макбет:

...Жизнь — это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.
(Пер. Ю.Корнеева).

С. 473. «*Variété II*», «*Variété III*» — «Вариации», книги-сборники П.Валери жанра «литературной смеси».

С. 475. *Галкин* — возможно, Самуил Залманович Галкин (1897–1960), еврейский советский поэт и драматург.

С. 479. «*Одно могу сказать, comme Ponce-Pilate: Je m'en lave les mains*». — Отдав Христа на распятие по требованию толпы, «Пилат... взял воды, и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Матфей, 27, 24).

«*Oeuvres choisies*» de Racine — «Избранные произведения» Жана Расина (1639–1699).

«*Emaux et camées*» de Th. Gautier — «Эмали и камеи» (1852), сборник лирических миниатюр Т.Готье.

«*Parallèlement*» et «*Poèmes Saturniens*» de P. Verlaine — «Параллельно» (1889) и «Сатурновские стихотворения» (1866), сборники стихов Поля Верлена (1844–1896).

«*Histoires et Nouvelles histoires extraordinaires*» d'E. Poe en deux volumes. — «Необыкновенные рассказы и Новые необыкновенные рассказы» Эдгара Аллана По (1809–1849) в двух томах.

С. 481. «...*писатель-паралитик Садовской с женой*». — Борис Александрович Садовской (1881–1952) и его жена Надежда Ивановна Садовская с начала 1930^х гг. жили в подвальной комнате на территории Новодевичьего монастыря.

С. 484. *Саконские* — Нина (Антонина) Павловна Саконская (1896–1951), писательница, зарабатывала на жизнь преподаванием музыки в школе; ее сын, Александр Александрович Соколовский (1925–1979), ставший впоследствии детским писателем.

С. 499. «...(*genre «sœur Anne»*)» — намек на эпизод из сказки Шарля Перро (1628–1703) «Синяя Борода».

С. 504. *Сикорские* — Татьяна Сергеевна Сикорская (1901–1984), поэтесса, переводчица; ее сын Вадим Витальевич Сикорский (р. 1922), впоследствии советский поэт.

С. 517. *Mme Leytès* — имеется в виду жена критика и литературоведа Александра Михайловича Лейтеса (1899–?) Флора Лейтес, работавшая в ту пору воспитательницей чистопольского детского интерната.

С. 530. *Le Boul'mich* — Бульмиш, принятое в Париже сокращение от Boulevard St. Michel, знаменитой парижской улицы, пересекающей Латинский квартал с севера на юг.

С. 537. «...знаменитую «букву V». ...«*V comme Valmy*», «*V comme Verdun*», «*V comme vengeance*». — С буквы «V» начинается французское слово «victoire» (победа), и в приведенных примерах запечатлена память о военной славе Франции. Битва при *Вальми* (1792), в которой французская армия одержала победу над прусскими войсками, была первой военной победой Французской Республики. Верденская операция Первой мировой войны (1916) знаменита длительными и ожесточенными боями у французского города *Верден*, в ходе которых германская армия безуспешно пыталась прорвать фронт французских войск, обе стороны понесли огромные потери.

Содержание

Елена Коркина, Вероника Лосская
Предисловие 5

Дневники

Дневник № 2

4 – 29 марта 1940 13

Дневник № 3

29 марта – 29 апреля 1940 32

Дневник № 4

2 – 18 мая 1940 46

Дневник № 5

20 мая – 8 июня 1940 58

Отрывки к дневнику

7 – 8 июня 1940 71

Дневник № 6

15 июня 1940 76

Дневник № 7

16 июня – 5 августа 1940 80

Дневник № 8

8 августа – 26 сентября 1940 160

Дневник № 9

29 сентября 1940 – 20 июля 1941 195

Дневник № 10

20 июля – 30 августа 1941 465

Примечания 541

Литературно-художественное издание

**ГЕОРГИЙ ЭФРОН
ДНЕВНИКИ**

В двух томах

Том 1

Редактор Е.В.Толкачева

Художественный редактор Т.Н.Костерина

Технический редактор С.С.Басипова

Оператор компьютерной верстки Л.Г.Иванова

Оператор компьютерной верстки переплета В.М.Драновский

Корректоры И.А.Кошеляева, Т.Г.Крastoшевская, Н.В.Семенова

Подписано в печать 15.08.2007.

Формат 60х90/16.

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 6026

ЗАО «Вагриус»

107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

Отдел реализации издательства:

(495)510-56-09, 510-56-10

Электронная почта:

vagrius@vagrius.com

Отпечатано в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

ГЕОРГИЙ ЭФРОН

ДНЕВНИКИ

Том 1

